КУРИНЦЫ

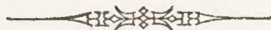
ВЪ ЧЕЧНѢ И ДАГЕСТАНѢ.

1834—1861 Г.

Очеркъ исторіи 79-го пѣхотнаго Куринскаго
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА
полка.

Составилъ бывшій командиръ полка полковникъ Казбекъ.

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

ТИФЛИСЪ. 1885.

Типографія А. А. Михельсона. Голов. пр., д. № 12.

Напечатано по распоряженію Его Сіятельства Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложенія.

Въ 1881-мъ году, бывшій командиръ Куринскаго полка, нынѣ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ М. И. Чертковъ, препроводилъ въ полкъ 4500 рублей и выразилъ желаніе, чтобы деньги эти были употреблены на пользу горячо любимаго имъ Куринскаго полка. Часть этой суммы была предназначена самимъ жертвователемъ на расходы по составленію исторіи полка, что и дало возможность собрать матеріалъ, по которому составлена книга, предлагаемая нынѣ на судъ читателей. Такимъ образомъ, инициатива настоящаго труда и большая часть матеріальнаго расхода по его исполненію принадлежатъ Михаилу Ивановичу Черткову.

Составитель предлагаемыхъ очерковъ воспользовался данными ему средствами и задался мыслью изложить исторію Куринскаго полка въ видѣ военныхъ бесѣдъ въ собраніи офицеровъ, съ цѣлью соединить изученіе исторіи кавказской войны и выработанныхъ при этомъ тактическихъ пріемовъ съ фактами изъ жизни славнаго полка. По мнѣнію автора, эта программа достигала въ одно время двухъ важныхъ цѣлей: она способствовала развитію необходимыхъ тактическихъ знаній между офицерами и сохраняла въ памяти ихъ подвиги старыхъ куринцевъ, создавшихъ громкую боевую репутацію роднаго полка.

Бесѣды были начаты въ зиму 1881-го года и доведены тогда же до тринадцатой главы предлагаемой книги. Остальныя главы написаны въ 1885-мъ году, при обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ тою, при которой начата работа въ 1881-мъ году; поэтому, и въ самомъ изложеніи первыхъ и послѣднихъ главъ есть разница, которую замѣтитъ самъ читатель. Первая половина книги печатается въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ она читалась въ собраніи офицеровъ Куринскаго полка въ зиму 1881—82 годовъ.

Причина, по которой разсказъ останавливается на 1861-мъ году, изложена ниже.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вниманію читателей предлагается рядъ бесѣдъ изъ исторіи Куринскаго полка. За работу авторъ взялся въ глубокомъ убѣжденіи, что этимъ самымъ исполняетъ и долгъ командира полка, обязаннаго заботиться о сохраненіи въ полку преданій о славномъ прошломъ, и куринца, съ гордостью изучающаго дѣла нашихъ старыхъ егерей; но, кромѣ этихъ, такъ сказать, формальныхъ побужденій, составителемъ руководила мысль отмѣтить положительныя и отрицательныя стороны важнѣйшихъ эпизодовъ изъ жизни полка, дабы, вопервыхъ, прослѣдить, какимъ терновымъ путемъ шла та гигантская работа, которая создала полку его незабвенное прошлое, прославившее имя куринцевъ на всю Россію и, наконецъ, чтобъ изъ исторіи полка вывести положительное заключеніе: въ чемъ мы должны подражать старымъ куринцамъ теперь и всегда, и что должно быть забыто и исправлено во имя требованій новой жизни. Иначе говоря, мы хотѣли бы, безъ громкихъ фразъ и лирическихъ возгласовъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья, сдѣлать исторію Куринскаго полка интереснымъ и поучительнымъ предметомъ нашего изученія, не скрывая и темныхъ сторонъ, изнанки полковой жизни.

Но откуда почерпнуть матеріалъ для всего этого? Военно-историческая литература бѣдна *), а цѣльной исторіи войны на Кавказѣ мы вовсе не имѣемъ. По этимъ общимъ для всѣхъ причинамъ, разработывать старую исторію кавказскихъ полковъ не удается и тѣмъ лицамъ, кои весь свой досугъ посвящаютъ розыску

*) Будущимъ историкамъ кавказскихъ полковъ богатымъ матеріаломъ будетъ служить издаваемый въ Тифлисѣ при окружномъ штабѣ „Кавказскій Сборникъ". До сихъ поръ издано, подъ редакціею генерала Чернявскаго, девять томовъ. Въ подходящихъ случаяхъ мы пользовались этимъ изданіемъ.

историческихъ матеріаловъ, даже въ такихъ центрахъ, каковы Петербургъ, Москва, Тифлисъ. Поэтому, въ предстоящихъ бесѣдахъ болѣе подробно будетъ говориться только о томъ періодѣ исторіи полка, который дѣлается намъ доступнымъ, т. е. съ 1834-го года.

Для нашей цѣли, пробѣлъ въ старой исторіи не имѣетъ важнаго значенія, потому что, хотя нашъ полкъ офиціально вступилъ въ 185-й годъ своей службы Россіи, но громкая слава его зародилась и выросла на Кавказѣ во время войны съ горцами, со времени послѣдняго капитальнаго переформированія кавказскаго корпуса, т. е. съ 1834-го года, и достигъ своего апогея въ знаменитый годъ окончанія войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Этотъ годъ рѣзко отдѣляетъ своеобразную и поучительную жизнь стараго Куринскаго полка, у котораго вседневный бытъ выражался въ бою и походахъ, а отдыхъ былъ только на привалахъ,—отъ новаго полка, который сталъ жить на квартирахъ мирно, обучался тому, что надо дѣлать на войнѣ. Къ тому же, періодъ войны на Кавказѣ отъ 1834-го до 1861-го года исчерпываетъ всю суть принятой нами задачи. Эти 25-ть лѣтъ обнимаютъ время, когда полкъ заслужилъ всѣ свои награды и всю свою славу; но и по отношенію этого періода самая суровая критика не должна забывать, что пособіемъ для составленія его исторіи служила наша крайне скудная полковая библіотека, растерянный и растрепанный полковой архивъ, да нѣкоторые матеріалы, добытые изъ тифлисскихъ архивовъ на средства, данныя для этой спеціальной цѣли бывшимъ командиромъ полка, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантомъ Михаиломъ Ивановичемъ Чертковымъ, которому полкъ не можетъ не выразить здѣсь свою признательность за его сердечную преданность интересамъ глубоко уважающаго его общества.

Затѣмъ, говоря о матеріалахъ, остается сожалѣть о недостаткѣ устныхъ разсказовъ и записокъ старыхъ куринцевъ, участниковъ славныхъ дѣлъ полка.

Однако, здѣсь необходимо упомянуть еще объ одной тетради, найденной въ полковой канцеляріи и озаглавленной „формуляромъ Куринскаго полка“. По указаніямъ старыхъ куринцевъ, мож-

но предполагать, что это трудъ бывшаго въ 1860-мъ году полковымъ адъютантомъ поручика Чернявскаго *), который, по порученію полковника Головачева, собиралъ матеріалъ для исторіи полка. Въ этой тетради сохранилось много цифръ и фактовъ, доказывающихъ, что г. Чернявскій потрудился немало. Тѣмъ не менѣе, всего этого было для насъ далеко недостаточно. Г. Чернявскій начинаетъ свой краткій разсказъ только съ 1834-го года и доводитъ его до 1845-го года.

Но Куринскій полкъ существовалъ и до 1834-го года; слѣдовательно, и предыдущій періодъ не можетъ быть обойденъ полнымъ молчаніемъ; мы посвящаемъ этому періоду нѣсколько словъ въ настоящемъ предисловіи.

Когда Императоръ Петръ порѣшилъ предпринять персидскій походъ, въ 1722-мъ году, онъ повелѣлъ отдѣлить роты изъ всѣхъ полковъ тогдашней арміи и сформировать изъ нихъ десять полковъ, образовавшихъ низовой корпусъ. Въ 1724-мъ году полки эти занимали все западное прибрежье Каспійскаго моря до устья Куры и городъ Рештъ, на южномъ берегу Каспія. Въ этомъ же году, по повелѣнію Императора, полки, до того времени называвшіеся именами своихъ полковниковъ, приказано назвать ,,по мѣстамъ, кои они занимали''; вслѣдствіе этого, полкъ, расположенный на берегахъ Куры, названъ Куринскимъ. 13-ть лѣтъ подъ рядъ куринцы стояли на берегахъ Каспія, борясь съ многочисленнымъ врагомъ, и главное—съ болѣзнями. Персіяне, кумыки, крымскіе татары и горные дагестанцы фигурируютъ въ числѣ противниковъ нашихъ; но русскіе справлялись съ тогдашними врагами. Гораздо труднѣе было

---

*) Чернявскій—кандидатъ правъ петербургскаго университета; поступилъ въ Куринскій полкъ юнкеромъ на 3-хъ-мѣсячныхъ правахъ 10-го ноября 1852-го года. Съ производствомъ въ офицеры, онъ былъ назначенъ въ 1858-мъ году, командиромъ полка флигель-адъютантомъ полковникомъ Чертковымъ, полковымъ адъютантомъ. Въ бытность Великихъ Князей Николая Николаевича Старшаго и Михаила Николаевича въ штабъ-квартирѣ Куринскаго полка, въ 1858-мъ году, Чернявскій, по волѣ Ихъ Высочествъ, былъ отправленъ курьеромъ въ Петербургъ, съ письмомъ къ Государю Императору, и удостоился чести лично представиться Его Величеству.

побѣдить природу: по словамъ Буткова *), потери двадцатитысячнаго низоваго корпуса, съ 1722-го по 1736-й годъ, слѣдуетъ считать отъ 120 до 200 тысячъ человѣкъ. Если вѣрить историкамъ, то каждый полкъ до 11-ти разъ обновилъ свой составъ и, послѣ тринадцати-лѣтняго пребыванія въ персидскихъ провинціяхъ, въ 1735-мъ году, низовой корпусъ распущенъ, и полки возвратились черезъ Астрахань въ Россію.

Другихъ подробностей о Куринскомъ полку низоваго корпуса мы не знаемъ. Намъ неизвѣстно даже имя командира его, и достовѣрно только, что полкъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ, считалъ въ своихъ рядахъ 1488 человѣкъ и стоилъ правительству 15000 руб. въ годъ.

О судьбѣ Куринскаго полка съ 1736-го по 1802-й годъ, при наличныхъ нашихъ матеріалахъ, мы не могли добыть никакихъ свѣдѣній, потому, между прочимъ, что послѣ персидской войны, въ царствованіе Императрицы Анны, и въ послѣдующее время, полки стали вновь называться именами своихъ полковниковъ и мѣняли свои названія съ перемѣной командира. Къ тому же, въ теченіе длиннаго періода происходили новыя формированія и переформированія и, въ непрерывномъ хаосѣ именъ и фамилій, совершенно прервалась генеалогическая нить нашего полка, такъ что, когда, въ 1801-мъ году, Императоръ Александръ I повелѣлъ полки называть старыми именами, то въ росписаніи русской арміи 1801-го года мы уже не находимъ имени Куринскаго полка; его какъ будто никогда не было.

Но новыя войны опять вызвали на страницы исторіи имя Куринскаго полка. Въ 1802-мъ году понадобилось сформированіе новыхъ полковъ, и указомъ 29-го декабря 1802-го года, повелѣно: *на мѣсто вышедшаго изъ московской инспекціи въ кавказскую— саратовскаго мушкетерскаго полка, сформировать во всемъ по утвержденному въ 30-й день апрѣля 1802-го года штату новый полкъ, которому именоваться Куринскимъ мушкетерскимъ.* Штабъ-квартирой полка былъ назначенъ гор. Рязань; шефомъ приказано

*) „Матеріалы для новой исторіи Кавказа“.

быть бывшему командиру литовскаго мушкетерскаго полка генералъ-маіору Ушакову.

Но Ушакову повелѣно было формировать въ Рязани одинъ баталіонъ полка, а остальные два баталіона были сформированы въ десантномъ корпусѣ, на островѣ Корфу. 3-й баталіонъ, сформированный въ Рязани, никогда не соединялся съ полкомъ; въ 1805-мъ году онъ былъ совершенно отчисленъ отъ него и поступилъ на формированіе одесскаго мушкетерскаго полка (впослѣдствіи 40-й егерскій) *), а къ двумъ баталіонамъ Куринскаго полка присоединенъ третій изъ ахтіарскаго гарнизоннаго полка, тоже бывшаго на островѣ Корфу.

Слѣдовательно, новый Куринскій полкъ сформированъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, на островѣ Корфу, въ 1802-мъ году.

Кадрами для формированія полка послужили, для первыхъ двухъ баталіоновъ: восемь ротъ астраханскаго гренадерскаго полка (бывшій въ 1700-мъ году Романа Брюса) и по три роты выборгскаго мушкетерскаго (бывшій въ 1700-мъ году Ивана Кулома) и ярославскаго мушкетерскаго (бывшій въ 1703-мъ году Губернаторовъ); а для третьяго баталіона, сформированнаго въ 1803-мъ году—ахтіарскій гарнизонный полкъ.

Съ этихъ поръ Куринскій полкъ уже не перестаетъ существовать. Но, какъ мы видимъ, полкъ, сформированный въ 1722-мъ году въ Персіи, не имѣетъ ничего общаго съ полкомъ, сформированнымъ на Корфу, и, строго говоря, исторію нашего полка слѣдовало бы начинать съ 1802-го года. Однако, въ силу существующаго порядка, старшинство полка считается со времени сформированія основныхъ частей его, и потому офиціально въ настоящее время (1885 г.) Куринскій полкъ вступилъ въ 185-й годъ своей исторіи, и на знаменахъ его означенъ 1700-й годъ.

На основаніи этой офиціальной генеалогіи, нашъ полкъ стоитъ наравнѣ съ весьма немногими полками русской арміи, непо-

*) Достойно вниманія, что 40-й егерскій полкъ вновь вошелъ въ составъ Куринскаго въ 1834-мъ году, когда и послужилъ основнымъ кадромъ новаго полка.

средственно образовавшимися изъ петровскихъ потѣшныхъ. Но гордость Куринскаго полка заключается не въ древности происхожденія; эту сомнительную добродѣтель мы оставимъ другимъ, а сами покопаемся въ событіяхъ жизни русской арміи и посмотримъ, не найдется ли что либо другое, чѣмъ бы можно было украсить исторію нашего полка.

Выше уже сказано, что до 1834-го года, исторія нашего полка не разработана, и предметомъ настоящихъ бесѣдъ избираемъ время съ 1834-го года; поэтому, мы здѣсь будемъ говорить о старомъ періодѣ лишь столько, сколько нужно для уясненія, какимъ образомъ Куринскій полкъ съ Іоническихъ острововъ попалъ въ кр. Грозную, куда, по волѣ начальства, была перенесена штабъ-квартира въ первый разъ въ 1834-мъ году, а потомъ второй разъ въ 1879-мъ году.

Великія событія конца XVIII вѣка вызвали активное участіе Россіи въ дѣлахъ Европы. Императоръ Павелъ является попеременно то противникомъ, то союзникомъ Франціи, Англіи и Турціи.

Въ 1799-мъ году русскіе находятся въ союзѣ съ Турціей противъ Наполеона I и принимаютъ участіе въ судьбѣ Іоническихъ острововъ, принадлежавшихъ въ то время союзницѣ Франціи— венеціанской республикѣ. Въ этомъ году русскіе двинули десантъ въ Неаполь, по пути заняли островъ Корфу, объявили его свободнымъ и образовали новую республику семи острововъ. Для охраненія созданнаго нами государства, потребовалась вооруженная сила, и потому, по волѣ Императора Павла I, сформированъ окупаціонный корпусъ. Въ составъ этого корпуса вошло 10,000 войскъ, въ числѣ коихъ были части, вошедшія въ составъ трехбаталіоннаго Куринскаго мушкетерскаго полка, сформированнаго, какъ мы уже знаемъ, въ концѣ 1802-го года.

До 1804-го года, окупаціонный корпусъ оставался въ оборонительномъ положеніи. Въ этомъ же году Наполеонъ объявилъ себя первымъ Императоромъ и широкими замыслами встревожилъ всю Европу. Императоръ Александръ примкнулъ къ противникамъ Франціи—къ Англіи и Австріи, которыя въ 1805-мъ году вступили въ борьбу съ Наполеономъ. Союзники рѣшили начать военныя

дѣйствія одновременно на Иннѣ, на Нѣмецкомъ морѣ и въ южной Италіи противъ Неаполя. Для этой послѣдней цѣли былъ предназначенъ корпусъ, бывшій на Іоническихъ островахъ, усиленный до 20,000 человѣкъ, и Куринскій полкъ, въ составѣ отряда генерала Ласси, былъ посаженъ на корабли и двинутъ къ берегамъ Италіи.

Исторія этой экспедиціи союзной англо-русской эскадры весьма коротка: высадка въ Неаполѣ произошла благополучно 6-го ноября 1805-го года, когда генералъ Сенъ-Сиръ, командовавшій французскимъ окупаціоннымъ отрядомъ въ Неаполѣ, уже былъ отозванъ въ сѣверную Италію. Однако, прибытіе союзниковъ вызвало такое броженіе среди населенія въ пользу французовъ, что можно было опасаться народнаго возстанія. По этой причинѣ, русскимъ пришлось хлопотать объ оборонѣ, и въ то время, какъ Ласси оставался въ бездѣйствіи, Наполеонъ I совершилъ свой знаменитый походъ изъ булонскаго лагеря въ Ульмъ, плѣнилъ Макка и разбилъ союзниковъ при Аустерлицѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что Австрія отстала отъ союза, и Наполеонъ получилъ возможность возвратить Сенъ-Сира въ неаполитанскія владѣнія. Положеніе Ласси сдѣлалось затруднительнымъ, и потому онъ, оставивъ Неаполь, возвратился въ концѣ декабря въ Корфу, не принеся никакой пользы общему дѣлу.

Съ января 1806-го года начальникомъ войскъ на Іоническихъ островахъ, вмѣсто Ласси, назначенъ вице-адмиралъ Сенявинъ. Подъ начальствомъ этого талантливаго адмирала, русскіе открыли военныя дѣйствія въ Далмаціи противъ французскаго корпуса Лористона. Вскорѣ Сенявинъ занялъ Катарро и поднялъ на ноги славянъ Черногоріи, Босніи и Герцеговины; Лористонъ заперся въ Рагузѣ. Казалось, все шло блистательно, но и здѣсь измѣна Австріи союзникамъ помѣшала дѣлу: австрійскій императоръ, заключивъ миръ съ Наполеономъ, приказалъ коменданту Тріеста задержать бывшія на рейдѣ русскія и англійскія суда. Сенявинъ поспѣшилъ на выручку своихъ и заставилъ коменданта Тріеста, генерала Цаха, освободить русскій флотъ. Тѣмъ временемъ, Лористонъ получилъ подкрѣпленіе, и успѣхи нашихъ войскъ въ Далмаціи были остановлены; Сенявинъ долженъ былъ отступать передъ пре-

восходными силами и, не смотря на поголовное возстаніе славянъ, освободить страну не могъ, и въ эту кампанію Наполеонъ оставался побѣдителемъ, а по тильзитскому миру Іоническіе острова остались за Франціей, и окупаціонный отрядъ возвратился въ Россію.

Этими немногими словами мы должны, къ сожалѣнію, ограничить разсказъ о времени пребыванія Куринскаго полка на Іоническихъ островахъ и въ Неаполѣ; имѣющіеся матеріалы не даютъ намъ возможности даже перечислить тѣ дѣла, въ которыхъ участвовалъ полкъ, не говоря уже о подробностяхъ жизни русскихъ полковъ въ республикѣ семи острововъ;—мало этого, мы не можемъ даже указать, какимъ путемъ возвратился Куринскій полкъ въ отечество, чтобы въ 1807-мъ году поступить въ составъ дунайской арміи генерала Михельсона.

Послѣ неудачъ 1805-го года, Императоръ Александръ I совершилъ цѣлый рядъ преобразованій: въ русской арміи уничтожены инспекціи—кавказская, сибирская и оренбургская, и взамѣнъ ихъ учреждены дивизіи, коихъ въ 1806-мъ году было 18 *); каждая дивизія состояла изъ 6-ти и 7-ми пѣхотныхъ, трехъ кавалерійскихъ и двухъ казачьихъ полковъ, съ 5-ю или 6-ю артилерійскими и одной піонерной ротами. Пѣхота раздѣлялась на бригады, по два полка въ каждой.

Вслѣдствіе этихъ преобразованій, Куринскій полкъ попалъ въ составъ 15-й дивизіи, расположенной въ южной Россіи. Съ 1807-го по 1811-й годъ полкъ участвовалъ въ турецкихъ войнахъ подъ начальствомъ Михельсона и Каменскаго. Въ отечественную войну, Куринскій полкъ былъ въ составѣ южной арміи Чичагова, совершилъ походъ въ западную Европу и, по возвращеніи въ отечество, до 1819-го года оставался въ разныхъ внутреннихъ губерніяхъ европейской Россіи, пока, волею Монарха, не былъ призванъ на Кавказъ, въ составъ грузинскаго корпуса генерала Ермолова. Это было возвращеніе Куринскаго полка на родину.

---

*) Вскорѣ сформированы 19-я и 20-я дивизіи на Кавказѣ; въ концѣ 1811-го года въ Россіи было 27-мь дивизій, а въ мартѣ 1812-го года—47.

Здѣсь небезъинтересно взглянуть, въ какомъ положеніи находились русскіе на Кавказѣ въ этотъ періодъ.

Въ 1817-мъ году представителемъ русской власти на Кавказѣ былъ генералъ-отъ-инфантеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, который носилъ титулъ командира отдѣльнаго грузинскаго корпуса и управляющаго въ Грузіи, астраханской и кавказской губерніяхъ.

Кавказской губерніей называлась нынѣшняя ставропольская, которая заканчивалась на югѣ кавказской линіей.

Эта линія состояла изъ ряда казачьихъ станицъ и поселеній и тянулась сначала по Тереку, отъ Каспійскаго моря до Екатеринограда, затѣмъ по Малкѣ, къ верховьямъ Кубани, и, наконецъ, по этой рѣкѣ до ея устья; за этой линіей до главнаго кавказскаго хребта не было русскихъ владѣній, кромѣ полосы военно-грузинской дороги, которая тянулась отъ Екатеринограда по берегу Терека до Владикавказа и далѣе. Пространство между кавказской линіей и главнымъ хребтомъ было населено частью мирными, но большею частью враждебными намъ племенами, которыя, за исключеніемъ осетинъ, ни въ какомъ случаѣ не были подвластны намъ. Берега Чернаго моря принадлежали Турціи, которая держала гарнизоны въ Анапѣ и Поти. Горцы, жители пространства за Терекомъ, не имѣли никакого политическаго устройства, кромѣ ханства Тарковскаго, признававшаго главенство и добросовѣстно преданнаго Россіи. Это ханство лежало у устья Сулака и примыкало съ юга къ сильному ханству аварскому, которое хотя признавало власть Россіи, но только номинально, такъ что мы часто не имѣли обезпеченнаго сообщенія съ Дербентомъ и Баку, занятыми русскими войсками. Въ Закавказьи мы владѣли полосой отъ Мингреліи и Гуріи до Баку и Дербента, но и здѣсь власть наша была прочна только въ Грузіи. На югѣ Закавказья лежали турецкія провинціи—ахалцыхская и эриванская, и свободныя ханства: шекинское, ширванское, кубинское, талышинское и карабахское.

Эти ханства хотя и считались подвластными Россіи, принимали къ себѣ русскія войска и даже платили дань, но, согласно особымъ договорамъ, имѣли своихъ наслѣдственныхъ повелителей и подчинялись русскимъ законамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Ермоловъ засталъ во всѣхъ частяхъ управленія страшную путаницу. Начиная съ кавказской линіи, онъ уже сталъ получать массу жалобъ на злоупотребленія и безпорядки. Вездѣ происходили разбои и грабежи. Въ распоряженіи корпуснаго командира были, въ составѣ грузинскаго корпуса: 2 гренадерскихъ, 1 карабинерный, 8-мь пѣхотныхъ, 4 егерскихъ, 3 гарнизонныхъ полка и 6 гарнизонныхъ баталіоновъ. Полки эти составляли одну резервную бригаду и двѣ пѣхотныя дивизіи (19-ю и 20-ю), кавалерія состояла изъ нижегородскаго драгунскаго и 15-ти донскихъ казачьихъ полковъ, а артилерія изъ 132 орудій (48 батарейныхъ, 60 легкихъ и 24 казачьихъ). По штатному составу, всего должно было быть 45 т. пѣхоты, 6926 кавалеристовъ (кромѣ линейныхъ казаковъ) и 132 орудія; вмѣсто этихъ цифръ, Ермоловъ засталъ некомплектъ въ 12 т. солдатъ, да имѣлъ повелѣніе отправить на родину донскіе полки. Ермоловъ нашелъ, что въ грузинскій корпусъ укомплектованіе посылается ,,недоброкачественное''. Обо всемъ этомъ было сдѣлано донесеніе.

,,*Сообразивъ внимательно*, отвѣчалъ Императоръ Ермолову *), *всѣ ваши донесенія и требованія, сообщаю по онымъ вамъ слѣдующую мою рѣшимость*:

,,*Перемѣнить составъ корпуса Я не имѣю возможности, ибо, прибавя къ оному необходимое число полковъ, разстрою Я устройство прочихъ армій, коихъ число и составъ опредѣлены по зрѣлымъ размышленіямъ. Но надѣюсь, однакоже, достигнуть до желаемой вами цѣли слѣдующимъ образомъ*:

,,*Я могу временно выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты, съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать единожды надежнымъ образомъ грузинскій корпусъ—чего присылкою рекрутъ никогда не достигалось бы, ибо отъ столь дальняго перехода и непривычки переносить трудности, потеря въ оныхъ была бы всякій разъ весьма чувствительна.*

,,*Укомплектованіе сіе Я нахожу нужнымъ произвести на слѣ-*

*) Въ деталяхъ, Ермоловъ предполагалъ назначить: для защиты Редутъ-Кале—3000 человѣкъ, Гумры—3000, Карабага—2400, Баку—1000, Дербента—1600, старой Шемахи—2000 и Гартискара—1000 человѣкъ.

дующемъ основаніи: число полковъ, составляющихъ грузинскій корпусъ, останется прежнее, т. е. 8-мь пѣхотныхъ, 4-ре егерскихъ, два гренадерскихъ и одинъ карабинерный—итого, 15-ть полковъ. Каждый изъ сихъ полковъ предписываю привести въ 3900 человѣкъ, разумѣя 300 унтеръ-офицеровъ и 3600 рядовыхъ; каждый же баталіонъ будетъ состоять изъ 100 унтеръ-офицеровъ и 1200 рядовыхъ.

,,Такимъ образомъ, корпусъ, вамъ ввѣренный, конечно, можетъ имѣть всегда подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50,000 человѣкъ.

,,Я предпочитаю сіе знатное число войскъ отправить въ вашъ корпусъ образованными полками, со всѣмъ нужнымъ числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, нежели составными временно командами, единственно для провода до новаго мѣста ихъ назначенія. Прибывшіе полки къ вамъ въ корпусъ принесутъ съ собою ружья новаго образца, чѣмъ исполнится равномѣрно желаніе ваше о перемѣнѣ старыхъ ружей, находящихся въ полкахъ въ Грузіи. На перевозку же оныхъ обыкновеннымъ образомъ потребовалось бы 115,000 рублей''.

На основаніи этого указа, были отправлены на Кавказъ шесть пѣхотныхъ полковъ, носившихъ кавказскія названія: тенгинскій, навагинскій, мингрельскій, апшеронскій, ширванскій и Куринскій и четыре егерскихъ полка—41-й, 42-й, 43-й и 44-й. Вмѣстѣ съ этимъ, было повелѣно: укомплектовать эти полки полками, бывшими на Кавказѣ съ русскими названіями (вологодскій, суздальскій, казанскій, бѣлевскій, троицкій и севастопольскій), эти послѣдніе возвратить въ Россію. Вновь укомплектованные полки должны были сформировать въ грузинскомъ корпусѣ двѣ дивизіи—19-ю и 20-ю, и въ ту изъ нихъ, которая назначалась въ Закавказье, зачисленъ Куринскій полкъ, укомплектованнымъ до штата изъ состава севастопольскаго пѣхотнаго полка. 20-я дивизія *) квартировала въ такъ называемыхъ мусульманскихъ провинціяхъ, коими въ то время управлялъ генералъ князь Мадатовъ.

Достойно вниманія, что по прибытіи второй разъ на Кавказъ,

*) 19-ю дивизію составили: тенгинскій, навагинскій, кабардинскій, мингрельскій, 41-й и 42-й егерскіе; 20-ю дивизію: ширванскій, апшеронскій, тифлисскій, Куринскій, 43-й и 44-й егерскіе.

Куринскій полкъ занялъ опять берега Каспія. Новые полки стали прибывать въ то время, когда генералъ Ермоловъ заложилъ крѣпости Грозную и Внезапную и собиралъ отрядъ для наказанія аварскаго хана и акушинцевъ. Въ ноябрѣ 1819-го года, въ отрядѣ Алексѣя Петровича, выступавшемъ изъ Внезапной, уже состояли два баталіона Куринскаго полка. Съ этихъ поръ, съ 1819-го до 1834-го года, Куринскій полкъ безвыходно остается на берегахъ Каспія, принимая дѣятельное участіе въ походахъ Ермолова и Мадатова на Акушу, Хозрекъ и Казикумухъ. Передъ персидской войной въ 1826-мъ году, 19-я дивизія переименована въ 21-ю, а 20-я—въ 22-ю. Наканунѣ войны, Куринскій полкъ былъ расположенъ такъ: одинъ баталіонъ въ крѣпости Бурной, 1-я рота въ Великентѣ, 6-я рота въ Дербентѣ и одна рота въ Кабирѣ (на Самурѣ). Волненія въ Дагестанѣ не позволили Ермолову ни на минуту оставить этотъ край безъ войска, и потому въ персидской и турецкой войнахъ полкъ участія не принималъ.

После турецкой войны, штабъ-квартира полка перенесена въ Шуру. Здѣсь мы должны признаться, что очень мало знакомы съ исторіей нашего полка съ 1819-го—1834-й годъ; но изъ этого немногаго можно вывести одно несомнѣнное заключеніе, что до 1830-го года Куринскій полкъ остается въ тѣни; событія 1830—34-го годовъ, особенно же борьба съ Кази-муллой, нѣсколько выдвинули его впередъ, но все-таки, при послѣднемъ переформированіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ 1834-мъ году, два баталіона стараго Куринскаго полка, поступившіе въ составъ новаго, принесли съ собою только одно имя, и то негромкое, не заслужившее вниманія современниковъ. Это былъ первый періодъ въ исторіи полка.

I.

Реформы въ русской арміи въ 1834-мъ году. Преобразованія въ отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ. Сформированіе Куринскаго егерскаго полка въ кр. Грозной. Полковники Шумскій и Пулло. Характеристика полка; расквартированіе и служба. Сунженская линія и отношенія полка къ мѣстному населенію.

Въ 1830-мъ году, знаменитый въ это время побѣдитель Турціи и Персіи командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса графъ Паскевичъ поставилъ наочередь вопросъ: какимъ образомъ умиротворить весь Кавказъ? Этотъ вопросъ до сихъ поръ занималъ немногихъ и въ разработкѣ его правительство не принимало участія. Но когда за дѣло взялся такой сильный человѣкъ, какимъ былъ въ то время графъ Паскевичъ, всѣ заговорили о немъ. Явились новые проэкты и вытащили изъ архивовъ старые. Одни придерживались гуманныхъ идей Императора Александра I, другіе—суровыхъ мѣръ Ермолова. Какъ мы увидимъ ниже, въ Петербургѣ была учреждена особая коммисія для разработки вопроса; но вопросъ о покореніи Кавказа надолго продолжалъ оставаться вопросомъ; результатомъ же разговоровъ было новое коренное преобразованіе русской арміи и значительное усиленіе грузинскаго корпуса, который названъ отдѣльнымъ кавказскимъ. Сущность реформъ заключалась въ учрежденіи линейныхъ баталіоновъ и въ переформированіи трехъ-баталіонныхъ полковъ въ четырехъ и въ пяти-баталіонные. Дивизіи составлены изъ двухъ бригадъ—пѣхотной и егерской, а каждая бригада—изъ двухъ полковъ.

Вслѣдствіе этихъ реформъ, объявленныхъ въ Высочайшемъ указѣ 30-го марта 1834-го года, образованъ новый пяти-баталіонный *Куринскій егерскій полкъ*.

Ядромъ формированія новаго Куринскаго полка послужили два баталіона 40-го егерскаго полка съ его штабомъ, запасами и вооруженіемъ. Къ этимъ баталіонамъ были присоединены: одинъ баталіонъ 43-го егерскаго полка и 1-й и 2-й баталіоны бывшаго куринскаго пѣхотнаго полка *), который передалъ новому полку лишь свое названіе. Всѣ баталіоны прибыли къ 40-му егерскому полку безъ снаряженія и вооруженія, только въ личномъ составѣ. Такимъ образомъ сформированъ Куринскій егерскій полкъ, поступившій съ этихъ поръ въ составъ переформированнаго отдѣльнаго кавказскаго корпуса, во 2-ю (егерскую) бригаду 20-й пѣхотной дивизіи.

Почти весь 1834-й годъ прошелъ въ передвиженіяхъ, и, когда въ зимѣ 1834-го года реформа окончилась, полкъ расположился на своихъ временныхъ квартирахъ, именно:

Штабъ полка остался въ штабъ-квартирѣ 40-го егерскаго полка ст. Щедринской и потомъ уже переведенъ въ кр. Грозную **). *Роты 1-го баталіона* (бывшій 1-й баталіонъ куринскаго полка), подъ командой капитана Козловскаго: 1-я карабинерная, 1-я егерская, 2-я егерская и 3-я егерская—въ ст. Червленной. *Роты 2-го баталіона* (бывшій 2-й баталіонъ куринскаго полка), подъ командой маіора Циклаурова: 2-я карабинерная и 4-я егерская въ Грозной, 5-я егерская въ укр. Ташъ-Кичу, 6-я егерская въ укр. Кази-Юртъ. *Роты 3-го баталіона* (бывшій 1-й баталіонъ 40-го егерскаго полка), подъ командой маіора Берзуля: 3-я карабинерная—ст. Ново-Гладковская, 7-я егерская—ст. Шелковая, 8-я и 9-я егерскія—ст. Щедринская. *Роты 4-го баталіона* (бывшій 2-й баталіонъ 40-го егерскаго полка), подъ командой маіора Яковенко: 4-я карабинерная, 10-я, 11-я и 12-я егерскія—кр. Георгіевская. *Роты 5-го (резервнаго) баталіона*

---

*) Штабъ стараго куринскаго полка, съ его командиромъ полковникомъ Клюки-фонъ-Клугенау и съ 3-мъ баталіономъ, со всѣмъ имуществомъ, оружіемъ и штабъ-квартирой (Темиръ-Ханъ-Шура), поступилъ на сформированіе апшеронскаго пѣхотнаго полка.

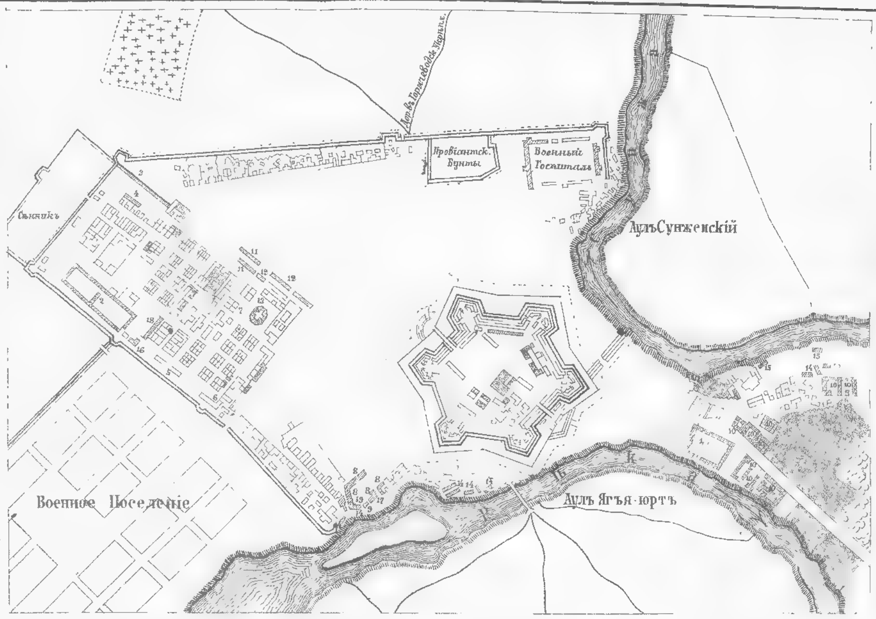
**) Начальникъ 20-й дивизіи—генералъ-лейтенантъ Малиновскій (Ставрополь). Командиръ 2-й бригады—генералъ-маіоръ Горихвостовъ (Моздокъ). Командиръ полка—командиръ 40-го егерскаго полка полковникъ Шумскій (Грозный).

КРѢПОСТЬ ГРОЗНАЯ, ШТАБЪ КВАРТИРА КУРИНСКАГО ПОЛКА 1834-1846 Г.

Изъясненіе.

Строенія изъ сырцоваго кирпича
Турлучныя
1. Полковой дворъ
2. Полковыя конюшни
3. Казарма учебной команды
4. Кухня
5. Казарма 5й караб. и 15й егерс. ротъ
6. Музыкантская
7. Школа кантонистовъ
8. Полковыя мастерскія
9. Полковая баня
10. Ротные дворы
11. Полковой цейхгаузъ
12. Ротные цейхгаузы
13. Полковая церковь (деревянная)
15. Ротныя пекарни (землянки)
16. Казарма фурштатская
17. ——— Мастеровыхъ
18. ——— Инвалидной роты
19. Сараи

Назначены къ сломкѣ
1. Ротные цейхгаузы

УКР. ВОЗДВИЖЕНСКОЕ
съ 1846–1859 г.

200 160 120 80 40 0 200 саж.

Изъясненіе.

1. Церковь съ оградою
2. Школа для кантонистовъ и для Музыкантской команды
3. Полковыя мастерскія
4. Полковой и Баталіон. цейхгаузы
5. Полковой дворъ для обоза
6. Для фурштатской команды и Полковыхъ лошадей
7. Для обоза 3хъ баталіоновъ
8. Слободки для женатыхъ
9. Казарма для казачей Артилеріи
10. Казар. для Князь Воронц. полка
11. Мѣсто для склада сѣна
12. Для казачьяго полка
13. Полковой лазаретъ

Кург
Мѣсто бывш. аула Чахкери
Аулъ Тембулатъ-юртъ
Мѣсто для поселенія Чеченцевъ
Укр. Воздвиженское
Тетъ де понъ
Вырубленный лѣсъ
Непріятельская батарея
Непріятельскія батареи
Мѣсто бывш. аула Чахкери
Р. Аргунъ
Непріятельская батарея

д
в
б
к
л
п
]
1.
к
д

п
1

1

]

диръ полка—командиръ 40-го егерскаго полка полковникъ Шумскій (Грозная).

(бывшій 2-й баталіонъ 43-го егерскаго полка), подъ командой маіора Куликова: 5-я карабинерная и 13-я егерская—въ Грозной, 14-я егерская—Амиръ-Аджи-Юртѣ и 15-я егерская—ст. Горячеводской.

Изъ приложенныхъ въ концѣ книги штатовъ видно, что въ полку считалось штабъ-офицеровъ 10, оберъ-офицеровъ 81 и нижнихъ чиновъ до 6,000. Полкъ состоялъ изъ 5-ти карабинерныхъ, 15-ти егерскихъ, одной нестроевой и одной инвалидной ротъ, и формировался главнымъ образомъ изъ рекрутъ среднихъ губерній. Къ этому вполнѣ здоровому элементу надо прибавить массу ссыльныхъ изъ Польши, которые съ 1831 г. наводнили кавказскіе полки, особенно тѣ, кои были расположены на сѣверномъ Кавказѣ.

Кавказскій полкъ тридцатыхъ годовъ былъ не только сильной боевой, но самостоятельной административной единицей, имѣвшей въ себѣ все необходимое для службы, жизни и хозяйства. Каждая рота представляла изъ себя маленькую, но развитую единицу въ 300 человѣкъ, съ самостоятельнымъ хозяйствомъ, располагавшимъ иногда четырмя запряженными тройками лошадей, съ 4-мя парами быковъ, съ 25-тью портными и сапожниками; необходимость этой организаціи вытекала изъ образа жизни того времени. Рота, запертая въ какомъ нибудь укрѣпленіи, отданная на собственное попеченіе, безъ рынковъ, мастеровъ и торговцевъ, сама должна была хлопотать о своемъ благополучіи. Казна отпускала только сырой матеріалъ для пищи и одежды, да деньги, на которыя ничего нельзя было купить. Въ этой обстановкѣ, командиръ роты являлся прежде всего администраторомъ и интендантомъ своей роты, а солдаты—членами артели, обреченной на борьбу съ нуждою, природою и окружающими людьми. О непомѣрно большомъ хозяйствѣ въ ротахъ было, конечно, извѣстно и высшимъ властямъ; Ермоловъ особенно поощрялъ благоустроенное ротное хозяйство. Недостатокъ мѣстной торговли и отдаленіе отъ большихъ центровъ, безъ дорогъ, заставляло роты держать свою порціонную скотину, а старые кавказскіе полки имѣли даже и стада овецъ для собиранія овчинъ на полушубки. Въ 1817-мъ году Ермоловъ распредѣлилъ доставшіеся ему въ добычу 7 т. головъ овецъ между ротами закавказскихъ полковъ, причемъ дано было указаніе, какъ размножать эти стада и какъ употреблять

ихъ въ пищу. Русскіе полки не имѣли представленія о такомъ сложномъ артельномъ хозяйствѣ.

На бывшее артельное хозяйство на Кавказѣ обратилъ впервые особое вниманіе инспектировавшій по Высочайшему повелѣнію полки 20-й дивизіи флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ, по указанію котораго сдѣлано распоряженіе по дивизіи (отъ 29-го декабря 1839-го года) и строжайше приказано ротамъ не держать болѣе 8-ми лошадей и 2-хъ паръ быковъ. Эта мѣра считалась настолько стѣснительною, что противъ нея протестовали, и говорили, что съ этими ограниченными средствами ротамъ нѣтъ возможности поддерживать свое хозяйство.

Въ силу всѣхъ этихъ условій, штабъ-квартиры сдѣлались военными поселеніями; въ каждой ротѣ были женатые солдаты, образовавшіе при штабахъ форштаты, съ довольно обширнымъ хозяйствомъ. Въ приказахъ по полку есть указанія, изъ которыхъ видно, что само начальство поощряло нижнихъ чиновъ, желавшихъ жениться и остаться навсегда въ поселкахъ, образовавшихся при укрѣпленіяхъ; оно отводило женатымъ солдатамъ мѣста, помогало обстраиваться и постоянно приглашало записаться въ казачье сословіе и поселиться навсегда на Кавказѣ. Это было начало военной колонизаціи, которая была въ то время усвоена не какъ начало цивилизующее, а какъ мѣра экономическая. Въ описываемый періодъ Куринскій полкъ образовалъ слободки въ Грозной, Горячеводскѣ, Амиръ-Аджи-Юртѣ и Умаханъ-Юртѣ; Куринскій же полкъ съ 1834-го года началъ давать ежегодно контингентъ женатыхъ солдатъ для усиленія старыхъ и образованія новыхъ казачьихъ станицъ по Сунжѣ и Тереку. Впослѣдствіи полку принадлежало образованіе поселеній въ Заканъ-Юртѣ и при укрѣпленіяхъ Воздвиженскомъ и Веденѣ.

Такая жизнь заставляла солдатъ быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ казаками и сосѣдними мирными аулами; куринцы часто куначились съ ними, а иногда даже роднились. Это сближеніе, конечно, вліяло и на характеръ куринца и вотъ, уже съ 1834-го года, когда Чечня сдѣлалась ареной жизни полка, начинаетъ формироваться та своеобразная фигура куринца, которая вполнѣ обрисо-

валась уже въ пятидесятыхъ годахъ. Но эта фигура явилась не съ разу: она росла постепенно.

Куринецъ 1834-го года совсѣмъ не похожъ на куринца 40-хъ годовъ, равно какъ и самъ чеченецъ тридцатыхъ годовъ совсѣмъ не тотъ, какимъ мы увидимъ его впослѣдствіи. Куринецъ тридцатыхъ годовъ въ Чечнѣ представляется въ видѣ новичка-переселенца, заброшеннаго въ невѣдомую страну, гдѣ и люди и природа рѣзко отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ привыкъ онъ съ дѣтства. Кругомъ непроходимый густой лѣсъ; вмѣсто широкихъ русскихъ дорогъ— все тотъ же лѣсъ, съ едва проходимыми тропинками, и вмѣсто флегматическаго русскаго мужичка, какая-то юркая фигура чеченца; а тамъ, вдали, какъ будто надъ головой, висятъ черныя и бѣлыя великаны-горы, въ которыхъ живутъ какіе-то особые люди. Съ ними сражаешься и не видишь ихъ; а если увидишь, то не поймаешь... Надо было къ этой обстановкѣ привыкнуть; надо было съ нею сжиться; нужно было собственными глазами посмотрѣть загадочный міръ; собственными ногами измѣрить подъемы и спуски горъ и близко подойти къ непонятной фигурѣ чеченца того времени, чтобы побѣдить его и сдѣлаться господиномъ его земли. Много крови и труда стоилъ этотъ путь опыта, прежде чѣмъ вялый и робкій куринецъ 1834-го года доросъ до гигантской фигуры куринца пятидесятыхъ годовъ... А офицеры? они мало чѣмъ отличались отъ солдатъ. Кавказъ того времени не былъ еще въ модѣ у русской интелигенціи; еще не было даже поэтическихъ описаній Марлинскаго и Лермонтова, не говоря уже о научныхъ знаніяхъ края. Мода на Кавказъ создалась только впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался болѣе доступнымъ, а главное, когда война приняла наступательный характеръ. До того времени никому не было охоты добровольно обречь себя на долголѣтнее служеніе въ крѣпостцахъ и станицахъ, безъ общества, безъ дѣла и безъ удобствъ.

По этимъ причинамъ, общество офицеровъ начала тридцатыхъ годовъ составлялось, за очень малымъ исключеніемъ, изъ недоучившихся недорослей, изъ которыхъ вырабатывались хорошіе служаки, но далѣе этого трудно было идти. Штабъ-квартирная жизнь давала много опыта, но ничего для ума и развитія; тогда не было би-

бліотекъ и офицерскихъ собраній, о которыхъ такъ заботится нынѣшняя администрація. Эта обособленность общества и недостатокъ духовной пищи, а также постоянный наплывъ въ полки отдѣльнаго кавказскаго корпуса изъ внутреннихъ губерній порочныхъ офицеровъ, легко находившихъ себѣ мѣсто вслѣдствіе большой убыли въ рядахъ кавказскихъ полковъ, дали развитіе многимъ порокамъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто остается за пьянствомъ.

Въ приказахъ по полку за 1834—39-й годы довольно часто встрѣчаются указанія на эти пороки, общіе во всѣхъ полкахъ тридцатыхъ годовъ, особенно же на сѣверномъ Кавказѣ. Заботы объ искорененіи зла видны въ приказахъ Ермолова, который даже объявилъ (въ 1821-мъ году), что „отнынѣ впредь гг. офицеры не увидятъ таковыхъ, за поведеніе которыхъ должны бы были стыдиться“... но приказъ остался на бумагѣ. О неудовлетворительномъ составѣ офицеровъ заявлялъ также и Головинъ.

Но не будемъ строги къ старымъ кавказцамъ. Жизнь беретъ свое и всегда соотвѣтствуетъ внѣшнимъ условіямъ; дайте пищу нравственную и умственную и тогда требуйте соотвѣтствующаго развитія. Наконецъ, было бы несправедливо измѣрять нравственныя и общественныя стороны извѣстнаго прошлаго времени съ точки зрѣнія настоящаго; многое изъ того, что тогда оправдывалось самою жизнью, нынѣ, съ точки зрѣнія нашего вѣка, клеймится позоромъ. Это законъ развитія, законъ прогресса.

Недостатокъ общества и духовной жизни лишалъ офицеровъ возможности сберечь себя и отъ другихъ пороковъ. Полное отсутствіе женщинъ рождало сношеніе съ семействами казаковъ и нижнихъ чиновъ. Отъ этого вытекалъ особенный характеръ дисциплины; обстановка уравнивала старшихъ съ младшими; явилась своеобразная дисциплина, которая признавала только авторитетъ того, кто былъ впереди въ бою. Бой былъ и альфой и омегой службы. По поведенію въ бою составлялись репутаціи и пріобрѣтались авторитеты въ обществѣ и награды по службѣ. Однимъ словомъ, идеалъ хорошаго офицера 30-хъ годовъ рѣзко отличается отъ идеала нашего времени. Женатые офицеры селились съ нижними чинами въ форштатахъ штабъ-квартиръ, строили здѣсь дома

и здѣсь же навсегда оставляли свое потомство, какъ приростъ къ казачьему населенію и контингентъ для будущаго корпуса офицеровъ. Таковъ былъ характеръ всѣхъ полковъ сѣвернаго Кавказа безъ исключенія,—значитъ и Куринскаго въ частности. Отдавая должное старому обществу офицеровъ, мы должны оговориться: мы нарисовали картину не того періода, когда имя Куринскаго полка гремѣло на Кавказѣ, а времени предшествовавшаго этому періоду. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ большую разницу уже въ сороковыхъ годахъ.

Служба нижнихъ чиновъ была 25-ти лѣтняя; солдатъ поступалъ въ полкъ иногда 25-ти и 30-ти лѣтъ отъ роду и уходилъ изъ него 50-ти и даже 60-ти-лѣтнимъ старикомъ. Прослужа десять лѣтъ въ полку онъ еще считался мальчишкой и называлъ своего сѣдаго собрата дядькой. Изъ этого уже будетъ понятно, что поступая въ полкъ, солдатъ на всю жизнь оставался куринцемъ, кабардинцемъ, навагинцемъ и проч. Къ концу службы онъ конечно забывалъ все, что осталось на родинѣ. Его семьей, родиной, отечествомъ дѣлался полкъ и онъ охотно оставался поселенцемъ при штабъ-квартирѣ, продолжая жить радостями и печалями полка.

Поэтому мы смѣло можемъ сказать, что все русское населеніе Чечни (кромѣ переселенцевъ) есть потомство Куринскаго полка.

Для оцѣнки нравственнаго состоянія нижнихъ чиновъ полка въ тридцатыхъ годахъ, не безъинтересны слѣдующія данныя, взятыя изъ приказа по Куринскому полку, 1839-го года № 65:

Въ полку состояло къ 1-му января 1839-го г. нижнихъ чиновъ: 1) отданныхъ въ солдаты за проступки—55-ть, 2) за распространеніе ереси—5-ть, 3) разжалованныхъ офицеровъ и чиновниковъ—15-ть, 4) состоящихъ подъ судомъ: за 1-й побѣгъ—136-ть, за 2-й—38-мь, за 3-й—14-ть, за 4-й—два, 5) подвергавшихся по суду штрафу за разные проступки—48-мь, 6) государственныхъ преступниковъ (Костевецкій и Лихаревъ)—два и 7) за вспомоществованіе пріѣзжему изъ Франціи для бунта Шиманскому—одинъ (Михаилъ Будиркевичъ),—всего 309-ть человѣкъ, или 5% всего состава полка.

Кромѣ этого, въ серединѣ тридцатыхъ годовъ въ полку состоя-

ло сосланныхъ за мятежи въ Польшѣ и солдатъ бывшей польской арміи болѣе 200-тъ.

Преобладающими пороками нижнихъ чиновъ были пьянство и побѣги. Замѣчательно, что внимательно разсмотрѣвъ приказы по полку отъ 1834—1844 г. мы не встрѣчали ни одного крупнаго случая нарушенія дисциплины со стороны нижнихъ чиновъ. Это отрадное явленіе, слава Богу, всегда жило въ Куринскомъ полку, несмотря на то, что въ описываемую эпоху, да и впослѣдствіи, въ кавказскіе полки поступалъ наибольшій процентъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ. Эти поддонки русскихъ полковъ большею частью поступали въ видѣ укомплектованій, часто прибывавшихъ изъ внутреннихъ губерній. На это обстоятельство обратилъ особое вниманіе генералъ Ермоловъ и довелъ о томъ до свѣдѣнія Императора; воля Его Величества была объявлена въ приказѣ по корпусу 6-го апрѣля 1817-го года, въ которомъ Ермоловъ говоритъ: „отнынѣ въ рядахъ храбрыхъ солдатъ грузинскаго корпуса не станутъ недостойные раздѣлять съ ними труды ихъ и славу“. Но воля Монарха осталась неисполненною. Реформа 1834-го года, учреждая въ полкахъ инвалидныя и нестроевыя роты, дала задатокъ для сильнаго развитія штабъ-квартиръ, какъ военныхъ поселеній. Мы уже говорили выше, что вскорѣ возникли обширныя поселенія, сдѣлавшіеся центрами всего того, что принесли въ край русскіе. Вмѣстѣ съ этимъ, штабъ-квартиры сдѣлались и опорными пунктами для военныхъ дѣйствій,—ихъ базисами, изъ которыхъ войска выходили въ походъ и вновь возвращались къ нимъ, исполнивъ предложенную имъ задачу. Въ 30-хъ годахъ эти задачи были необширны: онѣ обыкновенно исполнялись лѣтомъ и осенью, а на зиму части полка собирались „къ себѣ домой“ и жили здѣсь тою незатѣйливою жизнью, которую мы охарактеризовали выше. Но кромѣ всего сказаннаго, учрежденіе штабъ-квартиръ имѣло еще ту особенность, что, привязывая полки къ извѣстному раіону, сообщало имъ типичный характеръ, отличавшій одинъ полкъ отъ другаго; это зависѣло отъ характера окружающей мѣстности и разнообразнаго характера туземнаго населенія окрестностей. Отъ этого, коренные кавказскіе полки носили каждый свой типичный обликъ. Общее развитіе военнаго дѣла

и окончаніе кавказской войны изгладили особенности полковъ, но исторія ихъ должна сохранить, а старые кавказцы всегда и съ любовью вспоминаютъ эти особенныя черты.

Вооруженіе солдата 1834-го года состояло изъ семилинейнаго гладкоствольнаго ружья, со штыкомъ и кремневымъ замкомъ, и тесака черезъ плечо; офицерамъ же были присвоены только полусабли. Форма одежды кавказскаго корпуса сначала ничѣмъ не отличалась отъ общей формы въ Россіи; она состояла изъ кивера, съ помпономъ и чешуей, мундира съ фалдами и маленькихъ сапогъ. Форма эта не была приноровлена къ климатическимъ условіямъ края. Но вскорѣ кавказскіе полки сами выработали различныя измѣненія въ формѣ одежды: появились мѣшки, полушубки, длинные сапоги, котелки и проч. Всѣ эти отступленія къ концу тридцатыхъ годовъ уже никому не бросались въ глаза. Мало этого, новоизобрѣтенные предметы обмундированія и снаряженія сдѣлались обязательными и даже объявлялись въ приказахъ по полку. Всѣ предметы неказеннаго довольствія роты заводили своими домашними средствами и хорошо обезпеченная рота гордилась своей исправностью передъ другими.

Всѣ предметы казеннаго довольствія получались изъ Георгіевска; туда же посылались люди для изученія сборки и разборки ружей; въ Тифлисѣ существовалъ сводно-учебный баталіонъ, пополняемый изъ полковъ корпуса; стараніемъ полковника Пулло, съ 1834-го года въ полку учреждена учебная команда, въ которой состояло: 5-ть офицеровъ, 80-тъ унтеръ-офицеровъ, 15-ть горнистовъ, 6-ть барабанщиковъ и 160-тъ рядовыхъ. Газеты въ полку не получались. Ближайшая почтовая контора была въ Моздокѣ, куда и посылался періодически одинъ изъ офицеровъ. Обученіе солдата заключалось въ изученіи ружейныхъ пріемовъ и построеній по весьма сложному уставу; обученіе стрѣльбѣ было только въ учебной командѣ—если не считать рекрутскую школу—на которое отпускалось по 6-ти боевыхъ и по 60-ти холостыхъ патроновъ. Въ приказахъ въ полку за 1834-й, 35-й и 36-й годы рѣдко встрѣчаются указанія на строевыя занятія, но и эти приказы говорятъ лишь о шереножныхъ, ротныхъ и восьмирядныхъ ученіяхъ. Лагерныхъ учебныхъ сборовъ не было;

въ палаткахъ люди жили только въ походѣ, но и въ этомъ случаѣ офицерамъ палатокъ не полагалось до 1835-го года *). Лучшая школа того времени заключалась въ вѣчно военномъ положеніи всѣхъ населенныхъ пунктовъ, въ которыхъ жили куринцы. Русскія поселенія и станицы были расположены по лѣвому берегу Терека. Южнѣе Терека, со времени Ермолова, клиномъ вдавалась въ Чечню по Сунжѣ полоса земли, съ рядомъ укрѣпленій составлявшихъ сунженскую линію. Эта линія заканчивалась штабъ-квартирою Куринскаго полка—крѣпостью Грозною. Всѣ поселенія русскихъ были окружены рвами и оградами, съ запертыми воротами. Изъ крѣпостей можно было выходить только съ разрѣшенія начальства, при оружіи и въ командахъ. Осторожность доходила до того, что въ одномъ приказѣ командира Куринскаго полка полковника Пулло (1834-го года) сказано, чтобы для разряжанія ружей нижніе чины высылались за крѣпость въ командахъ. Сообщеніе между укрѣпленіями происходило періодически, подъ воинскимъ прикрытіемъ, „*оказіями*". Всѣ хозяйственныя работы внѣ укрѣпленій, какъ-то: рубка дровъ, пастьба лошадей, покосы и проч. происходили по правиламъ фуражировокъ вблизи непріятеля. Если къ этому прибавить, что всѣ эти дѣйствія рѣдко обходились безъ выстрѣла и крови, то будетъ понятно, что куринцы 30-хъ годовъ могли обходиться безъ продолжительныхъ и частыхъ ученій, организованныхъ по особымъ планамъ. Практика была лучшею школою, а продолжительный 25-ти-лѣтній срокъ службы солдата дополнялъ недостатки теоретическаго образованія. Путь опыта длиненъ, и куринцы середины 30-хъ годовъ были первыми собирателями тѣхъ пріемовъ боевой жизни, которые достались въ наслѣдіе куринцамъ 40-хъ и 50-хъ годовъ.

Кромѣ военныхъ дѣйствій, на долю кавказскихъ солдатъ выпало производство и всѣхъ общественныхъ работъ въ краѣ. Части Куринскаго полка въ 1836-мъ году одновременно работали и на военно-грузинской дорогѣ и на переправѣ у Внезапной и у Чиръ-

---

*) Впослѣдствіи стали отпускать палатки, но перевозка лежала на самихъ офицерахъ.

Юрта и на шандруковской пристани у Каспійскаго моря, не говоря о штабъ-квартирныхъ работахъ для надобностей самаго полка.

Военныя дѣйствія въ Чечнѣ съ 1834-го по 1837-й годъ происходили безъ особаго плана; тогда мы мечтали только объ оборонѣ; изрѣдка собирались небольшіе отряды изъ нѣсколькихъ ротъ, чтобы или отразить партіи чеченцевъ, затѣивавшихъ нападеніе на тотъ или другой пунктъ сунженской линіи, или же для набѣга на сосѣдніе аулы и хутора, съ цѣлью наказать противника.

О тактическихъ пріемахъ описываемаго времени, на сколько можно судить по краткимъ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ полковыхъ дѣлахъ, нельзя сказать многаго; все носило печать робости, вялости, осторожности и необходимыхъ спутниковъ этихъ непохвальныхъ качествъ—неоконченности. Инициативы и дерзкой, неудержимой стремительности куринцевъ конца тридцатыхъ и особенно 40-хъ и 50-хъ годовъ—еще нѣтъ. Колонна, прикрытая застрѣльщиками, медленно и робко подходила къ цѣли, открывала продолжительную и безцѣльную стрѣльбу залпами, уничтожала все, что попадалось, сжигала пустыя турлучныя хижины и, истративъ большое количество патроновъ, возвращалась въ штабъ-квартиру, для того, чтобы повторить тотъ же маневръ черезъ нѣсколько времени. Такая тактика поощряла врага; чеченцы, бывшіе въ концѣ 20-хъ годовъ смирными и боязливыми, начали окрыляться; они сдѣлались назойливыми сосѣдями. Партіи ихъ начали чаще и дерзче подходить къ крѣпостнымъ стѣнамъ, чаще и чаще стали повторяться нападенія, и въ 1835-мъ году уже былъ случай безнаказаннаго и дерзкаго убійства часоваго у крѣпостныхъ воротъ Стараго-Юрта.

Подобные случаи указали командиру полка полковнику Пулло на необходимость пріучить и своихъ солдатъ къ партизанскимъ дѣйствіямъ, и вотъ, въ приказѣ отъ 8-го октября 1835-го года, онъ предписываетъ командирамъ 1-го и 3-го баталіоновъ, расположенныхъ по лѣвому берегу Терека отъ Червленной до Старо-Гладковской станицъ, нарядить охотничьи команды для обхода лѣсовъ на указанномъ пространствѣ. „Опытомъ дознано—сказано въ приказѣ—что частое упражненіе въ стрѣльбѣ можетъ доставить хорошихъ стрѣлковъ и пріучить ихъ избирать и пользоваться выгодными для егеря-

застрѣльщика мѣстностями“. Охотникамъ разрѣшалось имѣть охоту и на птицу и звѣря и очищать лѣса отъ хищниковъ. Здѣсь мы видимъ начало куринской школы, о которой скажемъ послѣ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ уже чаще встрѣчаются приказы о производствѣ стрѣльбы. Словомъ, опытъ завоевываетъ свое мѣсто. Съ этого же времени начинается примѣненіе знаменитыхъ впослѣдствіи перекатныхъ цѣпей, безъ которыхъ никогда уже не ходили и не дѣйствовали куринцы стараго времени *).

При первоначальномъ формированіи полка въ 1834-мъ году, командиромъ Куринскаго егерскаго полка былъ назначенъ бывшій командиръ 40-го егерскаго полка полковникъ Шумскій. Штабъ-офицеръ этотъ, принимавшій блестящее участіе въ персидской и турецкой войнахъ, былъ извѣстенъ спасеніемъ въ 1831-мъ году кр. Внезапной отъ полчищъ Кази-Муллы; за это дѣло Шумскій получилъ георгіевскій крестъ, составлявшій рѣдкое украшеніе офицеровъ стараго времени. Но долголѣтняя служба разстроила здоровье Шумскаго и онъ сдалъ полкъ въ томъ-же году подполковнику Пулло, неуспѣвъ даже сформировать новый Куринскій полкъ. Итакъ, честь формированія Куринскаго полка досталась подполковнику 43-го егерскаго полка Пулло, который и былъ назначенъ командиромъ Куринскаго егерскаго полка въ 1834-мъ году.

На долю Пулло выпало соединеніе разнородныхъ элементовъ, принесенныхъ изъ трехъ разныхъ полковъ; баталіоны и роты не знали другъ друга, качества офицеровъ были неизвѣстны, да и духъ баталіоновъ былъ далеко неоднородный. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, съ пришедшими баталіонами пришли изъ другихъ полковъ далеко не лучшіе люди и не лучшіе офицеры. Все нужно

---

*) Въ исторіи кабардинскаго полка г. Зиссерманъ утверждаетъ, что изобрѣтателями перекатныхъ цѣпей, которыми въ концѣ 30-хъ годовъ дѣйствовали куринцы, также какъ и всѣ другіе кавказскіе полки—были кабардинцы и ихъ командиръ, знаменитый Лабынцевъ.

Мы полагаемъ, что мысль Зиссермана по меньшей мѣрѣ неосновательна, и еслибы мы захотѣли придержаться его примѣра, то могли бы сказать, что охотничьи команды впервые учреждены куринцами и ихъ командиромъ, полковникомъ Пулло.

было соединить въ одно цѣлое. Подполковникъ Пулло, педантъ и службистъ, принялся за дѣло съ энергіей. Приказы по полку съ 1834—40 г. свидѣтельствуютъ объ его настойчивыхъ заботахъ въ дѣлѣ обученія солдатъ и исправленія офицеровъ. Трудъ былъ громадный и непріятный. Особенныхъ усилій стоило исправленіе офицеровъ. Съ точки зрѣнія нашего времени нельзя безъ особеннаго содроганія читать приказы Пулло о нравственныхъ качествахъ офицеровъ, имена которыхъ мы здѣсь пропускаемъ; отмѣтимъ только, что проступки офицеровъ 30-хъ годовъ совершенно отличаются отъ удалыхъ, часто буйныхъ, но всегда благородныхъ поступковъ куринскихъ офицеровъ конца сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Эта отличительная черта офицеровъ двухъ разныхъ періодовъ исторіи полка вполнѣ соотвѣтствуетъ и успѣхамъ военныхъ дѣйствій тѣхъ же періодовъ.

Пулло не поощрялъ пороки; изъ списковъ полка съ 1834-го по 1840-й г. видно, какъ быстро перемѣнился составъ офицеровъ въ теченіе этого времени. Это былъ періодъ броженія той среды, которая создала славу полка.

Командиръ Куринскаго полка былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ сунженской линіи, въ раіонѣ которой, отъ Грозной до Кизляра и Кази-Юрта, кромѣ полка не было никакихъ регулярныхъ войскъ.

Начальнику сунженской линіи подчинялись и всѣ станицы, расположенныя въ предѣлахъ линіи; вслѣдствіе этого, Пулло былъ озабоченъ, кромѣ дѣлъ полковыхъ, безопасностью станицъ. Всякій случай нападенія чеченцевъ вызывалъ *тревогу*, которая кончалась передвиженіемъ частей, погоней, преслѣдованіемъ и распоряженіями начальника кордона на будущее время.

Въ этой тревожной жизни гребенцы и куринцы дѣлили трудъ поровну: атака и оборона лежала на куринцахъ, преслѣдованіе и развѣдываніе—на казакахъ. Нижеприведенное въ приложеніяхъ описаніе обыденной жизни казачьихъ станицъ, взятое изъ извѣстнаго сочиненія генерала Попко, есть вмѣстѣ съ тѣмъ характеристика жизни куринцевъ. Полковникъ Пулло распоряжался этой жизнью и былъ настолько самостоятеленъ, что могъ предпринимать экспедиціи для наказанія сосѣднихъ ауловъ. Всѣ экспедиціи 30-хъ годовъ предпринимались съ исключительною цѣлью наказать прови-

нившихся туземцевъ; съ этою узкою цѣлью собирались отряды иногда изъ 2-хъ, или 3-хъ ротъ, производили нападеніе на жилища провинившихся, жгли и раззоряли имущество и, какъ будто удовлетворивъ чувству возмездія, экспедиція возвращалась назадъ. Въ лучшихъ случаяхъ отрядъ усиливался; стягивались баталіоны, начальство переходило въ болѣе сильныя руки; экспедиціи были продолжительнѣе, сжигались новые аулы и всетаки удовлетворивъ только одному чувству мести, наши войска возвращались домой.

Какъ не странна кажется теперь такая безцѣльная война тридцатыхъ годовъ, но она была тогда суммой нашихъ взглядовъ на дѣло Россіи на Кавказѣ. По общему плану дѣйствій, въ 1834—35-хъ годахъ, главное вниманіе было обращено на западный Кавказъ; въ Чечнѣ же полагали, что раззоривъ турлучную саклю чеченца, можно изъ него сдѣлать вѣрноподданнаго для Россіи. Эти взгляды измѣнились, какъ мы увидимъ ниже, лишь въ сороковыхъ годахъ, а потому въ экспедиціяхъ описываемаго періода мы не будемъ искать никакихъ стратегическихъ завязокъ, а ограничимся перечнемъ ихъ, какъ ряда тактическихъ уроковъ куринцевъ.

Но прежде описанія военныхъ дѣйствій, для лучшаго ихъ уясненія, намъ надо познакомиться съ театромъ военныхъ дѣйствій въ 1834-мъ году.

II.

Топографическое и этнографическое описаніе Чечни. Отношенія чеченцевъ къ русскимъ съ начала утвержденія казаковъ на Терекѣ. Характеристика чеченцевъ. Мюридизмъ.

Чечня, т. е. страна населенная чеченцами, не имѣетъ своихъ опредѣленныхъ границъ. До 1840-го года, т. е. до перваго поголовнаго возстанія чеченцевъ и переселенія ихъ вглубь страны, русскіе подъ именемъ Чечни подразумѣвали страну, ограниченную съ сѣвера—р. Терекомъ отъ станицы Стодеревской до устья р. Сун-

КАРТА
ЧЕЧНИ И ЧАСТИ КАБАРДЫ
Масштабъ 20 верстъ въ дюймѣ

Т(
ру

ог
лс
ск
сѣ

жи; съ запада—прямою линіею отъ этой станицы до среднихъ теченій р. Фортанги и далѣе до верховьевъ ея; съ востока—по качкалыковскому хребту, черезъ Герзель-аулъ и Внезапную, до верховьевъ р. Акташа, а съ юга—хребтомъ, идущимъ между верховьями Фортанги и Акташа *). Въ топографическомъ смыслѣ вся Чечня раздѣляется на *равнинную и горную*, а въ этнографическомъ—на 1) пространство между Терекомъ и Сунжей (надтеречная Чечня) и 2) собственно Чечню, которая состоитъ изъ а) *малой Чечни*—къ западу отъ р. Гойты, б) *большой Чечни*—къ востоку отъ этой рѣки, в) *мичиковцевъ*, обитающихъ по обоимъ берегамъ р. Мичика, г) *качкалыковцевъ*, обитавшихъ на восточномъ скатѣ хребта того же имени **), д) *ичкеринцевъ*, обитающихъ въ верхнихъ частяхъ рр. Аксая и Хулхулау и е) *ауховцевъ*, живущихъ въ верховьяхъ Ярыкъ-су и частью—Акташа.

Наибольшее протяженіе Чечни отъ запада къ востоку—70-тъ верстъ, и почти столько-же отъ сѣвера къ югу. Слѣдовательно, все пространство имѣетъ до 50 т. квадратныхъ верстъ.

Земля между Сунжей и Терекомъ представляетъ собой безводное пространство, пересѣченное двумя грядами возвышенностей, идущими по параллелямъ; одна гряда идетъ вдоль лѣваго берега Сунжи, а другая—вдоль праваго берега Терека. Послѣдняя извѣстна подъ именемъ *кабардинскаго* хребта. Этотъ хребетъ доходитъ до устьевъ Сунжи, открываетъ этой рѣкѣ какъ-бы ворота и затѣмъ, сохраняя свой прежній безводный характеръ, продолжается въ юго-восточномъ направленіи подъ именемъ *качкалыковскаго* хребта.

Кабардинскій хребетъ безлѣсенъ, безводенъ и ненаселенъ; скатъ же качкалыковскаго, обращеннаго къ Чечнѣ, покрытъ густымъ лѣсомъ.

Плоскостная часть собственно Чечни лежитъ къ сѣверу отъ отроговъ черныхъ горъ, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣль-

*) Этотъ раіонъ не исчерпываетъ всей Чечни; вопросъ объ этническихъ границахъ остается открытымъ.

**) Въ 1840-мъ году всѣ качкалыковцы выселились, и нынѣ существующіе аулы поселены впослѣдствіи.

ныхъ возвышеній, представляетъ совершенно равнинную страну, пересѣченную отъ юга къ сѣверу водами, берущими свое начало большею частью изъ второстепенныхъ горъ и впадающихъ въ р. Сунжу. Изъ главнаго кавказскаго хребта берутъ начало только Сунжа, Асса и Аргунъ. Всѣ остальныя рѣки имѣютъ одно общее свойство, весьма важное для военныхъ дѣйствій.

Въ Чечнѣ лѣтомъ, въ сухую пору, въ то время когда маленькія рѣки и ручьи мелѣютъ, Аргунъ и Сунжа отъ таянія снѣговъ въ главномъ хребтѣ увеличиваются и дѣлаются непроходимыми. Кромѣ того, послѣ дождей, всѣ рѣки Чечни подвержены чрезвычайно быстрому, почти внезапному разливу. Выходя изъ горной полосы на плоскость, рѣки Чечни бѣгутъ по глинистому грунту, большею частью въ весьма крутыхъ берегахъ, безпрерывно размывая ихъ и мѣняя отъ того русло и уровень воды.

Среди этой обширной чеченской равнины есть нѣсколько отдѣльныхъ группъ горъ наноснаго происхожденія и рядъ кургановъ, вытянутыхъ почти въ непрерывную линію вдоль по Сунжѣ. Изъ этихъ отдѣльныхъ горъ особенное вниманіе обращаютъ на себя Гайтинъ-кортъ, на правомъ берегу Аргуна, и двѣ горы-особняки, образующія ханкальское ущелье.

Вся плоскостная Чечня въ 1834-мъ году была покрыта почти сплошнымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, заросшимъ вьющимися растеніями и дикимъ виноградомъ. На прогалинахъ, большею частью образованныхъ искусственно, были разсыпаны хутора не только плоскостныхъ, но и горныхъ чеченцевъ; населенные пункты плоскости группировались въ аулы, располагавшіеся по рѣкамъ и главнымъ образомъ по Сунжѣ, Аргуну и даже Тереку. До конца 20-хъ годовъ плоскостная Чечня между Сунжей и Терекомъ была заселена весьма мало; большая часть ауловъ группировалась у подножія черныхъ горъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ пространство отъ этихъ горъ до Сунжи, ходили стада оленей, кабановъ и козъ, а по тропинкамъ ихъ пробирались и люди за добычей на Терекъ.

Съ теченіемъ времени образовались аулы и въ лѣсахъ, особенно же послѣ 1840-го года, когда большая часть сунженскихъ и терскихъ чеченцевъ переселилась во внутрь страны.

Ниже мы приведемъ перечень главныхъ населенныхъ пунктовъ плоскостной Чечни, теперь-же обратимся къ топографической характеристикѣ горной Чечни.

Параллельно главному хребту кавказскихъ горъ тянется хребетъ такъ называемыхъ *черныхъ* горъ; это контрфорсы наноснаго происхожденія, размытые водами въ разныхъ направленіяхъ и образующіе чрезвычайно пересѣченную поверхность, сплошь покрытую лиственнымъ лѣсомъ. Гигантскіе негпои, чинары и липы покрываютъ скаты горъ и придаютъ имъ темный цвѣтъ, отчего и самыя горы называются черными.

Грунтъ песчано-глинистый, весьма часто ползучій; такой характеръ сохраняетъ горная Чечня почти до самыхъ южныхъ предѣловъ чеченскаго населенія. Скалы не составляютъ характеристики Чечни: здѣсь повсемѣстно царствуетъ лѣсъ.

Населеніе нагорной Чечни, въ настоящее время уступающее въ числѣ населенію плоскости, превосходило послѣднее въ тридцатыхъ годахъ.

Изъ этого поверхностнаго описанія видно, что войско дѣйствующее въ Чечнѣ должно было попреимуществу бороться въ непроходимомъ лѣсу, который придавалъ особенный характеръ и его обитателю чеченцу. Характеръ, нравы и обычаи чеченцевъ до мелочей были изучены старыми куринцами. Намъ остается описать особенности этого загадочнаго народа, дабы оцѣнить событія, въ которыхъ участвовалъ Куринскій полкъ.

Современныя намъ антропологія и филологія не даютъ положительнаго отвѣта на загадочный вопросъ о происхожденіи не только чеченскаго народа, но и его названія. Чеченцы сами себя называютъ *нахче* (народъ) и, съ тѣхъ поръ какъ знаетъ ихъ исторія, живутъ на описанномъ нами пространствѣ. Языкъ чеченцевъ до сихъ поръ не изслѣдованъ и въ классификаціи языковъ Кавказа, сдѣланной Усларомъ, отнесенъ къ группѣ восточно-кавказскихъ языковъ, къ которой принадлежатъ и языки Дагестана. По русскимъ источникамъ, чеченцы раздѣляются на болѣе чѣмъ 20-ть группъ, называемыхъ именами рѣкъ и горъ; но это произвольное, не извѣстное самому народу подраздѣленіе имѣетъ только мѣст-

ное значеніе. Усларъ считаетъ чеченцевъ остаткомъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ народовъ, которые въ доисторическія времена шли изъ Турана по сѣверному берегу Каспія и оставляли свои слѣды въ степяхъ къ югу отъ Дона. Напоръ послѣдующихъ эмиграцій поглощалъ старое наслоеніе и остатки его оттѣснилъ къ горамъ Кавказа. Эти гипотезы не имѣютъ для насъ значенія, равно какъ и преданіе чеченскаго народа о происхожденіи его то изъ Шама (Аравіи), то отъ кумыковъ и черкесъ; гораздо важнѣе для нашей цѣли замѣтить, что при первыхъ столкновеніяхъ русскихъ съ населеніемъ прибрежій Терека, чеченцы упоминаются не какъ господствующіе, какъ напр. кумыки и кабардинцы, а какъ бродяги, пробирающіеся изъ горъ за добычей.

Гребенскіе казаки, впервые поселившіеся у устья Сунжи въ 1530-мъ году *), нашли эти земли во власти кабардинцевъ. Чеченцы, бывшіе по сосѣдству, характеризуются маловоинственными и запуганными воинственными кабардинцами и кумыками.

Первое русское укрѣпленіе построенное у устья Сунжи, у Брагунъ, вскорѣ было раззорено съ помощью персіянъ кумыками и эти послѣдніе начинаютъ нападать на казаковъ, наводя на нихъ толпы чеченцевъ, которые являются въ роли подручниковъ. Здѣсь начинаются первыя столкновенія русскихъ съ чеченцами. Къ этому же времени относится, по преданію, занесеніе магометанства въ Чечню, подъ вліяніемъ той же Персіи. Въ 1711-мъ году набѣги кумыковъ заставили гребенцовъ оставить правый берегъ Терека и перейти на лѣвый, гдѣ и заложены 3 городка: Кизляръ, Червленный и Шадринъ. Моздокъ основанъ только въ 1763-мъ году. Эти поселенія дали начало кавказской линіи. Правый берегъ Терека хотя всетаки оставался въ пользованіи казаковъ, но русскіе до временъ генерала Ермолова не переносили своихъ поселеній на эту сторону. Тѣмъ не менѣе, походы въ Чечню производились уже издавна, какъ напр. въ 1770-мъ году генераломъ де-Медемомъ и

*) Данныя о гребенскихъ казакахъ почерпнуты изъ соч. Попко: „Терскіе казаки". Такъ какъ спеціальный вопросъ о томъ, когда пришли на Терекъ гребенцы—не имѣетъ для нашей цѣли важнаго значенія, то мы воздерживаемся отъ полемики, возбужденной по этому вопросу г. Кравцовымъ.

въ 1785-мъ году генераломъ Леонтьевымъ. Походъ этого послѣдняго былъ предпринятъ съ цѣлью укротить волненія, производимыя въ Чечнѣ шейхомъ Мансуромъ.

Генералъ Леонтьевъ дошелъ до Атаги и Гехи и заставилъ эти аулы покориться его силѣ; съ этихъ поръ чеченцы считались, также какъ кабардинцы, подвластными Россіи.

Но стоитъ только вспомнить, что Чечня начала нынѣшняго столѣтія не представляла изъ себя никакого единства, никакой тѣни политическаго организма, для того, чтобы понять сущность выраженія „*подвластныхъ*", по отношенію къ Чечнѣ. Чеченцы издавна представляютъ изъ себя народъ вполнѣ свободный отъ всѣхъ соціальныхъ формъ; народъ этотъ идеально демократическій, не имѣющій никакихъ сословій—ни князей, ни дворянъ, ни духовенства, какъ сословія. И такъ какъ до водворенія власти Шамиля, т. е. до 1840-го года, въ Чечнѣ не было ни выборныхъ, ни наслѣдственныхъ представителей, то и будетъ понятно, что чеченцы назывались „подвластными" Россіи только на бумагѣ и въ донесеніяхъ пограничныхъ русскихъ властей. Нѣсколько лучшее понятіе объ отношеніи чеченцевъ къ русскимъ даютъ слова „*мирной*" и „*немирной*", вошедшія въ употребленіе со времени учрежденія кордонной линіи, протянутой вдоль по Тереку. Мирными чеченцами назывались тѣ, которые открыто приходили къ русскимъ, пользовались ихъ гостепріимствомъ, заводили свои торговыя дѣла и, окончивъ ихъ якобы мирно, возвращались домой. Ничто не мѣшало этому сегодня мирному сдѣлаться завтра немирнымъ, т. е. явиться на лѣвый берегъ Терека, тайкомъ угнать станичный скотъ, забрать плѣнныхъ и съ добычей возвратиться на свою сторону, съ тѣмъ, чтобы на другой день вновь явиться въ качествѣ мирнаго. Чеченцы начала нынѣшняго вѣка, какъ замѣчено выше, не имѣли никакого общественнаго устройства; вполнѣ патріархальный, демократическій режимъ царствовалъ во всемъ. Поселенныя мѣста, разбросанныя въ видѣ хуторовъ, были общественными единицами высшаго порядка; весьма часто, рядомъ лежащія поселенія рѣзко отличались своими привычками, стремленіями и убѣжденіями. Случайныя причины, зависѣвшія отъ личныхъ взглядовъ лицъ, получившихъ по какимъ

либо причинамъ вліяніе на сосѣдей, рѣшало вопросъ войны и мира, жизни и смерти. Нетолько религіознаго фанатизма не было въ этой свободной странѣ, но и самая религія можно сказать существовала только въ видѣ устныхъ правилъ житейской мудрости, называемыхъ по мусульманскому обычаю „*адатомъ*“. Однимъ словомъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка Чечня представляла изъ себя первобытный народъ, жившій исключительно принципами, внушаемыми оригинальной природой и легендами о герояхъ стараго времени. Всякій чеченецъ, съ тѣхъ поръ какъ дѣлался физически развитымъ, уже переставалъ быть привязаннымъ къ дому. На добромъ конѣ, съ винтовкой за плечомъ, онъ уходилъ изъ дома и въ компаніи подобныхъ себѣ бросался въ жизнь полную приключеній и опасности; въ этой бродячей жизни проходили дни и мѣсяцы, въ теченіе которыхъ молодой чеченецъ жилъ какъ попало и гдѣ попало, и если возвращался домой, то уже съ добычей, взятой гдѣ нибудь за Терекомъ, у казаковъ. Для удовлетворенія потребности такой жизни нужно не много; поиски за комфортомъ и удобствами не въ характерѣ чеченца. Ему довольно было куска сухаго хлѣба и простаго шалаша для укрытія своихъ незатѣйливыхъ пожитковъ. Лишиться дома не Богъ вѣсть какое горе для чеченца, потому что весь домъ его состоитъ изъ смазаннаго плетня, сдѣланнаго въ лѣсу, сплошь покрывающемъ страну.

Словомъ, чеченецъ, умственно развитый, физически крѣпкій, закаленный съ дѣтства въ голодѣ и молодечествѣ, есть идеалъ воина-охотника, и еслибы въ началѣ XIX вѣка нашелся цементъ, способный сплотить сыновъ Чечни въ одно политическое тѣло, вѣроятно страна эта надолго отстояла бы свою самостоятельность. Доказательство это мы видимъ въ проявленіи власти имамовъ, которые, хотя поздно, но всетаки сплотили силу чеченцевъ, пробудивъ въ народѣ неизвѣстный имъ дотого религіозный фанатизмъ, въ видѣ ученія о мюридизмѣ. Это ученіе нашло себѣ приверженцевъ не потому, что оно было сильно богословскими истинами и возвышенными отвлеченными догматами, а потому только, что проповѣдывало свободу и независимость чеченцевъ отъ посторонней власти; иначе говоря, оно проповѣдывало тѣ идеи, кои составляютъ

всю доступную и излюбленную часть демократическихъ принциповъ чеченскаго народа. Мюридизмъ отождествлялъ религію съ житейскою мудростью и проповѣдывалъ только средства для того, чтобы достигнуть цѣли. Эти средства—соединеніе воедино всѣхъ мусульманъ для борьбы и уничтоженія враговъ-пришельцевъ, тирановъ и иновѣрцевъ—русскихъ. Въ такой странѣ, какъ Чечня, гдѣ, можно сказать, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій было полное безвѣріе, религія могла развиваться только на этой почвѣ—и, надо сказать, проповѣдники ислама искусно опирались именно на нее. Это ученіе принесло въ Чечню идею борьбы съ врагами свободы и пропагандировало потребность соединенія разрозненнаго населенія для успѣха этой борьбы. Религія сдѣлалась знаменемъ въ рукахъ имамовъ только съ тридцатыхъ годовъ; до того же времени религіозный индеферентизмъ составлялъ народную черту населенія Чечни.

История развитія магометанства въ Чечнѣ не можетъ составить предмета нашего изслѣдованія; но необходимо замѣтить, что магометанство сюда занесено впервые изъ Дагестана, подъ вліяніемъ Персіи, въ срединѣ прошлаго вѣка. Въ Чечнѣ религіозныя ученія не нашли почвы для развитія, и исламъ, какъ религія, никогда не игралъ здѣсь важной роли; но какъ политическое ученіе—онъ проявлялся всякій разъ, когда находился человѣкъ, проповѣдывавшій во имя религіи сопротивленіе вооруженной рукой противъ власти Россіи. Такъ было во второй половинѣ прошлаго вѣка (1785-й г.), когда фанатикъ шейхъ Мансуръ, уроженецъ Алди, явился какъ агентъ Турціи и поднялъ часть чеченцевъ противъ Россіи *); такъ было и въ началѣ нынѣшняго вѣка, когда въ Дагестанѣ явились

*) Чеченецъ Ушурма, назвавшійся съ разрѣшенія султана имамомъ Мансуромъ, успѣлъ поднять всю плоскостную Чечню и дѣлалъ набѣги на кавказскую линію и Кизляръ. Для укрощенія его русскіе послали сначала маіора Петри и, когда чеченцы почти уничтожили его отрядъ, генерала Леонтьева. Въ 1785-мъ году шейхъ бѣжалъ на Кубань и сдѣлался руководителемъ возстанія; въ 1791-мъ году, при взятіи Анапы, Мансуръ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ. Въ горахъ долго сохранялись разсказы объ этомъ первомъ имамѣ (Бутковъ, Матеріалы для исторіи Кавказа).

не богословы, а воины Кази-Мулла и Шамиль; также было и во время послѣдней нашей войны съ Турціей, когда Чечня поднялась по зову Али-бека и Уммы—людей менѣе всего хлопотавшихъ о славѣ Божіей. Такъ, полагаю, будетъ и впередъ. Религія будетъ играть въ рукахъ агитаторовъ въ Чечнѣ роль привода въ страшной машинѣ, называемой возстаніемъ; а чеченскій народъ—въ которомъ конечно нѣтъ сознательныхъ политическихъ идеаловъ, а только сроднившееся съ нимъ инстинктивное понятіе о свободѣ демократической, въ самой грубой ея формѣ,—всегда будетъ увлекаться всѣмъ тѣмъ, что обѣщаетъ эту свободу. Повторяю, чеченцы чужды чисто религіознаго фанатизма, и магометанство для нихъ предлогъ, успокаивающій совѣсть слабыхъ натуръ.

Изъ всѣхъ періодовъ борьбы русскихъ съ чеченцами самымъ ожесточеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ богатымъ фактами было время развитія такъ называемаго *мюридизма*. Съ этимъ же періодомъ, длившимся съ 1830-го по 1859-й годъ, совпадаетъ и самый блестящій періодъ исторіи Куринскаго полка и потому мы на немъ остановимся съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ 1823-мъ году, въ кюринскомъ ханствѣ, въ дер. Ярагъ, жилъ мулла Магометъ, который, пользуясь репутаціей ученаго, умнаго и честнаго человѣка, прославился во всемъ Дагестанѣ, какъ вдохновенный учитель; онъ то и былъ основателемъ кавказскаго мюридизма. Когда мулла Магометъ убѣдился, что достаточно подготовилъ своихъ учениковъ, онъ громко объявилъ свое ученіе и заключилъ его словами: „магометане не могутъ быть подъ властью невѣрныхъ; магометанинъ не можетъ быть ничьимъ рабомъ!... Казаватъ—т. е. война противъ невѣрныхъ—и шаріатъ"!...

Мулла Магометъ былъ провозглашенъ мюршидомъ и имамомъ, т. е. наслѣдникомъ Магомета, а приверженцы его—мюридами.

Ученики муллы вскорѣ разошлись и по наставленію учителя вооружившись деревянными шашками и ударяя ими по заборамъ, кричали: „Мусульмане, казаватъ"!.. Этотъ лозунгъ началъ переходить изъ деревни въ деревню и вскорѣ почти весь Дагестанъ былъ наводненъ мюридами, во главѣ которыхъ былъ поставленъ,

съ благословенія муллы кюринскаго, гимринскій мулла Магометъ, извѣстный подъ именемъ *Кази-Муллы*.

Такимъ образомъ, мюридизмъ зародился и распространился въ кюринскомъ ханствѣ, которое было подвластно Россіи на условіяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Генералъ Ермоловъ зналъ о зарожденіи новаго ученія, но озабоченный другими событіями, какъ видно, не придавалъ важнаго значенія будущему мюридизму. Такимъ образомъ, мюридизмъ распространился въ тишинѣ и безпрепятственно, и въ 1830-мъ году уже организовался въ силу, проявившую себя въ смѣлыхъ предпріятіяхъ Кази-Муллы.

Въ началѣ 1830-го года, для наказанія Кази-Муллы, возмутившаго уже весь сѣверный Дагестанъ, былъ посланъ отрядъ генералъ-лейтенанта барона Розена, который, подойдя къ Гимрамъ, удовольствовался взятіемъ аманатовъ и возвратился на линію. Кази-Мулла воспользовался робостью генерала, самъ спустился на плоскость и въ мартѣ 1831-го года занялъ укрѣпленную позицію близъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Русскія войска, по малочисленности, не могли выбить Кази-Муллу изъ укрѣпленія; этого было довольно для новаго успѣха дѣла: Кази-Мулла усиливался; на помощь русскимъ пришли новыя силы и потерпѣли опять неудачу. Тогда Кази-Мулла самъ обратился въ наступленіе и осадилъ кр. Бурную, имѣя въ своемъ распоряженіи до 8 т. человѣкъ. Хотя здѣсь Кази-Мулла потерпѣлъ неудачу, но уже имя его гремѣло повсюду и кумыки и мичиковцы открыто присоединились къ нему. Это было первымъ проявленіемъ дѣйствія мюридизма въ Чечнѣ. Кази-Мулла тотчасъ же воспользовался этимъ и быстро пошелъ на помощь новымъ прозелитамъ, собравшимся близъ кр. Внезапной. 14-го іюня 1831-го года онъ окружилъ эту крѣпость, занятую слабымъ русскимъ гарнизономъ, и отрѣзалъ ей воду. Первая помощь крѣпости подана полковникомъ Шумскимъ *), съ однимъ баталіономъ 40-го егерскаго полка (впослѣдствіи 3-й Куринскаго егерскаго) и 4-мя орудіями;

---

*) Бывшій въ 1834-мъ году командиромъ сначала 40-го егерскаго полка, а потомъ, при переформированіи его въ Куринскій егерскій, командиромъ сего послѣдняго.

маленькій отрядъ этотъ успѣлъ пробиться въ крѣпость и поддержать оборону до 29-го іюня, когда подошелъ другой отрядъ, подъ командой генерала Эммануэля. Кази-Мулла долженъ былъ снять осаду Внезапной и уйти въ горы. Генералъ Эммануэль двинулся за нимъ, но былъ разбитъ и тяжело раненъ.

Это было новое торжество Кази-Муллы. Власть его начала распространяться; представители разныхъ обществъ стали являться къ нему и призывали имама въ южный Дагестанъ. Это обстоятельство побудило его двинутся къ югу и Кази-Мулла, имѣя до 10-ти т. войска, осадилъ Дербентъ. Послѣ Дербента этотъ предпріимчивый человѣкъ бросается изъ угла въ уголъ и, терпя неудачи, всетаки не унываетъ. Переполохъ произведенный Кази-Муллой заставилъ русскихъ собрать нѣсколько отрядовъ, которые задались цѣлью поймать злодѣя. Генералъ-адъютантъ Панкратьевъ двинулся съ юга по берегу Каспія, а генералъ Вельяминовъ—съ Терека. Однако Кази-Мулла ускользнулъ отъ обоихъ и второй разъ пробрался въ Чечню, собралъ здѣсь большую партію и съ нею пробился черезъ линію и разграбилъ гор. Кизляръ.

Послѣ этого событія звѣзда Кази-Муллы меркнетъ; онъ терпитъ рядъ неудачъ близь нынѣшней Темиръ-Ханъ-Шуры и, наконецъ, отступаетъ въ свое родное гнѣздо—Гимры.

Въ началѣ 1832-го года Кази-Мулла въ третій разъ пробирается въ Чечню; но уже неудачно: генералъ Вельяминовъ разбилъ его скопища, а прибытіе новаго корпуснаго командира барона Розена окончательно разрушило планы Кази-Муллы; онъ заперся въ аулѣ Гимры, гдѣ былъ осажденъ и убитъ на штурмѣ 17-го октября 1832-го года.

Послѣ смерти Кази-Муллы мюридизмъ какъ будто потухъ; но это было временное затишье: онъ ушелъ въ горы и росъ тамъ внѣ надзора русскихъ властей, для того, чтобы проявиться съ новою силою при Шамилѣ, сдѣлавшемся имамомъ въ 1834-мъ году.

Изъ краткаго описанія хода мюридизма видно, что съ нимъ связаны и всѣ главнѣйшія событія въ Чечнѣ съ 1830-го года. Подъ вліяніемъ этого ученія, въ Чечнѣ проявляется нѣкоторое об-

щеніе мыслей и дѣлъ. Такъ, мы видѣли, что во имя общей цѣли къ Кази-Муллѣ уже собираются подъ Внезапную люди изъ разныхъ мѣстъ Чечни, дотого не видѣвшіе и не знавшіе другъ друга; они сражаются заодно, получаютъ понятіе о дисциплинѣ и порядкѣ и уносятъ убѣжденіе о ихъ необходимости.

Удачи Кази-Муллы подрываютъ авторитетъ русскихъ, дотого рѣдко терпѣвшихъ неудачи въ Чечнѣ, а походъ въ Кизляръ даетъ чеченцамъ преувеличенное понятіе о собственныхъ силахъ. Походы Вельяминова и барона Розена въ 1831-хъ и 1832-хъ годахъ хотя и вновь привели Чечню въ покорность и русскіе даже наложили на аулы дань, но впечатлѣнія отъ этихъ походовъ изгладились вмѣстѣ съ уходомъ русскихъ отрядовъ. Однако, не смотря на это, преемникъ Кази-Муллы Гамзатъ-бекъ не имѣлъ никакого вліянія на Чечню, а Шамиль, объявленный имамомъ въ 1834-мъ году, до 1840-го года былъ занятъ исключительно Дагестаномъ. По этимъ причинамъ, съ 1834-го по 1840-й годъ въ Чечнѣ все оставалось in statu quo. Обѣ стороны, т. е. русскіе и чеченцы, стали въ оборону, какъ бы заигрывая другъ съ другомъ и извлекая изъ этой игры опытъ и знаніе для будущей борьбы. Въ теченіе этого относительно тихаго времени, т. е. съ 1834-го по 1840-й годъ, чеченцы не собирались въ большія группы, но сдѣлались весьма дерзкими въ одиночку; они заявляли себя только въ грабежахъ и мелкихъ воровствахъ. Русскія поселенія не только праваго берега Терека, но и лѣваго—не имѣли покоя отъ хищничества сосѣдей. Не было мѣста, гдѣ бы нельзя было ожидать чеченца; онъ подкрадывался къ станицѣ, онъ сторожилъ проѣзжаго на дорогѣ, пастуха въ полѣ; были и такіе, которые пробирались внутрь поселеній, дабы отыскать жертву. Однимъ словомъ, подъ вліяніемъ мюридизма и событій тридцатыхъ годовъ, чеченецъ, бывшій дотого ловкимъ разбойникомъ, сдѣлался къ концу тридцатыхъ годовъ дерзкимъ и заклятымъ врагомъ всего русскаго.

Вотъ въ эту то школу и попалъ Куринскій полкъ съ перваго дня его переформированія въ 1834-мъ году.

Сдѣлавъ краткую характеристику чеченцевъ, для оцѣнки событій, которымъ будутъ посвящены слѣдующія строки, необходи-

мо упомянуть о населенныхъ пунктахъ и дорогахъ, бывшихъ въ Чечнѣ въ 1834-мъ году.

Кавказская линія раздѣлялась на правый флангъ, центръ и лѣвый флангъ. *Лѣвый флангъ* кавказской линіи тянулся отъ Моздока до устья Терека. Къ югу отъ этой линіи русскимъ принадлежали только укрѣпленные пункты по Сунжѣ и низовьямъ Сулака. Передовые пункты по Сунжѣ составляли такъ называемую передовую сунженскую линію, управленіе которою сосредоточивалось въ крѣпости Грозной. Сунженская линія учреждена генераломъ Ермоловымъ. Основная мысль, руководившая имъ, заключалась въ особомъ указѣ, гдѣ повелѣвалось генералу Ермолову, *такъ и всѣмъ могущимъ заступить его мѣсто, утвердиться на рѣкѣ Сунжѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собой можно; не распространяться иначе, какъ ставъ твердой ногой и обезпечивъ занятое отъ покушенія непріязненныхъ*. Этотъ указъ былъ изданъ въ 1818-мъ году и Ермоловъ тотчасъ же приступилъ къ его осуществленію. Прежде всего было усилено укрѣпленіе въ Назранѣ; затѣмъ возведено укр. Преградный-Станъ (на Сунжѣ) и потомъ уже кр. Грозная и укрѣпленіе въ Горячеводскѣ. Къ постройкѣ укрѣпленія въ Грозной приступлено 10-го іюля 1818-го года.

Грозная имѣла цѣлью закрыть выходъ изъ ханкальскаго ущелья. При постройкѣ укрѣпленія чеченцы оказали сопротивленіе; они начали нападать на фуражировъ и дровосѣковъ; это вызвало раззореніе сосѣднихъ ауловъ, которыхъ на лѣвомъ берегу Сунжи было довольно; оставленъ былъ только одинъ ближайшій; но и онъ вскорѣ переселился, такъ что, ко времени окончанія постройки Грозной, въ ближайшихъ окрестностяхъ не было чеченскихъ поселеній. Въ октябрѣ 1818-го года кр. Грозная уже была готова и занята гарнизономъ изъ частей 43-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Грекова.

Въ слѣдующемъ 1819-мъ году построена кр. Внезапная, а въ 1820-мъ году—укр. Бурное, для помѣщенія гарнизона охранявшаго мѣстечко Тарку.

Генералъ Ермоловъ хлопоталъ о соединеніи Грозной съ одной

стороны съ Владикавказомъ, черезъ Назранъ, а съ другой—съ Внезапной; но эта мысль Ермолова не была осуществлена при немъ; такъ что въ 1834-мъ году сообщеніе Грозной съ Владикавказомъ и Внезапной происходило попрежнему черезъ николаевскую переправу на Терекѣ и съ одной стороны черезъ Науръ и Моздокъ, а съ другой—черезъ переправу у Амиръ-Аджи-Юрта (мостовое укрѣпленіе), черезъ укр. Ташъ-Кичу.

Бурная съ Кизляромъ сообщалась черезъ старое укрѣпленіе Кази-Юртъ (на Сулакѣ).

Сунженская линія обезпечивала только пространство отъ Моздока до ст. Червленной, что у устья Сунжи. Берега Терека, за этой станицей, были подвержены частымъ нападеніямъ злоумышленниковъ, которые находили убѣжище у кочующихъ ногайцевъ.

На всемъ пространствѣ лѣваго фланга было 16-ть станицъ (всѣ за Терекомъ), шесть названныхъ выше укрѣпленій и 68-мь постовъ; укрѣпленія были заняты гарнизонами отъ пѣхоты, а посты—казаками.

Чеченскіе аулы по преимуществу группировались по Сунжѣ, Тереку, Аргуну и притокамъ ихъ.

До 1840-го года, т. е. до возстанія Чечни, по берегамъ Терека было 10-ть, а по берегамъ Сунжи 18-ть ауловъ. Это были ближайшіе сосѣди русскихъ. Сунженскіе и надтеречные чеченцы вели даже торговлю съ русскими, по преимуществу съ Кизляромъ, куда спускался по Тереку лѣсъ; аулы эти считались мирными, но не смотря на это часть ихъ выселилась при основаніи Грозной, а другая—въ 1840-мъ году.

Все населеніе Чечни въ 1850-мъ году было болѣе 14,000 дворовъ, т. е. около 70 т. душъ. Есть основаніе предполагать, что въ срединѣ тридцатыхъ годовъ число жителей въ Чечнѣ мало уступало этому показанію *). Послѣ же этого времени, вслѣдствіе войны съ русскими, населеніе перемѣнило свои мѣста жительства. Такъ, до 1840-го г., въ малой Чечнѣ, съ пространствомъ между

---

*) Въ приложеніяхъ приведена вѣдомость, составленная въ 1834-мъ году, изъ которой видно, что населеніе Чечни считалось (гадательно) въ 218,000 душъ, но въ этотъ счетъ вошли и ингуши.

Сунжей и Терекомъ, считалось до 8 т. дворовъ, а въ 1850-мъ г. на томъ же пространствѣ было всего до 2,000; все недостающее переселилось въ большую Чечню и въ ущелья черныхъ горъ. На основанiи этихъ же данныхъ, въ тридцатыхъ годахъ въ остальной Чечнѣ надо считать всего до 7 т. дворовъ; причемъ на большую Чечню съ Мичикомъ и Качкалыкомъ приходится до 5 т. дворовъ, а на Аухъ и Ичкерiю—до 2 т.; слѣдовательно, малая Чечня, съ пространствомъ между Сунжей и Терекомъ, была болѣе населена, чѣмъ остальная половина Чечни.

Изъ населенныхъ пунктовъ были замѣчательны: *въ малой Чечнѣ*—группа ауловъ на р. Гехи (около 1000 дворовъ), у Урусъ-Мартана (около 1,600 дворовъ). *Въ большой Чечнѣ*—Герменчикъ—самый большой аулъ въ Чечнѣ, Чахкери (около 430 дворовъ), Маюртупъ (до 400 дворовъ). *Въ Аухѣ и Ичкерiи*—большихъ центровъ не было.

Дорогъ въ Чечнѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, было немного; у жителей аробное сообщенiе существовало только на пространствѣ между Сунжей и Терекомъ; остальные пункты сообщались верховыми и вьючными путями; но русскимъ были уже знакомы слѣдующiе пути внутри Чечни, по которымъ до 1834-го года мы двигались съ обозами и артилерiей:

1) *Дорога отъ Грозной черезъ ханкальское ущелье вверхъ по Аргуну до Атаговъ.* По этой дорогѣ ходилъ Булгаковъ въ 1807-мъ году. Ермоловъ проходилъ здѣсь въ 1818-мъ году и прорубилъ просѣку. Въ 1831-мъ году здѣсь же проходилъ генералъ Вельяминовъ. Вообще эта дорога чаще другихъ посѣщалась русскими. 2) *Дорога изъ Грозной черезъ ханкальское ущелье и аулы: большой Чечень, Шали, Герменчукъ, Маюртупъ и Ойсунгуръ.* По этой дорогѣ прошелъ въ 1819-мъ году Ермоловъ, въ 1830-мъ году Вельяминовъ и въ 1832-мъ году баронъ Розенъ. 3) *Дорога изъ Грозной черезъ Ханкале или Алды въ Урусъ-Мартанъ, поперегъ всѣхъ притоковъ Сунжи, и оттуда къ переправѣ Преградный-Станъ.* Эта дорога, извѣстная подъ именемъ *русской*, пройдена Ермоловымъ въ 1818-мъ году. Послѣ этого здѣсь часто двигались русскiе и была продѣлана просѣка, которая возобновлена въ 1846-мъ году.

Это были операціонные пути. Коммуникаціонными же путями для Грозной въ 1834-мъ году служили: 1) *дорога отъ Николаевской станицы на Терекѣ, черезъ Старый-Юртъ и Горячеводскъ.* Здѣсь на 26-ти верстахъ разстоянія были укрѣпленія—тетъ-де-понъ на Терекѣ и укр. Горячеводское (Истису); въ сороковыхъ годахъ здѣсь же устроены двѣ башни чеченская и нефтянская. 2) *Дорога изъ Грозной на кумыкскую плоскость—черезъ Горячеводскъ, Новый-Юртъ, вдоль по Тереку, на Брагуны, къ Амиръ-Аджи-Юрту.* Въ 1837-мъ году эта дорога была сокращена; она пошла внизъ по Сунжѣ, черезъ Чертугай къ умаханъ-юртовской переправѣ. Но эта дорога проходила сплошь по лѣсу и потому сообщеніе было небезопасное. Для обезпеченія пути были укрѣпленные посты въ Чертугаѣ, Тепли-Кичу и укрѣпленіе въ Умаханъ-Юртѣ (1837), гдѣ была паромная переправа черезъ Сунжу.

III.

Различныя мнѣнія о войнѣ на Кавказѣ. Мнѣнія Императоровъ Александра I и Николая. Предположенія генерала Ермолова и др. Характеръ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Ташовъ-Хаджи. Военныя дѣйствія съ 1834—1837-й годъ, въ которыхъ участвовалъ полкъ.

Война требуетъ сознательнаго отношенія какъ къ своимъ силамъ и средствамъ, такъ и къ силамъ и средствамъ противника; по предварительно и тщательно изученнымъ даннымъ составляется планъ войны. Безъ таковаго немыслимо веденіе военныхъ дѣйствій, въ особенности если театръ войны великъ. Всякому понятно, что не зная цѣли мы не будемъ знать не только какъ дѣйствовать, но и куда идти.

Слѣдовательно, таковой планъ долженъ былъ быть и у русскихъ главнокомандующихъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ.

Если можно допустить, что по приходѣ на Кавказъ русскія войска не ожидали войны, и потому не могли придти сюда съ готовымъ планомъ, то, по крайней мѣрѣ, такой планъ долженъ былъ

создаться на мѣстѣ, когда выяснилось, что мирнымъ путемъ нельзя покорить края, а нужна война. Конечно Куринскому полку не подобало знать высшія соображенія начальства; передъ исторіей и потомствомъ онъ отвѣтственъ только за честное исполненіе роли солдата. Слѣдовательно, мы могли бы обойти этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ, еслибы не задавались мыслью не только разсказать про отличія полка, но и сдѣлать его подвиги предметомъ нашего военно-историческаго изученія. Поэтому необходимо задаться вопросомъ, по какому плану происходили военныя дѣйствія на томъ театрѣ, на которомъ дѣйствуетъ Куринскій полкъ съ 1834-го года.

До настоящаго времени мы нигдѣ не встрѣчали доказательствъ того, что до Ермолова существовалъ какой либо общій планъ дѣйствій противъ кавказскихъ горцевъ.

Въ управленіи краемъ этого генерала проявляется два совершенно несходныхъ взгляда на отношенія наши къ горцамъ, а слѣдовательно на борьбу съ ними. Въ то время какъ великодушный Императоръ Александръ I, вѣрный своимъ гуманнымъ взглядамъ, порицаетъ дѣйствія тѣхъ начальниковъ, кои дѣлали набѣги на чеченцевъ (князь Эристовъ, при Ртищевѣ), и потому строго запрещаетъ ихъ, повелѣвая взамѣнъ набѣговъ ласковое обхожденіе, генералъ Ермоловъ приказываетъ командовавшему на кавказской линіи генералу Сталю, „для нанесенія чеченцамъ возможнаго вреда, безпокоить и наказывать ихъ внезапными набѣгами“.

Оставаясь вѣрнымъ этому взгляду, генералъ Ермоловъ изложилъ въ докладѣ Государю свое мнѣніе на систему дѣйствій въ Чечнѣ, и въ 1818-мъ году состоялся указъ на имя Ермолова, въ коемъ повелѣвалось: Ермолову, *какъ и всѣмъ могущимъ заступить его мѣсто, утвердиться на р. Сунжѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, занимая лишь то, что удержать за собой можно; не распространяться иначе, какъ ставъ твердой ногой и обезпечивъ занятое пространство отъ покушеній непріязненныхъ*“.

Основываясь на этомъ взглядѣ, мы должны были бы вести войну медленную, но богатую результатами, такъ сказать осаду

горъ, подвигаясь отъ линіи къ линіи только тогда, когда на первой мы обезпечили бы свои власть и вліяніе.

Но Ермоловъ, создавшій эту систему, самъ разрушилъ ее широко развитой системой набѣговъ. Защитники Ермолова говорятъ, что того требовала обстановка, что это результатъ послѣдующаго изученія вопроса; какъ бы то ни было, но система набѣговъ получила со времени Ермолова гражданственность, а прикрытая его авторитетнымъ именемъ, развилась впослѣдствіи до большихъ размѣровъ. Уже съ этихъ поръ планъ бумажный совершенно не сходился съ ходомъ войны на мѣстѣ.

Персидская и турецкая войны отвлекли вниманіе Россіи отъ кавказскихъ горъ и потому о систематизированіи войны въ горахъ вновь заговорили только въ 1830-мъ году, когда Паскевичъ, желая воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ значительныхъ силъ (до 200 т.), стянутыхъ по случаю турецкой войны, предложилъ свой оригинальный планъ: образовать нѣсколько отдѣльныхъ сильныхъ отрядовъ, одновременно направить ихъ съ разныхъ сторонъ въ горы и, такъ сказать, однимъ ударомъ сокрушить ихъ; трудно сказать, удостоился ли бы этотъ планъ одобренія Императора, если-бы Паскевичъ остался на Кавказѣ, но такъ какъ этотъ всесильный человѣкъ тогда же былъ вызванъ въ Польшу, по случаю вспыхнувшаго тамъ возстанія, то планъ его былъ переданъ на разсмотрѣніе особой коммисіи при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, и, съ этихъ поръ, направленіе войны на Кавказѣ перешло въ Петербургъ *).

Въ основу всѣхъ новыхъ соображеній легло повелѣніе Императора Николая I дѣйствовать къ усмиренію горцевъ постепенно, прорѣзывая ихъ земли въ нѣсколькихъ направленіяхъ укрѣпленными линіями. То есть, тоже самое, что уже было повелѣно Императоромъ Александромъ I генералу Ермолову. На основаніи этой мысли, съ 1834-го года корпусные командиры стали получать изъ Петербурга для исполненія предположенія для предстоящаго года.

---

*) На разсмотрѣніе этой коммисіи поступили и всѣ старые и новые проэкты—Мордвинова, Покровскаго, Шанъ-Гирея, Бюрно, Вельяминова, Розена и другихъ.

Въ этихъ предположеніяхъ точно указывается какъ распредѣлить войска, куда ихъ собрать и что исполнить.

Такой порядокъ не всегда согласовался съ нуждами страны и взглядами исполнителей, и потому предписанія изъ Петербурга весьма часто оставались неисполненными; находили тысячи предлоговъ, чтобы отступить отъ плана, и вскорѣ старая система набѣговъ восторжествовала, въ особенности же на лѣвомъ флангѣ.

Причина этого, кажется, кроется въ томъ, что съ 1834-го по 1839-й годъ, лѣвый флангъ не обращалъ на себя вниманія начальства; все оно было поглощено западнымъ Кавказомъ, гдѣ предполагалось рядомъ укрѣпленныхъ пунктовъ по берегу Чернаго моря отрѣзать черкесскія племена отъ вліянія западной Европы. На исполненіе этой задачи потребовались всѣ силы кавказскаго корпуса, а Чечня и Дагестанъ были отданы на произволъ частныхъ начальниковъ.

Такимъ образомъ, въ 1834-мъ году, въ раіонѣ расположенія Куринскаго полка не было никакой опредѣленной задачи. Эта неопредѣленность давала особый характеръ и предпріятіямъ здѣшняго начальства: оно считало себя вправѣ дѣйствовать по своему вкусу и такъ какъ всѣ дѣятели этого раіона были воспитаны въ школѣ Ермолова, то набѣги получили наибольшее развитіе. Самъ начальникъ кавказской линіи генералъ Вельяминовъ, бывшій ранѣе начальникомъ штаба генерала Ермолова, весь проникнутый его системой и взглядами, былъ большой сторонникъ набѣговъ. Его набѣгъ въ Чечню, извѣстный подъ именемъ экспедиціи 1832-го года, сдѣлался образцомъ для всѣхъ подчиненныхъ и всѣ дѣйствія въ Чечнѣ до 1845-го года носятъ на себѣ его характеръ.

Результаты всѣхъ этихъ набѣговъ нынѣ намъ вполнѣ ясны и исторія уже сдѣлала имъ должный приговоръ—она назвала ихъ нетолько безполезными, но и вредными. Но мы всетаки должны познакомиться съ ними, чтобы знать механизмъ тактическаго дѣйствія, извѣстнаго на Кавказѣ подъ именемъ „набѣга“.

Въ 1832-мъ году, чтобы наказать чеченцевъ за сочувствіе Кази-Муллѣ и за грабежи русскихъ поселеній, генералъ Вельяминовъ прошелъ черезъ Чечню, отъ Назрана до Мичика, съ громкою

цѣлью привести въ покорность страну и умиротворить край. Въ отрядѣ было 6 т. человѣкъ съ кавалеріей и артилеріей. Вельяминовъ прошелъ страну, означивъ путь свой потоками крови и рядомъ сожженыхъ ауловъ и вытоптанныхъ полей; кромѣ этихъ тамерлановскихъ памятниковъ, въ Чечнѣ онъ не оставилъ никакихъ другихъ. Даже пройденная полоса попрежнему осталась намъ непокорною. Вотъ какъ разсказываетъ о результатахъ одной части этого похода одинъ изъ близкихъ къ генералу Вельяминову лицъ *). ,,Я не замѣтилъ—говоритъ онъ—чтобы здѣсь много дѣлалось по управленію краемъ,—военные же успѣхи состоятъ въ томъ, что 5-ть деревень карабулакскихъ, въ числѣ 33-хъ дворовъ, вновь покорились нашему правительству и дали аманатовъ; 11-ть же деревень, изъ 63-хъ дворовъ, бывшія прежде покорными, потомъ отложившіяся, снова изъявили покорность... Со всѣхъ этихъ деревень собранныя штрафныя и податныя деньги, безъ сомнѣнія, далеко не покрыли расходовъ на экспедицію, а покорность ими изъявленная не стоитъ ни одного рубля, потому что усмиреніе ихъ ничѣмъ не обезпечивается при нашихъ экспедиціяхъ и покорность ихъ рѣшительно зависитъ отъ собственнаго ихъ произвола, руководимаго обстоятельствами. Сколько разъ присягали иныя племена и измѣняли; сколько разъ иныя деревни были истребляемы, платили штрафъ, и снова бунтовали. Пока экспедиціи не будутъ имѣть основательно расчитанной общей цѣли, до тѣхъ поръ войска, а съ ними и дѣла здѣшняго края, будутъ идти съ такимъ же успѣхомъ, какъ до сихъ поръ шли. Старожилы увѣряютъ, что пока частыя экспедиціи не научили горцевъ русской поговоркѣ: ,,страшенъ громъ, да милостивъ Богъ", до тѣхъ поръ они боялись насъ болѣе и были смирнѣе".

Таковъ результатъ одной изъ крупнѣйшихъ экспедицій знаменитѣйшаго изъ кавказскихъ генераловъ.

А вотъ и характеристическій случай, нерѣдко повторявшійся при этихъ экспедиціяхъ: ,,...но вотъ деревня въ виду—ура! и наши разсыпались по избамъ. Мужчины и женщины захвачены, весь

---

*) Лачиновъ, правитель канцеляріи генеральнаго штаба при генералѣ Вельяминовѣ (См. Кав. Сбор. т. I).

скотъ, все имущество въ рукахъ побѣдителей. Какое торжество! Какъ удачно все кончилось!... (оказалось, что) деревня, въ которую попали и разграбили, была мирная и покойно оставалась въ домахъ; непокорные же воспользовались этимъ и успѣли выбраться въ лѣсъ... По совершенномъ окончаніи всего, что нужно было сдѣлать послѣ описаннаго подвига, отрядъ отправился къ дальнѣйшему назначенію и сжегъ (4) деревни, а также истребилъ ихъ хлѣбныя поля....“

Въ концѣ своихъ разъясненій авторъ говоритъ: „но, ради Бога, не требуйте отъ меня толковыхъ объясненій всѣхъ дѣйствій нашихъ и, между прочимъ, не требуйте отъ меня основательнаго изложенія правилъ, на которыхъ основаны дѣйствія нашихъ съ мирными и немирными“.

Все что сказано выше прекрасно характеризуетъ наши экспедиціи до 1845-го года: всѣ онѣ въ реляціяхъ громко описаны и въ общемъ нисколько не подвинули впередъ нашего господства въ горахъ *).

Но кромѣ отрицательныхъ сторонъ, въ этихъ экспедиціяхъ есть одна положительная сторона—*экспедиціи послужили первыми уроками для кавказскихъ солдатъ*, а Куринскій полкъ изъ этой эк-

---

*) Причина неуспѣха кроется, кромѣ неудовлетворительной системы управленія, въ личныхъ качествахъ начальниковъ, о которыхъ генералъ Вельяминовъ говоритъ: „генералъ-маіоръ Кохановъ назначенъ начальникомъ егерской бригады 20-й дивизіи. По причинѣ расположенія означенной бригады между Пятигорскомъ и Каспійскимъ моремъ можно было бы поручить ему начальство надъ сунженскою линіею. Но дѣйствія его въ Дагестанѣ показываютъ рѣшительный недостатокъ въ воинскихъ способностяхъ, а сверхъ того и хищническая война горцевъ совсѣмъ ему неизвѣстна. Посему нахожу за лучшее поручить сунженскую линію полковнику Шумскому. Хотя и сей послѣдній не имѣетъ порядочныхъ военныхъ способностей, но, по крайней мѣрѣ, знакомъ нѣсколько съ мѣстами, съ народомъ населяющимъ оныя и могъ изъ опытовъ хотя немного познакомиться съ войною горцевъ. Что касается до генералъ-маіора Горихвостова, сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ успѣшно управлять въ Дагестанѣ. Управленіе его въ Кабардѣ и на Сунжѣ не даютъ права ожидать, чтобъ въ Дагестанѣ ваше высокопревосходительство могли бы быть имъ довольны“ (рапортъ генералъ-лейтенанта Вельяминова командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-адъютанту барону Розену, отъ 10-мая 1834-го года, № 212. Дѣло арх. окружнаго штаба № 47).

спедиціи вынесъ ту практику и навыкъ къ горной и лѣсной войнѣ, которыя подарили исторіи полка тѣ славныя страницы, которыми мы справедливо гордимся теперь.

Въ предыдущихъ главахъ мы старались охарактеризовать Куринскій полкъ по приходѣ его въ кр. Грозную; говорили объ его организаціи, штабъ-квартирной жизни, обученіи и тактическихъ пріемахъ; теперь обратимся къ перечню военныхъ дѣйствій, причемъ будемъ останавливаться на болѣе крупныхъ.

Въ 1832-мъ году, *Гамзатъ-бекъ* сталъ энергично продолжать дѣло Кази-Муллы, убитаго въ Гимрахъ въ предыдущемъ году. Въ началѣ 1834-го года новый имамъ истребилъ аварскую ханскую семью и сталъ грозить тѣмъ же всѣмъ преданнымъ Россіи, въ числѣ которыхъ на первой очереди стояли шамхалъ тарковскій, ханъ мехтулинскій и княжескіе роды кумыкской плоскости. Чтобы охранить этихъ подданныхъ Россіи, въ теченіе 1833—34-го годовъ содержались наблюдательные отряды, изъ коихъ одинъ былъ у Темиръ-Ханъ-Шуры, а другой у кр. Внезапной. Но Гамзатъ-бекъ не рисковалъ спуститься на плоскость; онъ ограничился пропагандой своего ученія черезъ преданныхъ себѣ людей; подстрекалъ жителей на набѣги въ предѣлахъ русскихъ владѣній и тѣмъ самымъ тревожилъ всю линію. Особенный успѣхъ имамъ имѣлъ въ нагорномъ Дагестанѣ, откуда вліяніе его стало распространяться въ Аухѣ, Ичкеріи и даже въ собственно Чечнѣ. Здѣсь главнымъ подстрекателемъ явился ичкеринецъ *Ташовъ-Хаджи*, бывшій въ перепискѣ съ дагестанскими учеными муллами и изъ лѣсовъ Ичкеріи призывавшій чеченцевъ на общее дѣло. Но Чечня того времени не была готова къ чему нибудь серьезному; она только собиралась. Русскія власти видѣли эти сборы, но недостаточно оцѣнили ихъ важность. Сослуживцамъ Вельяминова не дано было прозрѣть силу, которая концентрировалась здѣсь и обнаружилась черезъ десять лѣтъ послѣ этого въ объединенной Чечнѣ. Въ тридцатыхъ годахъ на социальное движеніе въ Чечнѣ всѣ смотрѣли какъ на наивныя шалости глупыхъ людей, которыхъ никогда не поздно наказать и возвратить на путь истины. Этимъ взглядомъ объясняется и то обстоятельство, что русскіе отряды на лѣвомъ флангѣ являлись только туда, гдѣ

собиралась непріятельская толпа; вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этой толпы распускался и самый отрядъ, пока не являлась надобность опять дать отпоръ ,,новой" толпѣ или же наказать какой нибудь аулъ.

При такой системѣ военныхъ дѣйствій мы бы напрасно искали связи между экспедиціями тридцатыхъ годовъ и потому ограничимся голымъ перечнемъ тѣхъ событій, въ которыхъ участвовалъ Куринскій полкъ.

Въ концѣ лѣта 1834-го года всѣ ожидали нападенія Гамзатъ-бека на кумыкскую плоскость и повторенія чего нибудь въ родѣ смѣлаго набѣга Кази-Муллы на Кизляръ. Для противудѣйствія имаму, войска лѣваго фланга были усилены и четыре баталіона, съ 10-ю орудіями и 300 казаковъ, были стянуты къ крѣпости Внезапной. Отрядомъ командовалъ, за болѣзнью начальника сунженской линіи, подполковникъ Пулло. Въ числѣ пѣхоты были 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка.

Въ виду сбора отряда Пулло, Гамзатъ-бекъ не рѣшился спуститься на плоскость и распустилъ свою дружину. Обстоятельство это навело начальника отряда на мысль наказать салатавцевъ, ауховцевъ и качкалыковцевъ за то, что, говоря словами донесенія подполковника Пулло, ,,они, будучи обольщаемы предпріимчивымъ мошенникомъ Гамзатъ-бекомъ... явно вознамѣрились принять предлагаемый имъ отъ него лжепоучительный шаріатъ,... и что нѣкоторыя деревни сихъ покорныхъ намъ народовъ не выполняютъ уже никакихъ требованій съ нашей стороны и не доставляютъ слѣдующихъ, вмѣсто помершихъ, другихъ аманатовъ, а равно и подлежащей подати".

25-го августа 1834-го года подполковникъ Пулло, оставивъ въ деревнѣ Андреевой двѣ роты, съ остальными войсками двинулся вверхъ по рѣкѣ Акташъ. Въ день выступленія, къ Пулло явились старшины почти всѣхъ ауловъ съ изъявленіемъ полной готовности исполнить требованіе начальника отряда. Изъ ущелья Акташа Пулло двинулся въ ущелье Аксая; здѣсь повторилось тоже самое; тогда подполковникъ Пулло, обязавъ жителей содержать караулы противъ злоумышленниковъ, самъ двинулся черезъ деревню Андрееву

на Сулакъ; здѣсь отдѣлилъ отъ отряда два баталіона въ распоряженіе начальства верхняго Дагестана, а самъ съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами Куринскаго полка возвратился въ Андрееву деревню и узнавъ, что въ аулѣ Окрай, лежащемъ въ семи верстахъ отъ Герзель-аула, собирается партія горцевъ, рѣшился атаковать ее.

Въ ночь съ 7-го на 8-е октября 1834-го года колонна подполковника Пулло, усиленная кумыкскою милиціею, окружила аулъ Окрай; паразсвѣтѣ, когда куринцы ворвались въ аулъ, оказалось, что въ немъ было всего 9-ть человѣкъ; остальные успѣли скрыться въ сосѣднихъ лѣсахъ. Въ то время, когда нашъ отрядъ раззорялъ аулъ, въ окрестностяхъ стали появляться партіи чеченцевъ; въ виду этого, начальникъ отряда, предавъ аулъ огню, поторопился отступить. Въ арріергардѣ остался 3-й баталіонъ, подъ командой маіора Берзуля.

Завязалась сильная перестрѣлка; куринцы дебютировали въ роли арріергардныхъ бойцовъ, т. е. въ той самой роли, которая впослѣдствіи прославила имя полка. Но чеченцы преслѣдовали очень робко и отрядъ вскорѣ вышелъ на плоскость, гдѣ непріятель прекратилъ всякое преслѣдованіе. Потеря наша въ дѣлѣ 8-го октября заключалась въ 2-хъ убитыхъ и 5-ти раненыхъ, въ числѣ которыхъ ранено три куринца.

Изъ крѣпости Внезапной Пулло возвратился въ Грозную, а колонна, подъ командой маіора Берзуля, двинулась на Сулакъ въ ожиданіи дѣйствій дагестанскаго отряда. Части эти безъ особой пользы простояли на Сулакѣ до половины ноября и затѣмъ разошлись по квартирамъ: 1-й баталіонъ въ станицы Червленную и Калиновскую, а 3-й—въ Ново-Гладковскую, Шелковую, Парбочеву и Щедринскую.

Такъ кончилась первая экспедиція частей новаго Куринскаго полка *) въ 1834-мъ году.

---

*) Въ отрядѣ были 1-й и 3-й баталіоны, а также прикомандированныя къ нимъ части 5-й, 6-й и 15-й ротъ. Всего: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 17, унтеръ-офицеровъ 68, музыкантовъ 29, рядовыхъ: старослужащихъ 541 и рекрутъ 101.

Причиной преждевременнаго возвращенія изъ отряда подполковника Пулло было полученное имъ отъ начальника дивизіи предписаніе принять Куринскій полкъ отъ полковника Шумскаго.

Одновременно съ этимъ, у горцевъ произошла важная перемѣна: вмѣсто убитаго Гамзатъ-бека, имамомъ былъ провозглашенъ гимринскій житель, бывшій мюридомъ у Кази-Муллы и человѣкъ отличавшійся выдающимися способностями,—это былъ будущій владыка горъ—*Шамиль*, въ борьбѣ съ которымъ куринцы обрѣли лучшія страницы своей исторіи. Но пока Шамиль успѣлъ организовать борьбу съ русскими на прочныхъ основаніяхъ и для того сплотить въ своихъ рукахъ населеніе Чечни, прошло довольно времени, въ теченіе котораго куринцы продолжали свою труженическую и негромкую жизнь на лѣвомъ флангѣ.

Въ августѣ 1834-го года, на лѣвомъ флангѣ случились два происшествія, обратившія на себя особое вниманіе начальства. Первое изъ нихъ—разграбленіе покорными намъ салатавцами кумыкскихъ ауловъ и второе—нападеніе 22-го августа партіи чеченцевъ, силой до 200-тъ человѣкъ, на табунъ грозненскаго гарнизона, причемъ отогнано было до 200-тъ лошадей и изрублены 10-ть егерей тифлисскаго полка, оружіе которыхъ досталось въ добычу чеченцамъ. Эти два событія произвели тяжелое впечатлѣніе на мирное населеніе лѣваго фланга. По дознанію оказалось, что зачинщиками обоихъ происшествій были кабардинскіе и чеченскіе абреки, во множествѣ жившіе въ мирныхъ аулахъ Чечни и Салатавіи; корпусный командиръ приказалъ взыскать съ виновныхъ ауловъ стоимость потерь, и если жители откажутся добровольно исполнить волю начальства, то наказать ихъ помощью войскъ. Такъ какъ требованіе начальства было исполнено не всѣми, то для наказанія нѣкоторыхъ рѣшено было употребить силу.

Предписаніе объ этомъ подполковникъ Пулло получилъ непосредственно отъ корпуснаго командира, и, 21-го декабря 1834-го года, собравъ въ Грозной отрядъ изъ 4½ баталіоновъ пѣхоты, 7-ми орудій, 2-хъ сотенъ казаковъ и ½ сотни милиціи *), двинулся вверхъ

*) Въ этомъ отрядѣ были 5-ть ротъ куринцевъ, а остальные—баталіоны пришедшіе незадолго изъ Грузіи (тифлисскаго и мингрельскаго полковъ).

по Сунжѣ. Оставивъ одинъ баталіонъ въ Кулары, съ остальными силами Пулло переправился черезъ Сунжу у аула Горишки, близъ устья Ассы.

Съ 22-го по 27-е декабря Пулло обошелъ большую часть пространства между Сунжей и низовьями Ассы, Пешхой и Мартанъ; 32 хутора съ 200 домовъ покорились силѣ его отряда, много хуторовъ выжжено и отрядъ, не встрѣчая нигдѣ сильнаго сопротивленія, возвратился въ Грозную.

11-го января 1835-го года Пулло повторилъ движеніе, но на этотъ разъ, переправясь съ отрядомъ черезъ Сунжу у аула Кулары, двинулся вверхъ по р. Гехи къ большому аулу Мирзахапъ-Юрту. Отсюда отрядъ пошелъ къ Гуною, и въ теченіе трехъ дней обошелъ почти все теченіе Гехи и Мартанъ; чеченцы при приближеніи отряда разбѣгались, бросая имущество, и Пулло, считая страну вполнѣ покорною, 14-го января вновь возвратился въ Грозную, чтобы, немного отдохнувъ, двинуться вверхъ по Аргуну къ аулу Чахкери *).

Въ ночь съ 14-го на 15-е января, усиливъ свой отрядъ еще четырмя ротами куринцевъ, подполковникъ Пулло двинулся къ Чахкери и затѣмъ, до 24-го числа, обошелъ почти всю плоскостную большую Чечню, причемъ побывалъ и въ ущельи Аргуна, въ аулахъ Чишки и Дачу-Барзой, затѣмъ перешелъ въ Шали, Герменчукъ и Гельдыгенъ и дошелъ до самаго Маюртупа, откуда черезъ Белгатой возвратился на Аргунъ и 25-го былъ уже въ Грозной, чтобы распустить войска на отдыхъ. За все время похода въ отрядѣ Пулло было убитый 1 и раненыхъ 10. Въ числѣ раненыхъ были Куринскаго полка штабсъ-капитанъ Тулинскій и нижнихъ чиновъ 3.

Въ теченіе описанныхъ экспедицій, подполковникъ Пулло обошелъ аулы Чечни и съ лихвой взыскалъ съ нихъ стоимость табуна, угнаннаго изъ Грозной въ августѣ 1834-го года. Эти экспедиціи можно сравнить съ экзекуціями въ своей странѣ—такъ мало походили онѣ на эпизоды войны; достойно замѣчанія, что въ тѣхъ са-

---

*) Здѣсь впослѣдствіи построена крѣпость Воздвиженская. Въ отрядѣ были два сводныхъ баталіона Куринскаго полка, въ составѣ 2-хъ штабъ-офицеровъ (маіоры Берзуль и Анастасіевъ), 18-ти оберъ-офицеровъ и 1015-ти нижнихъ чиновъ.

мыхъ аулахъ, одно приближеніе къ которымъ въ пятидесятыхъ годахъ сдѣлалось опаснымъ для многочисленныхъ отрядовъ Фрейтага, барона Врангеля, князя Барятинскаго и Евдокимова, Пулло гулялъ съ нѣсколькими ротами куринцевъ. Недоказываетъ ли это, что Чечня 1835-го года была страной, населенной не тѣми чеченцами, которые впослѣдствіи ставили цѣлью жизни своей пролитіе русской крови? Интересно было бы тщательно изучить—почему въ этой же Чечнѣ малочисленный отрядъ Пулло вездѣ былъ встрѣчаемъ цѣлыми депутаціями стариковъ, которые сами приводили аманатовъ, уплачивали подати и даже, въ Маюртупѣ, сдали ему чугунную пушку *), обѣщая доставить и другую, которая была гдѣ-то скрыта? Почему знаменитое аргунское ущелье, взятіе котораго стоило цѣлыхъ потоковъ русской крови въ 1852-мъ и 58-мъ годахъ, въ 1835-мъ году какъ бы само раскрывалось передъ горстью егерей и въ тѣхъ же Дачу-Барзоѣ и Чишкахъ, гдѣ куринцы въ 1858-мъ году потеряли болѣе 100 человѣкъ, чеченцы безъ сопротивленія выдавали намъ плѣнныхъ, забранныхъ Кази-Муллой въ Кизлярѣ **)? Причина всего этого, очевидно, заключалась въ томъ, что въ Чечнѣ 1834-го года не было никакой организаціи и—главное—никакого озлобленія противъ русскихъ; только съ появленіемъ авторитетныхъ руководителей возстанія, которымъ мы не съумѣли помѣшать, стало развиваться опредѣленное ученіе о необходимости борьбы съ русскими. Главнымъ двигателемъ этого ученія сталъ Шамиль и его агенты: Ташовъ-Хаджи, Уди и Мегмедъ-Эфенди ***). Ихъ усиліями Чечня стала волноваться; въ концѣ 1835-го года одиноч-

---

*) Пушки эти оказались тѣми, которыя были дарованы аксаевскому султану Махмуду, кажется, Императоромъ Петромъ I. Пушки были увезены изъ Аксая въ 1825-мъ году, послѣ нападенія маюртупцевъ на Аксай (Изъ рапорта Пулло).

**) Здѣсь была плѣнная вдова священника Баратова.

***) Ташовъ-Хаджи родился на Мичикѣ и былъ мюридомъ у Кази-Муллы. Послѣ смерти имама, Хаджи возвратился въ Чечню, поселился въ Бей-Булатъ-Юртѣ, въ верховьяхъ Мичика, и отсюда сталъ распространять мюридизмъ. Онъ былъ первый проповѣдникъ этого ученія въ Чечнѣ, и въ то время, когда безпорядки, происшедшіе въ Дагестанѣ послѣ смерти Гамзатъ-бека, грозили распаденіемъ послѣдователей Кази-Муллы, Ташовъ-Хаджи разослалъ свои прокламаціи

ныя вспышки стали показываться въ разныхъ углахъ страны; имена агитаторовъ начали повторяться чаще и чаще, образовались центры, куда стали стекаться какія-то таинственныя личности. Душою движенія сдѣлался Ташовъ-Хаджи. Въ апрѣлѣ 1835-го года онъ собралъ партію въ 100 человѣкъ и сталъ дѣлать набѣги на тѣ чеченскія и ичкеринскія деревни, которыя не принимали его ученія. Вскорѣ партія Хаджи усилилась и онъ совершилъ объѣздъ Чечни, вездѣ проповѣдуя шаріатъ; Хаджи посѣтилъ аулы Шали, Атагу и затѣмъ, по пути на кумыкскую плоскость, побывалъ въ аулахъ Устаръ-Гордой и Косыръ, расположенныхъ въ 15-ти верстахъ отъ Грозной, на правомъ берегу Аргуна. Ташовъ вездѣ встрѣчалъ гостепріимство и—главное—сочувствіе, хотя ни одна деревня не рискнула открыто возстать противъ русскихъ. Впрочемъ Хаджи вначалѣ и не проповѣдывалъ войну; онъ запрещалъ только сношенія съ невѣрными и требовалъ домашней жизни, согласной съ правилами шаріата. Но эта проповѣдь была только началомъ дѣла, конечная цѣль котораго ясно высказана въ послѣдующихъ воззваніяхъ Хаджи къ аксаевцамъ: „...если вы уразумѣете шаріатъ, тогда прекратятся всякіе на васъ набѣги, чинимыя сосѣдственными вамъ народами—говоритъ Хаджи—и я, съ помощью Всевышняго, исподоволь, въ продолженіи десяти или пятнадцати лѣтъ, искореню всякіе между вами возникающіе споры и развратъ и поставлю васъ на такую степень, что вы не будете покорны невѣрнымъ“.

дагестанскимъ мулламъ, которыхъ укорялъ въ измѣнѣ слову пророка. Энергичный Хаджи приглашалъ правовѣрныхъ къ газавату и, въ случаѣ непослушанія, грозилъ явиться въ Дагестанъ для наказанія измѣнниковъ. Впослѣдствіи, Ташовъ-Хаджи подчинился вліянію Шамиля, къ которому ѣздилъ на совѣщаніе въ 1835-мъ году. Возвратившись изъ Дагестана, Ташовъ-Хаджи организовалъ сильную партію и сдѣлался опаснымъ врагомъ русскихъ въ Чечнѣ.

Уди-Мулла, староюртовскій чеченецъ и фанатикъ, былъ постоянно съ Ташовъ-Хаджи, въ качествѣ его подручника.

Мегметъ-Эфенди, герменчукскій житель, мюридъ Кази-Муллы, былъ посланъ первымъ имамомъ въ Константинополь по какому-то секретному дѣлу. Заручившись письмомъ русскаго посла въ Стамбулѣ, Мегметъ-Эфенди явился въ 1834-мъ году въ Тифлисъ къ барону Розену, и, подъ видомъ ревнителя русскихъ интересовъ, вошелъ въ сношеніе съ мирными аулами, устраивалъ съ вѣдома русскихъ властей сходки и впослѣдствіи оказался проповѣдникомъ мюридизма.

Вслѣдъ за воззваніемъ, Ташовъ-Хаджи посѣтилъ Аухъ и возвратился на Мичикъ, гдѣ поселился въ аулѣ Гонсоль и сталъ его укрѣплять.

Всѣ эти обстоятельства побудили Пулло сформировать два подвижныхъ резерва: одному изъ нихъ (3-й баталіонъ Куринскаго полка, 150-тъ казаковъ и три орудія), подъ командой Куринскаго полка маіора Берзуля, велѣно расположиться въ Ташъ-Кичу для охраны кумыкской плоскости, а другому (2-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, съ 4-мя полевыми орудіями)—подъ личной командой Пулло,—въ Грозной *).

Движеніе чеченцевъ ранѣе другихъ мѣстъ обнаружилось на р. Гойтѣ, въ аулѣ Энгеликъ.

Для наказанія этого аула, подполковникъ Пулло стянулъ въ Грозную сводный отрядъ, изъ 1200 человѣкъ куринцевъ **), 500-тъ казаковъ, при 7-ми орудіяхъ, и вечеромъ 11-го іюня 1835-го года двинулся черезъ ханкальское ущелье на р. Гойту. На разсвѣтѣ 12-го, отрядъ нашъ окружилъ Энгеликъ. Чеченцы были застигнуты врасплохъ; но, не смотря на это, завязался такой упорный бой, какого до сихъ поръ въ Чечнѣ не бывало. На выстрѣлы стали сбѣгаться сосѣдніе жители и Пулло, видя это, поторопился зажечь аулъ и двинулся въ боевомъ порядкѣ къ Геленъ-Гойтѣ. Чеченцы окружили отрядъ и настойчиво преслѣдовали наши боковыя цѣпи. Здѣсь куринцы впервые дебютировали въ лѣсу на штыкахъ. Чеченцы нѣсколько разъ бросались въ шашки и прекратили преслѣдоніе лишь послѣ семичасоваго боя, когда отрядъ сталъ подходить къ Геленъ-Гойтѣ. Къ вечеру толпы чеченцевъ стали умножаться и Пулло основательно ожидалъ новыхъ атакъ. 13-го числа отрядъ Пулло, вѣроятно чтобы избѣгнуть густыхъ лѣсовъ, двинулся къ Аргуну. Непріятель толпами провожалъ отрядъ до самаго Аргуна, а здѣсь новыя толпы показались на правомъ берегу рѣки. Но чеченцы не рискнули атаковать русскаго отряда на открытомъ мѣстѣ, и Пулло двинулся внизъ по Аргуну, осматривая по пути переправы

*) 1-й баталіонъ оставался въ Внезапной, а 3-й—по станицамъ, на Терекѣ.

**) Три сводныхъ баталіона.

черезъ рѣку у Тепли, Устаръ-Гордоя и Гурдали. 16-го числа Пулло возвратился въ Грозную, гдѣ и расположилъ куринцевъ лагеремъ.

Какъ видно изъ этого описанія, экспедиція въ Энгеликъ уже носитъ на себѣ характеръ тѣхъ упорныхъ битвъ, которыя составили боевую школу куринцевъ. Отрядъ Пулло потерялъ 2-хъ убитыхъ и 14-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ. Непріятель имѣлъ, по донесенію Пулло, 43-ри раненыхъ и убитыхъ. Но не эти потери даютъ значеніе энгеликскому дѣлу, а то, что чеченцы видѣли въ своей потерѣ жертву, принесенную въ борьбѣ за свободу.

Между тѣмъ, Ташовъ-Хаджи неутомимо продолжалъ свою пропаганду; послѣ 1-го іюня онъ посѣтилъ Веденъ и Чаберлой, вездѣ проповѣдуя шаріатъ, и въ то же время разсылалъ значительныя партіи то на Сунжу, то на кумыкскую плоскость и находился въ перепискѣ съ дагестанскими муллами и Шамилемъ. Лазутчики ежедневно приносили вѣсти объ усиленіи партіи Ташовъ-Хаджи и о намѣреніи его напасть то на Внезапную, то на Грозную; въ виду опасности, Пулло не переставалъ просить подкрѣпленій, указывая на невозможность охранять обширный раіонъ лѣваго фланга съ пятью далеко некомплектными баталіонами Куринскаго полка. Дѣйствительно, положеніе подполковника Пулло было весьма трудное и, къ чести его надо сказать, онъ ни при одной встрѣчѣ не давалъ торжествовать непріятелю.

Въ концѣ іюля 1835-го года выяснилось, что Ташовъ-Хаджи при всемъ стараніи не могъ собрать большой партіи и, предпочитая выждать удобнаго случая, проживалъ на Мичикѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи до 500-тъ человѣкъ. Пулло двинулся искать врага въ его собственномъ домѣ.

26-го іюля подполковникъ Пулло, собравъ всѣ свободныя силы въ Грозной, двинулся черезъ Брагуны въ Ташъ-Кичу и здѣсь, присоединивъ къ себѣ колонну маіора Берзуля, составилъ отрядъ изъ 1-го, 3-го, 4-го и своднаго (изъ ротъ 2-го и 5-го) баталіоновъ Куринскаго полка, съ 5-ю сотнями казаковъ и 10-ю орудіями и двинулся черезъ Ойсунгуръ на мичиковскій аулъ Казбекъ-Юртъ, гдѣ были собраны запасы для партіи Ташовъ-Хаджи. Въ три часа

ночи отрядъ пришелъ въ Ойсунгуръ, съ цѣлью отдохнуть; но бдительный караулъ непріятеля открылъ приближеніе русскихъ и Пулло долженъ былъ, прервавъ отдыхъ, двинуться въ Мичику. За Мичикомъ почти рядомъ лежали хутора Баматъ-Юртъ, Сагиль-Юртъ, Дурной-Юртъ и Казбекъ-Юртъ. Пулло рѣшился атаковать всѣ эти аулы въ одно время.

Маіору Берзулю, съ шестью ротами егерей и двумя горными орудіями, приказано было идти на Казбекъ-Юртъ и Баматъ-Юртъ; двѣ роты, съ двумя сотнями казаковъ и двумя орудіями, были направлены на Сагиль-Юртъ, лежащій недоходя до Казбекъ-Юрта; 1-й баталіонъ, съ 3-мя орудіями, сотней казаковъ и частью милиціонеровъ, былъ направленъ, подъ командой подполковника Циклаурова, на Дурной-Юртъ, а 4-й баталіонъ, съ ½ сотнею казаковъ, при 3-хъ орудіяхъ, подъ командой подполковника Пантелѣева, былъ оставленъ въ резервѣ.

Колонна подполковника Циклаурова успѣла занять Дурной-Юртъ; но другія колонны, имѣя передъ собой чрезвычайно пересѣченную мѣстность, не могли оріентироваться во мракѣ, и потому атака была отложена до утра. На разсвѣтѣ была устроена батарея и началась канонада. Вслѣдъ затѣмъ маіоръ Берзуль стремительно атаковалъ аулъ и при содѣйствіи казаковъ ворвался въ него. Къ 6-ти часамъ утра всѣ аулы, послѣ упорнаго сопротивленія, были заняты и окружены нашею цѣпью. На тревогу подошли партіи Ташовъ-Хаджи, Уди-Муллы и Мустафа-Муллы гребенчукскаго, такъ что къ утру противъ подполковника Пулло собралось до 2-хъ т. человѣкъ; не смотря на это, начальникъ отряда не хотѣлъ отступить, пока не уничтожилъ всѣ запасы и не сжегъ ауловъ. Для этого отряду пришлось остаться на Мичикѣ цѣлый день и только 1-го августа русскія войска двинулись въ обратный путь. Непріятель преслѣдовалъ наши войска, а самъ Ташовъ-Хаджи занялъ съ большими силами путь отступленія; но это препятствіе не задержало отряда: авангардъ подполковника Циклаурова очистилъ дорогу штыками и весь отрядъ благополучно собрался у Ойсунгура, имѣя въ теченіе всей экспедиціи одного раненаго офицера и 2-хъ убитыхъ и 39-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Оставивъ въ Ташъ-кичу 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка, подполковникъ Пулло съ остальными войсками возвратился въ Грозную.

Эти успѣхи весьма сильно поколебали авторитетъ Ташовъ-Хаджи, но не убили его энергіи. Вслѣдъ за этимъ онъ вновь сталъ собирать партіи и не переставалъ безпокоить сунженскую линію.

5-го ноября 1835-го года Пулло двинулся за Аргунъ, чтобы наказать жителей Устаръ-Гордоя и Косыръ-Юрта. Въ его отрядѣ были 14-ть ротъ Куринскаго полка. Озадаченные внезапнымъ появленіемъ русскихъ, и видя, что сопротивленіе не послужитъ ни къ чему, жители Устаръ-Гордоя немедленно изъявили покорность, въ залогъ вѣрности выдали аманатовъ и уплатили подати и штрафы; жители же Косыръ-Юрта, которые не хотѣли покориться, понесли страшное наказаніе; аулъ былъ сожженъ, 9-ть человѣкъ взято въ плѣнъ, а 16-ть оставлено намѣстѣ убитыми. Съ нашей стороны потерь не было. Вслѣдъ затѣмъ, считая нужнымъ уничтожить Касякирой-Юртъ, одинъ изъ сборныхъ пунктовъ хищниковъ, подполковникъ Пулло двинулся за рѣку Гудермесъ, атаковалъ мятежниковъ и, не смотря на упорное сопротивленіе ихъ, ворвался въ аулъ. При этомъ 76-ть непріятельскихъ тѣлъ остались на мѣстѣ боя, 40 душъ попало въ плѣнъ; имущество и скотъ достались куринцамъ, а все, что не могло быть увезено, было истреблено. Уронъ нашъ—1 убитый и 19-ть раненыхъ. Всего въ теченіе 1835-го года куринцы потеряли убитыхъ 4 и раненыхъ 68, въ числѣ которыхъ былъ штабсъ-капитанъ Тулинскій.

Въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1836-го года Куринскій егерскій полкъ жилъ довольно спокойно. Только одинъ разъ, 13-го января, 3-й баталіонъ маіора Берзуля, квартировавшій въ ст. Щедринской, былъ встревоженъ нападеніемъ чеченцевъ на ст. Парбочеву; но пока баталіонъ прибѣжалъ на помощь, чеченцы успѣли перейти по льду черезъ Терекъ и угнать захваченный скотъ. Между тѣмъ, Ташовъ-Хаджи въ теченіе зимы успѣлъ сговориться съ Шамилемъ и весной пошелъ къ нему на свиданіе въ Дагестанъ. Это было время зарождавшейся славы новаго имама: онъ приво-

дилъ въ исполненіе приговоръ свой надъ непокорными себѣ аулами Аваріи и Койсубу, гдѣ авторитетъ его вскорѣ вполнѣ утвердился. Ташовъ-Хаджи помогъ Шамилю въ набѣгахъ на койсубулинскіе аулы и затѣмъ, распуская слухъ, что идетъ для нападенія на кумыкскую плоскость, возвратился въ Чечню и, поселившись близь Маюртупа, въ аулѣ Бей-Булатъ-Юртъ, продолжалъ отсюда свою пропаганду.

Все это заставило подполковника Пулло обратить особое вниманіе на оборону кумыкской плоскости; явилась необходимость для охраненія страны сформировать особый отрядъ изъ 1-го и 3-го баталіоновъ Куринскаго же полка. Оставивъ въ началѣ марта свои зимовыя квартиры, эти 8-мь ротъ, предводимыя командиромъ полка полковникомъ Пулло, совершаютъ въ продолженіе десяти дней (съ 7-го по 17-е марта) безпрерывныя движенія по кумыкской плоскости, перерѣзывая ее въ разныхъ направленіяхъ, на пространствѣ отъ Амиръ-Аджи-Юрта до Ташъ-Кичу и Внезанной. Этими передвиженіями Пулло полагалъ охранять страну, но не видя нигдѣ противника, самъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и 17-го числа, присоединивъ къ своему отряду еще нѣсколько ротъ, двинулся въ Чечню, избравъ цѣлью движенія аулъ Бей-Булатъ-Юртъ, на Мичикѣ, гдѣ жилъ самъ Ташовъ-Хаджи.

Переправившись за р. Мичикъ 17-го марта, отрядъ подошелъ къ аулу и, предавъ его совершенному истребленію, немедленно пошелъ назадъ. По первому извѣстію объ участи Бей-Булатъ-Юрта, непріятель собрался большими толпами и бросился преслѣдовать Пулло; но начальникъ отряда успѣлъ благополучно отступить, имѣя по пути жаркія перестрѣлки, причемъ непріятель понесъ большой уронъ и оставилъ въ нашихъ рукахъ 7-мь человѣкъ плѣнныхъ. Однако, непріятель на этотъ разъ сражался отчаянно и нанесъ намъ большой уронъ. Мы потеряли: убитыми—прапорщиковъ Поуталова и Воронцова; ранеными—поручика Коринфіо и контуженнымъ—подполковника Пантелѣева. Нижнихъ чиновъ убито 2, ранено 20, контужено 3.

На пути изъ Бей-Булатъ-Юрта полковникъ Пулло получилъ извѣстіе, что мятежники не только не отказались отъ мысли на-

пасть на кумыкскія владѣнія, но еще волнуютъ покорныхъ намъ жителей качкалыковскихъ и ауховскихъ ауловъ, которые обѣщали свое содѣйствіе мятежникамъ. 7-го апрѣля, многочисленная партія сдѣлала нападеніе на мирной аулъ Старый-Аксай, гдѣ были расположены двѣ роты куринцевъ, подъ командой капитана Витторта. Положеніе было опасное, но Пулло успѣлъ отстоять аулъ съ помощью куринцевъ, подоспѣвшихъ на помощь; жители съ ихъ имуществомъ были спасены, и, при сильной перестрѣлкѣ арріергарда съ напиравшими на него горцами, 8-го числа переведены подъ укрѣпленіе Ташъ-Кичу. Однако, положеніе кумыкской плоскости сдѣлалось настолько опаснымъ, что пришлось притянуть сюда изъ Дагестана два баталіона апшеронскаго и спѣшно возвратить изъ Назрана 3-й баталіонъ Куринскаго полка *). Съ помощью этихъ силъ удалось возстановить порядокъ. Полковникъ Пулло, послѣ отступленія Ташовъ-Хаджи, продолжалъ прикрывать страну, какъ бы патрулируя между Ташъ-Кичу, Внезапной и Щедринской.

Присутствіе Пулло на кумыкской плоскости было тѣмъ болѣе необходимо, что мятежники, несмотря на всѣ неудачи, не оставляли своихъ замысловъ, а, напротивъ, постепенно усиливаясь и появляясь въ различныхъ мѣстахъ края, успѣли, наконецъ, возмутить мирныхъ качкалыковцевъ и ауховцевъ. Чтобы удержать въ покорности эти общества и защитить прочіе мирные аулы, полковникъ Пулло, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 1-го и 4-го баталіоновъ и 2-й и 5-й карабинерныхъ ротъ Куринскаго полка, двинулся во 2-й половинѣ апрѣля къ качкалыковскимъ, ауховскимъ и мичиковскимъ ауламъ. Явившись на мѣсто, Пулло потребовалъ немедленнаго безусловнаго повиновенія и аманатовъ изъ болѣе почетныхъ семействъ. Требованіе русскихъ было исполнено и, такимъ образомъ, порядокъ былъ возстановленъ.

Но лишь только отрядъ Пулло разошелся, Ташовъ-Хаджи вновь началъ свои происки. Онъ чувствовалъ, что русскіе на лѣ-

*) Баталіонъ этотъ былъ откомандированъ въ вѣдѣніе владикавказскаго коменданта послучаю безпорядковъ въ Назранѣ и находился въ отсутствіи съ 28-го марта по 14-е апрѣля.

вомъ флангѣ недостаточно сильны, чтобы уничтожить его замыслы и потому „ковалъ желѣзо“ при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ взятія русскими Бей-Булатъ-Юрта, онъ оставилъ Мичикъ и переселился въ с. Зандакъ (въ Аухѣ), который сдѣлался центромъ движенія Чечни.

Пулло, зорко слѣдившій за каждымъ шагомъ Ташовъ-Хаджи и полагавшій доконать его неотступнымъ преслѣдованіемъ вездѣ, куда бы онъ ни явился, считалъ нужнымъ двинуться въ Зандакъ, но усилившееся волненіе въ самой Чечнѣ, гдѣ Уди-Мулла и Мегметъ-Эфенди угрожали мирнымъ ауламъ и станицамъ, заставили временно отложить движеніе на новую резиденцію Ташовъ-Хаджи. Куринцы въ это время были разсѣяны по всей линіи: 1-й баталіонъ работалъ на веркахъ Внезапной, а остальныя десять ротъ, незанятыхъ гарнизонной службой, были на постахъ, или составляли подвижной резервъ по всей сунженской линіи. Въ іюлѣ 1-й баталіонъ былъ смѣненъ четвертымъ. Въ этомъ положеніи полкъ находился до середины августа 1836-го года, когда рѣшено было двинуться на аулъ Зандакъ.

21-го августа, отрядъ, составленный изъ 1-го и 3-го баталіоновъ и 2-й, 4-й и 5-й карабинерныхъ, 10-й, 12-й и 15-й егерскихъ ротъ куринцевъ, сосредоточился на кумыкской плоскости, а 23-го подступилъ къ Зандаку. Скрыть движеніе было невозможно; мятежники успѣли приготовиться къ упорной оборонѣ, и аулъ предстояло брать открытою силою. Полковникъ Пулло немедля нимало двинулъ впередъ роты. Горцы открыли ружейный огонь и, постепенно усиливая его, надѣялись остановить атаку; но егеря не обращали вниманія на выстрѣлы непріятеля и быстро приближались къ цѣли. Подойдя на самое близкое разстояніе, куринцы кинулись впередъ, на „ура“. Резервы поддержали ихъ и въ одно мгновеніе аулъ былъ нашъ. До сихъ поръ мятежники защищались упорно, но тутъ дрогнули: бѣгство сдѣлалось общимъ; аулъ занятъ и преданъ пламени. Изъ числа его защитниковъ, 47-мь человѣкъ убито, 70-ть ранено, 31-нъ взято въ плѣнъ. Сверхъ того, захвачено много рогатаго скота. Что касается до нашей потери, она не превышала 4-хъ убитыхъ, 23-хъ раненыхъ и одного контуженнаго. Раненъ тогда

же штабсъ-капитанъ Васильевъ. Съ взятіемъ Зандака, военныя предпріятія Куринскаго полка на нѣкоторое время прекратились. 1-й и 3-й баталіоны пользовались отдыхомъ въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, а прочія части, дѣйствовавшія въ послѣднихъ походахъ, оставались на квартирахъ еще долѣе. Обстоятельство, вызвавшее 1-й и 3-й баталіоны на новые подвиги—было волненіе въ сѣверномъ Дагестанѣ, произведенное Шамилемъ и его сообщниками. По распоряженію корпуснаго командира генералъ-адъютанта барона Розена, 29-го сентября два баталіона куринцевъ выступили за Сулакъ, въ отрядъ исправлявшаго въ то время должность военно-окружнаго начальника въ Дагестанѣ генералъ-маіора Реутта. Участвуя во всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ отряда Реутта, куринцы были въ землѣ койсубулинцевъ и въ Аваріи, а по возстановленіи спокойствія въ этомъ краѣ, двинулись 14-го октября обратно, и къ 1-му числу слѣдующаго мѣсяца пришли на мѣста своего постояннаго расположенія.

Между тѣмъ, дагестанскія смуты отозвались и въ Чечнѣ: здѣсь былъ распущенъ слухъ, что Шамиль просилъ помощи Ташовъ-Хаджи и этотъ послѣдній сталъ собирать партіи на Мичикѣ, въ то время какъ тоже самое дѣлали Уди-Мулла на Аргунѣ, а Мегметъ-Эфенди въ Гехи.

Для отвлеченія чеченцевъ отъ такого опаснаго намѣренія, полковникъ Пулло, съ 2-й, 4-й и 5-й карабинерными и 4-й егерской ротами Куринскаго и баталіономъ мингрельскаго егерскихъ полковъ, предпринялъ 15-го октября движеніе внутрь Чечни, чрезъ ущелье Ханъ-Кале до аула Шавдонъ. Достигнувъ ущелья, онъ употребилъ 16-е и 17-е числа па расчистку здѣсь лѣса, всегда доставлявшаго большія удобства хищникамъ. Когда это первое дѣло было окончено, отрядъ снялся съ позиціи и слѣдовалъ по направленію къ Гойтѣ, имѣя въ виду заняться проложеніемъ дороги въ этихъ мѣстахъ. Желая воспрепятствовать нашему движенію и работамъ, чеченцы собрались изъ окрестныхъ ауловъ значительными массами, и въ продолженіе трехъ дней не переставали безпокоить отрядъ сильною стрѣльбою, пока не были окончательно опрокинуты и прогнаны за мирной аулъ Ахшпатой-Гойту; при этомъ непріятель поте-

рялъ 6-ть человѣкъ плѣнными. 22-го октября полковникъ Пулло сдѣлалъ нападеніе на непокорный аулъ Зузинъ-хуторъ, овладѣлъ имъ безъ выстрѣла и истребилъ его совершенно, взявъ 32-ва человѣка въ плѣнъ. Перестрѣлки, среди которыхъ производилась вырубка лѣса, стоили Куринскому полку ранеными штабсъ-капитана Гамбоша и поручика Петріева. Нижнихъ чиновъ убитъ одинъ и ранено 8-мь.

Послѣ истребленія Зузинъ-хутора отряду данъ былъ небольшой отдыхъ; 27-го же октября онъ перешелъ на новую позицію и приступилъ къ очищенію лѣсистой мѣстности между курчалинскою и гехинскою полянами, что заняло его по 5-е ноября 1836-го года.

Въ декабрѣ 1836-го года въ Грозную пріѣхалъ новый начальникъ 20-й дивизіи генералъ-маіоръ Фезе, который и принялъ на себя общее направленіе военныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ, а полковникъ Пулло, свободный отъ обязанности начальника лѣваго фланга, могъ съ этихъ поръ посвятить свое усердіе исключительно на пользу полка.

Послѣ описанныхъ событій, до лѣта 1837-го года, военныя дѣйствія въ Чечнѣ продолжались непрерывно; практиковались все тѣ же набѣги и экспедиціи: провѣдавъ черезъ лазутчиковъ какой нибудь поводъ, Пулло собиралъ отрядъ, иногда состоявшій изъ двухъ или трехъ ротъ, и съ нимъ шелъ для „наказанія" аула, сжигалъ его, бралъ аманатовъ и присяжные листы и затѣмъ возвращался въ Грозную, чтобы черезъ нѣсколько дней снова двинуться въ другую сторону.

Такіе набѣги были съ 3-го по 15-е января въ малой Чечнѣ. 20-го января такой же набѣгъ сдѣлалъ вновь прибывшій въ Грозную начальникъ 20-й дивизіи генералъ Фезе. 23-го января генералъ двинулся въ малую Чечню; сжегъ по пути аулы Шалажъ, Ачхой и затѣмъ, въ февралѣ, перешелъ въ большую Чечню и посѣтилъ Гельдыгенъ, Автуры, Шали, Маюртупъ, и 21-го апрѣля вышелъ на кумыкскую плоскость.

Всѣ эти дѣйствія куринцевъ относятся къ типу тѣхъ безцѣльныхъ набѣговъ, которые охарактеризованы въ предыдущей главѣ. Куринцы потеряли въ нихъ съ 1834-го года убитыми и ранеными

11-ть офицеровъ и до 250-ти нижнихъ чиновъ; единственный положительный результатъ всѣхъ этихъ экспедицій тотъ, что куринцы выучились ходить и сражаться въ лѣсу. Съ точки зрѣнія исторіи полка этотъ результатъ конечно весьма важенъ; но едва ли этого достаточно для оправданія передъ исторіей Россіи *).

IV.

Аварская экспедиція генерала Фезе въ 1837-мъ году. Движеніе къ Хунзаху. Штурмъ Ашильты. Отступленіе. Геройскій подвигъ 6-й егерской роты капитана Колодько. Штурмъ Тилитля. Окончаніе аварской экспедиціи. Движеніе отряда Фезе въ Кубу. Возвращеніе куринцевъ въ Чечню.

Въ концѣ 1836-го года Шамиль уже господствовалъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и изъ с. Ашильта, гдѣ онъ поселился незадолго передъ тѣмъ, разсылалъ свои приказанія въ сосѣднія общества. При этомъ новый имамъ не переставалъ увѣрять письменно начальника войскъ въ сѣверномъ Дагестанѣ генерала Клугенау, что онъ, Шамиль, цѣлью своей жизни поставилъ распространеніе шаріата между мусульманами и желаетъ сохранить дружбу съ русскими, въ доказательство чего отправилъ на родину нѣсколько нашихъ плѣнныхъ солдатъ. Шамиль старался въ своихъ сношеніяхъ съ русскими показать себя только ревнителемъ вѣры, ничего не знающимъ

---

*) Въ теченіе 1836-го года куринцы потеряли убитыми — офицеровъ два (прапорщики Поуталовъ и Воронцовъ), нижнихъ чиновъ 8-мь; ранеными—офицеровъ 5-ть (подполковникъ Пантелѣевъ, штабсъ-капитаны Васильевъ и Гамбошъ и поручики Коринфіо и Петріевъ), нижнихъ чиновъ 59-ть.

Потери за 1837-й годъ, до аварской экспедиціи, извѣстны только за январь и февраль, во время экспедиціи въ малой Чечнѣ; здѣсь куринцы имѣли убитыми нижнихъ чиновъ 6-ть и ранеными офицеровъ три (штабсъ-капитанъ Пулло 2-й, подпоручикъ Шатохинъ и прапорщикъ Мартыновъ), нижнихъ чиновъ 54-ре. За 40 дней похода въ большой Чечнѣ, подъ начальствомъ Фезе, уронъ куринцевъ нельзя опредѣлить, за неимѣніемъ приказовъ по полку.

въ дѣлахъ политики и готовымъ быть по отношенію къ русскимъ въ полномъ мирѣ и согласіи, лишь бы оставили въ покоѣ его и его сограждан. Словомъ, Шамиль клонилъ свои переговоры къ тому, чтобы русскіе признали за нимъ право свободнаго дѣйствія въ непокорныхъ намъ обществахъ. Получивъ отъ Клугенау какое то письмо, Шамиль ухватился за него, и цѣлымъ рядомъ прокламацій возвѣстилъ Дагестану и Чечнѣ, что сами русскіе признаютъ его главенство надъ горцами. Затѣмъ имамъ сталъ принуждать разныя общества къ покорности себѣ и, собравъ вокругъ себя значительное число приверженцевъ, объявилъ себя ,,владыкой горъ''.

Съ этихъ поръ уже имя Шамиля стало знаменемъ. Изъ предыдущей главы мы видѣли, что чеченскіе агитаторы Ташовъ-Хаджи, Уди и Мегметъ-Эфенди ходили на поклонъ Шамилю и руководились его совѣтами и приказаніями; въ Дагестанѣ успѣхъ имама былъ болѣе проченъ: здѣсь его авторитетъ дошелъ до того, что тысячныя партіи шли за нимъ противъ тѣхъ, которые еще не признавали его власти. Наибольшее сопротивленіе Шамиль встрѣтилъ въ Аваріи, гдѣ еще господствовала партія преданная старой ханской фамиліи; съ побѣдой надъ этой партіей и съ завладѣніемъ Хунзахомъ, Шамиль сдѣлался бы для насъ слишкомъ опаснымъ сосѣдомъ, и потому благоразуміе требовало вмѣшательства въ дѣла Дагестана. По этому баронъ Розенъ предписалъ командовавшему войсками въ Шурѣ генералу Реутту двинуться въ Дагестанъ. Этотъ генералъ два раза подходилъ къ берегамъ Койсу и всякій разъ возвращался, не рискуя занять Хунзахъ. Между тѣмъ Шамиль, при всякомъ приближеніи русскихъ, притихалъ и даже посылалъ навстрѣчу отряда нѣчто въ родѣ дипломатической ноты, въ которой просилъ русскаго генерала объяснить ему причину нашего движенія.

Такимъ образомъ, нерѣшительность генерала Реутта, объясняемая частью и недостаткомъ войскъ, настолько подняла значеніе Шамиля, что онъ уже рискнулъ сдѣлать вызовъ самимъ русскимъ, объявивъ незаконнымъ появленіе въ Хунзахѣ Ахметъ-Хана мехтулинскаго, назначеннаго барономъ Розеномъ правителемъ Аваріи. Это обстоятельство вызвало такъ называемую *аварскую экспедицію*,

которая и составляетъ главное событіе въ исторіи Куринскаго полка въ 1837-мъ году.

Цѣль экспедиціи заключалась: 1) въ поддержаніи власти нами уже поставленнаго хана, для чего рѣшено было построить главное укрѣпленіе въ столицѣ ханства—Хунзахѣ, и 2) въ наказаніи Шамиля и его приверженцевъ.

Аварской экспедиціи придавалось въ свое время очень важное значеніе и потому въ составъ отряда были стянуты почти всѣ войска, бывшія тогда въ Чечнѣ и Дагестанѣ, и начальство надъ отрядомъ поручено начальнику 20-й дивизіи генералъ-маіору Фезе *). Полковникъ Пулло остался съ 6-тью ротами куринцевъ въ крѣпости Внезапной.

Въ концѣ апрѣля, въ Темиръ-Ханъ-Шуру собрался весь отрядъ; въ составъ его вошли 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, три баталіона апшеронскаго и два баталіона ширванскаго полковъ, при 8-ми легкихъ и 10-ти горныхъ орудіяхъ и 4-хъ вьючныхъ мортирахъ; при отрядѣ были также сотня донскихъ и двѣ сотни линейныхъ казаковъ. Такъ какъ по пути предполагалось строить дороги и продлить экспедицію до осени, то отрядъ взялъ съ собой патронные ящики, фургоны, артельныя повозки и лазаретныя фуры. Кромѣ этого, при отрядѣ было 1000 арбъ, на которыхъ везли провіантъ на 40 дней и 500 четвертей муки для снабженія будущаго укрѣпленія Хунзаха. Отрядъ имѣлъ съ собой паркъ и матеріалы для деревяннаго моста.

Приготовленія были продолжительны; никогда еще Дагестанъ не посѣщалъ такъ широко снабженный отрядъ. Войска шли въ страну до того почти невиданную и готовились къ походу съ нѣкоторою торжественностью. 8-го мая, послѣ молебствія, отрядъ выступилъ съ пѣснями. Наши егеря уже примѣнились къ походу и были одѣты по кавказской доморощенной формѣ: вмѣсто ран-

---

*) Въ этотъ періодъ Чечня и кумыкская плоскость охранялись пятью баталіонами Куринскаго полка, сѣверный Дагестанъ—пятью баталіонами апшеронскаго полка и южный Дагестанъ—пятью баталіонами ширванскаго (князя Варшавскаго) полка.

ца—за плечами холщевая сумка; патронная сума подтянута ремнемъ, на которомъ висѣли—жестяной котелокъ, отвертка, сальница съ щеткой, кисетъ, трубка и пр.; панталоны спрятаны въ сапоги, скатанная шинель надѣта черезъ плечо, фуражка набекрень, и ружье съ распущеннымъ ремнемъ, чтобы носить то за плечомъ, то въ рукахъ.

Въ то время изъ Шуры въ Хунзахъ можно было идти или черезъ Гимры и бетлинскую гору, гдѣ было всего до 80-ти верстъ, или черезъ Акушу и карадахскій мостъ, гдѣ было до 150-ти верстъ. Фезе выбралъ эту послѣднюю дорогу, потому что, по свѣдѣніямъ, дорога эта была лучше и, главное, проходила по мѣстамъ еще не подчинившимся власти Шамиля, тогда какъ Койсубу считался гнѣздомъ мюридизма. До Акуши нашъ тяжелый отрядъ двигался хотя медленно, но безпрепятственно; 12-го мая Фезе былъ въ с. Леваши, сдѣлавъ въ пять дней до 40 верстъ. Дальнѣйшее движеніе сильно затруднилось; отрядъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать съ своими фургонами; въ горахъ, гдѣ едва проходилъ вьюкъ, надо было стоять цѣлые дни, чтобы уширить дорогу и затѣмъ начать тащить обозъ. Весь отрядъ бывалъ съ утра до вечера занятъ подниманіемъ и спусканіемъ фуръ. Работы до такой степени истощили силы и терпѣніе, что генералъ приказалъ прежде всего уничтожить фуры; а вскорѣ очередь дошла и до артельныхъ повозокъ. Претерпѣвая неимовѣрные труды, отрядъ дошелъ 23-го мая до карадахскаго моста, за которымъ начиналась Аварія. Во все продолженіе этого похода отрядъ совершалъ маршъ мирно; жители вездѣ охотно выходили къ войскамъ, приносили съѣстные припасы и были предупредительны. Мюридизмъ и власть Шамиля еще не проникли сюда.

Перешагнувъ черезъ знаменитый карадахскій мостъ, отрядъ вступилъ въ сферу вліянія Шамиля; нужна была осторожность; и, дѣйствительно, близь аула Гоцатля впервые были сдѣланы по нашему отряду выстрѣлы. Тѣмъ не менѣе, отрядъ благополучно дошелъ до Хунзаха 29-го мая,—слѣдовательно послѣ 20-ти дней марша. По прибытіи въ столицу Аваріи, Фезе прежде всего приказалъ укрѣпить ее и водворилъ въ ней гарнизонъ изъ четырехъ

ротъ, въ числѣ которыхъ была одна сводная рота Куринскаго полка. Комендантомъ Хунзаха былъ назначенъ апшеронскаго полка подполковникъ Карцевъ.

Ознакомившись въ Хунзахѣ съ положеніемъ дѣлъ, предстояло рѣшить, что дѣлать далѣе.

Шамиль находился въ это время въ Тилитлѣ, у Кибить-Магомы; при немъ было до 1000 отборныхъ мюридовъ и, съ помощью ихъ, имамъ распространялъ свое вліяніе въ окрестностяхъ. Тилитлинцы были вполнѣ ему преданы. Семейство Шамиля, со всѣмъ его имуществомъ, скрывалось въ пещерахъ Ахульго и значительная партія приверженцевъ имама держалась въ большихъ аулахъ Койсубу—Унцукулѣ и Ашильтѣ.

Для наблюденія за ауломъ Тилитль, въ башняхъ котораго засѣли Шамиль, Кибитъ-Магома и Ташовъ-Хаджи, генералъ откомандировалъ аварскую и казикумухскую милицію, подкрѣпивъ ее сводныхъ баталіономъ Куринскаго полка, подъ командой капитана Тулинскаго; въ распоряженіе этого офицера поступили также команда казаковъ и три горныя орудія. Эта маленькая колонна вскорѣ была усилена баталіономъ ширванскаго полка и общее начальство было передано командиру этого баталіона подполковнику Бучкіеву. Самъ начальникъ отряда генералъ Фезе, съ остальными баталіонами, 4-мя полевыми орудіями и вьючнымъ обозомъ, двинулся противъ Ашильты. Главная причина, побудившая Фезе прежде всего идти на сѣверъ, заключалась въ необходимости открыть сообщеніе съ Шурой по старой гимринской дорогѣ. Чтобы оцѣнить новые труды отряда при движеніи изъ Хунзаха, надо помнить, что въ то время здѣсь, по выраженію Марлинскаго, министромъ путей сообщенія былъ самъ чортъ. Пушки здѣсь проходили въ первый разъ—слѣдовательно нужно было имъ прочищать дорогу; если къ этому прибавить похвальную черту въ характерѣ Фезе ходить непремѣнно по дорогамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—продѣлывать новыя, то будетъ понятна медленность движенія колонны, направленной къ Ашильтѣ.

Между Хунзахомъ и Ахульго проходитъ три поперечныхъ хребта, вообще невысокихъ, безлѣсныхъ и параллельныхъ между собой, съ крутыми скалистыми скатами въ обѣ стороны. Хребты эти—Танусъ, Арактау и Бетль. Всѣ они проходятъ въ направленіи

съ востока къ западу, отъ аварскаго Койсу къ андійскому, и составляютъ орографическую характеристику страны.

Отъ высшихъ точекъ этихъ хребтовъ, лежащихъ по прямой линіи отъ Хунзаха къ Ахульго, т. е. къ мѣсту соединенія двухъ Койсу, стекаютъ въ обѣ стороны по ущельямъ двѣ-три рѣчки, на которыхъ лежатъ населенныя мѣста, давшія названія и водамъ и ущельямъ. Между Танусомъ и Арактау въ аварское Койсу бѣжитъ ручей Гоцатль; между Арактау и Бетль—Балаханъ и Унцукуль. Съ противуположной стороны водораздѣла, къ андійскому Койсу текутъ: противъ Гоцатля—Тлохъ, противъ Балахапа—Ихали.

Изъ всѣхъ названныхъ хребтовъ особенное вниманіе наше заслуживаетъ Бетль. На высшей своей части онъ представляетъ широкую и плоскую площадь, поднимающуюся до 6 т. футовъ; затѣмъ эта площадь спадаетъ къ югу къ Арактау, а съ остальныхъ сторонъ сходитъ правильными уступами къ обоимъ Койсу и Ахульго. Чтобы имѣть точное понятіе о рельефѣ мѣстности, укажемъ на высоты по 5-ти-верстной картѣ кавказскаго топографическаго отдѣла: высота Бетль—6000 футовъ. На восточномъ скатѣ къ аварскому Койсу—Унцукуль—2723 ф., Гимры—1624 ф. На западномъ скатѣ къ андійскому Койсу—Чиркатъ—1450 ф. Соединеніе аварскаго и андійскаго Койсу у Ахульго—1042 ф.

Горизонтальное разстояніе отъ аула Бетль до Ахульго 10-ть верстъ; на половинѣ—лежитъ аулъ Ашильта.

Всѣ эти данныя здѣсь приведены для того, чтобы можно было ясно представить себѣ профиль мѣста и затрудненія, какія могли встрѣтить куринцы въ первомъ горномъ походѣ. Отъ Хунзаха до Ашильты отрядъ не встрѣчалъ противника—аулы не только не сопротивлялись, но даже унцукульцы приносили въ нашъ лагерь на продажу свои запасы. Несмотря на это, отрядъ шелъ изъ Хунзаха до Бетль четыре дня, сдѣлавъ всего до 20-ти верстъ. „Съ самаго выступленія, дождь не переставалъ лить и промочилъ всѣхъ насъ—говоритъ Костенецкій *)—

---

*) Костенецкій служилъ рядовымъ въ Куринскомъ полку, въ числѣ высланныхъ изъ Россіи за политическій проступокъ. Статья его помѣщена въ одномъ изъ періодическихъ изданій, подъ заглавіемъ: „Походъ къ Аварію въ 1837 г.“.

до костей; а обсушиться негдѣ: ни полѣна дровъ; даже не съ чѣмъ сварить кашицу".

Спуски и подъемы, не смотря на разработку, мѣстами были чрезвычайно трудны. Пушки и ящики спускались на рукахъ, а нѣкоторые обрывались и ломались. Наконецъ, 8-го іюня, весь отрядъ собрался къ Бетлю, и сталъ подъ ауломъ Ашильта, въ которомъ засѣло все, что желало защищаться *); жены, дѣти и имущество были скрыты въ Ахульго.

Съ разсвѣтомъ 9-мая, Фезе, оставивъ назади, за неимѣніемъ дорогъ, артилерію и обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ (въ числѣ ихъ 2-й Куринскаго полка, подполковника Циклаурова и одинъ апшеронскаго), двинулся съ остальными войсками къ Ашильтѣ. Дѣло началось въ 4-хъ верстахъ отъ аула, въ садахъ, и продолжалось три часа подъ рядъ, во все время марша до самаго аула. Героемъ этой первой встрѣчи былъ подполковникъ Берзуль, который съ своимъ 3-мъ баталіономъ куринцевъ выбилъ непріятеля штыками и гналъ до самаго аула. Здѣсь защитники засѣли за каменныя стѣны сакль и дали сильный отпоръ.

Аулъ Ашильта, имѣвшій до 500 домовъ, находился на обрывистомъ лѣвомъ берегу небольшой рѣчки и былъ построенъ амфитеатромъ на отлогости скалистаго перевала, черезъ который идетъ дорога къ с. Чиркатъ; правая часть аула простиралась до отвѣсной бетлинской горы, а лѣвая—прикрывалась глубокимъ русломъ рѣчки, которая противъ самой деревни спускалась водопадомъ. Деревня была приведена въ оборонительное положеніе: окна и двери домовъ были заложены камнями или бревнами; улицы и всѣ выходы изъ деревни баррикадированы; деревья и строенія, лежавшія на правомъ берегу рѣки, которыя могли облегчить подступы атакующему, были уничтожены; въ каменныхъ стѣнахъ домовъ, возвышавшихся одинъ надъ другимъ, были пробиты бойницы. На перевалѣ, по флангамъ селенія, находились двѣ фланкировавшія его каменныя башни. Въ Ашильтѣ заперлось до 2000 отчаянныхъ мю-

*) По словамъ Костенецкаго, здѣсь было тысячъ до пяти отчаянныхъ защитниковъ.

ридовъ, подъ начальствомъ Али-бека, давшихъ на коранѣ клятву побѣдить или умереть.

По сосредоточеніи отряда, генералъ Фезе тотчасъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для штурма; въ первой линіи стали три колонны: лѣвая—подъ начальствомъ апшеронскаго полка маіора Шнитникова, изъ 3-й карабинерной, 8-й и 9-й егерскихъ ротъ Куринскаго полка и 1-й гренадерской роты апшеронцевъ; правая колонна, апшеронскаго полка маіора Фукса, состояла изъ 3-хъ ротъ 2-го баталіона того же полка и спѣшенныхъ линейныхъ и донскихъ казаковъ, подъ командою семейнаго кизлярскаго полка есаула Алпатова; здѣсь же были конная чеченская и шамхальская милиціи; средняя колонна, подполковника Куринскаго полка Берзуля, состояла изъ 3-й гренадерской, 6-й и 15-й мушкетерскихъ ротъ апшеронскаго и 7-й егерской—Куринскаго полковъ. Общее начальство надъ 1-ю линіею было возложено на подполковника Берзуля. Начальникъ отряда находился при средней колоннѣ.

Во 2-й линіи были расположены 2-й баталіонъ куринцевъ, 2-я мушкетерская рота апшеронскаго полка и спѣшенная сотня казаковъ, подъ начальствомъ Куринскаго полка подполковника Циклаурова. Въ резервѣ и для прикрытія артилеріи, задержанной крайне пересѣченною мѣстностью, оставлены были 4-й баталіонъ апшеронскаго и три роты 3-го баталіона князя Варшавскаго полковъ.

Видя, что войска рвались въ бой и какъ бы читая на лицахъ солдатъ увѣренность въ побѣдѣ, генералъ Фезе, не дождавшись артилеріи, двинулъ первую линію на штурмъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, съ неимовѣрными усиліями, прибыли два горныхъ единорога, успѣвшіе поддержать огнемъ среднюю колонну.

Сбросивъ ранцы, колонны въ грозномъ молчаніи двинулись и, подойдя къ деревнѣ, съ воодушевляющимъ „ура“! бросились въ штыки. Послѣ долгой отчаянной борьбы, лѣвая колонна маіора Шнитникова, вскарабкавшись по обрывамъ и карнизамъ скалъ, спустилась по руслу высохшаго ручья внизъ и ворвалась въ деревню, имѣя вoглавѣ 3-ю карабинерную роту куринцевъ штабсъ-капитана Пулло. Врѣзавшись клиномъ въ горскія толпы, храбрый Шнитниковъ, вскорѣ раненый, очутился въ отчаянномъ положеніи. На

роты со всѣхъ сторонъ и сверху посыпались градомъ пули; горцы, окруживъ горсть нашихъ солдатъ, съ гикомъ бросились въ шашки. Прислонившись тыломъ къ ряду сакль на небольшой площадкѣ, наши храбрецы упорно держались, хотя ряды замѣтно рѣдѣли. Но помощь уже была близка. Въ то время какъ лѣвая колонна ворвалась въ деревню, правая—маіора Фукса—быстро двинулась въ обходъ *).

Преодолѣвъ большія затрудненія, обѣ колонны одновременно ворвались въ аулъ. Тогда двинулась и средняя колонна и здѣсь началась та отчаянная драка, которая возможна только при штурмѣ дагестанскихъ ауловъ. Но здѣсь мы послушаемъ разсказъ куринскаго солдата Костенецкаго: „...Началась ужаснѣйшая битва въ сакляхъ, битва на штыкахъ и кинжалахъ,—рукопашная битва. Прислоненныя къ стѣнамъ, сакли, плотно одна надъ другой возвышающіяся и соединенныя внутри между собою проломанными проходами, представляли какъ бы одну огромную мрачную пещеру, раздѣленную на безчисленныя конурки; безконечный лабиринтъ темныхъ и узкихъ переходовъ былъ наполненъ отчаянными горцами, которые, будучи уже окружены нами и не имѣя возможности уйти, рѣшились умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Европейское наше устройство войска, дававшее намъ до сихъ поръ преимущество надъ необразованными горцами, не могло уже существовать въ этомъ вертепѣ: всѣ разсыпались и смѣшались, и одно мужество и сила, кинжалъ и штыкъ рѣшали дѣло. Съ глазу на глазъ, грудь съ грудью, дрались, кололись, рубились,—и счастливъ былъ или сильнѣйшій, или храбрѣйшій, или хранимый Богомъ. Дрались на плоскихъ крышахъ, дрались въ тѣсныхъ улицахъ и въ темныхъ сакляхъ: кто оружіемъ, кто камнями, а кто просто въ охапку. Отчаянные горцы ругались и поодиночкѣ бросались изъ сакль въ толпы наши и падали подъ штыками. Но самая ужасная для насъ драка была въ сакляхъ—въ этихъ узкихъ и темныхъ подземельяхъ, составлявшихъ послѣднее убѣжище непріятеля... Къ двумъ часамъ пополудни Ашильта была взята; но въ иныхъ сакляхъ драка продолжалась еще до вечера. Артилерія поспѣла только къ концу дѣ-

*) А. Юровъ. „Три года на Кавказѣ. 1837—1839“. Кавк. Сб. т. VIII.

ла, 2-й же баталіонъ Куринскаго полка перегналъ ее, и, когда начался штурмъ, прибѣжалъ къ Ашильтѣ и принялъ участіе въ концѣ дѣла".

Штурмъ Ашильты замѣчателенъ и своимъ кровопролитіемъ, и геройскимъ поведеніемъ куринцевъ, особенно 3-й карабинерной роты, бывшей въ лѣвой колоннѣ, подъ командой штабсъ-капитана Пулло. Кромѣ Пулло, здѣсь ранены поручикъ Терентьевъ и подпоручика Турнаевъ. Нижнихъ чиновъ убито 30-ть, ранено и контужено 86-ть и безвѣсти пропало 3 *).

Послѣ взятія Ашильты, Фезе открылъ прямое сообщеніе черезъ Гимры съ Шурой, куда 10-го іюня отправлены раненые, больные и всѣ повозки. Въ конвой былъ назначенъ 3-й баталіонъ Куринскаго полка, который остался въ Гимрахъ до возвращенія транспорта и затѣмъ присоединился къ отряду 17-го числа, въ критическую минуту обороны Ашильты.

Во время отсутствія 3-го куринскаго баталіона, Фезе двинулся противъ Ахульго, оставивъ 2-й баталіонъ того же полка противъ Чирката, для наблюденія за движеніями противника на лѣвомъ берегу Койсу.

Послѣ разрушенія башни, закрывавшей входъ въ Ахульго **),

*) Интересенъ для куринцевъ слѣдующій разсказъ Костенецкаго о пріятельской бесѣдѣ нашихъ офицеровъ послѣ боя: „...но, со мной, господа, вотъ уже другой разъ случается самое необыкновенное приключеніе, за которое я непремѣнно отслужу благодарственный молебенъ—началъ разсказывать офицеръ Куринскаго полка Пулло. Однажды, еще въ Чечнѣ, на меня бросился чеченецъ и, какъ я былъ въ буркѣ, то онъ, охвативъ меня, повалилъ на землю и три раза пырнулъ меня кинжаломъ. Солдаты его закололи и хотѣли меня поднять, уже какъ мертваго; но какъ они удивились, когда я вспрыгнулъ на ноги, цѣлъ и невредимъ. Признаюсь, я теперь еще удивляюсь, какъ Богъ спасъ меня. Я былъ въ буркѣ и всѣ три удара кинжала попадали между лѣвымъ бокомъ и рукой; но каково было три раза видѣть надъ собой смертельный кинжалъ?... Теперь, со мной тоже случилось чудо. Я погнался за лезгиномъ, онъ споткнулся и упалъ; я на него, и, въ это время, оглянувшись назадъ, вижу, что на меня несется другой лезгинъ, съ обнаженною шашкою. Едва я поворотился лицомъ къ этому послѣднему и хотѣлъ вскочить, какъ первый лезгинъ схватилъ меня сзади за руки и я, лежа на немъ спиной, имѣлъ удовольствіе видѣть приближеніе самой ужаснѣйшей хари другаго лезгина, съ поднятой шашкой. Уже онъ былъ отъ меня въ двухъ шагахъ; уже хотѣлъ взмахнуть надо мной послѣдній ударъ, какъ въ груди его блеснулъ штыкъ, и онъ трупомъ на меня ринулся. Тутъ же солдаты добили и другаго лезгина, едва было не сдѣлавшагося моей предсмертной подушкой".

**) Описаніе Ахульго сдѣлано ниже, въ главѣ 5-й.

4-й баталіонъ апшеронскаго полка, подъ командой маіора Педяша, былъ двинутъ на штурмъ. Замокъ былъ взятъ, но защитники скрылись въ пещерахъ, откуда ихъ можно было выбить только съ другаго берега Койсу. Желая захватить семейство имама, Фезе не остановился передъ этимъ препятствіемъ и началъ строить мостъ; но 16-го числа долженъ былъ оставить Ахульго, потому что къ этому времени огромныя толпы непріятеля появились на правомъ берегу Койсу, противъ 2-го баталіона Куринскаго полка. Это были жители верховьевъ андійскаго Койсу (Тинды, Богозъ, Богуляль, Каляло, Ансальта и др.), подъ предводительствомъ тиндальскаго старшины Аличо-Махма. Соединившись у ихалинскаго моста съ гумбетовцами, бывшими подъ предводительствомъ Али-бека и Сурхай-кадія, все скопище, доходившее, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, до 12000 человѣкъ, переправилось черезъ Койсу и внезапно обрушилось на нашу позицію у Ашильты *). Подполковникъ Циклауровъ занялъ бугры и встрѣтилъ непріятеля огнемъ. На выстрѣлы пришелъ на помощь самъ Фезе съ однимъ баталіономъ апшеронскаго полка и увидѣлъ передъ собой огромную партію горцевъ. Такимъ образомъ, мы были застигнуты на позиціи, надъ которой господствовалъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшій противникъ. Наличные пять баталіоновъ были разбросаны на нѣсколько верстъ. Ключъ позиціи—бетлинская гора, отстояла верстъ на десять, а Ашильта—верстъ на пять. Хотя эти пункты еще не были заняты противникомъ, но онъ былъ къ нимъ ближе, чѣмъ мы, а атаки, веденныя горцами на позиціи куринскаго баталіона, показали генералу неудобство его расположенія. Вслѣдствіе этого, онъ отдалъ приказаніе войскамъ ночью же отступить черезъ Ашильту къ горѣ Бетль.

Въ самомъ тонѣ приказанія Фезе войска усмотрѣли опасность, а темнота, бездорожье и проливной дождь, шедшій всю ночь, довершили безпорядокъ; всѣ части, какъ мы говорили, раскинутыя на большомъ пространствѣ поротно и даже командами, начали отступать, каждая отдѣльно; все перепуталось. Къ счастью, ночная темнота и дождь скрыли наши безпорядки, а когда стало разсвѣтать, мы уже были за Ашильтой и вытягивались по узкой дорогѣ

*) А. Юровъ. „Три года на Кавказѣ. 1837—1839“. Кавк. Сбор. т. VIII.

между двумя скалами. Тогда непріятель сдѣлалъ отчаянное усиліе и атаковалъ насъ. Первый ударъ приняла на себя 6-я егерская рота Куринскаго полка, подъ командой капитана Колодько. Для описанія этого ужаснаго момента мы имѣемъ единственный источникъ— разсказъ Костенецкаго, и потому приводимъ дословное описаніе этого очевидца.

,,Неизвѣстно, на что толпы эти рѣшились бы на другой день, но вечеромъ 16-го іюня намъ приказано было отступить. Отступленіе это, по причинѣ разбросаннаго положенія отряда, пересѣченной мѣстности, проливнаго дождя и непроницаемой тьмы, было весьма затруднительно. Каждая часть отряда отдѣльно спѣшила къ Ашильтѣ, а оттуда назадъ по дорогѣ. Патронные ящики и палатки несли почти на рукахъ. Артилерія, ослабленная лошадьми, двигалась съ трудомъ; почти каждая часть дѣйствовала по усмотрѣнію, потому что трудно было сдѣлать какое либо распоряженіе, или передать приказаніе въ такую страшную ночь и въ такой пересѣченной оврагами мѣстности.

,,Нашъ баталіонъ, находясь версты на двѣ впереди всего отряда, долженъ былъ теперь составить аррієргардъ и, разумѣется, отступать послѣ всѣхъ, ожидая на то особаго приказанія; но баталіонъ нашъ не былъ вмѣстѣ и поротно стоялъ по особымъ возвышенностямъ. Тихо и неподвижно стояли мы подъ сильнѣйшимъ дождемъ на мѣстахъ своихъ, саженяхъ какихъ нибудь въ ста отъ непріятеля и ожидали приказанія; получивъ его, мы начали отступать. Сначала нужно было спуститься внизъ къ дорогѣ и сдѣлать это какъ можно осторожнѣе, чтобы не замѣтилъ непріятель нашего движенія; и мы сдѣлали это съ такимъ порядкомъ и хладнокровіемъ, къ какому способенъ только одинъ опытный кавказскій солдатъ: даже камешки не шевелились подъ ногами нашими и ни одно ружье не смѣло брякнуть. Наша рота была шестая егерская, т. е. послѣдняя во второмъ баталіонѣ, и, слѣдовательно, должна была составить самый аррієргардъ. Спустившись къ дорогѣ, мы уже не застали ни одной изъ другихъ ротъ нашего баталіона, которыя прежде отступили, а потому и мы двинулись. Все это мы сдѣлали такъ осторожно, что стоявшіе противъ насъ непріятельскіе пикеты

совершенно не замѣтили нашего отступленія, и до самой Ашильты мы шли въ тихомолку и безпрепятственно. Здѣсь мы настигли свой баталіонъ; небольшая улица, по которой намъ нужно было проходить, заставлена была орудіями, патронными ящиками безъ лошадей. Тогда мы начали вытаскивать на себѣ эти орудія и ящики. Между тѣмъ, непріятель узналъ уже о нашемъ отступленіи и громкія его пѣсни и радостные крики насъ оглушали и невольно приводили въ трепетъ, когда мы видѣли свою малочисленность и такую страшную грозу надъ нами. Мы ничего не знали о нашемъ авангардѣ, и, считая себя уже окруженными горцами, твердо рѣшились умереть героями. Темнота ночи, бывшая причиною нашего безпорядка, сама же и скрывала его отъ глазъ непріятеля, а сильный дождь мѣшалъ даже стрѣлять по насъ. Къ тому же, совершенная тишина съ нашей стороны сбила горцевъ совсѣмъ съ толку, и они, сами боясь попасться намъ гдѣ нибудь ночью, не осмѣливались сдѣлать никакого движенія, а только адскимъ своимъ крикомъ оглашали окрестность и тѣмъ заглушали даже шумъ отъ нашего движенія.

,,Часа четыре или три мы должны были употребить, чтобы пройти Ашильту—всего какую нибудь версту: такъ мы обременены были тягостями, которыя принуждены были тащить въ грязи, среди развалинъ аула. Но едва мы перешли аулъ, какъ стало разсвѣтать и тутъ-то непріятель увидѣлъ положеніе нашего баталіона. Страшный крикъ его радости раздался надъ нашими головами и толпы засуетились и начали спускаться съ горъ, чтобы на насъ броситься. Выйдя изъ Ашильты и пройдя небольшую предъ нею площадку, дорога сходитъ въ небольшое, узкое, какъ корридоръ, ущелье, обставленное по сторонамъ высокими и отвѣсными скалами. Это мѣсто составляло единственный переходъ отъ непріятельскаго отряда къ нашему,—настоящіе Ѳермопилы, и только нужны были отчаянные спартанцы, чтобы, занявъ его, защищаться въ немъ до послѣдней капли крови и тѣмъ остановить непріятеля; этотъ завидный жребій достался на долю нашей 6-й егерской роты. По какому то особому вдохновенію свыше, мужественный и незабвенный капитанъ нашъ Колодько понялъ всю важность этой мѣстности и когда всѣ прочія части баталіона про-

шли, онъ остановился и рѣшился встрѣтить въ ней непріятеля. Въ командуемой имъ кучкѣ людей, кромѣ нашей небольшой роты, были еще солдаты и другихъ полковъ, которые, отставъ въ темнотѣ отъ своихъ командъ, присоединились къ намъ. Это разнообразіе произвело было сначала безпорядокъ и, когда толпа горцевъ съ гикомъ и крикомъ понеслась на насъ съ противуположной возвышенности, отрядъ нашъ пришелъ было тоже въ смущеніе. Тогда то капитанъ Колодько, ставъ впереди всѣхъ и съ распростертыми руками загораживая собой ущелье, и грозилъ, и умолялъ стоять дружно, за Бога, Царя и отечество. Я не могу безъ восторга и умиленія вспомнить этого чуднаго момента, когда этотъ храбрый ветеранъ, въ самую критическую минуту, будучи воодушевленъ самыми возвышенными геройскими чувствами, вдругъ останавливаетъ отрядецъ и, воспламенивъ его въ храбрости, грозно рѣшается встрѣтить отважно несущагося на него въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля!.. „Стой, дружнѣе ребята! курипцы! шестая рота! стойте братцы! не выдавать! за Бога и Государя!“ Эти слова электрически пробѣжали по жиламъ нашихъ всегда истинно храбрыхъ солдатъ, и мужество ихъ въ это время достигло до самаго высшаго героизма. Ринувшаяся на нихъ толпа непріятелей встрѣчена была дружнымъ ружейнымъ огнемъ и потомъ молодецкими штыками. Хлынула кровь, трупы повалились—и изумленные горцы, совершенно неожидавшіе съ нашей стороны сопротивленія, подались назадъ и разсѣялись. Но за ними слѣдовала другая толпа, потомъ третья. Къ счастью нашему, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ позади, на возвышенности, находилось одно орудіе съ зарядными ящиками и открыло огонь картечью. Тогда то началась истинная потѣха. Едва толпа непріятеля, человѣкъ съ пятьсотъ, скатится съ горы и съ неистовствомъ бросится на насъ, какъ раздается по ней выстрѣлъ картечью; человѣкъ тридцать повалится, половина подастся назадъ, а другая—съ ожесточеніемъ, бросится на насъ въ шашки,—и тутъ-то дружные штыки начнутъ свое дѣло. Такихъ атакъ мы выдержали пять или шесть и дрались уже не только штыками,—но даже камнями и въ охапку. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было страшное. Передъ нами просто кучи навалены были непріятельскихъ труповъ;

но и у насъ потеря была значительная и, безъ сомнѣнія, мы были бы подавлены многочисленностью непріятеля, еслибы предоставлены были только собственнымъ своимъ силамъ. Но, пока наша храбрая куча удерживала непріятельскія толпы и не давала имъ прорваться далѣе къ нашему отряду, прочія роты нашего баталіона построились на разныхъ возвышенностяхъ и открыли страшную стрѣльбу и потомъ атаку на другія непріятельскія толпы. Дѣятельный нашъ подполковникъ Циклауровъ и артилеріи капитанъ Никифораки съ неимовѣрными трудами успѣли встащить орудія на возвышенность, устроить батарею и открыть убійственный огонь по самымъ уже главнымъ силамъ непріятеля; а между тѣмъ, къ намъ явился 3-й баталіонъ Куринскаго полка; этотъ баталіонъ, какъ сказано выше, былъ въ Гимрахъ и, получивъ приказаніе присоединиться къ отряду, въ самую мрачную и дождливую ночь прошелъ почти 15-ть верстъ горной дороги и теперь, какъ разъ кстати, явился къ намъ. Этотъ баталіонъ стройно и дружно бросился на непріятельскія высоты, и горцы, будучи уже сами атакованы, такъ были сконфужены, что бѣжали отъ насъ, оставивъ намъ все то, что было захватили у насъ изъ брошеннаго на дорогѣ.

,,Это сраженіе продолжалось почти до десяти часовъ утра и утро это было самое прекрасное, еслибы только было когда любоваться намъ. Дождь пересталъ и солнце въ полномъ блескѣ своемъ озарило эту страшную битву. Никогда я, ни прежде, ни послѣ, не видалъ такого изступленія, съ какимъ сражались въ это время наши солдаты. Это было для нихъ такое раздолье подраться на штыкахъ, что они пришли въ какое то неистовство, и когда уже кончилась битва, когда намъ досталось много оружія, то солдаты разбивали шашки и пистолеты о камни, не желая даже пользоваться поганымъ оружіемъ. Фельдфебель нашей роты посадилъ на штыкъ одного здороваго и дебелаго лезгина, какого то ихъ важнаго начальника, вырвалъ у него значекъ и изорвалъ въ куски. Но страшно было и изступленіе лезгинъ. Иные изъ нихъ, закрывъ глаза лѣвою рукою, а въ правой съ кинжаломъ, бросались прямо на штыки; другіе, съ шашками, рубились направо и налѣво и перерубливали иногда даже ружейные стволы. Иногда случалось, что

какой нибудь неловкій, хотя и храбрый солдатъ пройметь насквозь штыкомъ грудь горца и не успѣетъ въ ту же минуту его выдернуть,—лезгинъ захватываетъ стволъ одною рукою, а другою поражаетъ солдата.

,,Пока происходила эта отчаянная драка, остальной отрядъ началъ собираться съ разныхъ возвышенностей и пропастей и версты двѣ повыше Ашильты соединился вмѣстѣ; и каковъ былъ намъ пріемъ, когда мы съ такими лаврами подходили къ нему! Это было истинное торжество! Солдаты со всѣхъ баталіоновъ къ намъ подбѣгали, цѣловали насъ, хвалили и, еслибы не дисциплина, то капитана вѣрно понесли бы на рукахъ.

,,Уронъ непріятеля въ этомъ кровавомъ для него дѣлѣ простирался до пятисотъ насчитанныхъ труповъ; да и у насъ потеря была немаловажна. Убито—офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 32; ранено—офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 93. Таковы, по крайней мѣрѣ, были собранныя мной свѣдѣнія, которыя совершенно вѣрны и съ офиціальными''.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ потери собственно куринцевъ, потому что въ полковомъ архивѣ не сохранились приказы за 1837-й годъ.

Послѣ этого знаменитаго дѣла, Фезе, встрѣтивъ транспортъ, шедшій изъ Шуры, 19-го числа возвратился въ Хунзахъ, чтобы идти къ Тилитлю, гдѣ, съ 4-го числа, Шамиль былъ блокированъ сначала куринцами капитана Тулинскаго, а потомъ двумя баталіонами, подъ начальствомъ ширванскаго полка подполковника Бучкіева.

Тилитль, одинъ изъ самыхъ большихъ ауловъ Дагестана, лежитъ близь аварскаго Койсу, верстахъ въ 20-ти выше карадахскаго моста и въ такомъ же разстояніи къ югу отъ Хунзаха. Сакли аула скучены на площадкѣ, имѣющей съ трехъ сторонъ обрывы, падающіе къ протекающему вблизи ручью; съ четвертой стороны аулъ примыкаетъ къ отвѣсной скалѣ. Въ этой натуральной крѣпости въ 1837-мъ году жилъ Кибитъ-Магома, родственникъ и усерднѣйшій сторонникъ Шамиля. Когда имамъ узналъ о движеніи русскихъ въ Дагестанъ, онъ сначала организовалъ оборону Койсубу, подъ началь-

ствомъ Али-бека; самъ же, съ отборными мюридами, перешелъ за Койсу и здѣсь, изъ Тилитля, какъ изъ центра, приводилъ въ исполненіе свои планы. Вскорѣ сюда же пришелъ изъ Чечни и Ташовъ-Хаджи.

Капитанъ Тулинскій, прибывъ къ Тилитлю 5-го іюня, принудилъ Шамиля запереться въ замкѣ Кибитъ-Магомы. 6-го и 7-го непріятель сдѣлалъ нападеніе на куринцевъ, но долженъ былъ отступить и, когда пришелъ баталіонъ подполковника Бучкіева, Тилитль былъ блокированъ со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ Фезе, снабдивъ Хунзахъ продовольствіемъ, двинулъ свои порѣдѣвшіе баталіоны къ Тилитлю двумя дорогами: самъ генералъ, съ главными силами, пошелъ прямо на югъ, черезъ голотлинскій мостъ, а двумъ баталіонамъ (2-й Куринскаго и одинъ апшеронскаго полковъ), съ 4-мя полевыми орудіями, подъ начальствомъ подполковника Циклаурова, приказалъ идти черезъ карадахскій мостъ.

Мы уже говорили не одинъ разъ о трудностяхъ движенія съ полевой артиллеріей въ этихъ мѣстахъ; здѣсь скажемъ только, что 2-й куринскій баталіонъ могъ дойти къ Тилитлю только 2-го іюля, т. е. послѣ восьми дней безпрерывнаго марша. По приходѣ на мѣсто, войска обложили Тилитль кругомъ, заложили батареи и 3-го числа открыли огонь. Черезъ нѣсколько времени была двинута штурмовая колонна изъ двухъ баталіоновъ (одного апшеронскаго и 4-го куринскаго). Наши быстро ворвались въ аулъ, овладѣли первыми саклями, но дальше не пошли—непріятель былъ слишкомъ упоренъ. По непонятной намъ причинѣ, Фезе не поддержалъ тогда же атаку другими баталіонами. Общій штурмъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, а нашимъ, занявшимъ часть аула, велѣно въ немъ оставаться до особаго приказанія.

Для штурма слѣдующаго дня были сформированы три колонны, изъ коихъ фронтальная—была назначена для демонстраціи, а дѣйствительный штурмъ должны были вести: со стороны Голотля —второй баталіонъ Куринскаго егерскаго и два баталіона ширванскаго пѣхотнаго полковъ, а со стороны Куяды—два баталіона апшеронскаго полка.

На штурмѣ Тилитля повторились всѣ ужасы атаки Ашильты, но въ еще большей мѣрѣ; къ тремъ часамъ дня весь отрядъ бился въ аулѣ и не могъ еще выгнать противника. Но вскорѣ данъ былъ отбой—Шамиль вступилъ въ переговоры и Фезе, видя, что сунулся въ опасную игру, вывелъ войска, довольствуясь тѣмъ, что Шамиль поклялся быть покорнымъ русскимъ и дать въ обезпеченіе этого аманатовъ. Начальникъ отряда удовлетворился этимъ, и отрядъ возвратился въ Хунзахъ.

Этотъ поступокъ Фезе былъ поставленъ ему въ большой укоръ, и генералъ съ этихъ поръ былъ въ немилости; говорили, что Фезе, кромѣ того, что выпустилъ изъ своихъ рукъ Шамиля, еще, признавъ за имамомъ право воюющей стороны, далъ его имени ту силу, съ которой пришлось бороться впослѣдствіи; но эти строгіе критики забыли, что въ минуту переговоровъ съ Шамилемъ, самъ Фезе былъ въ опасномъ положеніи и подчинялся необходимости... Но оставимъ этотъ вопросъ и обратимся къ прямой нашей цѣли. Прежде всего, для насъ весьма интересна эпизодическая сторона штурма, въ которой выясняется характеръ атакъ дагестанскихъ ауловъ и разница отъ такой же атаки чеченскихъ ауловъ. Вотъ какъ описываетъ штурмъ Тилитля авторъ записокъ объ аварской экспедиціи: ,,едва разсвѣло, грянула сигнальная пушка и всѣ войска понеслись къ аулу. Раздалась страшная стрѣльба, громкое ,,ура", и, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, мы ворвались въ деревню. Но осажденные не дрогнули: крѣпко сидѣли они въ своихъ сакляхъ и ждали насъ къ себѣ поближе. Воглавѣ нашей первой колонны было два баталіона графа Паскевича-Эриванскаго полка. Они смѣло бросились въ аулъ, выбили непріятеля изъ первыхъ попавшихся имъ сакль, но, по трудной мѣстности, раздѣлились направо и налѣво и, будучи окружены горцами, засѣли въ сакляхъ. Нашъ баталіонъ былъ въ арріергардѣ. Когда графцы раздались въ стороны, мы двинулись впередъ и пробѣгая узенькою улицею, подъ самымъ убійственнымъ огнемъ, такъ что въ тѣснотѣ спотыкались на собственные трупы, добѣжали до небольшой площадки, гдѣ, поражаемые со всѣхъ сторонъ, бросились на сакли и стали выбивать изъ нихъ непріятеля. Мы тоже разрозпились мѣстностью: одна

рота вправо, другая—влѣво; наша же шестая егерская пробилась далѣе всѣхъ и бросилась на непріятельскую саклю. Дружно влетѣли мы на галлерею, бросились въ двери, окна, на крышу. Одни падали подъ выстрѣлами изъ пистолетовъ и подъ кинжалами, другіе врывались въ сакли, и штыками и прикладами били отчаянныхъ мюридовъ. Взломали потолки, разрушили галлереи, двери, стѣны и, переколовъ всѣхъ защищавшихся, сами почти изнеможенные падали на ихъ трупы.

„Далѣе, и кругомъ насъ съ трехъ сторонъ, сидѣлъ многочисленный непріятель и мы не могли уже оставить этой сакли. Между тѣмъ, мы нигдѣ болѣе не слыхали ни нашего „ура", ни сильной нашей стрѣльбы, а изъ этого мы заключали, что мы одни только такъ далеко забрались въ аулъ,—и это дѣйствительно такъ было. Колонна апшеронскаго полка, долженствовавшая атаковать аулъ съ куядинской стороны, встрѣтила предъ собой нѣсколько этажей заваловъ, наполненныхъ отчаянными защитниками и хотя храбро бросилась на штурмъ, овладѣла уже тремя рядами заваловъ, но далѣе пробиться не могла и потому не проникнула въ аулъ. Тогда мы, будучи одни почти въ серединѣ аула, не смѣли уже бросаться далѣе и должны были подумать о собственномъ спасеніи. Непріятель былъ у насъ съ трехъ сторонъ и не далѣе двухъ саженъ въ своихъ сакляхъ, откуда изъ бойницъ торчали стволы ружей, но не смѣя тоже выйти изъ сакль и на насъ броситься,—и отъ этого обоюдное наше положеніе вышло очень странно. Ни мы, ни непріятель, боясь другъ друга, не смѣли выйти изъ своей засады и поэтому сражались почти цѣлый день, не далѣе какъ на двѣ сажени, выстрѣлами изъ ружей въ амбразуры и дыры. Наша сакля была почти разрушена нами, и теперь мы должны были ее укрѣплять: иныя дыры позакладывать, а другія пробивать для стрѣльбы. Потолка почти не было и отъ такого дурнаго состоянія сакли мы много терпѣли: непріятель насъ поражалъ сквозь каждое отверстіе. Часовъ въ шесть пополудни ударили на батареѣ отбой; начались переговоры съ Шамилемъ; но у насъ перестрѣлка продолжалась и мы отражали удары жестоко. Кромѣ непріятеля, насъ мучили еще нестерпимый зной и жажда, къ тому же, сакля наша отъ сора, крови и труповъ сдѣлалась смрадна и грязна; мы совершенно были

равнодушны къ смерти, или лучше сказать о ней и не думали, хотя у насъ поминутно кого нибудь ранили или убивали. Къ амбразуркамъ становились мы посмѣнно, и когда мнѣ пришла очередь отдохнуть, то я какъ снопъ повалился на землю. Возлѣ меня валялся обнаженный трупъ здороваго лезгина, и какъ въ это время не было уже мѣста никакому, а тѣмъ менѣе эстетическому чувству, то я подтянулъ его къ себѣ подъ голову и, какъ на подушкѣ, улегся на немъ.

,,Между тѣмъ вечерѣло. Лезгины ругали насъ и грозили, что когда настанетъ ночь, то они насъ всѣхъ перерѣжутъ, что намъ и дѣйствительно угрожало, и потому нужно было подумать объ отступленіи. Выйти изъ сакли внаружу—значило попасть въ руки непріятеля, а такъ какъ наша сакля примыкала съ одной стороны къ другимъ саклямъ, незанятымъ напріятелемъ, то капитанъ Колодько придумалъ пройти саклями внутри. Для этого, мы начали дѣлать проломъ изъ своей сакли въ другую, оттуда въ третью и такъ далѣе и, когда уже все было готово, рѣшились отступать. Но здѣсь требовалась большая осторожность, чтобы движенія нашего не замѣтилъ непріятель. Для этого капитанъ разставилъ часовыхъ по всѣмъ проломамъ, чтобы пропускать солдатъ поодиночкѣ и безъ шуму и, когда все было готово, начали тихо, ощупью перебираться въ смежную саклю. Для скрытія всего этого движенія оставлено было въ первой саклѣ, въ арріергардѣ, 15-ть человѣкъ, подъ моею командою, которые должны были стрѣлять по непріятелю и грозить ему и потомъ, когда всѣ пройдутъ проломъ, отступить самимъ и завалить его камнями. Все это было исполнено какъ нельзя лучше. Непріятель сначала не замѣтилъ нашего движенія и мы, пройдя сакли три или четыре, значительно уже возвысились (потому, что сакли были амфитеатромъ) и примкнули къ другимъ ротамъ баталіона; но едва арріергардъ нашъ вступилъ во вторую саклю и завалилъ проломъ, какъ горцы бросились въ оставленную нами саклю и хотѣли проникнуть далѣе, но тутъ увидѣли, что уже было поздно. Мы уже вступили въ третью саклю, стрѣляя въ проломъ второй, и они побоялись просунуть свои головы въ эту западню. Такъ кончился этотъ штурмъ''.

Въ штурмѣ Тилитля участвовали 2-й и 4-й баталіоны, которые потеряли: убитыми—3-хъ офицеровъ (штабсъ-капитанъ Эльманъ, подпоручикъ Гриневъ и прапорщикъ Хватковъ) и 28-мь нижнихъ чиновъ; ранеными—офицеровъ два (подполковникъ Циклауровъ и капитанъ Колодько) и нижнихъ чиновъ 69-ть.

За штурмъ Тилитля Колодько получилъ чинъ маіора и георгіевскій крестъ.

10-го іюля отрядъ собрался въ Хунзахъ и съ этихъ поръ началась дѣятельная работа по возведенію укрѣпленія и проведенію прямой дороги въ Шуру, черезъ Балаханы и Зыряны. Въ тоже время отрядъ дѣлалъ поиски къ Каратѣ и другимъ ауламъ. Всѣ эти работы заняли время до начала сентября.

Этимъ работамъ хотя и не отведено въ формулярныхъ спискахъ офицеровъ виднаго мѣста, но, по количеству трудовъ и опасностей, испытанныхъ войсками, онѣ безспорно вызываютъ удивленіе нашего поколѣнія: пришлось буквально срывать цѣлыя горы, напр. между Бурундукъ-кале и Ирганаемъ, гдѣ для продѣлыванія дороги необходимо было создать въ высокомъ хребтѣ ворота, до сихъ поръ поражающія путника своимъ грандіознымъ величіемъ. Когда работы приходили къ концу и отрядъ Фезе готовился идти въ свои штабъ-квартиры, открылся новый походъ: Фезе получилъ приказаніе спѣшить на помощь гор. Кубѣ, гдѣ вспыхнуло возстаніе и гдѣ маленькій гарнизонъ былъ блокированъ мятежниками.

Отрядъ поспѣшно двинулся въ Шуру, прибылъ сюда 10-го, снабдился всѣмъ необходимымъ, и 11-го уже выступилъ черезъ Дербентъ въ Кубу. Въ отрядѣ было 9-ть ротъ куринцевъ (3-го и 4-го баталіоновъ), 8-мь—апшеронцевъ, казачій полкъ и 6-ть полевыхъ и 8-мь горныхъ орудій. 20-го сентября отрядъ Фезе прибылъ въ Кубу, сдѣлавъ въ 9-ть дней до 250-ти верстъ. Но здѣсь, къ счастью, все было тихо и куринцы, сдѣлавъ безполезную прогулку, пошли обратно въ свою излюбленную Чечню.

Изъ предыдущаго разсказа видно, что существенный результатъ прославившейся въ свое время аварской экспедиціи заключался въ проведеніи дороги изъ Шуры въ Хунзахъ и возведеніи укрѣп-

чеченцы были перемѣшаны, и результатомъ всѣхъ предыдущихъ экспедицій осталось только безчисленное множество присяжныхъ листовъ; дальше этого наша власть не пошла въ Чечнѣ и русское имя, не смотря на потоки пролитой крови, не внушало въ должной мѣрѣ ни уваженія, ни страха.

Кумыкская плоскость, прикрытая укрѣпленіями Ташъ-Кичу и Внезапной, плохо соединялась съ военными центрами Чечни и Дагестана—съ укрѣпленіями Грозной и Шурой, ибо переправа на Сунжѣ, у Умаханъ-Юрта, была вбродъ; а на Сулакѣ—по міатлинскому парому, не отвѣчавшему условіямъ ни безопасности, ни удобства. Въ плоскостной части прикаспійскаго края было тихо; зато въ горахъ кипѣло движеніе, грозившее всѣмъ результатамъ аварской экспедиціи 1837-го года; въ южномъ же Дагестанѣ и въ Кубѣ горѣло возмущеніе.

При этихъ условіяхъ у насъ недоставало ни войскъ, ни единства въ направленіи наличныхъ силъ; по этому и въ дѣятельности куринцевъ въ 1838-мъ году мы напрасно стали бы искать какой либо связи. Даже квартирное расположеніе полка носитъ на себѣ какую то печать случайности *); здѣсь мы видимъ нетолько общую растянутость почти на 200-ти верстъ, но и непомѣрную разбросанность ротъ одного и того же баталіона.

До весны 1838-го года части полка оставались на зимнихъ квартирахъ; затѣмъ баталіоны разошлись по отрядамъ и притомъ, по какому то непонятному расчету, 1-й и 2-й баталіоны попали на кисловодскую линію (праваго фланга) **); изъ остальныхъ—3-й ба-

*) Квартирное расположеніе полка въ зиму было слѣдующее: въ крѣпости Грозной—штабъ полка и 2-й и 5-й карабинерныхъ, а также 4-й, 6-й и 13-й егерскихъ ротъ; въ стан. Червленной—1-я и 9-я егерскія роты, въ ст. Наурской—1-я карабинерная рота, въ ст. Мекенской—2-я егерская рота, въ ст. Калиновской—3-я егерская рота; въ ст. Шадринской—8-я егерская рота; въ ст. Ново-Гладковской—3-я карабинерная рота; въ ст. Старо-Гладковской и Кордюковской—7-я егерская рота; въ ст. Дубовской—10-я егерская рота; въ ст. Каргалинской—4-я карабинерная рота; въ с. Бородинской—12-я егерская рота. По укрѣпленіямъ Ташъ-Кичу, Умаханъ-Юртъ, Горячеводскому и Амиръ-Аджи-Юртъ—5-я, 11-я, 14-я и 15-я егерскія роты.

**) Въ то время, какъ баталіоны Куринскаго полка пошли изъ Чечни на

таліонъ двинулся въ Шуру, для экспедиціи въ Кубу, 4-й—сосредоточился въ кр. Внезапной для экспедиціи на Сулакъ и только 5-й баталіонъ остался разбросаннымъ по постамъ и укрѣпленіямъ лѣваго фланга.

29-го апрѣля 1838-го года, 1-й и 2-й баталіоны куринцевъ двинулись по правому берегу Терека къ Екатеринодару и поступили въ отрядъ генерала Крюкова, имѣвшаго цѣлью обезпечить военно-грузинскую дорогу; для этого рѣшено было водворить на ней военныя поселенія, а на правомъ берегу Терека возвести два укрѣпленія—Константиновское и Елисаветинское. Въ теченіе лѣта отрядъ устроилъ, кромѣ этихъ укрѣпленій, еще военныя поселенія женатыхъ солдатъ—александровское и николаевское и ст. Ардонскую, Архонскую, Приншбскую и Урухскую; затѣмъ, въ августѣ, отрядъ былъ распущенъ и два баталіона куринцевъ (1-й—маіора Витторта и 2-й—подполковника Циклаурова) поступили въ отрядъ генерала барона Засса для экспедиціи за Лабу. Здѣсь куринцы оставались до декабря, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и возвратились въ Чечню въ концѣ года, имѣя 8-мь человѣкъ раненыхъ.

3-й баталіонъ подполковника Берзуля, какъ сказано выше, поступилъ въ составъ отряда генерала Фезе, собиравшагося въ маѣ 1838-го года въ укрѣпленіи Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Отрядъ Фезе имѣлъ цѣлью прекратить кубинскіе безпорядки и затѣмъ устроить сообщенія съ Хунзахомъ, укрѣпить переправу чрезъ Койсу у аула Зыряны и снабдить аварскія укрѣпленія продовольствіемъ; но еслибы и затѣмъ осталось свободное время,—отрядъ долженъ былъ дѣйствовать противъ новой резиденціи Шамиля—укрѣпленнаго аула Ахульго.

Прибывъ въ Шуру и получивъ успокоительныя свѣдѣнія изъ Кубы, генералъ Фезе нашелъ возможнымъ войска, собранныя въ Шурѣ, направить для разработки дорогъ въ Аварію, а самъ отправился въ Кубу, взявъ съ собой лишь командира 3-го куринскаго баталіона подполковника Берзуля.

кисловодскую линію и оставались на правомъ флангѣ до зимы, въ августѣ три баталіона кабардинскаго полка двигались въ крѣпость Внезапную.

Шуринскій отрядъ остался подъ командой генералъ-маіора Лачинова; въ рядахъ его состоялъ 3-й баталіонъ куринцевъ. Отрядъ началъ работы въ концѣ мая. 16-го іюля генералъ Фезе, покончивъ дѣла въ южномъ Дагестанѣ, прибылъ въ Шуру и съ бывшимъ кубинскимъ отрядомъ, въ сопровожденіи 700-тъ арбъ провіанта, двинулся въ Хунзахъ по дорогѣ, вновь разработанной колонной Лачинова. 24-го іюля всѣ свободныя отъ работъ силы соединеннаго отряда сосредоточились въ Аваріи.

Работами генерала Лачинова Фезе остался весьма доволенъ. Дорога отъ Шуры до Зырянъ была хорошо разработана; спуски и подъемы не затрудняли движенія колесъ; въ Бурундукъ-кале уже стоялъ деревянный блокгаузъ; въ Зырянахъ паромное сообщеніе было прикрыто двойнымъ тетъ-де-пономъ; хунзахское укрѣпленіе уширено и сообщенія этой крѣпости на югъ къ голотлинской переправѣ, черезъ Аварское Койсу, исправлено *).

Не смотря на эти наши успѣхи, настроеніе умовъ въ сѣверномъ Дагестанѣ не предвѣщало ничего хорошаго: неожиданное появленіе русскихъ въ Аваріи взволновало руководителей анти-русской пропаганды и партіи горцевъ со всѣхъ концовъ сѣвернаго Дагестана собирались въ Карату; сюда прибылъ и самъ Шамиль, и сталъ воглавѣ 5-ти-тысячнаго сборища.

Генералъ Фезе сосредоточилъ всѣ свободныя силы на юго-западной границѣ Аваріи, на хребтѣ Тала-Кори, близь аула Ингурдахъ, и завязалъ переговоры съ Шамилемъ. Русскій генералъ старался убѣдить всѣхъ, что онъ пришелъ не для военныхъ дѣйствій, а лишь для снабженія Хунзаха. Но увѣренія Фезе не только не убѣдили горцевъ, но и дали имъ смѣлость подвинуться ближе къ русскому отряду. Тогда генералъ Фезе рѣшился атаковать Шамиля.

Оставивъ въ лагерѣ два баталіона и аварскую милицію, подъ командой Лачинова, 6-го августа Фезе выступилъ двумя колоннами: правая, подъ командою подполковника Берзуля, состоявшая изъ 3-го баталіона куринцевъ и двухъ ротъ ширванскаго полка, двинулась по хребту, а лѣвая (10-ть ротъ, 6-ть орудій и 150-ть всадниковъ)—

---

*) Отсюда Хунзахъ снабжался дровами.

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ

КАРТА ДАГЕСТАНА

Масштабъ 20 верстъ въ дюймъ

*) Отсюда Хунзахъ снабжался дровами.

подъ личнымъ начальствомъ Фезе, пошла по косогору. Шамиль занялъ укрѣпленную позицію.

По соединеніи обѣихъ колоннъ, начальникъ отряда направилъ 2-й баталіонъ ширванцевъ, подъ командой маіора Тулинскаго *), для охвата лѣваго фланга непріятеля, а 3-й баталіонъ куринцевъ и роту ширванцевъ, подъ командой подполковника Берзуля, двинулъ противъ центра. Когда предварительный маневръ былъ исполненъ, генералъ подалъ сигналъ (махнулъ бѣлой фуражкой) и обѣ колонны, съ крикомъ „ура", кинулись на непріятеля въ штыки. Послѣ недолгаго и ожесточеннаго сопротивленія, непріятель бѣжалъ къ другой позиціи, (Бакули-Сивохъ), лежавшей на рѣчкѣ, отдѣлявшей Карату отъ Аваріи; но Шамиль не могъ удержаться и здѣсь. Отрядъ нашъ остался ночевать на непріятельскихъ завалахъ. Утромъ 7-го августа, противъ праваго нашего фланга у с. Энхели, стали показываться новыя партіи; чтобы удержать ихъ, генералъ Фезе выслалъ два баталіона, подъ командой подполковника Берзуля. Куринцы дружно ударили въ штыки, и деревня Энхели была взята и уничтожена. Шамиль скрылся, а Фезе, принявъ депутатовъ разныхъ обществъ, съ ихъ непремѣнными присяжными листами, возвратился въ Хунзахъ, потерявъ въ дѣлахъ 6-го и 7-го августа 16-ть убитыхъ и 72 раненыхъ нижнихъ чиновъ **).

Энхелинскимъ дѣломъ закончилась кампанія 1838-го года въ Аваріи... Позднее время года, необходимость беречь запасы, имѣвшіеся въ Хунзахѣ, для будущаго гарнизона и обязанность исполнить дальнѣйшія задачи на кумыкской плоскости и въ Ичкеріи, заставили генерала Фезе отступить въ Шуру и привести свой отрядъ къ крѣпости Внезапной, гдѣ стоялъ маленькій отрядъ начальника 20-й дивизіи генералъ-маіора Крюкова.

Существеннымъ результатомъ аварской экспедиціи 1838-го года было проведеніе дороги изъ Шуры въ Хунзахъ и укрѣпленіе этого мѣста, гдѣ оставленъ небольшой гарнизонъ; слѣдовательно, нельзя

*) Бывшій куринецъ, неоднократно отличавшійся воглавѣ своей роты въ походахъ, описанныхъ въ предыдущихъ главахъ.

**) Къ сожалѣнію, мы не можемъ отдѣлить изъ этихъ цифръ потери куринскаго баталіона.

не сказать, что Фезе не извлекъ всей пользы изъ геройскаго поведенія своего отряда; результаты были слишкомъ поверхностны: они не трогали глубину существеннаго вопроса о покореніи Дагестана, такъ что, не смотря на неудачу, Шамиль могъ безпрепятственно отойти въ свою новую резиденцію—Ахульго, которая отстояла отъ Хунзаха всего въ 40-ка верстахъ. Но если можно быть недовольнымъ общими результатами кампаніи, зато хроникеръ Куринскаго полка долженъ съ гордостью сказать, что 3-й баталіонъ этого полка, съ отважнымъ своимъ командиромъ подполковникомъ Берзулемъ, велъ себя блистательно; на его долю выпадали самыя трудныя задачи и „малые и удалые егеря" дѣйствительно были героями дѣлъ.

Въ то время какъ новый отрядъ Фезе собирался въ крѣпость Внезапную, вспыхнуло возстаніе въ шекинской провинціи. Событіе это разстроило планы корпуснаго командира и отрядъ, собиравшійся на кумыкской плоскости, долженъ былъ раздѣлиться на двѣ части: одна, подъ начальствомъ генерала Фезе, двинулась форсированно въ Кубу, а другая, оставшись подъ начальствомъ генерала Крюкова, сдѣлала движеніе въ Салатавію. Въ отрядѣ Фезе былъ третій баталіонъ подполковника Берзуля, а въ отрядѣ Крюкова—4-й баталіонъ и 5-я карабинерная рота, подъ командою подполковника Яковенко.

Мы здѣсь ограничимся этими указаніями, потому что отрядъ Фезе хотя и сдѣлалъ трудный и продолжительный походъ черезъ Кубу *), но не имѣлъ дѣла съ мятежниками, которые смирились тотчасъ по прибытіи войскъ. Что касается отряда Крюкова, то онъ 10-го сентября двинулся изъ Внезапной въ Салатавію, дошелъ до перевала въ Андію и, въ виду общаго спокойствія, возвратился въ Внезапную; но вскорѣ пришлось двинуться для наказанія аула Міатлы, на Сулакѣ.

17-го октября, отрядъ выступилъ, оставивъ всѣ тяжести у

---

*) Отрядъ выступилъ изъ Шуры 2-го сентября, 12-го былъ въ Кубѣ и 20-го въ Хазры; 12-го октября пошелъ обратно въ Кубу и тамъ былъ распущенъ.

д. Андреевой, подъ прикрытіемъ роты куринскихъ егерей и 2-хъ ротъ кавказскаго линейнаго № 10-го баталіона, подъ командою подполковника Пантелѣева. Въ авангардѣ шелъ полковникъ Пулло, съ баталіономъ своихъ куринцевъ, а въ верстѣ за нимъ слѣдовали главныя силы, подъ начальствомъ полковника Пирятинскаго *). Генералъ Крюковъ все время ѣхалъ въ головѣ авангарда, вслѣдъ за двумя проводниками-горцами. Движеніе было произведено совершенно скрытно; не смотря на убійственную дорогу, крайне замедлявшую слѣдованіе артиллеріи, отрядъ еще до разсвѣта подошелъ къ селенію, и, по заранѣе отданному на маршѣ приказанію, тихо окружилъ его. Полковнику Пулло, съ баталіономъ куринцевъ, 3-мя сотнями казаковъ, при 3-хъ горныхъ орудіяхъ, было приказано охватить аулъ справа; полковнику Лабынцеву, съ баталіономъ кабардинцевъ и сотнею казаковъ—слѣва, а полковникъ Пирятинскій, съ баталіономъ кабардинцевъ же, при 6-ти орудіяхъ, былъ направленъ съ фронта. Когда колонны Пулло и Лабынцева заняли свои мѣста, то залпъ изъ всѣхъ орудій послужилъ сигналомъ къ штурму. Большинство жителей еще спало, когда наши колонны, одновременно съ трехъ сторонъ, ворвались въ аулъ. Міатлинцы, испуганные орудійной пальбой и нашимъ внезапнымъ появленіемъ, какъ обезумѣвшіе метались въ охватившемъ ихъ желѣзномъ кольцѣ; немногимъ удалось спастись,—остальные или погибли на штыкахъ, или были взяты въ плѣнъ. Когда все имущество было выбрано изъ сакль, начальникъ отряда приказалъ зажечь селеніе, за исключеніемъ мечети, шести домовъ преданныхъ намъ жителей и замѣчательныхъ фруктовыхъ садовъ, занимавшихъ болѣе 70-ти десятинъ **).

Войска, закончивъ свою разрушительную работу, отошли къ міатлинской переправѣ и стали бивакомъ. Скоро къ генералу незамедлили явиться съ повинною головою нѣкоторые, спасшіеся отъ истребленія и плѣна міатлинцы. Обязавъ ихъ подпискою и присягою въ покорности, Крюковъ, по просьбѣ ихъ, разрѣшилъ имъ поселиться на старыхъ ихъ пепелищахъ.

---

*) Командиръ кабардинскаго егерскаго полка.

**) А. Юровъ. „Три года на Кавказѣ“. Кавк. Сбор. т. VIII.

19-го октября отрядъ вернулся къ деревнѣ Андреевой, 20-го прибылъ въ крѣпость Внезапную, а 26-го былъ распущенъ по квартирамъ.

Такъ кончился первый годъ управленія Кавказомъ генерала Головина. Присмотрѣвшись къ положенію края и ознакомившись съ дѣлами, новый корпусный командиръ представилъ Государю свои предположенія на 1839-й годъ. Характеризуя прошлыя событія, генералъ Головинъ писалъ: „Шамиль есть преемникъ и сподвижникъ Кази-Муллы; въ немъ сосредоточивается теперь вся духовная власть. Это вредное направленіе присоединилось къ собственному, буйному и дикому состоянію дагестанцевъ и, годъ отъ года, дѣлаетъ сложнѣе и затруднительнѣе усмиреніе края. Такое состояніе Дагестана долѣе не можетъ быть терпимо, безъ очевиднаго вреда какъ для нашего могущества,... такъ и для спокойнаго обладанія Закавказьемъ...

„На правомъ флангѣ—продолжаетъ записка Головина—мы хотя имѣемъ сильнаго непріятеля, но тамъ никогда не было единства, тамъ народъ не соединяется общими силами, какъ это было въ Дагестанѣ..... По этимъ соображеніямъ, я считаю усмиреніе Дагестана дѣломъ первостепеннымъ, для котораго употребить должно всѣ способы, въ моемъ распоряженіи состоящіе, хотя они не довольно достаточны, дабы совершеннымъ успѣхомъ и меньшими пожертвованіями завершить столь огромное предпріятіе, долженствующее встрѣтить въ исполненіи своемъ большія трудности и упорное сопротивленіе. Предпріятіе это, по возможности, не должно быть подвержено случайностямъ. Усмиреніе же племенъ черкесскихъ считаю дѣломъ второстепеннымъ.“ Генералъ Головинъ, вѣрно намѣтивъ общую цѣль, сдѣлалъ указанія и на способы для достиженія ея, и здѣсь то впалъ въ ошибку: корпусный командиръ, самъ назвавшій предпріятіе „огромнымъ“, а свои средства „недостаточными“, хотѣлъ, чуть не въ одинъ годъ, сокрушить Шамиля и связать удобными дорогами Кахетію съ Шурой, чрезъ Хунзахъ, и Грозную съ Тифлисомъ, по ущелью Аргуна. Иначе говоря, онъ хотѣлъ сдѣлать въ 1839-мъ году то, что не сдѣлано еще въ 1885-мъ году!

Достойно полнаго вниманія мнѣніе объ этомъ планѣ покойнаго Императора Николая I.

„...Предположенія ваши, милостивый государь—писалъ военный министръ—по мнѣнію Его Величества представляются несоразмѣрными съ способами кавказскаго корпуса, неудобными къ исполненію и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже вредными".

Изъ этихъ немногихъ выписокъ изъ документовъ стараго времени выясняется, что въ 1838-мъ году произошелъ переломъ въ оцѣнкѣ театра кавказской войны, и черноморская береговая линія, поглощавшая все вниманіе начальства съ 1834-го года, уступила первое мѣсто Дагестану, гдѣ Шамиль энергично распространялъ свое вліяніе и посѣялъ зародышъ политической организаціи, изъ которой, безъ всякаго сомнѣнія, должна была развиться долголѣтняя война.

Діагнозъ былъ вѣрный; но, какъ часто бываетъ въ жизни вообще и на войнѣ въ частности, мы стали преслѣдовать не самаго врага, а только его тѣнь. Въ примѣненіи къ Кавказу, врагомъ Россіи въ 1838-мъ году была вся совокупность созданныхъ условій, а Шамиль являлся только выразителемъ этихъ условій, такъ сказать, тѣнью, долженствовавшею исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ причинъ, ее вызывающихъ; между тѣмъ, послѣдующія событія доказываютъ, что врагъ представлялся намъ исключительно въ лицѣ Шамиля, какъ будто совокупность всѣхъ остальныхъ причинъ не была способна создать новаго имама, еслибы Шамиль былъ схваченъ русскими солдатами.

Отъ этого ошибочнаго взгляда на значеніе Шамиля и смѣшенія причинъ со слѣдствіемъ, вытекалъ и образъ дѣйствій нашихъ войскъ, имѣвшихъ цѣлью, по офиціальному выраженію „сокрушить власть Шамиля", а по вульгарному—просто схватить этого безпокойнаго человѣка. Штурмъ Тилитля въ 1837-мъ году, гдѣ Шамиль былъ уже въ нашихъ рукахъ, казалось, доказывалъ, что исполнить это не трудно. Итакъ, съ 1838-го года главнѣйшею задачею войскъ на Кавказѣ дѣлается личность Шамиля; мысль о погонѣ за нимъ особенно нравилась генералъ-лейтенанту Граббе, который, послѣ смерти генерала Вельяминова, сдѣлался командующимъ войсками на кавказской линіи.

Генералъ Граббе, неохотно подчинявшійся Головину, имѣвшій

личныя связи въ Петербургѣ и даже самостоятельные доклады Государю, легко проводилъ свои собственные взгляды и даже, нестѣсняясь служебными отношеніями, измѣнялъ, какъ увидимъ, предположенія корпуснаго командира.

Подъ вліяніемъ предшествовавшихъ событій, въ 1839-мъ году въ Чечнѣ и Дагестанѣ предполагалось сформировать два отряда, изъ коихъ самурскому отряду, подъ начальствомъ корпуснаго командира, предназначено было подняться вверхъ по Самуру и заложить укр. Ахты, а чеченскому—подъ командой генерала Граббе, приказано было вытѣснить Шамиля изъ Ахульго, раззорить это жилище и утвердиться па андійскомъ Койсу. Въ предписаніи, данномъ генералу Граббе, обращалось особое вниманіе на вторую половину задачи: ,,если, по занятіи Чирката и Ахульго, войска оставятъ этотъ край—говорилось въ предписаніи—то безъ сомнѣнія Шамиль опять займетъ его и станетъ снова въ тоже положеніе, въ которомъ теперь находится; въ такомъ случаѣ, не подверженномъ сомнѣнію, всѣ пожертвованія, кои мы должны будемъ сдѣлать для овладѣнія Чиркатомъ и замкомъ Ахульго,—останутся не вознагражденными''.

Снабженный этимъ предписаніемъ, генералъ Граббе, въ апрѣлѣ 1839-го года, собралъ чеченскій отрядъ у крѣп. Внезапной.

Въ составъ отряда вошли сначала только 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго егерскаго полка, два баталіона кабардинскаго полка, 10-ть горныхъ орудій, 150-тъ конныхъ, 100 пѣшихъ казаковъ и 230-ть человѣкъ горской милиціи. Исправляющимъ должность начальника штаба отряда былъ назначенъ командиръ Куринскаго полка полковникъ Пулло, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставался и командиромъ полка.

Чеченскій отрядъ былъ, по тогдашнему счету, необыкновенной силы, и потому на его снабженіе и приготовленіе къ походу потребовалось много времени и экстренныхъ средствъ. Надо помнить, что генералъ Граббе сосредоточилъ къ Внезапной почти всѣ наличныя силы лѣваго фланга. Въ Чечнѣ остался только одинъ 5-й баталіонъ Куринскаго полка. По приготовленіямъ къ походу нужно было ожидать продолжительную кампанію и упорныя дѣла; къ отряду съѣхались изъ разныхъ частей русской арміи офицеры, ис-

ключительно съ цѣлью принять участіе въ экспедиціи. Офицеровъ этихъ начальникъ отряда распредѣлилъ между полками. Въ Куринскій полкъ прикомандировалось 29-ть офицеровъ *).

Кампанія въ Ахульго была настолько популярна, что покойный Императоръ прислалъ сюда своего любимаго флигель-адъютанта полковника Катенина.

Шамиль также не дремалъ; онъ объѣздилъ въ сопровожденіи лучшихъ своихъ мюридовъ весь сѣверный Дагестанъ и объявилъ священную войну. Имамъ приказалъ свозить запасы въ Ахульго и взялъ клятву съ жителей, что они, по первому зову его, явятся къ назначенному мѣсту; вмѣстѣ съ тѣмъ, не довѣряя обѣщаніямъ согражданъ, Шамиль взялъ отъ ауловъ аманатовъ и съ ними вмѣстѣ возвратился въ Ахульго, гдѣ и принялся за укрѣпленіе этой, и безъ того натуральной крѣпости. Въ инженерномъ искусствѣ Шамиль оказался такимъ же мастеромъ, какъ и въ администраціи. „Его искусство сдѣлало бы честь европейскому инженеру“, пишетъ одинъ изъ современниковъ. При помощи бѣглыхъ

---

*) Это былъ первый случай получившаго впослѣдствіи широкіе размѣры прикомандированія преимущественно гвардейскихъ офицеровъ къ отрядамъ, на время военныхъ дѣйствій.

Здѣсь считаемъ интереснымъ привести списокъ прикомандированныхъ къ Куринскому полку на время похода 1839-го года:

Днѣпровскаго пѣхотнаго полка поручикъ Звягинцевъ, л.-гв. конно-гренадерскаго—поручики Масловъ, Хрущевъ, углицкаго пѣхотнаго—маіоръ Слоповскій, тобольскаго пѣхотнаго—маіоръ Зайцевъ, гусарскаго Наслѣдника Цесаревича—штабсъ-ротмистръ Евреиновъ, поручикъ Мартыновъ, бутырскаго пѣхотнаго—поручикъ Красовичъ, новоархангельскаго уланскаго—поручикъ Коробчевскій, орденскаго кирасирскаго—поручикъ Турбинъ, л.-гв. семеновскаго—подпоручикъ Рылѣевъ, смоленскаго уланскаго—поручикъ Мартинау, л.-гв. уланскаго—поручикъ Солодовниковъ, низовскаго пѣхотнаго—поручикъ Резенлинъ, костромскаго пѣхотнаго—поручикъ Гедцъ, кабардинскаго егерскаго—поручикъ Куликовъ, л.-гв. гренадерскаго—поручикъ Муратовъ, апшеронскаго пѣхотнаго—маіоръ баронъ Фитингофъ, нижегородскаго драгунскаго — капитанъ Коцебу, л.-гв. гусарскаго — поручикъ Никитинъ, кавказскаго казачьяго—есаулъ Содарскій, грузинскаго линейнаго № 2-го баталіона—прапорщики Байковъ 1-й и Байковъ 2-й, уральскаго казачьяго войска сотникъ Бѣляевъ, грузинскаго гренадерскаго полка маіоръ Садовскій, прапорщики Шигикинъ и Кацель, тифлисскаго егерскаго прапорщики Кановичъ и Клячковскій.

поляковъ, сосланныхъ на Кавказъ послѣ погрома Польши въ 1831-мъ году, горцы, приступили къ разрушенію старыхъ башенъ, разлетавшихся отъ нашихъ ядеръ, и вмѣсто нихъ возвели земляные завалы; слабые пункты Ахульго, обнаружившіеся въ 1837-мъ году, были укрѣплены; такимъ образомъ, рядомъ съ старымъ Ахульго возникло новое, настолько сильное для обороны, что самъ Шамиль счелъ его неприступнымъ. Но имамъ не думалъ ограничиться защитой Ахульго: онъ задался мыслью создать цѣлую систему обороны. Съ этою цѣлью, онъ рѣшился встрѣтить русскихъ у самаго входа въ горы, задерживать ихъ на каждомъ шагу, оборонять лучшія позиціи по пути, у Буртуная и Аргуани, и отрѣзать русскимъ всякое сообщеніе съ плоскостью.

Надъ этимъ планомъ Шамиль работалъ съ безпримѣрной энергіей и уже въ его воображеніи рисовалась картина страшной рѣзни, которая должна была уничтожить отрядъ Граббе, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, Куринскій полкъ.

Оборона Шамиля должна была начаться съ возстанія ичкеринцевъ и мичиковцевъ въ тылу отряда Граббе. Исполненіе этой части плана было поручено Ташовъ-Хаджи, который успѣлъ увлечь ичкеринцевъ и ауховцевъ и сталъ собирать партіи въ ущельи Аксая, гдѣ были укрѣплены аулы Ахметъ-Тала и Саясанъ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, генералъ Граббе рѣшился прежде всего выступить налегкѣ противъ Ташовъ-Хаджи. Лагерь и тяжести были оставлены въ Внезапной; отрядъ взялъ съ собой только десятидневный запасъ сухарей. Удобнѣйшая дорога въ ущелье Аксая пролегала по предгорьямъ Ауха и по этой дорогѣ до Ахметъ-Тала былъ лишь одинъ хорошій переходъ. Чтобы не терять времени и атаковать Ташовъ-Хаджи врасплохъ, генералъ Граббе выслалъ два баталіона кабардинскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лабынцева, по прямой вьючной тропѣ, къ аулу Ахметъ-Тала, съ такимъ расчетомъ, чтобы на разсвѣтѣ 10-го мая атаковать врага; главная же колонна, состоявшая изъ 4-хъ баталіоновъ Куринскаго полка, 10-ти орудій и всей кавалеріи, подъ личнымъ начальствомъ самого генерала Граббе, выступила нѣсколькими часами позже Лабынцева по кружной, по удобной дорогѣ,

шедшей по предгорьямъ Луха. Отрядъ этотъ, на разсвѣтѣ 10-го мая, остановился впереди аула, недоходя 1½ версты до укрѣпленной непріятельской позиціи. Но еще до прихода главныхъ силъ кабардинцы молодецки покончили съ укрѣпленіемъ. Застигнутый врасплохъ, врагъ покинулъ Ахметъ-Тала и засѣлъ въ опушкѣ лѣса. Горцы начали сбѣгаться на выстрѣлы и окружили со всѣхъ сторонъ кабардинцевъ; въ это время подоспѣла главная колонна, состоявшая исключительно изъ куринцевъ. Предстояла первая встрѣча съ врагомъ и намъ особенно пріятно привести здѣсь впечатлѣніе, произведенное куринцами на очевидца этого дѣла (графа Д. А. Милютина), который говоритъ: „поистинѣ нельзя было не любоваться одушевленнымъ видомъ этихъ загорѣлыхъ лицъ, еще чернѣе казавшихся подъ бѣлыми чахлами ихъ шапокъ". Противникъ не принялъ атаки; тогда генералъ Граббе отозвалъ кабардинцевъ и со всѣми силами направился черезъ укрѣпленіе въ аулъ Баланъ-су. Дорога была занята скопищемъ Ташовъ-Хаджи и сильно укрѣплена завалами. Генералъ Граббе выдвинулъ артилерію и, подъ прикрытіемъ ея, кинулъ впередъ штурмовыя колонны: съ фронта—два баталіона кабардинцевъ и 1-й и 2-й баталіоны куринцевъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Галафѣева, съ лѣваго фланга—одинъ баталіонъ Куринскаго полка, подъ командою полковника Пулло, и справа—всю милицію, подъ начальствомъ Куринскаго полка маіора Мезенцова. Непріятель не выдержалъ этой атаки и отступилъ *). 11-го мая генералъ Граббе двинулся вглубь Ичкеріи, вверхъ по Ямангъ-су, тремя колоннами. Куринскій полкъ, подъ начальствомъ Пулло, шелъ въ правой колоннѣ, по гребнямъ горъ. Колонна эта остановилась на ночлегъ у аула Рагонкажъ. 12-го числа, оставивъ главныя силы для отдыха, начальникъ отряда приказалъ полковнику Лабынцеву, съ кабардинцами и двумя ротами куринцевъ, идти по весьма труднымъ дорогамъ вверхъ по Аксаю, къ аулу Саясанъ, мѣсту жительства Ташовъ-Хаджи. Аулъ Саясанъ лежитъ на открытой, возвышенной площадкѣ, имѣющей обрывистый спускъ къ Аксаю. Къ югу отъ аула, между такими же обрывами, было устроено

*) 10-го мая куринцы потеряли двухъ раненыхъ.

укрѣпленіе, называвшееся именемъ Ташовъ-Хаджи. Укрѣпленіе это состояло изъ толстой бревенчатой ограды, фланкированной башнями съ бойницами. Высокая башня въ нѣсколько ярусовъ возвышалась среди укрѣпленія; рвы, завалы и засѣки, въ нѣсколько рядовъ, покрывали скаты. Единственная тропинка, пролегавшая черезъ балку со стороны селенія, была во многихъ мѣстахъ перекопана. Видя приближеніе русскихъ, чеченцы покинули аулы и собрались въ этомъ укрѣпленіи, гдѣ и встрѣтили жестокимъ огнемъ штурмъ егерей. Завязалась рукопашная схватка, въ которой чеченцы не устояли, но дорого стоило дѣло и русскимъ. Особенно много потеряли стрѣлки Куринскаго полка, бывшіе подъ командою штабсъ-капитана Мартынова. Съ нашей стороны ранены маіоръ Мезенцовъ и подпоручикъ Винниковъ, нижнихъ чиновъ убито 11-ть, ранено 28-мь и безвѣсти пропалъ 1. 13-го мая экспедиція продолжалась по направленію къ Ярыкъ-су, причемъ уничтожены попутные аулы. Крайній пунктъ экспедиціи—аулъ Билитли, былъ занятъ двумя баталіонами Куринскаго полка, подъ командою подполковника Циклаурова. Отсюда приходилось начать отступленіе по ущелью Ярыкъ-су. При обзорѣ тактическихъ пріемовъ чеченцевъ, указано, что отступленіе есть труднѣйшая часть всякой экспедиціи въ Чечнѣ. Здѣсь непріятель выростаетъ у каждаго куста, у каждаго дерева; значитъ, нужны и соотвѣтствующія мѣры, въ числѣ коихъ Кавказъ выработалъ особый порядокъ походнаго движенія. Въ данномъ случаѣ отрядъ раздѣлился на три части: вдоль по руслу Яманъ-су двигались главныя силы, подъ командою генерала Галафѣева (два баталіона куринцевъ и артилерія), лѣвую колонну составляли 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полка, подъ начальствомъ полковника Пулло, а правую —два баталіона кабардинскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лабынцева. При колоннѣ Пулло была горская милиція, подъ командою генеральнаго штаба штабсъ-капитана Шульца.

Съ началомъ отступленія, началось энергическое преслѣдованіе горцевъ. Толпы чеченцевъ кинулись сначала на куринцевъ, но были отброшены 1-й карабинерной ротой капитана Рыкова 1-го *), затѣмъ

*) Въ приказѣ по полку отъ 17-го мая № 90, объявлена благодарность

такой же ударъ былъ противъ кабардинцевъ и, наконецъ, противъ главныхъ силъ. Вскорѣ ущелье съузилось: пришлось вытянуться въ одну глубокую колонну. Перестроеніе это произведено подъ прикрытіемъ лѣвой колонны, которая, пропустивъ мимо себя весь отрядъ, составила собой арріергардъ и съ непрерывнымъ боемъ отступила къ аулу Ярыксу-Аухъ. Отступленіе это стоило куринцамъ убитыми 4 и ранеными 28-мь. Въ числѣ раненыхъ былъ прикомандированный изъ углицкаго полка маіоръ Слоновскій *).

Отрядъ возвратился въ Внезапную 15-го мая, пройдя почти всю Ичкерію; это была своего рода прелюдія въ драмѣ, которая готовилась впереди.

Польза экспедиціи противъ Ташовъ-Хаджи несомнѣнна: она оторвала отъ Шамиля значительную вооруженную силу чеченцевъ, которые, оставаясь въ тылу отряда, были бы весьма опасны,—и еще разъ испытала силы егерей 20-й дивизіи. Саясанъ былъ маленькимъ Ахульго, а отступленіе по Ярыкъ-су, исполненное въ величайшемъ порядкѣ,—школой для предстоящаго движенія въ теренгульское ущелье.

У Внезапной, отрядъ Граббе простоялъ до 20-го мая и, окончивъ всѣ приготовленія, двинулся въ ущелье Сулака; здѣсь, у аула Инчхе, къ отряду присоединились два баталіона апшеронскаго полка, съ 4-мя полевыми орудіями. Здѣсь же, 22-го мая, генералъ Граббе узналъ, что, тѣмъ временемъ, Шамиль собралъ до 4000 горцевъ и занялъ съ ними фланговую позицію у Буртуная, вѣроятно съ цѣлью дѣйствовать намъ въ тылъ. Это обстоятельство заставило Граббе опять свернуть съ дороги, перевалить въ ущелье Акташа и атаковать Буртунай. Съ прибывшими подкрѣпленіями, отрядъ Граббе состоялъ изъ 5-ти баталіоновъ, 1-й роты саперъ, 17-ти орудій и

капитану Рыкову, а ротѣ отпущено по чаркѣ вина. „Рота—сказано въ приказѣ—будучи настигнута непріятелемъ, который съ дикою отважностью въ нее ворвался, въ присутствіи моемъ показала неустрашимость и смѣлость, съ какой она бросилась на ожесточенныхъ варваровъ".

*) Генералъ Головинъ, получившій донесеніе о дѣйствіяхъ чеченскаго отряда, отдалъ въ лагерѣ дагестанскаго отряда, при Хазры, приказъ, въ которомъ ставилъ куринцевъ и кабардинцевъ въ примѣръ всему своему отряду.

милиціи,—всего до 7,800 человѣкъ. Залогомъ успѣха служитъ превосходный духъ войска. 23-го числа генералъ Граббе двинулся черезъ Хубаръ и Гертме. Во время этого передвиженія отрядъ не былъ обезпокоенъ непріятелемъ. Изъ Гертме уже открывалась теренгульская трещина, за которой стоялъ самъ Шамиль, съ своими 4000 воиновъ.

Не теряя времени на долгую перестрѣлку, наши войска двинулись въ атаку. Куринскіе баталіоны составили двѣ фланговыя колонны, а остальные—центръ. Штурмъ былъ съ налета. Шамиль самъ предводительствовалъ своими мюридами, которые, распѣвая священные стихи изъ корана, отчаянно боролись противъ русскихъ. Здѣсь куринцы работали на славу: непріятель, одновременно взятый съ двухъ фланговъ, не устоялъ, и, къ вечеру, послѣ цѣлаго дня усиленныхъ трудовъ и почти четырехчасоваго боя, куринцы заняли Буртунай, потерявъ 5-ть убитыми, 40 ранеными и 2-хъ безвѣсти пропавшими. Такимъ образомъ, и здѣсь не оправдались надежды Шамиля; отрядъ Граббе, хотя и съ большими жертвами, проложилъ себѣ дорогу черезъ знаменитое теренгульское ущелье и безъ потери времени пошелъ далѣе. Здѣсь отрядъ встрѣтилъ неимовѣрныя затрудненія: въ теченіе двухъ дней пришлось подниматься вверхъ, къ перевалу, на которомъ лежалъ еще снѣгъ. Добравшись до вершины, два дня пришлось разрабатывать спускъ; нужно было прибѣгнуть къ порохострѣльнымъ работамъ. Послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, отрядъ Граббе перевалилъ въ бассейнъ Койсу и раззорилъ два аула—Артлукъ и Данухъ. Шамиль въ это время оканчивалъ свои укрѣпленія у Аргуани. Имѣя въ виду сопротивленіе, какое ожидалось отъ имама, Граббе счелъ необходимымъ возвести въ тылу своего дальнѣйшаго пути опорный пунктъ. Съ этою цѣлью было устроено близь развалинъ Артлука укрѣпленіе Удачное, близь котораго отрядъ бивакировалъ до 30-го мая и затѣмъ, оставивъ въ укрѣпленіи всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ одного баталіона, двинулся къ аулу Аргуани.

Шамиль, поспѣшно отступивъ отъ Буртуная, проявилъ новую энергію, и собравъ болѣе 10000 человѣкъ, рѣшился загородить дорогу у знаменитой аргуанской позиціи. Во время, прошедшее

послѣ дѣла у Буртуная, до 30-го мая, онъ создалъ изъ скалъ и сакль твердыню, о которую, по расчету имама, долженъ былъ разбиться изнуренный отрядъ Граббе.

Съ начала кавказской войны, русскіе въ первый разъ встрѣчали передъ собой горцевъ, собранныхъ въ такую массу, подъ командой одного человѣка, въ укрѣпленной позиціи. Аргуанское дѣло должно было напомнить штурмъ Тилитля, составить эпоху въ исторіи кавказской войны и репутацію Граббе и предводимыхъ имъ полковъ. Такъ и смотрѣлъ генералъ Граббе на предстоящее дѣло, и потому приступилъ къ нему осторожно. 30-го мая произведена усиленная рекогносцировка, въ которой участвовали почти всѣ войска отряда.

До произведенной рекогносцировки было видно, что Аргуани расположенъ на краю отвѣснаго обрыва, доступъ къ которому съ юга, т. е. съ той стороны, откуда двигался отрядъ, шелъ по тропинкѣ, высѣченной въ скалѣ. Очевидно, что атака съ этой стороны была невозможна; по этому генералъ Граббе, придя передъ Аргуани около 4-хъ часовъ пополудни 30-го мая, немедленно сформировалъ двѣ колонны: одной, подъ командой полковника Лабынцева, приказано было обойти аулъ съ запада, а другой—подъ командой полковника Пулло, съ юго-востока, со стороны Чирката. Рекогносцировки эти происходили подъ прикрытіемъ артилеріи, дѣйствовавшей по аулу съ фронта. Обѣ колонны должны были сдѣлать большіе обходы. При этомъ обнаружилось, что болѣе доступная сторона была западная, съ дороги изъ Мехельты. Чиркатская же дорога оказалась совершенно неприступною. По свѣдѣніямъ, добытымъ этими рекогносцировками, и по сохранившимся описаніямъ, аргуанская позиція была дѣйствительно весьма крѣпка. Аулъ состоялъ изъ каменныхъ сакль, съ плоскими крышами; по сторонамъ аула было нѣсколько каменныхъ ярусныхъ башенъ. Всѣ строенія лѣпились другъ около друга амфитеатромъ. Высшая точка аула лежала со стороны чиркатской дороги; отсюда покатость склонялась къ сѣверо-востоку и обрывалась въ глубокомъ рву. Черезъ этотъ оврагъ тянулась лентой та самая дорога, по которой наступалъ отрядъ. Съ южной и юго-восточной сторонъ, скатъ былъ такой же крутой;

по этому скату вилась дорога изъ Чирката. Подходя къ аулу на ружейный выстрѣлъ, дорога эта поднималась отвѣсно и вела къ самой возвышенной части аула, откуда обстрѣливалась изъ всѣхъ сакль, составлявшихъ южный фасъ Аргуани. Съ сѣверо-западной стороны, по направленію къ перевалу главнаго хребта, тянулся скалистый гребень, на которомъ Шамиль построилъ особое укрѣпленіе; наконецъ, западная часть аула, представляла скатъ, хотя крутой и усѣянный завалами, но болѣе другихъ доступный для движенія. Чтобы попасть на эту сторону аула, нужно было дѣлать большой обходъ и этимъ обстоятельствомъ вѣроятно можно объяснить, почему Шамиль обратилъ наименьшее вниманіе на усиленіе этой стороны.

Эти свѣдѣнія, добытыя рекогносцировкой 30-го числа, побудили генерала Граббе выбрать для главной атаки западную сторону Аргуани. Съ вечера 30-го мая была разослана диспозиція и, къ разсвѣту 31-го, войска уже ожидали сигнала къ атакѣ.

Главная штурмовая колонна, состоявшая изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Куринскаго и 2-хъ баталіоновъ кабардинскаго полковъ, съ 4-мя орудіями, подъ начальствомъ полковника Лабынцева, сосредоточилась противъ юго-западнаго угла, выставивъ завѣсу къ сторонѣ аула Мехельта, откуда ожидались андійцы. Полковникъ Пулло, съ четвертыми баталіонами Куринскаго и апшеронскаго полковъ, былъ направленъ по гребню, на которомъ было укрѣпленіе; а 3-й баталіонъ Куринскаго полка былъ оставленъ противъ фронта, имѣя назначеніе сначала прикрывать артиллерію, а потомъ дѣйствовать къ сторонѣ аула Чиркатъ.

На разсвѣтѣ 31-го мая 1839-го года, всѣ войска заняли назначенныя мѣста, а въ 8-мь часовъ утра, по данному сигналу, двинулись въ атаку.

Колоннѣ Лабынцева предстоялъ наибольшій трудъ въ то время, какъ два баталіона Куринскаго и два—кабардинскаго полковъ должны были, подъ страшнымъ огнемъ, переходить черезъ балку и подняться на гору, съ которой непріятель спустилъ заготовленные камни и бревна. 1-й баталіонъ куринцевъ атаковалъ завалы фланкировавшіе эти подступы. Подпоручики Бердяевъ и Сорневъ первые ворвались въ завалъ и вскорѣ вошли въ аулъ. Одновременно съ

1-мъ и 2-мъ баталіонами, ворвался въ аулъ и 4-й баталіонъ. Горцы пошатнулись и часть ихъ кинулась по направленію къ Чиркату; здѣсь имъ предстояло переходить черезъ оврагъ, противуположный берегъ котораго успѣли занять три баталіона Куринскаго полка и казаки. Кровь полилась ручьями, но аулъ еще не весь былъ въ нашихъ рукахъ. Бой завязался въ сакляхъ, на крышахъ, на улицѣ. Отчаяннаго врага нужно было выковыривать штыкомъ изъ каждой щели, изъ-за каждаго камня. Цѣлый день происходила эта ужасная работа, которая должна была съ новымъ ожесточеніемъ повториться въ Ахульго. Потери обѣихъ сторонъ были громадны. Шамиль потерялъ, говорятъ, 2000 человѣкъ. Потери русскихъ были не такъ значительны, но, тѣмъ не менѣе, весьма чувствительны. Одинъ Куринскій полкъ потерялъ: убитыми—штабъ-офицера одного, оберъ-офицеровъ трехъ, нижнихъ чиновъ 69-ть; ранеными—штабъ-офицера одного, оберъ-офицеровъ 10-ть и нижнихъ чиновъ 259-ть *).

У Аргуани отрядъ генералъ-лейтенанта Граббе остался нѣсколько дней; въ это время полковникъ Лабынцевъ занялъ аулъ Чиркатъ; самъ же Граббе, отправивъ раненыхъ черезъ Удачное и снабдившись чѣмъ было можно, перешелъ къ Чиркату 7-го іюня. Отъ Чирката начальникъ отряда рѣшился прежде всего войти въ связь съ транспортомъ, ожидаемымъ съ однимъ апшеронскимъ баталіономъ и конною милиціею хановъ тарковскаго и мехтулинскаго. Транспортъ этотъ шелъ изъ Шуры черезъ Зыряны. Для исполненія этой задачи былъ отряженъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Катенина, летучій отрядъ изъ 1-го и 3-го баталіоновъ Куринскаго полка, со всей кавалеріей, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Отряду этому было приказано прежде всего подняться по Койсу, занять остатки сагрытлохскаго моста и оттуда двинуться къ знакомому намъ аулу Ашильта. Успѣшное и поспѣшное исполненіе этой задачи было тѣмъ важнѣе, что, кромѣ недостатка провіанта, съ

---

*) Убиты: подполковникъ Яковенко, поручики Масловъ, Турбинъ, Красовичъ, Звягинцевъ (послѣдніе четверо прикомандированные) и Склобинскій; ранены: маіоръ Новицкій, капитаны Толмачевъ и Пулло 2-й, поручики Бердяевъ и Корончевскій, прапорщики Поповъ и Гоувальдъ.

удаленіемъ отъ Удачнаго мы теряли сообщеніе съ Внезапной. Непріятельскія партіи уже бродили по этой дорогѣ и даже перехватили двѣ почты, найденныя впослѣдствіи въ Ахульго. Слѣдовательно, необходимо было возстановить новую коммуникаціонную линію на Шуру.

Флигель-адъютантъ Катенинъ выступилъ изъ Чирката 8-го іюня и безъ особыхъ затрудненій исполнилъ возложенную на него задачу. Между прочимъ, онъ доставилъ съ праваго берега Койсу къ Чиркату вьючный транспортъ съ сухарями, въ которыхъ отрядъ чувствовалъ большой недостатокъ.

Отправивъ отрядъ Катенина, генералъ Граббе приказалъ приступить къ возобновленію моста чрезъ Койсу у Чирката и 12-го іюня произвелъ рекогносцировку Ахульго съ лѣваго берега.

Въ Чиркатъ былъ отправленъ полковникъ Лабынцевъ, съ кабардинцами, а самъ Граббе, съ остальными силами, перешелъ въ Ашильту и сталъ въ виду Ахульго, перерѣзавъ, такимъ образомъ, сообщеніе Шамиля съ Аваріей. Правый флангъ отряда Граббе примкнулъ къ гимринской дорогѣ, а лѣвый—къ чиркатской. Этотъ маневръ отрѣзалъ Шамиля отъ остальнаго міра, а нашимъ войскамъ открылъ путь на Хунзахъ и, черезъ Зыряны, на Темиръ-Ханъ-Шуру.

13-го и 14-го войска подошли ближе къ Ахульго и заняли свои блокадные раіоны; на правомъ флангѣ стала милиція шамхала тарковскаго, въ центрѣ—1-й, 2-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, на лѣвомъ флангѣ—баталіоны апшеронскаго полка; въ резервѣ же сталъ 3-й баталіонъ куринцевъ, съ милиціей мехтулинскаго хана. 16-го числа сдѣланы въ расположеніи войскъ нѣкоторыя измѣненія: 2-й баталіонъ Куринскаго полка подвинутъ къ правому флангу, а 3-й—изъ резерва—выдвинутъ на лѣвый. Потери куринцевъ съ 8-го по 19-е іюня, т. е. день тяжкой блокады Ахульго, заключались въ одномъ убитомъ и 7-ми раненыхъ нижнихъ чинахъ *).

---

*) Всего съ начала экспедиціи, т. е. съ 10-го мая по 19-е іюня 1839-го

VI.

Ахульго въ 1839-мъ году. Ходъ осады и штурма этого аула.

Вотъ какъ описанъ Ахульго въ „Кавказскомъ Сборникѣ", издаваемомъ, подъ редакціей генерала Чернявскаго, при штабѣ кавказскаго военнаго округа *).

„Два огромныхъ утеса, раздѣленныхъ глубокимъ ущельемъ р. Ашильты и съ трехъ сторонъ омываемыхъ Койсу съ совершенно отвѣсными каменистыми берегами—составляли такъ называемое старое и новое Ахульго. Площадки обоихъ утесовъ, съуживаясь къ югу, примыкаютъ узкими перешейками къ окружающимъ горамъ. Къ югу отъ новаго Ахульго (правый, восточный утесъ) возвышалась отдѣльная остроконечная вершина, увѣнчанная башнею, названною по имени ея строителя—Сурхай-кадія—сурхаевою. Обрывистые берега Ашильты и Койсу были изрыты пещерами. Для сообщенія между утесами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сближались другъ съ другомъ, надъ пропастью около 20-ти сажень глубины, было перекинуто нѣсколько бревенъ; подобный же мостъ, по которому нельзя было идти безъ головокруженія, былъ переброшенъ и черезъ Койсу, противъ стараго Ахульго.

„Не смотря на грозную, суровую и дикую природу, Шамиль не пренебрегъ и искусственными средствами защиты. Два узкихъ гребня, которыми оба Ахульго примыкали съ юга къ окрестнымъ горамъ, оборонялись каменными постройками, съ глубокимъ впереди-

---

года куринцы потеряли: убитыми—офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 96; ранеными—офицеровъ 13 и нижнихъ чиновъ 364.

Потери куринцевъ въ теченіе 1838-го года въ точности не опредѣлены, но имѣя въ виду, что въ аварскомъ походѣ, въ дѣлахъ 6-го и 7-го августа, наибольшее участіе приняли куринцы, смѣло можно на нихъ долю положить 1/3 всей потери, состоявшей изъ 16-ти убитыхъ и 72-хъ раненыхъ.

Слѣдовательно, общій итогъ потерь за время описанное въ главѣ 5-й будетъ: убитыхъ—офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 101; раненыхъ—офицеровъ 13 и нижнихъ чиновъ 386.

*) А. Юровъ. „Три года на Кавказѣ. 1837—1839". Кавк. Сбор. т. IX.

лежащимъ рвомъ. Въ новомъ Ахульго, за передовою башнею, было устроено даже нѣчто въ родѣ бастіоннаго фронта въ миніатюрѣ: двѣ каменныя сакли съ бойницами, соединенныя траншеею, обстрѣливали перекрестнымъ огнемъ то ограниченное пространство, на которомъ была возможна эскалада, въ случаѣ паденія сурхаевой башни. Передовыя постройки были соединены крытыми, углубленными ходами съ задними частями утесовъ, гдѣ находились жилища. На новомъ Ахульго было устроено даже цѣлое селеніе, съ бассейномъ посрединѣ, въ который вода была проведена по деревянному жолобу, переброшенному черезъ перекопъ. Впрочемъ, въ первый же день осады, осажденные сняли этотъ жолобъ и добывали воду съ большимъ рискомъ, спускаясь по ночамъ къ рр. Койсу или Ашильтѣ. Всѣ сакли, построенныя на Ахульго, были углублены въ землѣ и скрыты за изгибами мѣстности. Края и скаты утесовъ были усѣяны множествомъ заваловъ и подземныхъ сакль. Постройки сурхаевой башни, состоявшія изъ нѣсколькихъ отдѣленій, были искусно маскированы огромными скалами и каменьями.

„Какъ видно, опытъ 1837-го года не прошелъ для Шамиля безслѣдно: вмѣсто прежнихъ высокихъ башень—теперь явились углубленныя траншеи, и тѣ немногія каменныя постройки, которыя были допущены горскимъ инженеромъ-самородкомъ, не такъ то легко было сбить артилеріею. Къ довершенію всего, сама мѣстность не доставляла возможности выгоднаго расположенія сильныхъ батарей и, въ то время, когда мы могли видѣть только дула ружей и верхушки папахъ, горцы разстрѣливали насъ почти навыборъ.

„Въ Ахульго съ Шамилемъ находилось около 4000 душъ обоего пола, въ томъ числѣ около 1000 подъ ружьемъ. Здѣсь были заключены заложники отъ менѣе надежныхъ покорныхъ имаму племенъ и вся награбленная имъ добыча. Сурхаева башня была занята сотнею самыхъ отчаянныхъ мюридовъ".

„Надо было видѣть собственными глазами эти ужасныя пропасти—говоритъ очевидецъ—эти угрожающіе пики, эти отвѣсные обрывы, чтобы составить понятіе о неодолимыхъ трудностяхъ и опасностяхъ, которыя противупоставляло отчаянное сопротивленіе Шамиля и его дикой арміи храбрости и устойчивости осаждавшихъ.

По мѣрѣ того, какъ площадь осады съуживалась, нужно было устраивать новыя батареи и буравить дорогу въ скалахъ, чтобы провезти артилерію, и закладывать укрѣпленіе изъ фашинъ и камней. Каждую точку нужно было оборонять отдѣльно, потому что невозможно было устроить сообщенія между частями позиціи. Наличные 8-мь баталіоновъ едва могли протянуться по всей позиціи. Люди, цѣлый день работавшіе въ траншеяхъ, на ночь шли на аванпосты. Цѣлые дни шла непрерываемая перестрѣлка и, кромѣ того, осаждающіе были тревожимы частыми вылазками. Снабженіе отряда съѣстными и боевыми припасами было чрезвычайно трудно".

Видя передъ собой такія препятствія и зная по аргуанскому опыту чего будетъ стоить штурмъ укрѣпленнаго аула, генералъ Граббе сначала полагалъ ограничиться тѣсной блокадой и тѣмъ заставить Шамиля сдаться безъ боя; но эти ожиданія не сбылись; опытъ указалъ Граббе, что собравшихся у него силъ было недостаточно даже для тѣсной блокады; линія была слишкомъ тонка, а вылазки осажденныхъ требовали солидной силы на каждомъ пунктѣ. Все это побудило генерала Граббе перевести кабардинцевъ на правый берегъ Койсу, но изъ этого вышли еще худшіе результаты: Шамиль тотчасъ же открылъ сообщеніе Ахульго съ Чиркатомъ и, такимъ образомъ, вошелъ въ связь со всѣми своими приверженцами. Результаты не заставили себя ждать: гарнизонъ Ахульго сталъ усиливаться пришлыми, а помощники Шамиля стали собирать новыя партіи, чтобы дѣйствовать въ тылъ блокадной линіи. Къ числу послѣднихъ дѣйствій относятся попытки Ахверды-Магомы. Этотъ ревностный помощникъ Шамиля, собравъ партію до 2500-тъ человѣкъ, послалъ часть этихъ войскъ въ Чиркатъ, а съ другою, перейдя черезъ Койсу у Тлоха, направился къ Ашильтѣ. Занявъ укрѣпленную позицію въ тылу этого аула, Ахверды-Магома, 19-го іюня, вышелъ, чтобы атаковать нашу блокадную линію. Полковникъ Лабынцевъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій изъ Чирката на лѣвый флангъ блокадной позиціи, съ 6-ю ротами кабардинцевъ и 2-мя орудіями, ударилъ на Ахверды-Магому съ лѣваго фланга, а полковникъ Пулло, съ 7-ю ротами куринцевъ и апшеронцами,—съ праваго; колонны эти порѣшили съ горцами и Ахверды-Магома отступилъ въ

горы. Но неудача эта не остановила его; Ахверды-Магома порѣшилъ еще разъ попробовать счастья: 22-го іюня онъ попытался атаковать транспортъ, шедшій изъ Зырянъ, но и здѣсь понесъ пораженіе отъ подвижнаго резерва, вышедшаго, подъ начальствомъ самого Граббе, навстрѣчу транспорту. Въ этомъ дѣлѣ участвовали два баталіона Куринскаго полка *). Движеніе Граббе противъ Ахверды-Магомы не могло быть не замѣчено Шамилемъ; онъ сдѣлалъ 23-го іюня неудавшуюся вылазку **) и съ этихъ поръ не проходило дня и ночи, чтобы наши осадныя работы не тревожились головорѣзами Шамиля. Входить въ описаніе этихъ частыхъ и мелкихъ схватокъ, на штыкахъ и шашкахъ, мы не будемъ; замѣтимъ, что это была трудная и утомительная служба въ траншеяхъ. Мы двигались впередъ, но очень медленно. Особенно мѣшала ходу работъ сурхаева башня. Явилась необходимость во что бы то ни стало сокрушить это каменное гнѣздо мюридовъ. Исполненіе этой трудной задачи начальникъ отряда возложилъ на куринцевъ.

Съ разсвѣтомъ 29-го іюня, послѣ канонады изъ шести орудій, полковникъ Пулло двинулъ впередъ охотничью команду и за нею 2-й и 4-й баталіоны своего полка.

Около 9-ти часовъ, куринцы добѣжали до горы, на которой высилась башня. Охотники полѣзли по кручѣ. Страшная и увлекательная картина штурма была у всѣхъ передъ глазами. Куринцы, какъ муравьи, ползли по голымъ скаламъ, карабкались, подсаживали другъ друга, нѣсколько разъ добирались до башни, но пули, камни и бревна вновь сметали храбрецовъ съ горы; начиналась новая сизифова работа нашихъ богатырей, которая кончалась тѣмъ же. Есть же невозможное и для куринцевъ!

При первомъ штурмѣ были минуты, когда казалось башня пала; такъ напр., охотники-куринцы юнкеръ князь Аргутинскій-Долгорукій, рядовой Ермовъ и одинъ казакъ моздокскаго полка поя-

---

*) Въ дѣлѣ 19-го іюня ранены Куринскаго полка подполковникъ Поповъ и подпоручикъ Рылѣевъ; нижнихъ чиновъ убито и ранено 32-ва.

**) Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ куринцы потеряли убитымъ прапорщика Колябакова и 4-хъ рядовыхъ ранеными.

вились на башнѣ; этихъ героевъ видѣли всѣ,—но труды были напрасны: пока подошла поддержка, храбрецы были сбиты и сброшены. Черезъ узкую дорогу нельзя было распространиться и куринцы, послѣ страшныхъ потерь, истощивъ геройскія свои силы, были отведены назадъ. Вслѣдъ затѣмъ была возобновлена атака 1-мъ баталіономъ кабардинскаго полка, но и эти герои отступили безъ успѣха. Сурхаева башня осталась въ рукахъ Шамиля, хотя и не надолго. Граббе убѣдился, что брать сурхаеву башню даже такими могучими руками, какими владѣли егеря 20-й дивизіи, нельзя; пришлось дождаться прибытія полевой артилеріи. Вмѣстѣ съ этимъ, солдатамъ приказано запастись щитами, для прикрытія головъ отъ камней.

4-го іюля атака была повторена, послѣ продолжительнаго артилерійскаго огня, и 200-ти человѣкъ охотниковъ изъ полковъ цѣлаго отряда, поддержанные двумя ротами Куринскаго полка, подъ командою капитана Рыкова 3-го, довершили геройское дѣло. На этотъ разъ сурхаева башня осталась въ рукахъ куринцевъ, хотя потери 4-го числа далеко не могутъ быть сравнены съ потерями при первомъ штурмѣ *).

12-го іюля пришли изъ Шуры три баталіона графскаго полка (ширванскаго) и, такимъ образомъ, отрядъ Граббе усилился до 13-ти баталіоновъ и 30-ти орудій; но отъ этого подкрѣпленія число штыковъ въ отрядѣ едва достигло прежняго размѣра; такъ велика была потеря отъ болѣзней и сраженій.

Осада продолжалась съ прежней энергіей; въ то же время приходилось отражать то вылазки осажденныхъ, то нападенія горцевъ, собиравшихся на помощь Шамилю. Описаніе всѣхъ подробностей дѣлъ выходитъ изъ нашей программы; замѣтимъ только, что въ это же время происходили также частные штурмы отдѣльныхъ частей Ахульго.

---

*) 29-го іюня Куринскій полкъ потерялъ: убитыхъ 23, раненыхъ 194; въ числѣ послѣднихъ были: капитанъ Рыковъ 3-й, штабсъ-капитанъ Костырко, поручики Сарочанъ, Берхманъ, Кишинскій 2-й и Пересвѣтовъ, прапорщики Казьеръ и Жабокрицкій. 4-го іюля раненъ прикомандированный поручикъ Мартыновъ, нижнихъ чиновъ—убито 2, ранено 42, въ числѣ ихъ—юнкеръ Мансурадзе.

Изъ всѣхъ этихъ эпизодовъ осады, Куринскій полкъ участвовалъ 16-го іюля при неудавшейся атакѣ Ахульго. Въ этотъ день, въ числѣ войскъ, штурмовавшихъ замокъ подъ командой командира ширванскаго полка полковника барона Врангеля, находился только 2-й баталіонъ полка, но и тотъ былъ въ задней линіи и не принялъ участія въ сраженіи. Вся тяжесть атаки легла на графцевъ. Куринскій баталіонъ потерялъ при этомъ только 1-го убитаго и 2-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Отъ 29-го іюля по 3-е августа происходили дѣла у Чирката, вновь занятаго горцами, но полкъ въ нихъ не участвовалъ *). Во все это время Куринскій полкъ былъ расположенъ у сурхаевой башни и прикрывалъ ближайшія и опаснѣйшія осадныя работы.

12-го августа горцы сдѣлали нападеніе на голову сапы, прикрытой ротой куринцевъ. Поручикъ Канищевъ, подпустивъ непріятеля до самаго мантелета, ударилъ на врага въ штыки и совершенно уничтожилъ горсть дерзкихъ. При этомъ куринцы потеряли убитымъ 1 и ранеными 9-ть нижнихъ чиновъ.

Траншея подвигалась отъ башни медленно, въ видѣ двойной крытой сапы. Не имѣя въ виду описывать эту гигантскую работу нашихъ саперъ, скажемъ, что инженерная того времени наука отказалась служить нашимъ настойчивымъ саперамъ; они прибѣгли къ новымъ средствамъ для переходовъ черезъ глубокіе и крутые овраги и рвы, и, съ помощью этихъ волшебныхъ работъ, 16-го августа достигли до перешейка, который отдѣлялъ нашу позицію отъ передоваго укрѣпленія новаго Ахульго и совершенно прикрывалъ его отъ нашей артиллеріи. Дальнѣйшее движеніе было невозможно, пока укрѣпленіе было въ рукахъ Шамиля, по этому генералъ Граббе приказалъ его штурмовать. При этомъ штурмѣ самое почетное мѣсто досталось куринцамъ; три баталіона полка составили главную штурмовую колонну, подъ начальствомъ своего командира, за нѣсколько дней передъ тѣмъ получившаго чинъ генералъ-маіора за дѣло при Аргуани.

17-го августа, съ разсвѣтомъ, куринцы пошли въ дѣло. Впере-

*) Отъ 23-го іюля по 12-е августа въ Куринскомъ полку ранены: маіоръ Фитингофъ, прапорщикъ Устиновъ и нижнихъ чиновъ 16-ть.

ди шелъ 1-й баталіонъ; молча, ускореннымъ шагомъ, двинулись егеря на штурмъ; стрѣлять было не въ кого,—непріятель былъ невидимъ. Вихремъ взнеслись куринцы на валы и, послѣ продолжительнаго рукопашнаго боя, завладѣли укрѣпленіемъ. Куринцы были здѣсь хороши „до увлеченія", говоритъ очевидецъ.

Подъ надежнымъ прикрытіемъ куринцевъ саперы заложили батарею. Одновременно съ этимъ, генералъ Пулло направилъ двѣ роты 2-го баталіона въ обходъ непріятеля слѣва и, благодаря этому, не смотря на отчаянное сопротивленіе горцевъ, саперы благополучно окончили работу и куринцы стали полными хозяевами передовыхъ укрѣпленій. Дальнѣйшій штурмъ былъ прекращенъ, потому что на стѣнахъ, уцѣлѣвшихъ въ рукахъ непріятеля, былъ поднятъ бѣлый флагъ. Шамиль призналъ себя побѣжденнымъ куринцами и ихъ славными боевыми товарищами. Восторгу не было мѣры! На-время былъ забытъ жестокій уронъ, понесенный полкомъ въ только что оконченной борьбѣ: куринцы не досчитались въ своихъ рядахъ 8-ми офицеровъ и 347-ми нижнихъ чиновъ *).

На предложеніе Шамиля прекратить огонь, Граббе повторилъ требованіе, чтобы, прежде всего, Шамиль выслалъ заложникомъ свое-

---

*) Убиты: поручикъ Сорневъ и 111-ть нижнихъ чиновъ; ранены: поручики Каницевъ, Берхманъ и прикомандированные — Муратовъ, Гецъ, Куликовъ, подпоручикъ Пересвѣтовъ и прапорщикъ Мартыновъ; нижнихъ чиновъ 236-ть.

По случаю смерти поручика Сорнева нельзя не отмѣтить здѣсь одно печальное событіе, имѣвшее мѣсто наканунѣ штурма. Куринцы и въ дни осады продолжали свои товарищескія пирушки. Вечеромъ 16-го числа, неутомимые пѣсенники гремѣли у палатокъ офицеровъ 1-го баталіона. Командовавшій баталіономъ маіоръ Виттортъ, который уже имѣлъ приказаніе о предстоящемъ штурмѣ, послалъ сказать, чтобъ пѣсенники перестали пѣть. Веселымъ кутиламъ не понравилось это приказаніе и когда оно было строго повторено, трое—капитанъ Рыковъ, поручикъ Сорнѣвъ и прапорщикъ Бердяевъ, пришли объясняться съ баталіоннымъ командиромъ. Это объясненіе кончилось оскорбленіемъ маіора Витторта. Командиръ полка, узнавъ объ этомъ, объявилъ всѣмъ тремъ, „что если они завтра не будутъ убиты—пойдутъ подъ судъ". Непріятельская пуля учинила на этотъ разъ судъ надъ однимъ Сорневымъ; Бердяевъ же и Рыковъ (командиръ 1-й карабинерной роты), раненые въ предыдущихъ дѣлахъ, вышли изъ боя невредимыми; зато они были осуждены полевымъ судомъ и Бердяевъ разжалованъ, а Рыковъ, по выдержаніи подъ арестомъ, переведенъ изъ полка.

го сына; имамъ согласился выслать въ аманаты сына своего Джемалъ-Эддина. Тогда огонь былъ прекращенъ и для переговоровъ съ Шамилемъ былъ высланъ начальникъ штаба отряда, командиръ Куринскаго полка генералъ Пулло.

18-го числа произошло свиданіе Шамиля съ русскимъ генераломъ, среди сакль Ахульго. Граббе требовалъ безусловной сдачи и переселенія имама на плоскость; Шамиль соглашался сдаться, но требовалъ себѣ свободы. Въ этихъ безплодныхъ переговорахъ прошло время до 20-го августа. Въ это время русскіе подвинулись къ вновь занятымъ позиціямъ, и 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, понесшіе неимовѣрныя потери въ теченіе послѣдняго мѣсяца, были отодвинуты въ резервъ; въ передовой линіи остался только одинъ 2-й баталіонъ.

20-го августа объяснилось, что Шамиль отказался исполнить требованіе генерала Граббе. Тогда генералъ приказалъ готовиться къ новому штурму, который продолжался 21-го и 22-го августа и къ вечеру этого дня Ахульго былъ въ нашихъ рукахъ. Въ послѣднемъ штурмѣ принималъ дѣятельное участіе 2-й баталіонъ Куринскаго полка, который, совмѣстно съ двумя баталіонами кабардинскаго полка, атаковалъ остатки новаго Ахульго.

Послѣдній штурмъ Ахульго только довершилъ дѣло, начатое 17-го числа тремя баталіонами куринцевъ. Уже въ этотъ день была окончена труднѣйшая часть атаки; затѣмъ оставалось взять рядъ отдѣльныхъ сакль, которыя, конечно, сдались бы 17-го не безъ упорнаго сопротивленія, но, во всякомъ случаѣ, оборона ихъ была бы менѣе упорна, чѣмъ 22-го, когда Шамиль успѣлъ нѣсколько успокоить умы, вновь распредѣлить оборонительныя средства и поддержать въ защитникахъ аула духъ, упавшій въ день геройской атаки куринцевъ. Откладывая штурмъ на 21-е число и предполагая этимъ избѣгнуть продолженія кровопролитія, генералъ Граббе исполнилъ долгъ человѣколюбія и милосердія и только этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему Ахульго не палъ 17-го августа.

Однако, несмотря на все сказанное, надо замѣтить, что войска, штурмовавшія Ахульго 22-го числа, вели себя героями. Одушевленные предыдущими успѣхами и нравственнымъ упадкомъ защит-

никовъ, они одновременно атаковали аулъ со всѣхъ сторонъ. Каждую саклю, каждый камень пришлось брать отдѣльно. Защитники напрягли всѣ нечеловѣческія усилія,—женщины и даже дѣти, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣчали атакующихъ. Но уже было поздно: наши солдаты, разсѣянные въ отдѣльныя группы, принесли послѣднія жертвы богу войны...

Бой стихъ. Но гдѣ же Шамиль, виновникъ всѣхъ бѣдъ? Этотъ вопросъ былъ у всѣхъ на устахъ. Генералъ приказалъ обыскать всѣ углы, но имама не нашли. Онъ выскочилъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ, изъ желѣзнаго мѣшка... Только 4-го сентября русскіе узнали, что Шамиль находится въ знакомомъ намъ ичкеринскомъ аулѣ Саясанъ и начинаетъ снова свою упорную работу.

Послѣдній штурмъ Ахульго стоилъ Шамилю, говорятъ, до 1200 убитыхъ и раненыхъ и 900 плѣнныхъ. Русскіе потеряли 10-ть офицеровъ и 255-ть нижнихъ чиновъ убитыми и 22 офицера и 511-ть нижнихъ чиновъ ранеными. Изъ этого числа, куринцы потеряли ранеными: штабсъ-капитана Садовскаго и поручика Мартинау; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя 97-мь.

1-го сентября отрядъ былъ распущенъ по своимъ штабъ-квартирамъ.

Взятіе Ахульго есть прежде всего блестящее событіе въ исторіи полковъ, участвовавшихъ въ отрядѣ Граббе, особенно въ исторіи Куринскаго и кабардинскаго полковъ; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно весьма важное событіе и въ исторіи кавказской войны, но важность его одностороння. Какъ увидимъ далѣе, съ паденіемъ Ахульго власть Шамиля не только не уменьшилась, но еще болѣе разрослась; слѣдовательно, походъ 1839-го года отличается отъ всѣхъ бывшихъ на восточномъ Кавказѣ съ 1834-го года только своими размѣрами и жертвами, принесенными съ обѣихъ сторонъ. Одинъ Куринскій полкъ потерялъ съ начала экспедиціи до взятія Ахульго убитыми и ранеными 42 офицера и 1215-ть нижнихъ чиновъ, несчитая больныхъ. Ряды полка были настолько разстроены, что ротами командовали прапорщики, несмотря на то, что при выступленіи въ походъ было большое число старшихъ офицеровъ. По приходѣ въ штабъ-квартиры пришлось усилить роты насчетъ пята-

го баталіона. Несмотря на все это, взятіе Ахульго ничего не прибавило къ вопросу внутренней политики русскихъ на Кавказѣ. Въ свое время объ этомъ думали иначе...

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ Ахульго въ исторіи Куринскаго полка. Прежде всего упомянемъ о Царскихъ милостяхъ: всѣ баталіоны получили знамена, съ надписью „за взятіе Ахульго", всѣ участники похода, кромѣ обычныхъ наградъ, серебряныя медали, учрежденныя специально въ память этого событія, а нижніе чины, кромѣ того, по одному руб. сер. Независимо этого, въ исторіи полка должно быть отмѣчено, что изъ этого похода Куринскій полкъ вышелъ старымъ, бывалымъ и опытнымъ, съ репутаціей одного изъ отличнѣйшихъ полковъ Кавказа. Съ этихъ поръ насталъ зрѣлый возрастъ полка, достигшаго апогея своей славы въ походахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ; за Куринскимъ и кабардинскимъ полками съ 1839-го года утвердилось названіе „непобѣдимыхъ егерей". Генералъ Головинъ, въ приказѣ по корпусу, указывалъ на эти полки, „которыми генералъ Граббе не могъ нахвалиться". 2-я бригада 20-й дивизіи сдѣлалась съ этихъ поръ модною: она выставлялась на видъ, какъ образецъ, достойный подражанія *).

---

*) Съ 18-го іюня по 22-е августа 1839-го года куринцы имѣли: убитыми—офицера два, нижнихъ чиновъ 136; ранеными—офицеровъ 22 и нижнихъ чиновъ 622.

VII.

Послѣдствія взятія Ахульго. Пропаганда мюридизма въ Чечнѣ. Чеченское возстаніе 1840-го года. Полковникъ Фрейтагъ вступаетъ въ командованіе полкомъ. Дѣло на Валерикѣ. События на лѣвомъ флангѣ, въ теченіе 1840-го года. Приготовленія куринцевъ для закладки передовой линіи въ началѣ 1841-го года.

Изъ предыдущаго разсказа мы видѣли, что Шамиль скрылся изъ Ахульго и русскому начальству долго не было извѣстно куда. Власть имама въ это время, казалось, была настолько ничтожна, что за голову Шамиля Граббе предлагалъ всего 100 червонцевъ; „болѣе этого она теперь не стоитъ", говоритъ генералъ въ своемъ донесеніи.

Но не успѣли герои Ахульго отдохнуть отъ трудовъ и поразсказать своимъ товарищамъ о славныхъ дѣлахъ августа 1839-го года, какъ весной 1840-го года сразу возстала вся Чечня и воглавѣ ея сталъ тотъ самый Шамиль, голова котораго, полгода назадъ, считалась стоющею не болѣе 100 червонцевъ.

Возстаніе Чечни, до того считавшейся подвластною Россіи, есть крупное явленіе въ исторіи кавказской войны и особенно въ исторіи Куринскаго полка, потому что Чечня была волею судебъ указана полку, какъ сцена, на которой разыгрались лучшіе и славнѣйшіе эпизоды его исторіи.

Кромѣ этого, въ 1840-мъ году центръ сопротивленія усиліямъ русскихъ перетягивается изъ Дагестана въ Чечню, гдѣ, въ трущобахъ Ичкеріи, въ аулѣ Дарго, Шамиль основалъ свою резиденцію и облекся титуломъ „имама Чечни и Дагестана". Съ этихъ поръ, Чечня дѣлается школой и центромъ административныхъ и законодательныхъ опытовъ Шамиля. Послѣ сказаннаго, будетъ понятно, что для нашей цѣли необходимо, прежде чѣмъ начать описаніе военныхъ дѣйствій, разсмотрѣть какъ измѣнились здѣсь условія войны съ 1834-го года.

Послѣ смерти Кази-Муллы, до 1840-го года, Чечня оставалась вдали отъ крупныхъ событій въ Дагестанѣ; страна тогда не имѣла ни хозяина, ни повелителя; русскіе хотя и считали офи-

ціально Чечню подвластною Россіи, но эта зависимость была номинальна. Чеченскіе аулы платили дань, но только тогда, когда таковую брали у нихъ подъ прикрытіемъ штыковъ. Когда событія отвлекали наши вооруженныя силы, чеченцы забывали свои обязанности; когда же русскія войска вновь усиливались на лѣвомъ флангѣ, опять назначались сборы податей и для того прежде всего обрушивались на ближайшіе аулы; болѣе отдаленные аулы ожидали своей очереди, и, до появленія войскъ, не считали нужнымъ подчиняться нашимъ требованіямъ; словомъ, русскіе являлись не хозяевами Чечни, а только экзекуторами и сборщиками въ ней податей. Эта роль, конечно, не соотвѣтствовала достоинству Россіи и менѣе всего служила къ утвержденію взаимныхъ добрыхъ отношеній между русскими и чеченцами.

Ближайшими представителями русской власти въ глазахъ чеченцевъ были войска и начальникъ сунженской линіи, должность котораго тогда исправлялъ генералъ-маіоръ Пулло, командиръ Куринскаго полка. Характеристику этого генерала мы уже встрѣчали выше; это былъ честный службистъ и педантъ, исправный полковой командиръ и усердный слуга своихъ старшихъ. Генералъ Пулло былъ одинъ изъ тѣхъ ретивыхъ слугъ своему отечеству, котораго, посылая для дѣла, прежде всего слѣдовало предупреждать словами Наполеона: „поменьше усердія" (pas trop de zéle)!

Методика администраціи въ тридцатыхъ годахъ никого не интересовала. Всякій дѣйствовалъ какъ Богъ на душу положилъ; и чего можно было ожидать отъ воиновъ, попавшихъ на посты администраторовъ случайно, безъ предварительнаго знанія и опыта? Всѣ лица, которымъ по табели о рангахъ приходилось быть ближайшими начальниками Чечни съ 1830-го года, были, по словамъ Вельяминова, малоспособны (Горихвостовъ, Кохановъ, Шумскій).

Съ такимъ же запасомъ административнаго знанія и такта какъ предмѣстники, и подъ вліяніемъ всеобщаго въ 1839-мъ году убѣжденія, что врагъ сломанъ,—въ декабрѣ 1839-го года, Пулло, съ двумя баталіонами Куринскаго полка, совершилъ торжественное шествіе по Чечнѣ, собралъ, согласно приказанія высшаго начальства,

дань, и, въ счетъ недоимокъ, отобралъ у бѣднѣйшихъ жителей оружіе *). Чеченцы вездѣ встрѣчали отрядъ спокойно, исправно выплачивали штрафы, выдавали оружіе и плѣнныхъ. У аула Чахкери, гдѣ нынѣ Воздвиженская, къ генералу Пулло явились жители аргунскаго ущелья, съ выраженіемъ готовности принять къ себѣ русскихъ. Словомъ, все, казалось, шло какъ нельзя лучше, и генералъ Пулло собралъ въ малой Чечнѣ къ 1-му января 1840-го года 3797 руб., 455 ружей и 140 штукъ рогатаго скота для продовольствія отряда; затѣмъ, Пулло перешелъ на Мичикъ и къ качкалыковцамъ, гдѣ вновь собралъ 6242 руб., 1000 ружей, 330 штукъ скота и освободилъ 16-ть плѣнныхъ.

Возвратясь въ Грозную, Пулло донесъ о полномъ спокойствіи края. Вездѣ, казалось, царствовали миръ, тишина и предупредительность.

На самомъ дѣлѣ, это было затишье передъ бурей.

Шамиль, этотъ саясанскій узникъ, въ тишинѣ работалъ надъ своими новыми планами. Вѣроятно не безъ его главенства, при посредствѣ преданныхъ людей, особенно Ташовъ-Хаджи, по Чечнѣ начали распространяться прокламаціи и разные невыгодные для русскихъ слухи; такъ, напримѣръ, разсказывали о движеніи на помощь къ Шамилю и правовѣрнымъ чеченцамъ Ибрагимъ-паши египетскаго; говорили также, что русскіе рѣшили сначала отобрать у чеченцевъ оружіе, затѣмъ переселить ихъ въ Россію, брать въ солдаты и обратить въ христіанство. Чтобы дискредитировать русскую власть, выдумали на Пулло ничѣмъ не оправданныя обвиненія въ злоупотребленіяхъ. Все это вызвало броженіе; недовольные стали группироваться. Спросили совѣта у Шамиля, а ему только этого и нужно было, и онъ, съ торжественностью прорицателя, изрекъ необходимость „бѣжать отъ позора". Въ это же время дошли въ Чечню слухи о неудачахъ русскихъ на восточномъ берегу Чернаго моря, гдѣ горцы взяли форты Лазарева, Вельяминова, укр. Михайловское и Николаевское. Словомъ, всѣ обстоятельства

---

*) Граббе ввелъ сборъ оружія въ счетъ подати, предполагая этимъ средствомъ постепенно обезоружить Чечню.

складывались не въ пользу русскихъ и чеченцы начали сначала волноваться, а затѣмъ перешли къ открытому бунту.

Возстаніе началось съ переселенія за Сунжу всѣхъ ауловъ, лежавшихъ между Терекомъ и Сунжею. Шамилю оставалось поддержать вспыхнувшее пламя, и, вотъ, онъ, въ началѣ марта, явился въ Урусъ-Мартанъ, центръ малой Чечни и созвалъ сюда именитыхъ стариковъ.

Съ этихъ поръ вся Чечня окончательно признала себя въ зависимости отъ Шамиля; съ этихъ же поръ начинается работа имама, какъ воина, законодателя и администратора Чечни.

Мѣры, нами принятыя для прекращенія движенія, были недостаточны. Шамиль противупоставилъ имъ большую энергію и умѣлость, тѣмъ еще болѣе выигралъ въ глазахъ чеченцевъ, и, къ общему удивленію, на нашихъ глазахъ стало зарождаться политическое тѣло, цѣлое государство, съ диктаторомъ воглавѣ. Враги Россіи видѣли въ этомъ чуть не переворотъ въ исторіи Кавказа; съ этихъ поръ Шамиль сдѣлался предметомъ политическихъ преній въ Европѣ.

Для упроченія своей неограниченной власти въ Чечнѣ, Шамиль прибѣгъ къ присягѣ представителей народа и взялъ отъ нихъ аманатовъ. Затѣмъ, лучшіе молодые люди были посвящены въ мюриды, а территорія Чечни раздѣлилась на наибства. „Наибъ" былъ нѣчто въ родѣ военнаго губернатора, назначаемаго волею имама и снабжаемаго, кромѣ довѣрія, письменными законами, называемыми „низамъ" (съ 1844 года).

Вся Чечня была раздѣлена на четыре наибства *): 1) мичиковское, заключавшее въ себѣ пространство между Аксаемъ, Хулхулау и Сунжей; 2) большой Чечни—ограниченное рѣками Хулхулау, Сунжей, Аргуномъ и черными горами; 3) малой Чечни—между Аргуномъ, Сунжей и Ассой и 4) ауховское—вверхъ по рѣкамъ Аксаю, Ямань-су и Ярыкъ-су. Впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, число наибствъ увеличивалось. Такъ, въ 1845-мъ году, Чечня раздѣлилась на семь наибствъ, а въ 1846-мъ—образо-

*) Первыми наибами Чечни были: Шуаибъ-Мулла—въ Мичикѣ, Исса—въ большой Чечнѣ, Ахверды-Магома—въ малой и Уллубей—въ Аухѣ.

ваны наибства шатоевское, шабутоевское и чаберлоевское. Въ 1850-мъ году въ малой Чечнѣ было два наибства—гехинское и гойтинское. Словомъ, административныя дѣленія Чечни зависѣли отъ требованій мѣста, времени и обстоятельствъ.

Каждое наибство дѣлилось на округа, коими управляли „мазуны". Судебная власть находилась въ каждомъ округѣ въ рукахъ особаго муллы; слѣдующія инстанціи суда были: мазунъ и наибъ. Съ 1841-го года, въ Дарго, куда Шамиль перенесъ свою резиденцію, засѣдало высшее судебно-административное учрежденіе, называемое „диванъ-хане" (сенатъ). Приказанія наиба приводились въ исполненіе мюридами, нѣкоторое число которыхъ постоянно находилось въ видѣ тѣлохранителей при имамѣ и наибахъ. При мазунѣ мюридовъ замѣняли „муртазеки" (постоянное войско). Вооруженныя силы составляли предметъ особыхъ заботъ Шамиля.

Теократическая власть Шамиля могла поддерживаться только многочисленными войсками. Кромѣ пропаганды той мысли, что всякій мусульманинъ долженъ быть джигитомъ, способнымъ во всякое время въ вооруженіи выѣзжать на добромъ конѣ, для борьбы съ русскими, Шамиль установилъ законъ, чтобы каждыя десять семействъ содержали одного муртазека. Это постоянное войско составило корпусъ изъ 3000 конныхъ, готовыхъ явиться въ данную минуту на зовъ своего наиба. Муртазеки управлялись по особымъ уставамъ и раздѣлялись на сотни, пятисотни, тысячи и проч. Предводители муртазековъ имѣли особые наружные знаки—круглыя и продолговатыя медали, съ надписью. Впрочемъ, эти знаки выдавались и за особую храбрость. Вообще, Шамиль установилъ извѣстную военную іерархію, въ которой взаимныя отношенія опредѣлялись писанными законами.

Для снабженія арміи оружіемъ и боевыми запасами была учреждена фабрикація оружія и пороха; для успѣха этого дѣла Шамиль очень дорожилъ плѣнными и бѣглыми русскими мастерами, а для литья пушекъ выписалъ мастеровъ изъ Эрзерума. Впрочемъ, пушки домашняго литья Шамилю не удавались, и потому онъ употреблялъ въ дѣло лишь отбитыя у русскихъ въ кровавыхъ событіяхъ начала сороковыхъ годовъ въ Дагестанѣ. Такую же энер-

гію, какъ по организаціи вооруженныхъ силъ, Шамиль проявилъ и въ дѣлахъ финансовъ. Онъ учредилъ особые налоги и, согласно духу народа, установилъ многочисленные штрафы и законы о выкупѣ плѣнныхъ русскихъ; этими мѣрами, при необыкновенной бережливости, Шамиль создалъ небольшую казну, которая давала ему возможность тратить нѣкоторую сумму на вознагражденіе своихъ вѣрныхъ слугъ*).

Здѣсь мы опускаемъ другія подробности, характеризующія дѣятельность Шамиля, какъ администратора; скажемъ только, что этотъ безспорно замѣчательный человѣкъ явился на историческую сцену поздно, и хотя назывался великимъ имамомъ, „повелителемъ Кавказа", но судьба Кавказа уже была рѣшена: Россія не могла имѣть соперника.

Какъ бы то ни было, съ 1840-го года куринцы оказались на чужой землѣ; надо было вновь завоевать ее и на этотъ разъ настолько прочно, чтобы немогли повториться случайности, подобныя тѣмъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ началѣ 1840-го года никто не предвидѣлъ того, что случилось весной того же года. Мы спокойно готовились къ выполненію Высочайше утвержденныхъ, по предложенію корпуснаго командира, экспедицій и работъ, согласно которыхъ въ 1840-мъ году чеченскому отряду назначено было прежде всего возвести укрѣпленіе въ Герзель-Аулѣ. Всѣ были довольны небольшимъ урокомъ; но не то случилось на самомъ дѣлѣ: весной началось броженіе между чеченцами и ближайшіе аулы стали переселяться въ лѣса. Генералъ Пулло, бывшій въ то время за начальника лѣваго фланга, наскоро собралъ части Куринскаго полка, и пошелъ съ ними усмирять бунтовщиковъ; отрядъ выступилъ 12-го марта и обошелъ часть малой Чечни: онъ прошелъ чрезъ ханкальское ущелье, повернулъ на Гойту и, черезъ Алды, пришелъ въ Алханъ-Юртъ. Все это время, чеченцы почти не безпокоили Пулло; они собирались къ Шамилю у Мартапа и только въ то время,

*) Въ Веденѣ до сихъ поръ живетъ бывшій казначей Шамиля, по фамиліи тоже Шамиль. Этотъ довѣренный имама, а теперь поручикъ мѣстной милиціи, говорилъ, что когда русскіе подступили къ Веденю, то имамъ перевезъ свою казну въ горы на нѣсколькихъ вьючныхъ лошадяхъ. Казна состояла изъ русскихъ золотыхъ монетъ, налѣпленныхъ на полотнахъ бязи, дабы металлъ не стирался при перевозкѣ.

когда Пулло подходилъ къ Алханъ-Юрту и Куларамъ, Шамиль двинулся противъ него со всѣми силами. Это обстоятельство заставило Пулло отступить за Сунжу, а Шамиль, пользуясь этимъ, поднялся вверхъ по этой рѣкѣ, гдѣ населеніе охотно принимало сторону имама. Возстаніе вскорѣ распространилось до Владикавказа и потребовало сильныхъ мѣръ.

Это была послѣдняя экспедиція Пулло воглавѣ куринцевъ. Событія 1840-го года испортили служебную репутацію и карьеру этого генерала и онъ долженъ былъ оставить Кавказъ. Всѣ неудачи были приписаны ему, какъ будто чеченское возстаніе не было плодомъ всей нашей административной системы. Генералъ Пулло, сдѣлавшись жертвою злобы дня, удалился навсегда, сдавъ полкъ, въ концѣ апрѣля, генеральнаго штаба полковнику Фрейтагу.

Въ это же время генералъ-адъютантъ Граббе прислалъ въ Грозную начальника 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Галафѣева, который, приказомъ отъ 30-го марта, объявилъ, что по распоряженію главнаго начальства вступаетъ въ управленіе лѣвымъ флангомъ, сѣвернымъ Дагестаномъ и владикавказскимъ комендантствомъ. Такимъ образомъ, власть объединилась и, казалось, было сдѣлано все, что нужно для борьбы съ Шамилемъ.

Генералъ Галафѣевъ собралъ отрядъ, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, но вмѣсто борьбы съ возставшей Чечней и Шамилемъ, онъ двинулся въ предгорья Ауха, для закладки, согласно утвержденныхъ предположеній на 1840-й годъ, укрѣпленія Герзель-Аула. Такимъ образомъ, какъ будто нарочно, Шамиль и Чечня были оставлены безъ всякаго надзора, чтобы дать время лучше организовать зародившуюся власть имама.

Экспедиція генерала Галафѣева подготовлялась и началась при обычныхъ порядкахъ; можно было полагать, что мы были въ той самой Чечнѣ, которую Пулло обходилъ въ концѣ 1839-го года торжественнымъ шествіемъ. Въ назначенное время отрядъ собрался, снабдился и выступилъ. Не забыли прибыть для экспедиціи и прикомандированные офицеры, заранѣе назначенные участвовать въ перестрѣлкахъ, имѣвшихъ быть при закладкѣ Герзель-Аула.

Обычай присылать къ полкамъ для экспедиціи офицеровъ, преимущественно гвардіи, послѣ блистательныхъ опытовъ 1839-го года настолько понравился, что избранники массами стали прибывать для боеваго крещенія; причемъ, считалось за особую честь быть въ дѣлахъ съ Куринскимъ полкомъ. Такимъ образомъ, весной 1840-го года прибыло въ полкъ 15-ть офицеровъ. Эти офицеры большей частью вступали въ командованіе ротами „по наружности; господа же командующіе ротами на законномъ основаніи—сказано въ приказѣ по полку—управляютъ всею внутренностью въ ротахъ, что и лежитъ на ихъ отвѣтственности“.

Наученный опытами прошлаго, полкъ сталъ готовиться къ походу заранѣе.

Послѣ Ахульго куринцы усвоили собственные образцы предметовъ обмундированія и снаряженія. Практика взяла свое, и начальство не только не запрещало отступленій отъ узаконенной формы, но, какъ видно изъ приказа по полку на 7-е февраля 1840-го года, само узаконило ихъ.

20-го апрѣля отрядъ уже работалъ на валахъ новаго укрѣпленія Герзель-Аулъ, когда чеченское возстаніе росло и распространялось отъ Сулака до Владикавказа. Вскорѣ волненіе обнаружилось въ самомъ Аухѣ, почти на глазахъ отряда Галафѣева, и тогда отрядъ принужденъ былъ оставить свои работы и подняться въ Аухъ, для усмиренія бунтовщиковъ. 1-го мая генералъ Галафѣевъ занялъ съ боя Кишень-Аухъ и 2-го отступилъ, съ боемъ же, обратно на плоскость. Въ этомъ двухдневномъ бою куринцы играли главную роль и, хотя ауховцы не оказали намъ большого сопротивленія, куринцы потеряли убитыми и ранеными 30-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ и ранеными четырехъ офицеровъ (маіоры Пулло 2-й и Бибинъ, подпоручикъ Беклемишевъ и прапорщикъ Мальмъ). Успокоивъ повидимому Аухъ, Галафѣевъ возвратился въ Герзель-Аулъ.

Вслѣдъ затѣмъ обнаружились броженія въ другихъ аулахъ. Галафѣевъ кинулся изъ Герзель-Аула, черезъ Внезапную, къ Міатламъ, гдѣ появился самъ Шамиль; но имамъ не дожидался здѣсь русскихъ: ему достаточно было отвлечь вниманіе ихъ отъ Чечни, куда онъ и устремился, чтобы поднять надтеречные аулы. Галафѣевъ

поспѣшилъ въ Чечню, но Шамиль уже не ждалъ его и тамъ; тогда генералъ Галафѣевъ вновь ушелъ на кумыкскую плоскость доканчивать укрѣпленіе Герзель-Аулъ. Словомъ, Шамиль забралъ въ руки инициативу дѣла и заставлялъ чеченскій отрядъ метаться изъ угла въ уголъ, какъ бы по своему указанію. Безцѣльныя экспедиціи, точно съ 1834-го по 1838-й годъ, повторялись до осени 1840-го года, т. е. до того времени, когда въ Чечню подошли войска изъ Закавказья и начальство подъ чеченскимъ отрядомъ принялъ самъ Граббе.

Эти хожденія чеченскаго отряда изъ Герзель-Аула къ Грозной и обратно были весьма тяжелы и не обошлись куринцамъ безъ кровопролитія. Такъ, послѣ перваго прибытія форсированнымъ маршемъ изъ Герзель-Аула въ Грозную, генералъ Галафѣевъ произвелъ движеніе вверхъ по Сунжѣ, гдѣ куринцы въ первый разъ дѣйствовали подъ начальствомъ новаго своего командира, полковника Фрейтага. Отрядъ вышелъ изъ Грозной 30-го іюня, имѣя въ своемъ составѣ, между другими, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка. Генералъ Галафѣевъ быстро пошелъ вверхъ по лѣвому берегу рѣки, уничтожилъ расположенные здѣсь аулы Алханъ-Юртъ, Кулары, Самашки и Казахъ-Кичу и 2-го іюля возвратился въ Грозную, съ тѣмъ, чтобы на другой день опять идти въ малую Чечню.

На этотъ разъ, отрядъ перешелъ на правый берегъ Сунжи, раззорилъ аулы большой Чечень, Дуда-Юртъ и Чахкери; затѣмъ уничтожилъ посѣвы по Аргуну и направился къ гойтинскому лѣсу, а отсюда, черезъ Урусъ-Мартанъ, перешелъ къ гехинскому лѣсу и рѣкѣ Валерику. Все это движеніе, включительно до 11-го іюля, было совершено почти безъ потерь: чеченцы вездѣ уступали безъ большого сопротивленія. 11-го іюля 1840-го года, при переходѣ чрезъ Валерикъ, отрядъ генерала Галафѣева, идя въ походномъ порядкѣ, неожиданно наткнулся на завалы, за которыми скрывалась многочисленная партія чеченцевъ; за позиціей противника толпились старики и женщины, съ запряженными арбами,—это были переселенцы съ Терека и Сунжи. Непріятель рѣшился не только упорно защищаться, но, говорятъ, считалъ гибель русскихъ неминуемою.

Отрядъ былъ встрѣченъ залпомъ; затѣмъ послышался въ лѣсу сильный шумъ и гиканіе; цѣпь и авангардъ были атакованы чеченцами—и пошла рукопашная. Генералъ Галафѣевъ растерялся—говоритъ одинъ изъ участниковъ—но въ это время, по собственной инициативѣ, кинулся впередъ съ своими куринцами новый командиръ полка, полковникъ Фрейтагъ; загремѣли орудія, завязалась ружейная пальба, а затѣмъ пошла работа штыковъ и шашекъ. Чеченцы держались упорно: каждый шагъ стоилъ крови; рукопашная схватка достигла дикаго ожесточенія, но все дѣло длилось недолго: наши егеря безъ удержа врывались въ завалы, занимали ихъ одинъ за другимъ и врагъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, обратился въ полное бѣгство. Куринцы вынесли дѣло на своихъ плечахъ, спасая отрядъ Галафѣева отъ пораженія, но, зато, сами не досчитались многихъ товарищей; особенно много пострадали 1-й и 2-й баталіоны, въ рядахъ которыхъ убито два офицера (поручикъ Яфимовичъ и прикомандированный ротмистръ Розенштернъ) и 18-ть нижнихъ чиновъ; ранено семь офицеровъ *) и нижнихъ чиновъ 84. Потеря противника была очень велика; достойно вниманія, что почти всѣ убитые чеченцы были переселенцы съ Терека, т. е. наши вчерашніе друзья.

Въ валерикскомъ дѣлѣ, въ которомъ русскіе потеряли болѣе 300-тъ нижнихъ чиновъ, куринцы не досчитались въ своихъ рядахъ 9-ти офицеровъ и 102-хъ нижнихъ чиновъ. Эта потеря была тѣмъ болѣе чувствительна, что цѣною ея не купленъ никакой важный успѣхъ для дѣла Россіи; напротивъ того, знакомыя намъ имена убитыхъ чеченцевъ, до того времени, въ теченіе болѣе сорока лѣтъ бывшихъ въ подданствѣ Россіи, доказывали безрезультатность всего прошлаго и необходимость снова начать служеніе неумолимому богу войны.

Въ тѣсномъ смыслѣ, съ точки зрѣнія хроники полка, валерикское дѣло, воспѣтое знаменитымъ Лермонтовымъ, замѣчательно для куринцевъ тѣмъ, что здѣсь впервые старые куринцы и Фрей-

---

*) Штабсъ-капитанъ Барковъ, поручикъ Шмаковъ, подпоручикъ Винниковъ, прикомандированные—подпоручики Поссіетъ и Закревскій, корнетъ Глѣбовъ и штабсъ-ротмистръ Штейнъ.

тагъ знакомились другъ съ другомъ. Репутація спасителя товарищей въ труднѣйшія минуты, утвердившаяся за Фрейтагомъ впослѣдствіи, роковымъ образомъ проявилась въ первый разъ на Валерикѣ. Куринцы замѣтили это, и видя своего отважнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благородно-сдержаннаго командира, настолько увѣровали въ него, что впослѣдствіи пѣли:

Съ нами Богъ и Фрейтагъ съ нами,
Что жъ насъ можетъ устрашить?
. . . .

Самъ Фрейтагъ тоже бросалъ испытующіе взгляды на своихъ новыхъ товарищей и, къ чести куринцевъ, надо сказать, что они понравились своему командиру. „Послѣ дѣла 11-го іюля—писалъ Фрейтагъ къ своей матери—много храбрыхъ мы не досчитались; меня Богъ хранилъ! Доволенъ я куринцами, кажется и куринцы мною довольны“. Фрейтагъ не ошибся...

Послѣ валерикскаго дѣла наши войска заняли Ачхой, раззорили его и затѣмъ возвратились въ Грозную. Но куринцы пришли въ свою штабъ-квартиру не для отдыха, а для приготовленія къ новому походу.

Вслѣдствіе безпрерывныхъ экспедицій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, въ рядахъ Куринскаго егерскаго полка образовался такой значительный недочетъ, что потребовалось укомплектованіе. Поэтому, 6-го августа, на усиленіе полка поступили 6-ть ротъ отъ трехъ полковъ 6-го пѣхотнаго корпуса (тарутинскаго, бѣлевскаго и тульскаго), въ числѣ: унтеръ-офицеровъ 120-ти, музыкантовъ 36-ти и рядовыхъ 1380; а въ декабрѣ прибылъ еще сводный резервный баталіонъ, полковъ алексопольскаго и кременчугскаго, въ составѣ 119-ти унтеръ-офицеровъ, 34-хъ музыкантовъ и 523-хъ рядовыхъ. Въ тоже время, значительное число людей было отдѣлено отъ полка на сформированіе черноморскаго линейнаго № 12-го баталіона (унтеръ-офицеровъ 40, музыкантовъ 12-ть и рядовыхъ 481).

По окончаніи перваго укомплектованія, первые четыре баталіона Куринскаго полка поступили въ отрядъ генералъ-лейтенанта Галафѣева, который выступилъ изъ Грозной 17-го сентября и произвелъ набѣгъ за Аргунъ. 29-го былъ раззоренъ аулъ Гельдыгенъ,

а 30-го—произведено движеніе противъ партіи Ахверды-Магомы; 4-го октября раззоренъ аулъ Шали, а затѣмъ Автуры и нѣсколько другихъ.

Въ октябрѣ 1840-го года, въ крѣпости Грозной собрался новый отрядъ, надъ которымъ принялъ начальство самъ командующій войсками генералъ Граббе. Въ составъ этого отряда вошли тѣ же четыре баталіона Куринскаго полка. 17-го октября Граббе двинулся „для окончательнаго усмиренія Чечни", черезъ Алды, въ Урусъ-Мартанъ. Изъ этого аула, въ теченіе двухъ недѣль, дѣлались набѣги на окрестные аулы; затѣмъ, черезъ Гехи и Ачхой, Граббе вышелъ къ Казахъ-Кичу и въ началѣ ноября возвратился обратно въ Грозную. Въ половинѣ ноября, тотъ же отрядъ, отдохнувъ и снабдившись всѣмъ необходимымъ, сдѣлалъ обходъ большой Чечни; Граббе двинулся черезъ Гельдыгенъ въ Маюртупъ и, черезъ Бата-Юртъ и качкалыковскій хребетъ, перешелъ въ Ойсунгуръ; въ началѣ декабря отрядъ былъ распущенъ.

Экспедиція Граббе въ 1840-мъ году была точной копіей экспедиціи Вельяминова въ 1832-мъ году. Съ тѣхъ поръ система нашей войны нисколько не улучшилась. Граббе, также какъ Вельяминовъ, жегъ и раззорялъ опустѣвшіе аулы, тщетно стараясь различить мирныхъ жителей отъ немирныхъ. Чеченцы, какъ и тогда, скрывались въ лѣсахъ, пропускали наши колонны мимо себя, затѣмъ нападали на хвостъ ихъ и отбивали отставшихъ, отгоняли лошадей и порціонный скотъ и нашъ отрядъ, нигдѣ не встрѣчая большіе сборы врага, объяснилъ это спокойствіемъ страны и Граббе донесъ Государю объ усмиреніи Чечни. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ экспедиціи мы не приводимъ, потому что подробности ничего не прибавятъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о событіяхъ того времени. Скажемъ только, что хотя куринцы не внесли въ свою лѣтопись за 1840-й годъ никакихъ громкихъ дѣлъ, но исторія полка должна упомянуть о большихъ жертвахъ и потеряхъ, понесенныхъ въ мелкихъ перестрѣлкахъ. Взятые вмѣстѣ, походы послѣднихъ мѣсяцевъ стоили полку 78-мь убитыхъ, 225-ть раненыхъ и 47-мь контуженныхъ нижнихъ чиновъ. Изъ офицеровъ убитъ—прикомандированный корнетъ Козловскій; ранены—поручикъ Гавриленко, подпоручикъ

Казьеръ, прапорщикъ Будянскій, штабсъ-капитанъ Баржимовскій и прикомандированный штабсъ-ротмистръ Шейнъ.

Такъ кончились дѣйствія главнаго чеченскаго отряда въ злополучный 1840-й годъ, стоившій намъ много крови, но нисколько не двинувшій впередъ русское вліяніе на Чечню. Опытъ прошлаго еще не указалъ намъ истинный путь къ покоренію этой страны. Послѣ трудовъ, полкъ, постарому, разошелся на зимнія квартиры и остался на нихъ въ ожиданіи слѣдующаго года *).

Черезъ всю исторію кавказской войны, съ 1834-го до 1846-го года, проглядываетъ одна неизмѣнная черта: въ концѣ каждаго года, сводя итоги прошлому, петербургское начальство остается недовольнымъ результатами; затѣмъ идутъ напоминанія о необходимости вести войну болѣе цѣлесообразно, придерживаясь опредѣленной системы, причемъ, обыкновенно указывалась задача на предстоящій годъ,—но всѣ эти указанія почти всегда оставались на бумагѣ.

Такъ было и въ 1840-мъ году; явилось сознаніе, что старый способъ веденія войны безплоденъ, что раззореніемъ ауловъ мы не достигаемъ цѣли. Зародилась мысль вдаваться въ непріятельскую страну прочными русскими поселеніями и вносить туда, кромѣ оружія, еще русское вліяніе и цивилизацію. Но на практикѣ старая система набѣговъ такъ сильно укоренилась, что отказаться отъ нея оказалось выше силъ исполнителей предначертаній Петербурга. По этимъ причинамъ, хотя рѣшено было весной 1841-го года дагестанскому отряду заложить укрѣпленіе въ Салатавіи, а чеченскому—возвести передовую чеченскую линію, но, какъ увидимъ ниже, мы не остановились на этихъ планахъ и отдали дань старой рутинѣ.

Для усиленія нашихъ средствъ, была двинута на Кавказъ изъ

*) На зиму 1840—41 г. Куринскій егерскій полкъ расположился по квартирамъ слѣдующимъ образомъ:

Штабъ полка—въ Грозной, 1-я карабинерная рота—въ Наурѣ, 1-я егерская—въ ст. Ищерской, 2-я егерская—Калиновской, 3-я егерская—Червленной, 2-й баталіонъ—въ Грозной, 3-я карабинерная—въ ст. Щедринской, 7-я егерская—въ г. Кизлярѣ, 8-я егерская—ст. Шелководской, 9-я егерская—Ново-Гладковской, 4-я карабинерная и 10-я егерская—въ Темиръ-Аулѣ, 11-я и 12-я егерскія—въ Ташъ-Кичу, 5-я карабинерная и 13-я егерская—въ Грозной, 14-я егерская—въ Горячеводскѣ и 15-я егерская—въ Амиръ-Аджи-Юртѣ.

Крыма 14-я пѣхотная дивизія; но и эта мѣра позволила генералу Головину лишь усилить чеченскій отрядъ навагинскимъ и кабардинскимъ полками, нисколько не измѣняя систему войны съ горцами.

1840-й годъ, кромѣ того, рельефно доказалъ насколько неудобно, а часто и невозможно дирижировать военными дѣйствіями издали. Пока петербургское предположеніе на курьерскихъ летѣло черезъ всю Россію, событія на Кавказѣ шли своимъ быстрымъ ходомъ, и, ко времени полученія приказа, распоряженія Шамиля совершенно измѣняли первоначальныя предположенія. Такъ случилось и теперь. Въ то время, какъ мы считали Чечню усмиренною, явился новый энергичный помощникъ Шамилю—Хаджи-Муратъ, который поднялъ Аварію, разбилъ отрядъ генерала Бакунина и распространилъ волненіе въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Въ тоже время, самъ Шамиль, съ огромной партіей, атаковалъ отрядъ полковника Нестерова у Назрана, а Ахверды-Магома смѣло двинулся къ военно-грузинской дорогѣ; здѣсь онъ захватилъ въ плѣнъ поселянъ александровской слободы и, угнавъ ихъ табуны, безнаказанно возвратился черезъ Казахъ-Кичу въ Чечню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно усилились нападенія на наши сообщенія и станицы по Тереку, въ особенности между Ново-Гладковской и Щедринской, гдѣ рѣка имѣетъ до 15-ти бродовъ.

Итакъ, въ концѣ 1840-го и въ началѣ 1841-го годовъ, Шамиль развилъ огромную энергію; куринцы, расположенные по сунженской линіи, должны были участвовать въ событіяхъ, разыгравшихся на ней; здѣсь пришлось дѣйствовать исключительно куринцамъ, которые исполнили свою роль на славу. Мы здѣсь перечислимъ только выдающіеся эпизоды изъ этихъ, говоря офиціальнымъ языкомъ того времени, „частныхъ происшествій".

Въ ноябрѣ 1840-го года, партія чеченцевъ сдѣлала нападеніе на Шато-Юртъ, поселеніе, лежавшее въ 4-хъ верстахъ отъ Грозной; пользуясь отсутствіемъ войскъ, бывшихъ въ то время въ отрядѣ, хищники угнали до 100 головъ рогатаго скота и до 400 барановъ.

Эта удача поощрила чеченцевъ; 27-го декабря, партія въ четыре тысячи человѣкъ направилась къ Амиръ-Аджи-Юрту и, затѣмъ,

перешла за Терекъ, къ станицѣ Парбочева; но здѣсь непріятельскія толпы вездѣ были встрѣчены такимъ отпоромъ, что, разсѣянныя по лѣсамъ, возвратились въ аулы вразбродъ, и только благодаря недостатку нашихъ силъ не могли быть окончательно уничтожены. Успѣхъ дѣла надо отнести къ отличному дѣйствію ротъ Куринскаго полка: 3-й карабинерной (капитана Костырко), 8-й егерской (поручика Кишинскаго) и 15-й егерской (штабсъ-капитана Звягольскаго).

Дѣло 27-го числа стоило куринцамъ довольно дорого: убиты—подпоручикъ Кузьминъ и нижнихъ чиновъ 31, ранены—штабсъ-капитанъ Ляшенко и нижнихъ чиновъ 39. Но и эта неудача не остановила чеченцевъ. Наибъ Шуаибъ-Мулла собралъ новую партію. 9-го января утромъ, партія эта, силой до 3 т. человѣкъ, съ тремя значками, направилась черезъ Терекъ, между Амиръ-Аджи-Юртомъ и станицей Щедринской, и напала вдругъ на всѣ посты между этими пунктами; отрѣзавъ, такимъ образомъ, сообщеніе между ними, чеченцы раздѣлились на двѣ части: главною заняли дорогу, чтобы удержать войска, которыя поспѣшили бы на помощь со стороны Щедрина, а 600-тъ человѣкъ поскакали къ станицѣ Парбочева, для захвата пасшагося тамъ табуна. Однако, въ Щедринѣ успѣли сдѣлать тревогу и на выстрѣлы выскочили казачьи резервы изъ Червленной (19½ верстъ). Воглавѣ погони стоялъ командиръ гребенскаго казачьяго полка маіоръ Венеровскій. Прискакавъ въ Щедринскую, онъ двинулъ квартировавшую здѣсь 3-ю карабинерную роту Куринскаго полка (капитана Костырко), съ двумя орудіями, по дорогѣ, а самъ, степью, быстро двинулся къ станицѣ Парбочева; но уже было поздно: чеченцы, захвативъ до 8 т. головъ скота, потянулись вверхъ по Тереку; тогда Венеровскій, приказавъ ротѣ куринцевъ, стоявшей въ Шелководской (штабсъ-капитана Кишинскаго), слѣдовать за нимъ, самъ съ 40 казаками поскакалъ за чеченцами и успѣлъ ихъ задержать до прихода роты. Чеченцы, видя приближеніе пѣхоты, кинулись на переправу по льду; храбрый Костырко опрокинулъ къ переправѣ стоявшую передъ нимъ толпу и вся громадная масса чеченцевъ, оставивъ добычу, бросилась въ безпорядкѣ на переправу; при этомъ, ледъ на Терекѣ

не выдержалъ тяжести и поглотилъ большую часть непріятеля; уцѣлѣвшіе бѣжали, оставивъ въ рукахъ нашихъ одинъ значекъ. Съ нашей стороны убитъ 1 и раненъ 1.

Эти событія застали насъ до сбора отрядовъ и потому пришлось ихъ отражать мѣстными средствами, состоявшими, кромѣ казаковъ, изъ однихъ куринцевъ. Въ раіонѣ расположенія полка, по сунженской линіи и на кумыкской плоскости, другихъ войскъ не было.

Операціи, подобныя описаннымъ, извѣстны подъ общимъ именемъ „тревоги". Послѣдующія строки даютъ понятія о механизмѣ этого рода военныхъ дѣйствій.

Части Куринскаго полка, разбросанныя командами и ротами по линіи, между Грозной и Кизляромъ, по сигналу съ раскинутыхъ на этомъ пространствѣ казачьихъ постовъ, тотчасъ же должны были бѣжать на выстрѣлы, причемъ, конечно, не всегда могли поспѣвать за конными партіями. Для успѣха дѣла требовалась необычайная чуткость, одиночное развитіе, особенно старшихъ, и твердое знаніе всѣхъ тропинокъ, по которымъ можно было перерѣзывать путь отступленія чеченцамъ. Однимъ словомъ, требовалась егерская спеціальность и, надо отдать справедливость полку,—никто лучше куринцевъ не усвоилъ эту трудную науку; война въ лѣсу, въ одиночку, на манеръ чеченцевъ, составила характеристику куринцевъ. Вотъ они, плоды охотничьихъ командъ генерала Пулло, о которыхъ мы говорили выше. При Фрейтагѣ эта школа дополнилась сильнымъ развитіемъ цѣльной стрѣльбы. Дошло до того, что упустить чеченскую партію считалось большимъ срамомъ для той роты, близь которой было происшествіе. Но о тактическихъ пріемахъ куринцевъ этого періода мы поговоримъ отдѣльно; теперь же обратимся къ продолженію прерваннаго разсказа.

Неудачи декабрскихъ набѣговъ не устрашили чеченцевъ. 29-го января 1840-го года они напали на транспортъ, шедшій въ Грозную, но опять были отбиты куринцами. Такія же нападенія произошли 14-го февраля, у Брагунъ, и 27-го—у Умаханъ-Юрта. 29-го марта большая партія сдѣлала нападеніе на команду Куринскаго полка, шедшую къ Умаханъ-Юрту, подъ начальствомъ прапор-

щика Хржановскаго. Куринцы отбили дерзкое нападеніе штыками, причемъ у насъ убито 10-ть и ранено 5-ть нижнихъ чиновъ.

Въ августѣ и сентябрѣ 1840-го года, когда большая часть свободныхъ силъ была сосредоточена въ дагестанскомъ отрядѣ, нападенія вновь участились: 14-го августа произошло нападеніе на табуны Стараго-Юрта, а 19-го сентября—на Ново-Сунженскій аулъ; но особенно дерзко было нападеніе 26-го сентября на Умаханъ-Юртъ. Въ этотъ день, партія въ 4 т. человѣкъ сожгла селеніе Умаханъ-Юртъ и пыталась атаковать укрѣпленіе, гдѣ стояла неполная рота куринцевъ. При этомъ горцы потерпѣли неудачу и отступили. Мы потеряли ранеными 7-мь человѣкъ. О преслѣдованіи партіи, конечно, нельзя было и думать.

Одновременно съ постоянными тревогами, съ конца 1840-го года, куринцы готовились къ предполагавшемуся большому походу, подъ начальствомъ генерала Граббе. Въ 1841-мъ году прeполагалось: 1) чеченскому отряду, подъ командою генералъ-адъютанта Граббе, пройти Чечню по всѣмъ направленіямъ, воспрепятствовать жителямъ производить посѣвы и тѣмъ самымъ вынудить бѣжавшихъ изъ-за Сунжи возвратиться на старыя мѣста, а затѣмъ приступить къ возведенію передовой чеченской линіи, заложеніемъ укрѣпленія у входа въ аргунское ущелье, близъ аула Чахкери (гдѣ была построена кр. Воздвиженская), и 2) дагестанскому отряду, подъ командой корпуснаго командира, назначено было взять аулъ Черкей—столицу Салатавіи, разрушить его, за неоднократныя измѣны русскому правительству, и возвести на его мѣстѣ русское укрѣпленіе, чтобы прикрыть имъ переправу черезъ Сулакъ *).

---

*) Въ теченіе періода, описаннаго въ настоящей главѣ, куринцы потеряли въ дѣлахъ: убитыми—офицеровъ 4 и нижнихъ чиновъ 138-мь и ранеными—офицеровъ 17-ть и нижнихъ чиновъ 431.

VIII.

Обстоятельства, заставившія чеченскій отрядъ двинуться въ Салатавію въ маѣ 1841-го года. Занятіе Черкея. Движеніе чеченскаго отряда на Аргунъ, къ аулу Чахкери. Устройство укрѣпленій на сунженской линіи. Оборона кумыкской плоскости. Ичкеринскій походъ 1842-го года.

Въ теченіе осени и зимы съ 1840-го на 1841-й годъ, положеніе русскихъ въ Дагестанѣ измѣнилось не въ нашу пользу. Къ веснѣ 1841-го года, почти весь сѣверный Дагестанъ принялъ сторону Шамиля, и даже Аварія, считавшаяся покорною намъ съ 1837-го года,—примкнула къ врагамъ Россіи *). Такимъ образомъ, генералъ Головинъ, принявшій начальство надъ дагестанскимъ отря-

*) Возстаніе произвелъ бывшій мюридъ Кази-Муллы—Хаджи-Муратъ, убившій въ 1834-мъ году Гамзатъ-бека изъ-за личныхъ расчетовъ и вслѣдъ за тѣмъ отдавшійся въ руки русскихъ. Этотъ Хаджи-Муратъ, произведенный за свою вѣрную службу въ чинъ прапорщика русской милиціи, имѣвшій орденъ св. Станислава 3-й степени, пользовавшійся, за свою храбрость и связи съ ханскимъ домомъ, уваженіемъ аварцевъ,—вдругъ подвергся немилости управляющаго ханствомъ генералъ-маіора Ахметъ-хана и по доносу его былъ заподозрѣнъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ. Отъ генерала Клугенау послѣдовало недостаточно обдуманное распоряженіе арестовать Хаджи-Мурата и доставить въ Темиръ-Ханъ-Шуру. На дорогѣ, близь Моксоха, гдѣ, по узкой тропинкѣ, можно было идти только гуськомъ, связанный арестантъ внезапно бросился съ кручи, увлекъ съ собою одного изъ конвойныхъ солдатъ, который убился, а самъ, съ сломанной ногой, кое-какъ доползъ до ближайшихъ овечьихъ загоновъ и съ помощью пастуховъ спасся въ ближайшій аулъ, гдѣ, послѣ мѣсячнаго леченія, выздоровѣлъ. Затѣмъ уже, пылая местью къ Ахметъ-хану и враждой къ русскимъ за такіе съ нимъ поступки, онъ явился къ Шамилю и поклялся ему въ вѣрности, и, въ доказательство, сейчасъ же отправился въ Аварію волновать селенія. Избравъ резиденціею аулъ Цельмесъ, Хаджи-Муратъ отсюда удачно дѣйствовалъ черезъ приверженныхъ людей, привлекъ охотниковъ въ мюриды, возбуждалъ къ неповиновенію и т. д. Генералъ Клугенау, желая истребить этого новаго возмутителя и не допустить усиленія возникшихъ въ Аваріи безпокойствъ, приказалъ двинуть къ Цельмесу баталіонъ апшеронскаго полка, съ двумя горными орудіями. Въ это время въ Дагестанѣ находился состоявшій при генералъ-фельдцейхмейстерѣ, Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, генералъ-маіоръ Бакунинъ, командированный для инспектированія всей кавказской артилеріи. Чтобы отличиться, генералъ этотъ принялъ начальство надъ баталіономъ и двинулся къ Цельмесу. Не

домъ, справедливо считалъ себя недостаточно сильнымъ, чтобы исполнить планъ завладѣнія Черкеемъ, и потому приказалъ чеченскому отряду идти къ нему на помощь.

Вслѣдствіе этого, въ началѣ мая 1841-го года, весь чеченскій отрядъ, въ составѣ 12¼ баталіоновъ, 30-ти орудій и 3-хъ сотень казаковъ, собрался къ Амиръ-Аджи-Юрту. Въ составъ отряда поступили Куринскаго полка 1-й (маіора Витторта) и 3-й (подполковника Мезенцова) баталіоны *). Полковникъ Фрейтагъ, какъ начальникъ сунженской линіи, остался въ Грозной для охраненія края.

9-го мая, послѣ молебствія, отрядъ двинулся къ Внезапной. 11-го числа, оставивъ въ Внезапной тяжести, войска двинулись черезъ Балтугай къ Міатламъ, причемъ приходилось 11-го и 12-го разрабатывать дорогу. 13-го отрядъ пришелъ къ аулу Инчхе и, затѣмъ, не имѣя возможности двигаться вдоль по Сулаку, генералъ Граббе долженъ былъ атаковать непріятеля, занявшаго хубарскія высоты. Здѣсь куринцамъ пришлось поработать на тѣхъ же мѣстахъ, кои были обагрены ихъ кровью въ 1839-мъ году. 13-го, 14-го и 15-го мая шелъ непрерывный бой. Непріятель переходилъ отъ одного завала къ другому, а намъ приходилось съ чрезвычайными усиліями выбивать его изъ-за скалъ и закрытій. Въ эти дни наибольшая работа досталась авангарду, состоявшему изъ одного баталіона куринцевъ и двухъ баталіоновъ кабардинцевъ. 13-го числа, при атакѣ непріятеля, куринцы шли съ фронта и ударили противнику въ

сообразивъ ни числа засѣвшихъ въ каменныхъ սакляхъ горцевъ, ни удобствъ мѣстности, ни своей слабой силы (около 470-ти человѣкъ), генералъ Бакунинъ прямо бросился на штурмъ. Смертельно раненый, потерявъ треть баталіона убитыми и ранеными и половину офицеровъ, онъ передалъ команду подполковнику Пассеку, который, съ трудомъ, съ остатками баталіона отступилъ къ Хунзаху, гдѣ Бакунинъ и умеръ.

Происшествіе въ Цельмесѣ ободрительно подѣйствовало на нашихъ противниковъ и, въ преувеличенномъ видѣ, разнеслось по горамъ побѣдною вѣстью; вскорѣ сторону Шамиля приняли и другія общества (Зиссерманъ. „Исторія кабардинскаго полка". ч. 2-я. стр. 172-я).

*) Командовалъ 3-мъ баталіономъ. Маіоръ Пулло былъ назначенъ командиромъ линейнаго баталіона.

лобъ, въ то время, какъ кабардинцы дѣлали обходъ. Непріятель оказалъ кабардинцамъ сильное сопротивленіе; борьба происходила два часа и окончилась тогда только, когда на помощь пришли два баталіона кабардинцевъ и одинъ баталіонъ навагинцевъ.

13-го числа отрядъ потерялъ убитыми—17-ть нижнихъ чиновъ и ранеными 4-хъ офицеровъ и 90 нижнихъ чиновъ *). 14-го мая, послѣ фуражировки, завязалось новое дѣло, стоившее куринцамъ 4-хъ раненыхъ офицеровъ (штабсъ-капитаны Куликовъ и Гриневъ, подпоручикъ Елагинъ и прапорщикъ Минкельдъ) и 19-ть нижнихъ чиновъ, и если общая цифра потерь отряда въ этотъ день равнялась 1 убитому и 4 раненымъ офицерамъ и 28-ми нижнимъ чинамъ, то выходитъ, что вся тяжесть этого дня легла на куринцевъ. О поведеніи офицеровъ краснорѣчиво говорятъ сами цифры. 15-го числа, отрядъ, къ которому прибылъ самъ Головинъ, атаковалъ второй уступъ хубарскихъ горъ. Въ этотъ день куринцы работали на глазахъ своего корпуснаго командира, въ первый разъ видѣвшаго ихъ въ бою.

Мы заняли Хубаръ безъ особаго сопротивленія. Чтобы видѣть роль куринцевъ въ этотъ день, достаточно сказать, что изъ всей потери отряда (4 убитыхъ нижнихъ чина и 1 офицеръ и 37-мь нижнихъ чиновъ раненыхъ) на долю Куринскаго полка пришлось раненыхъ 23 и убитыхъ 2. Слѣдовательно, о дѣлѣ 15-го числа смѣло можно сказать, что оно сдѣлано главнымъ образомъ куринцами.

Послѣ взятія хубарскихъ высотъ, Шамиль оставилъ безъ сопротивленія Черкей и, слѣдовательно, благодаря отряду Граббе дагестанскій отрядъ безъ боя занялъ предметъ своихъ дѣйствій и заложилъ здѣсь давно желанное укрѣпленіе, названное въ честь корпуснаго командира Евгеніевскимъ.

Теперь, благодаря счастливому исходу кампаніи, отрядъ Граббе могъ возвратиться въ Чечню, для исполненія предположеній на 1841-й годъ. Дѣйствительно, генералъ Граббе двинулся назадъ,

---

*) Изъ этого числа на одинъ баталіонъ Куринскаго полка приходится 13-ть раненыхъ.

но прежде, чѣмъ спуститься на плоскость, пошелъ въ Аухъ, раззорилъ здѣсь нѣсколько ауловъ и уже послѣ этого ушелъ на плоскость, потерявъ безцѣльно нѣсколько храбрыхъ офицеровъ и солдатъ *).

По взятіи Черкея было возстановлено койсубулинское приставство, а на должность пристава назначенъ капитанъ Куринскаго полка Евдокимовъ, произведенный вмѣстѣ съ тѣмъ въ маіоры, съ отчисленіемъ отъ полка **).

Обратный путь чеченскаго отряда въ Грозную лежалъ черезъ укрѣпленіе Умаханъ-Юртъ, гдѣ была паромная переправа черезъ Сунжу. Операція переправы, при недостаточности паромовъ, длилась съ 27-го мая по 2-е іюня.

Въ Грозной, въ теченіе 20-ти дней, отрядъ сдѣлалъ свои приготовленія, снабдился всѣмъ необходимымъ, и 22-го іюня выступилъ, согласно предположенія на 1841-й годъ, для выбора мѣста и заложенія укрѣпленія на передовой Чеченской линіи.

Какъ сказано выше, опытъ прошлаго убѣдилъ, что покореніе Чечни одними набѣгами невыполнимо. Необходимо было постепенно перерѣзывать плоскость русскими укрѣпленіями и колоніями. Рѣшено было заложить укрѣпленіе на Аргунѣ, у выхода его изъ горъ, и соединить его рядомъ другихъ укрѣпленій съ Внезапною и Владикавказомъ; иначе говоря, надо было отрѣзать плоскостную часть Чечни отъ горной.

Задачу эту долженъ былъ выполнить чеченскій отрядъ генерала Граббе. 22-го іюня, отрядъ, въ составъ котораго вошли 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полка ***), двинулся чрезъ ханкальское ущелье вверхъ по Аргуну, къ аулу Чахкери, гдѣ давно уже было намѣчено мѣсто для укрѣпленія. Генералъ Граббе, не сочувствовавшій планамъ и образу мыслей корпуснаго командира, дѣйство-

*) Въ дѣлѣ 22-го мая, при взятіи Кишень-Ауха, куринцы потеряли 8-мь раненыхъ нижнихъ чиновъ.

**) Капитанъ Евдокимовъ, впослѣдствіи графъ, числился въ Куринскомъ полку, состоя старшимъ адъютантомъ штаба 20-й пѣхотной дивизіи.

***) 2-мъ баталіономъ командовалъ подполковникъ Кочубей; подполковникъ Циклауровъ, съ производствомъ въ полковники, былъ назначенъ моздокскимъ комендантомъ.

валъ очень вяло. Онъ осмотрѣлъ чуть не въ девятый разъ мѣсто, и, простоявъ здѣсь безъ дѣла три дня, рѣшился отступить, подъ предлогомъ недостатка средствъ для исполненія задачи. Въ то же время, Граббе рѣшилъ, вопреки мысли Головина, что прежде заложенія укрѣпленія у аргунскаго ущелья, надо связать Грозную съ Владикавказомъ по Сунжѣ, и потому чеченскій отрядъ двинулся въ обратный путь въ Грозную черезъ аулъ Алды. Аулъ Алды, расположенный всего въ 10-ти верстахъ отъ Грозной *), десятки разъ раззоряемый русскими, и всегда намъ стоившій много крови и потерь, теперь не отказался отъ своихъ старыхъ традицій. Алдинцы насѣли на арріергардъ отряда, состоявшій изъ куринцевъ, и завязали сильную перестрѣлку. Полковникъ Фрейтагъ лично распоряжался боемъ. Отступленіе происходило по пересѣченной мѣстности, поросшей колючимъ кустарникомъ. Дорога пролегала вдоль возвышеннаго праваго берега Сунжи. По сторонамъ дороги еще и теперь видны отдѣльные курганы, съ которыхъ открывается видъ на лѣвый равнинный берегъ, по которому нынѣ проходитъ почтовая дорога изъ Грозной въ Алханъ-Юртъ. Чтобы лучше слѣдить за ходомъ дѣла, Фрейтагъ въѣхалъ на одинъ изъ этихъ кургановъ. Отсюда онъ увидѣлъ густую массу непріятельской конницы, на рысяхъ спѣшившей со стороны Алханъ-Юрта; то былъ Ахверды-Магома, опоздавшій въ бой и спѣшившій догнать нашъ арріергардъ. Чеченцы подъѣхали къ лѣвому берегу Сунжи, бросились въ рѣку и, перейдя ее, спѣшились въ лѣсу и побѣжали занять позицію; но уже было поздно. Тѣмъ временемъ отрядъ медленно вытянулся по лѣсному дефиле, отстрѣливаясь во всѣ стороны. Въ то время, когда показалась партія Ахверды-Магомы, зоркій глазъ Фрейтага замѣтилъ, что лѣвая наша цѣпь теряетъ направленіе; командиръ полка подскакалъ къ ней, и въ то время, какъ отдавалъ приказаніе, вражья пуля ударила его въ шею. Робертъ Карловичъ, не обращая вниманія на рану, остался въ цѣпи и только послѣ того, какъ привелъ ее въ порядокъ, отъѣхалъ назадъ. Перевязавъ наскоро рану, Фрейтагъ возвратился къ своимъ куринцамъ и

---

*) Нынѣшній аулъ Алды расположенъ не тамъ, гдѣ былъ старый.

продолжалъ распоряжаться до тѣхъ поръ, пока весь отрядъ вышелъ изъ огня.

Рана Фрейтага оказалась весьма опасною: пуля была вынута изъ позвоночной кости на 12-й день послѣ перестрѣлки.

Дѣло 27-го іюня при Алды замѣчательно только тѣмъ, что здѣсь куринцы на пять раненыхъ солдатъ потеряли трехъ офицеровъ, изъ коихъ одинъ убитъ (прапорщикъ Лавровъ) и двое ранены (поручикъ Мартыновъ и командиръ полка полковникъ Фрейтагъ).

Выводы изъ этихъ цифръ пусть дѣлаютъ другіе, мы же при этомъ замѣтимъ, что это было не послѣднее дѣло у Алды, и Граббе лично убѣдился, что походъ его по Чечнѣ въ 1841-мъ году, которымъ онъ такъ хвалился, далеко не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ.

По возвращеніи изъ похода въ Грозную, генералъ Граббе приступилъ къ исполненію своего плана, по устройству укрѣпленій на Сунжѣ. 1-го іюля, чеченскій отрядъ выступилъ вверхъ по Сунжѣ и 2-го числа заложилъ укрѣпленіе у Заканъ-Юрта; работы здѣсь продолжались до 12-го августа, затѣмъ отрядъ перешелъ къ Казахъ-Кичу и здѣсь было заложено 19-го числа другое укрѣпленіе.

Такимъ образомъ, чеченскій отрядъ совершилъ полезнѣйшую часть своихъ работъ 1841-го года. Съ устройствомъ этихъ укрѣпленій, мы открыли прямую дорогу изъ Грозной въ Владикавказъ и тѣмъ самымъ окончательно отрѣзали у противника пространство между Сунжею и Терекомъ.

Но генералъ Граббе не довольствовался этой, сравнительно мирной побѣдой: онъ, какъ сторонникъ набѣговъ, предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ движеній внутрь Чечни; къ счастью, куринцы не участвовали въ этомъ безполезномъ кровопролитіи. Къ тому же, до выздоровленія своего командира, куринцы были безъ предводителя. Но и въ это время вооруженныя столкновенія куринцевъ съ чеченцами не прекращались. Тревоги и служба въ оказіяхъ и секретахъ продолжались. Особенно часты были столкновенія въ раіонѣ расположенія 4-го баталіона, на кумыкской плоскости. Въ этихъ

одиночныхъ перестрѣлкахъ куринцы потеряли въ теченіе сентября и октября 10-ть раненыхъ.

14-го октября окончена постройка укрѣпленія Казахъ-Кичу и направлена первая оказія по Сунжѣ, а 15-го—генералъ Граббе началъ концентрическое движеніе внутрь Чечни тремя колоннами: изъ Назрана (полковникъ Нестеровъ), изъ Казахъ-Кичу (самъ Граббе) и изъ Грозной (полковникъ Фрейтагъ).

Къ этому времени у Грозной были собраны всѣ четыре дѣйствующіе баталіона, и воглавѣ ихъ сталъ только что оправившійся отъ раны полковникъ Фрейтагъ.

Фрейтагъ двинулся по лѣвому берегу Сунжи, черезъ Алды. При выходѣ изъ аула повторилась старая исторія. Но куринцы знали свое дѣло и хотя потеряли въ этотъ день одного убитаго нижняго чина и ранеными—прикомандированнаго поручика фонъ-Фригта и 15-ть нижнихъ чиновъ, но дѣло сдѣлали на славу. 18-го числа движеніе продолжалось къ Урусъ-Мартану, но непріятель не рѣшился безпокоить насъ.

18-го октября, колонна Фрейтага соединилась съ колонной генерала Граббе. Здѣсь начинается цѣлый рядъ набѣговъ, стычекъ, раззореній и прочихъ бѣдствій войны. Прослѣдить все это настолько же трудно, насколько безполезно. Замѣтимъ только, что кровь лилась ручьями. Чеченцы ожесточенно дрались въ густой чащѣ лѣсовъ, и эта бойня, продолжавшаяся до 26-го октября въ малой Чечнѣ, въ окрестностяхъ Урусъ-Мартана и Гойты, была перенесена на Аргунъ (у Белгатоя). Затѣмъ Граббе двинулся на Мичикъ, черезъ Шали, Гельдыгенъ, Автуры и Маюртупъ. Словомъ, онъ взялъ тотъ же маршрутъ, котораго держался въ 1840-мъ году. 30-го октября, Фрейтагъ выдержалъ упорный бой у Бата-Юрта и, наконецъ, весь отрядъ дошелъ до Ойсунгура, откуда и былъ распущенъ на зимнія квартиры *).

*) Въ зиму съ 1841-го на 1842-й г. куринцы размѣстились: 1-й баталіонъ—въ Казахъ-Кичу, 2-я карабинерная и 4-я егерская роты—въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, 5-я и 6-я егерскія—въ Заканъ-Юртѣ, 3-я карабинерная, 7-я и 13-я егерскія—въ Ташъ-Кичу, 8-я егерская—въ аулѣ Баташъ-Юртъ, 9-я—въ Хамаматѣ, 4-й баталіонъ, 5-я карабинерная и 14-я егерская—въ Грозной, 15-я егерская—въ Умаханъ-Юртѣ и Горячеводскѣ.

Во всѣхъ дѣлахъ, отъ 14-го октября до 13-го ноября, куринцы потеряли: офицеровъ—убитымъ 1 и ранеными 15-ть *); нижнихъ чиновъ—убитыми 9-ть и ранеными 202, а всего въ теченіе года полкъ потерялъ: офицеровъ—убитыми трехъ, ранеными и контуженными 22 и нижнихъ чиновъ—убитыми 53, ранеными и контуженными 323.

Теперь рождается вопросъ—чего мы достигли такой ужасной цѣной? Къ сожалѣнію, событія даютъ на это отвѣтъ не выгодный для нашего самолюбія; но, обходя вопросы внутренней политики, мы должны сказать, что 1841-й годъ внесъ въ исторію полка, во 1-хъ, особо рѣзкое проявленіе удали и отваги офицеровъ, которые не знаютъ другаго мѣста, какъ при наступленіи—впереди и при отступленіи—назади. Въ этомъ отношеніи фрейтаговскіе куринцы превзошли всѣхъ своихъ товарищей и совершенно нарушили пропорцію ученыхъ, считающихъ одного офицера на 50—75 солдатъ. Конечно не намъ претендовать на эту отсталость отъ науки! Во 2-хъ, 1841-й годъ ясно показалъ, что если въ полку сохраняется хорошій духъ, то сколько бы не поступило въ него новичковъ, они очень скоро становятся на уровнѣ своихъ товарищей; иначе, говоря словами извѣстнаго полководца, ,,если голова здорова, можно привязать къ ней сколько угодно хвостовъ‘‘; наконецъ, въ 3-хъ, надо замѣтить, что въ 1841-мъ году чеченцы проявили такую энергію и устойчивость, какую не проявляли до сихъ поръ никогда.

О дерзкой предпріимчивости наибовъ Ахверды-Магомы и Шуаибъ-Муллы мы уже говорили; теперь же, для лучшей характеристики нашихъ враговъ-чеченцевъ этого періода, приведемъ слѣдующій эпизодъ изъ похода Граббе въ Чечню въ 1841-мъ году. ,,23-го числа колонною начальствовалъ генералъ Галафѣевъ **), который проникъ въ самыя чащи гойтинскихъ лѣсовъ, гдѣ укрылись съ имуществомъ и всѣми запасами на зиму семейства бѣжавшихъ

---

*) Убитъ подпоручикъ Елагинъ, ранены—подпоручикъ фонъ-Фригтъ, прапорщикъ Гречановскій, штабсъ-капитанъ Штофенцъ, поручикъ Анастасіенко, прапорщикъ кн. Аргутинскій и прикомандированные—ротмистры Кованько и Шкура.

**) Начальникъ 20-й дивизіи.

надтеречныхъ и сунженскихъ ауловъ. Все было истреблено до тла, но, зато, сопротивленіе сопровождалось ожесточеннымъ до изступленія боемъ. Въ арріергардѣ были двѣ роты навагинскаго полка, съ однимъ орудіемъ. На нихъ насѣла огромная толпа чеченцевъ, бросавшаяся прямо къ орудію. Тотчасъ были посланы на выручку двѣ роты кабардинцевъ и двѣ роты куринцевъ. Мѣстность оказалась такою, что никакой возможности не было разсыпать цѣпи; чаща—непролазная, и только по узкой дорогѣ можно было двигаться. Поэтому пришлось идти безъ цѣпи, по обѣимъ сторонамъ орудія. Ожесточеніе чеченцевъ не знало предѣловъ; въ 30-ти шагахъ слѣдовали они за арріергардомъ, стрѣляя почти въ упоръ; какъ только раздавался выстрѣлъ изъ орудія и залпъ нашихъ крайнихъ рядовъ,—они, съ гикомъ, бросались въ шашки и ихъ встрѣчали штыками; а орудіе, везомое на отвозахъ, заряжалось на ходу; затѣмъ, останавливались на секунду, обдавали картечью дорогу и трогались дальше. Три версты, черезъ эту чащу, отступленіе продолжалось полтора часа, и одно орудіе выпустило 78-мь картечныхъ зарядовъ! Только при выходѣ на поляну неугомонный непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Русскіе потеряли здѣсь 15-ть человѣкъ убитыхъ, генерала Галафѣева, 5-ть офицеровъ и до 100 нижнихъ чиновъ ранеными" *).

Съ 1840-го года насталъ періодъ удачъ Шамиля; къ началу 1842-го года онъ сдѣлался, по выраженію Головина, „властителемъ горъ"; съ этихъ поръ, имамъ сталъ полновластенъ въ сѣверномъ Дагестанѣ. Русскимъ были отрѣзаны всѣ пути въ этотъ край; дагестанскія войска, по малочисленности, не могли выходить изъ укрѣпленій; генералъ Клугенау открыто доносилъ о бѣдственномъ положеніи; а успѣхи на плоскости, гдѣ Шамилю удалось безнаказанно совершить нѣсколько набѣговъ, дотого подняли духъ горцевъ, что одна партія сдѣлала поискъ даже къ низовьямъ Терека, разметала колонну донскихъ казаковъ и даже отняла у нихъ пушку.

Кавказское начальство засуетилось; потребовались резервы; тревога была всеобщая; особенная опасность грозила кумыкской

*) „Исторія кабардинскаго полка" ч. 2. стр. 197.

плоскости, этой единственной странѣ, съ нерусскимъ населеніемъ, гдѣ мы оставались попрежнему хозяевами. Пока происходили переговоры Тифлиса съ Петербургомъ, Шамиль началъ уже добираться до кумыкской плоскости.

Поэтому, для охраны страны былъ отправленъ командиръ Куринскаго полка полковникъ Фрейтагъ, въ то время исправлявшій должность начальника лѣваго фланга.

Фрейтагъ собралъ всѣ свободныя силы, занялъ центральную позицію у Ойсунгура, и отсюда производилъ рядъ поисковъ во всѣ стороны.

Изъ куринскихъ баталіоновъ въ отрядахъ были 1-й и 3-й; другіе оставались разсыпанными по сунженской линіи.

Мы не будемъ описывать безпрерывныхъ передвиженій и перестрѣлокъ куринцевъ на кумыкской плоскости и на Сунжѣ. Этотъ трудъ былъ бы столько же безполезенъ для нашей цѣли, сколько затемнилъ бы выясненіе той роли, которая выпала куринцамъ въ этотъ періодъ войны; достаточно сказать, что служба была среди всевозможныхъ лишеній, чрезвычайно утомительна, неблагодарна, а между тѣмъ стоила много крови. Отъ начала года и до начала знаменитаго ичкеринскаго похода, предпринятаго Граббе въ маѣ 1842-го года, полкъ потерялъ убитыми 10-ть и ранеными 66-ть нижнихъ чиновъ. Но цѣной этой крови сохранена цѣлость кумыкской плоскости и сунженской линіи, до сбора главнаго чеченскаго отряда.

Въ мартѣ 1842-го года, по примѣру Чечни, вдругъ возмутились противъ русскихъ ханства казикумухское и кюринское. Въ Казикумухѣ мюриды заарестовали окружнаго начальника подполковника Снаксарева и адъютанта генерала Фезе—князя Орбеліани. Вслѣдъ затѣмъ возстаніе охватило весь средній Дагестанъ; Шамиль разбилъ близь Хунзаха подвижной резервъ, бывшій подъ начальствомъ маіора Познанскаго, и тѣмъ самымъ еще болѣе увеличилъ свое вліяніе.

Все это заставило начальника войскъ на кавказской линіи генералъ-адъютанта Граббе приказать остановить работы на линіи и собрать всѣ свободныя силы, чтобы усмирить Дагестанъ. Это и

было началомъ памятной ичкеринской экспедиціи 1842-го года.

Чеченскій отрядъ собрался 23-го мая у раззореннаго аула Хасавъ-Юртъ и 29-го числа, въ составѣ 12-ти баталіоновъ, роты саперъ, 350-ти казаковъ и 24-хъ орудій, при транспортѣ въ 3000 лошадей, перешелъ въ Герзель-Аулъ, куда стянулись и части ойсунгурскаго отряда полковника Фрейтага. Въ составъ отряда генерала Граббе поступили 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, подъ общимъ начальствомъ подполковника Витторта*). Самъ полковникъ Фрейтагъ, какъ начальникъ лѣваго фланга, былъ необходимъ для охраны плоскости.

Генералъ Граббе рѣшилъ направить ударъ на резиденцію Шамиля—Дарго. 30-го мая, отрядъ двинулся вверхъ по Аксаю и, пройдя 7-мь верстъ, остановился на ночлегъ. Дальнѣйшая дорога пролегала по узкому хребту, вдоль возвышеннаго лѣваго берега Аксая; впереди, на разстояніе 20-ти верстъ не было воды, ибо Аксай былъ недоступенъ; это пространство необходимо было пройти въ одинъ переходъ; между тѣмъ, съ каждымъ шагомъ, лѣсъ становился гуще, а дорога хуже. Балки, промоины и непроходимыя мѣста встрѣчались чаще и чаще; дождь пошелъ проливной, огромный транспортъ мѣшалъ быстрому движенію, а чеченцы уже собирались вокругъ отряда. При этой обстановкѣ, 31-го числа, пройдя всего 4-ре версты, Граббе долженъ былъ остановиться; вскорѣ, когда прошелъ дождь, отрядъ вновь двинулся впередъ. Куринцы занимали правую цѣпь и арріергардъ. Загремѣла перестрѣлка. Чеченцы налетѣли на отрядъ со всѣхъ сторонъ. Изъ-за каждаго куста, съ вершины каждаго дерева они осыпали насъ пулями. Но, несмотря на это, отрядъ безостановочно двигался и, подвергаясь безнаказанному разстрѣливанію, прошелъ еще 4-ре версты.

1-го іюня отрядъ продолжалъ движеніе; въ авангардѣ, какъ и накапунѣ, шли два баталіона кабардинцевъ, съ своимъ героемъ Лабынцевымъ.

Въ этотъ день кабардинцы дрались на славу: они все время

*) Витторть, оставаясь командиромъ 1-го баталіона, участвовалъ въ походѣ за командира полка.

пробивались на штыкахъ, взяли рядъ заваловъ и, съ большими жертвами, къ вечеру поднялись на вершину Кожалыка, защищаемую Шуаибъ-Муллой, и, буквально обливъ ее кровью, заняли главный завалъ. Этотъ успѣхъ далъ возможность отряду остановиться на ночлегъ. Весь отрядъ стоялъ на дорогѣ въ одну длинную линію, имѣя съ собой огромный обозъ и множество раненыхъ; ночлегъ въ такомъ порядкѣ, среди свиста пуль и стона раненыхъ, послѣ тяжелаго дня марша, во время котораго приходилось разрабатывать дорогу, вытаскивать орудія на рукахъ и очищать тропинки отъ безпрестанно падавшихъ вьючныхъ животныхъ,—былъ поистинѣ ужасенъ.

Въ отрядѣ было уже до 500-тъ убитыхъ и раненыхъ, а Дарго еще далеко! Рождался серьезный вопросъ, что дѣлать завтра? Благоразуміе взяло верхъ и Граббе рѣшился отступить.

2-го іюня отрядъ началъ обратное движеніе; къ вечеру кабардинцы были смѣнены въ арріергардѣ куринцами и, такимъ образомъ, насталъ ихъ чередъ.

Изъ всего предыдущаго мы уже знаемъ, что значитъ быть въ арріергардѣ, при отступленіи. Вся тяжесть боя 2-го и 3-го іюня легла на могучія плечи куринцевъ и они съ честью вышли изъ дѣла; останавливаясь для удержанія противника, они выносили яростныя атаки чеченцевъ и, давъ время отряду нѣсколько отойти, вновь начинали медленное отступленіе. При этомъ особенную похвалу заслужили офицеры и подполковникъ Виттортъ, о подвигахъ котораго долго ходили разсказы въ цѣломъ отрядѣ. Куринцы не дали противнику ни одного отсталаго, ни одного раненаго.

Большей похвалы трудно сказать арріергарду.

4-го іюня чеченскій отрядъ, изнуренный и окровавленный, спустился на плоскость, недосчитавшись въ своихъ рядахъ убитыми двухъ штабъ-офицеровъ (оба кабардинскаго полка), 7-ми оберъ-офицеровъ и до 500-тъ нижнихъ чиновъ; ранены были—штабъ и оберъ-офицеровъ 57-мь и нижнихъ чиновъ 1300. При этомъ, мы потеряли одно орудіе, свалившееся въ кручу при наступленіи. Потеря 3-го и 4-го баталіоновъ Куринскаго полка заключалась въ 11-ти

раненыхъ офицерахъ *), въ 38-ми убитыхъ и 213-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ.

По прибытіи въ Герзель-Аулъ, генералъ Граббе, со слезами на глазахъ, написалъ слѣдующее собственноручное письмо къ Государю: „Всемилостивѣйшій Государь! Отрядъ Вашего Императорскаго Величества, подъ начальствомъ моимъ, претерпѣлъ неудачу и понесъ важный уронъ. Всѣ, отъ генераловъ до нижнихъ чиновъ, вели себя съ самоотверженіемъ и готовы каждый на новые труды; но приведеніе войскъ, особливо артиллеріи, въ порядокъ, потребуетъ много времени. Я же, Великій Государь, слагаю голову свою къ стопамъ Вашего Величества. Свѣдѣнія о дѣйствительной потерѣ нашей еще не могли быть собраны и вслѣдъ за симъ будутъ представлены“.

Событіе было въ дѣйствительности настолько многозначительно, что кромѣ слезъ, проливаемыхъ по погибшимъ безцѣльно храбрымъ товарищамъ, приходилось надолго схоронить и послѣднее обаяніе русской силы въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Шамиль дважды выросъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ. Онъ быстро двинулъ свою административную систему: наградилъ, кого слѣдуетъ, знаками отличія, жестоко наказалъ провинившихся и, что его утѣшало болѣе всего,—это то, что его распоряженія, награды и наказанія, принимались свободными горцами съ благоговѣніемъ, страхомъ и покорностью. Словомъ, Шамиль сталъ настоящимъ „властителемъ горъ“.

Государь Императоръ не могъ остаться доволенъ исходомъ ичкеринскаго похода; Его Величество особенно огорчила напрасная погибель столькихъ храбрыхъ и неминуемый упадокъ духа, долженствовавшій развиться въ рядахъ кавказскихъ войскъ. Но одного Царскаго „спасибо“, объявленнаго въ приказѣ, было довольно, чтобы забыть старое горе, и куринцы, записавъ въ страницы своей исторіи имена выбывшихъ изъ строя товарищей и успокоивъ страданія раненыхъ **), вновь, съ пѣснями, пошли безропотно служить

*) Списокъ раненымъ. Приказъ по полку 1842-го года № 113.

**) Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ здѣсь, что медики Куринска-

новую службу своему Государю, при гордомъ сознаніи, что они молодецки исполнили свою кровавую задачу. Но Царскихъ милостей удостоились только войска; главное же начальство Кавказа и носимая ими старая система заслужили порицаніе. Государь прислалъ на Кавказъ военнаго министра, всемогущаго въ то время князя Чернышева, для разслѣдованія причинъ нашихъ неудачъ въ послѣднее время,—и результатомъ всего было назначеніе новаго корпуснаго командира, генерала Нейдгардта и новаго начальника войскъ на кавказской линіи—генерала Гурко.

Съ перемѣной начальствующихъ лицъ, Государь указалъ и новую систему дѣйствій. 20-го августа 1842-го года, было послано въ Тифлисъ предписаніе военнаго министра, въ коемъ былъ изображенъ характеръ будущихъ дѣйствій. Объ этомъ предписаніи будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Кровавымъ ичкеринскимъ походомъ не ограничивается дѣятельность куринцевъ въ 1842-мъ году. Какъ уже замѣчено выше, они составляли охрану сунженской линіи и кумыкской плоскости въ теченіе всего года. Командиръ полка, Фрейтагъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ исполнялъ трудную роль, выпавшую на его долю: въ январѣ, онъ, собравъ ойсунгурскій отрядъ, охранялъ съ нимъ весь лѣвый флангъ до сбора главнаго чеченскаго отряда; затѣмъ, выдѣливъ часть своихъ баталіоновъ въ составъ отряда, самъ остался продолжать свою неблагодарную, но весьма важную задачу. Потомъ, по окончаніи ичкеринскаго похода, вновь собралъ ойсунгурскій отрядъ, но, на этотъ разъ, для прочнаго утвержденія на качкалыковскомъ хребтѣ, гдѣ рѣшено было заложить сильное укрѣпленіе.

го полка заслужили особенное вниманіе начальства, а младшій врачъ, Александровичъ, получилъ слѣдующее предписаніе отъ генералъ-адъютанта Граббе. „Раненые господа офицеры, находившіеся въ Герзель-Аулѣ, объявили мнѣ, что вы, кромѣ доказаннаго искусства въ знаніи медицинской части, при пользованіи ихъ ранъ, постоянно оказывали ваше усердіе, вниманіе, и съ полнымъ участіемъ заботились о скорѣйшемъ возстановленіи ихъ здоровья. Столь отличное исполненіе вами обязанности медика, поставляетъ меня въ пріятную обязанность объявить вамъ, милостивый государь, справедливую мою благодарность". За отличіе же въ дѣлахъ, Александровичъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Это укрѣпленіе, въ честь полка названное Куринскимъ, должно было связать Грозную съ Внезапной и, такимъ образомъ, составить часть передовой чеченской линіи. Кромѣ того, Куринское укрѣпленіе, расположенное на качкалыковскомъ хребтѣ, должно было охранять кумыкскую плоскость отъ большой Чечни.

Въ исходѣ іюля 1842-го года, части ойсунгурскаго отряда собрались въ Амиръ-Аджи-Юртѣ. Въ составъ отряда сначала вошли 1-й, 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго, 2-й и 3-й баталіоны навагинскаго полковъ, 10-ть орудій и одинъ казачій полкъ, а въ сентябрѣ—къ этимъ войскамъ присоединились по одному баталіону апшеронскаго и кабардинскаго полковъ.

Такой сильный составъ отряда показываетъ, какія трудности мы расчитывали встрѣтить при закладкѣ и возведеніи Куринскаго укрѣпленія. Дѣйствительно, Шамиль рѣшился во что бы то ни стало воспрепятствовать намъ запереть ему путь къ кумыкской плоскости и Тереку; онъ собралъ значительную партію въ окрестностяхъ Маюртупа и стянулъ свою новорожденную артилерію, сформированную изъ отнятыхъ у насъ пушекъ.

5-го августа, отрядъ выступилъ изъ Ташъ-Кичу и 6-го числа было занято мѣсто, избранное для укрѣпленія и тотчасъ же начаты работы. Производителемъ работъ былъ назначенъ причисленный къ генеральному штабу, инженеръ путей сообщенія поручикъ Веревкинъ, который уже цѣлый годъ состоялъ въ Куринскомъ полку, для узнанія строевой службы.

Здѣсь мы не будемъ вдаваться въ подробное описаніе трудной и скучной обязанности отряда Фрейтага. Ко всѣмъ трудностямъ земляныхъ работъ здѣсь присоединились безпрестанныя тревоги; рабочіе выходили на работу подъ прикрытіемъ, да и вся жизнь отряда проходила безъ всякихъ удобствъ, однообразно-скучно, въ палаткахъ и, въ довершеніе всего, цѣлые полгода. Въ этой обстановкѣ перестрѣлки съ непріятелемъ были развлеченіемъ.

Дѣла конца 1842-го года были послѣдними въ командованіе Куринскимъ полкомъ полковника Фрейтага. Этотъ достойный командиръ, которымъ одинаково гордились вмѣстѣ съ куринцами всѣ войска кавказскаго корпуса, произведенный за военное отличіе въ

генералъ-маіоры, сдалъ полкъ старому и храброму куринцу, полковнику Витторту *).

IX.

События на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи въ 1843-мъ году. Работы по возведенію Куринскаго укрѣпленія. Движеніе Фрейтага на помощь дагестанскому отряду. Освобожденіе Шуры, Низоваго и Зырянъ войсками Фрейтага. Отступленіе Пассека и зырянское „сидѣніе“. Предположенія на 1844-й годъ. Сборъ главныхъ силъ къ Внезапной. Движеніе Фрейтага къ Гехи. Походъ въ Салатавію и Аварію въ 1844-мъ году. Возвращеніе отряда. Закладка и постройка укрѣпленія Воздвиженскаго.

Неудачи 1842-го года конечно должны были возродить вопросъ: хороша ли принятая система войны на Кавказѣ? Поневолѣ пришлось вспомнить, что въ полѣ мы не такъ дѣйствовали, какъ предполагали въ кабинетѣ. Были забыты и слова указа Императора Александра I Ермолову (1818-го года), гдѣ говорилось: „*не распространяться иначе, какъ ставъ твердой ногой и обезпечивъ занятое*“, и повелѣніе Императора Николая I, гдѣ подтверждалось почти тоже. Не малая доля ошибокъ объясняется и пренебреженіемъ къ силамъ противника, который, однако, сталъ доказывать на дѣлѣ, что съ нимъ шутить опасно. Вмѣстѣ съ урокомъ, даннымъ Шамилемъ въ 1842-мъ году, генералъ Головинъ получилъ формальное приказаніе Государя въ письмѣ военнаго министра, который писалъ: „Его Величество, имѣя въ виду, съ одной стороны соединеніе чеченскихъ и лезгинскихъ племенъ подъ властью Шамиля и

---

*) Въ теченіе военныхъ дѣйствій, описанныхъ въ этой главѣ, куринцы имѣли: убитыми—офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 59-ть, ранеными—офицеровъ 32 и нижнихъ чиновъ 574.

возникшія по его же внушенію общія волненія между закубанцами, а съ другой—изнуреніе и разстройство войскъ нашихъ, послѣ ежегодныхъ утомительныхъ походовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ принять для утвержденія владычества нашего въ этомъ краѣ систему прочную, гибельнымъ случайностямъ не подверженную и основанную не на одной силѣ оружія, но также на употребленіи политическихъ средствъ къ разъединенію возставшихъ племенъ.

Непремѣнными условіями выполненія этой системы должны быть, согласно прежнимъ, неоднократнымъ указаніямъ Его Величества, постепенное овладѣніе плоскостями, посредствомъ возведенія укрѣпленій у главныхъ выходовъ изъ горъ, отнюдь не вдаваясь въ нѣдра ихъ, проложеніе удобныхъ дорогъ на вновь занимаемыхъ нами пространствахъ и сосредоточеніе всѣхъ свободныхъ войскъ для наступательныхъ дѣйствій на важнѣйшемъ, по обстоятельствамъ, пунктѣ, оставаясь на прочихъ—въ сильномъ наблюдательномъ положеніи.

,,Для обезпеченія успѣха предлежащихъ намъ предпріятій, Его Величеству благоугодно было разрѣшить не возвращать 14-й пѣхотной дивизіи въ Россію и не уменьшать настоящаго состава полевыхъ войскъ кавказскаго корпуса, впредь до рѣшительнаго оборота дѣлъ въ пользу нашу.

,,Обращаясь, затѣмъ, къ порядку будущихъ дѣйствій, Государь Императоръ изволилъ найти, что первыя усилія должны быть направлены къ усмиренію лѣваго фланга кавказской линіи, какъ гнѣздилища возмущенія, и что къ достиженію этой цѣли всего неотложнѣе представляется учрежденіе передовой чеченской линіи.

,,Но прежде сего, Его Величество признать изволилъ необходимымъ, отказавшись навремя отъ большихъ экспедицій, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ дислокаціи войскъ, сообразно съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, и устремить всю дѣятельность на внутреннее устройство войскъ и улучшеніе обороны существующихъ линій.

,,Въ заключеніе, Его Величество, рѣшительно ограничивая предлежащія въ будущемъ году дѣйствія исполненіемъ означенныхъ предначертаній, Высочайше поручить соизволилъ вашему высоко-

превосходительству наистрожайше предписать всѣмъ частнымъ начальникамъ на Кавказѣ, дабы они отнюдь не предпринимали никакихъ экспедицій, или поисковъ для наказанія горцевъ, но, оставаясь въ полной готовности отразить всякія ихъ противъ насъ враждебныя покушенія, усугубили свои старанія къ внутреннему устройству покорившихся племенъ и къ склоненію прочихъ послѣдовать ихъ примѣру. Система нравственнаго вліянія доставила уже положительныя выгоды на восточномъ берегу, и потому благоразумное и добросовѣстное примѣненіе оной въ другихъ частяхъ Кавказа обѣщаетъ такіе же успѣхи, особенно на правомъ флангѣ, по близкимъ соотношеніямъ этого края съ восточнымъ берегомъ".

Въ силу воли Государя, выраженной въ этой бумагѣ, предполагалось въ теченіе 1843-го года войскамъ устраиваться и направить всѣ силы исключительно на оборону и домашнія работы. Согласно съ этимъ предположеніемъ, Куринскій полкъ занялъ на зиму знакомыя мѣста на линіи, отъ Кизляра до Наура и крѣпость Грозную. Весной предполагалось собрать войска для работъ въ укрѣпленіи Куринскомъ, и сюда были назначены 2-й и 3-й баталіоны, а 1-й баталіонъ долженъ былъ работать на укрѣпленіяхъ Горячеводска.

Воля Государя и перемѣна нашего общаго плана послѣ неудачъ 1842-го года были на руку Шамилю: въ нашей оборонѣ онъ усмотрѣлъ нашу слабость, громко объявилъ объ этомъ своимъ сторонникамъ и самъ перешелъ изъ обороны въ наступленіе. Приказавъ своимъ наибамъ дѣятельнѣе прежняго нападать на плоскость, Шамиль затѣялъ, прежде всего, окончательно выжить насъ изъ сѣвернаго Дагестана. Какъ увидимъ, все благопріятствовало имаму, и онъ повелъ свои дѣла такъ искусно, что навсегда оставилъ намъ памятнымъ конецъ 1843-го года.

Но и до этого времени Куринскій полкъ не имѣлъ отдыха; набѣги усилились до небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣровъ; тревоги, погони и приключенія съ фуражирами и оказіями повторялись безпрерывно. Наши роты бѣгали взадъ и впередъ, преслѣдуя непріятеля; оказіи ходили съ большими предосторожностями; проис-

ходили безпрерывныя перестрѣлки, въ которыхъ не обходилось безъ потерь: напримѣръ, 30-го марта хищники ранили близъ Закань-Юрта 3-хъ нижнихъ чиновъ, а 12-го іюня большая партія атаковала въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ этого же укрѣпленія, нашихъ фуражировъ, бывшихъ въ числѣ 30-ти человѣкъ, подъ начальствомъ прапорщика Шкура.

Бой былъ отчаянный и больше всего на штыкахъ и шашкахъ. Куринцы защищались до послѣдняго, и когда подоспѣла помощь, самъ Шкура и 19-ть солдатъ оказались убитыми, а 11-ть ранеными. Слѣдовательно невредимымъ не вышелъ никто. Всѣ егеря были ранены шашками. Интересно было бы счесть, сколько потеряли при этомъ чеченцы?

13-го іюня перестрѣлка была у самыхъ воротъ кр. Грозной, во время выступленія фуражировъ на покосъ. Такъ возрасла дерзость чеченцевъ! При этомъ случаѣ у насъ ранено 5-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Еще болѣе крупныя перестрѣлки происходили въ кумыкскомъ отрядѣ генерала Фрейтага. Отрядъ этотъ, въ составъ котораго вошли, между другими, 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка, съ апрѣля мѣсяца находился на работахъ укрѣпленія Куринскаго. Баталіонами командовалъ подполковникъ Мокринскій *). Въ теченіе 3½ мѣсяцевъ работъ, непріятель безпрестанно появлялся то для набѣговъ на плоскость, то для того, чтобы мѣшать работамъ. Изъ перестрѣлокъ особенное вниманіе заслуживаютъ бывшія 31-го мая, 3-го и 19-го іюня, а также 2-го и 3-го августа и 7-го ноября. Въ этихъ послѣднихъ числахъ, Шуаибъ-Мулла подвозилъ къ укрѣпленію орудія и стрѣлялъ по лагерю;—всего, въ теченіе работъ, куринцы потеряли 11-ть убитыхъ и 33-ри раненыхъ.

Въ началѣ сентября, Фрейтагъ получилъ приказаніе прекратить всѣ работы, выдѣлить изъ отряда все, что можно, и спѣшно, безъ отдыха, двигаться къ Шурѣ, которой грозила страшная опас-

*) Мокринскій былъ переведенъ въ Куринскій полкъ изъ гвардіи и умеръ отъ болѣзни въ укрѣпленіи Куринскомъ, въ 1843-мъ году.

ность. Получивъ это приказанiе, Фрейтагъ отправилъ въ Шуру 2-й баталiонъ Куринскаго и 3-й баталiонъ кабардинскаго полковъ а въ Ойсунгуръ вытребовалъ 1-й баталiонъ Куринскаго полка работавшiй на укрѣпленiяхъ Горячеводска. Съ этихъ поръ куринцы приняли участiе въ дѣйствiяхъ противъ Дагестана, гдѣ Шамиль съ большимъ успѣхомъ приводилъ въ исполненiе планъ истребленiя русскихъ въ Аварiи.

1843-й годъ былъ самымъ ужаснымъ годомъ въ исторiи русскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ; начиная съ 1840-го года злой рокъ преслѣдовалъ здѣсь всѣ распоряженiя высшихъ нашихъ властей и съ особой силой обратился на сѣверный Дагестанъ.

Здѣсь, съ 1837-го года, мы заняли Хунзахъ, устроили укрѣпленiе и справедливо считали Аварiю такимъ стратегическимъ раiономъ, откуда мы могли господствовать надъ всѣмъ Дагестаномъ. Такого взгляда держались, между прочимъ, и въ 1842-мъ году, когда, послѣ неудачной ичкеринской экспедицiи, мы обратились въ Аварiю, для усиленiя нашей тамъ обороны. Въ началѣ 1843-го года мы имѣли въ сѣверномъ Дагестанѣ до 12-ти опорныхъ пунктовъ, изъ коихъ въ Аварiи 7-мь (Хунзахъ, Моксохъ, Балаханы, Зыряны, Ахальчи, Цатаныхъ, Харачи) и на плоскости два (Шура и во владѣнiи шамхала тарковскаго укр. Низовое). Для обороны всего пространства между Самуромъ, Сулакомъ и западной границей Аварiи было 15-ть баталiоновъ; изъ нихъ пять подвижнаго резерва, а остальные, согласно инструкцiи, были разбросаны мелкими частями въ гарнизонахъ укрѣпленiй и для работъ въ нихъ, причемъ, каждый частный начальникъ долженъ былъ еженедѣльно доносить о ходѣ происходившихъ въ его раiонѣ работъ. Словомъ, все было расчитано на полную пассивную оборону.

Пользуясь этимъ, по окончанiи полевыхъ работъ 1843-го года, Шамиль собралъ огромныя силы въ Чиркатѣ, Каратѣ, Тилитлѣ и Дылымѣ и держалъ въ величайшемъ секретѣ свой планъ; затѣмъ, вдругъ, 27-го августа объявилъ свою мысль и всѣ силы сосредоточилъ къ Унцукулю. Начиная отсюда, Шамиль атаковалъ, а затѣмъ и бралъ одинъ за другимъ, всѣ наши укрѣпленiя, со всѣми орудiями; уцѣлѣлъ только одинъ Хунзахъ,

куда 2-го сентября собрались остатки разбитыхъ гарнизоновъ всѣхъ потерянныхъ нами укрѣпленій; вскорѣ Шамиль окружилъ и Хунзахъ.

Въ то время, когда происходили описанныя событія въ Дагестанѣ, нападенія горцевъ не прекращались и на плоскости: 9-го сентября они атаковали транспортъ изъ 200-тъ арбъ, шедшій въ Внезапную, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ кабардинскаго полка, съ 2-мя орудіями. Здѣсь мы потеряли одно орудіе, стащенное горцами въ лѣсъ.

При такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, для спасенія Хунзаха, а съ нимъ вмѣстѣ и чести русскаго имени въ Дагестанѣ, пришлось двинуть войска со всѣхъ концовъ сѣвернаго Кавказа; на театръ войны прибылъ самъ начальникъ кавказской линіи генералъ Гурко, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ Фрейтагу двинуть въ Шуру 2-й и 5-й куринскіе и 3-й кабардинскій баталіоны, съ 4-мя орудіями. Колонна эта прибыла на мѣсто 19-го сентября. О положеніи Шамиля и русскихъ войскъ въ Дагестанѣ не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Вдругъ, 30-го сентября, въ Шурѣ было получено извѣстіе, что Шамиль атаковалъ Андрееву деревню.

Оказалось, что Хунзахъ и окруженный въ немъ генералъ Клугенау были спасены отрядомъ, пришедшимъ изъ южнаго Дагестана, подъ начальствомъ генерала князя Аргутинскаго, и Шамиль, видя неудачу, кинулся въ Андрееву; однако, здѣсь онъ не имѣлъ успѣха: непріятель былъ отраженъ жителями, поддержанными нѣсколькими ротами кабардинскаго полка. Послѣ этой неудачной атаки Шамиль распустилъ на короткое время свое утомленное войско, подъ предлогомъ поста и праздниковъ ураза.

Когда, въ началѣ октября, туманъ, нагнанный на всѣхъ успѣхами Шамиля, прошелъ, оказалось, что мы потеряли всѣ укрѣпленія въ Аваріи и Гумбетѣ, кромѣ Хунзаха, и убитыми—32 штабъ и оберъ офицера и 776-ть нижнихъ чиновъ, ранеными—1 генерала, 16-ть офицеровъ и 548-мь нижнихъ чиновъ, плѣнными—6-ть оберъ-офицеровъ и 238-мь нижнихъ чиновъ. Кромѣ того—12-ть пушекъ, 4035 зарядовъ, 250,000 патроновъ и болѣе 2,000 четвертей муки.

Потеря ужасная! но цѣной ея мы еще не выбрались изъ опасности. Шамиль намъ далъ временный отдыхъ; благоразуміе

требовало воспользоваться имъ и прежде всего разрѣшить вопросъ— оставить ли Хунзахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ всю Аварію,—или держаться въ немъ во что бы ни стало, до прибытія свѣжихъ силъ, ожидаемыхъ не ранѣе весны 1844-го года.

Послѣднее мнѣніе восторжествовало и генералъ Гурко рѣшилъ—оставивъ въ Хунзахѣ, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Пассека, кромѣ постояннаго гарнизона изъ двухъ ротъ линейнаго баталіона, еще четыре баталіона (2-й куринскій, ширванскій, навагинскій и кабардинскій) *),—съ остальными идти въ Шуру и удерживать за собой сообщеніе, идущее через балаханское ущелье на Зыряны.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, когда отрядъ Пассека собрался въ Хунзахъ, Гурко двинулся въ Шуру и занялъ по пути только переправу черезъ Койсу у Балаханы, гдѣ былъ оставленъ одинъ баталіонъ ширванцевъ; Зыряны, гдѣ стояла одна рота навагинцевъ и одна рота линейнаго баталіона; и Бурундукъ-Кале, гдѣ были оставлены 25-ть человѣкъ апшеронцевъ, для обороны здѣшняго блокгауза.

Между тѣмъ, Шамиль, пользуясь отдыхомъ своихъ воиновъ, окончилъ начатую организацію своихъ войскъ **) и затѣмъ собралъ ихъ и принялъ мѣры къ окончанію съ успѣхомъ начатаго истребленія русскихъ въ Дагестанѣ.

Въ октябрѣ движеніе стало всеобщимъ. Непріятель одновременно окружилъ почти всѣ пункты, занятые русскими войсками; послѣ продолжительной блокады, онъ занялъ Гергебиль и со всѣми силами спустился въ мехтулинскія владѣнія, угрожая Шурѣ; независимо этого, огромныя партіи горцевъ двинулись въ Низовое, чтобы уничтожить склады и отнять у Шуры всякіе подвозы, а Шуаибъ-Муллѣ, дѣйствовавшему противъ Фрейтага, Шамиль приказалъ продвинуться къ Казаницу; словомъ, весь Дагестанъ и весь лѣвый флангъ были въ опасности.

Въ этомъ крайнемъ положеніи спасителемъ страждущихъ

---

*) Эти баталіоны пришли изъ Шуры вмѣстѣ съ Гурко.

**) Въ Дарго, съ помощью пришлыхъ изъ Турціи мастеровъ, отливались пушки.

явился Фрейтагъ, съ своими старыми куринцами. Пользуясь удаленіемъ Шуаибъ-Муллы, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 1-го и 3-го баталіоновъ Куринскаго и одного своднаго баталіона, изъ ротъ навагинскаго и кабардинскаго полковъ, 8-ми сотенъ казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, генералъ Фрейтагъ выступилъ 15-го ноября изъ Куринскаго укрѣпленія въ Султанъ-Янги-Юртѣ, (на Сулакѣ), присоединилъ здѣсь къ себѣ 1-й баталіонъ кабардинскаго полка и 18-го числа, узнавъ о томъ, что Низовое укрѣпленіе находится на краю гибели, оставилъ часть отряда въ Султанъ-Янги-Юртѣ и самъ, съ 3-мъ баталіономъ Куринскаго, 1-мъ—кабардинскаго полковъ и съ казаками, поспѣшилъ черезъ постъ Озень къ Низовому, откуда все время слышалась неумолкаемая канонада. Захвативъ, мимоходомъ, у непріятеля 1500 головъ скота, исполнивъ отчаянную перебѣжку пѣхоты, шедшей слѣдомъ за казаками, отрядъ Фрейтага подошелъ 19-го числа къ возвышеніямъ, бывшимъ въ 5-ти верстахъ отъ укрѣпленія Низоваго. Времени терять было нельзя; казаки двинулись на рысяхъ и, къ счастью, поспѣли къ Низовому въ такое время, когда судьба геройскаго гарнизона должна была рѣшиться: горцы принуждены были отступить съ валовъ укрѣпленія почти въ тотъ моментъ, когда былъ занесенъ ударъ надъ головой жалкихъ остатковъ гарнизона. Фрейтагъ спасъ Низовое!

Собственно въ бою пѣхота не участвовала, непріятель отступилъ, выдержавъ только атаку кавалеріи и лишь одинъ куринскій солдатъ успѣлъ, слѣдомъ за кавалеріею, добѣжать до Низоваго и, по словамъ донесенія Фрейтага, ,,имѣлъ удовольствіе заколоть въ грядахъ марены тавлинца‘‘. Тайна побѣды этого дня заключалась въ ,,ногахъ куринцевъ‘‘, которымъ въ теченіе 30-ти часовъ пришлось пройти болѣе 60-ти верстъ, имѣя по пути переправу черезъ Сулакъ и нѣсколько мелкихъ рѣчекъ.

Фрейтагъ нашелъ Низовое въ ужасномъ видѣ: всѣ постройки и склады на рейдѣ были сожжены или уничтожены (на болѣе милліона рублей); все населеніе вышло изъ выжженнаго форштата и сосредоточилось въ такъ называемой цитадели, которая была ничто иное, какъ открытое пространство, съ землянымъ валомъ вокругъ; построекъ въ цитадели не было, кромѣ пороховаго погреба, а въ разсто-

янiи ружейнаго выстрѣла были господствующiя высоты. Внутри цитадели былъ сложенъ провiантъ въ мѣшкахъ и все это, въ моментъ появленiя горцевъ, охранялось сборной командой апшеронскаго полка и подвижнаго транспорта, въ составѣ котораго было нѣсколько рядовыхъ Куринскаго полка. Вмѣстѣ съ осажденными было и нѣсколько семействъ молоканъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшихъ изъ Астрахани и слѣдовавшихъ на поселенiе въ Закавказье; въ числѣ случайныхъ гостей былъ также и штабсъ-капитанъ Куринскаго полка Болотниковъ.

Горцы окружили Низовое 10-го ноября; гарнизонъ, состоявшiй изъ 340 человѣкъ, покинулъ рейдъ и форштатъ и вошелъ въ цитадель. Совѣтъ офицеровъ поручилъ оборону штабсъ-капитанамъ ширванскаго полка Бибанову и Куринскаго полка Болотникову. Эти герои рѣшились защищаться до смерти. Прежде всего, они одѣли брустверъ колючкой и поставили на фасы пять чугунныхъ орудiй, изъ коихъ три не имѣли лафетовъ и были взгромождены на вбитые въ землю чурбаны.

Нужны были нечеловѣческiя усилiя, чтобы при этой обстановкѣ удержаться противъ неистовыхъ атакъ противника; въ оборонѣ приняло участiе все, что называлось русскимъ; 108-мь человѣкъ молоканъ стояли въ рядахъ 300-тъ солдатъ; дѣти дѣлали патроны, женщины ухаживали за ранеными. Истощивъ почти послѣднiя силы, рѣшено было взорвать пороховой погребъ. Все было приготовлено для этого роковаго момента, но Провидѣнiе, въ лицѣ Фрейтага, спасло остатки гарнизона *). Болотниковъ за это дѣло получилъ орденъ св. Георгiя 4-й степени и произведенъ въ маiоры (два чина). Кромѣ этого, Болотниковъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, для леченiя ранъ, получилъ денежное пособiе и уволенъ для поправленiя здоровья въ продолжительный отпускъ, съ сохраненiемъ содержанiя.

---

*) Въ Низовомъ, въ теченiе восьмидневной осады, убито—1 офицеръ и 33 рядовыхъ (въ числѣ ихъ 4 Куринскаго полка), ранено—4 офицера (въ томъ числѣ штабсъ-капитанъ Болотниковъ), 58-мь нижнихъ чиновъ (въ числѣ ихъ 6-ть Куринскаго полка) и 5-ть женщинъ.

Фрейтагъ, видя невозможность оставить гарнизонъ въ Низовомъ, сжегъ остальной провіантъ, заклепалъ орудія, сдалъ всѣхъ молоканъ и женщинъ на частное судно, для отвоза въ Баку и самъ 21-го ноября возвратился въ Кази-Юртъ. Здѣсь генералъ узналъ о бѣдственномъ положеніи нашего блокгауза въ Міатлахъ, куда направилъ командира кабардинскаго полка полковника Козловскаго, со всѣми силами, остававшимися въ Султанъ-Янги-Юртѣ; въ этой колоннѣ былъ 1-й баталіонъ Куринскаго полка. Отряду Фрейтага, а съ нимъ и 3-му баталіону Куринскаго полка, опять пришлось бѣжать на помощь, но ранѣе, чѣмъ Фрейтагъ прибылъ въ Султанъ-Янги-Юртъ, Козловскій успѣлъ освободить гарнизонъ Міатлы, сжегъ блокгаузъ, и 1-й куринскій баталіонъ 24-го ноября возвратился въ Султанъ-Янги-Юртъ, соединился здѣсь съ 3-мъ, и, подъ начальствомъ Фрейтага, 28-го числа прибылъ въ Амиръ-Аджи-Юртъ, чтобы принять укомплектованіе, пришедшее изъ маршеваго баталіона тарутинскаго полка. Слѣдовательно, въ этотъ періодъ, на плоскости во власти русскихъ осталась, несчитая отдаленнаго и ничтожнаго Кази-Юрта, только Темиръ-Ханъ-Шура; на очереди стояла судьба этой послѣдней.

Шамиль очень хорошо сознавалъ важность этого пункта, и всѣ его заботы съ октября клонились къ тому, чтобы занять его; но не рѣшаясь атаковать Шуру открытой силой, имамъ счелъ возможнымъ заставить ее сдаться блокадой. Съ этою цѣлью, Шамиль притянулъ къ себѣ Шуаибъ-Муллу, съ чеченцами, отрѣзалъ намъ всѣ сообщенія съ Аваріей и самъ, съ многочисленнымъ своимъ войскомъ, спустился къ Казанищу. Прежде чѣмъ тѣсно обложить Шуру, имамъ полагалъ, какъ уже сказано, уничтожить наши запасы въ Низовомъ и принять мѣры къ отторженію отъ насъ двухъ-трехъ ауловъ, оставшихся намъ покорными въ Дагестанѣ; съ успѣхомъ этихъ предпріятій, весь Дагестанъ и вся Чечня оказались бы въ его распоряженіи.

Всѣ эти планы Шамиля, въ общемъ, нельзя не признать вполнѣ основательными; съ точки зрѣнія военной критики можно только осудить передвиженіе Шуаибъ-Муллы, развязавшее руки отряду Фрейтага; еслибы этотъ наибъ угрожалъ Грозной, или, по

крайней мѣрѣ, оставилъ бы въ Чечнѣ сильную партію, чтобы угрожать линіи, онъ вѣроятно привязалъ бы Фрейтага, съ куринцами, къ раіону ихъ расположенія; тогда нельзя было бы сомнѣваться, что въ его рукахъ остались бы Низовое, Шура и Хунзахъ. Остальное сдѣлалось бы само собой, потому что, въ началѣ октября, мы уже не имѣли на нашей сторонѣ ни одного туземца въ сѣверномъ Дагестанѣ и во владѣніяхъ хана мехтулинскаго и шамхала тарковскаго.

Начальникъ кавказской линіи генералъ Гурко вполнѣ сознавалъ свое тяжелое положеніе; съ своими ничтожными силами, къ началу ноября, онъ оказался противъ врага, силы котораго доходили до 20 т. человѣкъ. Въ виду опасности, Гурко рѣшился даже бросить Аварію и 8-го ноября предписалъ подполковнику Пассеку отступить изъ Хунзаха; но и это печальное рѣшеніе было трудно исполнить, потому что аварскому отряду былъ отрѣзанъ путь отступленія. Надо было выручить Пассека, а для этого не было никакихъ войскъ. Пришлось обратиться опять къ незабвенному Роберту Карловичу, и остановить всю надежду на этомъ человѣкѣ, судьбой намѣченномъ стоять воглавѣ куринцевъ и вмѣстѣ съ ними поправлять промахи начальства въ этотъ тяжелый періодъ кавказской войны. Гурко донесъ о своей печальной обстановкѣ генералу Нейдгардту, черезъ лазутчика, на лоскуткѣ бумаги, по-нѣмецки, добавивъ, что если Фрейтагъ не поспѣетъ къ 10-му декабря,—положеніе его будетъ критическое.

Въ ожиданіи помощи, были усилены земляныя работы въ Шурѣ; вооружены даже деньщики и больные; но при всемъ томъ, по повѣркѣ оказалось всего 4000 штыковъ, изъ коихъ въ поле могли выйти не болѣе 2500. Между тѣмъ, Шамиль тѣснѣе обложилъ Шуру: онъ занялъ всѣ окрестные аулы и подвезъ 5-ть орудій; но атаковать русскихъ всетаки не рѣшился и тѣмъ самымъ давалъ намъ время принять какія либо новыя мѣры.

Но что же дѣлалъ въ это время Пассекъ, съ аварскимъ отрядомъ? Выше было сказано, что послѣ того, какъ Хунзахъ былъ вырванъ изъ рукъ Шамиля, благодаря содѣйствію самурскаго отряда князя Аргутинскаго, тамъ былъ собранъ особый отрядъ (аварскій), состоявшій изъ 4½ баталіоновъ, подъ начальствомъ подпол-

ковника Пассека; въ составѣ этого отряда былъ 2-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, подъ командой маіора Гюлинга. Баталіонъ этотъ прибылъ въ Хунзахъ въ концѣ сентября 1843-го года.

До 5-го ноября отрядъ Пассека занимался усиленіемъ обороны Хунзаха; затѣмъ, этого числа, часть отряда, и въ томъ числѣ 2-й куринскій баталіонъ, двинулась черезъ Гоцатль на соединеніе съ дагестанскимъ отрядомъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ освободить Гергебиль, осажденный Шамилемъ. Но узнавъ объ отступленіи Гурко въ Шуру и будучи угрожаемъ многочисленною партіею Хаджи-Мурата, баталіонъ возвратился въ Хунзахъ. Съ этихъ поръ, аварскій отрядъ былъ блокированъ Хаджи-Муратомъ. Не смотря на первое приказаніе Гурко (7-го и 8-го ноября) оставить Хунзахъ, Пассекъ нашелъ невозможнымъ трогаться съ мѣста; но когда Шамиль отозвалъ Хаджи-Мурата на плоскость и тѣмъ самымъ открылась возможность добраться по крайней мѣрѣ до Зырянъ, гдѣ стояли 1½ баталіона, Пассекъ немедленно двинулся изъ Хунзаха. 17-го ноября онъ достигъ до Зырянъ и здѣсь отряду пришлось просидѣть до 17-го декабря, пока прибыла изъ Шуры помощь, данная Фрейтагомъ. Этотъ періодъ аварскаго похода извѣстенъ между кавказцами подъ именемъ „сидѣнія въ Зырянахъ“. Подробное описаніе его достойно вниманія всякаго военнаго, а въ исторіи тѣхъ полковъ, части которыхъ имѣли случай тамъ быть, должно занять почетное мѣсто.

Лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ положеніемъ отряда Пассека служитъ рапортъ самого этого героя, помѣщенный въ 1-мъ томѣ „Кавказскаго Сборника“. Изъ него же приводимъ здѣсь небольшую выписку, рисующую время зырянскаго сидѣнія. Послѣ описанія множества атакъ, произведенныхъ горцами на Зыряны, и предложенія Хаджи-Мурата о сдачѣ, Пассекъ говоритъ:

„Двѣ недѣли прошло, какъ отрядъ занялъ Зыряны; 12-ть нарочныхъ были отправлены мною въ Темиръ-Ханъ-Шуру, съ донесеніями, и ни одинъ изъ нихъ не возвращался къ намъ, ни одинъ не принесъ намъ извѣстія, что существуетъ еще Шура; а много разъ слышали отъ мюридовъ, что Шура взята, и намъ

предстоитъ гибель. Хотя мы не давали этому извѣстію никакого вѣроятія, но нельзя было усумниться, что Шура находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. И мы, предоставленные тягостной неизвѣстности, съ малымъ запасомъ сухарей, несмотря на уменьшеніе дачи до 1-го фунта, безъ соли и мяса, окруженные со всѣхъ сторонъ въ горной котловинѣ, откуда сама природа тѣснинами и громадами скалъ заслоняла выходъ на плоскость,—готовы были къ смертной, но отчаянной борьбѣ.

,,Трудно или лучше невозможно выразить того мучительнаго, жгучаго чувства, которымъ наполнены были душа и сердце каждаго изъ насъ. Насъ уже не радовало уничтоженіе всѣхъ покушеній непріятеля и страхъ, какой мы внушили къ себѣ; но чѣмъ болѣе угасала надежда на спасеніе, тѣмъ рѣшительнѣе и предпріимчивѣе дѣлались войска. Зная нравственную силу ихъ, я рѣшился ждать извѣстія и вспомоществованія съ плоскости, пока не съѣдимъ послѣдняго сухаря—и тогда, призвавъ на помощь Господа-Побѣдодавца, штыками проложить себѣ дорогу.

,,Конечно, проходя непроходимые доступы безъ тропинокъ, подымаясь и спускаясь по крутизнамъ и скаламъ на заоблачные хребты, я ни въ какомъ бы случаѣ не спасъ ни артилеріи, ни больныхъ, ни раненыхъ, но можетъ быть спасъ остатки храбрыхъ! А если бы погибли и всѣ, то не лучше было погибнуть намъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели унизить себя постыдной сдачей!

,,Но вдругъ, въ 11-ть часовъ вечера, 1-го декабря, къ неописанной радости всего отряда, я получилъ письмо вашего превосходительства, отъ 25-го и 29-го чиселъ, въ которомъ вы извѣщаете, что мы можемъ быть выручены соединенными силами дагестанскаго отряда и отряда генерала Фрейтага, черезъ 30-ть дней. Извѣстіе это оживило, воскресило солдатъ и офицеровъ, какъ будто снова призвало къ жизни—и на утро во всѣхъ баталіонахъ служили благодарственный молебенъ.

,,Между тѣмъ, 7-го декабря, наступили сильные морозы, къ бѣдствіямъ присоединилось новое бѣдствіе; положеніе отряда было ужасное: большая часть солдатъ была безъ полушубковъ, а многіе не имѣли рубахъ и сапогъ; 10-ть дней уже солдаты питались од-

нимъ фунтомъ сухарей, безъ соли. На холодѣ, безъ пищи, я опасался, что откроется повальная болѣзнь, а у насъ уже не доставало помѣщенія для обыкновенныхъ больныхъ, хотя ихъ, съ ранеными, во все время не было больше 180-ти человѣкъ.

,,Положеніе отряда, точно было бѣдственное, но духъ въ войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ и онъ, кажется, поддерживалъ физическія силы солдатъ. Попрежнему, ночью, съ усердіемъ продолжали работу для усиленія окоповъ и самой крѣпости; днемъ два раза ходили за дровами, фуражемъ; на дрова ломали колючку по крутизнамъ горъ и рвали скудную траву, разгребая снѣгъ. Я давалъ общій роздыхъ войскамъ только отъ 11-ти часовъ утра до 1-го часа пополудни, когда солнце умѣряло холодъ, и сонъ не бывалъ такъ опасенъ; а чтобы имѣть менѣе больныхъ, я приказалъ всѣхъ слабыхъ помѣщать въ госпиталѣ, чтобы въ теплѣ, на свѣжемъ хлѣбѣ и на полу-фунтѣ мяса, они отдохнули и оправились; для этого я сберегъ какую нашелъ муку и заблаговременно отобралъ скотъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ и командъ. Для поддержанія силъ солдатъ, я разрѣшилъ и уговаривалъ ѣсть мясо лошадей; несмотря на отвращеніе, постепенно все большее число побѣждало предразсудокъ, и наконецъ, при содѣйствіи священника грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона, отца Даніила Попруженко, всѣ принялись за конину и послѣ дѣлили кости лошадей.

,,Воспоминанія 1812-го года превращались въ дѣйствительность, особенно, когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента или рогожи, вмѣсто плаща, и въ галошахъ изъ куска сырой кожи или войлока на ногахъ, вмѣсто сапогъ.

,,13-го декабря, вода въ Койсу значительно упала и пошелъ большой ледъ, такъ что паромная переправа прекратилась; я приказалъ сдѣлать мостъ на козлахъ. Къ 15-му числу онъ уже былъ готовъ и тѣмъ значительно облегчилось наше бѣдственное сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Койсу.

,,13-го же числа, огромныя массы горцевъ перешли изъ Араканъ въ Ирганай; между тѣмъ, всѣ окрестныя горы, со стороны Араканъ, заняты были большими толпами мюридовъ, а съ главнаго шпиля Хаджи-Муратъ и Магометъ-кадій акушинскій—обозрѣвали наши

укрѣпленія. Въ тоже время непріятель усилился и со стороны Балаханы и усилилъ дѣйствіе изъ орудія.

,,15-го вывезенъ былъ горный единорогъ изъ Араканъ и съ высоты открыто изъ него дѣйствіе по войскамъ при сел. Зыряны; главный шпиль былъ занятъ большой партіей и часть ея спустилась къ редуту.

,,Я вывелъ изъ лагеря 1-й баталіонъ его свѣтлости полка и двѣ роты куринцевъ, съ двумя единорогами, и двинулся на хребетъ, съ тѣмъ, чтобы занять главный шпиль и овладѣть горнымъ единорогомъ; при приближеніи нашемъ, горцы оставили хребетъ и заблаговременно увезли орудіе.

,,15-го числа, въ 10-ть часовъ утра, Хаджи-Муратъ прислалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ, отъ имени Шамиля, клянется пропустить насъ съ честью въ Шуру, только бы мы оставили Зыряны и просилъ, чтобы я выслалъ кого нибудь для переговоровъ.

,,Я отвѣчалъ Хаджи-Мурату, что не иначе выступлю изъ Зырянъ, какъ получивши на это предписаніе вашего превосходительства и когда мнѣ дадутъ въ аманаты Хаджи-Мурата или Кибитъ-Магому, а съ нашей стороны предлагалъ себя въ аманаты бывшій правитель Аваріи, князь Орбеліани. Съ отвѣтомъ къ Хаджи-Мурату и донесеніемъ къ вашему превосходительству вызвался ѣхать подпоручикъ Ананову, лично извѣстный Шамилю; я просилъ Хаджи-Мурата пропустить его съ моимъ донесеніемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

,,Онъ былъ встрѣченъ мюридами, въ виду нашемъ, весьма дружески и, по словамъ выходцевъ, принятъ Хаджи-Муратомъ и отправленъ въ Казанищи; но на дорогѣ получено было извѣстіе о разбитіи Шамиля подъ Казанищами, а потому Ананова отправили въ Тлохъ, гдѣ онъ находится и теперь.

,,16-го числа, весь день, огромныя скопища непріятеля проходили къ Араканамъ изъ Ирганая и отъ волчьихъ воротъ, числомъ не менѣе 6 т., а 17-го, на разсвѣтѣ, я получилъ извѣстіе отъ вашего превосходительства, что отрядъ командующаго войсками генералъ-лейтенанта Гурко прибылъ въ Бурундукъ-Кале.

,,Получивъ это извѣстіе, я немедленно поспѣшилъ съ 2-мя

баталіонами и 2-мя горными единорогами овладѣть Ирганаемъ, чтобы войти въ связь съ главнымъ дагестанскимъ отрядомъ. Приблизившись къ Ирганаю, я послалъ сказать жителямъ, чтобы покорились, но они не хотѣли слышать о покорности и обѣщали драться, если пойдемъ на селеніе,—но когда былъ открытъ огонь изъ орудій и 2-й баталіонъ Куринскаго полка обошелъ селеніе съ высотъ, тогда жители бѣжали. Занявъ селеніе куринскимъ баталіономъ и расположивъ двѣ роты 1-го баталіона его свѣтлости полка на высотахъ къ ирганайскому ущелью, я отправился съ 2-мя ротами 1-го баталіона его свѣтлости полка и конными аварцами въ Бурундукъ-Кале.

,,На полдорогѣ, я встрѣтилъ авангардъ главнаго отряда, а потомъ командующаго войсками и ваше превосходительство.

,,Общія привѣтствія, радость и слезы, начиная отъ простыхъ солдатъ до командующаго войсками, были такой торжественной, неоцѣненной наградой, что далеко искупили всѣ опасности, какія мы пережили, всѣ труды и нужды, какіе перенесли, и день и часъ этой встрѣчи никогда не изгладится изъ нашей памяти''.

Во все время нахожденія въ отрядѣ Пассека, 2-й баталіонъ потерялъ убитыми 5-ть и ранеными 17-ть.

Генерала Фрейтага, появленіе котораго спасло Шуру и аварскій отрядъ, мы оставили въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, куда онъ пришелъ изъ Низоваго, для принятія укомплектованія. Почти въ день прибытія на Терекъ, Фрейтагъ получилъ новое свѣдѣніе о печальномъ положеніи Шуры и приказаніе корпуснаго командира спѣшить навыручку. Вслѣдствіе этого, Фрейтагъ собралъ все что могъ и форсированно двинулся въ Шуру, не ожидая частей укомплектованія. Половину всего отряда составляли куринцы (1-й, 3-й и двѣ роты 4-го баталіона) *). Это было повтореніе похода въ Низовое. Отрядъ формировался на ходу, хватая все, что можно было взять для своего усиленія и снабженія. 9-го декабря Фрейтагъ выступилъ уже изъ Ташъ-Кичу, 11-го, при вьюгѣ и морозѣ въ 15°, онъ добрался до Кази-Юрта, а затѣмъ, безъ отдыха, пошелъ

*) Въ отрядѣ было 1350-тъ рекрутъ, предназначенныхъ для частей, расположенныхъ въ Дагестанѣ.

черезъ Чиръ-Юртъ. Шамиль не рѣшился помѣшать соединенію и отрядъ занялъ Шуру, въ ночь съ 14-го на 15-е декабря.

Утомленіе отряда Фрейтага и особенно рекрутъ, впервые бывшихъ въ военномъ походѣ, было очень сильно; надо было отдохнуть, кромѣ того, нужно было снабдиться и успокоить больныхъ; между тѣмъ, Шамиль не ждалъ; рѣшено было двинуть впередъ, 15-го же числа, кавалерію Фрейтага и три баталіона, бывшіе въ Шурѣ; остальные выступили 16-го декабря.

Прибытіе Фрейтага спасло Шуру. 15-го декабря кавалерія этого генерала разбила непріятеля при Мусселимъ-аулѣ, взяла у него два орудія и заставила отступить къ Казанищамъ. 16-го числа, по прибытіи пѣхоты, Фрейтагъ атаковалъ Казанище. Непріятель безъ большаго сопротивленія уступилъ позицію и открылъ намъ путь къ Зырянамъ, гдѣ, какъ мы видѣли, куринцы имѣли удовольствіе обняться съ товарищами, которые въ теченіе долгаго времени съ честью боролись за славу своихъ знаменъ.

Такъ окончился злополучный 1843-й годъ. Оставивъ въ Шурѣ 1-й баталіонъ, куринцы, къ началу 1844-го года, возвратились въ Грозную.

Итакъ, въ 1843-мъ году, куринцы, съ своимъ незабвеннымъ Фрейтагомъ, спасли отъ погибели Низовое, Шуру и Зыряны и, что всего важнѣе для духа полка, не потерпѣли въ эту злую годину ни неудачъ, ни одного пораженія. Изъ полковъ, бывшихъ въ этомъ году въ Дагестанѣ и на лѣвомъ флангѣ, тѣмъ же самымъ могутъ похвалиться только кабардинцы. А что 1843-й годъ можно назвать злымъ, доказывается нашими общими потерями въ Дагестанѣ, съ 27-го августа по 22-е декабря, а именно: убито и ранено штабъ и оберъ-офицеровъ 76-ть (въ томъ числѣ въ плѣнъ взято 10-ть), нижнихъ чиновъ 2308 (въ томъ числѣ взято въ плѣнъ 312). Кромѣ этого, мы потеряли: 27-мь орудій, 8-мь крѣпостныхъ и 2152 обыкновенныхъ ружей, 13,816 артилерійскихъ зарядовъ, 350,000 патроновъ, 50 пудовъ пороху, 180 палатокъ, 368 казенныхъ лошадей, кромѣ транспортныхъ. Шамиль разрушилъ 12-ть укрѣпленій, изъ коихъ взяты имъ съ боя 8-мь.

Къ 1-му января 1844-го года мы уже не владѣли въ Дагестанѣ ни однимъ укрѣпленіемъ и намъ не былъ преданъ ни одинъ

аулъ. Вотъ результаты 43-хъ-лѣтней войны въ горахъ, по системѣ набѣговъ! Очевидно, этотъ результатъ не соотвѣтствовалъ видамъ правительства и потому вновь былъ возбужденъ вопросъ о причинахъ нашихъ неудачъ. Представители Кавказа хотя не говорили объ этихъ причинахъ громко, но всетаки замѣтно было, что они видѣли началомъ зла запрещеніе набѣговъ, названныхъ ими „наступательными дѣйствіями"; не того мнѣнія былъ Петербургъ, усмотрѣвшій въ неудачахъ результатъ нашей старой системы. Послѣдствія доказали, что на этотъ разъ Петербургъ былъ правъ; но не измѣняя общаго взгляда на веденіе войны, Императоръ Николай какъ бы сдѣлалъ уступку представленіямъ генерала Нейдгардта. Онъ разрѣшилъ усилить временно кавказскій корпусъ присылкой всего 5-го корпуса генерала Лидерса, съ тѣмъ, чтобы, по выраженію рескрипта, *рѣшительнымъ ударомъ сокрушить власть Шамиля.* На основаніи этого повелѣнія, Нейдгардтъ предположилъ въ 1844-мъ году сформировать два сильныхъ отряда—чеченскій и дагестанскій; первый долженъ былъ собраться въ іюнѣ и сдѣлать рѣшительное наступленіе на Дарго—столицу Шамиля, а второй—подготовить успѣхъ чеченскаго отряда занятіемъ Акуши; затѣмъ, наши отряды должны были вновь овладѣть Аваріею и возобновить здѣсь наши старыя укрѣпленія.

Кромѣ этихъ отрядовъ, одновременно съ ними, должны были дѣйствовать самурскій, лезгинскій и назрановскій, которымъ назначено было съ разныхъ сторонъ отвлекать силы Шамиля.

Изъ собственноручнаго рескрипта Императора Николая къ генералу Нейдгардту видно, что подъ сокрушеніемъ власти Шамиля подразумѣвалось не только разбитіе его скопищъ на полѣ сраженія, но и парализованіе средствъ имама къ продолженію войны съ нами.

Для этого, Императоръ полагалъ необходимымъ навсегда утвердиться съ сильнымъ отрядомъ въ стратегическомъ центрѣ власти Шамиля, соединить этотъ центръ съ Шурою и, затѣмъ, изъ него (центра) распространяться въ стороны, быть можетъ, медленными, но, всетаки, прочными шагами. Еслибы всего этого нельзя было исполнить, то Государь требовалъ, по крайней мѣрѣ, устройства передовой чеченской линіи.

Сравнивая эти требованія покойнаго Императора съ приведеннымъ выше письмомъ военнаго министра, гдѣ князь Чернышевъ именемъ Государя запрещалъ Головину вдаваться въ нѣдра горъ, не утвердившись предварительно и прочно на плоскости,—многіе усматриваютъ противорѣчіе.

Но съ этимъ заключеніемъ едва ли можно согласиться: вѣдь основная мысль Императора заключалась въ отрицаніи набѣговъ, въ принятіи системы прочнаго утвержденія на занятыхъ мѣстахъ и движеніи впередъ лишь по окончательномъ закрѣпленіи за нами прежде занятой линіи; а вопросъ о томъ, лучше ли двигаться отъ центра къ окружности или на оборотъ, могъ бы сдѣлаться предметомъ обсужденія, если бы кто нибудь его затронулъ *).

Итакъ, въ 1844-мъ году рѣшено было большими силами двинуться внутрь горъ, укрѣпиться на андійскомъ Койсу, а затѣмъ завершить такъ называемую передовую чеченскую линію, возведеніемъ укрѣпленія на Аргунѣ.

Предметомъ наступательныхъ дѣйствій внутрь горъ былъ намѣченъ большой аулъ Анди, считавшійся центромъ промышленности и торговли. Для облегченія движенія внутрь горъ рѣшено было отвлечь оттуда часть силъ Шамиля движеніемъ въ Дагестанъ изъ Закаталъ, и въ Чечню съ двухъ сторонъ—изъ Грозной и Назрана.

3-го марта 1844-го года, частямъ Куринскаго полка было приказано приготовиться къ походу, съ артельнымъ обозомъ; ранцевъ велѣно было не брать. Въ то же время начали подходить къ Тереку части 5-го корпуса и вновь сформированный кавказскій стрѣлковый баталіонъ **), а на лѣвомъ флангѣ сформирована ко-

---

*) Незабвенный Пассекъ, въ своихъ запискахъ, высказывалъ мысль, что лучшее средство покорить Чечню и Дагестанъ—прочно утвердиться въ центрѣ и распространяться по окружности. Но это мнѣніе человѣка, непричастнаго къ составленію общихъ плановъ дѣйствій на Кавказѣ, осталось незамѣченнымъ.

**) Кадръ этого баталіона взятъ изъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, а укомплектованіе—изъ эриванскаго карабинернаго и егерскихъ полковъ 19-й и 20-й дивизій по 25-ти человѣкъ изъ полка. Изъ Куринскаго полка сначала былъ назначенъ, съ нижними чинами, прапорщикъ Казьеръ 2-й.

манда съ крѣпостными ружьями *). Штабъ корпуснаго командира поселился съ апрѣля въ Червленной и дѣятельно занялся приготовленіями къ экспедиціи.

1-го апрѣля былъ объявленъ составъ главнаго чеченскаго отряда, долженствовавшаго поступить подъ начальство самого генерала Нейдгардта. Въ составъ этого отряда зачислены 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка, подъ общимъ начальствомъ командира 1-го баталіона подполковника барона Меллера-Закомельскаго **). Изъ этихъ баталіоновъ, 2-й былъ двинутъ 19-го мая черезъ Амиръ-Аджи-Юртъ, гдѣ долженъ былъ переправиться черезъ Терекъ. Надо замѣтить, что въ это время мостовъ на Терекѣ не было и войска переправлялись на паромѣ медленно, съ большими затрудненіями и даже опасностью. На этотъ разъ, 21-го мая, одинъ паромъ сорвался и съ нимъ утонули 30-ть человѣкъ 4-й егерской роты Куринскаго полка.

Прибывъ съ такимъ непріятнымъ приключеніемъ въ составъ главнаго отряда, куринцы должны были простоять въ общемъ лагерѣ до 1-го іюня. Отрядъ ранѣе этого не могъ выступить по недостатку продовольствія и по необыкновенному разливу Терека. Неудачи преслѣдовали Нейдгардта: непріятельская партія въ 80-тъ человѣкъ, почти на глазахъ корпуснаго командира, близъ Амиръ-Аджи-Юрта, напала на фуражировъ изъ вновь прибывшихъ частей и убила 28-мь человѣкъ, ранила 13-ть и взяла въ плѣнъ 2-хъ; затѣмъ, другая партія, среди бѣлаго дня, отогнала изъ лагеря болѣе ста казенныхъ лошадей. Чеченскій отрядъ, къ которому 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка присоединились въ Ташъ-Кичу, пришелъ къ Внезапной 9-го іюня.

Пока Нейдгардтъ дѣлалъ свои широкія приготовленія, чтобы нанести окончательный ударъ Шамилю, имамъ самъ перешелъ въ наступленіе, сначала со стороны Акуши, а затѣмъ, 23-го апрѣля,

*) Изъ куринскаго и кабардинскаго полковъ по 10-ти человѣкъ, съ поручикомъ Куринскаго полка Пересвѣтовымъ.

**) Въ чеченскій отрядъ назначено четыре баталіона 5-го корпуса, кавказскій стрѣлковый баталіонъ, два баталіона навагинскаго, три—кабардинскаго и три—Куринскаго полковъ и двѣ роты саперъ—всего $13^1/_2$ баталіоновъ, 7-мь сотенъ кавалеріи и 20-ть орудій.

атаковалъ Андреевъ аулъ и послалъ большія партіи въ Чечню, чтобы наказать тѣ аулы, которые, по слухамъ, готовились принять русскихъ. Слухи эти имѣли основаніе: незадолго передъ тѣмъ, жители сел. Гехи заявили Фрейтагу готовность прянять русское подданство и просили защиты. Обстоятельство это дало занятіе войскамъ чеченскаго отряда, которыя, въ ожиданіи подвоза провіанта изъ Россіи и другихъ подготовительныхъ работъ, томились въ ожиданіи похода. При такой обстановкѣ, Фрейтагъ получилъ приказаніе выступить въ малую Чечню, для защиты гехинцевъ. 12-го мая отрядъ Фрейтага собрался въ Грозной. Одновременно съ нимъ выступилъ ему навстрѣчу и назрановскій отрядъ полковника Нестерова. Отрядъ Фрейтага состоялъ изъ 6½ баталіоновъ, въ числѣ коихъ были 1-й, 3-й, 4-й, двѣ роты 5-го баталіона и учебная команда Куринскаго полка, подъ командой самого полковника Витторта.

Фрейтагъ выступилъ изъ Грозной 13-го мая, черезъ ханкальское ущелье, къ Урусъ-Мартану, имѣя съ собой ограниченное число повозокъ. Въ отрядѣ было по одному баталіону изъ полковъ 5-го корпуса; новички были взяты для ознакомленія ихъ съ мѣстностью и новою для нихъ жизнью. Куринцы были въ авангардѣ, арріергардѣ и въ боковыхъ цѣпяхъ; слѣдовательно, они составляли важнѣйшую часть боеваго порядка. Первая небольшая перестрѣлка началась при входѣ въ гойтинскій лѣсъ; однако, непріятель, не оказавъ намъ большаго сопротивленія, отступилъ, ранивъ у насъ подпоручика Богирзадова и 9-ть нижнихъ чиновъ. 14-го числа, послѣ новой перестрѣлки, отрядъ прибылъ къ аулу Гехи, но непріятель предупредилъ насъ: придя сюда наканунѣ, онъ уже взялъ аманатовъ отъ желавшихъ изъявить намъ покорность и, затѣмъ, всѣ свои силы сосредоточилъ на Валерикѣ, противъ отряда Нестерова, подходившаго къ мѣсту ранѣе прихода Фрейтага.

15-го утромъ послышались выстрѣлы со стороны Валерика. Фрейтагъ тотчасъ же двинулся впередъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ спасъ отрядъ Галафѣева въ 1840-мъ году, ему пришлось спасти и отрядъ Нестерова.

Войска Нестерова, неосторожно вдавшіяся въ густой лѣсъ,

были окружены силами почти всей малой Чечни и выдерживали отчаянный бой. Ко времени прихода Фрейтага, силы Нестерова были уже разрѣзаны непріятелемъ на двѣ части; авангардъ, подъ начальствомъ подполковника барона Вревскаго, изнемогалъ въ неравной борьбѣ, не зная, что дѣлается съ главными силами, тоже окруженными чеченцами. Малочисленный назрановскій отрядъ уже лишился 7-ми офицеровъ и до 200-тъ нижнихъ чиновъ. Чтобы дать знать о себѣ Нестерову, Вревскій вызвалъ охотниковъ и послалъ ихъ кружнымъ путемъ къ начальнику отряда, съ просьбой о помощи. Молодцы-казаки, въ числѣ пяти человѣкъ, нырнули въ лѣсъ и, продолжая пробираться въ чащѣ, вдругъ столкнулись съ куринцами, которые, съ осторожностью кошки, ползли имъ навстрѣчу. Еще одно мгновеніе—и бѣдѣ бы не миновать, но кунаки узнали другъ друга. Записку Вревскаго доставили Фрейтагу и, въ отвѣтъ на товарищескій зовъ, Фрейтагъ послалъ въ лѣсъ нѣсколько гранатъ.

Этому генералу на роду было написано спасать товарищей, и, замѣтимъ, всегда съ куринцами. Подходя къ противнику, Фрейтагъ двинулъ своихъ куринцевъ на завалъ, преградившій намъ путь. Завалъ былъ взятъ вмигъ и куринцы соединились съ горстью изнемогавшихъ солдатъ Вревскаго.

Важность успѣха понятна, а слѣдовательно и восторженный пріемъ егерей. Теперь надо было спасать главныя силы Нестерова. Фрейтагъ, не теряя времени, оставилъ куринцевъ въ аррiергардѣ и самъ пошелъ на выручку Нестерова. Пока обозъ устроился и вытянулся, чеченцы насѣли на аррiергардъ. Куринцы были непоколебимы и хотя аррiергардное дѣло было спеціальностью ихъ, егерямъ становилось тяжело. „Обративъ вниманіе на постоянно усиливавшійся огонь въ аррiергардѣ и на часто повторявшееся „ура"—говоритъ авторъ статьи „1844-й годъ на Кавказѣ"—Фрейтагъ догадался, что любимымъ его куринцамъ, славѣ которыхъ онъ такъ много способствовалъ во время командованія полкомъ, и тѣсно, и жарко; поэтому онъ двинулъ имъ на помощь одинъ баталіонъ и самъ поѣхалъ въ аррiергардъ. Ободренные появленіемъ своего бывшаго командира, въ которомъ души не чаяли, куринцы, не дождавшись подкрѣпленія, бросились на непрі-

ятеля, смяли его, и штыками разбросали въ разныя стороны. Это былъ заключительный актъ боя" *). Вслѣдъ затѣмъ, чеченскій и назрановскій отряды соединились и, съ закатомъ солнца, прекратился бой, длившійся почти цѣлый день.

Съ Валерика, соединенный отрядъ двинулся обратно въ Гехи. Въ арріергардъ былъ назначенъ 1-й баталіонъ куринцевъ, съ своимъ командиромъ, барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ. При отступленіи пришлось идти узкимъ фронтомъ, среди густаго лѣса. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго, какъ труденъ этотъ маневръ въ чеченскомъ лѣсу, но знаемъ также, что куринцы вполнѣ владѣли секретомъ этого маневра. Арріергардъ двинулся медленно, прикрывая съ боковъ два орудія, шедшія на отвозахъ. Чеченцы также знали свое дѣло: они съ остервенѣніемъ кидались въ шашки, увивались, подползали, и вновь стремительно набрасывались на горсть людей, шедшихъ сзади—и все это дѣлалось съ исключительною цѣлью заставить егерей показать тылъ; тогда бы, конечно, не удержать намъ натиска. Но всѣ старанія чеченцевъ были напрасны—1-й баталіонъ не дрогнулъ. Къ вечеру отрядъ пришелъ къ Гехи, и до 19-го напрасно поджидалъ депутатовъ, обѣщавшихъ покорность: надежды наши не сбылись. 19-го, Фрейтагъ двинулся обратно. Куринцы были распредѣлены въ колоннѣ такъ: 4-й баталіонъ въ авангардѣ, 3-й, съ двумя ротами 5-го баталіона—въ правой цѣпи, и 1-й, вмѣстѣ съ однимъ баталіономъ люблинскаго полка—въ арріергардѣ.

Намъ приходилось возвращаться черезъ гойтинскій лѣсъ. Мосты черезъ рѣчки были уничтожены. Дѣло предстояло серьезное. Съ первымъ нашимъ шагомъ началась перестрѣлка; подходя къ рѣкѣ Гойтѣ, пришлось остановиться, чтобы возобновить мостъ. Въ это время чеченцы вывезли орудіе. Правой цѣпи приказано было сбить его. Рѣшительное наступленіе 3-го куринскаго баталіона принудило врага отступить; съ такими же затрудненіями, отрядъ перешелъ другой рукавъ Гойты, а за рѣкой непріятель устроилъ завалы. 4-й баталіонъ пошелъ въ атаку и занялъ завалы. Тогда

---

*) А. Юровъ. „1844-й годъ на Кавказѣ". Кавказскій Сборникъ, т. VII.

начался переходъ обоза черезъ мостъ. Здѣсь чеченцы огромной толпой насѣли на мостъ, особенно съ правой стороны; пошла рукопашная. Куринскій штыкъ опять скрестился съ чеченской шашкой и, надо сказать, съ честью, потому что, по словамъ Фрейтага, всѣ раны куринцевъ получены егерями ,,спереди и большею частью въ лицо''. Здѣсь тяжело раненъ и командиръ полка полковникъ Виттортъ. Но атака была отбита, отрядъ вышелъ на равнину и чеченцы разошлись, не безпокоя Фрейтага до самой крѣпости Грозной *). Такъ кончилась эта экспедиція, признанная Нейдгардтомъ безполезною, а Куринскому полку стоившая 1 убитаго и 19-ть раненыхъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ самъ командиръ полка, и нижнихъ чиновъ—убитыми 24 и ранеными 166-ть.

Черезъ двѣ недѣли послѣ прихода въ Грозную, 1-й и 3-й баталіоны, какъ мы сказали выше, поступили въ составъ главнаго отряда и, съ генераломъ Нейдгардтомъ, были 9-го іюня въ Внезапной.

Противъ нашихъ силъ стояли полчища Шамиля, въ числѣ десяти тысячъ, на хубарскихъ высотахъ. Нейдгардтъ двинулся противъ нихъ 10-го, по ущелью Сулака, приказавъ дагестанскому отряду генерала Лидерса демонстрировать со стороны Шуры на Черкей. Лидерсу удалось форсировать переправу и занять позицію въ тылу Хубара; это обстоятельство заставило Шамиля очистить позицію и Нейдгардтъ безпрепятственно занялъ Хубаръ. Тогда Шамиль отступилъ за Теренгулъ и занялъ здѣсь весьма сильную позицію, знакомую намъ по описанію похода 1839-го года. 15-го іюня, Нейдгардтъ, съ соединенными отрядами, имѣя въ строю 21 баталіонъ, двѣ сотни грузинской милиціи, 15-ть сотенъ кавалеріи и 44-ре орудія, перешелъ къ аулу Гертме и занялъ мѣсто въ виду позиціи Шамиля. Обозрѣвъ ее, корпусный командиръ нашелъ рис-

---

*) Потери Куринскаго полка съ 13-го по 19-е мая были: убиты—одинъ офицеръ (прапорщикъ Островскій-Денейковичъ) и 24-ре рядовыхъ (въ числѣ ихъ юнкеръ князь Голицынъ); ранено—офицеровъ 9-ть (подпоручикъ Богирзадовъ, маіоръ Костырко, капитанъ Ляшенко, полковникъ Виттортъ, штабсъ-капитанъ Гоувальдъ, прапорщики Закржевскій, Добровольскій, Момбели и штабсъ-капитанъ Боржимовскій) и 166-ть нижнихъ чиновъ (въ числѣ ихъ юнкеръ Лагоріо).

кованнымъ атаковать Шамиля съ фронта, и потому снарядилъ особую обходную колонну, подъ начальствомъ генерала Клугенау (6-ть баталіоновъ, 14-ть сотенъ и 6-ть орудій). Въ составѣ обходной колонны былъ 2-й баталіонъ Куринскаго полка.

Шамиль, замѣтивъ обходъ, самъ очистилъ позицію и ушелъ въ горы, а отрядъ Нейдгардта вновь собрался въ Гертме.

Шамиль остался вѣрнымъ своей тактикѣ—не вступать съ нами въ открытый бой—и достигъ цѣли; кромѣ того, осторожныя дѣйствія русскихъ дали ему возможность распустить слухъ, что онъ привлекъ на себя самого сераскира, съ 17 т. войскъ, вызвалъ его на бой, но тотъ уклонился; мало этого, самое свое отступленіе Шамиль обставилъ нѣкоторою торжественностью: рано утромъ 16-го іюня, онъ поднялъ свой лагерь, и окруженный наибами и тѣлохранителями, которые держали надъ нимъ распущенный зонтикъ, въ виду нашихъ войскъ, пропустилъ подъ звуки бубна и зурны церемоніальнымъ маршемъ своихъ ратниковъ, громко распѣвавшихъ „ла-илла-илаллахъ!“

Вообще, вся экспедиція 1844-го года отличалась рядомъ безцѣльныхъ передвиженій въ предгорьяхъ Дагестана. Недостатокъ провіанта и, вѣроятно, воспоминанія о походѣ Граббе въ 1842-мъ году побуждали Нейдгардта остерегаться движенія въ Андію, и потому онъ предпочелъ движеніе въ Аварію, черезъ Акушу. Эта операція была поручена дагестанскому отряду генерала Лидерса, а для защиты Шуры были отдѣлены 6-ть баталіоновъ изъ чеченскаго отряда, подъ начальствомъ генерала Фрейтага. Эта колонна, въ которой были 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полка, выступила 17-го іюля черезъ Ахатли. Остальныя силы главнаго отряда, подъ начальствомъ генерала Гурко, сосредоточились въ урочищѣ Ибрагимъ-Дада, противъ Черкея, и занялись возведеніемъ мостоваго укрѣпленія и раззореніемъ аула Черкей.

Итакъ, занятіе Аваріи было поручено Лидерсу, который двинулся, черезъ Акушу, къ карадахскому мосту, имѣя съ собой 20-ть баталіоновъ, при 40 орудіяхъ и 3000 всадниковъ; а такъ какъ огромный отрядъ этотъ не могъ взять съ собой достаточно запасовъ, то былъ снаряженъ другой отрядъ изъ Шуры, для от-

крытія сообщенія съ Лидерсомъ черезъ Зыряны и балаханское ущелье; въ этомъ послѣднемъ отрядѣ находились 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полка. Лидерсъ успѣлъ преодолѣть препятствія въ походѣ, но, подойдя къ Койсу и видя, что карадахскій мостъ уничтоженъ, не рискнулъ форсировать переправу и двинулся въ обратный путь къ Шурѣ.

Между тѣмъ, шуринскій отрядъ, шедшій черезъ Бурундукъ-Кале для соединенія съ Лидерсомъ, продолжалъ свою работу. При немъ находился и командующій войсками на кавказской линіи генералъ Гурко. Отрядъ уже подошелъ къ Зырянамъ, когда, 10-го іюля, узналъ объ отступленіи Лидерса; тогда и Гурко счелъ нужнымъ возвратиться въ Шуру.

Въ арріергардѣ шли куринцы, которые одни имѣли серьезное дѣло съ врагомъ, причемъ потеряли убитымъ прапорщика Мухина. Этотъ рядъ неудачъ заставилъ Нейдгардта отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Дагестанѣ и распустить отрядъ по квартирамъ.

Опечаленные неуспѣхомъ дѣла, куринцы возвратились въ началѣ августа въ Грозную, потерявъ за все время экспедиціи въ Дагестанѣ убитымъ прапорщика Мухина и 8-мь рядовыхъ и ранеными и контуженными штабсъ-капитана Боржимовскаго, прапорщика Готовцева (прикомандированный) и нижнихъ чиновъ 51.

Въ донесеніи Государю, Нейдгардтъ изложилъ множество причинъ, по которымъ онъ считалъ нужнымъ отказаться отъ похода въ Дагестанъ, и, затѣмъ, выяснилъ, что намѣренъ обратить главныя силы на устройство передовой чеченской линіи.

Насколько Императоръ Николай I-й былъ огорченъ печальнымъ исходомъ кампаніи 1844-го года, видно изъ рескрипта Его Нейдгардту, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „*ожиданія Мои далеко не сбылись; на вашу строжайшую отвѣтственность обращаю, чтобы то, чѣмъ вы довольствуетесь на сей годъ, было въ точности и непремѣнно выполнено; нѣтъ предлога, чтобы и это не удалось, если вы обратите дѣятельность и настойчивость, которую требую, какъ отъ васъ, такъ и отъ подчиненныхъ вашихъ, чтобы все исполнено было и быстро, и вѣрно*“.

Тонъ этого рескрипта объясняетъ энергію, съ которой, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Дагестана войскъ, стали готовиться къ новой экспедиціи, для возведенія передовой линіи, намѣченной еще при баронѣ Розенѣ. 19-го августа 1844-го года, выступилъ изъ Грозной, черезъ ханкальское ущелье, отрядъ генерала Гурко, имѣвшій въ своихъ рядахъ 12¾ баталіоновъ, 1 сотню грузинской милиціи, 10-ть сотенъ кавалеріи и 22 орудія. Въ отрядѣ состояли тѣ самыя части Куринскаго полка, которыя возвратились изъ Дагестана. Цѣль движенія отряда была хорошо извѣстна какъ нашимъ войскамъ, такъ и Шамилю. Всѣ знали, что дѣло идетъ о закладкѣ укрѣпленія при выходѣ Аргуна изъ горъ, въ окрестностяхъ аула Чахкери; всѣ чувствовали какое важное значеніе должно было получить новое укрѣпленіе, которое должно было отрѣзать отъ врага лучшій кусокъ плоскостной Чечни и отдать въ распоряженіе русскихъ ключъ къ выходамъ изъ горъ.

Само собой понятно, что непріятель не могъ противупоставить значительнымъ силамъ отряда Гурко серьезнаго активнаго сопротивленія; Шамиль и не задавался этою мыслью; но онъ совершенно вѣрно понялъ, что въ столь позднее время года отрядъ и особенно многочисленная его кавалерія должны встрѣтить затрудненія въ продовольствіи, если уничтожить запасы окрестныхъ ауловъ. Въ виду этого, Шамиль приказалъ уничтожить всѣ запасы по лѣвому берегу Аргуна, а жителямъ велѣлъ переселиться на правый берегъ, гдѣ сформировать партіи, для дѣйствій вокругъ отряда, противъ фуражировъ и транспортовъ.

Лишь только отрядъ Гурко подошелъ къ ханкальскому ущелью, началась стрѣльба; но отрядъ прошелъ безостановочно и расположился на ночлегъ у аула Большая-Атага. Рекогносцировка окрестностей заняла немного времени, и 22-го августа, въ день коронаціи Государя, послѣ торжественнаго молебствія съ 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, заложено укрѣпленіе Воздвиженское, названное такъ въ честь каменнаго креста, найденнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ цитадель. Постройка укрѣпленія продолжалась до 21-го ноября, когда, оставивъ въ Воздвиженскомъ сильный гарнизонъ, отрядъ разошелся на зимнія квартиры.

Постройка укрѣпленія стоила большихъ трудовъ. Вконецъ истощенныя окрестности не могли обезпечить отряда и потому пришлось дѣлать набѣги на отдаленные аулы, чтобы добыть довольствіе лошадямъ. Строительный матеріалъ и провіантъ подвозился изъ Грозной особымъ транспортомъ, для сопровожденія котораго требовалось по нѣсколько баталіоновъ. При конвоированіи этихъ транспортовъ никогда не обходилось безъ перестрѣлки, особенно при проходѣ ханкальскаго ущелья, сдѣлавшагося гнѣздомъ многочисленныхъ партій. Кромѣ того, почти безпрерывно шла перестрѣлка съ партіями, собиравшимися на правомъ берегу Аргуна, противъ нашего лагеря. Здѣсь непріятель имѣлъ пять орудій, которыя ежедневно вывозились на командующія возвышенности и посылали въ лагерь, у насъ же отбитыя въ 1843-мъ году, ядра и гранаты.

Генералъ Гурко не ограничивался одними работами въ укрѣпленіи: онъ посылалъ колонны то на правый берегъ Аргуна, то къ Эпгелику и Гойтѣ, причемъ раззорилъ нѣсколько ауловъ и добылъ незначительное количество продовольствія. Во всѣхъ этихъ перестрѣлкахъ не обходилось и безъ потерь. Во все время экспедиціи, куринцы имѣли 8-мь убитыхъ и 75-ть раненыхъ. Изъ офицеровъ ранены: капитанъ Сундманъ, поручикъ Литвиновъ и подпоручикъ Дробишевскій.

Въ февралѣ 1845-го года Воздвиженское укрѣпленіе сдѣлалось штабъ-квартирой Куринскаго полка, который оставался здѣсь до занятія Веденя въ 1858-мъ году *).

---

*) Въ теченіе военныхъ дѣйствій, описанныхъ въ этой главѣ, куринцы потеряли: убитыми и утонувшими—офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 109-ть; ранеными—офицеровъ 13-ть, нижнихъ чиновъ 267-мь.

X.

Біографія командира Куринскаго егерскаго полка полковника Фрейтага. Значеніе его для куринцевъ. Тактическіе пріемы горной и лѣсной войны, установившіеся въ дѣйствіяхъ куринцевъ сороковыхъ годовъ.

Время командованія Куринскимъ полкомъ полковника Фрейтага было временемъ уже зрѣлаго возраста полка. Къ концу этого періода куринцы уже имѣли свое прошлое, немаловажныя Царскія награды и заслуги отечеству, а также свою опредѣленную тактику въ бою и свой опредѣленный характеръ въ домашней жизни. Такъ какъ всѣ эти особенности проявлялись и отражались въ жизни самого Фрейтага, то будетъ умѣстно, попутно съ описаніемъ жизни полка, дать здѣсь и біографическій очеркъ его славнаго командира.

Робертъ Карловичъ Фрейтагъ былъ по происхожденію нѣмецъ. Онъ вступилъ въ командованіе полкомъ имѣя отъ роду 38-мь лѣтъ; слѣдовательно, онъ родился въ 1802-мъ году. Отецъ его, ученый саксонскій пасторъ, переселился въ Лифляндію, гдѣ женился и умеръ, оставивъ будущаго куринца двухлѣтнимъ мальчикомъ. Нѣмецъ-Фрейтагъ былъ отданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, обрусѣлъ въ немъ и въ 1821-мъ году уже былъ прапорщикомъ артиллеріи, а въ 1822-мъ году—офицеромъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ.

Въ годъ производства въ офицеры молодаго Фрейтага, политическій горизонтъ Европы еще не очистился отъ тревогъ наполеоновскаго времени. Русскіе готовились въ несостоявшійся походъ въ Италію, и въ это время впервые заговорила натура Фрейтага: ,,Я такъ гордъ и столько въ себя вѣрую—писалъ двадцатилѣтній Робертъ Карловичъ своей матери,—что по окончаніи похода надѣюсь быть княземъ Италійскимъ. Смѣйтесь, смѣйтесь сколько угодно! а я буду продолжать свое: или князь Италійскій, или пуля въ лобъ; не хочу середины. Бабушка перестанетъ говорить: Робертъ шалунъ! скажетъ Робертъ великій человѣкъ. Война

рождаетъ героевъ; почему же мнѣ не быть новорожденнымъ....“ Эти слова прапорщика, мечтающаго о славѣ, конечно знакомы всѣмъ намъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не откажетъ Фрейтагу въ нѣкоторомъ пророческомъ дарѣ. Изъ шалуна Роберта дѣйствительно вышелъ герой.

Рѣзвый и впечатлительный до пылкости, прекрасный товарищъ въ горести и радости, не чуждый всѣхъ увлеченій молодости, образованный и умный Фрейтагъ сразу намѣтилъ себѣ путь не кабинетнаго, а полеваго офицера генеральнаго штаба. Отъ этого, въ молодости, ему не удавались труды усидчивой и копотливой работы по производству съемокъ, порученныхъ Р. К. въ 1822-мъ году; онъ получилъ за это выговоръ. Но это не помѣшало шалуну быть штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, наканунѣ польскаго возстанія; съ этихъ поръ открылась любимая сфера Фрейтага. Дѣятельный, разумный, и до энтузіазма преданный своему дѣлу, Фрейтагъ вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе храбростью. Солдаты его называли „храбрымъ капитаномъ“, а фельдмаршалъ Паскевичъ и корпусный командиръ Головинъ *) громко и съ похвалой говорили о молодомъ офицерѣ. Счастье улыбалось Фрейтагу: послѣ войны онъ возвратился съ чиномъ подполковника. „Потеря моя состоитъ въ шести убитыхъ и двухъ раненыхъ лошадяхъ—писалъ Р. К. своей матери.—Я служилъ съ честью, награжденъ хорошо. Довольны ли вы мною?..“ Но война кончилась и Фрейтага опять засадили за ненавистную съемку. Новый образъ жизни приводилъ его въ отчаяніе и чуть не сдѣлался причиной его отставки; но дѣло уладилось, и Фрейтагъ писалъ: „Я не могу оставить службы; я влюбленъ въ службу, привязанъ къ ней и воспитаніемъ и привычками; чувствую, что рожденъ солдатомъ“.

Въ 1838-мъ году, новый командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ Головинъ пригласилъ Фрейтага на Кавказъ. Здѣсь начинается его блестящая боевая служба, сначала на Алазани, по устройству лезгинской кордонной службы, а потомъ въ дагестанскомъ отрядѣ, при взятіи аджіахурскихъ высотъ. Горныя эк-

---

*) Впослѣдствіи командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

спедиціи были новы для Р. К., но его живая натура скоро свыклась и съ этимъ дѣломъ; въ лагерѣ самурскаго отряда подполковникъ Фрейтагъ сдѣлался необходимымъ членомъ общества строевыхъ офицеровъ; постоянно посѣщая ихъ палатки, онъ жилъ ихъ жизнью и приходилъ въ восторгъ отъ разсказовъ про геройскіе подвиги нѣкоторыхъ офицеровъ тифлисскаго полка, при взятіи Аджіахура; здѣсь же глубоко запалъ Р. К. въ голову только что объявленный приказъ Головина, гдѣ корпусный командиръ ставилъ въ примѣръ своему отряду геройское поведеніе куринцевъ и кабардинцевъ, указывая на которыхъ, въ приказѣ по отряду сказано: „вотъ вамъ свѣжій примѣръ, ребята! Я увѣренъ въ готовности вашей ему послѣдовать!...“

Изъ этого ясно, съ какимъ чувствомъ гордости Фрейтагъ принялъ должность командира Куринскаго полка, на которую былъ назначенъ 11-го марта 1840-го года. Фрейтагъ принесъ съ собой въ Куринскій полкъ принципы просвѣщеннаго и гуманнаго человѣка, строгаго къ дѣлу и службѣ и снисходительнаго къ слабостямъ человѣческимъ. Р. К. весьма скоро изучилъ характеръ полка, его достоинства и недостатки и съ ловкостью и знаніемъ дѣла сталъ развивать хорошія черты и преслѣдовать недостатки и пороки.

Прежде всего, онъ началъ пропагандировать законность, и не только съ внѣшней стороны, а въ глубокомъ и широкомъ значеніи этого слова. Приказы Фрейтага полны выраженій начальника—не карающаго, а поучающаго. Въ одномъ мѣстѣ, упоминая о незаботливости одного маіора о нуждахъ подчиненныхъ ему чиновъ, Фрейтагъ говоритъ въ приказѣ по полку: „не дѣлаю ему выговора, потому что въ семъ случаѣ это будетъ безполезно; не наказываю его арестомъ, потому что онъ нездоровъ; но объявляю ему, что впредь ни одного порученія мною не будетъ на него возложено...“ Маіоръ А. вскорѣ самъ ушелъ изъ полка.

Фрейтагъ былъ весьма снисходителенъ къ проступкамъ, происходящимъ отъ неопытности, незнанія или увлеченія молодости; онъ самъ былъ душой полковаго общества; домъ его былъ доступенъ для всѣхъ и всегда; онъ былъ глубоко убѣжденъ, что шумный

и приличный кутежъ товарищей, въ кругу лихихъ пѣсенниковъ, въ его время не только не былъ порокомъ, но составлялъ необходимую потребность. Чѣмъ можно было заняться въ сороковыхъ годахъ въ отрядѣ, въ Грозной, въ минуты отдыха, когда не было ни театровъ, ни клубовъ, ни библіотекъ, ни даже газетъ? При этой обстановкѣ, если ужъ нужно было отгонять тоску-кручину, то лучше вмѣстѣ, громко и на славу! Таково было мнѣніе Фрейтага. ,,Въ походѣ радость прилипчива—говорилъ Фрейтагъ— она передается весьма легко. Если солдатъ увидитъ, что начальникъ вѣчно суровъ—и у него сдѣлается тяжело на душѣ''.

Но Фрейтагъ снисходительно смотрѣлъ только на товарищескія пирушки и строго порицалъ неумѣренность и безнравственность, особенно же все, что роняло достоинство офицера и вредило репутаціи полка. Въ этихъ случаяхъ Фрейтагъ бывалъ безпощаденъ. Но, странное дѣло! всѣ офицеры, подвергшіеся строгости Р. К., были только что прибывшіе на укомплектованіе полка изъ Россіи. Эти пришлые принесли съ собой крайнюю испорченность. Старые куринцы больше ихъ шумѣли, больше ихъ кутили, но всегда вмѣстѣ, по случаю какого нибудь ротнаго праздника или удачнаго набѣга; тѣ же пьянствовали гдѣ попало. Прапорщикъ Лисовскій найденъ былъ ,,въ форштатской чихирнѣ въ совершенно нетрезвомъ видѣ; за этотъ низкій званію офицера поступокъ прапорщика Лисовскаго, чтобы онъ не могъ срамить мундира имъ носимаго, я предписываю ему подать въ отставку''. Другой, переведенный, прапорщикъ Поповъ, вѣчно пьяный и вѣроятно отчужденный отъ общества, до того промотался, что ,,заложилъ арестованному чеченцу помпонъ и тулью отъ своего кивера за 20-ть коп....''

Узнавъ объ этомъ, Фрейтагъ отдалъ приказъ: ,,Не стану укорять прапорщика Попова въ столь постыдномъ поступкѣ, потому что попытки къ исправленію поведенія его останутся тщетными. Выставляю это, и только дѣлаю извѣстнымъ по полку эту низость, вкравшуюся отъ постояннаго нетрезваго поведенія, и извѣщаю, что я послѣднему солдату не простилъ бы... Прапорщика Попова арестовываю... и предписываю подать прошеніе объ увольненіи отъ службы... и буду держать его подъ арестомъ до воспослѣдованія Высочайшаго

приказа, дабы онъ не имѣлъ болѣе случая срамить благородное общество полка, въ которомъ, къ общему сожалѣнію, до сихъ поръ продолжалъ служить".

Проступки старыхъ куринцевъ были въ другомъ видѣ: они, по убѣжденію, признавали службу только въ походѣ, въ экспедиціи, и потому на внутреннюю службу смотрѣли какъ на напрасное стѣсненіе; уйти изъ караула, принять тамъ гостей и кутить съ ними, даже спать въ сосѣднемъ домѣ и при встрѣчѣ дежурнаго по карауламъ не рапортовать ему—было обыкновеннымъ явленіемъ. Во время работъ въ укрѣпленіи Куринскомъ, чтобы разогнать скуку, собирались два-три офицера, садились на лошадей и, безъ разрѣшенія и, главное, безъ оказіи и прикрытія, скакали въ Червленную провести веселую ночь съ мамуками и затѣмъ, черезъ день, возвращались обратно, чтобы собраться съ новыми силами на мирный набѣгъ на другую станицу. Фрейтагъ, конечно, не поощрялъ это своеобразное удальство; онъ каралъ, наказывалъ, но, всетаки, относился къ виновникамъ не такъ, какъ къ Попову и Лисовскому.

Другая черта коренныхъ куринцевъ временъ Фрейтага—расточительность—проявлялась очень часто. Однажды, къ Фрейтагу поступила жалоба ростовщика-чеченца на поручика Туманова и подпоручика Давыдова (субалтернъ-офицеры 4-й карабинерной роты), которые задолжали, въ бытность 4-й роты въ Заканъ-Юртѣ, Тумановъ 270-ть руб., а Давыдовъ 220 руб. Эта жалоба вынудила Р. К. объявить въ приказѣ: „Непомѣрная расточительность поручика Туманова и подпоручика Давыдова даетъ мнѣ полное право имѣть ихъ на замѣчаніи..." За этими словами, приказъ въ твердыхъ выраженіяхъ порицаетъ расточительность и, затѣмъ, запрещаетъ всѣмъ грозненскимъ торговцамъ и офицерамъ давать взаймы товары и деньги названнымъ офицерамъ. Черезъ три дня Тумановъ явился къ Фрейтагу и, послѣ доклада, командиръ полка отмѣнилъ свой приказъ. Оказалось, что Тумановъ сдѣлалъ долгъ, чтобы помочь товарищу!...

Таковы черты домашняго быта куринскихъ офицеровъ 1841-го года, сколько можно подмѣтить ихъ изъ приказовъ по полку. Во всемъ этомъ нельзя не замѣтить здоровую, спартанскую фигуру

полка, съ своеобразнымъ нравственнымъ кодексомъ, не имѣвшимъ внѣшняго лоска, но много внутренняго содержанія. Куринецъ былъ угрюмъ и добродушенъ, словомъ такой, какимъ изображаетъ его полковая пѣсня:

Не красивъ куринецъ съ виду,
Но, зато, орломъ глядитъ,
И, сказать вамъ не въ обиду,
Онъ хоть чорта побѣдитъ!

Послѣ взятія Ахульго, имя Куринскаго полка уже было хорошо извѣстно не только Кавказу, но и Петербургу. Въ это же время, Кавказъ сдѣлался средоточіемъ всего поэтическаго. Пушкинъ, Лермонтовъ и Марлинскій уже подарили обществу свои лучшія строки о Кавказѣ, и, съ ихъ легкой руки, лиризмъ охватилъ всю Россію; побывать на Кавказѣ, подраться съ черкесами и записать свое имя въ число кавказскихъ героевъ—сдѣлалось мечтой лучшаго русскаго общества. Кавказъ наводнился молодежью, искавшею впечатлѣній и карьеры. Особеннымъ вниманіемъ пользовались егеря 20-й дивизіи—курипцы и кабардинцы, и потому сюда же, по преимуществу, стали поступать не только наши гвардейцы, но и иностранцы, искавшіе счастья въ Россіи *). Этотъ новый элементъ, конечно, долженъ былъ оказать свое вліяніе, особенно на бытъ офицеровъ; но господство этого вліянія не относится къ описываемому періоду: Розенкранцы явились между куринцами только въ 50-хъ годахъ **).

Ту же самую любовь и заботу, которую Фрейтагъ проявилъ къ офицерамъ, Р. К. примѣнилъ и къ солдатамъ; онъ сдѣлался имъ роднымъ. За то и солдаты оцѣнили своего славнаго командира. Предыдущія строки указываютъ, на что былъ способенъ куринецъ

---

*) Въ теченіе одного 1842-го года въ полкъ зачислены, въ числѣ многихъ другихъ: подполковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій—изъ л.-гв. измайловскаго полка, подполковникъ Мокринскій—изъ отставныхъ л.-гв. преображенскаго полка, штабсъ-капитанъ Ушаковъ—изъ л.-гв. преображенскаго полка, юнкера: князь В. Долгорукій, князь Лобановъ-Ростовскій, князь Вл. Голицынъ, князь Серг. Голицынъ, иностранцы—Оливари и Лагоріо.

**) Подъ именемъ Розенкранца, Толстой изобразилъ въ своемъ „Набѣгѣ" офицера Куринскаго полка Пистолькорса.

въ бою; здѣсь, для иллюстраціи домашней жизни и понятій куринцевъ о дисциплинѣ и, особенно, для характеристики отношеній ихъ къ Фрейтагу, приведемъ одинъ эпизодъ изъ біографіи Роберта Карловича, помѣщенной въ изданіи „Кавказцы“.

Ежедневно Фрейтагъ имѣлъ обыкновеніе съ небольшимъ конвоемъ выѣзжать изъ Грозной, удаляясь отъ стѣнъ ея версты на три, и, достигнувъ рѣчки Нефтянки, возвращаться въ крѣпость. Въ одинъ день, подъѣзжая къ крутому, обросшему лѣсомъ берегу Нефтянки, казаки открыли въ кустахъ нѣчто въ родѣ засады. Подъѣхавъ ближе, Фрейтагъ узналъ своихъ куринцевъ. На вопросъ: „зачѣмъ они здѣсь?“ куринцы отвѣчали, что „по отъѣздѣ его изъ крѣпости, разнесся слухъ, что чеченцы готовятъ на рѣчкѣ засаду, чтобы подстеречь и убить Фрейтага, и что они, въ числѣ сотни человѣкъ, не ожидая особыхъ приказаній, схвативъ ружья, прибѣжали, чтобы предупредить врага“.

Теперь обратимся къ вопросу о дѣйствіяхъ полка въ полѣ и приготовительныхъ упражненіяхъ на зимнихъ квартирахъ. Войско нужно для войны; обучать войско въ мирное время нужно для того, чтобы поражать врага; а такъ какъ наши кавказскіе полки, въ тридцатыхъ годахъ, вездѣ били врага, то коренное кавказское начальство было довольно своимъ обученіемъ полковъ; это былъ логическій выводъ изъ поговорки: „побѣдителя не судятъ“. Отсюда вытекало пренебреженіе кавказскихъ войскъ ко всѣмъ уставамъ, артикуламъ, ружистикѣ, сомкнутому строю и всѣмъ хитрымъ построеніямъ ящиками и плутонгами. Этотъ взглядъ особенно укоренился въ куринцахъ. Причину найти не трудно: цѣлое поколѣніе офицеровъ и солдатъ состарилось въ полку, сражаясь ежедневно съ врагомъ и никогда не примѣняло ни каре, ни баталіонныхъ колоннъ. Чѣмъ же оправдать ихъ существованіе? У людей дѣла преобладаетъ одна практика, и логика вещей указываетъ, что нужно и чего ненадо. Такимъ логическимъ путемъ дошли куринцы до собственныхъ уставовъ и собственной тактики. На полѣ битвы, куринцы видѣли густой лѣсъ, узкую тропинку, крутой подъемъ и ночную тьму и, въ довершеніе всего, противникомъ нашимъ былъ чеченецъ, котораго надо выковырнуть изъ-за камня и дерева, не ожидая команды

начальника. Вотъ элементы куринскаго боя. Примѣните къ этимъ элементамъ многосложный уставъ 1830-го года и передъ вами сразу создадутся картины хаоса, въ который неминуемо должны были прійти полки, обученные въ степяхъ Россіи. 1845-й годъ доказалъ это; вотъ причина загона уставовъ въ старыхъ кавказскихъ полкахъ.

Послѣ этихъ немногихъ словъ, будетъ намъ понятно въ какой ужасъ приходили новые люди, приходившіе впервые на Кавказъ, чтобы инспектировать хваленыхъ егерей. Въ 1841-мъ году, полки 20-й дивизіи инспектировалъ по Высочайшему повелѣнію флигель-адъютантъ Назимовъ. Онъ съ ужасомъ уѣхалъ съ Кавказа и донесъ Государю, что въ 20-й дивизіи: а) цѣльная стрѣльба не доведена и въ половину до настоящаго совершенства; нижніе чины не ознакомлены даже съ глазомѣромъ; выстрѣливаютъ патроны, будучи внѣ ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля; б) на строевую, лагерную и гарнизонную службу и на стрѣлковое и егерское ученіе очень мало обращается вниманія; в) унтеръ-офицеры и ефрейторы нисколько не ушли образованіемъ отъ рядовыхъ, а нѣкоторые въ строевой службѣ хуже рекрутъ и г) что офицеры совершенно не знаютъ своего дѣла, включая въ это число и нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ.

Все вышеизложенное такъ огорчило Государя, что Его Величество приказалъ замѣченное поставить строго на видъ ближайшему начальству. Воля Государя, конечно, была закономъ для всѣхъ. Но, для исторической правды, интересно сравнить донесеніе Назимова съ отзывомъ генералъ-адъютанта Граббе объ ичкеринскомъ походѣ 1842-го года, гдѣ старый воинъ не нахвалится Куринскимъ и кабардинскимъ полками и, говоря о послѣднемъ днѣ похода, прибавляетъ: ,,но навыкъ куринцевъ драться въ чеченскихъ лѣсахъ, а въ особенности распорядительность подполковника Витторта, основанная на долговременной его опытности, и привычка егерей пользоваться мѣстностью... спасли отрядъ...“ И Граббе, и Назимовъ были правы по своему.... Созерцая теперь описываемое время, подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій въ военной исторіи, мы конечно должны согласиться, что взгляды старыхъ куринцевъ

узки; что они могутъ удовлетворить только тѣхъ, кто готовится лишь для войны въ Чечнѣ и съ чеченцами, а русскій полкъ долженъ быть готовъ на все! Эту истину, конечно, хорошо понималъ и Фрейтагъ, и многіе другіе, но уставы, всетаки, не сдѣлали въ полку никакого успѣха: они, въ теченіе цѣлаго полувѣка, остались противными духу кавказскихъ войскъ и особенно 20-й дивизіи.

Въ приказахъ по полку за время Фрейтага не видно указаній на строевыя занятія; за то стрѣльба обратила на себя особое вниманіе Р. К., и, притомъ, ранѣе приказа по дивизіи, отданнаго вслѣдствіе донесенія флигель-адъютанта Назимова. Приказъ по полку объ этомъ предметѣ, отданный Фрейтагомъ 13-го марта 1841-го года, имѣетъ для историка особенный интересъ, потому что даетъ нѣсколько данныхъ для сравненій. Прежде всего видно, что дальность вѣрнаго выстрѣла была не болѣе 150—200 шаговъ и вся мечта тогдашняго начальства заключалась въ томъ, чтобы въ ротѣ, состоящей почти изъ 300-тъ человѣкъ, съ разстоянія 150—200-тъ шаговъ попадали въ мишень, величиною съ нашу офицерскую, ,,25-ть рядовыхъ и два унтеръ-офицера".

Но эта легкая, по нынѣшнему, задача была трудна при Фрейтагѣ потому, что солдаты были вооружены ружьями, которыя правильнѣе было бы назвать желѣзными палками. Сбереженіе этого оружія повсюду было небрежное; сберегать ружье, даже по понятіямъ офицеровъ, значило держать его въ блескѣ зеркала; этого добивались различными способами: терли пескомъ и толченымъ кирпичемъ не только снаружи, но и внутри, а полированіе наружныхъ частей наждакомъ и даже треніемъ иголки было практикуемо повсюду въ Россіи. Если ко всему этому прибавить загоняемую не въ мѣру экономію въ порохѣ, то будетъ понятно, почему стрѣльба не была доведена до желаемаго совершенства.

Но упреки эти, кажется, касаются менѣе всего времени Фрейтага; судя по біографіи Р. К., стрѣльба въ Куринскомъ полку была доведена до удовлетворительнаго состоянія. ,,Славно стали стрѣлять куринцы—сказано въ біографіи Фрейтага;—лучшіе стрѣлки были любимцами полковаго командира, способствовавшаго всѣми мѣрами развитію въ нихъ этого необходимаго искусства. Во время

отдыха отъ похода и экспедицій, куринцы, вмѣсто забавы, стрѣляли съ дальняго разстоянія въ цѣль, укрѣпленную на шестѣ. Фрейтагъ постоянно присутствовалъ при этой военной потѣхѣ и за пулю, попавшую въ цѣль, давалъ стрѣлку рубль серебромъ изъ своего кошелька. Однажды, одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ не хотѣлъ пускать своей пули, и на вопросъ Фрейтага: ,,почему не стрѣляешь?" куринецъ отвѣчалъ: ,,не хочу даромъ брать денегъ у вашего высокоблагородія; я промаховъ не даю..." Лучшимъ оружіемъ фрейтаговскихъ куринцевъ былъ штыкъ. Невидимаго противника нельзя сразить издали; надо къ нему подойти и сойтись грудью; вся кровавая практика куринцевъ убѣждала, что пуля дура, а штыкъ молодецъ. Другое холодное оружіе пѣхотинца—тесакъ, всегда считался лишнимъ бременемъ; какъ видно изъ переписки, сохранившейся въ полку, до приказа Граббе тесакъ никогда не точился, потому что ,,отточенный тесакъ не принимался въ сдачу артилерійскимъ вѣдомствомъ".

Умный, образованный, храбрый и добрый Фрейтагъ былъ обожаемъ и офицерами, и солдатами. Въ его лицѣ Куринскій полкъ пріобрѣлъ начальника, съ которымъ было весело и жить, и умирать. Съ именемъ Фрейтага, сначала какъ командира полка, а потомъ какъ начальника лѣваго фланга и 20-й дивизіи, связаны лучшія страницы въ исторіи полка и, конечно, Куринскій полкъ будетъ имъ гордиться до конца своего существованія.

Нельзя отказать себѣ въ удовольствіи сказать, что и Фрейтагъ считалъ Куринскій полкъ своимъ роднымъ. ,,Разставаясь съ куринцами—писалъ Р. К.—я едва не зарыдалъ какъ ребенокъ; грустно разставаться съ людьми, съ которыми провелъ лучшіе годы жизни, черезъ которыхъ пріобрѣлъ добрую славу".

Послѣ сдачи полка, куринцы сохранили еще надолго связь съ Фрейтагомъ. Онъ жилъ съ куринцами въ Грозной, и всѣ знаменитыя дѣла, заслужившія ему названіе добраго генія, при спасеніи Низоваго, Темиръ-Ханъ-Шуры и самого Воронцова въ даргинскомъ походѣ, какъ увидимъ ниже, исполнены съ куринцами *).

---

*) Въ 1848-мъ году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Фрейтагъ былъ наз-

Отдавъ должную честь памяти покойнаго, мы должны теперь разсмотрѣть какъ дѣйствовали фрейтаговскіе куринцы и ихъ враги—чеченцы и лезгины.

Прежде всего, вспомнимъ, что куринцамъ приходилось воевать въ Дагестанѣ и еще чаще въ Чечнѣ. Эти двѣ страны, съ точки зрѣнія тактики, не сходны другъ съ другомъ ни въ чемъ. Дагестанъ—страна голыхъ скалъ, безъ корма для лошадей и часто безъ воды для людей. Занявъ командующую высоту, здѣсь вы господствуете надъ мѣстностью, видите всѣ подступы; занявъ позицію и засѣвъ за завалы, горсть людей можетъ удержать наступающаго. Здѣсь вы видите противника, можете оцѣнить его силы и, сообразно съ обстоятельствами, комбинировать свои маневры; здѣсь всѣ элементы боя—командованіе, совокупность движенія и расчетъ времени—возможны. Оборона значительно преобладаетъ надъ атакой; зато, занятое легче удерживается. Населенные пункты въ Дагестанѣ, сообразно съ средствами страны, построены изъ камня и потому каждый аулъ—есть укрѣпленіе, которое можно взять только штурмомъ и, притомъ, съ большими жертвами.

Характеръ дагестанца отвѣчаетъ угрюмой природѣ его страны: онъ сосредоточенъ, упоренъ и тяжелъ на подъемъ. Бѣдность природы и ограниченность мѣстъ, годныхъ для поселенія, заставляютъ дагестанца дорожить клочкомъ земли; раззореніе его жилища равняется отнятію у него всего, что у него есть и что онъ можетъ найти съ большимъ и долговременнымъ трудомъ; отъ этого онъ не легко рискуетъ жертвовать своимъ жилищемъ и потому упорно защищаетъ его. Вслѣдствіе всего сказаннаго, упорная оборона и, главное, у себя дома—спеціальность дагестанца. Отъ этого же дагестанецъ развилъ искусство подготовлять позиціи въ фортификаціонномъ смыслѣ. Искусство это дагестанцы перенесли и на плоскость, гдѣ всѣ значительныя укрѣпленія Шамиля возведены ими. Для подтвержденія всего сказаннаго, можно указать не только на

наченъ генералъ-квартирмейстеромъ арміи, предназначенной дѣйствовать въ Венгріи; здѣсь Р. К. получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени и въ 1851-мъ году скончался въ своемъ имѣніи, имѣя отъ роду всего 49-ть лѣтъ.

Хубаръ, Буртунай, Аргуани и особенно Ахульго, облитые кровью куринцевъ, но и на то, что до сихъ поръ всѣ черныя и земляныя работы по всей Чечнѣ на нашихъ глазахъ исполняются дагестанцами.

По словамъ генерала Пассека, „дагестанцы воевали положительно. Они встрѣчали насъ большею частью открытымъ боемъ и на крѣпкихъ позиціяхъ; усиливали ихъ завалами, башнями, подземными ходами, навѣсами для защиты отъ гранатъ; занимали пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги, и, вообще, держались въ нихъ съ удивительною рѣшимостью; стрѣляли мѣтко; дрались до послѣдней крайности. На позиціяхъ же некрѣпкихъ или удобообходимыхъ, дагестанцы защищались слабо; на обозы и партіи фуражировъ рѣдко нападали; при потерѣ рѣшительнаго дѣла, все кругомъ усмирялось, успокаивалось".

Чечня представляла совсѣмъ другія условія для боя. Большая и малая Чечня сплошь равнинны и сплошь покрыты лѣсомъ, часто вѣковымъ. Дороги—лѣсныя тропинки; идя по нимъ, трудно оріентироваться; въ лѣсу—не только противника, но и своихъ не видно. Здѣсь вы не господинъ мѣста; массы войскъ растягиваются, разрываются и выходятъ изъ рукъ начальника. Здѣсь вы одиноки, отданы самому себѣ,—однимъ словомъ, элементы боя регулярныхъ войскъ—командованіе, совокупныя движенія и совокупное дѣйствіе—приложимы къ Чечнѣ въ весьма малой степени. Здѣсь требуется смѣтливость и находчивость, главнымъ образомъ, солдата и младшихъ начальниковъ; здѣсь главная работа ротнаго командира.

Изъ всего этого видно, что въ Чечнѣ всѣ шансы на сторонѣ того, кто хорошо знаетъ мѣстность и не теряется при случайностяхъ боя.

Въ горной Чечнѣ соединяются условія Дагестана съ условіями большой и малой Чечни. Здѣсь горы не такъ высоки, какъ въ Дагестанѣ; не скалисты, но, зато, тоже почти сплошь покрыты лѣсомъ. Въ горахъ Чечни хотя наступать легче, потому что возвышенности способствуютъ оріентировкѣ, зато оборона получаетъ значительный перевѣсъ надъ атакой и, такъ какъ обороняющійся, занимая командующія высоты, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и со-

вершенно скрытъ, то является полное удобство для засадъ.

Поселенныя мѣста въ Чечнѣ раскинуты были мелкими хуторами, въ трущобахъ; дома турлучные, легко воздвигаемые на каждомъ мѣстѣ; потерять такой домъ ничего не стоитъ; мѣстъ, свободныхъ для жилья и хозяйства, вездѣ вдоволь; чеченецъ не дорожилъ своимъ хуторомъ; у него не было насиженнаго гнѣзда. Всѣ эти мѣстныя условія создали особенный характеръ чеченца. Выше мы уже познакомились съ его юркой фигурой. Чеченецъ подвиженъ, гибокъ физически и умственно; гордъ, лѣнивъ на тяжелую работу; выносливъ, воспріимчивъ и по природѣ храбръ и способенъ увлечься всякимъ удальствомъ. При всѣхъ этихъ качествахъ, чеченецъ не можетъ быть хорошимъ солдатомъ, потому что онъ до болѣзни свободолюбивъ и не терпитъ никакого давленія сверху. Отъ этого чеченцы рѣдко собирались въ большія группы и совершенно были негодны для боя въ массѣ. Любимый способъ дѣйствія чеченцевъ—набѣгъ.

Отъ этого кореннаго отличія Дагестана и Чечни происходила разница и въ образѣ дѣйствій нашихъ войскъ въ этихъ странахъ.

Со времени утвержденія власти Шамиля, чеченцы содержали вдоль русскихъ границъ сторожевые посты, которые выстрѣломъ давали знать о приближеніи русскихъ. Эти выстрѣлы повторялись въ окрестностяхъ, и ближайшіе жители, покинувъ жилища, отправляли семейства и пожитки въ лѣсъ, а сами выходили навстрѣчу врагу. Чеченцы никогда не сопротивлялись намъ на открытомъ мѣстѣ; позиціи занимали рѣдко, и легко уступали ихъ при приближеніи нашихъ войскъ; они разсыпались по лѣсу и здѣсь были въ своей сферѣ; дрались отлично, но утомленные боемъ расходились въ разныя стороны, чтобы, черезъ нѣсколько времени, вновь собраться вокругъ отряда. Ихъ не страшило уничтоженіе ауловъ.

Такой образъ дѣйствій дагестанцевъ и чеченцевъ вызывалъ и съ нашей стороны выборъ дѣйствительныхъ мѣръ, для противудѣйствія; получился цѣлый непечатанный кодексъ тактическихъ пріемовъ, не согласный съ тогдашнимъ офиціальнымъ уставомъ. Объ

этихъ пріемахъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время не трактуетъ ни одно руководство тактики. Я говорю „къ сожалѣнію", потому что время уноситъ съ собой старыхъ практиковъ и плоды опыта, а послѣднее возстаніе въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ доказало, что забывать прошлое—куринцамъ не рука.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, свободное отношеніе къ формамъ и уставамъ въ кавказскихъ полкахъ дошло до того, что выступая въ походъ, солдаты и офицеры одѣвались и снаряжались далеко несходно съ существовавшими формами. Съ 1839-го года получили право гражданства фуражки, азіятскія шашки, кинжалы и, въ походѣ,—верховыя лошади. Эти предметы запасали, когда бывало предупрежденіе о дальнемъ походѣ. На обыкновенныя тревоги выходили кто въ чемъ попало, лишь бы добраться въ одно мгновеніе до сборнаго пункта. Роты щеголяли другъ передъ другомъ быстротою сбора. Въ приказѣ по войскамъ лѣваго фланга, отъ 21-го декабря 1840-го года, генералъ Ольшевскій говоритъ, что получивъ свѣдѣніе, что въ Сунженской деревнѣ (въ 5-ти верстахъ отъ Грозной) перестрѣлка, онъ приказалъ въ Грозной ударить тревогу; „едва только барабанщикъ окончилъ бить тревогу, какъ 13-я егерская рота Куринскаго полка стояла подъ ружьемъ у казармъ и тотчасъ отправилась на сборный пунктъ, къ мосту на рѣкѣ Сунжѣ", и генералъ, не ожидая другихъ, тотчасъ отправился съ этой ротой на мѣсто перестрѣлки. „Черезъ 1/4 часа прибыла туда 5-я карабинерная и черезъ 1/2 часа 2-я карабинерная роты". За это командиръ 13-й роты получилъ благодарность.

Приготовленія къ экспедиціи производились скрытно, а о направленіи движенія объявлялось только на походѣ. Колонна, обыкновенно, собиралась у крѣпостнаго вала и выступала съ мѣста съ полными военными предосторожностями. На открытомъ мѣстѣ отрядъ высылалъ авангардъ и аррьергардъ, а артилерія и весь обозъ шли посрединѣ главныхъ силъ; вступая въ лѣсъ, части колонны сближались и весь отрядъ окружался непрерывною, густою цѣпью. Въ чеченскихъ лѣсахъ, во всѣхъ случаяхъ, особенно при отступленіи, самымъ бойкимъ мѣстомъ считался тылъ—аррьергардъ и боковыя цѣпи; въ густомъ лѣсу нерѣдко выставлялись двой-

ныя цѣпи. Въ такомъ порядкѣ колонна быстро двигалась къ цѣли, останавливалась, въ случаѣ отдыха, на открытыхъ мѣстахъ и выставляла дежурную часть на позицію. Не смотря на секретныя приготовленія, рѣдко удавалось обмануть бдительность сторожевыхъ постовъ непріятеля. Открывъ движеніе колонны, чеченцы начинали сигнальную стрѣльбу, и люди поста слѣдовали за отрядомъ, означая путь его выстрѣлами. По тревогѣ, честь и доброе имя чеченца требовали бѣжать или скакать на выстрѣлы, и вскорѣ пѣшіе и конные джигиты или окружали отрядъ, или спѣшили къ условленному мѣсту, для встрѣчи русскихъ. При наступленіи, въ лѣсу опаснѣе всего бывали засады.

Эту опасность можно было парализовать привычкой кавказскаго солдата оцѣнивать мѣстность, предугадывать опасность и дружно встрѣчать ее, а главное, не отрываться отъ товарищей и не терять направленіе и присутствіе духа. Новички часто гибли въ цѣпи. Но такъ какъ цѣль цѣпи состояла въ охраненіи главныхъ силъ и предупрежденіи ихъ объ опасности, то все искусство въ цѣпи заключалось только въ открытіи противника; бой небылъ необходимъ,—онъ лежалъ на обязанности главныхъ силъ. Если же въ сторонѣ дороги оказывались пункты командующіе и, вообще, важные, которые, для безопасности движенія, нужно было удерживать, то эта операція лежала на обязанности авангарда. Въ этомъ случаѣ, авангардъ высылалъ часть своихъ силъ, которая должна была оставаться на позиціи до тѣхъ поръ, пока проходили главныя силы, и затѣмъ этотъ боковой отрядъ присоединялся къ арріергарду. Въ лѣсномъ бою, для атакующаго долгая перестрѣлка безполезна, потому что не видна цѣль. По этому, осыпавъ опушку картечью, куринцы тотчасъ бѣжали на „ура" (Валерикъ). Чеченцы рѣдко выдерживали этотъ дьявольскій крикъ; атаку можетъ выдерживать только тотъ, кто самъ богатъ духомъ, да имѣетъ резервъ. Охваты фланговъ конечно важны; но надо помнить, что въ лѣсу не всегда отыщешь флангъ непріятеля, а дальніе обходы требуютъ особаго расчета времени и навыка. Лѣсная война составляла особую спеціальность куринцевъ; по свидѣтельству начальства, въ этомъ отношеніи они не имѣли себѣ соперниковъ. Чеченцы

12

рѣдко защищались въ аулахъ и на позиціяхъ; но если ихъ окружали и закрывали путь отступленія, они бились до послѣдняго. Намъ рѣдко удавалось брать въ плѣнъ чеченца, даже раненаго. Видя неустойку, чеченцы быстро подхватывали своихъ убитыхъ и раненыхъ и разбѣгались.

Эта тактика чеченцевъ, дававшая намъ успѣхи при наступленіи, легкость овладѣнія аулами, и, вообще, неустойчивость чеченцевъ при атакѣ, вводили въ заблужденіе руководителей нашихъ войскъ. Они стали злоупотреблять оружіемъ и создали цѣлый родъ малой войны, называемой „набѣгами".

Мы видѣли, что до 1839-го года всѣ наши экспедиціи были набѣгами; особенно любилъ этотъ характеръ войны Граббе, который и большимъ своимъ экспедиціямъ придавалъ характеръ набѣговъ. Пользы отъ этихъ набѣговъ для дѣла Россіи не было никакой; они давали только практику солдату и, благодаря имъ, Куринскій полкъ сдѣлался спеціалистомъ этого дѣла. Но мы здѣсь не задаемся вопросомъ о пользѣ этихъ набѣговъ, заподозрѣнныхъ даже покойнымъ Императоромъ Николаемъ I въ корысти, въ жаждѣ наживы; скажемъ только, что и сами чеченцы извлекли изъ нихъ свою долю пользы: наученные опытомъ, они давали намъ почти безъ выстрѣла углубляться въ свои лѣса и когда наши солдаты, раззоривъ аулы, возвращались навьюченные пожитками, чеченцы насѣдали на отрядъ и здѣсь то начиналась кровавая расправа за наши успѣхи.

Картинное описаніе дѣйствій чеченцевъ при нашемъ отступленіи мы уже привели выше, а иллюстраціей для этого описанія служитъ ичкеринскій походъ, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Въ чемъ же секретъ арріергарднаго дѣла? На этотъ вопросъ старые куринцы давали короткій отвѣтъ: „не показывай тыла". Лучшіе баталіоны, при натискѣ непріятеля, останавливались, отбивались штыками и потомъ продолжали медленное отступленіе, оглядываясь на врага. Быстрое отступленіе ведетъ къ бѣгству, а это послѣднее къ паникѣ; а кто не знаетъ, что такое паника въ лѣсу, тому не лишнее вспомнить сухарную экспедицію 1845-го года.

Здѣсь, воглавѣ авангарда Пассека, шелъ одинъ баталіонъ 5-го корпуса; онъ наткнулся на завалъ и былъ ошеломленъ; Пассекъ выбѣжалъ впередъ, но баталіонъ не пошелъ за нимъ: непріятельскій неожиданный залпъ разсѣялъ его; тогда Пассекъ, говорятъ, изрубивъ собственноручно знаменщика, одинъ ворвался на завалъ. Подоспѣвшій сбоку взводъ куринцевъ кинулся за Пассекомъ, занялъ завалъ и нашелъ на валу своего бригаднаго командира при послѣднемъ издыханіи. Едва успѣвъ проговорить: „прощай моя храбрая бригада!" Пассекъ умеръ *). Завалы ужь были въ нашихъ рукахъ, а баталіонъ все бѣжалъ въ лагерь, „опрокидывая на пути не только людей, но и лошадей и толстыя деревья". Все смѣшалось въ одну кучу. Этимъ временемъ, сбоку насѣли чеченцы, которые рубили, убивали и сбрасывали бѣгущихъ въ пропасть; и не явись въ это время на помощь бѣжавшимъ одинъ баталіонъ кабардинцевъ,— вѣроятно, на плечахъ объятыхъ паникой, чеченцы врѣзались бы въ нашъ лагерь. Но кромѣ этого отрицательнаго примѣра, мы имѣемъ въ своей исторіи весьма поучительный, положительный примѣръ того, какъ слѣдуетъ встрѣчать въ лѣсу неожиданность.

18-го октября 1841-го года, при проходѣ авангарда черезъ гойтинскій лѣсъ, ось у одной изъ повозокъ обоза сломалась. Нѣсколько человѣкъ куринцевъ суетились около опрокинутой телѣги. Фрейтагъ, съ небольшимъ своимъ штабомъ, оставался сзади арріергарда, который продолжалъ слѣдовать впередъ и былъ уже на значительномъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ сломалась телѣга. Вдругъ, съ обѣихъ сторонъ узкаго дефиле показались чеченцы, въ числѣ до сотни человѣкъ, и, обнаживъ шашки, понеслись на Фрейтага, остановившагося съ горстью людей. Фрейтагъ спокойно удержалъ коня; 12-ть куринцевъ окружили своего командира, который имъ скомандовалъ: „ружье къ ногѣ!" и въ этомъ спокойномъ положеніи ожидалъ нападенія. Чеченцы остановились, полагая, что горсть солдатъ начнетъ стрѣлять и тѣмъ произведетъ у себя безпорядокъ, или же повернетъ тылъ, и тогда въ нѣсколько минутъ

*) Такъ разсказываетъ участникъ дѣла, Куринскаго полка поручикъ Горчаковъ. Кавк. Сбор. т. II. „Экспедиція въ Дарго".

будетъ вся изсѣчена. Солдаты, ободренные хладнокровіемъ Фрейтага, стояли неподвижно. Съ нетерпѣніемъ ожидали они прибытія изъ арріергарда орудія, за которымъ Фрейтагъ послалъ офицера, но не смѣлъ оглянуться назадъ, боясь спустить глаза съ своихъ и съ чеченцевъ. Наконецъ, послышался стукъ подъѣзжавшей сзади пушки, вслѣдъ затѣмъ команда: „раздайся направо и налѣво!“ Послѣ двухъ картечныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ изъ орудія, чеченцевъ уже не было: намѣстѣ лежало семнадцать труповъ.

Изъ всѣхъ нашихъ разсказовъ видно, что для лѣсной войны нужны индивидуальное развитіе солдата, неустрашимость, а также привычка и умѣнье дѣйствовать вразсыпную, сохраняя связь и сноровку сгруппироваться вовремя и на важномъ мѣстѣ. Старые куринцы скучивались около храбрѣйшихъ; эти избранники были извѣстны въ каждой ротѣ и, отправляясь въ цѣпь, какъ магнитъ притягивали къ себѣ племяшей; кромѣ того, въ Куринскомъ полку сформировался особый типъ офицеровъ, спеціальность которыхъ была вѣчно ходить въ цѣпи и въ секреты; навыкъ получался отъ долгой практики. Въ наше время измѣнились средства и нѣтъ опыта. Живя въ странѣ лѣсовъ, къ сожалѣнію, новые куринцы рѣдко могутъ производить даже учебныя занятія въ лѣсахъ и горахъ. Нашъ солдатъ очень молодъ и не привыченъ къ случайностямъ. Опытъ послѣднихъ походовъ въ 1877-мъ году показалъ, что нужно много жертвъ, пока мы вновь усвоимъ наслѣдіе и завѣщаніе старыхъ куринцевъ.

Авангардъ, арріергардъ и боковыя цѣпи теперь также нужны, какъ и прежде; въ этомъ не можетъ быть разницы; но не надо забывать, что нашего молодаго солдата нельзя пускать въ лѣсъ въ одиночку и даже попарно. Онъ заблудится и сдѣлается жертвой своей неопытности. По этому, я полагаю необходимымъ цѣпи составлять изъ ряда разомкнутыхъ отдѣленій, отстоящихъ другъ отъ друга настолько, чтобы не терять товарищей изъ вида. Такое группированіе отдѣленій и взводовъ дѣлается совершенно необходимымъ и при занятіи лѣсной позиціи.

Наконецъ, хорошее ружье, которымъ вооруженъ нынѣ нашъ солдатъ, дастъ намъ возможность дольше держаться на позиціи и

стрѣлять на большія разстоянія. Послѣднимъ преимуществомъ слѣдуетъ пользоваться, когда видна цѣль; замѣна качества огня количествомъ выстрѣловъ невыгодна для наступающаго; не смотря на всѣ достоинства нашего ружья, въ лѣсной войнѣ, всетаки, обойтись безъ штыка нельзя—онъ останется арріергарднымъ оружіемъ и единственнымъ средствомъ выгнать противника изъ заваловъ.

XI.

Событія, предшествовавшія походу въ Дарго въ 1845-мъ году. Прибытіе на Кавказъ графа Воронцова. Даргинскій походъ 1845-го года, до сухарной экспедиціи, и участіе въ немъ куринцевъ.

Разсказъ о событіяхъ на Кавказѣ въ 1845-мъ году мы должны начать съ того же, съ чего начали разсказъ о 1844-мъ годѣ, т. е. что результаты военныхъ дѣйствій предыдущаго года не удовлетворили Императора Николая I. Тѣмъ настойчивѣе Онъ повелѣлъ преслѣдовать предначертанія, сдѣланныя въ предыдущемъ году; но уже исполненіе было поручено новому командиру кавказскаго корпуса, тогда еще графу, М. С. Воронцову, имя котораго такъ дорого Куринскому полку.

Волю Свою о военныхъ дѣйствіяхъ 1845-го года Государь изложилъ въ особой собственноручной запискѣ, отъ 22-го ноября 1844-го года, въ которой Его Величество поставилъ категорически слѣдующія задачи: *1) разбить, буде можно, скопища Шамиля, 2) проникнуть въ центръ его владычества и 3) въ немъ утвердиться.*

Иначе говоря, требовалось проникнуть въ центръ самыхъ горъ, которымъ считалось Анди, попутно разбить непріятеля, устроить укрѣпленіе въ его столицѣ—Дарго, связать это укрѣпленіе обез-

печеннымъ коммуникаціоннымъ путемъ съ кавказской линіей и вездѣ оставить гарнизоны, обезпечивающіе за нами навсегда все сдѣланное.

На все это предназначалось сорокъ баталіоновъ, сосредоточенныхъ на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ. Разсматривая планъ кампаніи 1845-го года, переданный князю Воронцову *) военнымъ министромъ въ Петербургѣ, нельзя не сказать, что изъ ряда мотивовъ, поставленныхъ серьезными причинами, вынуждавшими насъ на предположенное новое и опасное предпріятіе, можно признать только одну причину, оправдывающую походъ—это сознаніе, что сильная и гордая Россія не можетъ перенести даже временной надъ собой побѣды Шамиля, котораго, всетаки, признавали не за представителя воюющей стороны, а за проходимца, бунтовщика, случайно имѣвшаго надъ нами успѣхъ. Но и этому мотиву можно уступить развѣ только въ минуту возбужденія, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ его, Петербургъ, порицавшій до сихъ поръ всякій необдуманный шагъ кавказскихъ генераловъ, справедливо ставившій Вельяминову, Розену, Фезе и Граббе въ упрекъ безцѣльные набѣги 1832-го, 1837-го и 1842-го годовъ, самъ предложилъ сдѣлать новый колоссальный и опасный набѣгъ, уже въ то время, когда кавказское начальство опытомъ дошло до полнаго и безвозвратнаго отрицанія всякихъ набѣговъ.

Такъ перемѣнились роли! Но тогда на Кавказѣ уже фигурировали генералы Фрейтагъ и князь М. З. Аргутинскій, которые наобумъ ничего не дѣлали; они выразились противъ этой экспедиціи и этого было довольно, чтобы всѣ войска почувствовали недовѣріе къ предпріятіямъ 1845-го года.

Князь Воронцовъ, старый и опытный воинъ, не блѣднѣвшій передъ арміей Наполеона при Краонѣ, также не былъ чуждъ зловѣщихъ предчувствій и хотя, съ тактомъ, никогда не покидавшимъ этого полководца, онъ съумѣлъ вдохнуть въ войска надежду на

---

*) Графъ М. С. Воронцовъ вскорѣ былъ пожалованъ титуломъ князя, и, для избѣжанія сбивчивости, въ послѣдующемъ разсказѣ мы будемъ называть его княземъ.

успѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, передъ самымъ походомъ, писалъ слѣдующее знаменательное письмо къ военному министру.

,,Еслибы даже полученное мною приказаніе дѣйствовать въ этомъ году наступательно, прежде чѣмъ вновь приняться за устройство передовой чеченской линіи, было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ и всѣ здѣшніе генералы, всетаки я бы исполнилъ его съ тѣмъ же рвеніемъ; но я откровенно говорю здѣсь всѣмъ, что это также и мое мнѣніе и что мнѣ кажется неблагоразумнымъ избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ и возможности нанести ему вредъ; что это устроитъ наши дѣла лучше всего. Если Богу неугодно будетъ благословить насъ успѣхомъ, мы всетаки сдѣлаемъ нашъ долгъ, не будемъ виноваты, и обратимся тогда нѣсколько позже къ методической системѣ, которая принесетъ плоды, но, разумѣется, не такъ скоро, какъ въ томѣ случаѣ, еслибы одержали успѣхъ въ борьбѣ съ самимъ Шамилемъ". Черезъ пять дней князь Воронцовъ еще разъ писалъ, что не смѣетъ надѣяться на большой успѣхъ, но сдѣлаетъ все, что будетъ отъ него зависѣть, чтобы исполнить желаніе Государя *).

Таково было настроеніе кавказскихъ войскъ, когда они готовились къ даргинскому походу.—Для экспедиціи 1845-го года были собраны два отряда—чеченскій и дагестанскій. Общее направленіе военныхъ дѣйствій было возложено на самого Воронцова, съ титуломъ главнокомандующаго 5-мъ и отдѣльнымъ кавказскимъ корпусами. Чеченскій отрядъ, въ составѣ $12^3/_4$ баталіоновъ, грузинской пѣшей милиціи, 13-ти сотенъ кавалеріи и 28-ми орудій, при 1300 червордарскихъ лошадяхъ, подъ начальствомъ командира 5-го корпуса генерала Лидерса, собрался 28-го мая къ крѣпости Внезапной и получилъ приказаніе двинуться черезъ Хубаръ къ Гертме, гдѣ долженъ былъ соединиться съ дагестанскимъ отрядомъ генерала князя Бебутова.

Въ составѣ чеченскаго отряда были 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка; командира полка при отрядѣ не было. Полковникъ Виттортъ, сильно страдавшій отъ полученной въ 1844-мъ

*) Зиссерманъ. „Исторія кабардинскаго полка" ч. II. стр. 397.

году раны, уже съ тѣхъ поръ не участвовалъ въ походахъ; баталіонами Куринскаго полка завѣдывалъ командиръ 1-го баталіона полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, человѣкъ уже заслужившій репутацію весьма храбраго и распорядительнаго начальника. На время похода, его баталіономъ командовалъ флигель-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, храбрый, но не опытный боевой офицеръ, прибывшій въ свитѣ кн. Воронцова; 2-мъ и 3-мъ баталіонами командовали старые куринцы—маіоры Костырко и Гюлингъ. 31-го мая, послѣ молебствія, бывшаго въ присутствіи главнокомандующаго, окруженнаго блестящей и многочисленной свитой, въ которой былъ, между прочимъ, наслѣдный принцъ гессенскій Александръ, чеченскій отрядъ двинулся, съ пѣснями, по предгорьямъ къ р. Сулаку и затѣмъ началъ подниматься къ Хубару. 3-го іюня, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, кромѣ незначительной перестрѣлки на хубарскихъ высотахъ, отрядъ прибылъ въ Гертме, гдѣ стоялъ дагестанскій отрядъ; въ этотъ же день, полчища Шамиля, собравшіяся за Теренгуломъ, рѣшили очистить эту крѣпкую позицію и наши войска заняли безъ боя аулъ Буртунай, дорого стоившій намъ въ 1839-мъ году.

3-го іюня, у Буртуная, подъ личнымъ начальствомъ кн. Воронцова, собрались 20-ть баталіоновъ, одна сотня грузинской милиціи, съ кавалеріей и артилеріей; кромѣ того, у Гертме былъ оставленъ этапный пунктъ изъ трехъ баталіоновъ, прикрывавшихъ вагенбургъ, устроенный для полевыхъ орудій, парка и лишнихъ тяжестей.

Изъ Буртуная въ Гумбетъ ведутъ двѣ дороги: одна, черезъ перевалъ Кыркъ, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ въ 1839-мъ году Граббе устроилъ укрѣпленіе Удачное (близъ аула Артлука); а другая—западнѣе первой, черезъ мичикальское ущелье, въ обходъ съ западной стороны горы Анчимееръ, къ аулу Аргуани.

О непріятелѣ не было положительныхъ свѣдѣній; Воронцовъ зналъ только, что скопища Шамиля поднялись на перевалъ, отдѣляющій Гумбетъ отъ Салатавіи. Носились также слухи, что Шамиль занялъ сильную позицію на отрогѣ, образующемъ мичикальское ущелье. Чтобы разсѣять сомнѣнія, главнокомандующій сфор-

мировалъ авангардную колонну изъ первыхъ баталіоновъ всѣхъ полковъ, бывшихъ въ отрядѣ, и отдавъ ихъ подъ начальство командира 2-й бригады 20-й дивизіи генерала Пассека, приказалъ обрекогносцировать перевалъ. Самъ князь Воронцовъ остался при отрядѣ.

Пассекъ двинулся на крутой подъемъ Кыркъ, откуда виднѣлся непріятель; оказалось, что Шамиль, обрушивъ дорогу, круто подымавшуюся на этотъ перевалъ, занялъ его только пикетами, самъ же ожидалъ насъ по болѣе доступной дорогѣ черезъ Мичикалъ. Когда Шамиль замѣтилъ наше движеніе на Кыркъ, то поспѣшилъ подняться вверхъ по лѣвому берегу ручья Мичикалъ и занялъ гору Анчимееръ, которая лежитъ на главномъ хребтѣ и командуетъ дорогами, идущими съ одной стороны въ Аргуани, а съ другой—черезъ Мичикалъ и Мехельту, къ Андіи. Анчимееръ, отъ мѣста расположенія нашихъ войскъ на Кыркѣ, отдѣлялся глубокимъ оврагомъ. Пока наши войска подтягивались на Кыркъ, Шамиль успѣлъ поднять на Анчимееръ одно орудіе.

Осмотрѣвъ непріятельское расположеніе, князь Воронцовъ приказалъ Пассеку атаковать Анчимееръ; самъ же, со всею свитою, сталъ на пригоркѣ, откуда былъ видѣнъ каждый шагъ нашихъ войскъ.

Пассекъ двинулъ впередъ куринцевъ, апшеронцевъ и грузинскую милицію, которою командовалъ капитанъ князь Л. И. Меликовъ. Спускъ къ оврагу, отдѣлявшему насъ отъ горы, былъ обрывистый; но это не удержало куринцевъ: они быстро стали спрыгивать и заваливать препятствія. За куринцами шли апшеронцы; грузины же выбрали другую дорогу. Вскорѣ, не смотря на ружейный и артиллерійскій огонь непріятеля, подъ Анчимееромъ собрался весь авангардъ Пассека, и этотъ герой безъ промедленія повелъ атаку. Куринцы, апшеронцы, житомірцы и грузины двинулись съ фронта по отвѣсной горѣ; нѣсколько лѣвѣе, по тропѣ, пошли люблинцы, съ горными орудіями.

Вмѣстѣ съ началомъ атаки непріятель участилъ стрѣльбу. Ядра, пули и камни свистали вокругъ. День выпалъ жаркій, а воды нѣтъ! Безъ выстрѣла, тѣмъ медленнымъ шагомъ, который характеризуетъ хорошаго горнаго охотника, войска начали ползти

на гору. Вскорѣ милиція опередила всѣхъ; за нею шли куринцы; весь отрядъ, затаивъ дыханіе, съ трепетомъ слѣдилъ за движеніемъ нашихъ, походившихъ на темномъ фонѣ покатости горы на рой муравьевъ; съ приближеніемъ солдатъ къ вершинѣ Анчимеера доброе сердце Воронцова начало биться сильнѣе—вѣдь это было первое его дѣло на Кавказѣ! Бинокль его не сходилъ съ глазъ. Штурмъ продолжался почти цѣлый часъ; ,,губы наши запеклись кровью отъ зноя и жажды'', пишетъ одинъ изъ куринцевъ, участниковъ штурма *).

Непріятель продолжалъ упорствовать; но видя невозможность остановить нашихъ, которые, какъ какая то стихійная сила, безъ удержа, дружно шли впередъ, мюриды, спустивъ всѣ камни, увезли орудіе, и бросились въ шашки. Нѣсколько милиціонеровъ князя Меликова, бывшихъ впереди, поплатились, но въ это время подоспѣли—по выраженію главнокомандующаго—старые знакомые Шамиля—куринцы; напрягши послѣднія усилія, герои наши, почти истощенные, еще разъ крикнули хриплое ура и взлетѣли на вершину. Впереди всѣхъ былъ поручикъ Мерклинъ. Мюриды бѣжали, совершенно очистивъ намъ позицію. Холодная дагестанская ночь застала насъ на вершинѣ Анчимеера, а блистательная атака стоила куринцамъ всего 5-ть человѣкъ ранеными.

Взятіе горы Анчимееръ, 6-го іюня 1845-го года, займетъ видное мѣсто въ исторіи Куринскаго полка не потому только, что это было дѣйствительно молодецкое дѣло—такихъ нѣсколько на памяти куринцевъ, какъ до 1845-го года, такъ и послѣ него—но потому, что оно заронило въ душу Воронцова особое уваженіе къ геройскому полку; это уваженіе выразилось и въ собственноручномъ письмѣ князя къ Государю и въ восторженныхъ похвалахъ главнокомандующаго куринцамъ.

1-й баталіонъ получилъ за это дѣло надпись на знамени ,,за взятіе горы Анчимееръ 6-го іюня 1845-го года'', графъ Бенкендорфъ украшенъ георгіевскимъ крестомъ, а полкъ имѣлъ счастіе

---

*) Горчаковъ. „Экспедиція въ Дарго“. Кавк. Сб. т. II.

записать въ списокъ своихъ офицеровъ имя графа М. С. Воронцова, назначеннаго за это же дѣло шефомъ Куринскаго полка *).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ подлинныхъ выраженій ни письма, ни донесенія кн. Воронцова, на основаніи которыхъ Государю благоугодно было даровать полку столь высокія награды; въ сочиненіи Зиссермана, который имѣлъ случай читать подлинную переписку, мы находимъ выдержки изъ письма, гдѣ упоминается о куринцахъ; мы приводимъ ниже эти выраженія, но оговариваемся, что такъ какъ Зиссермана не интересовали судьбы куринцевъ, то вѣроятно его выдержки не исчерпываютъ всего, что нужно для нашей цѣли. Воронцовъ писалъ, что не зналъ навѣрно ни численности непріятеля, ни силы устроенныхъ искусственныхъ загражденій; что онъ не рѣшился бы съ бывшими у него подъ рукой войсками штурмовать почти неприступную позицію, но не желая ободрять горцевъ отступленіемъ и видя чрезвычайное одушевленіе войскъ и самого генералъ-маіора Пассека, „у котораго глаза заблистали отъ удовольствія, при первомъ памекѣ на атаку Анчимеера",

*) Лестные отзывы князя Воронцова о куринцахъ естественнымъ образомъ вызвали ревность ихъ храбрыхъ собригадниковъ—кабардинцевъ. Соревнованіе развилось въ походѣ 1845-го года до сильныхъ размѣровъ, до болѣзни; дѣло дошло до того, что перещеголять другъ друга въ бою сдѣлалось задачей всѣхъ усилій куринцевъ и кабардинцевъ. 14-го іюня, по взятіи Анди, когда, послѣ жаркаго и молодецкаго дѣла кабардинцевъ, въ которомъ раненъ командовавшій баталіономъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій, понесли раненаго кабардинскаго офицера Неймана, этотъ послѣдній, по словамъ генерала Геймана, на вопросъ встрѣтившагося князя Воронцова объ его здоровьи, отвѣтилъ: „а что, ваше сіятельство, кто лучше дерется—кабардинцы или куринцы?" Эти же слова въ исторіи кабардинскаго полка переданы такъ: „а что, ваше сіятельство, и теперь скажете, что куринцы лучше кабардинцевъ?" Эти эпизоды невольно напоминаютъ намъ соревнованіе, начавшееся между грузинцами и эриванцами послѣ сраженія при Башъ-Кадыклярѣ; но разница въ томъ, что между этими славными полками дѣло кончилось враждой, тогда какъ куринцы и кабардинцы, до сихъ поръ ревниво поглядывая другъ на друга, всетаки, сохраняютъ уваженіе къ славному прошлому товарищей и достойно цѣнятъ ихъ боевыя заслуги.

Мы нетолько ничего не имѣемъ противъ этого благороднаго соревнованія куринцевъ и кабардинцевъ, но желаемъ ему развиваться, конечно, только въ смыслѣ благороднаго боеваго соревнованія.

приказалъ идти на приступъ, совершенный такъ блистательно, и, къ счастью, съ такой ничтожной потерей. Вся честь дѣла приписана грузинамъ и 1-му баталіону Куринскаго полка..... „Впрочемъ, съ такими людьми и съ такими войсками, какія здѣсь у насъ есть, нѣтъ ничего невозможнаго", прибавлено въ письмѣ князя Воронцова.

На этомъ письмѣ Государь написалъ: „*Согласенъ на все* (т. е. на испрашиваемыя награды); *донесеніе напечатать отъ слова до слова въ Русскомъ Инвалидѣ; дай Богъ далѣе успѣха; начало славное*".

Послѣ занятія Анчимеера, чеченскій отрядъ сосредоточился къ тому самому лагерному мѣсту, гдѣ въ 1839-мъ году Граббе построилъ укрѣпленіе Удачное; въ тоже время дагестанскій отрядъ сталъ на Мичикалѣ; посрединѣ между обоими отрядами, на горахъ, бивакировалъ авангардъ генерала Пассека. На другой день, этотъ генералъ счелъ нужнымъ продвинуться съ Анчимеера нѣсколько впередъ, на гору Зунумееръ, и занялъ ее 7-го іюня. Непріятель вездѣ отступалъ по направленію къ Андіи.

На новыхъ позиціяхъ наши войска простояли довольно долго. Главнокомандующій былъ занятъ подвозкою довольствія и устройствомъ коммуникаціоннаго пути, съ цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ этаповъ, оставшихся въ тылу. Такія же укрѣпленія были устроены близъ бывшаго Удачнаго, для обезпеченія обладанія переваломъ (на двѣ роты и на два орудія), и на Мичикалѣ (на одинъ баталіонъ и на два орудія). Особенно важное значеніе имѣлъ этотъ послѣдній, сдѣлавшійся опорнымъ пунктомъ на главномъ пути сообщенія. Окончивъ всѣ эти дѣла, князь Воронцовъ стянулъ оба отряда на Мичикалъ и, оставивъ здѣсь 3-й баталіонъ, 8-ю и 9-ю егерскія роты Куринскаго полка, подъ начальствомъ командира 2-го баталіона подполковника Гюлинга, съ остальными силами двинулся 11-го іюня по направленію къ андійскимъ воротамъ. 12-го числа, всѣ войска сосредоточились у аула Цилитль, куда спустился и авангардъ Пассека.

Время съ 5-го по 12-е іюня прошло безъ встрѣчъ съ противникомъ но, зато, войска претерпѣли неимовѣрные труды и

страшныя лишенія—особенно авангардъ. Съ 7-го числа начались проливные дожди съ бурями, а потомъ выпалъ снѣгъ. Авангардъ, какъ мы знаемъ, стоялъ все это время на Зунумеерѣ, на огромной высотѣ, подверженной порывистымъ вѣтрамъ, безъ дровъ, воды и палатокъ, въ лѣтнемъ платьѣ. Чтобы имѣть понятіе о положеніи 1-го куринскаго баталіона на Зунумеерѣ, довольно сказать, что въ авангардѣ Пассека замерзло нѣсколько человѣкъ, 450-ть обморозили себѣ конечности и до 500-тъ лошадей пало отъ холода и истощенія; наши солдатики, вырывъ себѣ продольныя ямы, называемыя „могилками", цѣлые дни лежали въ нихъ попарно, стоически выжидая своей очереди. Вотъ какъ описываетъ положеніе авангарда бывшій адъютантъ 1-го баталіона прапорщикъ Горчаковъ:

„Одиннадцатое іюня застало насъ на снѣжной горѣ, подъ сумрачнымъ небомъ, открытой холодному вѣтру. Облака, одно за другимъ, неслись надъ нашимъ бивуакомъ, какъ бы испытывая наше терпѣніе и мужество въ борьбѣ съ природою и ея стихіями.

„Наши вьюки остались въ главномъ отрядѣ. Въ теченіе пяти сутокъ, терпя недостатокъ въ необходимомъ, мы перебивались хуже цыганъ. Отсутствіе топлива вынудило насъ обратить на дрова половинки кольевъ, которыми прикрѣпляются палатки; но, къ сожалѣнію, эта мѣра пригодилась на одинъ разъ; да и каша, сваренная на кольяхъ, оказалась наполовину сырою. Затѣмъ, у насъ не осталось даже и крупъ: нечего было варить. На пятый день, ночью, пріѣхалъ къ намъ, подъ прикрытіемъ сотни милиціонеровъ, юнкеръ нижегородскаго полка графъ Чапскій, который, зная наше бѣдственное положеніе, привезъ для насъ манерку спирта и фунта три колбасы. Рано утромъ мы собрались у кургана, гдѣ стояло наше горное орудіе, и Чапскій, откупоривъ манерку, отпускалъ каждому, по желанію, спиртъ,—впрочемъ, не свыше одной чарки. Пьющій и непьющій глотали этотъ спиртъ, не разводя его даже водою, которой, впрочемъ, и не было; воду замѣнялъ намъ снѣгъ. 1-й баталіонъ нашъ перестрадалъ весьма сильно: онъ переболѣлъ весь, не исключая офицеровъ. Вѣроятно эта причина побудила Во-

ронцова отправить баталіонъ 13-го іюня на отдыхъ въ Мичикалъ, гдѣ онъ остался до первыхъ чиселъ іюля, когда и присоединился къ главнымъ силамъ въ аулѣ Анди, передъ наступленіемъ на Дарго".

Такимъ образомъ, въ составѣ главныхъ силъ, съ 13-го іюня по начало іюля оставались только 3-я карабинерная и 7-я егерская роты, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго.

Въ промежутокъ этотъ, Воронцовъ прошелъ черезъ андійскія ворота и занялъ аулъ Анди, встрѣтивъ противника только за этимъ ауломъ, на горѣ Азалъ. 14-го числа гора эта была атакована 3-мъ баталіономъ кабардинскаго полка, подъ командою полковника князя Барятинскаго. Здѣсь кабардинцы дрались превосходно и результатъ былъ блестящій. Такимъ образомъ, 14-го числа кабардинцы торжествовали. До этого дня они не могли забыть лавровъ, доставшихся куринцамъ на Анчимеерѣ.

Такимъ образомъ, побѣда 1-го баталіона куринцевъ на Анчимеерѣ отдала въ руки Воронцова Гумбетъ, а побѣда 3-го баталіона кабардинцевъ на горѣ Азалъ—Андію. Впрочемъ, справедливость требуетъ упомянуть, что въ обоихъ этихъ дѣлахъ, наравнѣ съ куринцами и кабардинцами, дралась и грузинская милиція князя Меликова.

Пока наши дѣла шли успѣшно, кн. Воронцовъ спѣшилъ утѣшить Государя похвальными отзывами о войскахъ, и особенно о нашей бригадѣ, о которой выразился, что храбрость полковъ ея „превыше похвалъ". Покойный Государь въ собственноручномъ письмѣ благодарилъ Воронцова и, между прочимъ, писалъ: „*Объявите Мое удовольствіе и благоволеніе войскамъ; скажите молодцамъ вашимъ, что Я, ихъ видѣвшій, ихъ знавшій, зналъ чего отъ нихъ можно ожидать. Благодарю ихъ, что доказали это; они все тѣ же кавказскіе герои, даромъ, что ряды пополнялись молодыми. Къ доброму корню легко прививать*". Эти лестныя слова были объявлены въ приказѣ отъ 26-го іюля.

Эти слова Государя, можно утверждать, вполнѣ заслужены войсками; они дѣлали свое дѣло честно, какъ подобаетъ русскому солдату.

Съ занятіемъ Андіи окончилась первая половина кампаніи; прежде, чѣмъ идти далѣе, нужно было устроиться въ завоеванномъ краѣ. Но что значитъ устроиться? Какъ устроиться? По предположенію, мы должны были устроить сильное укрѣпленіе въ Андіи, оставить здѣсь сильный гарнизонъ и связать новое укрѣпленіе съ Шурой или Внезапной.

Главнокомандующій, невѣрившій въ успѣхъ предпріятія еще до выступленія въ походъ, окончательно убѣдился, что задача, ему предложенная, непосильна. Прежде всего отрядъ силой въ 21-нъ баталіонъ растаялъ на пути, и въ Андіи у князя Воронцова осталось 10-ть баталіоновъ, въ то время какъ силы Шамиля были, можно сказать, нетронуты. Мало того, ясно было, что эти силы возрасли, потому что въ этотъ періодъ къ Шамилю стали прибывать подкрѣпленія изъ Чечни; мы же, не смотря на успѣхи, не могли считать на своей сторонѣ ни одного аула. Намъ досталась страна вконецъ раззоренная Шамилемъ, „горная пустыня", выжженная и выселенная суровою рукою имама. Наша коммуникаціонная линія, черезъ андійскія ворота, Мичикалъ, Гертме и Евгеніевское укрѣпленіе, имѣла длины болѣе 150-ти верстъ и пролегала по весьма трудной мѣстности, окруженной враждебнымъ намъ населеніемъ; по этому пути можно было двигаться только на вьюкахъ и съ сильнымъ конвоемъ. Чтобы снабжать отрядъ всѣмъ необходимымъ, были заведены многочисленные вьючные транспорты; но страшная погода, царившая все лѣто, бездорожье и, наконецъ, самъ врагъ — сдѣлали доставку вещей настолько трудною, что въ отрядѣ получались продукты въ количествѣ едва достаточномъ для текущаго довольствія. Всякая попытка сдѣлать какой либо запасъ продовольствія для предстоящаго времени—оставалась напрасною. Непріятель понялъ наши затрудненія и всѣ свои усилія направилъ на нашъ тылъ. Князь Воронцовъ, будучи очень недоволенъ неправильнымъ и медленнымъ ходомъ снабженія, поручилъ это важное дѣло генералу князю Бебутову, но непріятель былъ уже настолько дерзокъ, что напалъ на колонну, сопровождавшую этого генерала, и чуть не захватилъ его самого въ плѣнъ.

Такимъ образомъ, по приходѣ въ Анди, отрядъ началъ уже

бороться съ противникомъ исключительно за продовольствіе; стратегическія соображенія уступили мѣсто чисто интендантскимъ, и отрядъ въ полномъ бездѣйствіи оставался въ Анди до 6-го іюля, считая время отъ прихода одного транспорта до прихода другаго. Занятія войскъ ограничились устройствомъ небольшаго землянаго укрѣпленія, съ окончаніемъ котораго насталъ періодъ полнаго бездѣйствія, въ ожиданіи чего то лучшаго. Въ это время, 1-го іюля, убитъ Куринскаго полка поручикъ Каницевъ, на пастьбѣ табуна.

Покойный генералъ Гейманъ, въ своихъ запискахъ, говоря о положеніи отряда 20-го іюня, прибавляетъ: „намъ уменьшили дачу сухарей; зато мяса было вдоволь. Въ это время, по недостатку крупы, намъ отпустили овесъ, но приказали сначала парить его, потомъ толочь, а потомъ варить..... но никто не роpталъ; всѣ были веселы и довольны. Офицеры получали сухари натурою и порціонныя деньги на мясо.... До 6-го іюля—продолжаетъ Гейманъ—занятія наши были вполнѣ скучны; строилось особое временное укрѣпленіе, для прикрытія вагенбурга, который здѣсь оставался; назначались войска, для прикрытія пастьбы лошадей и порціоннаго скота; но все вниманіе наше было обращено на андійскія ворота, откуда ожидались сухари; ихъ у насъ совсѣмъ подъ конецъ небыло; соли—тоже. Одна мясная пища начала вскорѣ влiять на здоровье: въ лицѣ явилась какая-то обрюзглость, голова кружилась и вообще чувствовалось непріятное ощущеніе. Недостатокъ табаку казался самымъ ощутительнымъ“.

Когда 4-го числа пришелъ транспортъ съ продовольствіемъ и главнокомандующій убѣдился, что дальнѣйшая остановка въ Анди не оправдывается никакими соображеніями, онъ рѣшился перейти въ Ичкерію. Этимъ движеніемъ, вопервыхъ, мы еще разъ шли навстрѣчу врагу, а слѣдовательно избѣгали позорнаго и очень опаснаго отступательнаго движенія; а вовторыхъ, въ случаѣ, еслибы намъ удалось разбить врага,—мы достигали еще одной цѣли, поставленной въ программѣ Государя и, по ущелью Аксая, сокращали путь нашъ до русскихъ владѣній почти наполовину.

Оставивъ въ андійскомъ укрѣпленіи небольшой гарнизонъ, со всѣми больными, князь Воронцовъ двинулся 6-го іюля къ Дарго,

въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ, подъ командой генералъ-маіора Бѣлявскаго, $2^1/_4$ баталіона, 4 орудія и 1 сотня. Въ главныхъ силахъ, подъ командой генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау, всѣ вьюки и тяжести, $4^1/_4$ баталіона и 8-мь орудій. Въ правой цѣпи, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, были Куринскаго полка 1 баталіонъ, 3-я карабинерная и 7-я егерская роты, взводъ стрѣлковъ и одна сотня грузинской пѣшей милиціи. Въ лѣвой цѣпи, подъ командой полковника Козловскаго, $2^1/_4$ баталіона и одна сотня грузинской пѣшей милиціи. Въ арріергардѣ, подъ командой генералъ-маіора Лабынцева, 2 баталіона, 4 орудія и казаки. Всего въ отрядѣ было $12^1/_4$ баталіоновъ, двѣ сотни пѣшей грузинской милиціи, 2 легкихъ, 14-ть горныхъ орудій и казаки, всего 9500 человѣкъ.

Изъ Андіи въ Дарго дорога сначала круто поднимается прямо на сѣверъ, и, въ верстахъ 10—12-ти отъ устроеннаго нами укрѣпленія, переваливъ хребетъ Речелъ, открываетъ широкій видъ на истоки Хулхулау и Аксая; здѣсь начинается злополучная въ исторіи—Ичкерія. Природа мѣняетъ свой характеръ: вмѣсто голыхъ скалъ Андіи—здѣсь дремучіе лѣса, покрывающіе всѣ скаты горъ; каменныя, скученныя сакли Андіи замѣняются деревянными строеніями, раскинутыми на поляхъ береговъ Хулхулау и Аксая; тамъ лезгины, тавлинцы—здѣсь чеченцы; тамъ оборона въ аулахъ—здѣсь отчаянный одиночный бой въ лѣсу. Со всѣми этими особенностями, такъ рѣзко отличающими Чечню отъ Дагестана, мы уже ознакомились при описаніи походовъ Граббе и Фезе. Куринцы хотя и вступали въ новую, до того невиданную страну, но они уже знали, что имъ предстоитъ. Съ вершины Речелъ круто спускается ущелье Аксая, по которому шла наша дорога въ Дарго; справа и слѣва, параллельно теченію Аксая, тянулись водораздѣльные хребты, обрисовывающіе его ущелье. Правый (восточный) хребетъ былъ выше лѣваго. Сначала оба хребта безлѣсны; верстахъ въ двухъ отъ Речела правый хребетъ круто спускается къ боковому ущелью, на противуположномъ берегу котораго начинается густой вѣковой лѣсъ; этотъ лѣсъ тянется версты три до обширной поляны, на которой раскинуто Дарго—столица Шамиля. Въ началѣ

лѣса Шамиль устроилъ засѣки и каменные завалы; затѣмъ, онъ пересѣкъ дальнѣйшій нашъ путь до 20-ти другими завалами, а поляну аула окружилъ засѣкой изъ вѣковыхъ деревьевъ. Словомъ, Шамиль рѣшился загородить намъ дорогу въ Дарго. Пройдя верстъ 14-ть отъ ночлежнаго пункта, отрядъ остановился для привала на правомъ хребтѣ, впереди того оврага, за которымъ начинался лѣсъ. Послѣ двухчасоваго отдыха, когда обозъ и арріергардъ подтянулись, отрядъ пошелъ впередъ.

Прежде всего двинулась правая цѣпь, которую составляли, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго, 6-ть ротъ куринцевъ и пѣшая грузинская милиція. Цѣпи этой приказано было прогнать врага съ хребта, дабы облегчить движеніе авангарда по дорогѣ.

,,Куринцы быстро спустились въ лѣсъ—говоритъ очевидецъ, генералъ Гейманъ *);—пройдя оврагъ, они начали разсыпать цѣпь, но лишь только, устроившись, двинулись впередъ, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ, съ страшнымъ гикомъ. Цѣпь на минуту какъ бы остановилась и, съ крикомъ ,,ура'', бросилась въ опушку; резервы не поспѣли и цѣпь была опрокинута...'' Такъ поплатились куринцы за несоблюденіе опытомъ освященныхъ правилъ—подготовить атаку, подтянуть резервы и затѣмъ уже, имѣя ихъ въ хвостѣ, кидаться на ,,ура''. Что удивительнаго, что отъ несоблюденія этихъ правилъ даже герои Анчимеера заплатили минутной неудачей. Когда поддержки подошли, куринцы вновь и безъ выстрѣла пошли на штурмъ, но уже съ такою стремительностью, что непріятель не могъ ихъ удержать. ,,Мы въ это время только что начали спускаться внизъ—говоритъ Гейманъ—и намъ все это было видно до мельчайшей подробности. Куринцы были хороши до увлеченія—говоритъ старый кабардинецъ.—Подобное войско непобѣдимо; они дѣйствовали и дружно, и смѣло...''

Занявъ опушку, куринцы открыли путь авангарду, который и двинулся впередъ. Съ этихъ поръ бой загорается по всему пути. Авангардъ беретъ завалъ за заваломъ, и войска, не видя против-

---

*) „1845-й годъ". Кавк. Сб. т. III.

ника, сидящаго за деревьями, прибавляютъ шагу и почти бѣгомъ идутъ черезъ лѣсъ. Въ одномъ мѣстѣ дорога съузилась, стѣсненная обрывами съ обѣихъ сторонъ; нужно было идти растянутой линіей черезъ перешеекъ, за которымъ былъ устроенъ непріятелемъ новый завалъ. Авангардъ атаковалъ его и хотя взялъ, но потерпѣлъ большія потери: здѣсь убитъ генералъ Фокъ, оберъ-квартирмейстеръ отряда полковникъ генеральнаго штаба Левисонъ и въ числѣ раненыхъ былъ, состоявшій по особымъ порученіямъ при князѣ Воронцовѣ, поручикъ князь Дондуковъ-Корсаковъ.

Опрокидывая противника, авангардъ шелъ впередъ почти безъ оглядки. Къ вечеру, послѣ неимовѣрныхъ усилій и усталости, литовцы заняли Дарго, зажженный Шамилемъ. Отрядъ двигался за авангардомъ безпрепятственно, прикрытый съ боковъ цѣпью, въ которой перестрѣлка не умолкала до ночи. Наконецъ, куринцы (правая цѣпь), пропустивъ весь отрядъ, присоединились къ общему лагерю уже поздно ночью, а арріергардъ пришелъ на бивакъ только къ утру 7-го іюля.

Въ теченіе 6-го іюля, отрядъ потерялъ убитыми 1-го генерала, 3-хъ штабъ и оберъ-офицеровъ и 32 нижнихъ чина; ранеными и контуженными 9-ть штабъ и оберъ-офицеровъ и 310-ть нижнихъ чиновъ. Изъ шести своихъ ротъ, куринцы потеряли двухъ раненыхъ офицеровъ (поручика Пересвѣтова и прапорщика Иванова) и нижнихъ чиновъ—убитыми 5-ть и ранеными и контуженными 34.

Итакъ, разсвѣтъ 7-го іюля засталъ куринцевъ уже въ столицѣ Шамиля—Дарго.

Но что же изображала изъ себя эта столица? Что она намъ дала? Дарго, небольшой аулъ, расположенный на правомъ берегу Аксая, состоялъ изъ нѣсколькихъ лачугъ и домовъ, выстроенныхъ изъ срубовъ—на манеръ русскихъ избъ; эти признаки если не цивилизаціи, то, по крайней мѣрѣ, подражанія Европѣ занесены сюда нашими бѣглыми солдатами, изъ которыхъ Шамиль устроилъ особую слободку, близъ своего, такъ сказать, дворца. Слободка эта, называемая артилерійскою, находилась на плоской возвышенности лѣваго берега Аксая. Въ числѣ построекъ Дарго, обращали на себя вниманіе: дворецъ Шамиля, состоявшій изъ большаго деревянна-

го дома, съ двумя обширными дворами, обнесенными плетнемъ, и мѣсто заключенія, состоявшее изъ большой ямы, на которой, сверху, была построена деревянная караулка. Здѣсь содержались русскіе плѣнные; здѣсь же сидѣли послѣ катастрофы 1841-го и 1843-го годовъ подполковникъ Снаксаревъ, князь Илья Орбеліани и другіе, изъ коихъ князь Орбеліани оставилъ намъ описаніе тогдашней столицы Шамиля. Но въ 1845-мъ году мы здѣсь не нашли даже того, что видѣли наши плѣнники въ 1841-мъ году—мы застали только обуглившійся мусоръ; Шамиль сжегъ Дарго безъ всякаго сожалѣнія о своей плетневой столицѣ, подобную которой онъ могъ найти въ каждомъ аулѣ. Мало того, нисколько не падая духомъ, онъ успѣлъ вселить въ населеніе мысль, что теперь только начинается борьба съ русскими и что имъ не унести костей своихъ изъ ичкеринскихъ лѣсовъ. Какъ наружное выраженіе своего нравственнаго расположенія, онъ даже вздумалъ на глазахъ нашего отряда производить маневры и церемоніальные марши своему баталіону, составленному изъ нашихъ бѣглыхъ солдатъ.

Слѣдовательно, съ занятіемъ столицы Шамиля, не оправдались ни мечты войскъ, ожидавшихъ окончанія своихъ трудовъ, ни надежды главнокомандующаго, ожидавшаго или покорности Шамиля, или, по крайней мѣрѣ, безпрепятственнаго движенія своего отряда внизъ по Аксаю.

Суета въ окрестностяхъ, прибытіе новыхъ полчищъ изъ Чечни и стукъ топоровъ во всѣхъ лѣсахъ кругомъ Дарго—указывали на что то зловѣщее; непріятель окружалъ нашъ отрядъ и по всѣмъ направленіямъ строилъ завалы. Намъ надо было, наконецъ, рѣшить вопросъ: что дѣлать далѣе?

На этотъ вопросъ въ душѣ главнокомандующаго давно былъ отвѣтъ—идти домой. Но теперь рождался другой вопросъ: какъ это сдѣлать, какъ вырваться изъ ичкеринскихъ лѣсовъ, сохранивъ за собой обаяніе побѣды, духъ войскъ, и большими жертвами не огорчить Императора, съ сердечнымъ участіемъ слѣдившаго за исполненіемъ Имъ же начертаннаго плана?

Всѣ данныя, имѣющіяся налицо, даютъ поводъ думать, что князь Воронцовъ, еще въ Андіи, рѣшилъ путемъ своего отступленія

избрать ущелье Аксая; движеніе по этому пути имѣло то существенное преимущество передъ возвращеніемъ черезъ Кыркъ, что наше движеніе домой по Аксаю имѣло видъ не отступленія, а, напротивъ, наступленія противъ Шамиля, уходившаго внизъ по рѣкѣ и, вовторыхъ, до ближайшаго русскаго поселенія здѣсь оставалось всего верстъ сорокъ, вмѣсто 150-ти-верстнаго разстоянія, отдѣлявшаго насъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Но по пути къ Герзель-аулу намъ предстояли остановки и жаркія дѣла; имѣя въ виду примѣръ 1842-го года, намъ надо было по возможности облегчить колонну удаленіемъ изъ нея лишнихъ тяжестей и больныхъ и, наконецъ, надо было снабдиться провіантомъ, въ которомъ чувствовался большой недостатокъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, князь Воронцовъ рѣшился дождаться транспорта, имѣвшаго прибыть изъ Андіи, снабдить отрядъ провіантомъ, сдать колоннѣ, ожидаемой съ транспортомъ, всѣ лишнія тяжести и затѣмъ уже, съ остальными силами, пробиться къ Герзель-аулу. Слѣдовательно, прежде всего надо было дождаться транспорта. Съ этою цѣлью, отрядъ расположился на высотахъ близъ Дарго и началъ заниматься устройствомъ своего лагеря.

Между тѣмъ, Шамиль, очистивъ Дарго, отступилъ на лѣвый берегъ Аксая и занялъ окрестныя высоты, съ которыхъ утромъ же 7-го числа открылъ стрѣльбу по нашему лагерю. Для того, чтобы отнять эти высоты у врага, въ тотъ же день была сформирована особая колонна, изъ 6-ти баталіоновъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лабынцева. Въ составъ этого отряда вошли 3-я карабинерная и 7-я егерская роты Куринскаго полка. Генералъ Лабынцевъ атаковалъ Шамиля, занялъ аулъ Белгатой, и, затѣмъ, отступилъ. Противникъ держался своей обыкновенной тактики—онъ очистилъ аулъ и засѣлъ въ лѣсу и, когда отрядъ началъ отступать, насѣлъ на него. Подробности участія куринцевъ въ этомъ дѣлѣ намъ не извѣстны; но скажемъ только, что Лабынцевъ потерялъ убитыми и ранеными 11-ть офицеровъ и 206-ть нижнихъ чиновъ, и когда возвратился въ лагерь, Шамиль не только что вновь занялъ старыя мѣста, но еще, чтобы подразнить насъ, произвелъ въ виду отряда нѣчто въ родѣ парада своему конвою, состоявшему изъ

бѣглыхъ нашихъ солдатъ, заставивъ ихъ проходить мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, подъ звуки барабановъ и трубъ. 8-го и 9-го—войска отдыхали и готовились встрѣтить транспортъ, ожидаемый изъ Андіи.

XII.

Сухарная экспедиція 1845-го года. Отступленіе чеченскаго отряда изъ Дарго. Назначеніе князя Воронцова шефомъ Куринскаго егерскаго полка.

10-го іюля 1845-го года, въ лагерѣ чеченскаго отряда, расположеннаго у Дарго, услышали три пушечныхъ выстрѣла. Это былъ условный сигналъ, поданный начальникомъ транспорта, со стороны Андіи.

Дѣйствительно, транспортъ, подъ прикрытіемъ 2-го батальона и 8-й и 9-й ротъ Куринскаго полка, бывшихъ подъ начальствомъ командира 2-го батальона подполковника Гюлинга, прибылъ на ту самую площадку, гдѣ 6-го числа отдыхали куринцы, передъ вступленіемъ въ даргинскій лѣсъ. По условію, къ транспорту должна была выйти навстрѣчу отъ главныхъ силъ особая колонна, которая, сдавъ Гюлингу всѣхъ больныхъ, раненыхъ и лишнія тяжести, должна была принять отъ него продовольствіе. Эта операція, оставшаяся навсегда памятною въ исторіи кавказской войны, извѣстна подъ именемъ „сухарной экспедиціи".

Колонна была составлена, подъ командой генералъ-маіора Клугенау, изъ 6-ти батальоновъ, съ 4-мя орудіями и командой казаковъ и милиціонеровъ. Каждая часть войскъ главныхъ силъ должна была выдѣлить въ эту колонну половину своего состава; та-

кимъ образомъ, изъ 6-ти ротъ Куринскаго полка, въ сухарной экспедиціи участвовали 1-я и 3-я карабинерныя и 1-я егерская.

По тремъ сигнальнымъ выстрѣламъ, колонна Клугенау стала вытягиваться: въ авангардѣ пошли 2-й баталіонъ кабардинскаго полка, по одной ротѣ саперъ, стрѣлковъ и милиціонеры, при двухъ орудіяхъ, подъ командой генералъ-маіора Пассека; въ главныхъ силахъ, со всѣми тяжестями, въ числѣ коихъ были больные, раненые и тѣло генерала Фока, шли люблинскіе баталіоны, съ казаками и милиціей, подъ командой самого начальника экспедиціи генерала Клугенау; въ арріергардѣ, подъ командой генерала Викторова, были баталіонъ навагинцевъ и двѣ роты апшеронцевъ, съ однимъ взводомъ стрѣлковъ и двумя орудіями; въ правой цѣпи шли роты литовскаго и замосцкаго полковъ, а куринцы составляли лѣвую цѣпь и шли по той самой дорогѣ, по которой 6-го числа слѣдовалъ въ Дарго 1-й баталіонъ.

Движеніе началось 10-го числа, въ три часа пополудни. Непріятель, зная наше намѣреніе, занялъ лѣсъ и нетолько возобновилъ всѣ завалы, уничтоженные нами во время движенія 6-го іюля, но усилилъ ихъ еще новыми—боковыми; въ узкихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на томъ перешейкѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ Фокъ 6-го іюля, и гдѣ отряду приходилось вытягиваться въ одну линію, чеченцы возвели новые завалы, расположенные настолько искусно, что мы неминуемо должны были попасть подъ перекрестный огонь.

Генералъ Пассекъ, воглавѣ кабардинцевъ, съ свойственной ему энергіей, двинулся впередъ и, не встрѣчая большаго сопротивленія, перебѣгалъ отъ завала къ завалу; успѣхъ атаки такъ увлекъ Пассека, что онъ почти бѣгомъ прошелъ сквозь лѣсъ и вышелъ на опушку къ транспорту; только придя на мѣсто, авангардъ замѣтилъ, что главная колонна слишкомъ отстала; но не придавая этому большаго значенія, Пассекъ расположилъ свои войска на отдыхъ. Эта неосторожность была на руку чеченцамъ; пропустивъ авангардъ впередъ, они перегородили дорогу главнымъ силамъ, окружили ихъ и вмѣстѣ съ ними арріергардъ,—и пошла страшная рѣзня. Въ лѣсу, среди общаго смятенія, конечно, управлять боемъ было

невозможно; главныя силы, цѣпи, арріергардъ—всѣ были заняты одиночнымъ боемъ. Чеченцы съ особой силой насѣли на арріергардъ; мгновенно всѣ лошади были перебиты и оба наши орудія были свалены въ кручу; смертельно раненый генералъ Викторовъ остался въ лѣсу, гдѣ наши солдаты, поодиночкѣ, дѣлались жертвами жестокаго врага. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для описанія дѣйствій куринцевъ; но имѣя въ виду, что они были въ боковой цѣпи, а непріятель ворвался въ нашу колонну съ фронта и съ тыла и съ этихъ сторонъ развилъ панику въ колоннѣ Клугенау, надо думать, что куринцевъ нельзя винить въ неисполненіи долга. Однако и куринцы раздѣлили общую участь. Остатки отряда Клугенау едва къ полуночи пришли къ мѣсту расположенія транспорта.

О печальномъ событіи 10-го іюля Клугенау сообщилъ Воронцову запиской, которую взялся доставить юнкеръ кабардинскаго полка Длотовскій. Князь получилъ эту записку на разсвѣтѣ 11-го іюля. Въ это же время стали выползать изъ лѣса и наши раненые, которые спаслись отъ смерти. Въ числѣ этихъ несчастныхъ, были совершенно раздѣтые чеченцами, считавшими ихъ мертвыми. Словомъ, свѣдѣнія, полученныя въ лагерѣ, были самыя безотрадныя. И теперь, легко намъ понять, съ какими чувствами князь Воронцовъ и весь отрядъ ожидали возвращенія своихъ товарищей.

11-го іюля, въ 8-мь часовъ утра, раздались три пушечныхъ выстрѣла. Это былъ сигналъ обратнаго движенія Клугенау. Обратный порядокъ марша былъ слѣдующій: авангардъ, подъ командой генерала Пассека—люблинскій и навагинскій баталіоны, рота саперъ, часть милиціи и 2 орудія; въ арріергардѣ—2-й баталіонъ кабардинцевъ, двѣ роты апшеронцевъ и рота саперъ, подъ командой кабардинскаго полка полковника Ранжевскаго.

Куринцы были назначены въ правую цѣпь.

Въ теченіе ночи, непріятель еще болѣе усилилъ свои завалы, а передъ главнымъ изъ нихъ, у перешейка, навалилъ груды труповъ нашихъ солдатъ. Приходилось въ третій разъ проходить эту ужасную дорогу.

Авангардъ Пассека двинулся впередъ и этотъ храбрый генералъ повторилъ ошибку предыдущаго дня: не видя передъ собой большаго сопротивленія, онъ опять удалился отъ главныхъ силъ и опять былъ отрѣзанъ отъ нихъ. Но, на этотъ разъ, Пассекъ былъ не такъ счастливъ, какъ до сихъ поръ: многочисленный непріятель окружилъ какъ авангардъ, такъ и главныя силы и арріергардъ; началась такая же отчаянная борьба, какъ накапунѣ. Произошелъ всеобщій хаосъ, не поддающійся общему, систематическому разсказу. Очевидцы (Гейманъ—кабардинецъ и Горчаковъ—куринецъ) клонятъ разсказъ въ сторону своихъ симпатій; по этой причинѣ, ихъ повѣствованіе имѣетъ эпизодическій характеръ.

У перешейка авангардъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Пассекъ попытался произвести штурмъ завала, но былъ здѣсь убитъ; завалъ былъ взятъ подоспѣвшей 1-й карабинерной ротой Куринскаго полка, которая подобрала трупъ своего храбраго бригаднаго командира, успѣвшаго промолвить, по словамъ Горчакова: ,,прощай моя храбрая бригада!".

Занявъ завалъ, авангардъ двинулся впередъ въ полномъ безпорядкѣ; тѣмъ временемъ, генералъ Клугенау, около котораго были перебиты всѣ адъютанты, успѣлъ собрать горсть людей и, съ ихъ помощью, отогнать противника; но дальнѣйшее движеніе на время остановилось—дорога была запружена. Пока Клугенау удалось расчистить дорогу, чеченцы били нашихъ навыборъ. Въ это время подоспѣла помощь—прибѣжалъ изъ лагеря 1-й баталіонъ кабардинцевъ, который, отогнавъ врага, далъ возможность продолжать отступленіе; однако безпорядка невозможно было прекратить—онъ сопровождалъ отрядъ до самаго Дарго. По пути мы даже не могли подобрать всѣхъ раненыхъ, не говоря объ убитыхъ, и только кабардинцы и куринцы не измѣнили традиціямъ своихъ полковъ; они, по словамъ Горчакова, ,,съ горемъ пополамъ" принесли своихъ убитыхъ и раненыхъ въ лагерь.

Такъ кончилась ,,сухарная экспедиція", въ которой Клугенау потерялъ убитыми 2-хъ генераловъ, 3-хъ штабъ, 14-ть оберъ-офицеровъ и 537 нижнихъ чиновъ, ранеными 32 оберъ-офицера и 738-мь нижнихъ чиновъ и безвѣсти пропавшими одного офицера,

Контужены 4 офицера и 84-ре нижнихъ чина. Слѣдовательно, жертвой дня сдѣлались: 2 генерала,54-ть штабъ и оберъ-офицера и 1359 нижнихъ чиновъ, не считая маркитантовъ и погонщиковъ. Кромѣ этого, отрядъ потерялъ 3 орудія и весь сухарный запасъ.

Три роты куринцевъ потеряли въ теченіе 10-го и 11-го іюля: убитыми—капитана Посіета, подпоручика Климешко; ранеными—прапорщика Мерклина, капитана Допейко, поручика Булгарчика прапорщиковъ: Скроцкаго, Лабезникова, Бардачевскаго, капитановъ Колюбакина и Ушакова, поручика Швачейнипа; нижнихъ чиновъ—убитыми 42, ранеными 93.

Долѣе стоять въ Дарго было незачѣмъ, и князь Воронцовъ рѣшился выступить въ Герзель-аулъ, придавая своему движенію видъ наступленія за Шамилемъ. Вмѣстѣ съ этимъ, главнокомандующій послалъ приказаніе князю Бебутову немедленно снять всѣ этапные пункты въ Андіи и Гумбетѣ и идти въ Шуру, а Фрейтагу (пятью разными путями) послалъ приказаніе собрать всѣ наличныя войска и спѣшить къ Герзель-аулу, навстрѣчу отряду.

Непріятель, ожидавшій наше движеніе къ сѣверу, нескоро опредѣлилъ наше направленіе; изъ Дарго можно было идти на плоскость—и на Маюртупъ, и черезъ Беной и Зандакъ. Шамиль полагалъ, что мы пойдемъ или на Маюртупъ, или на Беной; но мы пошли на Белгатой и Центери, гдѣ непріятель насъ не ожидалъ. Въ отрядѣ разсказывали, что накапунѣ отступленія, къ князю Воронцову явился одинъ нашъ бѣглый артиллеристъ, который далъ знать, что дороги заняты горцами, и что онъ, сожалѣя своихъ земляковъ, берется провести отрядъ по безопасному пути. Говорили, что именно по указанію этого артиллериста дѣйствовалъ и Шамиль. Князь Воронцовъ выступилъ изъ Дарго въ 4 часа утра, 13-го іюля.

Для облегченія движенія велѣно было уничтожить всѣ тяжести; князь Воронцовъ подалъ первый примѣръ, приказавъ уничтожить весь свой богатый багажъ; затѣмъ, въ лагерѣ началось всесожженіе: всѣ тяжести и даже лагерь были преданы огню. 6-ть ротъ куринцевъ, имѣвшія въ началѣ похода 850-тъ штыковъ и до 35-ти офицеровъ, теперь сформировали одинъ баталіонъ въ 300

штыковъ, при 10-ти офицерахъ. Приблизительно этого же состава были и всѣ остальныя части.

Благодаря неожиданности, мы почти безпрепятственно перешли черезъ глубокое русло Аксая и безъ боя заняли Белгатой. Непріятель, большими массами стоявшій на правомъ берегу рѣки и по дорогѣ къ Беною, поспѣшилъ за отрядомъ. Вечеромъ главныя силы пришли на гору Кетечъ-Кортъ, гдѣ и остались ночевать, сдѣлавъ всего до 12-ти верстъ.

14-го числа, съ разсвѣтомъ, отрядъ тронулся по дорогѣ черезъ Цонтери къ Шуани. Непріятель, до сихъ поръ полагавшій, что мы можемъ повернуть къ Маюртупу, пока дѣйствовалъ нерѣшительно; но когда мы повернули на дорогу въ Шуани и тѣмъ обнаружили истинное направленіе, онъ бросился на хребетъ Гурдали, преграждавшій путь отряда. Намъ предстояло спуститься въ крутую балку. Кромѣ препятствій, имѣвшихся по дорогѣ, съ лѣвой стороны, на командующихъ высотахъ, были фланговые завалы, не взявъ коихъ, нельзя было идти по дорогѣ. Эта операція выпала на долю куринцевъ, шедшихъ въ лѣвой цѣпи, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго и флигель-адъютанта полковника графа Бенкендорфа. Куринцы отважно бросились на завалъ и, послѣ упорнаго боя, выгнали непріятеля. Здѣсь, въ числѣ другихъ, тяжело раненъ графъ Бенкендорфъ; однако, съ занятіемъ завала не окончились затрудненія: предстояли отчаянныя свалки и въ правой цѣпи, и съ фронта *). Наконецъ, одолѣвъ врага, наши молодцы очистили дорогу и главныя силы двинулись впередъ. Но спокойное движеніе продолжалось недолго: вскорѣ горсть отчаянныхъ чеченцевъ прорвалась черезъ правую цѣпь и напала на обозъ, въ которомъ несли раненыхъ; произошла страшная суматоха. Прикрытіе не могло удержать натиска и чеченцы, окруживъ обозъ, добивали раненыхъ, рубили ошалѣвшее прикрытіе и затѣмъ

*) Въ это время ранены командиры: навагинскаго полка—полковникъ Бибиковъ, 5-го сапернаго баталіона—полковникъ Заваліевскій и грузинской милиціи—князь Эристовъ, адъютантъ корпуснаго командира поручикъ Лонгиновъ, адъютантъ генерала Лидерса поручикъ графъ де-Бальменъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитаны: графъ Гейденъ и баронъ Дельвигъ.

одна горсть враговъ набросилась на группу, въ которой ѣхалъ князь Воронцовъ. Опасность была велика и, говорятъ, князь Михаилъ Семеновичъ сказалъ весьма серьезно окружавшимъ: ,,прошу меня живаго не отдавать''. Но въ это время, съ боку гаркнули ,,ура!'' и чеченцы разбѣжались. То были куринцы, бѣжавшіе изъ цѣпи на шумъ и гамъ, послышавшійся среди раненыхъ. Разсказы о томъ, что куринцы спасли жизнь своего дорогаго шефа, живутъ въ преданіяхъ полка до сихъ поръ; нашъ разсказъ взятъ со словъ, сказанныхъ княземъ Воронцовымъ бывшему командиру полка барону Меллеру-Закомельскому, а самый случай, бывшій съ княземъ, не упомянутъ въ реляціи по весьма деликатной причинѣ. Этотъ случай былъ въ одно время съ опасностью грозившею покойному генералу Гейману, который обязанъ куринцамъ сохраненіемъ своей славной жизни, давшей кавказской арміи побѣды при Ардаганѣ и Деве-Бойну.

Вотъ какъ разсказываетъ Гейманъ о нападеніи чеченцевъ на транспортъ: ,,насъ внесли въ густой лѣсъ; шли мы гуськомъ, въ перемежку съ вьюками. Всѣ какъ-то торопились пройти это пространство. Перестрѣлка слышалась только впереди и сзади; по сторонамъ выстрѣлы раздавались только изрѣдка. Впереди несли флигель-адъютанта графа Бенкендорфа, полковника Заваліевскаго и другихъ; я же, какъ прапорщикъ, очутился назади. Цѣпей въ лѣсу не было видно; казалось, мы двигались одни, безъ прикрытія. Вдругъ, слѣва ворвалось въ колонну человѣкъ 20-ть горцевъ, всѣ отлично одѣтые, оружіе подъ серебромъ, такъ что ихъ сперва приняли за казаковъ. Но обманъ продолжался недолго. Горцы, обнаживъ шашки, бросились рубить раненыхъ; перваго убили полковника Заваліевскаго, нанесли нѣсколько ранъ графу Бенкендорфу; защищавшій его, конной гвардіи штабсъ-ротмистръ баронъ Шепингъ, получилъ нѣсколько ранъ; другимъ раненымъ тоже досталось.

,,При началѣ суматохи, въ обозѣ всѣ закричали ,,ура'', но ,,ура'' отъ страха, жалкое, и бросились въ противуположную сторону. Солдаты, которые несли меня, сказавъ: ,,ваше благородіе, мы васъ бросимъ'', опустили носилки на землю. Я попросилъ под-

нять меня на ноги; казалось, легче было быть изрубленнымъ стоя. Солдаты, быстро исполнивъ мою просьбу, бросились было впередъ, къ горцамъ; но, когда передній, не успѣвъ еще выстрѣлить, попалъ подъ шашки, остальные тотчасъ ретировались. Это происходило не болѣе, какъ въ пяти шагахъ отъ меня; я стоялъ, облокотившись на вьючную лошадь; вьюки столпились такъ, что не было возможности пробраться на правую сторону; изъ числа раненыхъ оставался въ живыхъ одинъ я. Два горца дорубали уже лежащаго солдата, одного изъ моихъ носильщиковъ, о которомъ говорилъ выше; уже я видѣлъ, что меня замѣтили,—положеніе безвыходное; я живо сохранилъ все въ памяти, и до сихъ поръ помню даже лица. Замѣтившій меня горецъ былъ въ темножелтаго цвѣта черкескѣ, большаго роста, съ крашеною бородою, въ оружіи подъ серебромъ, папаха за поясомъ, бритая голова, звѣрское лицо. Помню хорошо, что безвыходное положеніе и физическое ослабленіе дали мнѣ полное самообладаніе: я перекрестился, мысленно сотворилъ молитву, попрощался съ близкими сердцу; мгновенно въ мысляхъ пробѣжало все лучшее, прошедшее, сладкія мечты и т. д. Еще мгновеніе— и конецъ... Уже крашеная борода сдѣлала шагъ впередъ, и, какъ бы забавляясь, еще разъ черкнула шашкою по лицу изрубленнаго солдата, павшаго подъ шашечными ударами... Въ этотъ моментъ, изъ-за густаго кустарника, въ лѣсу, влѣво отъ меня, гаркнули ,,ура'', да такое ,,ура'', отъ котораго дрогнетъ самый сильный врагъ. Куринцы, находясь въ лѣвой цѣпи, услышали сквозь чащу, что въ обозѣ неладно: выстрѣловъ вовсе не было, горцы работали шашками. Муромскаго полка капитанъ Перепелицынъ, прикомандированный къ Куринскому полку для участвованія въ экспедиціи, подхвативъ бывшій съ нимъ въ резервѣ взводъ, бросился на шумъ, въ колонну. Въ описанный мною моментъ, они гаркнули ,,ура'' и тутъ же подняли на штыки незванныхъ гостей... При огромномъ ростѣ Перепелицына, куринцы, маленькіе егеря, казались около него дѣтьми; но эти дѣти были чудо-богатыри; по истинѣ, можно было сказать: ,,егерь малъ, да удалъ''. Итакъ, товарищи-куринцы, вамъ я обязанъ спасеніемъ жизни! Подобныя минуты не забываются до гробовой доски...''

Когда все утихло, наши раненые потянулись далѣе и главныя силы безпрепятственно дошли до пункта ночлега, близь аула Исса-Юртъ. Не такъ счастливъ былъ арріергардъ, состоявшій изъ двухъ кабардинскихъ баталіоновъ: непріятель насѣдалъ на него съ ожесточеніемъ и заставлялъ его безпрестанно останавливаться. Куринцы, бывшіе въ лѣвой цѣпи и удерживавшіе противника на высотахъ, командовавшихъ надъ дорогой, не сходили съ мѣста до прохода кабардинцевъ черезъ опасный оврагъ. Сзади былъ мостикъ; чтобы пройти его, нужно было показать тылъ, а мы уже знаемъ, что значитъ отступить; поэтому кабардинцы запаздывали. Видя это, наша 3-я рота, составлявшая резервъ цѣпи, атаковала непріятеля, прогнала его и тѣмъ дала возможность кабардинцамъ выйти изъ оврага. Отрядъ собрался на ночлегъ поздно ночью.

Въ слѣдующіе два дня, движеніе продолжалось съ такими же затрудненіями; 15-го и 16-го—куринцамъ опять пришлось штыками прокладывать дорогу, но наше положеніе ухудшалось съ каждымъ днемъ: въ отрядѣ было болѣе раненыхъ, чѣмъ здоровыхъ; идти скоро было нельзя; 15-го числа мы могли сдѣлать только 5-ть верстъ, а 16-го—около 10-ти, и въ этотъ день, окончательно изнуренные, пришли въ Шаухалъ-Берды. На этомъ ночлегѣ, когда князь Воронцовъ свелъ итоги своимъ силамъ, у него оказалось подъ ружьемъ не болѣе 2500-тъ человѣкъ. Но и эти люди уже четвертый день почти ничего не ѣли; патроновъ осталось не болѣе 50-ти на человѣка и очень немного артилерійскихъ зарядовъ на орудія; лошадей не доставало для подъема раненыхъ; пришлось распречь пять орудій, уничтожить лафеты и тѣла орудій поднять на вьюки. „Отрядъ нашъ въ эти минуты походилъ на израненую волками лошадь,—говоритъ одинъ участникъ—которую они не успѣли закусать на смерть, хотя она и плохо отбивалась; затѣмъ, у нея, при удобномъ случаѣ, отгрызали новые куски мяса“. Такова была картина состоянія отряда Воронцова въ Шаухалъ-Берды. Для движенія впередъ нужно было или бросить всѣхъ раненыхъ, или половину здоровыхъ людей отдѣлить для поднятія ихъ, а тогда, съ остальными 1200 человѣкъ, невозможно было прикрыть движеніе. Въ такомъ безвыходномъ положеніи очутился отрядъ, и главнокомандующему нужно было мно-

го мужества и силы воли, чтобы совладать съ собой и не сдѣлать послѣднюю ошибку. Была еще одна надежда—ожидался Фрейтагъ; но если… „Я имѣлъ ужасныя минуты сомнѣнія—писалъ впослѣдствіи князь Воронцовъ—разумѣется не за себя лично, потому что въ нашемъ ремеслѣ, и особенно въ мои годы, было бы стыдно думать о себѣ, но я боялся за нашихъ раненыхъ…“ Даже теперь страшно вымолвить какую ужасную мѣру подсказывало краонскому герою „сомнѣніе“, о которомъ говоритъ князь. Оно ему говорило ждать еще Фрейтага до вечера 19-го, и, еслибы къ этому времени помощь не подоспѣла, бросить всѣ тяжести и раненыхъ и съ остатками пробиться въ Герзель-аулъ. Но Богъ не допустилъ до грѣха, и славная репутація куринцевъ не омрачилась отдачей своихъ раненыхъ на жертву врагамъ: Фрейтагъ явился въ Мискитъ 18-го числа вечеромъ, а утромъ 19-го—князь Воронцовъ услышалъ вѣстовую пушку; это былъ благовѣстъ великаго праздника! Онъ поднялъ на ноги и нашихъ, и враговъ. Отрядъ немедленно встрепенулся и тѣмъ же порядкомъ, какимъ шелъ изъ Дарго, двинулся черезъ глубокій оврагъ, раздѣлявшій Воронцова и Фрейтага. Впереди всѣхъ шла головная часть лѣвой цѣпи, т. е. 1-я карабинерная рота Куринскаго полка, которой приказано было очистить завалы. Навстрѣчу куринцамъ бѣжали ихъ однополчане; произошла трогательная сцена братской встрѣчи. „Идите товарищи съ Богомъ, а мы здѣсь постоимъ за васъ“—говорили пришедшіе, суя въ руки голоднымъ товарищамъ кусочки хлѣба. Вскорѣ отрядъ Фрейтага принялъ на себя всю тяжесть отступленія и горцы, сдѣлавъ послѣдній отчаянный приступъ на арріергардъ кабардинцевъ, прекратили бой. Соединенный отрядъ пришелъ на ночлегъ въ Мискитъ, а 20-го числа, безъ боя, дошелъ до Герзель-аула.

Такъ окончился знаменитый въ лѣтописяхъ Кавказа даргинскій походъ; о результатахъ экспедиціи 1845-го года скажемъ послѣ, теперь же взглянемъ на роль куринцевъ въ теченіе всей кампаніи.

До движенія въ Дарго, т. е. въ первый періодъ кампаніи, отрядъ имѣлъ два серьезныхъ дѣла—при Анчимеерѣ и Азалѣ; первое изъ этихъ дѣлъ принадлежитъ исключительно куринцамъ, а

другое—кабардинцамъ. Во второй періодъ кампаніи, со времени выступленія изъ Анди до оставленія Дарго, т. е. отъ 6-го до 13-го іюля, было три серьезныхъ дня—6-го, когда курипцы открыли движеніе въ ичкеринскомъ лѣсу и штыками прочистили дорогу всему отряду,—и въ дни сухарной экспедиціи, когда 10-го и 11-го чиселъ курипцы, занимая труднѣйшій постъ въ походномъ порядкѣ—въ цѣпи со стороны высотъ, командующихъ дорогой,—съ честью боролись съ врагомъ, пробивали дорогу авангарду Пассека, и взяли завалы, на которыхъ палъ этотъ отважный генералъ. Сухарная экспедиція знаменита не побѣдой, а пораженіемъ нами понесеннымъ, т. е. тѣмъ актомъ войны, гдѣ болѣе всего испытывается духъ войскъ, ихъ дисциплина и боевыя качества. Въ роковые дни 10-го и 11-го іюля, когда все было объято паникой, курипцы, разсѣянные въ цѣпи, не теряли присутствія духа: они не бѣжали отъ врага, а отступали отъ него. У насъ не было изрубленныхъ въ тылу; у насъ не было брошеннаго орудія; мы даже, къ общему удивленію, подобрали всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, что сдѣлали вмѣстѣ съ курипцами только одни кабардинцы. Курипцы не прибѣжали въ Дарго, а пришли съ своей тяжелой ношей, въ порядкѣ, свидѣтельствовавшемъ глубоко вкоренившую въ нихъ дисциплину и высокій боевой закалъ. Эта справедливая репутація указала на роль полка въ послѣдній періодъ похода: курипцамъ и кабардинцамъ поручены труднѣйшія мѣста походнаго порядка. Два баталіона кабардинцевъ шли въ арріергардѣ, а баталіонъ курипцевъ въ лѣвой цѣпи. Чтобы оцѣнить значеніе лѣвой цѣпи, при движеніи по ущелью Аксая отъ Дарго, надо вспомнить, что дорога, по которой шелъ отрядъ князя Воронцова, примыкала съ правой стороны къ обрыву и рѣкѣ Аксаю, а съ лѣвой—къ густому лѣсу, поднимавшемуся по склону горы. Слѣдовательно, въ то время какъ лѣвой цѣпи грозила опасность съ каждаго дерева, и требовалось большое искусство и смѣлость, чтобы не пропустить засаду, грозящую и цѣпи, и главнымъ силамъ,—справа непріятель могъ насъ поражать только съ того берега рѣки, издали, а кто не знаетъ, что въ лѣсу непріятель страшенъ только вблизи, когда онъ можетъ дѣлать засады и броситься въ шашки на замѣченный безпорядокъ. И дѣйствительно,

работа, выпавшая на долю куринцевъ въ послѣднiй перiодъ кампанiи, была трудна. Въ теченiе цѣлой недѣли куринцы были въ цѣпи; тамъ они дожевывали послѣднiя крохи своихъ сухарей, спали и отдыхали, когда утихалъ бой; но понятно всякому—какой это долженъ былъ быть сонъ и отдыхъ!

Не смотря на бдительность и чуткость въ лѣсу—эту спецiальность куринцевъ и враговъ ихъ—чеченцевъ, всетаки не всегда удавалось намъ предостеречь главную колонну отъ прорыва непрiятеля. Такъ было 14-го числа, когда нѣсколько джигитовъ ворвались въ главную колонну и начали рубить больныхъ и здоровыхъ; но и въ этомъ случаѣ нашихъ раненыхъ и самого главнокомандующаго спасли не тѣ части, кои составляли прикрытiе транспорта, а тѣ же куринцы, которые, по чутью лѣсныхъ охотниковъ, прибѣжали на помощь и гаркнули, по словамъ Геймана, такое ,,ура'', отъ котораго дрогнетъ самый сильный врагъ. Безъ участiя куринцевъ, коихъ, надо помнить, было всего неполныхъ 4-ре роты, не обходилось и въ авангардѣ, и въ аррiергардѣ. Въ трудныя минуты, когда непрiятель загораживалъ дорогу авангарду, князь Воронцовъ посылалъ своихъ ,,удалыхъ егерей'' очистить завалы; въ минуту затрудненiй въ аррiергардѣ, какъ изъ земли выростали куринцы и шли на помощь кабардинцамъ. Словомъ, во время этого отступленiя куринцы сдѣлались какими то волшебными стрѣлками и сказочными героями, которые могли ,,верстъ сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать!''

Но славная репутацiя полка заслужена дорогой цѣной. Полкъ потерялъ въ теченiе всей кампанiи: убитыхъ—офицеровъ 4-ре, нижнихъ чиновъ 89-ть; раненыхъ и контуженныхъ—офицеровъ 20-ть, нижнихъ чиновъ 278-мь. Особенно пострадали первый баталiонъ, 3-я карабинерная и 7-я егерская роты *).

*) Потери куринцевъ, считая и прикомандированныхъ офицеровъ, за кампанiю 1845-го года были: 1-го iюля—убитъ прапорщикъ Канищевъ; 6-го и 7-го iюля—ранены подпоручики Ивановъ и Пересвѣтовъ; 10-го iюля—ранены капитаны Посiетъ (умеръ) и Колюбакинъ, прапорщикъ Мерклинъ, штабсъ-капитанъ—Темирязевъ; 11-го—iюля убитъ подпоручикъ Клименко; ранены капитанъ Дойнекъ, прапорщики Скроцкiй, Лазебниковъ, Бардачевскiй, поручики

Въ то время, какъ 1-й, 2-й и 3-й баталіоны ходили по горамъ Дагестана и Ичкеріи, не оставались праздными и 4-й и 5-й баталіоны. Они были оставлены для охраны лѣваго фланга и производили движеніе въ Чечню, дабы отвлечь жителей отъ Ичкеріи. Съ этою цѣлью, Фрейтагъ собралъ отрядъ изъ 6-ти баталіоновъ, въ числѣ коихъ были 4-й и 5-й куринскіе—подъ командою маіора Ревенскаго *), и двинулся съ ними 2-го іюля изъ Грозной въ большую Чечню; въ тотъ же день отрядъ пришелъ въ Шали и уничтожилъ посѣвы кукурузы. Наибъ Чечни, Шуаибъ-Мулла, узнавъ о движеніи Фрейтага, поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и тѣмъ самымъ отвлекъ отъ Дарго массы чеченцевъ; затѣмъ, Фрейтагъ, считая цѣль достигнутою, повернулъ назадъ черезъ гойтинскій лѣсъ, но

Булгарчикъ, Ушаковъ и Швагайнинъ; 14-го іюля—умеръ отъ ранъ поручикъ Костырко; ранены полковникъ графъ Бенкендорфъ, штабсъ-капитанъ Коваленко, поручики баронъ Шепингъ и Перепелицынъ; 19-го іюля—ранены подпоручикъ Хвостовъ, прапорщики Коваленковъ, князь Оболенскій и полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій.

Нижнихъ чиновъ:

Роты.	6-го іюня.		Отъ 5 до 6 іюля.		6 и 7 іюля.		10 и 11 іюля.		14 и 15 іюля.		16 и 17 іюля.		18 и 19 іюля.	
	уб.	р.	уб.	р.	уб.	р.	уб.	р.	уб.	р.	уб.	р.	уб.	р.
1-я карабинерная	—	1	—	1	—	—	16	20	6	21	1	1	—	3
1-я егерская	—	1	—	2	—	—	8	43	—	—	—	1	—	—
2-я „	—	1	—	—	—	—	—	—	—	6	1	5	—	1
3-я „	—	2	3	8	1	2	2	3	—	7	2	1	4	17
2-я карабинерная	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—
4-я егерская	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
5-я „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6-я „	—	—	—	—	—	—	7	6	—	—	—	—	—	—
3-я карабинерная	—	—	—	—	4	20	7	25	1	24	2	—	—	4
7-я егерская	—	—	—	—	4	14	5	6	5	18	—	3	1	—
8-я „	—	—	—	—	—	—	4	8	—	—	—	—	—	—
9-я „	—	—	—	—	—	—	4	8	—	—	—	—	—	—
Всего	—	5	3	11	9	36	53	122	12	76	6	11	5	25

*) Командиръ полка полковникъ Виттортъ былъ все время боленъ и лечился отъ ранъ въ Пятигорскѣ.

здѣсь не обошлось безъ кровопролитія: чеченцы атаковали арріергардъ, состоявшій изъ куринцевъ и хотя принуждены были отступить, но куринцы потеряли одного убитаго и 12-ть раненыхъ и контуженныхъ. 6-го числа, 4-й и 5-й баталіоны возвратились въ Грозную, но не надолго. Въ полночь, съ 15-го на 16-е іюля, Фрейтагъ почти одновременно получилъ двѣ записки отъ князя Воронцова, изъ Дарго, въ которыхъ князь приказывалъ собрать всѣ свободныя силы и идти съ ними въ Герзель-аулъ, на выручку бѣдствовавшаго отряда. Фрейтагъ, отлично знавшій черезъ лазутчиковъ, что всѣ пути изъ Дарго въ Чечню были сильно заняты непріятелемъ и что двигаться здѣсь отряду было очень трудно, въ минуту полученія приказа оцѣнилъ важность данной ему задачи; онъ немедленно же отдалъ приказъ всѣмъ свободнымъ силамъ выступить съ утра 16-го числа къ Герзель-аулу, а чтобы не окончательно оголить Грозную, гдѣ долженъ былъ остаться одинъ линейный баталіонъ, обошелъ госпиталь и, воззвавъ къ патріотизму больныхъ, пригласилъ всѣхъ могущихъ стоять на ногахъ идти въ строй. Вмѣстѣ съ этимъ, Фрейтагъ собиралъ по дорогѣ, изъ всѣхъ укрѣпленій—гдѣ роту, гдѣ двѣ, и приказалъ имъ, по мѣрѣ изготовленія къ походу, идти въ Герзель-аулъ. Куринцы шли изъ Грозной безостановочно, почти бѣгомъ; они пришли въ Герзель-аулъ къ вечеру 17-го числа, сдѣлавъ въ 1½ сутокъ до 120-ти верстъ; важность цѣли придавала имъ силы и энергію; они шли на спасеніе товарищей, своихъ знаменъ и чести русскаго имени! Однако, Фрейтагъ, до Герзель-аула, не зналъ истиннаго положенія отряда Воронцова. Изъ Герзель-аула онъ послалъ лазутчика и только отъ него узналъ, что главнокомандующій расположился въ Шаухалъ-Берды и уже два дня остается въ блокадѣ. Тогда Фрейтагъ уже болѣе не ждалъ: онъ приказалъ непришедшимъ частямъ догонять его на маршѣ, а самъ, опрокинувъ котлы, въ которыхъ готовился обѣдъ, 18-го числа выступилъ къ Мискиту. Съ Фрейтагомъ были кусочки разныхъ частей войскъ: 2-й баталіонъ модлинскаго, одна рота прагскаго, двѣ роты люблинскаго, одинъ баталіонъ замосцкаго, три роты навагинскаго полковъ, кавказскій линейный № 15-го баталіонъ, 4-й баталіонъ и двѣ роты 5-го баталіона кабардинскаго

полка и 4-й и 5-й баталіоны и учебная команда Куринскаго полка; 14-й артилерійской бригады одно орудіе, 20-й артилерійской бригады три орудія, донской казачьей батареи два орудія, линейной казачьей батареи четыре орудія и гарнизонной артилеріи три орудія, всего 13-ть орудій, и три сотни донскихъ казаковъ. Чуть свѣтъ, 19-го числа, Фрейтагъ двинулся далѣе и къ 9-ти часамъ утра подошелъ къ Шаухалъ-Берды. Дальнѣйшее намъ уже извѣстно *).

Такимъ образомъ, 19-го числа Фрейтагъ спасъ отрядъ князя Воронцова. Это былъ уже четвертый случай въ томъ же родѣ (Низовое, Шура, Зыряны и Шаухалъ-Берды), и вездѣ съ Робертомъ Карловичемъ были куринцы. Судьба не разлучала Фрейтага съ куринцами со дня принятія имъ полка...

Въ Герзель-аулѣ къ полку присоединились 8-я и 9-я егерскія роты, пришедшія изъ Андіи, черезъ Шуру, а второй баталіонъ былъ оставленъ въ Чиръ-Юртѣ, для постройки тамъ укрѣпленія. Въ концѣ іюля, четыре баталіона полка возвратились на свои квартиры.

Результатъ похода 1845-го года въ Дарго весьма важенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Кампанія эта показала намъ: 1) что системой набѣговъ, крупныхъ или мелкихъ--все равно, покорить горы нельзя, 2) что для успѣха дѣла, единственный путь—постепенное движеніе въ духѣ указа Императора Александра I, и 3) что управлять кавказской войной изъ Петербурга нельзя, а нужна полная мочь главнокомандующему. Со всѣми этими выводами, сдѣланными княземъ Воронцовымъ, Императоръ Николай I согласился вполнѣ, и потому цѣной даргинскихъ несчастій установилась правильная система войны. Это обстоятельство даетъ особую важность даргинскому походу 1845-го года.

Въ исторіи Куринскаго полка даргинскій походъ имѣетъ чрезвычайное значеніе. Не говоря о щедрыхъ наградахъ, полученныхъ

*) Отрядъ Фрейтага потерялъ 19-го числа—убитыхъ 14-ть и раненыхъ 29-ть; изъ нихъ на 4-й и 5-й баталіоны Куринскаго полка приходилось—убитыхъ два и раненыхъ 16-ть.

служащими, полкъ получилъ величайшую нравственную награду— вся Россія заговорила о куринцахъ и ихъ служба ставилась, какъ классическій примѣръ, въ назиданіе подростающему поколѣнію—въ кадетскихъ корпусахъ. Памятникомъ заслугъ полка остались надписи на знаменахъ и, наконецъ, Государю благоугодно было связать имя полка съ великими заслугами государственнаго человѣка и знаменитаго побѣдителя Наполеона при Краонѣ—съ именемъ графа Воронцова. Высочайшимъ приказомъ 8-го іюля 1845-го года Куринскій егерскій полкъ названъ—„егерскимъ, генералъ-адъютанта графа Воронцова полкомъ“.

Вотъ первый приказъ шефа по полку, отданный въ станицѣ Червленной, 13-го августа 1845-го года. „Куринцы! Государю Императору угодно было наградить меня назначеніемъ шефомъ полка вашего. Умѣю цѣнить такую высокую милость,и честь носить одинъ мундиръ съ вами. То, что вамъ должно быть лестно и пріятно,—это мнѣніе о васъ Великаго вашего Государя и Отца; Его Величество хотѣлъ дать мнѣ знакъ Всемилостивѣйшаго вниманія и удовольствія, и, зная васъ и вашу постоянно отличную службу, Онъ зналъ, что причисленіемъ меня къ храброму Куринскому полку, Онъ вполнѣ меня вознаграждаетъ.

„Въ теперешнюю кампанію я имѣлъ счастье видѣть весь полкъ вашъ въ дѣлѣ; три первые баталіона были съ нами въ горахъ, а 4-й и 5-й пришли къ намъ съ храбрымъ Фрейтагомъ. Во всѣхъ баталіонахъ и вездѣ куринцы оказались героями. Когда будетъ опять надобность идти на непріятеля, я хорошо знаю, хотя бы въ горахъ, хотя бы въ лѣсахъ, какъ и на плоскости, вы всегда будете такими же, какъ доселѣ были. Я же себя поздравляю съ тѣмъ, что и я теперь могу назваться и хвалиться куринцемъ. Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ“.

XIII.

Результаты даргинскаго похода 1845-го года. Система военныхъ дѣйствій, принятая княземъ Воронцовымъ. Реформы по довольствію солдата. Зимнія и лѣтнія экспедиціи. Порядокъ ихъ веденія. Кабардинскій походъ 1846-го года. Экспедиціи въ Чечнѣ съ 1845-го по 1849-й годъ и участіе въ нихъ куринцевъ. Черты изъ жизни полка въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Послѣ даргинскаго похода, кавказскому начальству предоставлено было вести дѣло покоренія кавказскихъ горъ по своему усмотрѣнію; князь Воронцовъ уже не получалъ заранѣе утвержденныхъ въ Петербургѣ плановъ, а ему разрѣшено было работать, на основании опытовъ прошлаго, вполнѣ самостоятельно.

Пользуясь этимъ полномочіемъ, на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, т. е. въ раіонѣ расположенія Куринскаго полка, князь Воронцовъ остановился на слѣдующихъ задачахъ: 1) окончить передовую чеченскую линію, центромъ которой должна была служить кр. Воздвиженская; 2) заселить Сунжу рядомъ казачьихъ станицъ; 3) связать передовую линію съ Сунжей рядомъ просѣкъ въ лѣсахъ Чечни; 4) оградить кумыкскую плоскость со стороны горъ рядомъ укрѣпленій, и 5) къ наступательнымъ дѣйствіямъ прибѣгать только при надобностяхъ, указанныхъ выше, или съ цѣлью отразить нападеніе противника.

Изъ перечисленныхъ пунктовъ видно, что на первый планъ выдвигалась не работа штыка, а работа кирки и топора; работа медленнаго и прочнаго завоеванія, а не работа широкихъ набѣговъ и „сокрушеній", какъ выражались до 1845-го года. Конечно, эта мысль не была изобрѣтеніемъ 1845-го года; ее проповѣдывали солидные люди и предыдущаго періода, но 1845-му году принадлежитъ честь возведенія ея въ систему. Князь Воронцовъ оказался самостоятельнѣе предшественниковъ, его мнѣніе было авторитетнѣе ихъ мнѣній—и Кавказъ справедливо могъ считать новаго своего представителя человѣкомъ всесильнымъ.

Имя князя Воронцова связано не только съ измѣненіемъ си-

стемы войны, но и съ вопросомъ объ улучшеніи быта кавказскаго солдата. По окончаніи даргинскаго похода, корпусный командиръ прежде всего обратилъ вниманіе на сбереженіе жизни и здоровья солдата и, затѣмъ, на наиболѣе плодотворное приложеніе его труда къ разрѣшенію военныхъ вопросовъ.

По прибытіи на Кавказъ, князь Воронцовъ, освѣдомившись о непомѣрномъ числѣ больныхъ въ частяхъ 5-го корпуса, для разслѣдованія причинъ болѣзненности назначилъ одного изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ (полковника князя Голицына); оказалось, что въ полкахъ 14-й дивизіи, въ теченіе зимы съ 1844-го на 1845-й годъ, нижніе чины получали, вмѣсто отпускаемыхъ трехъ мясныхъ порцій въ недѣлю, только по одной, а иногда— по одной въ двѣ недѣли. Это разслѣдованіе, оглашенное въ приказѣ по корпусу въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ, имѣло свои послѣдствія; но, кромѣ того, по ходатайству князя улучшены отпуски отъ казны и, въ сентябрѣ 1845-го года, уже приказомъ по Куринскому полку строжайше требовалось, чтобы ежедневно въ ротахъ варился къ обѣду борщъ изъ ¼ фунта мяса на человѣка, съ прибавленіемъ 1 ф. сала на каждыхъ 50-тъ человѣкъ, а къ ужину—каша изъ одного гарнца крупъ и 1 фунта сала на каждыхъ 25-ть человѣкъ. Вслѣдъ за улучшеніемъ пищи, послѣдовало улучшеніе снабженія войскъ всѣми предметами довольствія, и въ этомъ отношеніи вездѣ видна заботливость князя о нуждахъ солдата. Въ полкахъ 20-й дивизіи на довольствіе нижнихъ чиновъ было обращено особое вниманіе начальника дивизіи генерала Фрейтага, вступившаго въ отправленіе своихъ обязанностей 15-го мая 1845-го года. Извѣстно, что ротное хозяйство, до изданія положенія о хозяйствѣ въ ротахъ, т. е. до семидесятыхъ годовъ, было почти внѣ всякой регламентаціи. Въ каждомъ округѣ, а ранѣе—почти въ каждой дивизіи, существовали свои правила о хозяйствѣ въ ротахъ. Въ приказѣ по дивизіи, отъ 20-го октября 1845-го года, Фрейтагъ съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ этому вопросу и особенно къ ротной отчетности; онъ преподалъ строгія правила о распредѣленіи ротныхъ суммъ на харчевыя, экономическія, артельныя и образ-

ныя, и ввелъ отчетность, до того почти не существовавшую въ дивизіи.

Это былъ весьма важный шагъ въ дѣлѣ сбереженія солдатскаго добра. До этого времени, ротныя деньги представляли изъ себя сумму, находившуюся почти въ безотчетномъ распоряженіи командира роты; отъ его добросовѣстности, заботливости и знанія дѣла зависѣло благосостояніе роты. При этихъ случайностяхъ, въ зависимости отъ качествъ ротныхъ командировъ, выходило, что въ одной ротѣ люди были сыты и получали даже болѣе положеннаго отъ казны, въ другихъ же — голодали и, какъ оказалось въ 14-й дивизіи, всегда были законныя объясненія, оправдывавшія виновныхъ.

Другое зло, жившее во всѣхъ войскахъ Кавказа и оправдываемое исключительными условіями жизни—это неограниченные домашніе расходы людей. Были полки, имѣвшіе десятки людей въ постоянныхъ командировкахъ за десятки верстъ отъ штаба, на покосахъ, хуторахъ, на пастьбахъ и пр. Зло это, хотя и обратило на себя вниманіе даже Государя, въ бытность Его на Кавказѣ въ 1837-мъ году, — продолжало жить въ полной силѣ. Въ приказѣ отъ 10-го ноября 1845-го года, князь Воронцовъ обратилъ на это особое вниманіе, запретилъ всякія постоянныя командировки и разрѣшилъ на ротныя надобности слѣдующій расходъ на роту: 1) для присмотра за ротнымъ имуществомъ—одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой; 2) конюховъ или воловьихъ артельщиковъ—четыре; 3) на мельницѣ—одинъ; 4) хлѣбопековъ—четыре и 5) кашеваровъ—четыре. Кромѣ этого, дозволялось наряжать особыя команды для сѣнокошенія ротъ; для полковыхъ же работъ предназначались инвалидныя роты.

Таковы были первые шаги князя Воронцова въ дѣлѣ улучшенія солдатскаго быта; затѣмъ вопросъ коснулся размѣщенія войскъ *). За раціональной постановкой этихъ вопросовъ домашней жизни, послѣдовали такія же распоряженія и для веденія войны; съ этихъ

*) По возвращеніи изъ Дарго, части Куринскаго полка пошли на квартиры, назначенныя по дислокаціи: штабъ полка—въ кр. Грозную, 1-й, 2-й и 3-й баталіоны—въ кр. Воздвиженскую, 4-й и 5-й—въ Грозную.

поръ получили право гражданства такъ называемыя зимнія экспедиціи. Эти экспедиціи шли въ систематическомъ порядкѣ, продолжались съ однимъ или двумя перерывами всю зиму и кончались тогда, когда лѣса Чечни начинали одѣваться листьями. Цѣль зимнихъ экспедицій заключалась въ рубкѣ просѣкъ. Съ 1845-го года мы впервые встрѣчаемся съ этой операціей въ большихъ размѣрахъ, и такъ какъ рубка лѣса сдѣлалась съ этихъ поръ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для завоеванія Чечни и замѣнила собой, если не вполнѣ, то главнымъ образомъ, прежніе набѣги, то мы должны теперь же познакомиться съ тактическими пріемами рубки просѣкъ и, вообще, зимнихъ экспедицій. Выше уже замѣчено, что просѣки проводились зимой. Кромѣ удобствъ рубки въ это время года, когда лѣсъ, такъ сказать, видѣнъ насквозь, мы пріобрѣтали и многія тактическія удобства; но, независимо этого, чеченцы, народъ южный, не любящій холода и не имѣющій никакихъ приспособленій ни въ домашней обстановкѣ, ни въ костюмѣ, не могли соперничать зимой съ нашими солдатами, отъ рожденія привыкшими къ суровымъ холодамъ сѣвера и снабженными полушубками и палатками. Эти, повидимому, второстепенныя наши преимущества оказывали наибольшее вліяніе на успѣхъ нашихъ предпріятій. Зимой чеченцы обыкновенно выходили изъ ауловъ поздно утромъ и, вслѣдствіе холода, расходились по домамъ вечеромъ; съ такими привычками нельзя быть на войнѣ; къ тому же, русскіе стали дѣйствовать настойчиво и осторожно, что было совсѣмъ не по вкусу чеченцамъ, способнымъ только на налетъ съ увлеченіемъ и, вообще, на операціи непродолжительныя и джигитскія.

Слѣдовательно, система рубки зимой, основанная на дѣйствіи противъ самыхъ слабыхъ сторонъ непріятеля, соотвѣтствовала и требованіямъ мѣста, и характеру какъ русскаго солдата, такъ и его противника; иначе говоря, зимнія экспедиціи вполнѣ отвѣчали требованіямъ военной науки. Прежде всего рѣшено было провести просѣки по малой Чечнѣ, для соединенія нашихъ укрѣпленій— Воздвиженскаго и Назрана. Въ назначенное время, войска собирались къ тому мѣсту, откуда слѣдовало начать рубку. Здѣсь устраивался лагерь на удобномъ мѣстѣ; туда же свозился запасъ топоровъ

и другаго инструмента. Войска размѣщались обыкновенно въ палаткахъ, въ которыхъ примѣнялся родъ отопленія съ помощью горящихъ угольевъ, уложенныхъ въ ямки или мангалы; наконецъ, день и ночь, въ лагерѣ горѣли костры; нагрѣтые въ мангалахъ уголья давали въ офицерскихъ палаткахъ температуру комнаты; находили возможнымъ устраивать въ палаткахъ даже бани. Но костры и горячіе уголья были, по свидѣтельству старыхъ служакъ того времени, источникомъ тѣхъ ревматизмовъ и катарровъ, отъ которыхъ не избавился никто изъ бывавшихъ часто въ зимнихъ экспедиціяхъ въ Чечнѣ.

День и ночь, лагерь охранялся цѣпью и секретами. Послѣдніе составляли отличное охранительное средство въ лѣсу и кавказскія войска довели практику этой операціи до совершенства. Искусство заключалось въ томъ, чтобы, выбравъ тропинку, по которой можно ожидать приближенія врага, занять ее такъ, чтобы даже самый ловкій изъ прохожихъ не открылъ присутствія секрета; затѣмъ нужно было выждать удобный моментъ и умѣть выбрать оружіе, которымъ легче сразить врага—пулей, штыкомъ или просто взять его въ охапку, или даже совсѣмъ пропустить мимо, не обнаруживая своего присутствія. На службу въ секретахъ были особенно способны охотничьи команды, которыя въ это время содержались въ полку, какъ отдѣльная самостоятельная часть. Нападенія на лагерь непріятель никогда не производилъ, какъ потому, что лагерь обыкновенно располагался на крѣпкомъ, открытомъ мѣстѣ, гдѣ чеченцу не рука встрѣчаться съ солдатами, такъ и потому, что чеченцы, какъ спеціалисты лѣсной войны, предпочитали нападеніе въ лѣсу.

Слѣдовательно, войска въ лагерѣ жили относительно спокойно; развѣ, по временамъ, это спокойствіе тревожилось погоней за непріятелемъ, отхватившимъ лошадей или порціонный скотъ.

Рано утромъ войска шли на рубку; кромѣ части, назначенной для охраны лагеря, остальныя поднимались до разсвѣта, собирались въ назначенномъ мѣстѣ и двигались тихо, въ строгомъ порядкѣ, съ авангардомъ, арріергардомъ и боковыми цѣпями. Мѣсто работы окружалось со всѣхъ сторонъ войсками, причемъ выстраи-

вался родъ гигантскаго каре, съ фасами приблизительно въ версту; каждый фасъ имѣлъ свою цѣпь, артилерію и резервы. Затѣмъ, приблизительно половина людей выдѣлялась для работы: она составляла ружья въ козлы и приступала къ рубкѣ. Въ одно мгновеніе тысячи топоровъ застучать бывало въ лѣсу и повалятся гигантскіе чинары, запылаютъ во всѣхъ углахъ костры и непріятель, какъ бы разбуженный нашей работой, начнетъ собираться къ мѣсту рубки. Расчетъ работы заключался въ томъ, чтобы вовремя окончить ее или подвинуть работу настолько, чтобы недолго оставаться подъ выстрѣлами.

Вообще говоря, и во время рубки войска бывали относительно въ безопасности: одно или два орудія, вывозимыя чеченцами на высоты ближайшія къ работѣ, никогда не наносили намъ большаго вреда; чаще всего, противъ этого орудія открывала сосредоточенный огонь наша артилерія и шамилевская пушка начинала путешествовать съ горки на горку, чтобъ найти себѣ безопасную позицію. Съ первыми выстрѣлами, жители уже сбѣгались вокругъ нашего каре, начиналась перестрѣлка въ цѣпи, кучка непріятельскихъ джигитовъ тщательно осматривала наше расположеніе и, замѣтя оплошность, нерѣдко бросалась на цѣпь и прорывалась въ нее до резервовъ. Бывали и такіе случаи, что джигиты проходили черезъ цѣпь незамѣтно и бросались на резервы, безпечно отдыхавшіе около костровъ. Въ случаяхъ подобной оплошности, мы сильно поплачивались: чеченцы рубили беззащитныхъ, захватывали ихъ ружья и аммуницію и, ранѣе, чѣмъ приходила помощь, уходили съ добычей. Эти случаи чаще происходили на фуражировкахъ; но и при рубкѣ невсегда обходилось безъ этого, хотя, къ счастью, въ исторіи Куринскаго полка мы знаемъ мало фактовъ въ этомъ родѣ *).

Вообще говоря, самая операція рубки большею частью кончалась безъ потерь; но затѣмъ наставало время возвращаться домой. Нужно было убирать цѣпи и отступать, т. е. произвести операцію, считавшуюся самою опасною въ чеченскихъ лѣсахъ. Здѣсь

---

*) Къ такимъ случаямъ относится нападеніе на фуражировъ, бывшихъ подъ командой прапорщика Шкура, описанное въ главѣ IX.

то мы терпѣли наибольшую потерю. Но такъ какъ о тактическихъ пріемахъ, усвоенныхъ куринцами при отступленіи, также какъ о ходѣ наступленія чеченцевъ, мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ, то здѣсь уже не будемъ ихъ касаться, а перейдемъ къ описанію самыхъ событій въ концѣ 1845-го года.

Прежде всего рѣшено было соединить укр. Воздвиженское съ Назраномъ. Укрѣпленіе Воздвиженское, основанное въ 1844-мъ году на обширной полянѣ при аулѣ Чахкери, лежало на границѣ большой и малой Чечни. Воздвиженское укрѣпленіе имѣло сообщеніе съ Грозной только черезъ ханкальское ущелье. Для сообщенія по малой Чечнѣ, гдѣ до сихъ поръ русскіе ходили только съ военною цѣлью, рѣшено было соединить Воздвиженское съ Назраномъ и для того начать работы съ обоихъ концовъ. По окончаніи просѣки, предполагалось построить на этой передовой дорогѣ нѣсколько укрѣпленій и соединить ихъ поперечными просѣками съ Сунжей, гдѣ, съ 1845-го года, водворялись станицы 1-го сунженскаго полка. Такимъ образомъ, исполнивъ этотъ планъ, мы отрѣзывали у противника плодороднѣйшую часть малой Чечни, и открывали путь къ остальнымъ поселеннымъ пунктамъ нашихъ враговъ.

Въ декабрѣ 1845-го года собрались для зимней экспедиціи два отряда: 1) чеченскій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, состоявшій изъ 10-ти баталіоновъ, съ 14-ю орудіями и кавалеріей, и имѣвшій цѣлью начать просѣку въ гойтинскомъ лѣсу и 2) назрановскій, генералъ-маіора Нестерова, состоявшій изъ 8-ми баталіоновъ, 10-ти сотенъ кавалеріи и 8-ми орудій, имѣвшій цѣлью двинуться къ р. Фортангѣ, чтобы притянуть на себя главныя силы малой Чечни и облегчить, такимъ образомъ, дѣйствія Фрейтага. Въ виду этого плана, генералъ Нестеровъ выступилъ днемъ ранѣе чеченскаго отряда и началъ съ фуражировки на р. Нетхоѣ. Цѣль Нестерова была достигнута и онъ, сдѣлавъ часть просѣки, возвратился 14-го декабря на Сунжу.

Между тѣмъ, генералъ Фрейтагъ началъ просѣку гойтинскаго лѣса 4-го декабря и продолжалъ работу съ большимъ успѣхомъ до 24-го числа того же мѣсяца. Въ отрядѣ Фрейтага были 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, подъ общимъ начальствомъ коман-

дира 1-го баталіона полковника барона Меллера-Закомельскаго. Мы не будемъ перечислять всѣ мелкія перестрѣлки, происходившія почти ежедневно; но нельзя не указать на дѣла 7-го, 17-го и особенно 13-го декабря, когда 2-я егерская рота, командуемая поручикомъ Романовымъ, штыками опрокинула толпу горцевъ, сдѣлавшихъ засаду, подъ предводительствомъ чаберлойскаго наиба Курали. Въ этотъ періодъ зимней экспедиціи куринцы потеряли: убитымъ прапорщика Гаврилова, ранеными капитана Жабокрицкаго, поручика Колесова и прапорщика Адеркаса; нижнихъ чиновъ убито 9-ть и ранено 25-ть.

24-го декабря отрядъ былъ распущенъ по квартирамъ и вновь собранъ въ январѣ 1846-го года, для продолженія рубки въ гехинскомъ лѣсу. Въ виду ожидавшагося сопротивленія рѣшено было работы производить обоими отрядами вмѣстѣ. Генералъ-маіоръ Нестеровъ выступилъ въ походъ 9-го января; узнавъ въ дорогѣ, что сборъ отряда Фрейтага пріостановленъ, по случаю прекращенія переправы черезъ Терекъ, Нестеровъ остановился на Фортангѣ и только 14-го числа двинулся на Валерикъ. Въ этотъ день Фрейтагъ прибылъ въ Воздвиженское и, собравъ свой отрядъ, въ составъ котораго вошли первые четыре баталіона куринцевъ, двинулся къ гехинскому лѣсу, навстрѣчу Нестерову. Отряды соединились 17-го января. Воглавѣ куринцевъ стоялъ новый командиръ полка полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, назначенный Высочайшимъ приказомъ 18-го января 1846-го года.

При переходѣ черезъ р. Гойту и Урусъ-Мартанку, отряду пришлось выдержать жаркія перестрѣлки; но еще большее сопротивленіе онъ встрѣтилъ 17-го, при занятіи гехинскаго лѣса. Чеченцы были въ сборѣ. Наибы имѣли строгій приказъ тревожить русскихъ и стрѣлять въ нихъ изъ орудій. Наибъ малой Чечни Ягья-Хаджи съ большой толпой окружилъ нашъ лагерь и выжидалъ случая. Этотъ случай вскорѣ представился: 27-го числа, Ягья-Хаджи напалъ на колонну командира навагинскаго полка полковника барона Вревскаго, возвращавшагося съ Фортанги, куда былъ посланъ навстрѣчу кавалеріи генерала Нестерова. Среди лѣса, окруженный чеченцами, имѣвшими свою артилерію, Вревскій

долженъ былъ пробивать себѣ дорогу отъ р. Нетхой до р. Пханъ-Кичу и хотя понесъ потери, но вышелъ побѣдителемъ.

На другой день, 28-го января, Ягья-Хаджи пытался вознаградить потерю предыдущаго дня: онъ бросился со всѣми силами наперерѣзъ пути колоннѣ полковника барона Меллера-Закомельскаго, который, конвоируя обозъ въ нѣсколько сотъ повозокъ, возвращался изъ Воздвиженскаго въ отрядъ. Ягья-Хаджи предполагалъ разыграть вторую сухарную экспедицію, но былъ не такъ счастливъ, какъ Шамиль въ Дарго. Въ колоннѣ барона Меллера-Закомельскаго было 4 баталіона, 4 орудія и 1½ сотни кавалеріи, но изъ куринцевъ здѣсь были только 1-й и 2-й баталіоны. Недоходя до р. Рошни, авангардъ нашъ былъ встрѣченъ бѣглымъ огнемъ изъ глубокой балки, прилегающей здѣсь къ дорогѣ. Вскорѣ показались и толпы противника, коего, по слухамъ, было до 10 т. человѣкъ.

Предстояло тяжелое дѣло; непріятель превосходилъ насъ не только числомъ сражавшихся, но даже и артилеріей: онъ выставилъ пять орудій противъ нашихъ четырехъ. Баронъ долженъ былъ, прикрывая огромный обозъ, форсировать три переправы. Куринцы шли въ боковыхъ цѣпяхъ, но, также какъ въ сухарную экспедицію 1845-го года, они являлись тамъ, гдѣ грозила опасность—т. е. то въ головѣ, для атаки впереди лежащаго завала, то въ хвостѣ, чтобы прикрыть переправу отступавшаго обоза. Ружейный огонь, прерываемый грохотомъ орудій, провожалъ нашъ отрядъ до самаго лагеря, куда русскіе прошли безостановочно, благодаря геройской работѣ куринцевъ.

Снабдившись продовольствіемъ, отрядъ двинулся въ обратный путь, и съ ночлежнаго пункта Фрейтагъ могъ донести по начальству, что знаменитые дубовые и, притомъ, вѣковые и дѣвственные лѣса—гойтинскій и гехинскій—раздвинулись передъ его геройскими баталіонами и открыли навсегда путь русскому народу вглубь малой Чечни.

Успѣхъ Фрейтага былъ безспорно большой; онъ не былъ фиктивенъ, какъ безслѣдныя побѣды предыдущихъ годовъ; онъ былъ реаленъ, и, главное, стоилъ небольшихъ жертвъ. Въ теченіе этого

періода зимней экспедиціи куринцы потеряли ранеными 7-мь офицеровъ (подпоручики Аминовъ и Дробышевъ, прапорщики Наумовъ, Лашевскій, Языковъ, Марковъ и фонъ-Мерклинъ) и нижнихъ чиновъ—убитыми 5-ть и ранеными 99-ть. Всего, въ теченіе зимней экспедиціи 184⁵/₆-го годовъ, потеря полка состояла: убитыми и ранеными офицеровъ 11-ть и нижнихъ чиновъ 131-нъ.

По окончаніи похода, куринцы разошлись по квартирамъ и начали обычныя занятія—въ числѣ коихъ сопровожденіе оказій и фуражировки за дровами достойны особаго вниманія. При этихъ операціяхъ не обходилось безъ потерь. Чеченцы стали особенно бдительны; наибъ Талгикъ получалъ приказаніе за приказаніемъ, въ которыхъ Шамиль повелѣвалъ ему удвоить бдительность и безпокоить русскихъ безпрестанно. Чеченцы дѣйствительно стали назойливы—каждая оказія и каждая фуражировка стоили намъ крови. 14-го февраля мы потеряли при слѣдованіи оказіи 3-хъ убитыхъ и 1 раненаго, а 2-го марта, при рубкѣ дровъ въ ханкальскомъ ущельи, убитъ прапорщикъ Гавриловичъ и нижнихъ чиновъ убито 12-ть и ранено и безвѣсти пропало 18-ть человѣкъ; на такой же рубкѣ дровъ въ ханкальскомъ ущельи, 12-го и 17-го марта, куринцы имѣли убитыми 24 и ранеными 28-мь нижнихъ чиновъ; 26-го марта раненъ подпоручикъ Лабезниковъ, а 30-го марта убито 3 и ранено 60-тъ нижнихъ чиновъ.

Эти эпизоды доказываютъ, что чеченцы развили въ началѣ 1846-го года большую энергію, но и куринцы, по обыкновенію, не оставались въ долгу; изъ перечисленныхъ дѣлъ, въ приказахъ по полку обращено особое вниманіе на дѣло 2-го марта, гдѣ геройски палъ прапорщикъ Гавриловичъ и оказали особое отличіе подпоручикъ Желтухинъ, унтеръ-офицеръ Лисицынъ, заколовшій сына наиба Атабая, и горнистъ Макѣевъ.

Всѣ эти дѣйствія чеченцевъ указывали на общее оживленіе среди подвластныхъ Шамиля. Генералъ Фрейтагъ не могъ не обратить вниманіе на это и усилилъ наблюденіе.

9-го апрѣля 1846-го года, одинъ мюридъ доставилъ въ Грозную генералу Фрейтагу, для прочтенія, письмо, писанное Шамилемъ къ наибу Чечни Талгику, слѣдующаго содержанія: „отъ князя му-

сульманскаго народа и султана тѣхъ людей, которые признаютъ единаго Бога, моимъ братьямъ Бата и Талгику *). Да хранитъ васъ Богъ отъ невѣрныхъ и отъ непріятельскихъ хитростей! Я приказалъ всѣмъ наибамъ собрать ввѣренныя имъ части въ будущую субботу до полудня и вы тоже сдѣлайте. Шали назначаю сборнымъ пунктомъ, куда я прибуду съ нѣсколькими пушками, которыя хочу поставить около непріятельской большой дороги. Прошу хранить это въ тайнѣ, чтобы не было извѣстно въ народѣ".

Это письмо, по словамъ Зиссермана, было не первое, доставленное Фрейтагу въ оригиналѣ Шамиля, и Робертъ Карловичъ всегда умѣлъ извлекать изъ нихъ пользу. Но, на этотъ разъ, „большая дорога" осталась загадкой. Шамиль ввелъ насъ въ заблужденіе, и только впослѣдствіи разъяснилось, что въ письмѣ говорилось о военно-грузинской дорогѣ и что онъ скомбинировалъ втайнѣ операцію, которая никому не приходила на мысль—походъ въ Кабарду.

Если къ этой операціи Шамиля приложить пріемы военно-исторической критики, то едва ли можно отказать имаму въ недюжинномъ военномъ талантѣ: ударъ былъ расчитанъ въ чувствительное мѣсто кавказской линіи—на главный коммуникаціонный путь изъ Россіи въ Закавказье, и, еслибы Аллахъ благословилъ оружіе имама, онъ имѣлъ въ виду соединеніе чеченцевъ съ врагами русскихъ на Кубани. Быстрота сбора и стремительность движенія были образцовыя: Шамиль, со скопищемъ до 10 т. пѣшихъ и конныхъ и съ 5-тью орудіями, никѣмъ не открытый, перешелъ 16-го апрѣля черезъ Сунжу близь укрѣпленія Казахъ-Кичу и направился въ Кабарду.

Таинственность, съ которою дѣлались распоряженія Шамиля, сбила съ толку самого Фрейтага: онъ узналъ только, что имамъ собираетъ войско въ малой Чечнѣ, но не могъ разгадать его намѣренія. Рѣшено было сосредоточить наши войска въ Грозной и Воздвиженскомъ и ждать врага; но вскорѣ грозненская колонна

---

*) Бата—наибъ качкалыковскій, а Талгикъ—наибъ большой Чечни.

была передвинута въ Заканъ-Юртъ, гдѣ собрался весь отрядъ, въ которомъ были 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о положеніи Шамиля, въ ночь съ 15-го на 16-е апрѣля 1846-го года Фрейтагъ двинулся далѣе къ станицѣ Сунженской и по пути узналъ, что имамъ ночевалъ противъ Казахъ-Кичу; на разсвѣтѣ 16-го числа, перейдя Сунжу, отрядъ двинулся къ сѣверу въ малую Кабарду. Открывъ, такимъ образомъ, слѣдъ Шамиля, Фрейтагъ шелъ по пятамъ его. Истинное положеніе горцевъ выяснилось только 17-го апрѣля, когда раздались пушечные выстрѣлы у Константиновскаго укрѣпленія; но и здѣсь обстановка врага была для насъ не ясна. Полчища Шамиля разбрелись по окрестнымъ ауламъ и силою принуждали жителей идти съ ними за Терекъ, гдѣ имамъ предполагалъ поднять большую Кабарду. Такимъ образомъ, Шамиль, гоня за собой плѣнныхъ и добычу, подошелъ къ аулу Эльхоту. Фрейтагъ двинулъ противъ него два баталіона куринцевъ, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго. Колонна эта настигла Шамиля на переправѣ черезъ Терекъ и заставила его бросить всѣхъ плѣнныхъ. Терекъ раздѣлилъ противниковъ, и русскія войска видѣли, какъ Шамиль съ своей многочисленной партіей располагается бивакировать на лѣвомъ берегу рѣки. Въ этотъ же день, т. е. 18-го апрѣля, было получено свѣдѣніе, что командиръ тенгинскаго полка полковникъ Левковичъ, слѣдовавшій по военно-грузинской дорогѣ съ 1-мъ баталіономъ своего полка, былъ атакованъ частью скопища Шамиля. Фрейтагъ командировалъ полковника барона Меллера-Закомельскаго на помощь Левковичу, но уже было поздно: горцы, увидя движеніе русскихъ, оставили тенгинцевъ, которые, выдержавъ бой съ многочисленнымъ противникомъ и потерявъ до 120-ти человѣкъ убитыми и ранеными, возвратились къ укрѣпленію Уруху. Меллеръ соединился съ Левковичемъ только на другой день.

19-го числа положеніе противныхъ сторонъ было такое: Шамиль съ многочисленной партіей стоялъ на высотахъ Татартупа, на лѣвомъ берегу Терека, на самой почтовой дорогѣ; колонна Меллера стояла сѣвернѣе лагеря Шамиля, тоже на самой дорогѣ, охраняя сообщеніе съ укр. Урухомъ. Фрейтагъ стоялъ противъ Шамиля

на правомъ берегу Терека и ожидалъ подкрѣпленія отъ Нестерова, со стороны Назрана. Планъ Фрейтага заключался въ желаніи одновременно атаковать врага съ трехъ сторонъ. Но расчетъ не удался: пока Фрейтагъ ожидалъ Нестерова, Шамиль, въ ночь на 20-е число, ушелъ и притомъ такъ искуссно, что русскіе долго не могли отыскать путь его отступленія. Только къ вечеру 20-го числа Фрейтагъ узналъ, что Шамиль отступилъ къ укр. Череку. 21-го апрѣля полковникъ бар. Меллеръ-Закомельскій, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами куринцевъ и однимъ баталіономъ навагинцевъ, при 6-ти орудіяхъ и 5-ти сотняхъ казаковъ, открылъ сообщеніе между Урухомъ и Владикавказомъ и занялъ у татартупскаго минарета ту самую позицію, на которой стоялъ Шамиль наканунѣ. Не имѣя возможности удалиться отъ большой почтовой дороги, колонна оставалась на избранной позиціи до 26-го апрѣля. Въ это время Фрейтагъ, терпя недостатокъ въ сухаряхъ и соли, не дождался Нестерова и самъ пошелъ къ нему на соединеніе, которое и случилось въ ст. Николаевской, на лѣвомъ берегу Терека. Такимъ образомъ, колонна Меллера оставалась одна въ виду партіи Шамиля. Сохранившіеся документы не вполнѣ выясняютъ тѣ обстоятельства, которыя сопровождали дальнѣйшій ходъ дѣла и потому будемъ держаться разсказа участника въ походѣ, куринца, прапорщика Горчакова *), который говоритъ: „26-го апрѣля, рано утромъ, мы увидѣли массу войскъ, приближавшихся къ намъ отъ укр. Черека въ боевомъ правильномъ порядкѣ, съ авангардомъ, арріергардомъ, и боковыми цѣпями. Навстрѣчу, для развѣдки, были посланы 10-ть казаковъ. Предполагая видѣть передъ собою отрядъ генерала Фрейтага—такъ какъ намъ и въ голову не приходило, чтобы непріятель могъ обставить себя такими правильными построеніями—мы были крайне удивлены, когда услышали перестрѣлку. Это разъяснило намъ, что предстоитъ дѣло не съ Фрейтагомъ. Баталіоны тотчасъ дружно и смѣло двинулись на непріятеля, который теперь, съ своей стороны, остановился въ недоумѣніи отъ неожиданной встрѣчи. Оправившись послѣ перваго затрудненія и на-

*) „Кавказ. Сбор.“ т. IV,

тиска, горцы начали подаваться къ опушкѣ лѣса; ихъ правильные боевые порядки смѣнились безпорядочною толкотнею; канонада нашихъ орудій, выстроившихся фронтомъ, окончательно придавила ихъ къ лѣсу, у той самой позиціи, гдѣ мы стояли.

,,Оставалось одно—ударить въ штыки, и каждый изъ насъ съ нетерпѣніемъ готовился вступить въ рукопашную схватку, результатъ которой не трудно было предвидѣть. Но звѣзда Шамиля еще блестѣла—и судьба рѣшила иначе. Огонь изъ орудій все продолжался, поддерживая замѣшательство въ разстроенныхъ войскахъ имама, откуда непріятель, десятками и болѣе, убѣгалъ опушкою лѣса къ переправѣ. Смотря поверхностно на распоряженія Меллера, можно было думать, что онъ искалъ рѣшительной побѣды и намѣревался, вполнѣ притиснувъ враговъ къ лѣсу, охватить ихъ ружейнымъ залпомъ и потомъ принять въ штыки. Но въ этомъ случаѣ онъ терялъ удобную и невозвратимую для успѣха дѣла минуту. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что, сомнѣваясь въ удачѣ, не хотѣлъ безполезно жертвовать людьми. Вѣрнѣе же, что онъ въ данную минуту не могъ быстро сообразить всѣхъ обстоятельствъ дѣла, тогда какъ рѣшительный ударъ былъ бы дѣйствительно гибельнымъ для партіи, столь выгодно для насъ попавшей въ бѣду и потерявшей присутствіе духа. До какой степени паническій страхъ парализовалъ горцевъ, захваченныхъ нами врасплохъ, можно судить изъ того, что съ ихъ стороны не было произведено даже ни одного выстрѣла, не смотря на то, что въ рядахъ стояли лучшіе воины. Видя свою погибель, они лишь взывали къ Аллаху, а извѣстно, что эта молитва у нихъ предсмертная.

,,Всѣ видѣли, что дѣло не то; ,,стрѣлять чаще!" кричалъ Меллеръ артиллеріи, и когда получилъ въ отвѣтъ, что на орудіе остается только девять зарядовъ, онъ тотчасъ перешелъ въ отступленіе, по направленію къ Урухской станицѣ, отдѣльными эшелонами, каждый въ составѣ баталіона и двухъ орудій. Видя такое неожиданное отступленіе, горцы опомнились и принялись за насъ, какъ говорится, вплотную. Такъ какъ это произошло въ открытомъ полѣ, то они выдвинули свои орудія и картечью провожали насъ версты четыре, до моста на большой дорогѣ, который мы успѣли перейти.

Отдѣлавшись, такимъ образомъ, отъ насъ, горцы повернули своихъ лошадей и поскакали къ переправѣ; ихъ артилерія была уже на другомъ берегу и прикрывала отступленіе. Тутъ только спохватился Меллеръ, въ особенности, когда въ эту минуту подоспѣли къ нему на помощь 360-тъ малороссійскихъ казаковъ. Присоединивъ къ нимъ 500-тъ казаковъ горскаго полка, начальникъ колонны послалъ ихъ, съ двумя орудіями, въ догонку непріятелю, а затѣмъ послѣдовалъ и самъ. Но было поздно: хотя казаки нагнали хвостъ аріергарда, но не могли принести горцамъ никакого вреда''.

Официальное допесеніе во многомъ отличается отъ разсказа Горчакова; по словамъ реляціи ,,Меллеръ настигъ Шамиля на переправѣ и нанесъ ему сильное пораженіе''. Не менѣе странно то, что Фрейтагъ въ это время разыскивалъ то Шамиля, то Нестерова, и упустилъ врага, который, перейдя обратно черезъ Терекъ, пошелъ безъ оглядки на Сунжу, не будучи настигнутъ никѣмъ.

Такъ окончился кабардинскій походъ, который остался какимъ то мистическимъ эпизодомъ въ исторіи кавказской войны и Куринскаго полка. Всѣ упрекаютъ начальниковъ въ нерѣшительности, давшей возможность Шамилю уйти безнаказанно, и забываютъ отъ какихъ ужасовъ избавилась кавказская линія, благодаря бдительности Фрейтага. Зрителямъ нужна рѣшительная побѣда, и такъ какъ ее не было, то пессимисты желали объяснить это трусостью Меллера, вялостью Нестерова и ошибками Фрейтага. Но едва ли прилично называть трусомъ человѣка, который всю жизнь доказывалъ, что онъ смѣлый и храбрый начальникъ колонны; который съ своими куринцами дѣлалъ чудеса при Дарго и впослѣдствіи въ малой и большой Чечнѣ; еще менѣе основательно заподозрить Фрейтага въ незнаніи военнаго дѣла. Секретъ всего, я думаю, кроется въ талантѣ самого Шамиля, успѣвшаго ввести въ заблужденіе и умныхъ, и храбрыхъ.

Какъ бы то ни было, куринцы возвратились домой 29-го апрѣля, утомленные форсированными движеніями, почти безъ потерь и съ 12-ю георгіевскими крестами.

Кабардинскій походъ былъ эпизодомъ, отвлекшимъ войска отъ задачъ, предписанныхъ на 1846-й годъ. Когда тревога прекрати-

лась, главнокомандующій опять обратился къ своему плану; на очереди стояло устройство укрѣпленія по пути, прорубленному въ зимнюю экспедицію 1845-го и 1846-го годовъ. Главнокомандующій лично выбралъ мѣсто для укрѣпленія на рѣкѣ Фортангѣ и назвалъ его Ачхоемъ. Въ составѣ отряда, назначеннаго для работъ, были 1-й и 2-й баталіоны Куринскаго полка, которые и прибыли на сборный пунктъ, въ Назранъ, въ концѣ мая 1846-го года. Отрядомъ командовалъ генералъ Лабынцевъ, а при куринцахъ былъ самъ командиръ полка, полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Закладка Ачхоя совершилась благополучно, почти безъ потерь, и, окончивъ работы по возведенію укрѣпленія Ачхоя, куринцы возвратились домой въ началѣ іюля.

Военныхъ дѣйствій, согласно предварительнаго плана, до декабря мѣсяца не было; но нельзя не отмѣтить въ исторіи Куринскаго полка цѣлый рядъ перестрѣлокъ въ окрестностяхъ Воздвиженской и Грозной. Не говоря о мелкихъ случаяхъ, въ приказѣ по полку *) перечисленъ цѣлый рядъ крупныхъ стычекъ, кои записаны въ формуляры офицеровъ. Изъ числа ихъ, отмѣтимъ здѣсь отраженіе наиба Саабдулы, подступившаго 20-го іюня съ партіей къ самой крѣпости Грозной; отраженіе 4-го октября, партіи чеченцевъ въ триста человѣкъ, напавшей на скотъ жителей деревень въ окрестностяхъ Грозной; набѣгъ партіи въ тысячу человѣкъ на дорогу изъ Грозной въ ханкальское ущелье и геройское отраженіе этой партіи ротой пѣхоты и сотней казаковъ. Кромѣ этого, упомянемъ еще о восьми крупныхъ стычкахъ войскъ воздвиженскаго гарнизона, въ окрестностяхъ этого укрѣпленія.

Въ зиму на 1847-й годъ, на лѣвомъ флангѣ предполагалось снарядить два отряда: чеченскій и назрановскій. Первый изъ нихъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, въ составѣ 9-ти баталіоновъ, 12-ти орудій и 500-тъ казаковъ, долженъ былъ раззорить алдинскіе хутора. Такъ называлось многочисленное скопленіе чеченскихъ жилищъ между рѣками Гойтой и Рошней, къ югу отъ Сунжи. Населеніе это образовалось большею частью изъ тѣхъ се-

---

*) 18-го апрѣля 1847-го года № 80-й.

мействъ, кои бѣжали съ лѣваго берега Сунжи и съ Терека въ 1840-мъ году. Мѣсто, избранное ими, давало возможность дѣлать набѣги на Сунжу и на дорогу, соединявшую Грозную и Воздвиженское.

Въ алдинскихъ хуторахъ считалось до трехъ тысячъ дворовъ; это многолюдство мало доступной мѣстности дѣлало предпріятіе Фрейтага весьма затруднительнымъ. Чтобы избѣжать большихъ потерь, начальникъ отряда распустилъ слухъ, что идетъ за Аргунъ, къ Герменчику и Шали, а самъ двинулся къ Ханъ-Кале. Въ его отрядѣ были 3-й и 4-й баталіоны и сводный баталіонъ (1-я, 2-я карабинерныя и 1-я и 6-я егерскія роты) Куринскаго полка, подъ командой полковника барона Меллера-Закомельскаго. Пройдя половину дороги, Фрейтагъ сразу повернулъ направо и быстро двинулся къ Урусъ-Мартану. Въ теченіе 9-ти дней, съ 14-го по 24-е декабря, отрядъ успѣлъ раззорить всѣ хутора, для чего ежедневно посылались колонны въ разныя стороны, подъ командой полковниковъ барона Меллера-Закомельскаго, барона Вревскаго и подполковника Кишинскаго. Дѣйствія эти привели въ окончательное раззореніе жителей, которые должны были покинуть свои жилища и бѣжать къ чернымъ горамъ. Покончивъ съ хуторами, отрядъ сдѣлалъ просѣку по лѣвому берегу Мартанки до Сунжи, и 23-го числа благополучно возвратился въ Грозную. Значительный успѣхъ этой экспедиціи, благодаря искусству Фрейтага, обошелся намъ сравнительно дешево: ранены четыре офицера и нижнихъ чиновъ убито пять и ранено 87-мь. Изъ этой потери въ отрядѣ, Куринскаго полка убитъ одинъ нижній чинъ и ранены подпоручикъ Дудиченко-Руденко и нижнихъ чиновъ 11-ть. ,,Незначительность потери этой—сказано въ приказѣ по корпусу—должно приписать какъ быстротѣ и неожиданности движенія, такъ и благоразумнымъ распоряженіямъ генералъ-лейтенанта Фрейтага. Его сіятельство, г-нъ главнокомандующій считаетъ пріятнымъ долгомъ объявить свою благодарность генералъ-лейтенанту Фрейтагу, главнымъ его помощникамъ—полковникамъ баронамъ Меллеру-Закомельскому и Вревскому, и всѣмъ господамъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ составѣ отряда''.

Раззореніемъ алдинскихъ хуторовъ закончился 1846-й годъ. Въ 1847-мъ году, въ раіонѣ расположенія Куринскаго полка было предположено возвести около Грозной двѣ башни, построить мостъ черезъ Сунжу и устроить штабъ-квартиру Куринскаго полка въ Воздвиженской.

Изъ этой сравнительно мирной программы видно, что въ предстоящемъ году дѣйствія на лѣвомъ флангѣ были въ тѣни; все вниманіе начальства было обращено на Дагестанъ, гдѣ собирался значительный отрядъ, подъ начальствомъ князей Аргутинскаго и Бебутова. Здѣсь ожидали самого главнокомандующаго князя Воронцова и предполагались военныя дѣйствія противъ шамилевскихъ крѣпостей—Гергебиля и Салты. Но такъ какъ въ этихъ дѣйствіяхъ Куринскій полкъ не участвовалъ, то мы обратимся непосредственно къ лѣвому флангу.

Обычныя оказіи, рубка дровъ и дѣльнаго лѣса для штабъ-квартиры и сопряженныя съ этими работами перестрѣлки начались съ 12-го же января 1847-го года. Куринцы уже давно привыкли къ характеру врага и не давали большаго значенія мелкимъ тревогамъ—ихъ никто и не заноситъ въ свою хронику; по этому упоминаемъ здѣсь только о тѣхъ случаяхъ, сказанія о которыхъ сохранились въ нашихъ источникахъ. 21-го января была сильная перестрѣлка въ лѣсу близъ Воздвиженскаго укрѣпленія; 23-го—чеченцы напали на транспортъ, конвоируемый 13-ю ротами, но были отбиты съ большимъ урономъ; роты потеряли убитыми одного и ранеными 6-ть нижнихъ чиновъ; 28-го января вновь случилось нападеніе на мирные наши аулы, пріютившіеся вблизи Воздвиженскаго; но говоря объ этихъ эпизодахъ вскользь, скажемъ нѣсколько болѣе о случаѣ, бывшемъ 27-го февраля. Въ этотъ день изъ Воздвиженскаго укрѣпленія была выслана колонна для рубки лѣса. Изъ десяти ротъ, составлявшихъ прикрытіе фуражировъ, шесть были Куринскаго полка (1-й баталіонъ, 2-я карабинерная и 6-я егерская роты). Спустя нѣкоторое время послѣ начала работъ, непріятель, подкравшись къ лѣвой цѣпи, далъ залпъ и затѣмъ значительная толпа чеченцевъ бросилась въ шашки. Въ то же время, другая толпа атаковала аррієргардъ и раздался пушечный выстрѣлъ

со стороны непріятеля. Жертвою перваго залпа палъ раненымъ командиръ лѣвой цѣпи штабсъ-капитанъ Сухецкій, который, вслѣдъ за тѣмъ, былъ добитъ въ рукопашной схваткѣ и 3-й взводъ его храброй 2-й карабинерной роты, бывшей въ цѣпи, былъ смятъ. 2-й взводъ, побѣжавшій изъ резерва на помощь, тоже былъ встрѣченъ убійственнымъ огнемъ и не могъ остановить врага, но подоспѣвшій затѣмъ 1-й взводъ той же роты, подъ командой фельдфебеля Ваганьева, опрокинулъ чеченцевъ, которые мгновенно разбѣжались. Тѣмъ и кончилась перестрѣлка 27-го февраля. Наибъ Дуба, руководившій нападеніемъ, отступилъ, довольный тѣмъ, что оставилъ въ нашихъ рядахъ убитыми большею частью шашками и кинжалами штабсъ-капитана Сухецкаго и 19-ть нижнихъ чиновъ и ранеными 15-ть нижнихъ чиновъ.

Но кровь товарищей требовала возмездія и куринцы не долго оставались въ долгу. Полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій рѣшился сдѣлать визитъ наибу въ его собственномъ домѣ. Аулъ Дуба-Юртъ, гдѣ жилъ наибъ, находился верстахъ въ 10-ти отъ Воздвиженской, въ глубокой трущобѣ у подошвы черныхъ горъ. Въ ночь съ 5-го на 6-е марта полковникъ Меллеръ собралъ десять ротъ (1-й и 2-й баталіоны, 2-я карабинерная и 6-я егерская роты) своего полка и двинулся съ ними въ набѣгъ на Дуба-Юртъ. Въ отрядѣ были, кромѣ куринцевъ, двѣ роты линейнаго № 9-го баталіона, двѣ сотни донскихъ казаковъ и дивизіонъ донской же артилеріи. Не доходя до р. Гойты, отрядъ свернулъ влѣво, и, слѣдуя осторожно, достигъ на разсвѣтѣ густаго вѣковаго лѣса, отъ опушки котораго оставалось до аула версты двѣ. Чтобы ускорить нападеніе, баронъ Меллеръ, съ двумя ротами (2-й карабинерной и 6-й егерской) и со всѣми казаками, быстро пошелъ къ аулу. Остальнымъ войскамъ приказано было слѣдовать сзади. Пройдя чащу, колонна стала передъ ауломъ и, не теряя ни минуты, казаки окружили аулъ, а куринцы пошли на штурмъ. 2-я карабинерная рота, потерявшая 27-го февраля своего командира штабсъ-капитана Сухецкаго, шла впереди, предводимая извѣстнымъ своею распорядительностью и храбростью капитаномъ Тихомировымъ. Чеченцы были застигнуты врасплохъ: въ аулѣ начался цѣлый

адъ; все смѣшалось въ одну массу. Пошла общая работа штыка и кинжала. Особенно ожесточенная схватка была у сакли Дубы, гдѣ мюриды не сдавались егерямъ. Бой длился недолго; кромѣ 15-ти душъ, взятыхъ въ плѣнъ, въ числѣ коихъ былъ младшій сынъ наиба, все остальное погибло; спасся только какимъ то чудомъ самъ наибъ, проскользнувшій между нашими казаками.

Предавъ аулъ огню, уничтоживъ запасы и забравъ наскоро съ собой добычу, колонна должна была поторопиться назадъ; куринцы знали, что значитъ отступать изъ набѣга и потому не теряли времени. Между тѣмъ, въ теченіе почти часа, потраченнаго на расправу съ Дуба-Юртомъ, окрестности проснулись: чеченцы сбѣжались со всѣхъ концовъ и засѣли по дорогѣ. Предстояла труднѣйшая часть операціи—отступленіе.

Сдѣлавъ обычныя распоряженія, полковникъ Меллеръ двинулся обратно, оставивъ въ арріергардѣ 1-ю и 2-ю карабинерныя и 2-ю егерскую роты, а въ боковыя цѣпи послалъ 1-ю и 3-ю егерскія роты. Съ первымъ шагомъ колонны, начались обычныя насѣданія на арріергардъ и всѣ пріемы лѣсной войны, извѣстные намъ изъ описанія даргинскаго похода. Куринцы тоже знали свое дѣло: они шли медленно, останавливаясь при каждомъ натискѣ, не показывая тыла. Выйдя на поляну и видя передъ собой увеличивающагося въ числѣ противника, Меллеръ рѣшился перемѣнить дорогу и взять болѣе кружное направленіе на большую просѣку черезъ Гойту. Но здѣсь, на переправѣ, встрѣтилъ нашу колонну наибъ малой Чечни Саабдула. Новый ожесточенный бой кончился тѣмъ, что куринцы вышли изъ лѣса и непріятель прекратилъ преслѣдованіе. Куринцы въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ имѣли ранеными поручика Шидловскаго, подпоручика Дробышева и нижнихъ чиновъ—убитыми 10-ть и ранеными 70-тъ человѣкъ.

Въ теченіе лѣта 1847-го года Куринскій полкъ окончательно перенесъ свою штабъ-квартиру въ укр. Воздвиженское и повелъ относительно мирную жизнь; но, вдругъ, въ августѣ, опять тревога: генералъ Фрейтагъ сталъ собирать отрядъ въ Воздвиженское. Начались приготовленія и вопросы: куда и зачѣмъ идетъ отрядъ? Чеченцы засуетились болѣе русскихъ; Фрейтагу того

и нужно было: это была демонстранція, для отвлеченія силъ Чечни отъ Дагестана, куда Шамиль призывалъ всѣхъ правовѣрныхъ на помощь Салты. Демонстрація удалась; чеченцы дѣйствительно были отвлечены къ своимъ домамъ и Салты пало. Вообще, послѣ неудачнаго похода въ Кабарду, авторитетъ Шамиля въ Чечнѣ сильно пошатнулся. Имамъ старался поддерживать свое вліяніе разными посланіями и обѣщаніями скорой помощи, но, неотступно преслѣдуемый въ Дагестанѣ генералами Аргутинскимъ и Бебутовымъ, не имѣлъ времени спуститься въ Чечню. Между тѣмъ, результаты послѣднихъ двухъ лѣтъ дѣйствій чеченскаго отряда—просѣки въ малой Чечнѣ и истребленіе алдинскихъ хуторовъ—дотого поколебали чеченцевъ, что явились голоса въ пользу подчиненія Россіи; узнавъ объ этомъ, имамъ, вмѣсто помощи, прислалъ угрозы: ,,строго повелѣваю—писалъ Шамиль чеченцамъ—не имѣть не только намѣренія покоряться русскимъ, до тѣхъ поръ пока будетъ существовать небесная твердь... Я самъ скоро прибуду къ вамъ съ войскомъ и пушками. Я требую отъ наибовъ и народа точнаго исполненія моихъ приказаній, и каждый пусть помнитъ, что за нарушеніе моей воли никакое раскаяніе не спасетъ виновнаго...'' Въ подобной перепискѣ проходило время, а между тѣмъ Фрейтагъ продолжалъ приводить въ исполненіе свою систему просѣкъ.

Зимняя экспедиція 1847—48-го годовъ началась въ ноябрѣ; цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы окончить просѣку между Воздвиженской и Ачхоемъ и устроить между ними дорогу, извѣстную въ Чечнѣ подъ именемъ ,,русской дороги''. Для этого необходимо было сперва очистить кустарникъ, выросшій съ зимы 1845-го года на гойтинской и гехинской просѣкахъ; нѣсколько расширить самыя просѣки и вырубить лѣсъ по направленію между рѣками Мартаномъ, Пханъ-Кичу, Валерикомъ и Гехинкой. Для исполненія этой задачи былъ назначенъ отрядъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, состоявшій изъ 9-ти баталіоновъ, 20-ти орудій, 4-хъ мортиръ и 450-ти казаковъ.

Въ составъ отряда вошли, между прочимъ, Куринскаго полка 2-й баталіонъ и 1-я, 3-я, 13-я и 14-я егерскія ро-

ты *) и кабардинскаго полка 2-й баталіонъ. При отрядѣ находились оба командиры полковъ полковники баронъ Меллеръ-Закомельскій и князь Барятинскій. 18-го января отрядъ перешелъ на Гойту и началъ очищать просѣки. Въ то же время, свободные баталіоны ходили на поиски. Здѣсь укажемъ на болѣе крупные, въ которыхъ участвовали куринцы: 21-го ноября, сводный егерскій баталіонъ поступилъ въ составъ той колонны, которая, подъ начальствомъ полковника барона Вревскаго, назначена была для овладѣнія частью джарганъ-юртовскихъ хуторовъ, уцѣлѣвшихъ отъ прежнихъ поисковъ. Когда хутора были уже заняты, а полковникъ Вревскій приступилъ къ фуражировкѣ, чеченцы собрались въ значительныхъ силахъ и завязали жаркое дѣло. Егеря, находившіеся въ боковой цѣпи, должны были въ теченіе четырехъ часовъ выдерживать ихъ натиски, которые производились съ такою дерзостью, что нѣсколько разъ доходило до штыковъ, особенно въ раіонѣ расположенія 1-й егерской роты.

Послѣ этого, обращаютъ на себя вниманіе перестрѣлки на рубкѣ лѣса 26-го, 27-го и 28-го ноября **) и сильное дѣло 3-го декабря, при раззореніи ауловъ Ахшпатой и Геленъ-Гойта, подъ личнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Фрейтага. Во время движенія къ этимъ пунктамъ, 2-й баталіонъ князя Воронцова полка составлялъ правую цѣпь, а сводный—лѣвую. Въ то время, какъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Барятинскій занималъ и сжигалъ аулы, лѣвая цѣпь подполковника Кишинскаго, пробираясь лѣсомъ, наткнулась на собственный хуторъ наиба Саабдулы. Пользуясь густотою лѣса и бревенчатыми завалами, наибъ рѣшился употребить всѣ средства, чтобы разорвать связь между цѣпью и авангардомъ. Бой закипѣлъ самый упорный; ружейная перестрѣлка завязалась на дистанціи пистолетнаго выстрѣла, потому что чеченцы смѣло подползли къ цѣпи шаговъ на 15-ть. Командовавшій 1-ю

*) 1-мъ баталіономъ командовалъ подполковникъ Серебряковъ, а 2-мъ—подполковникъ Кишинскій.

**) Въ дѣлахъ 26-го и 27-го ноября, куринцы имѣли убитымъ подпоручика Анастасьева и ранеными—прапорщиковъ Пистолькорса и Неелова; нижнихъ чиновъ—убитъ одинъ и ранено 17-ть.

егерскою ротою поручикъ Гальминъ, видя, что непріятель готовъ прорваться, бросился съ резервомъ впередъ, овладѣлъ однимъ заваломъ, лично уложилъ при этомъ двухъ чеченцевъ, но палъ и самъ смертельно раненый. Черезъ нѣсколько минутъ, Саабдула сдѣлалъ новое усиленное покушеніе на 3-ю егерскую роту; но командиръ роты штабсъ-капитанъ Ганскау далеко отбросилъ непріятеля штыками. Третье рѣшительное нападеніе непріятеля на лѣвую цѣпь осталось также безуспѣшнымъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени ее подкрѣпили двумя свѣжими ротами и взводомъ казачьей артилеріи. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ двухъ раненыхъ офицеровъ, куринцы имѣли семь убитыхъ и 53 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

8-го декабря, оба принадлежавшіе къ отряду баталіоны князя Воронцова полка участвовали въ удачномъ поискѣ къ хутору и аулу Беной; 14-го—сводный баталіонъ ходилъ съ полковникомъ барономъ Вревскимъ къ Богачорою, и, находясь при отступленіи въ арріергардѣ, выдержалъ сильный огонь непріятеля; 15-го имѣлъ перестрѣлку 2-й баталіонъ. Этими тремя дѣлами заключилась важнѣйшая половина экспедиціи; съ 25-го декабря, отрядъ не встрѣчаетъ уже со стороны чеченцевъ прежняго упорства, и въ январѣ и февралѣ 1848-го года ограничивается почти одними работами; небольшія перестрѣлки, въ боевомъ отношеніи, не представляютъ ничего замѣчательнаго. Поэтому, достаточно замѣтить только, что 1-я и 3-я егерскія роты, составлявшія половину своднаго баталіона князя Воронцова полка, оставили 12-го января отрядъ и присоединились къ войскамъ воздвиженскаго гарнизона, который необходимо было усилить для успѣшной постройки моста черезъ Аргунъ.

Между тѣмъ какъ два баталіона, а впослѣдствіи шесть ротъ егерей находились въ составѣ чеченскаго отряда, прочія части полка, не участвовавшія въ экспедиціи, оставались на мѣстахъ своего прежняго расположенія: 1-й и 3-й баталіоны—въ укрѣпленіи Возвиженскомъ, 4-й—въ Грозной, а остальныя роты составляли прикрытіе паромной переправы черезъ Терекъ, у николаевской слободки, и занимали Горячеводское укрѣпленіе.

Спустя пять дней по роспускѣ отряда, 23-го февраля 1848-го года, 3-й баталіонъ имѣлъ съ непріятелемъ довольно жаркое дѣло

въ лѣсу, куда былъ командированъ для прикрытія рубки дровъ. Чеченцы какъ будто хотѣли вознаградить здѣсь свои послѣднія повсемѣстныя неудачи. Они собрались подъ начальствомъ наиба Дубы, въ числѣ болѣе 300 человѣкъ, и, выждавъ минуту, когда колонна начала отступленіе, дали общій залпъ по арріергарду и вслѣдъ же затѣмъ кинулись было въ шашки. Однако, атака неудалась имъ; цѣпь встрѣтила натискъ непріятеля такимъ сильнымъ огнемъ, что чеченцы поспѣшно скрылись въ лѣсу. Впрочемъ, живая перестрѣлка, выдержанная баталіономъ, не обошлась безъ урона: у насъ одинъ убитъ, 19-ть ранено и 3 контужено; изъ офицеровъ контуженъ поручикъ Греченевскій.

26-го мая 1848-го года чеченскій отрядъ опять собрался въ Грозной. Предстоящая экспедиція имѣла цѣлью: во 1-хъ, отвлечь отъ Дагестана непріятельскія силы; во 2-хъ прикрывать постройку башни на правомъ берегу Аргуна, противъ укрѣпленія Воздвиженскаго, и, въ 3-хъ, обезпечить возведеніе укрѣпленія на р. Мартанѣ. Отрядъ состоялъ подъ начальствомъ командующаго войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенанта Заводовскаго.

2-го іюня отрядъ передвинулся изъ Грозной въ Воздвиженское, гдѣ къ нему были присоединены 2-й и 3-й баталіоны егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, употребленныхъ на сооруженіе башни и расчистку мѣстности, куринцы неразъ участвовали въ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ. 1-го марта войска передвинулись къ укр. Мартанъ. Въ тоже время 2-й и 3-й баталіоны князя Воронцова полка замѣнены были въ отрядѣ 1-мъ и 4-мъ, къ которымъ присоединились впослѣдствіи еще двѣ роты 5-го баталіона (5-я карабинерная и 13-я егерская). Не рѣшаясь ни на какое серьезное предпріятіе, чеченцы не оставляли, однако, тревожить нашъ лагерь пушечными выстрѣлами.

30-го сентября, когда работы на р. Мартанѣ были окончены, войска чеченскаго отряда разошлись по квартирамъ, за исключеніемъ 4-го и двухъ ротъ 5-го баталіоновъ князя Воронцова полка, которыя оставлены въ новомъ укрѣпленіи Урусъ-Мартанъ. Весь

уронъ егерей въ теченіе этой четырехмѣсячной экспедиціи, состоялъ изъ 2-хъ убитыхъ, 14-ти раненыхъ и 6-ти контуженныхъ нижнихъ чиновъ. Изъ числа офицеровъ ранены поручикъ Желтухинъ, прапорщикъ Позднякъ и штабъ-лекарь Ращкевичъ.

Остальные три мѣсяца 1848-го года баталіоны князя Воронцова полка провели спокойно въ мѣстахъ своего расположенія, въ укрѣпленіяхъ Воздвиженскомъ, Урусъ-Мартанскомъ и крѣпости Грозной, предпринимая только, время отъ времени, поиски къ непріятельскимъ ауламъ. Изъ перестрѣлокъ, случавшихся при этомъ, замѣчательнѣе прочихъ тѣ, которыя происходили 15-го и 25-го октября, 23-го и 24-го ноября и, наконецъ, 14-го декабря. 2-го октября, во время слѣдованія транспортной колонны черезъ ханкальское ущелье, смертельно раненъ штабсъ-капитанъ Греченевскій.

Въ заключеніе этой главы, укажемъ на нѣкоторые факты изъ жизни полка.

Послѣ 1845-го года, ряды Куринскаго полка стали переполняться офицерами; въ спискахъ полка за 1847-й годъ числилось 120-ть офицеровъ, изъ коихъ 9-ть были переведены изъ гвардіи. Шефъ полка особенно благоволилъ къ служащимъ въ немъ и назначалъ сюда тѣхъ, на кого обращалъ особое свое вниманіе. Къ числу такихъ принадлежатъ: поручикъ австрійской службы Оклобжіо-фонъ-Кургбургъ, кавалергардскаго полка корнетъ князь Голицынъ и состоявшій при особѣ князя врачъ Александровичъ. Въ 1846-мъ году, куринцы шумно отпраздновали день пожалованія полку надписей на знаменахъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ, въ память даргинскаго похода.

Наконецъ, надо отмѣтить въ нашей хроникѣ, что въ 1846-мъ году кавказскій корпусъ получилъ новую форму обмундированія, которую Высочайше повелѣно было тотчасъ же ввести для опыта въ эриванскій карабинерный и егерскій князя Воронцова (Куринскій) полки. Особенности въ этой формѣ заключались въ папахѣ, вмѣсто кивера, давно впрочемъ не употреблявшагося, и полукафтанѣ, вмѣсто мундира съ фалдами.

Въ ряду мѣропріятій по улучшенію быта нижнихъ чиновъ, описываемый періодъ принадлежитъ къ числу самыхъ благотвор-

ныхъ: по личному настоянію князя Воронцова улучшено довольствіе солдатъ; строго запрещены безплатныя работы нижнихъ чиновъ въ пользу штабовъ, управленій и начальствующихъ лицъ; обращено особое вниманіе на улучшеніе казармъ; штабъ-квартира Куринскаго полка переведена изъ кр. Грозной въ Воздвиженскую, гдѣ начата постройка казармъ, на что потомъ были отпущены особыя суммы.

Всѣ эти мѣропріятія улучшили бытъ солдатъ, но нисколько не измѣнили строевыхъ успѣховъ куринцевъ; они, также какъ и всѣ другіе полки, стоявшіе на линіи, были плохими фронтовиками. Начальникъ главнаго штаба войскъ, находящихся на Кавказѣ, извѣстный П. Е. Коцебу, проѣздомъ черезъ Грозную въ 1846-мъ году, вздумалъ сдѣлать ученіе одному изъ баталіоновъ Куринскаго полка и, по словамъ приказа по дивизіи, замѣтилъ, что ,,фронтовая часть въ большомъ упадкѣ; особенно его удивило, что многіе изъ господъ офицеровъ вовсе не знаютъ устава''.

Начальство засуетилось, взялось за строевые уставы; но все это продолжалось лишь до первой тревоги, а затѣмъ все пошло старымъ порядкомъ. Для характеристики состоянія фронтовой части въ полку, небезъинтересно привести здѣсь разсказъ одного служаки о происшествіи въ Куринскомъ полку въ описываемый періодъ. Одинъ изъ вновь переведенныхъ изъ Россіи штабъ-офицеровъ, принявъ баталіонъ Куринскаго полка, вывелъ его въ свободное время на ученіе и, поставивъ развернутымъ фронтомъ, скомандовалъ: ,,унтеръ-офицеры впередъ, на линію''. Многіе стали выходить впередъ; послышался шопотъ и затѣмъ одинъ рядовой вышелъ впередъ и сказалъ: ,,позвольте, ваше высокоблагородіе, и мнѣ на линію, я женатъ!'' Недоразумѣніе тотчасъ объяснилось: съ начала заселенія сунженской линіи было разрѣшено записывать въ казачье сословіе тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои, прослуживъ 15-ть лѣтъ, были женаты и имѣли дѣтей. Усачу-куринцу показалось, что вызовъ на линію касается поселенцевъ.

Это были тѣ самые куринцы, которые не умѣли выходить на линію унтеръ-офицеровъ во фронтѣ, но хорошо знали сунженскую линію, ими заселенную и защищенную.

Изъ числа событій 1846-го года, нельзя пройти молчаніемъ обнаружившуюся на кавказской линіи продажу непріятелю пороха, свинца и даже артилерійскихъ зарядовъ. Князь Воронцовъ громовымъ приказомъ объявилъ объ этомъ, добавивъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ ,,въ послѣднихъ экспедиціяхъ для вырубки гойтинскихъ и гехинскихъ лѣсовъ, большая часть зарядовъ, выпущенныхъ непріятелемъ противу насъ, пріобрѣтена была отъ насъ же въ недавнее время...'' Болѣя сердцемъ за преступниковъ, князь Воронцовъ обѣщалъ виновнымъ смертную казнь, а командиру своего полка, полковнику барону Меллеру-Закомельскому, написалъ особое письмо, въ которомъ говоритъ: ,,на васъ, храбраго командира куринцевъ, возлагаю священную обязанность внушить каждому изъ подчиненныхъ вашихъ сколь пагубна продажа пороха непріятелю, сколь гнусно преступленіе и сколь позорна казнь, преступниковъ ожидающая...''

Это письмо, одно изъ многихъ собственноручныхъ писемъ князя къ командиру Куринскаго полка, указываетъ насколько князь Воронцовъ любилъ свой полкъ.

Повсемѣстно пошли розыски *), во всѣхъ полкахъ были найдены продавцы патроновъ мѣстнымъ жителямъ и евреямъ, но продажа артилерійскихъ зарядовъ не обнаружилась **).

---

*) Розыски открыли впослѣдствіи, что командиръ одной изъ ротъ Куринскаго полка, поручикъ Тумановъ, продалъ изъ ротной экономіи около двухъ пудовъ пороху на георгіевской ярмаркѣ русскимъ мужикамъ. За это онъ разжалованъ въ рядовые.

**) Въ теченіе времени, описаннаго въ этой главѣ, куринцы имѣли: убитыми—офицеровъ четыре, нижнихъ чиновъ 98-мь и ранеными—офицеровъ 23 и нижнихъ чиновъ 456-ть.

XIV.

Военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ въ 1849-мъ году. Зимняя экспедиція въ январѣ. Набѣгъ полковника Суслова за Сунжу въ іюнѣ 1849-го года. Заложеніе укрѣпленія Тепли-Кичу. Зимняя экспедиція въ январѣ 1850-го года. Шалинская поляна и борьба изъ за обладанія шалинскимъ окопомъ. Посѣщеніе Чечни Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Послѣдующія событія на лѣвомъ флангѣ, въ которыхъ участвовалъ полкъ до 1852-го года.

Въ предположеніяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1849-мъ году главное мѣсто было удѣлено Дагестану, гдѣ предполагалось взять укрѣпленія Чохъ и Согратль; на лѣвомъ же флангѣ кавказской линіи положено было: 1) довершить вырубку лѣса по правому берегу Сунжи, чтобы обезопасить вновь построенныя станицы сунженскаго полка, и 2) построить башни на рр. Аргунѣ и Нефтянкѣ.

Рубка лѣса по Сунжѣ происходила въ зимнюю экспедицію, для которой отрядъ долженъ былъ собраться въ кр. Воздвиженской къ 14-му января. Изъ Куринскаго полка въ составъ отряда поступили 2-й и 3-й баталіоны (подполковника Костырко и маіора Ушакова). Работы начались съ Урусъ-Мартана, гдѣ стояли роты 4-го баталіона. Экспедиція въ январѣ 1849-го года происходила подъ командой начальника лѣваго фланга генерала Нестерова и продолжалась сравнительно мирно: пустыя перестрѣлки не мѣшали успѣшному ходу работъ. Чеченцы какъ будто смирились: десятки семействъ являлись просить разрѣшенія поселиться подъ защитой нашихъ укрѣпленій. Такъ образовались и возникли цѣлые аулы у Урусъ-Мартана и кр. Воздвиженской. 2-го февраля весь отрядъ перешелъ къ Гойтѣ, прорубилъ просѣку къ Энгелику и 8-го числа былъ распущенъ.

Во всю эту экспедицію уронъ куринцевъ состоялъ изъ одного раненаго и 4-хъ контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Гораздо болѣе потерь имѣли: 1-й баталіонъ, дѣлавшій набѣгъ на правый берегъ Аргуна 24-го и 25-го апрѣля (убитъ 1, ранено 8-мь) и 2-й бата-

ліонъ за Аргуномъ же, гдѣ 4-го іюня раненъ подпоручикъ Евреиновъ и 29-ть нижнихъ чиновъ.

1849-й годъ былъ для куринцевъ однимъ изъ немногихъ годовъ сравнительнаго отдыха. Въ этотъ годъ задачи въ Чечнѣ были отодвинуты на задній планъ, зато Дагестанъ записалъ въ исторію кавказской войны кровавыя страницы осады Чоха, гдѣ энергія князя Аргутинскаго и средства князя Воронцова разбились объ упорство и искусство Шамиля. Оборона Чоха была ужаснѣе и упорнѣе достославной обороны Гергебиля. „Дикій горецъ" еще разъ показалъ себя искуснымъ фортификаторомъ и отчаяннымъ солдатомъ: Чохъ былъ раззоренъ, но не взятъ, и новая Сарагосса еще разъ указала намъ на тотъ путь, по которому надлежало слѣдовать на Кавказѣ.

Само собою понятно, что въ такіе годы, какимъ былъ описываемый, когда рѣшались вопросы жизни въ Дагестанѣ, Шамиль не могъ предпринять ничего рѣшительнаго на другихъ пунктахъ своихъ владѣній—и вотъ причина сравнительнаго спокойствія Чечни въ 1849-мъ году.

Но пресловутые набѣги въ духѣ стараго времени всетаки проскользали, какъ дань нашимъ традиціоннымъ заблужденіямъ. Такъ, изъ журнала военныхъ дѣйствій видно, что на этотъ разъ насъ соблазнили чеченскія стада, пасшіяся на лѣсистыхъ полянахъ, образующихся въ углу соединенія Сунжи съ Аргуномъ. Донесенія лазутчиковъ побудили начальника лѣваго фланга генерала Нестерова разрѣшить полковнику Суслову, въ то время во главѣ небольшаго отряда строившему башню на рѣкѣ Нефтянкѣ, въ шести верстахъ отъ Грозной, сдѣлать набѣгъ за Сунжу.

Въ 10-ть часовъ утра 4-го іюня 1849-го года Сусловъ выступилъ изъ лагеря съ двумя ротами куринцевъ, съ 4-мя сотнями казаковъ, 2-мя конными орудіями и ракетной командой. Благодаря густому лѣсу, отрядъ скрытно перешелъ черезъ Сунжу и незамѣтно подошелъ къ болотистой рѣчкѣ Шавдонъ (чернорѣчье). Здѣсь чеченцы открыли присутствіе отряда, и тревога распространилась съ быстротой молніи. Казаки понеслись за стадами, но, пользуясь мѣстностью, чеченцы успѣли перегнать большую ихъ часть черезъ Ар-

гунъ, оставивъ намъ въ добычу до 315-ти головъ. Въ то время какъ казаки были заняты своимъ дѣломъ, куринцы оставались на рѣкѣ Шавдонѣ, съ цѣлью устроить переправу черезъ топкое русло рѣчки и прикрыть отступленіе казаковъ.

Куринцы отлично знали тактику врага и справедливо считали опаснымъ не набѣгъ, а отступленіе. Въ короткое время наши молодцы егеря забросали фашинами болото, построили подъ руководствомъ инженернаго офицера Шелейховскаго мостикъ и засѣли за нимъ въ ожиданіи товарищей-казаковъ. Между тѣмъ, въ лѣсу перестрѣлка усилилась; чеченцы успѣли собраться и насѣли на казаковъ; эти стали обороняться, гоня передъ собой стадо, и вскорѣ сражающіеся подошли къ рѣчкѣ. Здѣсь очередь дошла до куринцевъ. Двѣ роты, подъ общимъ начальствомъ капитана Позенковскаго, открыли огонь. Къ общему удивленію, чеченцы оказались и многочисленны, и упорны; дѣло вышло не шуточное. Куринцамъ пришлось выдержать сильный бой, и въ то короткое время, которое было необходимо для перехода казаковъ за Шавдонъ, мы потеряли убитымъ капитана Позенковскаго и раненымъ подпоручика Евреинова и нѣсколько рядовыхъ. Дѣло становилось опаснымъ; нужно было торопиться домой, потому что чеченцы стали усиливаться.

Сусловъ счелъ нужнымъ отступить на Грозную. Впереди потянулись казаки съ добычей, а за ними, въ видѣ арріергарда, куринцы, отстрѣливаясь и удерживая врага. Вскорѣ всѣ вышли изъ опасныхъ мѣстъ и, казалось, пришелъ конецъ злосчастному и безполезному набѣгу. Но дѣло вышло иначе: на помощь своимъ явился наибъ Талгикъ съ массою кавалеріи. Талгикъ взялъ казаковъ во флангъ, налетомъ вырвалъ у нихъ стадо и, въ свою очередь, началъ уходить въ лѣсъ. Началась новая борьба за обладаніе призомъ. Мы повторили атаку, снова взяли призъ и съ нимъ пришли въ Грозную: но 300 быковъ стоили намъ, кромѣ одного убитаго и одного раненаго офицеровъ, 4-хъ убитыхъ, 42-хъ раненыхъ и 8-ми контуженыхъ нижнихъ чиновъ.

Работы чеченскаго отряда во вторую половину 1849-го года были гораздо благотворнѣе: генералъ Нестеровъ, по личному

указанію князя Воронцова, посѣтившаго край въ началѣ года, началъ устройство прямаго сообщенія между Грозною и кумыкскою плоскостью. До этого времени дорога шла черезъ мостъ на р. Терекѣ въ ст. Николаевской, и черезъ станицу Червленную въ Щедринскую, гдѣ была вторая переправа черезъ Терекъ (брагунская) и затѣмъ спускалась по лѣвому берегу Сунжи до Умаханъ-Юрта и здѣсь опять переходила черезъ рѣку. Такимъ образомъ, кружной путь между Грозной и кумыкской плоскостью удлинялъ дорогу почти вдвое. Этимъ путемъ происходило движеніе нашихъ войскъ, оказій и почтъ. Препятствіе по прямому сообщенію заключалось въ страшно пересѣченной мѣстности, въ дурныхъ переправахъ и густомъ лѣсу, укрывавшемъ бродягъ и разбойниковъ. Подъ прикрытіемъ этихъ мѣстныхъ условій, въ углу, образуемомъ при сліяніи Аргуна и Джалки съ Сунжей, скопилось много враждебныхъ намъ жителей, вполнѣ удовлетворенныхъ благопріятнымъ экономическимъ условіемъ мѣста. Прорѣзать этотъ уголъ большой дорогой и очистить мѣстность отъ враждебнаго населенія было весьма полезно для упроченія нашего вліянія на большую Чечню,— а время благопріятствовало работамъ. Поэтому, 1-го августа генералъ Нестеровъ произвелъ рекогносцировку внизъ по Сунжѣ и мѣстомъ переправы избралъ раззоренный аулъ Тепли-Кичу. Мѣсто это имѣло неоспоримыя достоинства: оно лежало на половинѣ пути между Грозной и Умаханъ-Юртомъ, у самаго лучшаго брода черезъ Сунжу, на мѣстности командующей правымъ лѣсистымъ берегомъ рѣки.

Тепли-Кичу самъ по себѣ пунктъ не первой важности въ Чечнѣ и въ исторіи Куринскаго полка; но все же это не мѣшаетъ намъ познакомиться со всѣми подробностями операціи по заложенію и устройству тѣхъ необходимыхъ укрѣпленій, которыхъ въ Чечнѣ мы имѣли множество. Это будетъ, такъ сказать, тактическимъ этюдомъ, служащимъ дополненіемъ къ изложенной въ началѣ этой главы характеристикѣ службы и занятій кавказскихъ войскъ въ Чечнѣ.

3-го августа отрядъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ (одинъ тенгинскаго, 3-й Куринскаго и одинъ кабардинскаго полковъ), 3 1/2

сотенъ казаковъ, 8-ми орудій, 16-ти ракетныхъ станковъ и 19-ти саперъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Нестерова, выступилъ изъ кр. Грозной. О движеніи и цѣли отряда чеченцы уже знали и потому заняли правый берегъ Сунжи, противъ раззореннаго аула Тепли-Кичу. Развалины послѣдняго находятся верстахъ въ двадцати отъ Грозной, на лѣвомъ безлѣсномъ и возвышенномъ берегу рѣки; Сунжа дѣлаетъ здѣсь два колѣна и протекаетъ въ крутыхъ размытыхъ глинистыхъ берегахъ, изъ коихъ правый покрытъ густымъ лѣсомъ. Здѣсь шла лѣсная дорога изъ Тепли-Кичу къ гурдалинской полянѣ. Въ полуторы верстѣ отъ большаго западнаго колѣна Сунжи протекаетъ почти параллельно ей топкій ручей Шавдонъ, впадающій въ Сунжу; у другаго (праваго) колѣна, ниже аула, за Шавдономъ, лѣсъ рѣдѣетъ, и въ разстояніи четверти версты лежитъ обширная гурдалинская поляна, богатая травяною растительностью и посѣвами.

Мѣсто для укрѣпленія было выбрано на лѣвомъ возвышенномъ берегу рѣки, у западнаго угла раззореннаго аула, въ разстояніи полуружейнаго выстрѣла отъ опушки лѣса занятаго чеченцами. Слѣдовательно, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, надлежало очистить берегъ отъ непріятеля. Съ этою цѣлью Нестеровъ прежде всего выставилъ всю артилерію и осыпалъ врага картечью. Послѣ кратковременной канонады, когда выстрѣлы чеченцевъ стихли, двинуты были впередъ, подъ начальствомъ отряднаго квартирмейстера, генеральнаго штаба капитана Ольшевскаго, баталіонъ тенгинскаго и двѣ роты кабардинскаго полковъ, укрывавшіеся до того времени въ развалинахъ аула. По сигналу, тенгинцы бросились въ рѣку и, не смотря на сильный огонь, перешли ее въ бродъ и заняли противный берегъ. При этомъ, силой воды снесенъ одинъ унтеръ-офицеръ, а подъ капитаномъ Ольшевскимъ убита лошадь. Сдѣлавъ первый и самый опасный шагъ, тенгинцы выдвинули цѣпь и подъ прикрытіемъ ея стали рубить лѣсъ и устроили засѣку, замѣнившую намъ предмостное укрѣпленіе. Подъ прикрытіемъ этого укрѣпленія, саперы начали постройку моста на козлахъ. Куринцы оставались на лѣвомъ берегу и расположились на ночлегъ въ видѣ большаго карре, кругомъ мѣста, выбран-

наго для укрѣпленія. Такъ прошелъ первый день, давшій блистательные результаты, благодаря вполнѣ разумному въ тактическомъ смыслѣ распоряженію генерала Нестерова и малому сопротивленію чеченцевъ.

4-го августа очередь дошла до куринцевъ: они смѣнили своихъ боевыхъ товарищей и, по правиламъ, выработаннымъ долговременной практикой, подробно изложеннымъ выше, приступили, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, къ уширенію просѣки по обѣимъ сторонамъ дороги, шедшей къ гурдалинской полянѣ. Въ этотъ день на помощь своимъ пришелъ наибъ, по имени Гехи, съ однимъ орудіемъ. Отрядивъ пѣшихъ для борьбы съ куринцами, онъ подвезъ орудіе къ Сунжѣ и поставилъ его у устья Шавдона, для дѣйствія съ фланга по вагенбургу. Чтобы отвлечь огонь этого орудія, Нестеровъ выдвинулъ влѣво часть своей артиллеріи, которая и стала перестрѣливаться съ чеченцами. 4-го августа, благодаря распорядительности командира Куринскаго баталіона подполковника Костырко, непріятель не имѣлъ никакого успѣха; однако у насъ раненъ подпоручикъ Вельяминовъ и одинъ рядовой.

5-го числа подошли изъ Урусъ-Мартана двѣ роты 5-го баталіона Куринскаго полка, и дѣло пошло очень хорошо. Непріятель продолжалъ безпокоить наши войска и повторилъ атаки еще три раза, а затѣмъ успокоился и оставилъ намъ свободно распоряжаться ходомъ работъ. 16-го числа была окончена просѣка шириной въ одну версту и расчищена дорога до самой гурдалинской поляны, куда стали посылать колонны для фуражировки. Къ 21-му августа уже были сдѣланы всѣ предварительныя работы, привезены изъ Грозной необходимые матеріалы, а 22-го августа, въ день коронаціи Государя, было торжественно заложено укрѣпленіе Тепли-Кичу, которое окончено въ половинѣ октября.

Съ 1-го сентября не было ни одного выстрѣла. Войска наши наслаждались мирною и спокойною лагерною жизнью, причина чего была та, что Шамиль вытребовалъ въ Ведень всѣхъ наибовъ для какого-то экстреннаго совѣщанія. 23-го октября 1849-го года отрядъ былъ распущенъ, и куринцы возвратились на зимнія квартиры съ однимъ раненымъ офицеромъ и однимъ убитымъ и двумя ранеными нижними чинами.

Сравнивая результаты экспедиціи Нестерова съ набѣгомъ полковника Суслова, нельзя не осудить вновь старую систему и не одобрить новую, принятую послѣ 1845-го года.

Достоинство системы просѣкъ особенно рельефно выяснилось въ событіяхъ зимнихъ экспедицій 1850-го и 1851-го годовъ.

Къ концу 1849-го года малая Чечня была пройдена вдоль и поперегъ; населеніе смирялось и массами селилось близь нашихъ станицъ и укрѣпленій. По счету главнаго штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса оставалось всего еще до 100 семействъ непокорныхъ русской власти, которыя были разсѣяны въ трущобахъ праваго берега Сунжи; но для умиротворенія ихъ князь Воронцовъ полагалъ достаточными средства начальника верхне-сунженской линіи полковника Слѣпцова, и потому считалъ возможнымъ обратиться всѣми силами войскъ, расположенныхъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, къ большой Чечнѣ.

Результаты работъ послѣднихъ трехъ лѣтъ уже безповоротно выяснили и способы веденія войны. Набѣгами рѣшено было пользоваться какъ исключительнымъ средствомъ, въ дополненіе къ общей системѣ, заключавшейся въ отхватываніи отъ Шамиля послѣднихъ раіоновъ, по преимуществу тѣхъ, гдѣ сосредоточивались богатства страны. Во главѣ такихъ мѣстъ большой Чечни безспорно стояла равнина между Аргуномъ и Хулхулау, гдѣ были раскинуты большіе и вліятельные аулы: Шали, Герменчукъ, Автуры и др. Рѣшено было провести черезъ эти мѣста просѣки вдоль и поперегъ большой Чечни, дабы соединить Грозную и Воздвиженскую съ укр. Куринскимъ и качкалыковскимъ хребтомъ. Лучшимъ средствомъ для этого считалась одновременная работа изъ кр. Воздвиженской черезъ Шали и изъ укр. Куринскаго на Мичикъ и далѣе черезъ Маюртупъ къ Автурамъ и Шали; но такъ какъ средства начальника лѣваго фланга не позволяли начать одновременныя работы, то князь Воронцовъ остановился на мысли начать работы изъ Воздвиженской и прежде всего занять шалинскую поляну, считавшуюся житницей не только всей большой Чечни, но Ичкеріи и Андіи.

Этотъ зловѣщій для враговъ нашихъ планъ не ускользнулъ и

отъ вниманія Шамиля. Въ многолюдномъ собраніи наибовъ онъ громко и торжественно объявилъ, что „не отдастъ Шали русскимъ“, и призывалъ къ этому мѣсту всѣхъ правовѣрныхъ, справедливо полагая, что отдать Шали—значитъ вручить русскимъ ключи отъ своей резиденціи Веденя. Слѣдовательно, Воронцовъ и Шамиль подошли къ одной и той же мысли съ разныхъ сторонъ,—и шалинская поляна дѣлается въ теченіе двухъ лѣтъ яблокомъ раздора.

Въ серединѣ января 1850-го года былъ сдѣланъ первый опытъ зимней экспедиціи. Начальникъ лѣваго фланга генералъ Нестеровъ собралъ отрядъ въ кр. Воздвиженской, перешелъ здѣсь черезъ Аргунъ и двинулся внизъ по правому берегу къ мѣсту, откуда предполагалось начать просѣку. Въ отрядѣ были 1-й и 2-й баталіоны и 14-я и 15-я роты Куринскаго полка. Хотя въ отрядѣ былъ самъ командиръ полка, но такъ какъ ему приходилось часто выѣзжать въ Воздвиженскую, гдѣ командиръ Куринскаго полка былъ военнымъ начальникомъ, то завѣдываніе десятью ротами было поручено полковнику Серебрякову *), а 1-мъ баталіономъ завѣдывалъ генеральнаго штаба подполковникъ Дрееръ. Лагерь отряда сталъ устраиваться 15-го января, а 16-го началась уже рубка; на работы ежедневно высылалась колонна изъ 4-хъ—5-ти баталіоновъ, съ орудіями и кавалеріей. Вся январьская работа прошла безъ особыхъ приключеній. Генералъ Нестеровъ, какъ всегда, дѣйствовалъ очень осторожно, даже робко; поэтому отрядъ не имѣлъ особо выдающихся дѣлъ **). Просѣка шла на аулъ Шали медленно, но характеръ будущихъ нашихъ дѣйствій уже выяснился, равно какъ и

---

*) Баталіонами въ это время командовали: 1-мъ полковникъ Серебряковъ, 2-мъ подполковникъ фонъ-Кульманъ, 3-мъ полковникъ Костырко (потомъ маіоръ Ушаковъ), 4-мъ подполковникъ Ляшенко, 5-мъ подполковникъ Гевенскій. Всего по отчетамъ полка къ 1-му января 1850-го года состояло: унтеръ-офицеровъ 438-мь, музыкантовъ 171, рядовыхъ 5044, нестроевыхъ 271. Вообще, строевыхъ нижнихъ чиновъ 5653 и нестроевыхъ 271.

**) Болѣе замѣчательныя перестрѣлки на рубкѣ были 19 и 20 января и 6, 14 и 27 февраля; въ этихъ дѣлахъ ранены: штабсъ-капитаны Дудниченко-Руденко, Пацковскій, поручики Ковешниковъ, Нееловъ и Оклобжіо, нижнихъ чиновъ 93; убито нижнихъ чиновъ 3.

важность принятаго направленія для покоренія большой Чечни. Шамиль тоже оцѣнилъ угрожавшую ему опасность и сталъ организовать оборону.

Въ февралѣ 1850-го года, тотчасъ послѣ роспуска чеченскаго отряда, Шамиль задумалъ не только преградить дорогу русскимъ къ Шали, но и вторгнуться въ наши предѣлы. Эта мысль его тотчасъ же дошла до генерала Нестерова, и по всему лѣвому флангу начались передвиженія войскъ. Гарнизонъ Грозной былъ усиленъ двумя ротами куринцевъ, и во всѣхъ укрѣпленіяхъ удвоена бдительность. Опасные симптомы стали появляться въ видѣ усиленныхъ набѣговъ въ наши предѣлы, по преимуществу на поселенія умиротворенныхъ чеченцевъ, жившихъ подъ прикрытіемъ русскихъ штыковъ. Этимъ путемъ Шамиль хотѣлъ терроризовать отступниковъ старыхъ режимовъ. Горцы не упускали ни одного случая, чтобы захватить или подстрѣлить ,,мирного", раззорить его домъ или по крайней мѣрѣ отогнать его скотину. Это обстоятельство заставило наши военныя власти не только защищать покорныхъ, но и давать имъ прикрытіе во время полевыхъ работъ и передвиженій семействъ. Эта, безспорно, лучшая награда для новыхъ подданныхъ за ихъ преданность русскому правительству достойно цѣнилась горцами, и съ 1849-го года, какъ увидимъ ниже, подъ защиту нашихъ штыковъ стали приходить цѣлые аулы.

Для захвата ,,мирныхъ", наибы стали практиковать хитрость, напримѣръ: вызывали ихъ на объясненіе и при этомъ убивали, или, подойдя къ аулу, скрывали вооруженную массу въ лѣсу, а впередъ высылали двухъ-трехъ пѣшихъ или конныхъ, чтобы завязать перестрѣлку; затѣмъ, на преданныхъ намъ жителей, выходившихъ по тревогѣ преслѣдовать врага, нападала толпа и уводила въ плѣнъ. Эта уловка иногда удавалась; но большею частью ухищренія горцевъ пропадали даромъ, иногда же дорого стоили наибамъ, потому что толпы ихъ чаще всего попадали подъ удары казаковъ или куринцевъ, выходившихъ для поддержанія своихъ.

Военные журналы начала пятидесятыхъ годовъ переполнены описаніемъ этихъ схватокъ, происходившихъ ежедневно и притомъ въ разныхъ углахъ лѣваго фланга, и потому мы перечислимъ только

болѣе крупныя, и притомъ тѣ, въ которыхъ участвовали куринцы.

14-го марта, рота штабсъ-капитана Рознатовскаго, вышедшая изъ Урусъ-Мартана за дровами, подверглась нападенію партіи, причемъ ранена лошадь подъ ротнымъ командиромъ. 16-го марта, было такое же нападеніе на три роты, бывшія подъ начальствомъ капитана Зейдлица; при этомъ произошла жаркая схватка, стоившая намъ 4-хъ убитыхъ и 9-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ. 20-го марта, наибъ Талгикъ, съ партіей до трехсотъ конныхъ, хотѣлъ наказать преданныхъ намъ жителей ауловъ Чахъ-Кери и Атаги, находившихся близь штабъ-квартиры куринцевъ, крѣпости Воздвиженской, и для этого, подойдя къ Чахъ-Кери и укрывъ главныя силы въ лѣсу, выслалъ нѣсколько джигитовъ къ аулу. По тревогѣ, жители побѣжали по слѣдамъ зачинщиковъ, отступившихъ къ засадѣ, изъ которой выскочилъ Талгикъ. Жители не оробѣли и засѣли за курганъ; завязалась перестрѣлка, на которую выбѣжали двѣ роты куринцевъ съ однимъ орудіемъ, и Талгикъ былъ радъ, что успѣлъ ускользнуть отъ знакомыхъ егерей. Чахкеринцы потеряли одного убитымъ и 4-хъ ранеными.

Въ то время, какъ случаи, подобные описаннымъ, происходили на всемъ пространствѣ покорной намъ части Чечни, самъ Шамиль приказалъ непокорнымъ чеченцамъ и тавлинцамъ собираться на шалинскую поляну, чтобы устроить здѣсь преграду для будущихъ нашихъ движеній. Объ этомъ прежде всего узналъ начальникъ войскъ въ Воздвиженской, командиръ Куринскаго полка генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, и 7-го марта донесъ временно завѣдывавшему войсками лѣваго фланга, командиру 2-й бригады 20-й дивизіи генералу Козловскому, что до пяти тысячъ непріятеля собрались на шалинскую поляну съ цѣлью укрѣпить выходъ изъ просѣки, устроенный нами въ январѣ 1850-го года.

Приказавъ командиру кабардинскаго полка произвести диверсію изъ укр. Куринскаго къ качкалыковскому хребту, самъ Козловскій, съ баталіономъ тенгинцевъ, двуми ротами куринцевъ, двумя ротами линейнаго баталіона и съ находившимися подъ рукою сотнями и орудіями, двинулся въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля изъ

Грозной въ Воздвиженскую и, присоединивъ здѣсь къ себѣ куринцевъ съ ихъ командиромъ, перешелъ черезъ Аргунъ и двинулся по правому берегу его къ мѣсту, гдѣ стоялъ лагерь нашъ въ январѣ. Движеніе началось изъ Воздвиженской, 10-го апрѣля, въ семь часовъ утра, въ обычномъ боевомъ порядкѣ: въ авангардѣ были 1-й и 3-й баталіоны куринцевъ (полковника Серебрякова и маіора Ушакова) съ семью орудіями, подъ общимъ начальствомъ полковника Серебрякова; въ главныхъ силахъ 11-ть сотенъ и баталіонъ тенгинцевъ; въ правомъ прикрытіи—три роты 4-го баталіона Куринскаго полка (подполковника Ляшенко), при двухъ конныхъ орудіяхъ; въ лѣвомъ прикрытіи—три роты 2-го баталіона и двѣ роты 5-го баталіона, при двухъ конныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника фонъ-Кульмана; въ арріергардѣ—двѣ роты линейнаго № 9-го баталіона. Всей пѣхотой командовалъ баронъ Меллеръ, кавалеріей полковникъ Сусловъ, а артилеріей капитанъ Дыдымовъ.

Густыя толпы непріятельской кавалеріи стояли на курганѣ у входа въ просѣку. Это были чеченцы, составлявшіе прикрытіе тавлинцевъ, усердно работавшихъ надъ возведеніемъ извѣстныхъ въ реляціяхъ шалинскихъ окоповъ; рабочими распоряжался фортификаторъ Шамиля—Юсуфъ-Гаджи *). Замѣтивъ наше приближеніе, чеченцы отступили къ окопу, а войска генерала Козловскаго двинулись въ полномъ порядкѣ вслѣдъ за врагомъ. Впереди открылся высокій брустверъ, пересѣкавшій поперегъ всю просѣку, и изъ завала затрещали ружейные выстрѣлы, поддерживаемые ядрами двухъ орудій, поставленныхъ на флангахъ. Баронъ Меллеръ выдвинулъ

*) Это была личность, въ своемъ родѣ, весьма замѣчательная: Юсуфъ-Гаджи-Эфенди Сафаровъ былъ родомъ изъ сел. Алды, въ малой Чечнѣ. Пяти лѣтъ отъ роду онъ отправился съ отцомъ въ Мекку, гдѣ остался сиротою. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вступилъ въ Египтѣ въ турецкій корпусъ паши Магометъ-Али, гдѣ служилъ до чина полковника. Тамъ онъ изучилъ разныя науки и въ 1840-мъ году явился въ Алды за своимъ имуществомъ. Привлеченный Шамилемъ, онъ остался у него въ званіи перваго наиба и инженера и построилъ ему семь укрѣпленій, въ томъ числѣ Чохъ и домъ въ Ведено. Наконецъ, Шамиль обвинилъ его въ измѣнѣ и въ 1853-мъ году заключилъ въ темницу, въ сел. Тинди (богозскаго общества). Въ 1856-мъ году Сафаровъ бѣжалъ къ русскимъ. *Ред.*

всю артилерію и, послѣ кратковременной канонады, двинулъ впередъ авангардъ и лѣвое прикрытіе. Подошли на картечный выстрѣлъ. ,,Ура''!—и куринцы перешли черезъ брустверъ.

Эта мгновенная атака настолько ошеломила врага, что онъ безъ сопротивленія, очистивъ валъ, стремглавъ кинулся на лѣвую сторону оврага, замыкавшаго горжу шалинскаго окопа. Куринцы, предводимые своимъ командиромъ, съ офицерами во главѣ, начали работу штыками. Вслѣдъ затѣмъ, резервъ былъ переведенъ черезъ валъ, и въ то время, какъ баталіоны Серебрякова и Кульмана работали штыками, остальные, съ помощью шанцеваго инструмента, захваченнаго въ окопѣ, раззоряли валъ и устраивали входы. На правомъ нашемъ флангѣ работали казаки. Полковникъ Сусловъ атаковалъ врага, засѣвшаго въ лѣсу, и сбилъ его съ позиціи. Послѣ двухчасоваго боя, когда резервы успѣли раззорить часть вала, отрядъ началъ отступленіе, и къ вечеру пришелъ въ Воздвиженскую.

Въ тактическомъ отношеніи дѣло 10-го апрѣля заслуживаетъ удивленія: въ теченіе сутокъ отрядъ собрался, прошелъ 40 верстъ, атаковалъ укрѣпленную позицію, разрушилъ валъ и возвратился на отдыхъ, готовый повторить ту же операцію на другой день. Не это ли поучительный примѣръ въ военной исторіи и краснорѣчивая страница въ исторіи Куринскаго полка?

Генералъ Козловскій повидимому остался весьма доволенъ побѣдой 10-го апрѣля. Въ своемъ донесеніи онъ съ особой похвалой говоритъ о баронѣ Меллерѣ-Закомельскомъ ,,указавшемъ путь къ побѣдѣ''; о куринцахъ добавляется, что, ,,егеря перешли за предѣлы, назначенные ихъ командиромъ'', а о Серебряковѣ и Кульманѣ, что они, ,,будучи впереди своихъ частей, отлично повели атаку''. Мы имѣли всего 5-ть раненыхъ офицеровъ, 11-ть убитыхъ, 123 раненыхъ и 58-мь контуженыхъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ раненыхъ были Куринскаго полка капитанъ Дульскій и прапорщикъ Пистолькорсъ.

Къ дѣлу 10-го апрѣля и Шамиль, и князь Воронцовъ отнеслись своеобразно. Въ то время, какъ князь, съ точки зрѣнія государственнаго человѣка, восхищаясь подвигами любезныхъ ему

куринцевъ, не давалъ дѣлу никакого значенія въ задуманной имъ системѣ войны, потому что шалинская поляна всетаки не могла остаться за нами, а врагъ нашъ всегда могъ возобновить свои укрѣпленія,—Шамиль пришелъ въ ярость: 11-го апрѣля онъ поспѣшилъ въ Шали, разгнѣвался на наибовъ Лабазана и Абакаръ-Дибира; говорятъ даже, что имамъ наказалъ ихъ за трусость, выказанную въ дѣлѣ, и приказалъ немедленно возобновить окопы. Для этого онъ велѣлъ собирать всѣхъ способныхъ носить оружіе изъ обществъ гумбетовскаго, андійскаго, чаберлоевскаго и шубутовскаго.

Вскорѣ работы по устройству окопа возобновились съ новою энергіею, и устроивъ новыя укрѣпленія болѣе сильной профили и оставивъ въ нихъ наибовъ Талгика и Гехи, самъ Шамиль возвратился 17-го числа въ Ведень.

Успѣхи 10-го апрѣля зародили въ Козловскомъ мысль повторить атаку на шалинскій окопъ; но на этотъ разъ, считая себя недостаточно сильнымъ, онъ просилъ присылки пяти баталіоновъ. Обстоятельство это дало поводъ князю Воронцову еще разъ выяснить почтенному генералу, что онъ не желалъ бы безсвязныхъ, хотя и геройскихъ, подвиговъ, а требуетъ неотступнаго преслѣдованія выработанной системы. ,,Упомянутое движеніе ваше, писалъ начальникъ главнаго штаба Коцебу, было совершено вами благоразумно и рѣшительно, и принесло уже ту пользу, что показало и непріятелю, и намъ, что менѣе чѣмъ въ сутки мы можемъ собрать достаточныя силы для разрушенія всего того, что горцы могутъ выстроить противъ насъ; но, признавая его полезнымъ именно въ этомъ смыслѣ, князь Михаилъ Семеновичъ полагаетъ ненужнымъ повторять оныя до времени и считаетъ за лучшее въ настоящее время ограничиться наблюденіемъ за непріятелемъ и охраненіемъ фланга и мирныхъ племенъ отъ его покушеній''. Этотъ отзывъ указалъ программу дѣйствій на лѣвомъ флангѣ и, дѣйствительно, до зимы здѣсь не было предпринято ничего рѣшительнаго.

Тѣмъ не менѣе, обычныя перестрѣлки продолжались. Вотъ болѣе крупныя дѣла, отнимавшія у куринцевъ минуты отдыха:

5-го мая партія въ 600-тъ человѣкъ напала на мирныхъ жителей, поселившихся у укрѣпленія Урусъ-Мартана, въ то время, когда они, подъ прикрытіемъ куринцевъ, находились на полевыхъ работахъ: непріятель былъ прогнанъ. 10-го мая полковникъ Серебряковъ, по приказанію командира полка, произвелъ набѣгъ на немирныхъ горцевъ, которые, подъ прикрытіемъ сильной партіи, были заняты полевыми работами по рѣкѣ Гойтѣ. Куринцы въ этотъ день служили поддержкой сотнѣ донцовъ, которые молодецки исполнили задачу и отступили подъ прикрытіемъ куринцевъ, выдержавъ жаркое дѣло, въ которомъ потеряли 1 казака убитымъ и 1 офицера и 17-ть казаковъ ранеными; куринцы имѣли ранеными 4 рядовыхъ. 5-го, 7-го и 28-го августа были перестрѣлки въ окрестностяхъ Воздвиженской, гдѣ куринцы потеряли убитымъ 1 и ранеными 5-ть человѣкъ. 1-го октября воинскій начальникъ укрѣпленія Урусъ-Мартана, командиръ 3-го баталіона Куринскаго полка полковникъ Ляшенко, сдѣлалъ набѣгъ изъ укрѣпленія и цѣною 1-го убитаго и 2-хъ раненыхъ раззорилъ непріятельскіе хутора и захватилъ 80-тъ штукъ рогатаго скота.

Но изъ всѣхъ набѣговъ куринцевъ въ 1850-мъ году, безспорно, самое видное мѣсто занимаетъ атака полковникомъ Слѣпцовымъ шалинскихъ окоповъ. Въ серединѣ августа 1850-го года временно командовавшій войсками лѣваго фланга генералъ Козловскій былъ въ укр. Куринскомъ, откуда кабардинскій полкъ проводилъ просѣку на Мичикъ. Чтобы отвлечь Шамиля отъ этого мѣста, Козловскій просилъ начальника верхне-сунженской линіи полковника Слѣпцова произвести демонстративное движеніе въ Чечню. Полковникъ Слѣпцовъ, видя въ этомъ поводъ совершить какой нибудь смѣлый шагъ, рѣшился атаковать шалинскій окопъ, представлявшій изъ себя самую крѣпкую позицію Шамиля. Заручившись разрѣшеніемъ взять изъ Грозной пѣхоту, Слѣпцовъ наскоро собралъ осетинскую, назрановскую и кабардинскую милиціи, присоединилъ ихъ къ своему сунженскому казачьему полку и ротамъ пѣхоты, расположенной въ его раіонѣ, и двинулся сначала вверхъ по р. Ассѣ; потомъ, замаскировавъ свое намѣреніе, онъ оставилъ пѣхоту и артилерію на мѣстѣ и со всею кавалеріею, ночью, по едва проходимымъ тропамъ,

подошелъ черезъ алдынскіе хутора къ ханкальскому ущелью, гдѣ его уже ожидали высланные изъ Грозной двѣ роты линейнаго баталіона, 5-я карабинерная рота Куринскаго полка и два орудія, подъ начальствомъ командира линейнаго баталіона полковника Берсенева. Послѣ кратковременнаго отдыха, весь отрядъ двинулся по воздвиженской дорогѣ и на разсвѣтѣ 22-го числа, въ день коронаціи, перешелъ въ бродъ черезъ Аргунъ, противъ шалинской просѣки. Переправа была трудная и даже опасная; пѣхота перевезена частью на казачьихъ лошадяхъ, частью держась за хвосты лошадей. Преодолѣвъ это препятствіе, отрядъ выстроился въ боевой порядокъ и тотчасъ же двинулся впередъ. Непріятель открылъ движеніе Слѣпцова около 5-ти часовъ утра, когда онъ наступалъ готовый къ бою.

Послѣ атаки 10-го апрѣля, шалинскій окопъ измѣнилъ свой видъ: ровъ былъ уширенъ и наполненъ водою; валъ поднятъ и одѣтъ рядомъ туровъ, образовавшихъ амбразуры и бойницы; на флангахъ были возведены фланкирующія полукруглыя башни, приспособленныя къ оборонѣ и жизни гарнизона. Правая башня была занята партіей наиба Лабазана, а лѣвая—Талгика. Защитниковъ насчитывалось до 500-тъ человѣкъ, которые по тревогѣ могли значительно усилиться изъ сосѣднихъ ауловъ.

Впереди нашихъ войскъ шла милиція. Подойдя на пушечный выстрѣлъ, Слѣпцовъ, развернувъ всю кавалерію и прикрывъ ее слѣва тремя ротами пѣхоты, а справа спѣшенными казаками, двинулся впередъ. Куринцы стали пробираться по опушкѣ и почти безъ выстрѣла начали эскаладу; егеря подсаживали другъ друга на валъ, и, опираясь то на товарищей, то на ружья, вскочили на брустверъ. Правый редутъ былъ взятъ; непріятель бѣжалъ частью назадъ, частью по банкету—къ редуту Талгика, гдѣ развѣвался бѣлый флагъ наиба. На плечахъ бѣжавшихъ егеря подошли къ лѣвому редуту, куда въ то же время подходили и спѣшенные казаки. Чеченцы, всегда боявшіеся отдать намъ орудіе, сняли его ранѣе времени и поспѣшно повезли назадъ; за орудіемъ бѣжали пѣшіе, и вскорѣ редутъ Талгика остался въ рукахъ егерей. Въ это время подскакала вся кавалерія, моментально спѣшилась и стала разра-

ботывать входы въ окопъ, заваливая ровъ турами и палисадомъ, взятыми съ бруствера. Вскорѣ Слѣпцовъ имѣлъ возможность ввести въ окопъ одно орудіе и открыть изъ него огонь по непріятелю.

Вся эта операція, среди неумолкаемыхъ выстрѣловъ, „ура" егерей, шума и гвалта казаковъ и чеченцевъ, представляла невообразимый хаосъ, продолжавшійся минутъ двадцать. Къ 10-ти часамъ подоспѣла помощь изъ Воздвиженской, откуда командиръ Куринскаго полка, предувѣдомленный Слѣпцовымъ, выслалъ храбраго подполковника Ушакова съ 5-ю ротами куринцевъ, одной ротой линейнаго баталіона, съ двумя орудіями и одной сотней казаковъ. Вся эта масса, кромѣ двухъ ротъ, была немедленно введена въ окопъ; чеченцы упустили время смять малочисленнаго и дерзкаго врага, а Слѣпцовъ, получивъ помощь, уже могъ удержать за собой окопъ.

По прибытіи Ушакова, Слѣпцовъ сдѣлался еще рѣшительнѣе. Пославъ одну куринскую и одну линейную роты въ Воздвиженскую за шанцевымъ инструментомъ, онъ съ остальными войсками задумалъ атаковать непріятеля, собиравшагося на шалинской полянѣ. Здѣсь было, по донесенію Слѣпцова, до 2½ тысячъ чеченцевъ; орудіе ихъ было расположено за болотомъ рѣчки Шавдонъ. Въ 12½ часовъ непріятель, опомнившись, открылъ огонь изъ своего орудія *) и сталъ готовиться къ бою. Слѣпцовъ предупредилъ врага, потому что, по словамъ донесенія, „что было невозможно исполнить съ этими прекрасными войсками? Сунженцы и воронцовцы уже при первой встрѣчѣ привѣтствовали другъ друга, какъ старые знакомые, съ крикомъ ура!" кончаетъ свое донесеніе полковникъ Слѣпцовъ.

Оставивъ въ резервѣ три роты, прибывшія изъ Грозной и уже утомленныя ночнымъ походомъ и боемъ, Слѣпцовъ раздѣлилъ свои войска на двѣ части: 1-ю, 2-ю и 5-ю сотни, съ милиціей и ракетной командой, онъ отдѣлилъ влѣво, и присоединивъ къ нимъ двѣ роты куринцевъ, приказалъ двигаться вдоль лѣвой опушки;

*) Это было то самое орудіе, которое впослѣдствіи досталось куринцамъ какъ трофей и нынѣ хранится въ полку.

остальныя сотни казаковъ, съ двумя ротами куринцевъ, двинулись вправо; артилерія стала посерединѣ. Пѣхотѣ было приказано идти усиленнымъ шагомъ по краю просѣки и, выйдя къ полянѣ, занять опушку, чтобы прикрыть отступленіе кавалеріи. Казаки мгновенно атаковали чеченцевъ. Послѣ небольшой, но упорной схватки, врагъ бѣжалъ, усѣявъ трупами поле, преслѣдуемый нѣсколько верстъ. ,,Храбрые, неутомимые воронцовцы, можно сказать, на хвостахъ лошадей слѣдовали за кавалеріей, разметывая непріятеля вправо и влѣво''... Къ тремъ часамъ выстрѣлы умолкли. Къ этому же времени прибылъ къ отряду генералъ Меллеръ съ шанцевымъ инструментомъ и распорядился работами по раззоренію окопа.

Въ молодецкомъ дѣлѣ 22-го числа сотнями сунженцевъ командовали адъютанты главнокомандующаго—князь Дондуковъ-Корсаковъ и князь Голицынъ. Дѣло это можно назвать блистательнымъ; оно еще разъ нарисовало фигуру стараго куринца и выставило въ полномъ блескѣ его боевой закалъ и выносливость: ,,егерь малъ—да удалъ; что увидѣлъ—то и взялъ'', говоритъ куринская пѣсня того времени. Къ сожалѣнію, дѣла, подобныя бывшему 22-го августа 1850-го года, не обходятся дешево: куринцы потеряли раненымъ капитана Дульскаго, который получилъ двѣ раны, а изъ нижнихъ чиновъ убито 5-ть, ранено 20-ть и контужено 7-мь. Если сравнить съ этимъ потери казаковъ, которые имѣли только 2 убитыхъ, 5-ть раненыхъ и 3 контуженыхъ, то будетъ ясно, на чью долю досталось больше труда и дѣла. Потери чеченцевъ въ точности неизвѣстны; знаемъ только, что самъ Талгикъ былъ тяжело раненъ.

Полковникъ Слѣпцовъ съ особеннымъ усердіемъ рекомендовалъ Меллеру поведеніе куринцевъ и восторгался распорядительностью подполковника Ушакова и его помощниковъ: капитана Дульскаго, подпоручиковъ Закржевскаго, Донского, Вельяминова и прапорщика Ушакова. Къ вечеру 22-го августа весь отрядъ возвратился въ кр. Воздвиженскую, гдѣ куринцы, съ свойственнымъ имъ радушіемъ, привѣтствовали полковника Слѣпцова и его храбрыхъ сподвижниковъ, а казаки-сунженцы были наславу угощены своими боевыми товарищами.

Къ числу событій 1850-го года, особенно памятныхъ въ исторіи Куринскаго полка, безспорно, относится путешествіе по Кавказу въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, тогда Наслѣдника Престола. Его Высочество изволилъ посѣтить крѣпость Воздвиженскую проѣздомъ изъ Грозной. Въ штабъ-квартирѣ полка, Наслѣдника Цесаревича ожидалъ почетный караулъ изъ сводной роты, состоявшей изъ 144-хъ человѣкъ георгіевскихъ кавалеровъ. Люди были на подборъ, молодецъ въ молодца. Его Высочество остался чрезвычайно доволенъ полкомъ, выразилъ ему лестное вниманіе и лично выбралъ въ гвардію 11-ть человѣкъ сверхъ 40, уже назначенныхъ предварительно. Нечего говорить, что и куринцы, и ихъ шефъ были счастливы. На другой день, 26-го октября, Его Высочество изволилъ выѣхать черезъ Урусъ-Мартанъ въ Ачхой. Куринцы вездѣ встрѣчали и сопровождали Августѣйшаго Гостя, не отставая отъ экипажей и всадниковъ. Послѣ кратковременнаго отдыха въ Урусъ-Мартанѣ, гдѣ стоялъ 4-й баталіонъ полковника Ляшенко, поѣздъ двинулся къ р. Рошнѣ. Его Высочество верхомъ слѣдовалъ съ кавалеріей впереди. Вдругъ, выстрѣлъ! за нимъ другой, третій—и разгорѣлся бой. Читателю этихъ строкъ будутъ совершенно понятны чувства всѣхъ присутствовавшихъ. Одна мысль о томъ, что драгоцѣнная жизнь Наслѣдника русскаго Престола можетъ находиться въ опасности, удесятерила силы; всѣ побѣжали на выстрѣлъ. Его Высочество лично участвовалъ въ атакѣ—и чеченцы разбѣжались. Куринцы бѣжали на выстрѣлъ съ бѣшеною энергіею и прибыли къ мѣсту, съ котораго Его Высочество, съ княземъ Воронцовымъ, наблюдали за уходившимъ врагомъ. Съ этого времени куринцы составили охрану Наслѣдника.

За дѣло 26-го октября Его Высочеству, по представленію князя Воронцова, Высочайше пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Этотъ крестъ впослѣдствіи не сходилъ съ груди будущаго Государя ни при какой одеждѣ и напоминалъ благодѣтельному Монарху о Кавказѣ и въ особенности о 20-й дивизіи и о куринцахъ. 26-го октября 1876-го года, въ день празднованія 25-ти-лѣтія со дня полученія этого креста, Его Величеству благоугодно было зачислить

Себя въ списки Куринскаго полка. Этой Монаршей милости куринцы удостоились въ командованіе полкомъ полковника Ломновскаго. Въ 1881-мъ году, когда вся Россія оплакивала смерть Царя-мученика, у гробницы дежурила, въ числѣ другихъ, депутація и отъ куринцевъ *), и нынѣ царствующему Императору, по представительству нынѣшняго шефа Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, благоугодно было пожаловать полку тотъ крестъ, который заслуженъ усопшимъ Императоромъ 26-го октября 1850-го года. Объ этой милости Его Величество лично объявилъ въ аничкинскомъ дворцѣ командиру полка и депутатамъ 19-го марта 1881-го года. Крестъ и мундиръ почившаго Императора, послѣ торжественнаго богослуженія, переданы полку и нынѣ хранятся, какъ знакъ особаго благоволенія Императора къ храброму полку. На кивотѣ, въ которомъ хранится крестъ, имѣется слѣдующая надпись: *крестъ сей, красовавшійся на груди въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, пожалованъ 79-му пѣхотному Куринскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полку Императоромъ Александромъ III 19-го марта 1881-го года.*

Обращаясь къ событіямъ въ раіонѣ расположенія куринцевъ въ 1851-мъ году, главное мѣсто приходится отвести опять дѣламъ, происходившимъ у той же шалинской поляны, которая дала и въ этомъ году не мало поучительныхъ эпизодовъ.

Князь Воронцовъ, въ бытность въ Кисловодскѣ лѣтомъ 1850-го года, воспользовался пребываніемъ здѣсь генераловъ Нестерова и командира Куринскаго полка барона Меллера-Закомельскаго, и послѣ совѣщанія съ ними, рѣшилъ планъ занятій войскъ, находившихся на лѣвомъ флангѣ зимою 18⁵⁰/₅₁-го годовъ. Планъ этотъ возвращался къ тѣмъ же цѣлямъ, которыя были преслѣдуемы въ 1849-мъ году: занятіе шалинской поляны и очищеніе раіона между Аргуномъ и Хулхулау отъ враждебныхъ намъ элементовъ, съ тѣмъ однако, чтобы утвердиться здѣсь навсегда. Эта цѣль, по мнѣнію

*) Въ депутаціи были: командиръ полка полковникъ Казбекъ, командиръ 1-го баталіона маіоръ Битнерскій, полковой адъютантъ подпоручикъ Бенкевичъ и украшенный четырмя георгіевскими крестами фельдфебель Помпей Щербанинъ.

Воронцова, лучше всего достигалась прибавленіемъ къ существовавшимъ уже просѣкамъ дополнительныхъ къ сѣверу и югу отъ старой, и одной еще непосредственно изъ кр. Воздвиженской и аула Атаги. Всѣ эти просѣки должны были выходить къ шалинской полянѣ радіусами, съ тѣмъ, чтобы наши войска могли всегда безпрепятственно сосредоточиваться въ центрѣ большой Чечни. При этомъ, князь Михаилъ Семеновичъ, „имѣя постояннымъ правиломъ сколько можно менѣе стѣснять начальниковъ въ подробностяхъ", разрѣшилъ начать работы съ той стороны, съ которой начальникъ лѣваго фланга найдетъ болѣе полезнымъ. При этомъ главнокомандующій выразилъ свое мнѣніе, что провести новую просѣку изъ Воздвиженской вправо отъ сдѣланной въ 1850-мъ году было бы полезнѣе, потому что въ этомъ случаѣ лагерное мѣсто было бы ближе къ базису, къ кр. Воздвиженской, и что это направленіе, отрѣзывая всю плоскостную Чечню отъ нагорной, приблизило бы къ резиденціи Шамиля—Ведено. Въ предписаніи, данномъ генералу Нестерову, сдѣланъ намекъ на то, что этимъ путемъ былъ бы обойденъ и самый окопъ, штурмовать который пришлось бы лишь въ томъ случаѣ, еслибы чеченцы вызвали насъ на это *).

Для исполненія предначертаній главнокомандующаго, былъ назначенъ отрядъ, состоявшій изъ 10-ти баталіоновъ, одной роты саперъ и одной стрѣлковой роты, двухъ дивизіоновъ нижегородскаго драгунскаго полка, $5^1/_2$ сотенъ казаковъ и 20-ти орудій. Результаты зимняго похода ожидались блестящіе; къ чеченскому отряду стали стекаться новыя лица, между которыми роли были распредѣлены самимъ главнокомандующимъ. По случаю болѣзни Нестерова, отрядомъ командовалъ командиръ 2-й бригады 20-й дивизіи генералъ Козловскій; начальникомъ штаба назначенъ командиръ Куринскаго полка генералъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, къ которому князь особенно благоволилъ и неоднократно совѣщался о планѣ кампаніи; начальникомъ всей пѣхоты былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Барятинскій, незадолго передъ тѣмъ сдавшій кабардинскій полкъ и уже предназначенный на мѣсто командую-

*) Отзывъ начальника главнаго штаба 17-го ноября № 64.

щаго войсками лѣваго фланга; начальникомъ кавалеріи былъ атаманъ Круковскій, а артилеріи—полковникъ Алексѣй Петровичъ Опочининъ. Изъ другихъ лицъ, бывшихъ при отрядѣ, назовемъ болѣе извѣстныхъ впослѣдствіи въ военной іерархіи Кавказа: генерала барона Вревскаго и адъютанта начальника главнаго штаба полковника князя Д. И. Святополкъ-Мирскаго. Вслѣдствіе назначенія командира Куринскаго полка начальникомъ штаба, полкомъ завѣдывалъ полковникъ Серебряковъ, а его первымъ баталіономъ командовалъ прикомандированный къ полку л.-г. егерскаго полка капитанъ Бартоломей *), 3-мъ баталіономъ командовалъ Ушаковъ, а двумя ротами 2-го баталіона завѣдывалъ маіоръ Карповъ.

Вслѣдствіе путешествія по Кавказу Наслѣдника Цесаревича, зимняя экспедиція началась въ январѣ 1851-го года. Генералъ Козловскій, по совѣщаніи съ барономъ Меллеромъ, нашелъ затруднительнымъ вести просѣку въ обходъ лѣваго фланга шалинскаго окопа и выбралъ направленіе къ сѣверу отъ старой просѣки, гдѣ лѣсъ былъ гораздо мельче и прерывался рядомъ прогалинъ. Князь Воронцовъ согласился на доводы начальника отряда, и 5-го числа чеченскій отрядъ уже сталъ у старой просѣки и началъ устраивать сообщеніе съ Аргуномъ. 6-го января, въ день полковаго праздника кабардинскаго полка, отрядъ оставался на мѣстѣ и торжествовалъ, вмѣстѣ съ храбрыми однобригадцами куринцевъ, по старому кавказскому обычаю, готовясь въ ожидаемый на другой день кровавый бой.

Рекогносцировка, произведенная 5-го числа, подтвердила показанія лазутчиковъ, что шалинскій окопъ, послѣ раззоренія его куринцами, бывшими здѣсь 22-го августа, подъ командою полковника Слѣпцова, не только исправленъ, но и усиленъ новыми палисадами, редутомъ и постройками, заходившими въ лѣсъ по обѣимъ сторонамъ просѣкъ; по словамъ лазутчиковъ, теперь въ укрѣпленіи стояли наибы Бата и Гехи съ четырмя орудіями, Хаджи-Муртузъ съ тавлинцами стоялъ на хуторѣ, лежавшемъ въ тылу,

*) Впослѣдствіи состоялъ при кавказскомъ корпусѣ и умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

укрѣпленія на р. Шавдонѣ, а Шамиль съ значительной партіей и съ четырмя орудіями только-что явился въ большую Чечню и ожидалъ прибытія партіи Даніельбека. Существуетъ мнѣніе, что Козловскій хотѣлъ 6-го числа штурмовать прежде всего самый окопъ, но отложилъ свое намѣреніе по случаю праздника кабардинскаго полка. Въ этотъ день лазутчики указали генералу обходный путь, и этому обстоятельству мы обязаны сохраненіемъ жертвъ, которыхъ потребовалъ бы штурмъ. Конечно, здѣсь не мѣсто полемизировать; но нельзя не сказать, что мысль объ обходѣ указана въ приведенномъ выше офиціальномъ отзывѣ, и слѣдовательно не составляла совершенной новости для начальства отряда, хотя мы не имѣемъ основанія отрицать и того, что утверждаютъ гг. Зиссерманъ и Коргановъ въ исторіяхъ кабардинскаго и сѣверскаго драгунскаго полковъ. Во всякомъ случаѣ, ,,хорошо то, что хорошо кончается'', говоритъ пословица,—и слава Богу, что вмѣсто штурма, Козловскій рѣшился обойти шалинскій окопъ съ сѣверной стороны. Здѣсь мы однимъ маневромъ достигли важныхъ результатовъ: пресловутыя шалинскія укрѣпленія достались намъ безъ выстрѣла.

7-го января Козловскій выступилъ изъ лагеря съ 5-ю баталіонами пѣхоты, двумя дивизіонами драгунъ и четырмя сотнями казаковъ, при десяти орудіяхъ, и взялъ направленіе къ сѣверу отъ старой просѣки, къ раззоренному аулу Бегень. Въ трехъ верстахъ отъ лагеря, колонна вошла въ довольно рѣдкій лѣсъ; пѣхота, подъ командой полковника Серебрякова, была оставлена для рубки просѣки, а начальникъ отряда, со всей кавалеріей, направился далѣе. Лѣсъ тянулся не болѣе трехсотъ саженей; затѣмъ, на разстояніи двухъ верстъ, т. е. до самой шалинской поляны, шли прогалины, соединенныя рѣдкимъ перелѣскомъ. Проѣхавъ почти до поляны, и нигдѣ не видя непріятеля, Козловскій возвратился назадъ, а Серебряковъ продолжалъ рубку и къ вечеру продѣлалъ просѣку въ сто саженей ширины и около версты въ длину. Непріятель нигдѣ не показывался и только къ вечеру открылъ перестрѣлку, въ которой былъ раненъ одинъ куринецъ. Видя, что наши войска дѣлаютъ просѣку въ обходъ окопа, горцы вышли изъ него и расположились на полянѣ, за Шавдономъ, противъ развалинъ Бегеня,

съ цѣлью мѣшать намъ, когда на другой день, въ обычное время, войска выйдутъ на работу. 8-го числа, за часъ до разсвѣта, отрядъ выступилъ по новой просѣкѣ и, не останавливаясь, вышелъ къ полянѣ ранѣе, чѣмъ стало свѣтло. Неожиданное появленіе отряда ошеломило непріятеля; онъ не рѣшился атаковать русскихъ, и Козловскій, прикрывшись арріергардомъ изъ кавалеріи, вошелъ съ тыла въ шалинскій окопъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Здѣсь только непріятель опомнился, кинулся вслѣдъ за кавалеріей и разсыпался по лѣсу. Началась перестрѣлка. Чтобы очистить лѣсъ, Козловскій послалъ туда три баталіона куринцевъ, которые выгнали врага, а драгуны довершили пораженіе. Шамиль, съ своими орудіями, былъ въ сторонѣ и съ высотъ праваго берега Басса наблюдалъ за русскимъ отрядомъ.

Между тѣмъ, отрядъ генерала Козловскаго, въ третій разъ занявъ шалинскій окопъ, и, вслѣдствіе мороза и недостатка инструмента, не имѣя возможности разрушить его окончательно, продѣлалъ въ немъ пять проѣздовъ и возвратился въ лагерь, вполнѣ довольный результатомъ дня. И такъ, шалинскій окопъ, сулившій столько трудовъ и жертвъ, взятъ безъ выстрѣла, и вся операція дня стоила намъ только одиннадцати раненыхъ солдатъ и пяти казаковъ. Непріятель потерялъ, въ числѣ другихъ, убитыми: ауховскаго наиба Гойтемира и мезоинскаго пятисотеннаго, извѣстнаго наѣздника Давлетъ-Мурзу. Это было торжество системы. Главнокомандующій оцѣнилъ важность достигнутыхъ результатовъ: приказомъ по корпусу (16-го января 1851-го года № 9) онъ благодарилъ за труды весь отрядъ, а въ числѣ отличившихся упомянулъ командира полка, затѣмъ полковника Серебрякова и подполковника Ушакова. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ предписалъ Козловскому энергично продолжать славно начатое дѣло и строго слѣдовать принятому плану.

Зимняя экспедиція чеченскаго отряда продолжалась до 1-го марта. Во все это время генералъ Козловскій почти ежедневно высылалъ колонны для окончательнаго разрушенія шалинскаго окопа, рубки лѣса вокругъ поляны и продолженія просѣки съ одной стороны къ Герменчуку и Автурамъ, а съ другой—къ мезоинской полянѣ на Бассѣ. Колонны состояли обыкновенно изъ 4—5

баталіоновъ, кавалеріи и артилеріи. Начальниками колоннъ назначались состоявшіе въ отрядѣ генералы и командиры полковъ, въ числѣ коихъ считался и полковникъ Серебряковъ. Нѣкоторые дни обходились безъ выстрѣловъ, въ другіе же перестрѣлки были болѣе или менѣе значительны. Изъ послѣднихъ упомянемъ рубку 13-го января; въ перестрѣлкѣ участвовалъ 3-й баталіонъ съ подполковникомъ Ушаковымъ, а въ числѣ раненыхъ былъ прапорщикъ Саверинъ. 16-го числа колонна, подъ командой князя Барятинскаго, имѣла жаркое дѣло, причемъ въ дѣлѣ участвовалъ 1-й баталіонъ и контуженъ командиръ 1-й роты капитанъ Оклобжіо; подъ капитаномъ Бартоломеемъ убита лошадь. 18-го января, въ колоннѣ генерала барона Вревскаго участвовали шесть ротъ куринцевъ. Была жаркая схватка: партія Абакаръ-Дибира пыталась атаковать колонну, но куринскія роты молодцами отбили непріятеля, причемъ наибъ Батако раненъ. У насъ тоже были потери: Бартоломей раненъ; въ числѣ особенно отличившихся упоминается капитанъ Швахгеймъ и прапорщикъ Чесноковъ.

Такъ тянулись занятія до конца января. Большихъ дѣлъ не было, но непріятель появлялся съ разныхъ концовъ и—то строилъ завалъ, то пытался напасть на цѣпь. Были случаи и такіе, что чеченцы пробовали вновь занять окопъ, но уже было поздно: въ началѣ февраля просѣки кругомъ окопа были окончены, укрѣпленія срыты, и начались просѣки къ Чечень-аулу, къ Атагѣ и мезоинскимъ хуторамъ на Бассѣ. Успѣхи всѣхъ этихъ работъ были такъ велики, что 28-го февраля Козловскій безъ выстрѣла могъ доѣхать до Герменчука и затѣмъ 1-го марта распустилъ отрядъ. Во всѣхъ дѣлахъ зимней экспедиціи тяжелый, но невидный трудъ рубки доставался пѣхотѣ, кавалерія же пожинала лавры. Къ наиболѣе важнымъ перестрѣлкамъ относится дѣло 20-го февраля колонны генерала барона Вревскаго и особенно кавалерійское дѣло 28-го февраля, подъ начальствомъ князя Барятинскаго. Куринцы принимали участіе 28-го февраля, когда князь Барятинскій, оставивъ полковника Серебрякова съ куринцами для прорубки просѣки, самъ съ кавалеріей проникъ на мезоинскую поляну и, захвативъ толпу тавлинцевъ, изрубилъ до 240 человѣкъ. Послѣ этого побоища,

кавалерія отступила подъ прикрытіемъ куринцевъ, которые уже приняли на себя всѣ тягости арріергарднаго боя.

Зимняя экспедиція $18^{50}/_{51}$-го годовъ была окончена блестящимъ образомъ; большой Чечнѣ былъ нанесенъ первый сильный ударъ, за которымъ нужно было ожидать окончательныхъ результатовъ. Шамилю уже грозила опасность въ собственномъ домѣ. 1-го марта 1851-го года чеченскій отрядъ былъ распущенъ, и куринцы возвратились въ штабъ-квартиру.

1-го апрѣля, за отсутствіемъ начальника лѣваго фланга генерала Нестерова, исполненіе его обязанностей было возложено на генералъ-маіора князя Барятинскаго. Этотъ фактъ, къ которому мы возвратимся въ слѣдующей главѣ, весьма знаменателенъ въ исторіи кавказской войны и Куринскаго полка, потому что съ этого времени князь Барятинскій уже вошелъ въ роль самостоятельнаго дѣятеля и далъ своимъ взглядомъ на событія и на людей, служившихъ съ нимъ, рѣшительное преобладаніе и конечный приговоръ. Но прежде чѣмъ говорить о дѣятельности князя Барятинскаго, окончательно назначеннаго на новую должность лишь въ концѣ 1851-го года, мы должны отмѣтить и другія болѣе крупныя событія въ жизни полка.

Въ 1851-мъ году дѣятельность куринцевъ проявляется почти ежедневно и притомъ въ противуположныхъ углахъ Чечни. 17-го апрѣля командиръ полка генералъ баронъ Меллеръ-Закомельскій получилъ свѣдѣнія, что чеченцы, выселившіеся въ горы, собираются для раздѣла между собой пахатныхъ мѣстъ въ верховьяхъ р. Гойты. Чтобы помѣшать имъ и разбить вооруженныя толпы, долженствовавшія прикрыть работы, Меллеръ вызвалъ изъ Воздвиженскаго гарнизона 1-й баталіонъ куринцевъ, съ четырмя сотнями донскихъ казаковъ и двумя орудіями, пошелъ вверхъ по Гойтѣ, атаковалъ горцевъ и, разсѣявъ ихъ, возвратился, имѣя въ своей маленькой колоннѣ 7-мь человѣкъ раненыхъ. 28-го апрѣля непріятель произвелъ нападеніе на три роты куринцевъ, бывшія на рубкѣ дровъ у Воздвиженской; при этомъ раненъ подпоручикъ Евглевскій и 6-ть рядовыхъ. Такія же дѣла были 11-го іюня около Грозной, 11-го и 27-го іюля, 7-го августа и 4-го сентября у Воздвиженской,

8-го, 14-го и 17-го у Урусъ-Мартана. Всѣ эти перестрѣлки, не имѣющія никакихъ значеній въ исторіи войны, стоили куринцамъ немало жертвъ: раненъ поручикъ Самойловъ, а нижнихъ чиновъ убито 3, ранено 18 и контужено 3. Но нельзя такимъ же молчаніемъ обойти дѣла 28-го іюня, 15-го сентября и 16-го ноября.

28-го іюня князь Барятинскій задумалъ рекогносцировать автуринскія поля, чтобы собрать матеріалъ для разработки зарождавшихся въ его головѣ плановъ будущихъ дѣйствій. Предпріятіе это должно было совершиться главнымъ образомъ кавалеріей, а для поддержанія ея и отвлеченія силъ непріятеля князь двинулъ особыя колонны изъ Грозной, Воздвиженской и укрѣпленія Куринскаго. Важнѣйшая роль между ними выпала на долю колонны, выступившей изъ Воздвиженской. 1-я, 2-я, 3-я, 5-я и двѣ роты 4-го баталіона, съ восемью сотнями и десятью орудіями, подъ начальствомъ полковника Серебрякова, были двинуты изъ Воздвиженской на шалинскую поляну. Ночью, 27-го числа, куринцы переправились черезъ Аргунь и двинулись по знакомой имъ шалинской просѣкѣ. Уничтоживъ окопы, возобновленные Шамилемъ, колонна подошла къ Шавдону, разработала спуски и здѣсь же заночевала.

Между тѣмъ, князь Барятинскій, съ одиннадцатью сотнями кавалеріи, при трехъ конныхъ орудіяхъ, выступилъ ночью же изъ Грозной и къ разсвѣту явился на богато засѣянныя поля ауловъ Герменчука и Автуры. Достаточно тутъ похозяйничавъ, кавалерія двинулась къ мезоинской полянѣ и здѣсь, вытоптавъ хлѣба и разоривъ поселеніе, отступила по направленію къ колоннѣ Серебрякова. Тутъ завязалась жаркая перестрѣлка, которая въ общемъ кончилась для насъ блестящимъ успѣхомъ. Послѣ того Барятинскій торжественно возвратился въ Грозную, потерявъ двухъ раненыхъ офицеровъ (изъ коихъ Куринскаго полка прапорщикъ Унтиловъ) и 3 убитыхъ и 34 раненыхъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ на долю куринцевъ пришелся 1 убитый и 25-ть раненыхъ. Изъ этого видно, что дѣло 28-го числа хотя и называется кавалерійскимъ, но въ немъ куринцы работали болѣе всѣхъ. Отрядъ состоялъ, по словамъ князя Барятинскаго, изъ отборныхъ войскъ.

„Испытанные въ бою 4½ баталіона воронцовцевъ, говоритъ донесеніе, съ полубаталіономъ храбрыхъ Чернышева полка, составляли цѣлый егерскій полкъ. Храбрый полковникъ Серебряковъ благоразумно-хладнокровный, въ достоинствахъ котораго я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, командовалъ этой пѣхотой".

15-го сентября произошла знаменитая рѣзня на рѣкѣ Сунжѣ. Въ этотъ день, стѣсненные со всѣхъ сторонъ чеченцы вздумали перенести свои дѣйствія на лѣвый берегъ Сунжи. Наибы: Гехи, Талгикъ и Атабай собрали значительныя силы на Аргунѣ у аула Чечень и условились: демонстрируя со стороны ханкальскаго ущелья, для отвлеченія въ эту сторону войскъ, расположенныхъ въ укрѣпленіяхъ—напасть съ значительными силами на стада мирныхъ жителей, пасшіяся на обширномъ полѣ между р. Нефтянкой и кр. Грозной. Послѣ захвата, стадо предполагалось отогнать на чертугаевскую переправу (въ 10-ти верстахъ ниже Грозной), гдѣ наибы скрыли въ лѣсу до 700 пѣшихъ ратниковъ. Князь Барятинскій, имѣвшій всегда множество надежныхъ лазутчиковъ даже между приближенными Шамиля, узналъ, какъ разсказываетъ бывшій при немъ оберъ-квартирмейстеромъ Ольшевскій *) отъ мазута (пятисотеннаго Шамиля) о намѣреніи противъ насъ за два часа до разсвѣта 15-го сентября, и тотчасъ же распорядился, чтобы по тревогѣ три роты куринцевъ, съ подполковникомъ Ревенскимъ, направились къ башнѣ на Нефтянкѣ. Въ два часа дня, когда послѣдовалъ сигнальный выстрѣлъ, Ревенскій двинулся по назначенію, а самъ князь, съ остальными тремя ротами куринцевъ, съ одной ротой линейнаго баталіона, съ конными и пѣшими чеченцами и казаками, при одномъ орудіи, перешелъ черезъ мостъ и, не обращая вниманія на непріятеля, показавшагося со стороны ханкальскаго ущелья, пошелъ внизъ по правому берегу Сунжи. Дойдя до лѣса, князь Барятинскій замѣтилъ, что, дѣйствительно, непріятель окружилъ стадо и гонитъ его къ Чертугаю. Видя изъ этого, что свѣдѣніе, имъ полученное отъ лазутчиковъ, вѣрно, князь приказалъ колоннѣ прибавить шагъ и почти бѣгомъ сталъ пробираться къ переправѣ.

*) „Русская Старина", 1879-го года. Іюнь.

Здѣсь онъ неожиданно ударилъ чеченцамъ во флангъ. Непріятель, ошеломленный появленіемъ знакомыхъ ему штыковъ, впалъ въ паническій ужасъ, и происшедшая ужасная рѣзня кончилась тѣмъ, что онъ разбѣжался; на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде скрывались чеченцы, теперь засѣли куринцы и стали поджидать стадо.

Между тѣмъ, та часть непріятеля, которая гнала стадо, наткнулась на три роты подполковника Ревенскаго, и лихо встрѣченная куринцами и бывшимъ съ ними орудіемъ, тоже потерпѣла неудачу, бросила стадо и кинулась спасаться на чертугаевскую переправу, надѣясь пройти рѣку подъ прикрытіемъ пѣшихъ своихъ сотоварищей. Но увы! вмѣсто друзей оказались опять куринцы, которые обдали врага свинцовымъ дождемъ. Замѣшательство сдѣлалось всеобщее: наибы кинулись въ стороны, но выхода не было; произошла новая рѣзня. „Я и офицеры старались удержать кровопролитіе"—говоритъ въ своемъ донесеніи князь Барятинскій—но это было почти невозможно". Наибъ Гехи уже былъ въ нашихъ рукахъ, но одинъ мюридъ, пожертвовавъ собою, спасъ его; при этомъ Гехи потерялъ знакъ отличія, пожалованный ему Шамилемъ. Талгикъ, потерявъ лошадь, едва скрылся въ кустахъ, бросивъ свой значекъ. Непріятель оставилъ на мѣстѣ трехъ сотенныхъ командировъ, одно знамя, болѣе двухсотъ ружей, двѣсти тѣлъ и 38-мь плѣнныхъ. Весь уронъ съ нашей стороны состоялъ изъ одного контуженаго офицера, двухъ убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ особенно отличившихся, князь Барятинскій называетъ подполковника Ревенскаго, штабсъ-капитановъ Полторацкаго и Дробышева и поручика Челюсткина. На донесеніи объ этомъ дѣлѣ, Императоръ Николай I изволилъ написать: „*славное дѣло*", а князю Барятинскому разрѣшено сдѣлать особое представленіе къ наградамъ *).

Дѣло 16-го ноября 1851-го года было не менѣе славное, хотя стоило намъ гораздо бо́льшихъ жертвъ. Въ этотъ день, завѣдывавшій лѣвымъ флангомъ, извѣстный любитель набѣговъ генералъ

---

*) Нижніе чины Куринскаго полка получили шесть знаковъ отличія.

Козловскій, обратилъ свое вниманіе на аулъ Дахинъ-Ирзау, пріютившійся въ болотистомъ и лѣсистомъ углу соединенія Сунжи и Джалки. Задача состояла въ уничтоженіи этого аула, дававшаго пристанище абрекамъ и вообще недоброжелателямъ русскихъ. Приказавъ командиру кабардинскаго полка полковнику Майделю прибыть съ кабардинцами изъ укр. Куринскаго, самъ Козловскій, взявъ изъ кр. Грозной три баталіона, въ числѣ коихъ былъ одинъ баталіонъ Куринскаго полка, подъ командою маіора Оклобжіо, двинулся, въ ночь съ 15-го на 16-е ноября, внизъ по лѣвому берегу Сунжи. За часъ до разсвѣта, войска заняли лѣвый берегъ рѣки, противъ аула Дахинъ-Ирзау. Оставивъ здѣсь $1^1/_2$ баталіона съ артилеріей, генералъ направилъ остальныхъ полтора баталіона (въ числѣ ихъ куринцевъ) для занятія аула. Куринцы на разсвѣтѣ штурмовали аулъ; полусонный непріятель, застигнутый врасплохъ, дрался отчаянно. Здѣсь бой былъ на штыкахъ и шашкахъ; каждый домъ, каждый заборъ пришлось брать штурмомъ. Но рѣзня продолжалась недолго: непріятель покинулъ пылающій аулъ, и куринцы, исполнивъ свое дѣло, начали отступать. Въ это время на тревогу сбѣжалась партія Талгика и стала насѣдать на куринцевъ, но товарищи и однобригадцы ихъ, кабардинцы, пришли къ нимъ на помощь и, составивъ арріергардъ, дали имъ спокойно унести своихъ раненыхъ, число коихъ во всемъ отрядѣ было семь офицеровъ и 78-мь нижнихъ чиновъ, кромѣ убитыхъ трехъ солдатъ. Въ числѣ раненыхъ были: командиры 1-й и 3-й егерскихъ ротъ Куринскаго полка, штабсъ-капитанъ Нордштейнъ и поручикъ Чесноковъ, субалтернъ офицеры: подпоручикъ Ольденборгеръ и прапорщикъ Кириленко и нижнихъ чиновъ 52.

Въ ноябрѣ 1851-го года въ кр. Воздвиженскую прибылъ новый командиръ полка, сынъ главнокомандующаго и шефа куринцевъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ. Въ этомъ назначеніи куринцы видѣли вниманіе къ себѣ Государя и новую сердечную связь съ своимъ шефомъ. Пріѣздъ командира совпалъ съ радостною вѣстью о прибытіи въ Воздвиженскую одного изъ лучшихъ помощниковъ Шамиля—наиба Хаджи-Мурата, поссорившагося съ имамомъ и отдавшагося въ руки

русскихъ. Государь былъ очень доволенъ этою находкою и на донесеніи объ этомъ написалъ: „*слава Богу, важное начало*!“.

На полѣ битвы князь С. М. Воронцовъ блестящимъ образомъ дебютировалъ въ дѣлѣ 4-го декабря 1851-го года. Въ этотъ день бывшій командиръ Куринскаго полка, генералъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, остававшійся начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Воздвиженской, рѣшился истребить аулъ Гойтенъ-Кортъ, лежавшій на Джалкѣ. Въ этомъ аулѣ Шамиль сдѣлалъ большіе запасы для продовольствія своихъ войскъ, долженствовавшихъ собраться въ большой Чечнѣ для противодѣйствія предполагавшейся зимней экспедиціи. Въ ночь на 4-е декабря, 3½ баталіона куринцевъ, съ тремя сотнями казаковъ и шестью орудіями, выступили изъ Воздвиженской и черезъ шалинскую просѣку направились къ аулу. Штурмъ аула баронъ Меллеръ-Закомельскій поручилъ князю Воронцову, для чего и отдалъ въ его распоряженіе 2-й и 3-й баталіоны съ двумя орудіями; 1-й баталіонъ и двѣ роты 4-го баталіона, съ полковникомъ Ляшенко, были оставлены въ резервѣ, въ полуверстѣ отъ аула.

Лѣсистыя окрестности не дозволяли дѣйствовать изъ орудій, поэтому князь Воронцовъ, оставивъ при орудіи 3-й баталіонъ, самъ, съ двумя, пошелъ бѣгомъ черезъ лѣсъ и, не отвѣчая на выстрѣлы, сталъ штурмовать Гойтенъ-Кортъ. На глазахъ своего новаго командира, куринцы вскочили въ аулъ, ударили въ штыки, прогнали непріятеля и подожгли сѣно, котораго было до 60-ти т. пудовъ. Мгновенно весь аулъ былъ объятъ пламенемъ. Сдѣлавъ свое дѣло, куринцы отступали на 3-й баталіонъ, который бѣглымъ огнемъ остановилъ преслѣдовавшаго противника. Къ вечеру отрядъ возвратился на Аргунъ, потерявъ двухъ убитыхъ и 15-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ и легко раненымъ штабсъ-капитана Вельяминова.

Въ декабрѣ 1851-го года особыхъ происшествій не было, и годъ закончился приказомъ по корпусу, въ которомъ главнокомандующій выражалъ благодарность генералъ-маіору Меллеру-Закомельскому, флигель-адъютанту князю Воронцову, полковнику Ляшенко, маіорамъ Оклобжіо и Карпову и штабсъ-капитанамъ Полторац-

кому и Вельяминову за военныя дѣйствія второй половины 1851-го года *).

Наконецъ, отмѣтимъ въ хроникѣ полка, что въ 1850-мъ году 1-й, 2-й и 5-й баталіоны получили новыя знамена за 150 лѣтъ со времени учрежденія основныхъ частей, вошедшихъ на сформированіе названныхъ баталіоновъ.

XV.

Измѣненіе въ личномъ составѣ войскъ на лѣвомъ флангѣ въ концѣ 1851-го года. Князь Барятинскій, генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій, флигель-адъютантъ полковникъ князь Воронцовъ и ихъ значеніе въ исторіи Куринскаго полка. Военныя событія на лѣвомъ флангѣ въ 1852-мъ году. Планы князя Барятинскаго. Зимнія экспедиціи 1852-го и 1853-го годовъ и участіе въ нихъ куринцевъ.

Во второй половинѣ 1851-го года произошли крупныя перемѣны въ личномъ составѣ начальствующихъ лицъ на лѣвомъ флангѣ: въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ начальникомъ 20-й дивизіи и лѣваго фланга кавказской линіи свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь А. И. Барятинскій, только за годъ до того сдавшій кабардинскій полкъ полковнику Майделю. Душевно больной генералъ Нестеровъ, въ теченіе уже двухъ послѣднихъ лѣтъ хворавшій, покинулъ навсегда Кавказъ, въ услугу которому онъ принесъ всю свою молодость и здоровье. Настала очередь и коман-

---

*) Въ теченіе 1850 и 1851 годовъ, и преимущественно въ дѣлахъ на шалинской полянѣ, куринцы имѣли убитыми: офицера 1 и нижнихъ чиновъ 52; ранеными: офицеровъ 23 и нижнихъ чиновъ 325. Полкъ получилъ 150 знаковъ отличія военнаго ордена.

дира Куринскаго полка: генералъ-маіоръ баронъ Меллеръ-Закомельскій сдалъ полкъ флигель-адъютанту полковнику князю Воронцову, на основаніи приказа по военному вѣдомству отъ 10-го іюня 1851-го года. Новыя лица дали новый колоритъ окружающему, и притомъ каждый въ своемъ вкусѣ.

Князь Барятинскій, будущій фельдмаршалъ и намѣстникъ Кавказа, уже тогда былъ persona gratissima въ высшей іерархіи Россіи. Умный и энергичный по способностямъ, богатый и знатный по рожденію, любимецъ Государя, князь Барятинскій былъ свободенъ отъ всѣхъ житейскихъ и служебныхъ превратностей, вліяющихъ на карьеры простыхъ смертныхъ, и потому быстро шелъ по пути, уготованному ему судьбой. Говорятъ, что будучи еще очень молодымъ офицеромъ, князь Барятинскій говаривалъ: ,,помоему, есть два мѣста достойныхъ вниманія, да и то только на Кавказѣ: командира полка и намѣстника‘‘—и въ этой фразѣ полная характеристика будущаго побѣдителя Шамиля. Въ дѣйствительности, служба князя была построена какъ будто по его волѣ: будучи всего 33-хъ лѣтъ отъ рожденія, онъ принялъ осчастливленный имъ кабардинскій полкъ въ 1846-мъ году и командовалъ имъ четыре года, до конца 1850-го; затѣмъ, длинную іерархическую лѣстницу, отдѣляющую посты командира полка и намѣстника, онъ прошелъ въ два прыжка, и уже въ 1857-мъ году былъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ Кавказа. Въ этой должности, облеченный властью и средствами, далеко превосходившими средства всѣхъ бывшихъ главныхъ начальниковъ Кавказа, онъ довершилъ завоеваніе Чечни и Дагестана, и еще разъ доказалъ справедливость словъ знаменитаго Суворова, считавшаго необходимымъ для успѣха войны ,,полную мочь главнокомандующему‘‘.

Изъ этихъ немногихъ словъ видно, что князь Барятинскій былъ четыре года командиромъ полка и четыре года намѣстникомъ, и только эти должности считалъ удовлетворявшими его самолюбію; на всѣхъ остальныхъ іерархическихъ ступеняхъ—бригаднаго командира, командующаго войсками на лѣвомъ флангѣ и начальника главнаго штаба кавказской арміи онъ оставался только отъ одного до двухъ лѣтъ, и исповѣдь своей молодости осуществилъ вполнѣ.

Такой сильный человѣкъ какъ князь Барятинскій не могъ не быть въ высокой степени авторитетнымъ и опаснымъ для соперниковъ и враговъ.

Въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ мѣста для характеристики князя Барятинскаго, подробной біографіи котораго нѣтъ даже до сихъ поръ въ печати, и мы упомянули о его чрезмѣрномъ самолюбіи, могуществѣ и силѣ потому, что въ этихъ качествахъ нельзя не видѣть и объясненіе холодныхъ отношеній, установившихся между княземъ Барятинскимъ и командиромъ Куринскаго полка, генералъ-маіоромъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ. Эта холодность дошла до того, что баронъ Меллеръ долженъ былъ оставить службу на Кавказѣ, которому онъ такъ честно послужилъ въ теченіе десяти кровавыхъ лѣтъ.

Въ Куринскомъ полку существуетъ мнѣніе, что начало холодныхъ отношеній князя Барятинскаго и барона Меллера-Закомельскаго проистекало изъ благороднаго соревнованія въ бояхъ двухъ славныхъ полковъ кавказской арміи—Куринскаго и кабардинскаго, которыми въ одно и тоже время командовали оба генерала; послѣдній же поводъ къ неудовольствіямъ разыгрался въ концѣ 1852-го года за то, что во время отсутствія начальника лѣваго фланга и командира полка полковника князя Воронцова, баронъ Меллеръ, уже сдавшій полкъ, но остававшійся начальникомъ войскъ въ Воздвиженской, произвелъ съ куринцами нападеніе на аулъ Талгика и взялъ у него два орудія.

Генералъ маіоръ баронъ Петръ Петровичъ Меллеръ-Закомельскій *) принадлежалъ къ числу боевыхъ генераловъ добраго стараго времени. Суровый, малообщительный, спартанецъ по закалу, П. П. владѣлъ твердымъ характеромъ, съ значительной долей рыцар-

*) Баронъ П. П. Меллеръ-Закомельскій былъ въ 1851-мъ году 45-ти лѣтъ отъ роду; происходилъ изъ дворянъ петербургской губерніи; воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, откуда произведенъ въ 1825-мъ году въ л.-г. измайловскій полкъ, гдѣ и служилъ до чина капитана. По собственному желанію, онъ переведенъ въ Куринскій полкъ подполковникомъ и вступилъ въ командованіе 1-мъ баталіономъ въ мартѣ 1843-го года. Высочайшимъ приказомъ 18-го января 1846-го года уже былъ назначенъ командиромъ полка, 6-го декабря 1848-го года произведенъ въ генералъ-маіоры и сдалъ полкъ въ 1851-мъ году.

ской гордости; онъ былъ хладнокровенъ и храбръ въ бою, сосредоточенъ и преданъ службѣ, взыскателенъ, но справедливъ, и потому, пользуясь полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ подчиненныхъ, не могъ похвалиться способностью многихъ командировъ того времени—сдѣлаться центромъ полковой жизни. Его можно сравнить съ другимъ кавказскимъ героемъ—Лабынцевымъ, съ которымъ у Меллера было много общаго во взглядахъ на службу и жизнь. Оба они, въ разрѣзъ съ окружавшимъ, не любили кутежей и предпочитали уединенную жизнь въ своихъ угрюмыхъ помѣщеніяхъ, и увы! оба они не успѣли сдѣлаться въ этомъ отношеніи примѣрами для подчиненныхъ.

Баронъ Меллеръ, строгій къ самому себѣ и подчиненнымъ, былъ не особенно ласковъ и къ начальству. Нестеровъ и его штабъ, а черезъ нихъ и самъ командующій войсками на кавказской линіи генералъ Заводовскій, не благоволили къ Меллеру; непріятности переходили иногда за предѣлы служебныхъ приличій, и вскорѣ дошло до того, что, напримѣръ, приказомъ по линіи была объявлена благодарность врачу Куринскаго полка Вержбицкому за успѣшное леченіе больныхъ въ полковомъ лазаретѣ (въ ст. Щедринской), въ то самое время, когда Меллеръ арестовалъ этого врача и доносилъ по начальству о его неприличныхъ поступкахъ и своеволіяхъ. Между тѣмъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій пользовался особымъ вниманіемъ главнокомандующаго: въ приказахъ по корпусу весьма часто встрѣчаются лестные о немъ отзывы и благодарности, и не только за отличія въ дѣлахъ, но и за административныя его заслуги. Въ іюнѣ 1849-го года, послѣ объѣзда края, князь Воронцовъ объявилъ приказъ, въ которомъ щедро расточалъ похвалу командиру Куринскаго полка „въ особенности за обхожденіе его съ мирными жителями ауловъ, поселенныхъ при Воздвиженской, и проистекающее отъ сего благоденствіе ихъ, имѣющее выгодное для насъ вліяніе на мирныхъ чеченцевъ, и за прочныя, прекрасныя, даже щегольскія постройки, произведенныя въ штабъ-квартирѣ, между которыми въ особенности отличны лазаретныя зданія“.

За военныя отличія въ 1848-мъ году баронъ Меллеръ былъ

произведенъ въ генералъ-маіоры, а затѣмъ Высочайшимъ приказомъ 10-го іюня 1851-го года отчисленъ по арміи съ оставленіемъ при кавказскомъ корпусѣ. Но и послѣ сдачи полка Меллеръ былъ не чужой для него: онъ былъ назначенъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Воздвиженской, жилъ въ штабъ-квартирѣ полка и предводительствовалъ нѣсколькими экспедиціями, изъ которыхъ особенно важно въ исторіи полка взятіе въ аулѣ Талгика, въ мартѣ 1852-го года, двухъ орудій, понынѣ хранящихся, какъ трофеи, въ Куринскомъ полку. Объ этомъ славномъ эпизодѣ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же добавимъ, что вскорѣ послѣ этого неожиданнаго для всѣхъ событія, о которомъ Барятинскій получилъ донесеніе въ день свѣтлаго Воскресенья въ Тифлисѣ, ходили слухи тенденціознаго свойства, и съ тѣхъ поръ имя Меллера уже не встрѣчается въ военныхъ журналахъ лѣваго фланга. Петръ Петровичъ выѣхалъ съ Кавказа, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, гдѣ велъ такую же суровую жизнь, какъ въ полку, и умеръ почти въ одиночествѣ, не оставивъ родственникамъ даже своего портрета.

Таковъ былъ баронъ Меллеръ. Не вдаваясь въ оцѣнку его частной жизни, нельзя не помянуть добрымъ словомъ память героя, во время командованія котораго Куринскій полкъ записалъ много блестящихъ страницъ въ исторію кавказской войны, и который передалъ своему преемнику лишь заботу о сбереженіи въ чистотѣ имени славнаго полка.

Новый командиръ флигель-адъютантъ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, назначенный на должность Высочайшимъ приказомъ 10-го іюня 1851-го года, былъ на высотѣ своего положенія — что и доказалъ съ первыхъ дней командованія полкомъ, который такъ славно послужилъ отечеству въ достославный 1852-й годъ. Къ событіямъ этого года мы и обратимся теперь.

Когда болѣзнь разсудка Нестерова дошла до тѣхъ размѣровъ, что было опасно держать его на высокомъ посту командующаго войсками, неожиданно для многихъ пріѣхалъ въ Грозную князь Барятинскій, явился къ Нестерову, объявилъ ему приглашеніе главнокомандующаго немедленно прибыть въ Тифлисъ на совѣщаніе, и когда Не-

стеровъ наскоро собрался ѣхать, князь Барятинскій проводилъ его до переправы на Терекѣ, затѣмъ самъ возвратился въ Грозную и 1-го апрѣля 1851-го года объявилъ приказъ о вступленіи своемъ въ завѣдываніе лѣвымъ флангомъ. Съ этихъ поръ князь Барятинскій сдѣлался душой всѣхъ событій въ Чечнѣ и сразу приступилъ къ составленію программы для будущихъ своихъ дѣйствій.

Въ іюнѣ 1851-го года князь Барятинскій представилъ главнокомандующему двѣ записки, въ которыхъ излагалъ свои предположенія. Сущность ихъ заключалась въ томъ, чтобы продлить такъ называемую „русскую дорогу" изъ Воздвиженской черезъ Шали и Автуры на Маюртупъ и Мичикъ къ Куринскому укрѣпленію. По мнѣнію князя, эта дорога отрѣзала бы всю остальную плоскостную Чечню отъ нагорной и тѣмъ самымъ лишила бы Шамиля богатыхъ средствъ для довольствія бѣднаго горнаго населенія. Для обезпеченія этой дороги, князь Барятинскій считалъ необходимымъ возвести два укрѣпленія: одно на Бассѣ около Шали или Автуры, а другое близъ Маюртупа. Въ эти укрѣпленія, по проэкту князя Барятинскаго, надо было перенести штабъ-квартиру Куринскаго полка, которому изстари написано было жить всегда на передовыхъ линіяхъ. Кромѣ двухъ укрѣпленій, князь Барятинскій проэктировалъ поселеніе двухъ казачьихъ станицъ: одной у устья Аргуна, а другой у бывшаго аула Чечень. Для исполненія этого плана, долженствовавшаго завершить покореніе большой Чечни, начальникъ лѣваго фланга требовалъ въ свое распоряженіе 12-ть баталіоновъ пѣхоты, одинъ дивизіонъ драгунъ, 6-ть сотенъ казаковъ и извѣстное число орудій, съ которыми полагалъ начать работы съ 1-го сентября 1851-го года. Въ проэктѣ приведенъ и расчетъ времени, по которому кампанію предполагалось начать съ устройства переправы черезъ Аргунъ у аула большой Чечень и занятія лагернаго мѣста у Шали, гдѣ имѣлось въ виду возвести первое укрѣпленіе къ 15-му ноября; къ 15-му іюня 1852-го года должно было окончиться водвореніе первой станицы у аула Чечень, а затѣмъ къ 15-му августа—такой же второй у устья Аргуна. Съ 15-го ноября 1851-го года

князь Барятинскій полагалъ начать рѣшительныя концентрическія военныя дѣйствія съ трехъ сторонъ: отъ укрѣпленія Куринскаго, Умаханъ-Юрта и Шали, чтобы заставить непокорныхъ жителей положить оружіе или переселиться за нашу передовую линію. Военныя дѣйствія, имѣющія въ виду осуществленіе плана, должны были продолжаться до весны 1853-го года, когда, по предположенію князя Барятинскаго, большая Чечня должна была положить оружіе. Находя въ этомъ проэктѣ „много хорошаго", князь Воронцовъ невполнѣ согласился съ княземъ Барятинскимъ: прежде всего проэктъ явился въ то время, когда предположенія на 1851-й годъ уже были утверждены Государемъ и начали приводиться въ исполненіе; кромѣ того, князь Воронцовъ не могъ выдѣлить князю Барятинскому тѣхъ средствъ, которыя просилъ новый начальникъ лѣваго фланга. Тѣмъ не менѣе, заявленіе Барятинскаго было принято къ свѣдѣнію, и многое изъ его проэкта было внесено въ предположенія на 1852-й годъ.

Въ октябрѣ 1851-го года военный министръ увѣдомилъ главнокомандующаго, что Государь Императоръ съ удовольствіемъ видѣлъ, что въ текущемъ году положеніе наше на лѣвомъ флангѣ улучшилось, и предположенія на 1852-й годъ находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что уже исполнено въ 1851-мъ году. По мысли князя Воронцова, въ предстоящемъ году было разрѣшено продолжать начатыя просѣки въ Чечнѣ и лѣтомъ собрать отрядъ на р. Бассѣ. Эти незначительныя задачи не удовлетворили князя Барятинскаго, и онъ, послѣ блестящихъ успѣховъ зимней экспедиціи въ январѣ 1852-го года, вновь возбудилъ старый проэктъ: князь считалъ необходимымъ зимой 1852—53-го годовъ возвести сильные форты: одинъ у Автуры (на три баталіона) и другой у Инди-хутора, близъ Маюртупа (на два баталіона) и перенести сюда штабъ-квартиру Куринскаго полка. Работы эти по проэкту должны были окончиться къ осени 1854-го года. Но и эти предположенія не были приняты; противникомъ ихъ явился помощникъ начальника главнаго штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ Вольфъ. Нельзя сомнѣваться, что еслибы не война съ Турціей, вспыхнувшая въ 1853-мъ году, то князь Барятинскій настоялъ бы на сво-

емъ, и Куринскій полкъ водворился бы гдѣ нибудь около Шали, но обстоятельства измѣнились, и штабъ-квартира Куринскаго полка, до занятія Ведено, попрежнему осталась въ Воздвиженской.

Распространившись о перепискѣ, имѣвшей вліяніе на выборъ штабъ-квартиры Куринскаго полка, для полноты мысли упомянемъ и о тѣхъ соображеніяхъ, которыя приводилъ Вольфъ въ своихъ возраженіяхъ князю Барятинскому.

,,Не разбирая сначала важности и пользы этого предположенія (князя Барятинскаго), говоритъ генералъ Вольфъ въ своемъ докладѣ главнокомандующему—нельзя не обратить вниманія на то, что исполненіе онаго требуетъ гораздо большихъ средствъ, чѣмъ мы можемъ на то удѣлить. По расчету князя Барятинскаго, работы должны продолжаться два года, а по моему и больше, ибо водвореніе на передовой линіи цѣлаго полка дѣло не легкое. Держать на все это время въ сборѣ 12-ть баталіоновъ невозможно, ибо мы теперь съ трудомъ собираемъ только на два зимнихъ мѣсяца 10—11 баталіоновъ, и то взявъ два баталіона изъ Дагестана и оголивъ владикавказскій округъ до того, что нынѣшней зимой генералъ Вревскій не могъ собрать болѣе двухъ ротъ для обузданія галашевцевъ, готовыхъ отложиться‘‘. Далѣе Вольфъ говоритъ, что онъ сомнѣвается и въ томъ значеніи, какое Барятинскій придастъ укрѣпленію въ Автуры. ,,Сомнѣваюсь потому, что, слушая эти догадки на счетъ будущаго, вспоминаю примѣры прошедшаго‘‘. А эти примѣры Вольфъ видѣлъ въ радужныхъ мечтахъ, сопровождавшихъ постройку Воздвиженской, Урусъ-Мартанскаго и Ачхоевскаго укрѣпленій, когда при закладкѣ каждаго изъ нихъ повторялась стереотипная фраза: ,,смерть врагу‘‘! По этимъ соображеніямъ, Вольфъ полагалъ, что прежде всего надо покончить съ малой Чечней, гдѣ враждебныя намъ силы организовались въ верховьяхъ рѣкъ, въ ущельяхъ Черныхъ горъ; затѣмъ, когда это сдѣлается, и войска будутъ свободны, можно сосредоточить силы въ большой Чечнѣ. ,,Мнѣ кажется, такая постепенность не только не замедлитъ хода дѣла, но и ускоритъ его‘‘... Князь Воронцовъ согласился съ этими доводами генерала Вольфа, и къ исполненію были приняты предположенія штаба.

4-го января 1852-го года, въ кр. Воздвиженской были въ полной готовности къ походу свыше десяти тысячъ штыковъ и полторы тысячи коней, при 24-хъ орудіяхъ и 5-ти ракетныхъ станкахъ, съ продовольствіемъ на двѣ недѣли. Въ числѣ этихъ войскъ были по два баталіона тенгинскаго и навагинскаго полковъ и 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Куринскаго и кабардинскаго полковъ, съ ихъ охотничьими и ракетными командами. 5-го января, послѣ удалыхъ пирушекъ у радушныхъ хозяевъ, куринцевъ, по случаю новаго года, отрядъ переправился по мосту на правый берегъ Аргуна, куда вскорѣ пріѣхалъ новый начальникъ лѣваго фланга князь Барятинскій и, послѣ молебствія, двинулъ войска внизъ по рѣкѣ, къ лагерному мѣсту у бывшаго аула Бани-Юртъ. Погода была пасмурная, и вскорѣ густой снѣгъ покрылъ окрестности лагеря, гдѣ отрядъ остановился для ночлега. Въ полночь, подъ Крещеніе, все уже было на ногахъ. Оставивъ въ лагерѣ два баталіона навагинцевъ и одинъ сводный, состоявшій изъ ротъ линейныхъ баталіоновъ, князь Барятинскій въ полной боевой готовности двинулся черезъ шалинскую просѣку на Автуры. Дѣло ожидалось жаркое, потому что Шамиль уже съ осени готовился встрѣтить непрошенныхъ гостей и для того собралъ свою рать изъ разныхъ угловъ Чечни и Дагестана, хотя самъ еще не былъ въ Автурахъ. За ауломъ Шали начинался раіонъ расположенія непріятеля; здѣсь стояли его сторожевые посты; масса же силъ стояла на р. Бассѣ, у мезоинскихъ хуторовъ, куда Шамиль и поджидалъ нашу атаку. На этотъ разъ ожиданія врага не сбылись, и отрядъ, имѣя въ авангардѣ куринцевъ, съ новымъ командиромъ княземъ С. М. Воронцовымъ, потянулся къ р. Хулхулау, по глубокому снѣгу. Къ одиннадцати часамъ дня авангардъ подошелъ къ р. Хулхулау, перешелъ ее въ бродъ и сосредоточился въ виду большаго аула Автуры.

Этотъ аулъ, имѣвшій до 900-тъ дворовъ, былъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Хулхулау, которая течетъ въ обрывистыхъ берегахъ. Аулъ раскинутъ на возвышенной площадкѣ среди садовъ и окруженъ обширными пахатными полями, которыя были раскинуты вокругъ бѣлою скатертью. Въ аулѣ были большіе запасы предметовъ довольствія для полчищъ Шамиля, и потому очевидно было,

что имамъ долженъ былъ защищать его отчаянно. Вотъ почему Барятинскій расчитывалъ встрѣтить въ Автурахъ упорное сопротивленіе, и чтобъ не дать врагу стянуть сюда главную массу силъ, рѣшился немедленно атаковать ихъ. Эта задача была возложена на куринцевъ.

Атака удалась какъ нельзя лучше: князь Воронцовъ подошелъ къ аулу, пустилъ въ него нѣсколько артилерійскихъ снарядовъ и, отвѣчая на выстрѣлы только огнемъ охотничьей команды полка *), повелъ баталіоны бѣгомъ на приступъ. Предстояла эскалада обрывистыхъ уступовъ, окружавшихъ сады, въ которыхъ засѣлъ непріятель. Ударъ былъ дружный и сильный; непріятельскія пули полетѣли черезъ головы, и менѣе чѣмъ въ четверть часа удалые егеря уже заняли переднія сакли. Непріятель сталъ быстро уходить, спасая домашній скарбъ; егеря разсѣялись въ аулѣ; опытные офицеры прямо кинулись къ выходамъ, и когда аулъ былъ окруженъ и охраненъ отъ нападенія бѣжавшихъ на помощь чеченцевъ, куринцы стали хозяйничать въ аулѣ. Къ полудню прибылъ самъ начальникъ отряда съ остальными войсками, и мы стали въ Автурахъ какъ на оборонительной позиціи, занявъ ихъ одною лихою атакою куринцевъ почти безъ потерь. Всѣ богатые запасы сѣна и пшеницы были въ нашихъ рукахъ, а Шамиль, прозѣвавъ насъ, сталъ группировать свои силы на р. Бассѣ.

Успѣхомъ своимъ мы были обязаны стремительности атаки и ошибкѣ противника. Видя оплошность врага, князь Барятинскій не удовольствовался взятіемъ Автуры, и немедленно двинулъ кабардинцевъ, съ командиромъ ихъ барономъ Николаи, на аулъ Гельдыгенъ, лежавшій въ пяти верстахъ отъ Автуры и столь же богатый, какъ сей послѣдній. Кабардинцы исполнили свою задачу такъ же блистательно, какъ куринцы, и, предавъ аулъ огню, къ

---

*) Охотничьи команды существовали во многихъ полкахъ кавказскаго корпуса. Въ Куринскомъ полку она существовала съ 1845-го года. Въ 1851-мъ году команда была вновь сформирована и вооружена кинжалами и литихскими штуцерами, выписанными на средства князя С. М. Воронцова. Командой завѣдывалъ прапорщикъ Гурьевъ.

вечеру возвратился въ Автуры, гдѣ сосредоточился весь отрядъ, нагруженный добычей отъ двухъ богатѣйшихъ ауловъ Чечни. Такъ прошло 6-е января—день полковаго праздника кабардинцевъ.

Но легкія побѣды не подкупили князя Барятинскаго; ему предстояло подумать о будущемъ днѣ: нужно было возвращаться въ Шали, въ виду полчищъ Шамиля, который занялъ фланговую позицію на уступахъ Черныхъ горъ и готовился отомстить намъ за успѣхи 6-го января. Предстоявшую задачу князь Барятинскій рѣшилъ блистательно. 7-го января, на разсвѣтѣ, предавъ огню Автуры, чеченскій отрядъ перешелъ на лѣвый берегъ Хулхулау; отсюда 1-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка, съ однимъ баталіономъ кабардинцевъ, при кавалеріи и нѣсколькихъ легкихъ орудіяхъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника князя Воронцова, были двинуты вверхъ по рѣкѣ, по дорогѣ въ Ведено. Движеніе это имѣло цѣлью показать Шамилю, что мы идемъ въ его резиденцію—и маневръ имѣлъ свое дѣйствіе: толпы непріятеля, видя опасность, грозившую Ведено, очистили свою фланговую позицію и стремительно кинулись наперерѣзъ пути колонны Воронцова. Намъ этого и надо было. Медленно, но твердо двигался отрядъ, опрокидывая передъ собой непріятеля, пытавшагося задержать насъ. Тѣмъ временемъ, князь Барятинскій знакомился съ мѣстностью, а топографы снимали дорогу на планъ.

Пройдя по Хулхулау верстъ пять, колонна Воронцова быстро повернула назадъ—и, нимало не медля, весь чеченскій отрядъ двинулся въ Шали, оставивъ влѣво непріятельскую укрѣпленную позицію. Куринцы шли въ лѣвомъ прикрытіи, слѣдовательно, со стороны, подставленной удару непріятеля. Шамиль считалъ время удобнымъ для нападенія, но такъ какъ заранѣе приготовленные имъ завалы и батареи остались далеко отъ пути нашего движенія, то вся толпа горцевъ вышла изъ окоповъ, и одна часть съ гикомъ кинулась на нашу лѣвую цѣпь, а другая заняла такъ называемые андійскіе хутора, мимо которыхъ пришлось идти колоннѣ. Настала кровавая работа для куринцевъ. По словамъ офиціальнаго документа, дѣло было до того горячее, что самъ Шамиль, съ шашкой въ рукѣ, окруженный вѣрными мюридами, вступилъ въ сѣчу съ

куринцами. Командиръ полка распоряжался ходомъ боя. Защищая цѣпью походный порядокъ колонны, князь Воронцовъ приказалъ своему резервному баталіону атаковать хутора. Успѣхъ вездѣ сопровождалъ наше нападеніе, и колонна вскорѣ вышла изъ опаснаго мѣста, и вслѣдъ затѣмъ непріятель прекратилъ преслѣдованіе.

Такимъ образомъ, въ дѣлахъ 6-го и 7-го января 1852-го года, которыя составляли въ свое время гордость чеченскаго отряда, наибольшая работа досталась куринцамъ и ихъ молодому командиру, князю С. М. Воронцову. Князь Барятинскій, донося объ этомъ дѣлѣ главнокомандующему, выражалъ полное свое удовольствіе куринцамъ, которые вытѣснили изъ хуторовъ непріятеля, много превосходившаго насъ въ силахъ и, послѣ упорнаго боя, разбили вражью рать наголову. ,,Я нахожу''—прибавлялъ генералъ-маіоръ кн. Барятинскій—,,и всѣ кавалеры ордена, бывшіе свидѣтелями боя, согласны со мной, что полковникъ князь Воронцовъ побѣдой этой пріобрѣлъ право на орденъ св. Георгія 4-го класса по 3-му пункту статута'' *). Донесеніе это было отправлено въ Петербургъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Циммерманомъ, при письмѣ главнокомандующаго къ военному министру. Старикъ Воронцовъ испрашивалъ Барятинскому орденъ св. Георгія 3-го класса, и затѣмъ собственноручно прибавилъ къ письму: ,,что касается до представленія генералъ-маіора князя Барятинскаго о пожалованіи командиру егерскаго имени моего полка, флигель-адъютанту князю Воронцову, ордена св. Георгія 4-го класса, то, какъ отецъ, не излагаю своего мнѣнія, и смѣю только препроводить оное при семъ въ подлинникѣ на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе''.

Вообще, двухдневный походъ Барятинскаго въ Автуры долго служилъ предметомъ разговора въ Россіи; многіе даже полагали, что въ эти дни нанесенъ смертельный ударъ большой Чечнѣ; Государь же на рапортѣ Барятинскаго написалъ ,,*хорошія дѣла, можно надѣяться на такія же послѣдствія; малость потерь невѣроятна*''!

---

*) За дѣло при Автуры, куринцы получили 15-ть знаковъ отличія и шесть денежныхъ наградъ.

И дѣйствительно, потери 6-го и 7-го чиселъ были ничтожны: убитъ 1 и ранено 24 нижнихъ чина, преимущественно куринцевъ [19] *).

8-го января, въ лагерѣ чеченскаго отряда былъ полный отдыхъ. Кабардинцы праздновали свой полковой праздникъ тѣмъ обычнымъ гомеровскимъ кутежемъ, на который были способны наши боевые полки въ минуты досуга. До 16-го января чеченскій отрядъ стоялъ на Аргунѣ, высылая ежедневно колонны для рубки лѣса отъ Аргуна къ мезоинскимъ хуторамъ. На этомъ пространствѣ, не смотря на ежегодныя работы съ 1850-го года, оставались еще дремучіе лѣса, скрывавшіе нашихъ враговъ. Князь Барятинскій задался мыслью совершенно очистить это пространство, чтобы кр. Воздвиженская получила прямое сообщеніе съ шалинской поляной, по подошвѣ Черныхъ горъ, оставляя влѣво извѣстный шалинскій окопъ. Рубка происходила порядкомъ, извѣстнымъ уже изъ предыдущихъ главъ; при этомъ случались перестрѣлки, но вообще чеченцы въ этомъ году поусмирѣли. Только 10-го января было крупное дѣло въ колоннѣ барона Меллера, который имѣлъ приказаніе сжечь нѣсколько ауловъ у мезоинской поляны. Въ этотъ день на рубкѣ былъ одинъ баталіонъ навагинцевъ и три баталіона кабардинцевъ, которые и вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть дня, потерявъ раненымъ маіора Трамбецкаго, 6-ть убитыхъ и 58-мь раненыхъ нижнихъ чиновъ. 13-го и 14-го на рубкѣ были куринцы,—они довершили просѣку, не имѣя перестрѣлки.

16-го числа въ лагерь чеченскаго отряда прибылъ начальникъ владикавказскаго округа генералъ баронъ Вревскій, съ 1-мъ баталіономъ эриванскаго полка. Цѣль свиданія начальника лѣваго фланга съ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ малой Чечнѣ, заключалась въ соглашеніи о предстоявшихъ дѣйствіямъ въ нагорной части малой Чечни.

Изъ доклада генерала Вольфа, приведеннаго выше по поводу

*) За взятіе андійскихъ хуторовъ, куринцы получили 12-ть знаковъ военнаго ордена.

проэкта князя Барятинскаго, извѣстно, какое значеніе придавало начальство Кавказа населенію, выселившемуся съ плоскости въ горы послѣ устройства дороги изъ Ачхоя въ Урусъ-Мартанъ и Воздвиженскую; здѣсь, въ трущобахъ, лежавшихъ въ верховьяхъ рѣкъ Гойты, Гехи, Валерика, Шалажи и другихъ, скопилось довольно многочисленное населеніе, и въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ выросли хутора и аулы, изъ которыхъ, какъ изъ засадъ, чеченцы безпокоили „русскую дорогу" и мирныхъ жителей, поселившихся подъ прикрытіемъ нашихъ укрѣпленій. Мы уже имѣли случай упомянуть, какъ тревожна была жизнь куринцевъ, составлявшихъ гарнизонъ Урусъ-Мартана. Имъ приходилось не только стеречь дорогу и сопровождать оказіи, но и прикрывать мирныхъ жителей во время ихъ полевыхъ работъ. Эту роль покровителей куринцы исполняли съ любовью, заслужившею имъ и благодарность начальства (въ приказѣ по корпусу), и доброе расположеніе кунаковъ-чеченцевъ, съ которыми они умѣли водить дружбу и хлѣбъ-соль. Въ разсказахъ старыхъ куринцевъ сохранилась память о нѣсколькихъ офицерахъ, особенно любившихъ брататься съ этими мирными, принимать ихъ къ себѣ съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ чеченцамъ правилъ этикета, и даже въ совершенствѣ владѣвшихъ ихъ языкомъ. Объ этомъ мы будемъ имѣть случай разсказать въ особой главѣ; здѣсь же упомянемъ, что вновь поселенные аулы въ верховьяхъ рѣкъ малой Чечни сдѣлались въ 1851-мъ и 1852-мъ годахъ чрезвычайно назойливыми. Экспедиціи генерала Слѣпцова раззорили много ауловъ, но и чеченцамъ не рѣдко удавалось нанести намъ ударъ; такъ, они въ 1851-мъ году, на Шалажѣ, успѣли смять арріергардъ одного отряда, а въ декабрѣ даже убили и незабвеннаго генерала Слѣпцова.

Чтобы наказать врага, князь Барятинскій, совмѣстно съ генераломъ Вревскимъ, рѣшился всѣми силами чеченскаго отряда произвести одновременные поиски къ верховьямъ Гойты и Рошни.

Вечеромъ, 17-го января 1852-года, изъ лагеря на рѣкѣ Аргунѣ выступила къ Рошнѣ колонна генерала Вревскаго, въ составѣ трехъ баталіоновъ кабардинцевъ и одного навагинцевъ, съ артилле-

ріею; другая колонна, подъ командой самого князя Барятинскаго, имѣя въ рядахъ три баталіона куринцевъ и одинъ баталіонъ эриванцевъ, со всею кавалеріею отряда и съ 6-ю орудіями, выступила ночью и направилась въ Урусъ-Мартанъ, для дѣйствія вверхъ по Гойтѣ. Остальныя части чеченскаго отряда остались на Аргунѣ. Колонны шли въ величайшей тишинѣ, и, кромѣ главныхъ начальниковъ, никто не зналъ цѣли движенія.

Дѣйствія генерала Вревскаго увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ сжегъ много ауловъ въ верховьяхъ Рошни, и хотя съ чувствительными потерями, преимущественно въ рядахъ кабардинцевъ, которые вынесли на своихъ плечахъ тяжесть похода, колонна достигла цѣли. Но такъ какъ курипцы не участвовали въ этой колоннѣ, то, не касаясь подробностей дѣйствія ея, остановимся на трудахъ колонны князя Барятинскаго.

До устарханскаго поля, лежащаго къ югу отъ Урусъ-Мартана, колонна князя Барятинскаго шла безъ приключеній; но здѣсь встрѣтила окопъ, какъ бы отдѣлявшій непокорную часть Чечни отъ мирной. Была полночь. Курипцы заняли никѣмъ не обороняемый окопъ и, продѣлавъ въ немъ проѣзды, пропустили весь отрядъ. Къ разсвѣту 18-го числа, послѣ утомительнаго ночнаго похода, колонна подошла къ ущелью, изъ котораго вытекаетъ р. Гойта, въ крутыхъ и лѣсистыхъ берегахъ. Продѣлавъ спуски и перейдя черезъ рѣку, войска прошли черезъ узкія ворота Черныхъ горъ, и взорамъ ихъ представилась обширная равнина, очищенная чеченцами отъ дремучаго лѣса и заселенная неприхотливыми импровизованными хуторами. Это и была цѣль похода. Поставивъ пѣхоту на удобной позиціи, князь Барятинскій выдвинулъ всю кавалерію, съ ракетными станками, для атаки и истребленія ауловъ.

Показанія военнаго журнала и воспоминанія генерала Ольшевскаго, участника дѣла, настолько разнорѣчивы, что трудно сдѣлать ясную характеристику кавалерійскаго дѣла, на которомъ сосредоточился интересъ дня. Результатъ былъ тотъ, что генералъ Круковскій, атаманъ казаковъ, начальствовавшій всей кавалеріей, стремительно атаковалъ хутора, между которыми огонь переносился

съ быстротой молніи. Вскорѣ вся колонна была охвачена пламенемъ; сражавшіеся перемѣшались; выстрѣлы и крики сливались въ одинъ гулъ; населеніе, захваченное врасплохъ, потянулось въ горы; казаки и драгуны бѣшено скакали во всѣ стороны. Хаосъ неимовѣрный! Въ это время убитъ генералъ Круковскій, и потребовалась помощь. Князь Барятинскій двинулъ въ пособіе казакамъ и драгунамъ 4-й баталіонъ куринцевъ, съ подполковникомъ Ушаковымъ, а полковнику Ляшенко, съ 3-мъ баталіономъ, велѣно было принять влѣво и прикрыть отступленіе.

Тутъ картина перемѣнилась; куринцы, прикрывъ своею грудью казаковъ, возвращавшихся съ тѣломъ своего атамана, остановили преслѣдовавшаго врага. Огонь усилился; окрестности вторили гулу выстрѣловъ; дымъ застилалъ всю окружность, и чеченцы съ новою энергіею насѣдали на цѣпь четвертаго баталіона. Но борьба продолжалась недолго: подоспѣли эриванцы—и истощенные чеченцы оставили преслѣдованіе.

Къ полудню колонна князя Барятинскаго возвратилась въ Урусъ-Мартанъ съ тѣлами генерала Круковскаго, четырехъ казачьихъ офицеровъ и до 15-ти нижнихъ чиновъ, и съ ранеными: куринскаго полка подпоручикомъ Хилинскимъ и до 50-ти нижнихъ чиновъ, въ числѣ которыхъ 12-ть было куринцевъ *). Къ вечеру, 19-го января, чеченскій отрядъ опять былъ въ сборѣ на Аргунѣ, къ удивленію Шамиля, который спѣшилъ на помощь малой Чечнѣ и тамъ полагалъ встрѣтиться съ отрядомъ князя Барятинскаго.

По возвращеніи войскъ изъ малой Чечни, до 1-го февраля лагерь оставался на старомъ мѣстѣ; продолжались работы по очисткѣ лѣса, и изрѣдка предпринимались набѣги. Князь Барятинскій выжидалъ удобнаго случая, чтобъ сильно наказать дагестанцевъ, причемъ начальникъ отряда былъ увѣренъ, что они не будутъ поддержаны чеченцами, между которыми уже слышался ропотъ на этихъ пришельцевъ, объѣдавшихъ страну, не обязанную давать имъ довольствіе на все время сбора. 23-го января Барятинскій атаковалъ толпы тавлинцевъ при Саитъ-Юртѣ (на Бассѣ) и, послѣ

*) За это дѣло куринцы получили 16-ть знаковъ отличія.

сильнаго пораженія, совершенно разсѣялъ ихъ. Горцы разбѣжались въ горы, унося съ собой проклятія Шамилю.

Затѣмъ до 1-го февраля отрядъ продолжалъ свои старыя работы, и совершенно очистивъ раіонъ отъ Черныхъ горъ до параллели Автуры, покинулъ насиженное лагерное мѣсто у Бани-Юрта и спустился внизъ по Аргуну къ аулу Тепли-Кичу.

Теперь отряду предстояло пробить путь отъ Грозной черезъ Мискиръ-Юртъ и Маюртупъ къ Мичику. Путь этотъ пролегалъ черезъ вѣковые лѣса, въ которыхъ непокорные чеченцы были укрыты отъ нашего оружія. Съ проведеніемъ здѣсь дороги и просѣкъ, мы уже дѣлались господами въ самомъ сердцѣ большой Чечни и получали въ свое распоряженіе кратчайшій путь между крѣпостью Грозной и укрѣпленіемъ Куринскимъ.

1-го февраля чеченскій отрядъ расположился по обоимъ берегамъ Аргуна и разореннаго аула Тепли-Кичу, близь Бердыкеля. Въ составъ отряда попрежнему входили: 1-й, 2-й и 4-й баталіоны куринцевъ, а 10-го числа прибыли еще два баталіона тенгинцевъ и четыре сотни казаковъ. Сначала отрядъ работалъ между Тепли-Кичу и Мискиръ-Юртомъ. 7-го была рекогносцировка береговъ р. Джалки; затѣмъ повалились вѣковые лѣса на правомъ берегу рѣки, и отрядъ, работая днемъ, вечеромъ возвращался въ Тепли. Вообще, жизнь въ Тепли была не утомительна: отрядъ часто отдыхалъ, погода была прекрасная, и самая жизнь близь Грозной представляла нѣкоторыя удобства. Доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, и то, что два раза на масляницѣ пріѣзжала въ лагерь „на пикникъ" жена командира Куринскаго полка, княгиня Воронцова, съ другими грозненскими дамами. Такъ продолжалось до 17-го февраля. Однако, это спокойствіе было относительное, кавказское: мы имѣли ежедневныя перестрѣлки, которыя, благодареніе Богу, не приносили куринцамъ ни унынія, ни печали. 7-го числа, при отступленіи, они имѣли нѣсколько раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ маіоръ Карповъ, да 11-го числа колонна командира тенгинскаго полка генерала Веревкина имѣла жаркое дѣло, въ которомъ однако куринцы не участвовали.

17-го числа князь Барятинскій рѣшился перенести свой ла-

геръ на Хулхулау. Оставивъ въ Тепли-Кичу три баталіона съ артилеріею, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ баталіонъ Куринскаго полка, чеченскій отрядъ выступилъ на разсвѣтѣ 17-го числа черезъ Мискиръ-Юртъ. Вскорѣ была пройдена благополучно и Джалка. Непріятель провожалъ отрядъ рѣдкими выстрѣлами. На пространствѣ между Джалкой и Хулхулау выстрѣлы учащались, а не доходя этой послѣдней рѣки версты двѣ, у аула Эманы, непріятель уже завязалъ бой съ лѣвою цѣпью, въ которой былъ баталіонъ куринцевъ, съ своимъ командиромъ. Непріятель былъ многочисленъ; оказалось, что здѣсь былъ самъ Шамиль, съ орудіями. Угадавъ намѣреніе князя Барятинскаго идти на Мичикъ, имамъ покинулъ свою позицію на Бассѣ и поспѣшно двинулся на Хулхулау; здѣсь онъ испортилъ дороги, снялъ мосты и устроилъ нѣсколько заваловъ въ лѣсныхъ чащахъ праваго берега Хулхулау и Гудермеса.

Отрядъ, вытянувшись въ длинную колонну, при приближеніи къ Хулхулау прибавилъ шагу, чтобы скорѣе добраться до рѣки; въ арріергардѣ были тенгинцы. Сначала весь ударъ непріятеля былъ направленъ на лѣвую цѣпь, и защищать нашъ походный порядокъ пришлось однимъ куринцамъ. Шагъ за шагомъ они пробивали себѣ дорогу то огнемъ, то штыкомъ; потребовалась даже и картечь. Подъ прикрытіемъ куринцевъ, авангардъ и главныя силы перешли черезъ р. Хулхулау. Тогда чеченцы насѣли на арріергардъ и приняли его въ жестокій огонь ружейный и артилерійскій. Куринцы, завладѣвъ правымъ берегомъ, остановились здѣсь, заняли позицію и, подъ прикрытіемъ своего огня, пропустили арріергардъ, перешедшій черезъ Хулхулау по колѣно въ водѣ. Дальнѣйшій маршъ продолжался по дорогѣ къ Маюртупу—цѣли движенія 17-го числа. У Гельдыгена отрядъ нѣсколько отдохнулъ и двинулся далѣе, оставивъ въ арріергардѣ кабардинцевъ, а въ лѣвой цѣпи куринцевъ.

Путь отъ Гельдыгена въ Маюртупъ былъ еще опаснѣе: здѣсь насъ ожидалъ упорный бой со всѣми силами Шамиля—притомъ, на маршѣ, по дорогѣ, перерытой канавами и топями. Вслѣдствіе утомленія куринцевъ и тенгинцевъ, въ арріергардъ назначены кабардинцы, а изъ куринскихъ баталіоновъ одинъ посланъ въ аван-

гардъ, а другой, съ кабардинцами—въ лѣвую цѣпь. Въ этомъ порядкѣ отрядъ продолжалъ движеніе къ Маюртупу. На этомъ переходѣ вся тяжесть отчаяннаго боя легла на кабардинцевъ, съ ихъ храбрымъ командиромъ барономъ Николаи. Подробное описаніе этого боя принадлежитъ исторіямъ кабардинскаго и нижегородскаго полковъ, а потому здѣсь упомянемъ только, что бой 17-го февраля окончился лишь поздно вечеромъ, и отрядъ, утомленный послѣ тридцати-верстнаго перехода съ боемъ, такъ сказать, свалился съ ногъ—и весь бивакъ, раскинувшійся вокругъ пустаго аула Маюртупа, мгновенно погрузился въ глубокій сонъ.

Долго не засыпалъ только начальникъ отряда съ своимъ штабомъ. Онъ дѣлалъ распоряженія для другого дня и снаряжалъ посыльныхъ въ Куринское укрѣпленіе, чтобы увѣдомить начальника расположенныхъ тамъ войскъ, генерала Бакланова, о своемъ приближеніи. Эта вѣсть была послана съ двумя нарочными, которые разными путями должны были пробраться черезъ расположеніе противника. Бакланову предписывалось немедленно выступить на Мичикъ и по первымъ выстрѣламъ спѣшить къ маюртупскому орѣшнику—этой западнѣ, въ которой Шамиль думалъ нанести намъ рѣшительный ударъ. Маюртупъ отдѣляется отъ Мичика всего десяти-верстнымъ разстояніемъ; но и въ то время дорога здѣсь пролегала въ лѣсу, сначала рѣдкомъ, но крупномъ, а затѣмъ по обоимъ берегамъ рѣчки Гонсаулъ тянулся такъ называемый маюртупскій орѣшникъ, до того густой, что внѣ дороги было затруднительнымъ движеніе даже пѣшихъ. На десяти-верстномъ пространствѣ приходилось переправляться черезъ нѣсколько овраговъ и сухихъ балокъ, изъ которыхъ гудермесская и особенно гонсаульская и мичикская были круты, обледенѣлы и опасны, особенно для движенія колесъ; здѣсь-то, кромѣ естественныхъ препятствій, ожидались искусственныя заграды, о которыхъ лазутчики разсказывали не мало чудесъ.

Ночлегъ въ Маюртупѣ прошелъ благополучно: ночь была холодная и ясная; кругомъ все подмерзло. Съ разсвѣтомъ, безъ барабаннаго боя и сигналовъ, отрядъ сталъ выстраиваться на берегу Гудермеса. ,,Выведены были изъ аула, разсказываетъ очевидецъ,

перевязанные, напоенные и накормленные раненые, а за ними везлись на отдѣльныхъ повозкахъ, которыхъ, по раздачѣ зарядовъ и патроновъ, было много свободныхъ, и убитые, съ тѣмъ, чтобы предать ихъ вѣчному покою не на вражьей, а на своей землѣ''.

Рано утромъ войска двинулись. Шествіе открыла кавалерія и куринцы, съ своими цѣпями; непріятель уже былъ готовъ. Раздались пушечные выстрѣлы съ двухъ кургановъ, командовавшихъ дорогой; затѣмъ затрещала ружейная пальба—и авангардъ пошелъ безостановочно, отдавъ на попеченіе цѣпи расчистку дорогъ. Въ это время послышались выстрѣлы колонны Бакланова, который ночью пробрался черезъ Мичикъ на Гонсаулъ и здѣсь ожидалъ колонну Барятинскаго. Салютъ былъ кстати: авангардъ, подгоняя повозки, благополучно вышелъ на поляну, гдѣ и соединился съ Баклановымъ. Но не такъ легко было арріергарду: кабардинцы опять принялись за старую работу и, послѣ блестящихъ атакъ и контръ-атакъ, тоже выбрались на поляну.

Теперь предстояла трудная переправа черезъ крутые обледенѣлые берега Гонсаула. Отрядъ пустилъ въ ходъ шанцевый инструментъ и, къ удивленію, не встрѣтилъ сопротивленія со стороны врага; непріятель густыми массами тянулся вдоль по Мичику, къ тому мѣсту, къ которому выходила дорога со стороны укрѣпленія Куринскаго. Здѣсь Шамиль занялъ позицію, по показанію военнаго журнала, съ 6 т. воиновъ, при 4-хъ орудіяхъ. Тѣмъ временемъ, нашъ отрядъ перешелъ черезъ Гонсаулъ и сталъ на правомъ его берегу. Бакланову было приказано атаковать позицію Шамиля, и для поддержанія его двинуть 5-й баталіонъ Куринскаго полка. Баклановъ завязалъ дѣло; вскорѣ онъ былъ поддержанъ атакой кавалеріи князя Чавчавадзе и трехъ баталіоновъ пѣхоты, а обозъ нашъ въ то же время двинулся по просѣкѣ къ качкалыковскому хребту. Значитъ, войска были уже свободны маневрировать согласно ходу боя, и здѣсь-то завязался послѣдній актъ сраженія. У Бакланова было пять баталіоновъ, въ числѣ коихъ 2-й и 4-й Куринскаго полка, вся артилерія и донской полкъ. Послѣ продолжительной перестрѣлки, когда обозъ вытянулся на

противуположномъ берегу, надо было думать объ отступленіи арріергарда. Баклановъ прежде всего двинулъ на переправу батарейныя орудія; чтобъ замаскировать это, четыре легкія орудія открыли учащенную пальбу. Когда тяжелыя пушки были уже на правомъ берегу, Баклановъ стянулъ арріергардъ и объявилъ приказаніе: по сигналу, всѣмъ, „не заботясь о порядкѣ", кинуться черезъ Мичикъ. Баклановъ прибѣгнулъ къ этому неуставному способу отступленія потому, что по движенію на непріятельской позиціи, откуда уже послышалось пѣніе предсмертныхъ гимновъ, опытный воинъ замѣтилъ приготовленіе къ послѣдней рукопашной схваткѣ. Не было никакого основанія принимать эту атаку, какъ потому, что она потребовала бы значительныхъ жертвъ, такъ и потому, что не соотвѣтствовала бы цѣли движенія отряда. уже блестящимъ образомъ исполнившаго свою программу. Поэтому, получивъ приказаніе, вся масса войскъ стремглавъ кинулась на Мичикъ—и тѣмъ закончился памятный въ исторіи кавказской войны бой 18-го февраля 1852-го года.

Поздно вечеромъ весь чеченскій отрядъ собрался въ укрѣпленіи Куринскомъ, потерявъ въ теченіе 17-го и 18-го февраля (включая и отрядъ генерала Бакланова) убитыхъ нижнихъ чиновъ 17-ть и раненыхъ: 1 штабъ-офицера, 7-мь оберъ-офицеровъ и 146-ть нижнихъ чиновъ *).

Но торжественнымъ шествіемъ съ Аргуна на Мичикъ и въ укрѣпленіе Куринское не кончилась зимняя экспедиція 1852-го года. Войска двинулись въ крѣпость Грозную черезъ аулъ Брагуны, а 25-го числа вновь вышли на Аргунъ и расположились у Устаръ-Гордоя, чтобы доканать большую Чечню раззореніемъ гурдалинскихъ хуторовъ. Дѣло началось съ рубки новыми американскими топорами. Колонны выходили на работы заведеннымъ порядкомъ и исполнили задачу почти безъ выстрѣла. 1-го марта колонна подъ начальствомъ маіора Оклобжіо (командира 1-го баталіона) работала

*) За дѣло 17-го и 18-го февраля куринцы получили 13-ть знаковъ отличія. У куринцевъ ранено 39; объ убитыхъ въ приказахъ не сохранилось свѣдѣній.

у самой гурдалинской поляны, а 2-го марта всѣ три баталіона Куринскаго полка возвратились въ свою штабъ-квартиру для отдыха. Князь Барятинскій и командиръ полка, уже украшенный за зимнюю экспедицію орденомъ св. Георгія 4-й степени, выѣхали въ Тифлисъ, гдѣ полагали остаться во время предстоящихъ праздниковъ св. Пасхи. Но отдыхъ продолжался недолго.

Въ послѣдніе два года въ населеніи Чечни происходило большое движеніе. Зимнія экспедиціи достигали цѣли: населеніе было до того стѣснено, что немирные жители массами являлись искать покровительства русскихъ войскъ; соразмѣрно съ этимъ, падалъ авторитетъ Шамиля, и интересы дня выдвинули на первый планъ вопросъ о переселенцахъ и объ устройствѣ ихъ быта. Добровольные переселенцы получали на первое время провіантъ и поселялись въ отдѣльные аулы, или при укрѣпленіяхъ, или на другихъ указанныхъ мѣстахъ. Этимъ путемъ образовались аулы Чахъ-Кери, Атаги, мартанскій и грозненскіе аулы, а также цѣлое качкалыковское наибство съ большими аулами Истису, Ойсунгуръ и др. Начальство принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы привязать этихъ новыхъ подданныхъ къ Россіи; оно дало имъ администрацію и даже собственный судъ, подъ названіемъ „мехкеме". Всѣ эти мѣры были весьма популярны: вскорѣ цѣлые немирные аулы потянулись къ намъ, и огромныя поля остались безъ обработки. Это былъ большой ударъ Шамилю, потому что въ перспективѣ предвидѣлся голодъ и невозможность собрать войско на зиму въ Чечнѣ, которая постоянно кормила его. Понятно, поэтому, что и у Шамиля явилось единственное желаніе воспрепятствовать движенію въ нашу сторону. Кромѣ строгихъ мѣръ, принятыхъ имамомъ противъ измѣнниковъ, онъ поручилъ наибамъ постоянно агитировать противъ упадшихъ духомъ, силой заставлять ихъ вспахивать поля и отъ ненадежныхъ ауловъ брать даже аманатовъ въ залогъ того, что родичи заложниковъ останутся на мѣстѣ и будутъ пахать землю. Но кромѣ этихъ мѣръ, Шамиль задумалъ учредить нѣчто въ родѣ военнаго поселенія у нашихъ границъ, и для перваго такого аула выбралъ берегъ Мичика, гдѣ въ 1852-мъ году образовался аулъ Гурдали, заселенный самыми отчаянными абреками.

Изъ изложеннаго видно, какое значеніе имѣли для Шамиля поля и посѣвы Чечни. Князь Барятинскій справедливо полагалъ, что если ему удастся въ теченіе лѣта уничтожить посѣвы оставшихся ауловъ, то этимъ самымъ онъ еще болѣе притянетъ къ себѣ переселенцевъ, а Шамиля лишитъ средствъ содержать войско въ предстоящую зимнюю экспедицію. Расчетъ былъ вѣренъ, согласовался съ обстоятельствами и принесъ богатые результаты.

И такъ, всѣ дѣйствія войскъ на лѣвомъ флангѣ въ оставшіеся мѣсяцы 1852-го года были сосредоточены на переселеніи жителей въ наши предѣлы и на уничтоженіи посѣвовъ и запасовъ, предназначавшихся для предстоящей зимы. Изъ этихъ операцій мы упомянемъ только тѣ, въ которыхъ участвовали куринцы.

Въ серединѣ марта 1852-го года, когда князь Барятинскій и командиръ Куринскаго полка были въ Тифлисѣ, къ временно завѣдывавшему лѣвымъ флангомъ генералу Меллеру-Закомельскому явилось нѣсколько чеченцевъ съ мольбой спасти ихъ родственниковъ, заточенныхъ наибомъ Талгикомъ за желаніе ихъ переселиться въ наши предѣлы. Обстоятельство это дало поводъ къ блестящему движенію трехъ баталіоновъ Куринскаго полка къ аулу Талгика, гдѣ были отбиты у наиба въ ночь на 26-е марта 1852-го года два орудія. Событіе это настолько крупно въ исторіи Куринскаго полка, что мы ему посвящаемъ ниже подробный разсказъ, опущенный здѣсь для того, чтобы не затемнять подробностями основную нашу мысль *).

Въ іюлѣ, временно командующій Куринскимъ полкомъ, полковникъ Ляшенко, исполняя волю князя Барятинскаго, сдѣлалъ два набѣга для уничтоженія посѣвовъ: первый—7-го іюля на Гойту, а второй—27-го и 28-го къ мезоинскимъ полямъ, къ Белгатою и Шали. Во время этихъ движеній куринцы, съ кавалеріею, вытоптали огромныя поля кукурузы и сожгли большую массу сѣна, потерявъ одного убитаго и пять раненыхъ егерей. Особенно большое количество запасовъ и посѣвовъ уничтожено съ 10-го по 15-е августа, когда по всей большой Чечнѣ двигались взадъ и впередъ

*) Глава XVI.

нѣсколько колоннъ, подъ общимъ руководствомъ самого Барятинскаго. Движеніе началось колонною командира Куринскаго полка князя Воронцова къ мезоинскимъ полямъ. Въ теченіе трехъ дней войска наши посѣтили Шали, Гельдыгенъ, Автуры и другія мѣста, занимаясь исключительно срѣзываніемъ и вытаптываніемъ на корнѣ неубранныхъ хлѣбовъ и уничтоженіемъ огромнаго количества сѣна. Непріятель не могъ помѣшать нашимъ войскамъ, которыя хотя и не обошлись безъ перестрѣлокъ *), но не имѣли большихъ дѣлъ, за исключеніемъ: несчастнаго дѣла Бакланова, съ кабардинцами, на Мичикѣ, гдѣ былъ неудачный штурмъ аула Гурдали; молодецкаго, но безполезнаго движенія 15-го августа куринцевъ въ аргунское ущелье и занятія ханкальскихъ ауловъ въ декабрѣ.

Разсказъ о движенія 15-го августа въ аргунское ущелье, равно какъ объ умиротвореніи ханкальскаго ущелья въ декабрѣ 1852-го года, какъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ которыхъ участвовали одни куринцы, мы откладываемъ до слѣдующей 16-й главы; здѣсь же замѣтимъ прежде всего, что 1-го октября командиръ Куринскаго полка флигель-адъютантъ князь Воронцовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и зачисленъ въ свиту Его Величества; 20-го октября онъ выѣхалъ изъ полка, и съ этихъ поръ фактическое командованіе принялъ командиръ 4-го баталіона полковникъ Лященко, который назначенъ командиромъ полка Высочайшимъ приказомъ 13-го марта 1853-го года **).

Какъ видно изъ послѣдующаго, всѣ дѣйствія князя Барятинскаго въ 1852-мъ году служили подготовленіемъ для зимней экспедиціи января 1853-го года, когда довершена имъ просѣка и большая дорога, соединяющая крѣпости Воздвиженскую и Грозную съ

---

*) Въ перестрѣлкахъ 11-го и 14-го августа куринцы имѣли нижнихъ чиновъ убитымъ одного и ранеными 21.

24-го августа князь Барятинскій отдалъ слѣдующій приказъ: „за быстроту, съ которой войска прибыли на мой призывъ, за труды и храбрую ихъ службу, совершенные 11-го, 12-го и 13-го августа, мое всегда привычное для нихъ спасибо“...

**) Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о князѣ Воронцовѣ см. въ приложеніи.

кумыкскою плоскостью через Мичикъ и укр. Куринское. Эта зимняя экспедиція была продолженіемъ предыдущей и довершеніемъ плановъ начальника лѣваго фланга, который имѣлъ всѣ средства для того, чтобы окончить свои начинанія, несмотря на то, что и Шамиль напрягалъ всѣ свои силы, чтобы мѣшать имъ. Въ началѣ 1853-го года, имамъ собралъ дружины девятнадцати наибовъ, съ силами болѣе 10 т. человѣкъ, и поджидалъ своего молодого соперника на Мичикѣ, не зная еще, съ какой стороны двинется Барятинскій—со стороны Маюртупа или Куринскаго.

Князь Барятинскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи 12-ть баталіоновъ, 11-ть эскадроновъ и сотенъ и до 30-ти орудій; но онъ не торопился открывать военныхъ дѣйствій, справедливо расчитывая, что промедленіе только утомитъ врага, лишеннаго возможности кормиться насчетъ раззоренныхъ жителей. Войскамъ, стянутымъ въ Грозной и въ Куринскомъ укрѣпленіи, велѣно было быть въ полной готовности, чтобы двигаться куда прикажутъ; только тогда, когда послѣдовало приказаніе грозненскимъ колоннамъ двигаться къ Умаханъ-Юрту, стало ясно, что зимняя экспедиція начнется съ кумыкской плоскости. 27-го января войска, собранныя въ Грозной, въ числѣ 8-ми баталіоновъ, 7-ми сотенъ и 24-хъ орудій, въ составѣ которыхъ были 2-й, 3-й и 4-й баталіоны куринцевъ, двинулись въ походъ. Устроивъ мостъ черезъ Сунжу, колонна пришла въ Истису, гдѣ была встрѣчена самимъ княземъ Барятинскимъ, окончательно остановившимся на мысли двигаться на Мичикъ не по старой просѣкѣ, гдѣ ожидалъ насъ Шамиль, а по другой—черезъ гассанвинское ущелье къ хоби-шавдонскому перевалу, выходящему на флангъ непріятельскихъ укрѣпленій и лежащему къ западу отъ укрѣпленія Куринскаго. Для рекогносцировки этого перевала грозненская колонна была двинута съ дороги же отъ Истису. Послѣ осмотра мѣста и двухдневныхъ работъ она возвратилась въ Куринское и стала готовиться къ атакѣ Шамиля.

Непріятель стоялъ на полянѣ лѣваго весьма обрывистаго берега Мичика, растянувъ свои засѣки и завалы почти непрерывно болѣе чѣмъ на версту. Кругомъ площадки разстилался густой лѣсъ, по которому проходили дороги въ Маюртупъ и Гурдали. На пра-

вомъ флангѣ, въ лѣсу, отдѣльно отъ заваловъ, на возвышенномъ мѣстѣ, было старое укрѣпленіе Шуаибъ-Капа, а затѣмъ тянулся опять густой лѣсъ, къ которому шла тропа, выходившая на поляну со стороны Маюртупа. Къ западу, къ сторонѣ Гурдали, былъ тоже лѣсъ, укрѣпленный засѣками. Старая засѣка, вырубленная русскими, и дорога, шедшая изъ укрѣпленія Куринскаго, спускались къ Мичику и упирались въ рѣку посерединѣ непріятельскаго фронта. Подъемы на лѣвый берегъ были уничтожены, и оставался лишь одинъ обрывъ до четырехъ сажень высоты. Брать эту позицію ударомъ въ лобъ было трудно. Кромѣ опасности этого маневра, намъ грозилъ, даже въ случаѣ успѣха, значительный уронъ, и потому князь Барятинскій рѣшилъ штурмовать позицію Шамиля съ фронта только частью силъ, направивъ другую въ обходъ его праваго фланга. Но предварительно нужно было оттянуть хоть часть силъ непріятеля отъ главной позиціи; для этого чеченскій отрядъ сталъ открыто разработывать дорогу по Хоби-Шавдону, и когда непріятель поддался обману и выдѣлилъ влѣво значительную часть силъ, князь Барятинскій рѣшился атаковать Шамиля 17-го февраля.

Обходная колонна была поручена генералу Бакланову. Этотъ опытный генералъ, бывшій начальникомъ войскъ на кумыкской плоскости, лучше другихъ зналъ мѣстность и былъ хорошо извѣстенъ своими бѣшеными набѣгами на Чечню. Въ обходную колонну поступила почти вся кавалерія съ конной артилеріей и три баталіона куринцевъ, подъ командой „испытаннаго въ бою“ полковника Ляшенко. Самая трудная часть задачи состояла въ томъ, чтобы пробраться въ тылъ Шамиля, не будучи имъ замѣченнымъ. Для этого необходимо было знать, какія силы расположены въ лѣсу близъ Шуаибъ-Капа, и можно ли пройти здѣсь скрытно, по густому лѣсу. Секретные распросы не привели ни къ чему; понадобился осмотръ мѣста черезъ своихъ; эту задачу исполнилъ урядникъ донскаго Бакланова полка Скопинъ. Этотъ удалецъ три ночи сряду ползкомъ пробирался на лѣвый берегъ Мичика и наконецъ отыскалъ тропу и далъ знать, что лѣсъ на правомъ флангѣ позиціи Шамиля не занятъ. Получивъ эти свѣдѣнія, князь Ба-

рятинскій направилъ туда обходную колонну, приказавъ Бакланову стараться выдти на поляну около 11-ти часовъ дня 17-го февраля, т. е. ко времени, когда предполагалось двинуть впередъ штурмовую колонну барона Николаи. Утро 17-го февраля застало оба лагеря въ обыкновенномъ видѣ. Обычная перестрѣлка велась, какъ и наканунѣ. Въ 7-мь часовъ Шамиль видѣлъ, какъ изъ нашего лагеря повели коней на водопой, и оставался въ убѣжденіи, что въ этотъ день не предстоитъ ничего особеннаго. Въ 8-мь часовъ, какъ нарочно, окрестности заволокло туманомъ. Въ это время Баклановъ, подхвативъ драгунъ и казаковъ, выступилъ въ Куринское, присоединилъ къ колоннѣ свой полкъ и, перекрестясь, двинулся въ трудный походъ. Куринцы шли за кавалеріей, „не отставая отъ коней"; дороги шли по лѣсу, гдѣ едва замѣтная тропинка извивалась между вѣковыми деревьями; коней за Мичикомъ пришлось вести въ поводу. Пѣхота, приставленная къ пушкамъ, почти все время тащила артилерію на рукахъ; съ величайшими трудностями и съ замираніемъ сердца тянулись люди, боясь наткнуться на какого либо запоздалаго путника. Но, къ счастью, никого не встрѣтили, и колонна стала выбираться на поляну. У опушки она подтянулась и затѣмъ, какъ изъ земли, выросли русскіе солдаты въ тылу Шамиля; Баклановъ далъ знать о своемъ прибытіи залпомъ изъ орудій. Этотъ залпъ былъ сигналомъ къ атакѣ кабардинцевъ, долженствовавшихъ штурмовать позицію непріятеля.

Шамиль, ошеломленный появленіемъ Бакланова, прежде всего сталъ увозить орудія. Толпы непріятеля смѣшались и не могли устоять противъ кабардинцевъ, со всѣхъ сторонъ карабкавшихся на бруствера—и вскорѣ намъ оставалось только преслѣдовать бѣгущаго врага. Задачу эту прекрасно выполнила кавалерія Бакланова, а на долю пѣхоты осталось разрушить непріятельскія укрѣпленія и устроить удобные спуски и подъемы къ Мичику.

Занятіемъ лѣваго берега не ограничилось дѣло 17-го февраля: наши войска заняли и всѣ аулы, бывшіе на Мичикѣ и Гонсаулѣ, а къ вечеру отрядъ торжествовалъ большую побѣду. Съ этихъ поръ до роспуска отряда т. е. до 9-го марта, войска чеченскаго отряда рубили просѣки, устраивали дороги и раззоряли хутора. Кромѣ

того, на Гонсаулѣ было возведено полевое укрѣпленіе на одинъ баталіонъ, и пѣхота наша поочередно караулила поляну Мичика, пока работы были доведены до конца *).

Съ этихъ поръ расчеты съ большой Чечней въ офиціальныхъ сферахъ считали оконченными, и князь Барятинскій выразилъ свой взглядъ на положеніе нашего дѣла на лѣвомъ флангѣ слѣдующимъ образомъ:

„Качкалыковскій хребетъ не существуетъ; широкая просѣка или, правильнѣе говоря, обширная поляна, открытая послѣ мѣсячнаго упорнаго труда, въ вѣковыхъ лѣсахъ гассанвинскаго ущелья и хоби-шавдонскихъ высотъ, обезпечиваетъ навсегда свободное сообщеніе кумыкскихъ владѣній съ большою Чечнею, даже для малыхъ отрядовъ... Надобно быть на хоби-шавдонскихъ высотахъ, чтобы оцѣнить всю важность этой позиціи, и убѣдиться, что, утвердившись здѣсь, мы какъ бы господствуемъ надъ всею большою Чечнею, и что даже грозный до того Мичикъ также для насъ не существуетъ".

Далѣе князь Барятинскій указываетъ на необходимость постройки башни или укрѣпленія на Хоби-Шавдонѣ, взамѣнъ Куринскаго, утратившаго свое значеніе. „Въ настоящее время, продолжаетъ онъ, съ удаленіемъ отряда, чеченцы, конечно, могутъ снова испортить спуски, но послѣ совершеннаго уничтоженія всѣхъ ауловъ, служившихъ оплотомъ берегамъ Мичика—переправа не представляетъ уже тѣхъ затрудненій, которыя не удержали войска 17-го февраля. Не одно успѣшное занятіе двухъ трудныхъ позицій почти безъ пролитія крови и усердное истребленіе лѣсовъ и ауловъ составляютъ послѣдствія военныхъ дѣйствій сего года: настоящее положеніе края приводитъ къ заключенію, что многочисленное населеніе всей большой Чечни, начиная отъ Аргуна и Сунжи до качкалыковскаго хребта и Черныхъ горъ Ичкеріи, доведенное до крайности, должно покинуть обитаемыя имъ мѣста и искать спа-

*) За зимнія экспедиціи $18^{52}/_{53}$-го годовъ полкъ получилъ 49-ть знаковъ отличія.

Потери куринцевъ, къ сожалѣнію, не объявлены въ приказахъ по полку.

сенія или въ нашихъ предѣлахъ, или пріютиться на неприступныхъ и лѣсистыхъ тѣснинахъ, оставивъ свои богатыя пастьбища и поля.

,,Исполняя въ строгомъ смыслѣ указанія его свѣтлости г-на главнокомандующаго, я, въ прошедшемъ году, разновременными движеніями въ теченіе лѣта, старался, съ одной стороны, воспользоваться преимуществами предыдущей экспедиціи и облегчить наступательныя дѣйствія въ настоящую зиму. Истребляя по возможности всѣ запасы чеченцевъ, я въ то же время дѣлалъ заготовленіе сѣна и продовольствія въ Воздвиженской, Грозной, Умаханъ-Юртѣ и Куринскомъ, чтобы имѣть возможность съ одинаковымъ удобствомъ принять каждый изъ этихъ пунктовъ за базисъ наступательныхъ дѣйствій, и черезъ эти предварительныя мѣры привести предводителей горцевъ въ недоразумѣніе.

,,Усилія наши со стороны Аргуна въ прошедшіе годы имѣли послѣдствіемъ, что все пространство отъ этой рѣки до Джалки осталось совершенно необитаемымъ. Частъ жителей перешла къ непріятелю, а другая поселилась подъ нашими укрѣпленіями, гдѣ нашла обезпеченное содержаніе казеннымъ провіантомъ до совершеннаго ихъ водворенія, защиту нашего оружія и упроченіе правъ своихъ подъ покровительствомъ народнаго судилища мехкеме. Открытіе теперь въ удобномъ мѣстѣ просѣки черезъ качкалыковскій хребетъ не позволяетъ непокорнымъ чеченцамъ жить по Мичику, Гонсаулу и по правому берегу Гудермеса. Легко представить, что при этихъ обстоятельствахъ коренные жители большой Чечни, находя весьма мало ручательствъ въ прочности къ обезпеченію будущности своихъ семействъ, пришли въ уныніе, и что тайные переговоры главнѣйшихъ ихъ старшинъ со мною о покорности и переселеніи въ наши предѣлы усилились...

,,Шамиль созвалъ на совѣщаніе почетнѣйшихъ изъ чеченцевъ и, признавая положеніе ихъ затруднительнымъ, сознаваясь даже, что они не могутъ жить на прежнихъ мѣстахъ своихъ, предлагалъ для ихъ спасенія два средства: покориться намъ или перейти въ Черныя горы. Переговоры, направляемые самимъ хитрымъ возмутителемъ, имѣли результатомъ, что всѣ старшины, хотя противъ

воли и убѣжденія своего, должны были объявить общее согласіе откочевывать въ Черныя горы. Исполненіе этой мѣры не заставило себя ждать. Расположивъ сильные караулы по Джалкѣ, Сунжѣ и Гудермесу, дабы никого не выпустить въ наши предѣлы, Шамиль послалъ сильныя партіи во всѣ чеченскіе аулы, съ тѣмъ, чтобы выселять ихъ въ горы, и уполномочилъ наибовъ предавать смерти всѣхъ, кто будетъ противиться этому. Переселеніе началось 7-го марта: цвѣтущая многочисленнымъ населеніемъ и богатая произведеніями природы плоскость большой Чечни обращается въ пустыню, и все пространство отъ такъ называемой русской дороги до Аргуна и Сунжи, по объявленію самого Шамиля, должно быть добровольно предоставлено нашей власти...

,,Настоящее положеніе большой Чечни можно сравнить съ положеніемъ малой, а потому можно сдѣлать соотвѣтственныя заключенія о томъ, что должно ожидать отъ насильственнаго переселенія жителей въ горы. Нѣтъ сомнѣнія, что только одни упорные защитники религіозныхъ убѣжденій останутся въ горахъ; большая часть жителей, конечно, будетъ стараться избѣгнуть преслѣдованія гнетущей ихъ власти и поселиться въ нашихъ предѣлахъ.

,,Еще въ прошедшемъ году, предвидя результаты, которыхъ теперь мы достигаемъ, я, по приказанію г-на главнокомандующаго, началъ приготовлять удобный пріютъ чеченцамъ на кумыкской плоскости. Опасность войны и безводіе дѣлали до сего край отъ качкалыковскаго хребта до аула Энгель-Юрта и рѣки Аксая совершенно необитаемымъ. Первый опытъ къ заселенію его покорными чеченцами былъ сдѣланъ также въ прошедшемъ году, водвореніемъ аула Истису на самомъ качкалыковскомъ хребтѣ. Затѣмъ, я приступилъ къ проложенію ирригаціонныхъ канавъ отъ Гудермеса къ Тереку и отъ Аксая къ Кара-су, долженствующихъ оросить и сдѣлать плодотворными покинутыя земли. Канавы эти, вѣроятно, скоро заселятся аулами, кои, образуя новыя оборонительныя линіи, дозволятъ намъ упразднить нѣкоторые посты въ тылу ихъ, какъ напримѣръ, постъ Карасинскій, подвижной резервъ котораго усилитъ передовыя укрѣпленія.

,,Вотъ окончательные результаты этой экспедиціи: переселені-

емъ жителей въ горы, Шамиль ясно выразилъ свои мысли и указалъ на мрачную будущность, ожидающую чеченцевъ подъ его управленіемъ. Открывъ имъ глаза въ томъ, что не можетъ ихъ защитить, онъ отнялъ у нихъ всякую увѣренность въ неприступности ихъ жилищъ, и насильственно заставляя отказаться отъ обширныхъ и плодородныхъ полянъ, предоставляетъ имъ лишь лѣсистыя тѣснины Черныхъ горъ, гдѣ, укрывшись отъ нашихъ войскъ, они едва ли найдутъ условія, необходимыя даже для бѣднаго существованія. Съ удаленіемъ нашего отряда, конечно, разсѣется нѣсколько страхъ чеченцевъ и, безъ сомнѣнія, они употребятъ всѣ усилія, чтобы снова испортить берега Мичика—и Шамилю останутся на выборъ двѣ мѣры: вопервыхъ, онъ можетъ продолжать начатое переселеніе, съ тѣмъ, чтобы, сгустивъ населеніе Черныхъ горъ, увеличить число защитниковъ къ доступамъ въ Ведено, и стараться всѣми средствами препятствовать частнымъ переселеніямъ чеченцевъ въ наши предѣлы. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого было бы, что опустѣлый край остался бы совершенно въ нашей власти,— выгода важная и неоспоримая, и Шамилю едва ли бы удалось удержать чеченцевъ на земляхъ имъ вновь указанныхъ. Большая часть изъ нихъ, удаляясь противъ воли отъ могилъ праотцевъ своихъ, тайно зарывала лучшіе пожитки, въ надеждѣ или вернуться къ своимъ пепелищамъ, или выбѣжать къ намъ.

,,Другая мѣра, которую можетъ избрать Шамиль, состоитъ въ томъ, чтобы дозволить чеченцамъ вернуться назадъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны; но при этомъ, кто изъ чеченцевъ не пойметъ, что это лишь временная для нихъ льгота, что рано или поздно имъ придется разстаться навсегда съ любимыми и родными мѣстами, и, при первомъ появленіи нашихъ войскъ, ихъ снова, съ большимъ ущербомъ въ хозяйствѣ, заставятъ откочевать въ горы? Эта шаткость ихъ положенія, эта необходимость быть всегда на кочевой походной ногѣ, не заставятъ ли каждаго семьянина подумать о будущности, и не предпочтетъ ли онъ спокойную жизнь подъ управленіемъ русскихъ, опасностямъ, тревогамъ и тираническому господству Шамиля?

,,Поэтому, при возвращеніи жителей, я смѣло могу расчитывать

на очень большое число переселенцевъ,—такъ что можно съ увѣренностью сказать, что участь, постигшая малую Чечню, скоро ожидаетъ и большую. А если Шамиль удержитъ чеченцевъ въ Черныхъ горахъ, то мы безпрепятственно овладѣемъ значительною частью непокорнаго края, важною въ особенности въ томъ отношеніи, что она служила всегда житницею горъ,—и частыя переселенія многихъ семействъ не могутъ быть прекращены''.

XVI.

Взятіе куринцами аула Талгика и отбитіе у наиба двухъ орудій. Набѣгъ въ аргунское ущелье 15-го августа 1852-го года. Движеніе въ ханкальское ущелье 14-го декабря 1852-го года и взятіе аула Сюринъ-Корта. Куринцы на смотру шефа въ августѣ 1852-го года. Характеристика Куринскаго полка и его офицеровъ въ пятидесятыхъ годахъ.

О такихъ событіяхъ, какъ взятіе куринцами у наиба Талгика двухъ орудій, набѣгъ въ аргунское ущелье, да овладѣніе ханкальскимъ ущельемъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ разсказовъ очевидцевъ, и потому принуждены ограничиться почти исключительно офиціальными донесеніями, которыя, къ счастью, вмѣщаютъ въ себѣ довольно обстоятельныя описанія этихъ интересныхъ событій.

Какъ мы знаемъ изъ предыдущей главы, командовавшій войсками лѣваго фланга кн. А. И. Барятинскій, послѣ зимней экспедиціи 1851—52-го годовъ, уѣхалъ въ Тифлисъ, оставивъ за себя генерала Меллера-Закомельскаго; командиръ Куринскаго полка

флигель-адъютантъ князь Воронцовъ также уѣхалъ въ отпускъ, передавъ командованіе полкомъ старшему по себѣ въ полку полковнику Ляшенко. Эти лица сдѣлались героями событія, о которомъ Меллеръ донесъ шефу полка отъ 29-го марта 1852-го года слѣдующее:

„По окончаніи зимней экспедиціи многіе жители немирныхъ ауловъ, видя безполезнымъ борьбу ихъ съ нами, изъявили желаніе переселиться съ покорностью въ наши предѣлы, но бдительный и подозрительный наибъ большой Чечни Талгикъ, предугадывая ихъ желаніе, предупреждалъ исполненіе ихъ намѣренія взятіемъ съ почетнѣйшихъ семействъ аманатовъ. Не довольствуясь всѣми мѣрами предосторожности, онъ ѣздилъ къ Шамилю, просилъ его прибыть въ Чечню и присутствіемъ своимъ удержать колеблющійся народъ въ повиновеніи; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ Шамиля выслать въ Чечню значительныя партіи тавлинцевъ для предполагаемыхъ работъ, имѣвшихъ одну цѣль, чтобы лишить возможности чеченцевъ переселиться къ намъ. Шамиль, склонясь на просьбу Талгика, назначилъ день прибытія своего въ Чечню, въ его аулъ, и именно 27-го числа сего мѣсяца; тавлинцевъ же для предполагаемыхъ работъ обѣщалъ выслать въ то время, какъ только завѣдывающій у него работами Юсуфъ-Гаджи окончитъ возложенныя на него работы въ Дагестанѣ и будетъ имѣть возможность заняться оными въ Чечнѣ. Узнавъ всѣ эти подробности, рѣшился я предупредить прибытіе Шамиля въ аулъ къ наибу Талгику, раззоривъ оный до основанія. Вслѣдствіе этого, предписавъ секретно воинскому начальнику укр. Урусъ-Мартанскаго *) прибыть въ кр. Воздвиженскую, 26-го числа, съ двумя ротами 4-го баталіона егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ, самъ же я, того же числа, выступилъ изъ крѣпости Грозной, съ двумя ротами 5-го баталіона того же полка, двумя ротами линейнаго № 10-го баталіона и однимъ орудіемъ, въ крѣпость Воздвиженскую. По прибытіи моемъ туда, дабы объяснить неожиданный мой пріѣздъ, я объявилъ старшинамъ чахкеринскихъ и атагинскихъ ауловъ, явившимся ко мнѣ, что прибылъ на нѣсколько часовъ и на

*) Полковникъ Ляшенко.

ночлегъ ѣду въ укрѣпленіе Урусъ-Мартанъ, для чего вызвалъ заблаговременно войска оттуда.

,,Въ 6-ть часовъ вечера я приказалъ баталіону, прибывшему со мною изъ крѣпости Грозной, занять всѣ караулы въ крѣпости Воздвиженской, а 1-му, 2-му и 3-му баталіонамъ и двумъ ротамъ 4-го баталіона егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, при 4 легкихъ и двухъ горныхъ орудіяхъ 5-й легкой батареи 20-й артилерійской бригады, и 3 сотнямъ донскаго казачьяго № 19-го полка назначилъ быть совершенно готовыми къ движенію, выстроенными на правомъ берегу Аргуна, на второмъ уступѣ, къ 9-ти часамъ вечера. Въ сей же часъ предпринялъ я движеніе съ симъ отрядомъ въ большую Чечню. Желая по возможности скрыть движеніе наше, заботливостью командира 5-й легкой батареи подполковника Янова, колеса орудій и ящиковъ обмотаны были паклею. При приближеніи моемъ къ отведенной рѣкѣ Бассу, гдѣ каменистый грунтъ могъ бы при переправѣ измѣнить нашему предпріятію, выслалъ впередъ команду съ прапорщикомъ Ипполитовымъ и, подъ ея прикрытіемъ, нѣсколько повозокъ съ сѣномъ и съ соломой, приказавъ прапорщику Лауданскому устроить переправу, наваливъ сей соломы и сѣна, дабы, при переходѣ войскъ, артилеріи, кавалеріи и повозокъ, не было бы ни малѣйшаго шума. Все сіе было исполнено чрезвычайно удачно, ибо отрядъ переправился черезъ Бассъ совершенно незамѣченнымъ, не взирая на бикеты чеченскіе, которые во многихъ мѣстахъ были расположены. Перейдя черезъ Бассъ, повернулись мы направо къ горамъ, по направленію къ аулу наиба Талгика и, пройдя такимъ образомъ верстъ восемь по раззореннымъ ауламъ и по богато засѣяннымъ полямъ, достигли мы лѣса, который служилъ доселѣ вѣрнымъ оплотомъ аулу наиба. Лѣсъ этотъ былъ бы удобопроходимымъ, еслибы не было въ ономъ по всѣмъ направленіямъ вырубленныхъ и наваленныхъ чинаревыхъ деревьевъ, заграждающихъ всѣ пути; въ этомъ лѣсу мы были открыты бикетами, выставленными отъ ауловъ, которые возвѣстили ружейными выстрѣлами и крикомъ о нашемъ приближеніи. Не взирая, что еще была ночь, я рѣшился, чтобы не дать времени опомниться наибу, атаковать немедленно аулъ его, для

чего, оставивъ полковника Ляшенко у самаго входа въ лѣсъ, на полянѣ, съ 3-мъ баталіономъ и двумя ротами 4-го баталіона, при 4-хъ легкихъ орудіяхъ и 3-хъ сотняхъ донскихъ казаковъ, съ приказаніемъ: не пропускать непріятеля, спѣшившаго намъ въ тылъ и на помощь горцамъ, я изъ 1-го и 2-го баталіоновъ выстроилъ карре, имѣя въ каждомъ фасѣ по 2 роты, построенныхъ въ ротныхъ колоннахъ, а въ заднемъ два горныхъ орудія, и поручилъ командованіе фасами: переднимъ, состоявшимъ изъ 1-й карабинерной и 1-й егерской ротъ, маіору Оклобжіо, правымъ—изъ 2-й и 3-й егерскихъ ротъ, маіору Рознатовскому, лѣвымъ—изъ 5-ой и 6-ой егерскихъ ротъ, маіору Охлебинину, заднимъ фасомъ изъ 2-й и 4-й карабинерныхъ ротъ—капитану Руденкѣ. Затѣмъ, повелъ карре сіе чрезъ лѣсъ, и, не взирая на всѣ препятствія, встрѣченныя нами при переходѣ онаго, и на выстрѣлы непріятельскіе, на которые мы не отвѣчали, пробѣжали мы бѣгомъ, достигнувъ, наконецъ, аула, который также находится въ лѣсу и огражденъ глубокимъ рвомъ и землянымъ валомъ, имѣя одни только укрѣпленныя ворота, въ кои ворваться намъ было минутнымъ дѣломъ. Здѣсь маіоръ Оклобжіо, исполняя въ точности данныя ему приказанія, не обращая вниманія и не отвѣчая на ружейные непріятельскіе выстрѣлы, производимые по его фасу изъ сакль, пустился бѣгомъ съ ввѣреннымъ ему фасомъ черезъ весь аулъ до конца онаго, имѣя у себя отличныхъ помощниковъ: храбраго командира 1-й карабинерной роты капитана Мансурадзева и командовавшаго застрѣльщичьимъ взводомъ подпоручика Николева. Въ концѣ аула находился укрѣпленный дворъ наиба Талгика. Одновременно съ движеніемъ передняго фаса, боковые и задній фасы занимали аулъ и предавали его огню и раззоренію. Тщетно наибъ Талгикъ въ первыя минуты думалъ защищаться въ укрѣпленной своей оградѣ, ибо для егерей вскочить за ограду и взломать укрѣпленныя ворота было дѣломъ минутнымъ. Видя наше приближеніе, Талгикъ, съ семействомъ, искалъ свое спасеніе въ позорномъ бѣгствѣ въ лѣсъ. Маіоръ Оклобжіо, не отступая нисколько отъ даннаго ему порученія, и не обращая вниманія на бѣгство наиба, кинулся на хранившіяся тутъ два орудія, перекололъ находившихся при оныхъ мюридовъ, защищавшихъ пушки, и овладѣлъ

обоими орудіями и значкомъ наиба Талгика; одно изъ орудій 6-ти-фунтовое, легкое, а другое горное, оба съ передками, наполненными снарядами. Отправивъ орудія сіи на людяхъ изъ аула черезъ лѣсъ къ колоннѣ полковника Ляшенко, гдѣ находились взятыя на этотъ случай лошади, и уничтоживъ значительные запасы пороха и снарядовъ, бывшихъ во дворѣ наиба Талгика, маіоръ Оклобжіо предпринялъ, по приказанію моему, обратное движеніе съ передними и боковыми фасами. Пропустивъ боковые фасы уже по дорогѣ за задній, я приказалъ ротамъ симъ слѣдовать черезъ лѣсъ, который былъ занятъ цѣпями 3-го баталіона, имѣя по 2 роты въ каждой цѣпи, согласно отданнаго мною приказанія полковнику Ляшенко. Когда передній фасъ маіора Оклобжіо дошелъ до задняго, который все время, не трогаясь еще съ мѣста, находился у входа въ аулъ, и обошедши оный, сталъ во второй линіи, тогда я, препоручивъ составленный такимъ порядкомъ арріергардъ въ командованіе маіора Оклобжіо, приказалъ ему, равно и цѣпямъ 3-го баталіона, отступать немедленно; самъ же отправился къ колоннѣ полковника Ляшенко, гдѣ, перестроивъ войска въ новый порядокъ и поставивъ въ головѣ колонны, позади казаковъ, 1-й баталіонъ, съ двумя легкими орудіями, а за ними взятыя нами два орудія непріятельскія и значекъ, потомъ 2-й баталіонъ, съ двумя горными орудіями, и въ самомъ арріергардѣ двѣ роты 4-го баталіона, съ двумя легкими орудіями, поручилъ уже командованіе арріергардомъ, состоявшимъ изъ 6-ти ротъ при 4-хъ орудіяхъ, полковнику Ляшенко; въ правой и лѣвой цѣпи я оставилъ по двѣ роты 3-го баталіона. Собравшійся въ значительныхъ силахъ непріятель, горя желаніемъ отбить обратно взятыя нами орудія, напрасно покушался неоднократно прорваться черезъ боковыя наши цѣпи и насѣдалъ крѣпко на арріергардъ нашъ, ибо всѣ попытки его остались тщетными. Такъ будучи преслѣдованы непріятелемъ, достигли до р. Басса, гдѣ непріятель, убѣдившись, что всѣ его покушенія безполезны, прекратилъ съ нами бой. Давъ кратковременный отдыхъ войскамъ на Шавдонѣ, отрядъ возвратился въ крѣпость Воздвиженскую въ часъ дня. Трофеями сего дня были два орудія, значекъ наибскій и 10-ть человѣкъ плѣнныхъ, изъ коихъ двое освобождены нами

изъ ямы, гдѣ содержались они въ тяжелыхъ цѣпяхъ для казни, которая назначена была имъ 27-го числа, за то, что имѣли желаніе переселить родственниковъ къ намъ.'

,,Честь и слава сего дня принадлежитъ исключительно баталіонамъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка: они ворвались въ аулъ, взяли орудія, взяли значекъ и взяли плѣнныхъ; но и потерю понесли преимущественно они одни: у нихъ убитъ командиръ 3-й егерской роты поручикъ Чесноковъ, тяжело ранены: капитанъ Руденко, прапорщикъ Мессарожъ, легко—прапорщики Ипполитовъ и Ушаковъ; нижнихъ чиновъ убито 16-ть, ранено 103; контужено: оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 47-мь. Храбрый командиръ легкой № 5-го батареи подполковникъ Яновъ, находившійся въ арріергардѣ, при отступленіи, съ двумя горными орудіями, тяжело раненъ, равно какъ и командиръ сего взвода подпоручикъ Рычковъ; донскаго казачьяго № 19-го полка ранено 3 казака. Лошадей убито: егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка 3, донскаго № 19-го полка 2, 5-й легкой батареи 5-ть; ранено у казаковъ 10-ть и въ артилеріи 3.

,,Долгомъ считаю при этомъ засвидѣтельствовать—пишетъ въ концѣ рапорта генералъ Меллеръ-Закомельскій—объ особенномъ усердіи, опытности и храбрости состоящаго при мнѣ переводчика маіора Пензулаева. Ему препоручено было, по случаю нахожденія моего въ кр. Грозной, вести окончательные переговоры съ указателями дорогъ, разузнать всѣ препятствія, которыя мы могли бы встрѣтить, дабы я заблаговременно могъ принять мѣры къ ихъ отстраненію. Онъ, находясь съ проводникомъ въ переднемъ фасѣ, велъ и указывалъ путь нашимъ храбрымъ егерямъ къ столь блистательному подвигу. Результатъ дня служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ войска всѣ единодушно исполнили свой долгъ, но, къ чести и нравственности нижнихъ чиновъ не могу умолчать, что, бывъ предупреждены мною щадить женщинъ и дѣтей, не увлекаться за добычей и не искать другого, какъ только два орудія и значекъ, они исполнили приказанія сіи съ совершенно благороднымъ безкорыстіемъ: не искавъ добычи, всѣ кинулись къ орудіямъ и пороховымъ запасамъ, и только примѣрному усердію ихъ обязанъ я, что

орудія сіи, на разстояніи трехъ верстъ, по аулу, объятому пламенемъ, по лѣсу, заваленному деревьями, везлись въ цѣлости и безостановочно.

,,Гг. штабъ и оберъ-офицеры исполнили всѣ долгъ свой отлично; но особенно имѣли случай обратить на себя вниманіе при отступленіи: командуя арріергардомъ, полковникъ Ляшенко; при занятіи аула и взятіи орудій: подполковникъ Яновъ, маіоръ Оклобжіо, капитаны Мансурадзевъ, Руденко, подпоручики Николевъ, Рычковъ и прапорщики Мессарожъ, Ушаковъ, Ипполитовъ и Лауданскій, а также состоящій при мнѣ за адъютанта штабсъ-капитанъ Самойловъ, передававшій съ быстротою и точностью всѣ мои приказанія''.

Это описаніе славнаго подвига куринцевъ, по своей безъискусственности, внушаетъ къ себѣ полное довѣріе, и потому особенно пріятно видѣть, что трофеи взяты не только храбро, но и честно. Вотъ лучшая похвала полку, лучшая аттестація передъ шефомъ и главнокомандующимъ княземъ Воронцовымъ, который особенно чутко относился ко всему, что скажутъ объ его куринцахъ. На этотъ разъ онъ былъ тронутъ до слезъ, читая о подвигахъ своего полка, какъ въ рапортѣ Меллера, такъ и въ донесеніи князя Барятинскаго, который нашелъ маіора Оклобжіо и капитана Мансурадзева достойными ордена св. Георгія 4-го класса. Нижнимъ чинамъ выданы: 81 знакъ отличія и 2 денежныя награды.

Главнокомандующій, кромѣ обычныхъ наградъ участникамъ славнаго дѣла, ходатайствовалъ передъ Государемъ объ оставленіи взятыхъ трофеевъ при полку,—на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и кромѣ того, въ особомъ письмѣ къ военному министру, князю Чернышеву, просилъ о награжденіи полка отличіемъ на папахахъ. Это письмо князя Воронцова отъ 1-го апрѣля 1852-го года настолько знаменательно для самолюбія куринцевъ, что считаемъ не лишнимъ привести здѣсь его копію:

,,Милостивый государь Александръ Ивановичъ.

,,Изъ современныхъ донесеній и военныхъ журналовъ, вашей свѣтлости вполнѣ извѣстно, какое блистательное участіе принималъ егерскій имени моего полкъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ со

стороны лѣваго фланга кавказской линіи, а неоднократно и въ Дагестанѣ, въ прежнемъ и новомъ его составѣ, послѣ переформированія его въ 1834-мъ году. Подвигами мужества, стойкостью, большою военною опытностью, пріобрѣтенною въ продолжительныхъ и трудныхъ походахъ и бояхъ, стяжалъ онъ заслуженную славу и неоднократно удостоивался одобрительныхъ Высочайшихъ отзывовъ Его Императорскаго Величества. Въ особенности, съ переводомъ штабъ-квартиры его на передовую линію, въ кр. Воздвиженскую, полкъ этотъ, можно сказать, не зналъ отдыха, долженъ былъ безпрерывно дѣйствовать противъ непріятеля, зимою вырубкою просѣкъ, въ остальное время года набѣгами на непокорные аулы и защитою мирныхъ селеній, и находясь на границѣ большой и малой Чечни, неутомимо громилъ ту и другую, и по положенію своему болѣе другихъ войскъ содѣйствовалъ къ очищенію большей части этой страны отъ непріятеля. Въ послѣднюю зимнюю экспедицію храбрый этотъ полкъ оказалъ новые подвиги и, наконецъ, ему удалось отбить у чеченцевъ два артилерійскихъ орудія, въ жаркомъ и славномъ для него дѣлѣ при хуторѣ наиба Талгика и въ нагорной большой Чечнѣ.

„Принимая въ соображеніе эту столь достохвальную боевую службу, и то, что полкъ не имѣетъ доселѣ никакого общаго знака отличія, я обязываюсь покорнѣйше просить вашу свѣтлость исходатайствовать у Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйше пожалованіе оному знака съ надписью „за отличіе“ на папахахъ.

„При этомъ, не удостоится ли вниманія Его Величества то обстоятельство, что въ этомъ полку нынѣ служитъ во фронтѣ раненыхъ: штабъ и оберъ-офицеровъ 52 и нижнихъ чиновъ 918-ть.

„Въ ожиданіи почтеннѣйшаго увѣдомленія вашего, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности“.

Это ходатайство удостоилось Высочайшаго соизволенія, и Куринскому полку пожалованъ знакъ на папахи съ надписью „за отличіе“—о чемъ объявлено въ приказѣ по полку 18-го мая 1852-го года. Полковникъ Ляшенко, завѣдывавшій въ это время полкомъ за отсутствіемъ князя С. М. Воронцова, объявляя объ этой

Монаршей милости, добавилъ: „о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи этого отличія я получилъ извѣстіе первоначально отъ его свѣтлости командира полка, который приказалъ мнѣ объявить въ приказѣ по полку, что онъ гордится и радуется, что полкъ получилъ эту лестную награду во время его командованія, и что мы впредь будемъ стараться показать себя достойными высокаго вниманія Монарха и заслужить его болѣе“.

Другое важное событіе въ исторіи полка, случившееся въ томъ же 1852-мъ году—движеніе куринцевъ въ аргунское ущелье.

Верстахъ въ пяти къ югу отъ крѣпости Воздвиженской, Черныя горы образуютъ трещину, въ которой съ шумомъ прорывается рѣка Аргунъ; за этой трещиной, образующей гигантскія ворота, располагается площадка, которая съ 1858-го года уже намъ извѣстна въ подробности, но въ 1852-мъ году составляла таинственный уголъ, куда до того не приходилось переносить военныхъ дѣйствій *). Въ 1852-мъ году объ аргунскомъ ущельи знали только по разсказамъ лазутчиковъ о легендарной недоступности пути въ него, который проходилъ по какой-то воздушной кладкѣ, подпертой бревнами, на высотѣ нѣсколькихъ саженей надъ бездной; а внизу, подъ кладкою, клокоталъ сердитый Аргунъ. Лазутчики говорили объ этомъ заколдованномъ ходѣ подробности, достойныя эпическихъ разсказовъ добраго стараго времени, добавляя, что самый входъ оберегается постояннымъ карауломъ, которому достаточно одной минуты, чтобъ прекратить всякое сообщеніе ущелья съ божьимъ міромъ. Эта таинственность давно интриговала куринцевъ; въ полку разсказываютъ, что не разъ въ пріятельской бесѣдѣ, послѣ обычныхъ тогда кутежей, наши офицеры, въ костюмахъ настоящихъ джигитовъ, пытались заглянуть въ эти таинственныя ворота и даже поодиночкѣ подходили къ нимъ; но бдительная стража встрѣчала ихъ уже издали сигнальными выстрѣлами—и искатели приключеній возвращались назадъ.

Разсказы лазутчиковъ имѣли свою цѣну; имъ во многомъ не

*) Въ 1839-мъ году въ аргунское ущелье заглядывали куринцы съ генераломъ Пулло; но въ то время Чечня считалась мирною, и Пулло, собравъ подати, возвратился безъ выстрѣла.

вѣрили, но было несомнѣнно, что равнина, лежавшая за воротами, служила безопаснымъ плацдармомъ, на которомъ собирались партіи чеченцевъ. Съ этого мѣста они дѣлали свои набѣги на плоскость и, послѣ удачъ или неудачъ, вновь спѣшили скрыться въ ущельи, гдѣ они уже были такъ же обезпечены, какъ за стѣнами первоклассной крѣпости.

Послѣ блестящихъ успѣховъ чеченскаго отряда въ началѣ 1852-го года, когда всѣ твердыни плоскостной Чечни считались уже пошатнувшимися, князь Барятинскій задумалъ заглянуть и въ аргунское ущелье. Первоначальная цѣль заключалась въ томъ, чтобы собственными глазами видѣть таинственное мѣсто, дабы рѣшить интриговавшую всѣхъ дилемму: какъ отнять аргунское ущелье у Шамиля и тѣмъ открыть путь въ нагорную Чечню, за которою оставалась очередь вслѣдъ за окончаніемъ дѣлъ на плоскости. Значитъ, говоря офиціальнымъ языкомъ, нужна была рекогносцировка, которую было разрѣшено произвести, при случаѣ, командиру Куринскаго полка флигель-адъютанту князю Воронцову.

Князь Воронцовъ нашелъ нужнымъ не медлить исполненіемъ даннаго ему порученія; къ тому же, обстоятельства повидимому требовали этой поспѣшности, а сложившіяся условія обѣщали успѣхъ. Вотъ какъ описываетъ самъ командиръ Куринскаго полка движеніе свое въ аргунское ущелье:

,,Собравъ вѣрныя свѣдѣнія о мѣстности и о томъ обстоятельствѣ, что жителями ауловъ, лежащихъ въ ущельи, все огромное количество сѣно, заготовленное на плоскости, сложено при входѣ въ ущелье, и что для перевозки его накинуты временные мосты чрезъ сухую канаву, лежащую при входѣ въ ущелье; также имѣя въ виду мусульманскую пятницу, совпадавшую съ нашимъ праздникомъ Успенія, и расчитывая на усталость непріятеля, послѣ трехдневнаго сопротивленія нашимъ движеніямъ въ большой Чечнѣ, я рѣшился, съ войсками воздвиженскаго гарнизона, предпринять движеніе въ ночь съ 14-го на 15-е августа.

,,Войска, въ составѣ 1-го баталіона, 3-хъ ротъ 2-го и 2-хъ ротъ 3-го баталіоновъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ полка, трехъ орудій легкой № 5-го батареи, одного горнаго орудія, штуцерной и

ракетной командъ и 3-хъ сотенъ донскаго казачьяго № 19-го полка, двинулись въ часъ пополуночи и дошли въ совершенной тишинѣ ко входу въ ущелье за часъ до разсвѣта.

„Здѣсь оставленъ былъ флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества маіоръ Бревернъ *), съ тремя ротами, тремя орудіями и ракетною командою, для обезпеченія нашего отступленія и обстрѣливанія противуположнаго берега Аргуна, который въ семъ мѣстѣ покрытъ лѣсомъ, огромными завалами и находится на пистолетный выстрѣлъ отъ нашего берега.

„Маіоръ князь Тумановъ **), съ шестою егерскою ротою, занялъ высокую утесистую, почти неприступную гору, составлявшую ключъ позиціи ***), съ которой можно обстрѣливать противуположный берегъ и скатъ, и тѣмъ прикрывать наше отступленіе изъ самаго ущелья. Обезпечивъ такимъ образомъ себя съ тыла, я двинулся, съ остальными пятью ротами, однимъ горнымъ орудіемъ и штуцерною командою, въ тѣснину ущелья, гдѣ вдоль отвѣсной скалы, на воткнутыя въ оную бревна, наложенный плетень составлялъ единственную дорогу на протяженіи около четверти версты. Пройдя это пространство, мы вышли на болѣе удобное мѣсто, гдѣ на площади ущелья тѣснились огромные стога сѣна, которое было все сожжено немедленно. Не теряя времени, роты быстро пошли далѣе къ ауламъ: нижнему Чишки, верхнему Чишки и Гой-хутору, находившимся около трехъ верстъ отъ входа въ ущелье; три роты съ орудіемъ были оставлены мною при началѣ ауловъ, а съ остальными двумя ротами храбрый капитанъ Мансурадзевъ, бѣглымъ шагомъ, но соблюдая совершенную тишину, прошелъ поименованные аулы, и, дойдя до послѣдней сакли, роты обер-

*) Флигель-адъютантъ Бревернъ прикомандированъ къ полку по распоряженію инспекторскаго департамента 17-го іюня 1852-го года.

**) Маіоръ князь Тумановъ, будущій начальникъ 20-й дивизіи, переведенъ въ полкъ изъ грузинскаго полка по Высочайшему приказу 21-го декабря 1851-го года.

***) Эта гора составляетъ западную часть воротъ и командуетъ надъ ущельемъ. *Въ 1858 г. ее взялъ штурмомъ полковникъ Рихтеръ, нынѣ генералъ-адъютантъ и командующій Императорскою главною квартирою. Ред.*

нулись налѣво кругомъ и съ громкимъ крикомъ ,,ура" начали истребленіе ауловъ; это было сигналомъ остальнымъ ротамъ, остававшимся у входа ауловъ, начать дѣйствіе съ своей стороны. До этой минуты благодаря совершенной тишинѣ и порядку движенія, никто изъ жителей, погруженныхъ въ сонъ, не подозрѣвалъ нашаго присутствія. Непріятель, объятый ужасомъ, частью старался спастись бѣгствомъ, частью, запершись въ сакляхъ, началъ отчаяпное сопротивленіе.

,,Добыча осталась въ рукахъ солдатъ огромная; все сѣно сожжено до тла, и потеря непріятеля тѣмъ болѣе значительно, что въ это время въ аулахъ почевала на квартирахъ партія шатоевскаго наиба Батако, шедшаго въ большую Чечню на помощь наибу Талгику. Роты соединясь посреди ауловъ и истребивъ оные, начали отступленіе.

,,Отступленіе, затрудняемое глубокими оврагами, устроенными въ кукурузной полянѣ завалами, занятыми въ то же время многочисленными толпами жителей, собравшимися со всѣхъ сторонъ всего многолюднаго ущелья, благодаря блистательной храбрости войскъ, мужеству и опытности гг. офицеровъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Непріятель, всюду отбрасываемый штыками, потерпѣлъ огромный уронъ.

,,Въ это время при входѣ въ ущелье начался ружейный и картечный огонь, которымъ маіоры—флигель-адъютантъ Бреверпъ и князь Тумановъ поражали непріятеля у входа въ ущелье и тѣмъ облегчили наше обратное движеніе. По соединеніи ротъ, вышедшихъ изъ ауловъ, съ ротами, остававшимися на позиціи, началось общее отступленіе по густому лѣсу, простиравшемуся до трехъ верстъ, въ которомъ ожесточенный непріятель пытался насъ преслѣдовать, но, потерпѣвъ снова чувствительную потерю, принужденъ былъ насъ оставить.

,,Потеря наша состояла: убито – оберъ-офицеръ 1 *), нижнихъ чиновъ 9; ранено: оберъ-офицеровъ 6-ть, нижнихъ чиновъ 51. Потеря непріятеля кромѣ 32 убитыми и большаго количества

*) Поручикъ Богдановъ.

ранеными, состояла въ разореніи трехъ ауловъ и сожженіи огромнаго количества сѣна, приготовленнаго большею частью для прокормленія конныхъ партій въ зимнее время.

,,Считаю непремѣннымъ долгомъ засвидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ офицерахъ, наиболѣе способствовавшихъ успѣху этого дѣла, а именно: маіоры—флигель-адъютантъ Бреверпъ, князь Тумановъ и Розпатовскій; капитанъ Мансурадзе, который въ аулѣ изрубилъ чеченца убившаго фельдфебеля его роты, штабсъ-капитанъ Самойловъ, поручики: Кахановскій, Дударовъ (командовавшій артилеріею и много содѣйствовавшій отступленію) и Парчевскій; подпоручики: Мацкевичъ, Ярцовъ, Фадѣевъ, Останковичъ и Ипполитовъ; прапорщики: Тыртовъ и Хлыстовъ''.

Набѣгъ въ аргунское ущелье возбудилъ въ свое время много толковъ; говорили, что не было надобности предпринимать это движеніе, стоившее намъ столько дорогой крови и не принесшее намъ никакой пользы. На это исторія Куринскаго полка могла бы и не отвѣчать, потому что куринцы исполнили приказаніе начальства и притомъ съ такимъ же самоотверженіемъ и усердіемъ, какъ сотни другихъ приказаній, и потому заслуживаютъ лишь похвалы; съ точки же зрѣнія критики для насъ ясно, что самый маневръ произведенъ съ должною осторожностью и съ соблюденіемъ всѣхъ тактическихъ пріемовъ того времени; причемъ, куринцы остались на уровнѣ своей исторической славы и глубоко сожалѣя о пролитой крови товарищей, но нынѣ съ гордостью вспоминаютъ о молодецкомъ дѣлѣ 15-го августа 1852-го года *).

---

*) 19-го августа князь С. М. Воронцовъ отдалъ слѣдующій приказъ по полку: ,,предпринятый мною 15-го августа набѣгъ въ глубь аргунскаго ущелья, на непріятельскій аулъ Чишки, былъ совершенъ съ блистательнымъ успѣхомъ, благодаря отличной храбрости, неустрашимости и распорядительности частныхъ начальниковъ ввѣреннаго мнѣ полка. Въ продолженіе 2½ часовъ всѣ жилища помянутаго аула и разные хозяйственные припасы непріятеля были истреблены и преданы огню, причемъ погибло немалое число непріятеля подъ штыками храбрыхъ подчиненныхъ мнѣ нижнихъ чиновъ; трудное отступленіе, по свойству мѣстности и ожесточенію собравшагося въ большомъ числѣ непріятеля, было совершено въ самомъ отличномъ порядкѣ, за что считаю пріятнымъ долгомъ

Третій эпизодъ изъ боевой жизни куринцевъ въ 1852-мъ году—есть взятіе аула Сюринъ-Корта и очищеніе ханкальскаго ущелья отъ непокорныхъ намъ ауловъ. Объ этомъ событіи, кромѣ оффиціальныхъ донесеній, есть записка генерала Ольшевскаго, который самъ принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ въ роли начальника штаба *).

Ханкальское ущелье знакомо читателямъ изъ предыдущихъ главъ; оно пріобрѣло извѣстность въ исторіи кавказской войны съ 1806-го года, когда генералъ Булгаковъ потерпѣлъ здѣсь неудачу и долженъ былъ возвратиться на линію. Затѣмъ, въ этомъ же ущельи чеченцы остановили колону генерала Ермолава въ 1818-мъ году и принудили знаменитаго вождя штурмовать окопъ, уступленный русскимъ полѣ кровопролитнаго боя. Здѣсь, близь дома генерала Касума Курумова, и теперь высится горка, извѣстная подъ именемъ „Ермоловскаго кургана"; отсюда Алексей Петровичъ наблюдалъ за проведеніемъ просѣки, впервые открывшей путь русскимъ на Аргунъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что и русскіе, и чеченцы придавали большое значеніе ханкальскому ущелью; но важность этого мѣста еще яснѣе стала послѣ заложенія Воздвиженскаго укрѣпленія, куда ближайшая дорога изъ Грозной проходила черезъ Ханкалу. Поэтому, по ханкальскому ущелью была вырублена широкая посѣка, по которой стали ходить очередныя оказіи. Однако, всѣ эти мѣры не умиротворили окрестностей. Ханкальское ущелье считалось самымъ опаснымъ на всемъ пути отъ Грозной до Воздвиженской, и рѣдкій день проходилъ здѣсь безъ такъ-называвшагося тогда военнаго происшествія: то партія нападала на оказію, то хищники скрывали сюда отби-

изъявить мою искреннюю признательность: маіорамъ—флигель-адютанту Бреверну, князю Туманову, Нордштейну и Рознатовскому; капитану Мансурадзеву; штабсъ-капитанамъ: Самойлову 2-му, Мелярту; поручику Кахановскому; подпоручикамъ Мацкевичу, Мессарожу, Ярцову, Ипполитову, Останковичу и прапорщикамъ: Хлыстову и Тырнову, и баталіоннымъ лекарямъ: วержбицкому и Никольскому, а также всѣмъ гг. оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ семъ блистательномъ дѣлѣ".

*) „Русская Старина". Іюль, 1879-го года.

тый и уворованный скотъ, то собиралась партія, чтобы сдѣлать набѣгъ на Грозную. Сила ханкальскаго ущелья заключалась въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ все пространство отъ Аргуна до алдынскихъ хуторовъ, и недоступныхъ трущебахъ окрестностей, особенно же сѣверо-восточнаго ската правой горы, безконечнымъ числомъ отроговъ спускающагося по обрывистымъ берегамъ Аргуна. Здѣсь было нѣсколько хуторовъ чеченцевъ, и сюда же съ 1850-го года стали стекаться всѣ джигиты, любившіе пожить на счетъ грабежей, и тѣ, которымъ стало тѣсно на плоскости Чечни послѣ ежегодно повторявшихся съ 1847-го года зимнихъ экспедицій. По странному случаю, ханкальское ущелье уцѣлѣло отъ набѣговъ нашихъ войскъ даже въ то время, когда князь Барятинскій избороздилъ всю Чечню просѣками и дорогами; это же обстоятельство внушило чеченцамъ мысль о недоступности Ханкалы, особенно же послѣ того, какъ въ февралѣ 1852-го года отрядъ князя Барятинскаго, проходя изъ Воздвиженской къ Тепли-Кичу мимо ханкальскаго ущелья, не заглянулъ сюда, а только послалъ сказать жителямъ, чтобы они не смѣли стрѣлять по отряду.

Но, понятно, что послѣ успѣховъ 1852-го года, мы не могли терпѣть сосѣдства ханкальцевъ. И вотъ, въ декабрѣ 1852-го года рѣшено было раззорить здѣшніе хутора, въ числѣ которыхъ Сюринъ-Кортъ былъ болѣе многолюдный и менѣе другихъ доступный. 11-го декабря, съ срочной оказіей *), было послано предписаніе командующему войсками въ крѣпости Воздвиженской, полковнику Ляшенко, чтобъ онъ выступилъ ночью, съ 3-мя баталіонами, 2 сотнями казаковъ и 4-мя орудіями, къ Ханкалѣ, и у входа въ ущелье, повернувъ колону направо и пройдя версты полторы по направ-

---

*) Подъ оказіями вообще разумѣется особая колонна, съ которой отправлялись проѣзжающіе, пересылались корреспонденціи, перевозился провіантъ и разные другіе предметы. Такія оказіи были срочныя, т. е. назначаемыя въ извѣстные дни, и экстренныя—по мѣрѣ надобности; кромѣ того, были оказіи сквозныя и встрѣчныя; послѣднія состояли въ томъ, что колонны выступали одновременно съ противуположныхъ пунктовъ и сходились на опредѣленныхъ мѣстахъ. Между Грозной и Воздвиженской пунктомъ соединенія колоннъ былъ Ермоловскій курганъ.

ленію на аулъ большой Чечень, остановилъ пѣхоту съ артиллеріей, а самъ съ казаками прибылъ часа за два до разсвѣта къ Ермоловскому кургану, для принятія личныхъ приказаній князя Барятинскаго. Все это было исполнено полковникомъ Ляшенко въ точности, и когда онъ прибылъ къ кургану, то нашелъ тамъ князя съ шестью ротами, тремя сотнями и четырмя орудіями.

Объяснивъ полковнику Ляшенко цѣль ночной экспедиціи, князь Барятинскій отдалъ ему слѣдующее приказаніе:

1) Одну роту куринцевъ, съ двумя орудіями, оставить на высотахъ, находящихся впереди того мѣста, гдѣ остановлена пѣхота, а другую расположить по полувзводно между этими высотами и ауломъ большой Чечень. Въ нѣкоторомъ же разстояніи позади этой послѣдней роты расположить по полусотенно казаковъ, съ тѣмъ, чтобы они производили между собой разъѣзды и перехватывали всѣхъ чеченцевъ, намѣревающихся спастись бѣгствомъ.

И 2), съ прочими ротами и двумя орудіями, двинувшись на большой Чечень, занять обрывистый берегъ Аргуна и стараться войти въ связь съ полковникомъ Берсеневымъ, который, съ пѣхотой и двумя горными орудіями, прибывшими изъ Грозной, долженъ былъ охватить хутора со стороны этой крѣпости; казаки же съ двумя орудіями, занимая Ермоловской курганъ, должны будутъ производить разъѣзды до высотъ занятыхъ ротой куринцевъ.

— Надѣюсь, что ханкальцы не окажутъ большаго сопротивленія, когда узнаютъ отъ чеченцевъ, посланныхъ мною, что они окружены войсками со всѣхъ сторонъ. Постарайтесь, Михаилъ Васильевичъ, исполнить возлагаемое на васъ порученіе до разсвѣта, и я ручаюсь за полный успѣхъ—прибавилъ князь Барятинскій, протягивая Ляшенко руку.

Первые выстрѣлы раздались со стороны, обращенной къ Грозной; это, какъ оказалось, были выстрѣлы сторожевыхъ чеченцевъ. Спустя минутъ десять, послышалась сначала рѣдкая, а потомъ учащенная ружейная перестрѣлка; затѣмъ, раздалось нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, и куринцы двинулись въ деревню. Въ это же время на правомъ берегу Аргуна явилась партія Талгика, которая не могла оказать своимъ никакой помощи. Ханкальцы, узнавъ

отъ посланныхъ къ нимъ чеченцевъ, что они окружены со всѣхъ сторонъ войсками, немедленно прекратили перестрѣлку и только просили о помилованіи;—и они были помилованы. Имъ приказано было вывозить на арбахъ и выносить на себѣ по ближайшимъ дорогамъ свое имущество, потому что ихъ жилища будутъ преданы огню. Къ полудню собралось къ Ермоловскому кургану 480-тъ душъ обоего пола, 82 арбы, нагруженныя имуществомъ, и 250-тъ овецъ и козъ. Конныхъ было только 14-ть ханкальцевъ. На арбахъ лежали два убитыхъ и сидѣло 8-мь раненыхъ. У куринцевъ было всего два убитыхъ и 7-мь раненыхъ, въ томъ числѣ юнкеръ князь Григорій Багратіонъ-Мухранскій. Предавъ хутора огню и прорубивъ сначала узкую просѣку, которая въ ту же зиму была расширена, куринцы конвоировали переселенцевъ въ Грозную и затѣмъ возвратились въ Воздвиженскую, заслуживъ за походъ „особое вниманіе князя Барятинскаго".

Въ августѣ 1852-го года главнокомандующій, незадолго передъ тѣмъ пожалованный титуломъ свѣтлѣйшаго князя, посѣтилъ лѣвый флангъ. Кромѣ осмотра произведенныхъ работъ, князю Михаилу Семеновичу хотѣлось собственными глазами видѣть результаты дѣятельности нашихъ войскъ, чтобъ указать дальнѣйшее направленіе работъ. Этому путешествію въ свое время придавали большое значеніе; отъ него ожидали рѣшенія самыхъ важныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди, и даже полагали, что немирное населеніе Чечни воспользуется путешествіемъ царскаго намѣстника, чтобы окончательно покориться Россіи. Самъ князь Михаилъ Семеновичъ задался мыслью произвести впечатлѣніе на враговъ и потому обставилъ поѣздку особенно торжественно. Блестящая свита, огромный конвой, медленное шествіе, богатые подарки и разглашеніе, что сардарь будетъ принимать всѣхъ желающихъ его видѣть, дѣлали поѣздку главнокомандующаго особенно торжественною. Князь по обыкновенію былъ со всѣми очень любезенъ, принялъ особенно благосклонно разныя депутаціи туземцевъ, щедро наградилъ ихъ и не безъ ударенія говорилъ имъ, что пора бы подумать остальному

населенію горъ воспользоваться милостями русскаго Царя. Командующій войсками на лѣвомъ флангѣ князь Барятинскій также ничего не упустилъ, чтобы показать подчиненный ему край и войска въ полномъ блескѣ. На этотъ разъ чеченскій отрядъ стоялъ на шалинской полянѣ, которая особенно интересовала князя Воронцова. Все подбрилось, подчистилось и нарядилось, вытащивъ изъ цейхгаузовъ форменную одежду. Куринскій полкъ былъ въ полномъ сборѣ. Въ первый разъ съ основанія полка всѣ пять куринскихъ знаменъ стояли рядомъ, и подъ сѣнью ихъ вытянулись егеря, имѣя въ строю однихъ раненыхъ 52 офицера и 918-ть егерей. Наши инвалиды въ перегонку спѣшили въ строй, чтобъ поковылять церемоніальнымъ маршемъ передъ шефомъ. Строй куринцевъ могъ бы привести въ трепетъ негодованія формалиста, но зато, могъ до слезъ тронуть патріота и воина. И могло ли быть иначе? Въ строю были десятки перевязанныхъ рукъ, нѣсколько костылей, лица, обезображенныя отъ ударовъ пуль и шашекъ, а тамъ, гдѣ-то сзади, видна была и деревяшка ноги. Впрочемъ, это былъ отставной куринецъ, пришедшій нарочно изъ Воздвиженской, чтобъ не отстать отъ товарищей въ торжественномъ праздникѣ. Въ строю куринцевъ было до 1000 георгіевскихъ крестовъ и знаковъ отличія св. Анны и болѣе 1000 человѣкъ съ нашивками въ одинъ, два и три ряда. Отдѣльно отъ всѣхъ стояла охотничья команда препоясанная кинжалами и вооруженная литихскими штуцерами. Таковъ былъ внѣшній видъ развернутаго Куринскаго полка, когда онъ встрѣчалъ на шалинской полянѣ, съ громкимъ „ура“ своего старца-шефа. Во главѣ куринцевъ стоялъ сынъ свѣтлѣйшаго.

25-го августа главнокомандующій объѣхалъ войска, эшелонированныя отъ Воздвиженской до Басса. На окрестныхъ горахъ стояли партіи чеченцевъ, которыя безмолвно наблюдали за кортежемъ князя Воронцова, окруженнаго блестящей свитой. Главнокомандующій проѣхалъ даже черезъ Бассъ. Нигдѣ ни выстрѣла! какъ будто какая-то невидимая сила сковала врага. Князь возвратился на поляну и помѣстился на „Воронцовскомъ курганѣ“, гдѣ была приготовлена ставка его свѣтлости; кругомъ весь чеченскій отрядъ. Начался церемоніальный маршъ, но конечно, не тотъ, который

можно видить на марсовомъ полѣ столицы. Главнокомандующій всѣхъ благодарилъ, раздавалъ георгіевскіе кресты за предыдущія дѣла *), и, провозгласивъ здравицу Государю Императору, при громѣ пушекъ выѣхалъ обратно въ Тифлисъ.

Въ это время Куринскій полкъ уже былъ въ апогеѣ своей славы: славнѣйшій періодъ его жизни былъ въ разгарѣ. Дальнѣйшія событія до 1861-го года утвердили и поддержали за полкомъ заслуженную славу.

Въ быту солдатъ съ 1846-го года не произошло большихъ перемѣнъ. Съ окончаніемъ построекъ въ тогдашнемъ укрѣпленіи Воздвиженскомъ, полкъ перенесъ сюда свою штабъ-квартиру, и съ этихъ поръ части сняты съ линіи и распредѣлены въ укрѣпленіяхъ по Сунжѣ и Аргуну. Въ концѣ 1846-го года введена новая кавказская форма одежды, которая, впрочемъ, неофиціально существовала ранѣе. Прежде всего, такъ сказать для пробы, были обмундированы Куринскій и эриванскій полки.

Жизнь полка въ пятидесятыхъ годахъ носитъ на себѣ особенный отпечатокъ. Тонъ этой жизни давали офицеры, о которыхъ скажемъ здѣсь нѣсколько словъ: въ полку было отъ 125-ти до 130-ти офицеровъ. Всѣ они были разбросаны, вмѣстѣ съ своими ротами, по укрѣпленіямъ, и только во время большихъ экспедицій, да по какому нибудь торжественному случаю, съѣзжались въ штабъ-квартиру, чтобъ отвести здѣсь душу въ пріятельскомъ кругу. Понятно поэтому, съ какою охотою офицеры шли въ экспедицію.

Жизнь на постахъ и въ маленькихъ укрѣпленіяхъ была невыносимо однообразна и скучна **). Эта жизнь могла довисти свѣжаго человѣка до отчаянія, и много молодыхъ людей погубила она въ борьбѣ со скукой и одиночествомъ. Только сильныя натуры могли выдержать эту жизнь ,,въ борьбѣ за существованіе", Въ разсказахъ стариковъ сохранилось множество эпизодовъ изъ быта въ мелкихъ

---

*) Куринскому полку за дѣла 28-го іюля и 11-го и 12-го августа князь Воронцовъ раздалъ 39-ть крестовъ.

**) Характерное описаніе жизни на постахъ и въ укрѣпленіяхъ можно найти въ Кавказскомъ Сборникѣ", т. III, въ статьѣ г. Волконскаго ,,1858-й годъ въ Чечнѣ".

укрѣпленіяхъ, на которыя само начальство часто смотрѣло какъ на мѣста ссылки для исправленія строптивыхъ. За-аргунская башня у Воздвиженской (тетъ-де-понъ) принадлежала къ числу такихъ исправительныхъ мѣстъ для Куринскаго полка.

Все свободное отъ экспедицій время куринскіе офицеры проводили вмѣстѣ; они дѣлили между собой все, что Богъ послалъ; рыцарская отвага и куначество давали тонъ всему. Выкинуть молодецкую шутку въ родѣ того, что пробраться одному въ чеченскій аулъ, чтобъ навѣстить кунака, проѣхать безъ оказіи изъ Воздвиженской въ Грозную одному или въ обществѣ товарищей, для свиданія съ милой, и по дорогѣ выкинуть какое нибудь джигитское колѣнцо—было нипочемъ **). Молодцомъ считался тотъ, кто, прокутивъ всю ночь съ товарищами среди ротныхъ пѣсенниковъ, первый выскакивалъ на тревогу и бѣжалъ на выстрѣлъ. „Веселость въ походѣ заразительна", говаривалъ Фрейтагъ,—и куринскіе офицеры отлично понимали этотъ афоризмъ. Куринскіе джигиты-офицеры имѣли добрыхъ коней и все вооруженіе и снаряженіе чеченцевъ; искусно подражая манерамъ горцевъ, многіе изъ нихъ прекрасно говорили почеченски, отлично стрѣляли и, въ забаву товарищамъ, умѣли джигитовать на конѣ лучше записнаго абрека.

Имена двухъ братьевъ Полторацкихъ, Арамовича, Мелярта, Барабаша, Пистолькорса, Ипполитова и многихъ другихъ до сихъ поръ повторяются въ преданіяхъ старыхъ куринцевъ. Присутствіе двухъ-трехъ такихъ офицеровъ давало содержаніе тяжелой жизни въ штабъ-квартирѣ и въ походѣ. Нашъ извѣстный романистъ Толстой, въ повѣсти своей „Набѣгъ", прекрасно подмѣтилъ жизненную струнку и особенный закалъ нашихъ офицеровъ; его Розенкранцъ—есть портретъ куринца Пистолькорса. Объ Арамовичѣ говорятъ, что онъ такъ хорошо говорилъ почеченски, и такъ усвоилъ манеры

*) Ходить безъ оказіи было весьма опасно, и не разъ наши джигиты дорого платили за молодечество. 13-го іюня 1852-го года израненъ поручикъ Полторацкій и изрубленъ поручикъ 5-й батареи 20-й бригады Щербачевъ. Для огражденія отъ такихъ случаевъ, главнокомандующій далъ строгій приказъ начальникамъ отдѣльныхъ частей и даже велѣлъ предавать виновныхъ суду (приказъ по корпусу 1853-го г. іюля 10-го, № 140).

горцевъ, что могъ свободно подъѣзжать къ немирнымъ ауламъ, гдѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ Топчи-бея *). Однажды князь Барятинскій захотѣлъ видѣть Топчи-бея. Вечеромъ князю докладываютъ, что прибылъ какой-то лазутчикъ-чеченецъ. Ввели нежданнаго гостя, который ломанымъ русскимъ языкомъ сообщилъ какое-то свѣдѣніе о непріятелѣ. Это былъ поручикъ Арамовичъ, искусно прикинувшійся чеченцемъ, едва понимавшимъ порусски.

XVII.

Событія на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи съ 1853-го по 1856-й годъ и участіе въ нихъ частей Куринскаго полка.

Послѣ февральской экспедиціи 1852-го года, завершившейся занятіемъ Мичика, никто не ожидалъ, что Россія была наканунѣ большой войны съ Турціей. На лѣвомъ флангѣ дѣла шли обычнымъ порядкомъ. Ни чеченцы, ни русскіе не дремали; всегдашніе набѣги горцевъ на мирные аулы, нападенія на фуражировъ и команды, выходившія за дровами, повторялись столь же часто, какъ въ предшествовавшіе годы. Только энергія и устойчивость стали измѣнять наибамъ. Шамиль потерялъ обаяніе стараго времени, и, не смотря на терроръ, съ помощью котораго онъ старался удержать

---

*) „Топъ“ на многихъ кавказскихъ языкахъ значитъ ружье, пушка. Топчи—потурецки „пушкарь“. Этимъ именемъ товарищи прозвали Арамовича за необыкновенно меткую стрѣльбу. Въ преданіяхъ куринцевъ до сихъ поръ живетъ масса разсказовъ про стрѣльбу Арамовича.

правовѣрныхъ, дѣло его видимо шло назадъ. А войска наши, давно незнавшія неудачъ и въ совершенствѣ изучившія врага, были въ апогеѣ своего блеска. Успѣхъ подкупаетъ солдата и развиваетъ вѣру въ начальниковъ и въ самого себя, а событія, предшествовавшія войнѣ 1853-го года, вполнѣ тому способствовали. Въ эту эпоху самоувѣренность кавказскаго солдата доходила до того, что куринецъ не допускалъ мысли, чтобы кто нибудь могъ его побѣдить.

Съ такимъ духомъ жилъ полкъ лѣтомъ 1853-го года. Въ это время, по программѣ военныхъ дѣйствій, не предназначалось никакихъ походовъ и экспедицій.

Въ іюнѣ выѣхалъ изъ Грозной князь Барятинскій, назначенный начальникомъ главнаго штаба кавказскаго корпуса, и его должность занялъ генералъ-маіоръ баронъ Врангель. Почти въ одно время съ нимъ выѣхалъ и командиръ Куринскаго полка, флигель-адъютантъ князь Воронцовъ, сдавъ полкъ старшему куринцу, полковнику Ляшенко. Но эти перемѣны ничего не измѣнили въ ходѣ дѣла; полкъ остался на своихъ старыхъ квартирахъ: 1-й, 2-й и 3-й баталіоны въ Воздвиженской, 4-й въ Урусъ-Мартанѣ, а 5-й въ Грозной, и усердно несъ свою боевую службу.

Не перечисляя всѣ перестрѣлки и передвиженія, вызываемыя обычными тревогами, укажемъ здѣсь на главнѣйшія:

18-го апрѣля полковникъ Ляшенко, съ однимъ баталіономъ и одною сотнею казаковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся изъ Воздвиженской къ аулу Гойтенъ-Корту *), для вывода въ наши предѣлы нѣсколькихъ чеченскихъ семействъ, выразившихъ желаніе переселиться, но боявшихся партіи Талгика, ревниво слѣдившей за ними. Не смотря на всѣ мѣры осторожности, не обошлось безъ перестрѣлки, и чеченскія семейства доставлены въ наши предѣлы подъ выстрѣлами, отъ которыхъ у насъ раненъ 1 егерь. 4 мая куринцамъ пришлось прогнать партію чеченцевъ, пытавшихся отогнать стадо мирнаго аула. 17-го іюня была перестрѣлка на рубкѣ дровъ около Воздвиженской, причемъ раненъ одинъ егерь. 28-го

*) На правомъ берегу Аргуна, противъ раззореннаго аула большой Чечень.

августа партія человѣкъ въ 500 отогнала стадо мирнаго аула Атаги (у крѣпости Воздвиженской). По первому выстрѣлу, выскочилъ изъ крѣпости резервъ, состоявшій изъ 2-хъ ротъ куринцевъ, полусотни казаковъ и 50-ти конныхъ охотниковъ. Полковникъ Ляшенко не могъ выслать болѣе этого, потому что въ то время часть ротъ была на рубкѣ дровъ. Чеченцы, пользуясь своей многочисленностью, погнали стадо по направленію къ аулу большой Чечень и повидимому стали ускользать отъ удара; но въ это время, какъ изъ земли, выросъ генералъ Баклановъ съ своими молодцами-казаками, и чеченцы, бросивъ добычу, поспѣшно ушли за Аргунъ. Къ числу такихъ же молодецкихъ набѣговъ относится движеніе полковника Ляшенко изъ крѣпости Воздвиженской на мезоинскую поляну, а потомъ и къ Энгелику; но всѣ эти дѣйствія не дали никакихъ особыхъ результатовъ: это была дань времени.

Въ началѣ августа 1853-го года уже вездѣ говорили о возможности войны съ Турціей. Эту вѣсть каждый принималъ посвоему: намѣстникъ кавказскій хотя и питалъ надежду, что недоразумѣнія между двумя державами ограничатся дипломатическими переговорами, но былъ озабоченъ организаціею дѣйствующаго корпуса. Эта забота ясно видна изъ письма князя Воронцова къ барону Врангелю отъ 6-го сентября, въ которомъ была выражена благодарность главнокомандующаго за готовность барона, въ случаѣ надобности, выдѣлить два батальона Куринскаго полка въ составъ дѣйствующихъ войскъ на турецкой границѣ. Вскорѣ начались передвиженія войскъ, а затѣмъ и самая война, которая, безъ сомнѣнія, должна была отодвинуть на задній планъ предположенія наши о дѣйствіяхъ противъ Шамиля въ предстоящую зиму. Но, не смотря на это, положеніе наше на кавказской линіи было таково, что и здѣсь нельзя было ограничиться малыми силами, и потому, изъ войскъ лѣваго фланга отправлены въ Закавказье только два батальона Куринскаго полка.

Война Россіи съ Турціей родила въ Шамилѣ радостныя мечты; въ этой войнѣ онъ видѣлъ удобный случай не только возстановить свой авторитетъ среди горскихъ племенъ, но еще расши-

рить свою власть по всему протяженію кавказскаго хребта. Съ этою цѣлью онъ сталъ проповѣдывать, что турецкій султанъ ополчается для освобожденія правовѣрныхъ, и что для этого онъ шлетъ на помощь имаму войско. „Газаватъ"! восклицалъ Шамиль въ торжественномъ собраніи наибовъ, вытребованныхъ въ Ведено и, надо отдать справедливость старику, онъ съ юношескимъ пыломъ воодушевлялъ своихъ на предстоящій подвигъ. Приказавъ наибамъ разнести его волю повсюду, Шамиль далъ каждому необходимое наставленіе и велѣлъ быть готовыми собраться по первому требованію тамъ, гдѣ будетъ воля имама. Агенты Шамиля разсыпались повсюду отъ Каспійскаго до Чернаго морей, разнося вѣсть о томъ, что пришелъ конецъ русскому владычеству; при этомъ Талгикъ получилъ спеціальное приказаніе тревожить насъ при всякой возможности и стараться вновь заселить мѣста, покинутыя чеченцами. Въ послѣднемъ случаѣ прежде всего было указано на ханкальское ущелье, занятое нами только въ прошломъ году.

Пропаганда Шамиля сначала не имѣла большаго успѣха въ Чечнѣ; но когда въ концѣ августа 1553-го года стали проникать сюда вѣсти о походѣ Шамиля на лезгинскую линію, гдѣ имамъ успѣлъ навести страхъ появленіемъ въ Закаталахъ, симпатіи стали склоняться на сторону имама. Вліяніе Шамиля росло тѣмъ болѣе, что съ осени 1853-го года и почти весь 1854-й годъ онъ предпринималъ рядъ большихъ экспедицій и проникалъ даже до Алазани, въ сердце Кахетіи. При этомъ Шамиль хотя и не достигъ для себя никакихъ важныхъ результатовъ, но демонстрировалъ такъ энергично и умѣло, что въ теченіе цѣлаго года держалъ подъ ружьемъ всѣ войска кавказской линіи, не позволяя намъ выдѣлить оттуда на турецкую границу ни одного солдата изъ сорока одного баталіона пѣхоты и 29-ти казачьихъ полковъ.

Что касается до лѣваго фланга и дѣйствій здѣсь частей Куринскаго полка въ теченіе турецкой войны, мы должны сказать, что главнѣйшія событія происходили на кумыкской плоскости, а такъ какъ, съ отдѣленіемъ двухъ баталіоновъ въ Закавказье, 2-й, 5-й и одна рота 4-го баталіона были нужны въ Воздвиженской, а три роты въ Урусъ-Мартанѣ, то, само собой понятно, что ку-

ринцы не могли принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ на кумыкской плоскости. Это было скучное время для куринцевъ: они жили только вѣстями о томъ, что дѣлаютъ ихъ товарищи на далекихъ окраинахъ Кавказа, и завидовали молодцамъ-кабардинцамъ, на долю которыхъ выпали самыя блестящія задачи по оборонѣ кумыкской плоскости.

Получивъ свѣдѣніе о намѣреніи Талгика заселить ханкальское ущелье, очищенное нами въ 1852-мъ году, и справедливо придавая этому ущелью важное значеніе, баронъ Врангель рѣшился очистить его отъ лѣса и тѣмъ самымъ сдѣлать его доступнымъ нашимъ войскамъ во всякое время года. Съ этою цѣлью, 18-го декабря 1853-го года была двинута сюда колонна изъ Грозной. Вечеромъ, 18-го числа, получивъ свѣдѣніе, что Талгикъ, съ большою партіею, собирается сдѣлать нападеніе на эту колонну, баронъ Врангель предписалъ полковнику Ляшенко двинуть къ Ханкалѣ изъ Воздвиженской 6-ть ротъ куринцевъ. На разсвѣтѣ 19-го числа, куринцы были на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ остальными войсками, приступили къ очищенію восточнаго склона горы отъ лѣса. Но безпокойный наибъ не далъ намъ кончить начатую работу: онъ придвинулъ свою партію къ Грозной и явился у Стараго-Юрта. Баронъ Врангель долженъ былъ прекратить работу въ ханкальскомъ ущельи и идти по слѣдамъ врага. 19-го же числа кавалерія генерала Бакланова атаковала партію и разсѣяла ее. Пѣхота въ дѣлѣ не участвовала, но въ числѣ особенно отличившихся баронъ Врангель называетъ адъютанта начальника чеченскихъ народовъ, куринца штабсъ-капитана Арамовича, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Въ январѣ 1854-го года баронъ Врангель продолжалъ начатую просѣку въ ханкальскомъ ущельи и, при усердномъ трудѣ, съ 21-го по 26-е число, очистилъ отъ лѣса берега Аргуна до бывшаго аула Сюрипъ-Корта. На работахъ были: одинъ баталіонъ кабардинскаго полка и 2-й баталіонъ куринцевъ. 27-го числа баталіонъ возвратился въ Воздвиженскую, не имѣя во все время работъ ни одной перестрѣлки.

Жизнь въ Воздвиженской была тоже не безъ тревогъ. Осо-

бенно часто бывали перестрѣлки близъ аргунскаго ущелья, куда наши колонны ходили для рубки дровъ; этимъ путемъ очищалась дорога въ это заколдованное ущелье. Чеченцы тоже цѣнили этотъ лѣсъ, какъ убѣжище для своихъ джигитовъ, и потому рѣдко рубка обходилась безъ кровопролитія. На работу обыкновенно выходили въ полномъ порядкѣ, и уже отъ крѣпостныхъ воротъ высылали авангардъ, арріергардъ и боковыя цѣпи; но и при этомъ порядкѣ не обходилось безъ приключеній: 2-го февраля непріятель стрѣлялъ по колоннѣ изъ 4-хъ ротъ съ орудіемъ, но не нанесъ намъ вреда; 8-го числа уже 4-ре роты, бывшія подъ командой капитана Шидловскаго, подверглись нападенію въ самомъ лѣсу; доходило до штыка и шашки, только картечь отогнала толпу; у насъ убитъ 1, ранено 2. Наконецъ, 22-го февраля аргунскій наибъ Батако рѣшился отучить насъ отъ прогулокъ близъ аргунскаго ущелья.

Пользуясь сборомъ своихъ по случаю требованія Шамиля, Батако остался на нѣсколько дней въ знакомомъ намъ аулѣ Чишки и оттуда выжидалъ случая. Боясь измѣнниковъ и лазутчиковъ, онъ тщательно скрывалъ свое намѣреніе и даже за цѣлый день до наступленія выставилъ сильные пикеты для прекращенія съ нами всякаго сообщенія. Утромъ 22-го числа Батако вышелъ изъ ущелья и скрылъ свою партію въ оврагѣ, у котораго должна была быть рубка лѣса.

На этотъ разъ очередь была за батальономъ маіора Мансурадзе. Выйдя обычнымъ порядкомъ изъ крѣпости съ 4-мя ротами и двумя орудіями, Мансурадзе поставилъ цѣпи и сталъ рубить лѣсъ. Въ это время раздался залпъ, и затѣмъ бѣшеная толпа бросилась на правую цѣпь, занятую ротой капитана Дробышева. Егеря встрѣтили врага штыкомъ, подоспѣлъ резервъ—и толпа отступила, отстрѣливаясь изъ за деревьевъ. Вслѣдъ за первымъ залпомъ раздался второй—и конная партія атаковала насъ съ фронта; здѣсь стоялъ съ ротой поручикъ Сулимовичъ; но и на этотъ разъ непріятель былъ встрѣченъ лихо: онъ нарѣзался на всегда готовую картечь и тоже отступилъ. На выстрѣлы стали сбѣгаться подкрѣпленія, какъ наши, такъ и непріятельскія; прежде всѣхъ явился самъ командиръ полка, съ первыми попавшимися казаками. Затѣмъ, раздались

орудійные выстрѣлы съ праваго берега Аргуна: это былъ Талгикъ съ своей артилеріей. Но вскорѣ, нагрузивъ повозки, колонна Мансурадзе двунулась назадъ, и дѣло прекратилось. У насъ убитыхъ, раненыхъ и контуженыхъ было 9-ть егерей.

Послѣ этого дѣла Батако отправился въ Гельдыгенъ, гдѣ на 27-е февраля пріѣхалъ Шамиль. Имамъ составилъ военный совѣтъ, внушилъ наибамъ свои планы и опять возвратился въ Ведено.

Уроки имама имѣли свое вліяніе: наибы съ новой энергіей начали свои набѣги. Талгикъ направился на Грозную, а о Сайбдулѣ, наибѣ малой Чечни, стало извѣстно, что онъ собралъ сборище въ трехъ верстахъ отъ Урусъ-Мартана, на р. Тенгѣ, съ цѣлью двинуться на Сунжу. Намѣреніе Талгика было предупреждено 4-го марта неутомимымъ генераломъ Баклановымъ, а въ ночь съ 5-го на 6-е, лишь только стало извѣстно о сборѣ партіи Сайбдулы, Баклановъ, почти не разсѣдлавъ лошадей, вновь выступилъ, и въ 7-мь часовъ утра былъ уже въ Урусъ-Мартанѣ. Здѣсь Баклановъ далъ своимъ сотнямъ получасовой отдыхъ и, подхвативъ изъ гарнизона два орудія и двѣ роты куринцевъ, съ командиромъ 4-го баталіона подполковникомъ Барабашомъ, почти на рысяхъ двинулся вверхъ по Гойтѣ. Пройдя версты двѣ, Баклановъ оставилъ въ лѣсу засаду изъ пѣхоты и артилеріи, а самъ быстро пошелъ искать врага. Непріятель стоялъ на полянѣ, верстахъ въ пяти отъ укрѣпленія. Не отвѣчая на выстрѣлы, казаки пошли въ пики; непріятель бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ 19-ть тѣлъ. Баклановъ, не ограничась этимъ, преслѣдовалъ врага нѣсколько верстъ, доскакалъ до хуторовъ, сжегъ ихъ и столько же быстро, какъ наступалъ, ушелъ назадъ. Между тѣмъ, выстрѣлы произвели тревогу въ окрестностяхъ, и изъ ближайшихъ ауловъ собралась толпа человѣкъ въ 200-ти и поспѣшила преградить путь казакамъ. Маневрируя, Баклановъ отступилъ на засаду и отдалъ врага на жертву куринцамъ. Подполковникъ Барабашъ подпустилъ горцевъ на близкій выстрѣлъ, далъ имъ въ упоръ залпъ, и когда партія отхлынула, самъ сталъ отступать перекатными цѣпями. Чеченцы, опомнившись, насѣли на отступавшихъ; пользуясь лѣсомъ, они два раза бросались въ шашки—но безуспѣшно. Наконецъ, Барабашъ сталъ выходить изъ лѣса и поставилъ свои

орудія на полянѣ; еще одна смѣна цѣпи—и мы вышли на голую равнину, въ виду Урусъ-Мартана; чеченцы напрягли силы и съ гикомъ еще разъ кинулись въ шашки, но уже было поздно: залпъ и картечь заставили Сайбдулу оставить насъ въ покоѣ, причемъ, при одномъ послѣднемъ залпѣ онъ оставилъ на мѣстѣ 9-ть тѣлъ. Баклановъ съ торжествомъ возвратился въ укрѣпленіе и привезъ съ собой 5-ть плѣнныхъ.

Въ этомъ дѣлѣ, блестящемъ по искусному исполненію всѣхъ маневровъ, куринцы потеряли изъ 300 егерей—1 убитымъ и 12-ть ранеными, а остальныя части колонны лишились 1-го убитаго и 11-ти раненыхъ.

Въ своемъ донесеніи Баклановъ говоритъ, что подполковникъ Барабашъ, хладнокровною распорядительностью и личнымъ мужествомъ сохранилъ полный порядокъ въ цѣпи, и не только съ особымъ успѣхомъ отразилъ всѣ атаки непріятеля, но и вынудилъ его оставить при этомъ на мѣстѣ 9 тѣлъ. Но безпристрастный читатель, конечно, наибольшую похвалу отдастъ партизану-казаку Бакланову, который въ два дня обѣгалъ половину Чечни, вездѣ побѣждая врага, а въ день 5-го марта образцово распоряжался своей небольшой колонной, разсѣялъ партію Сайбдулы и нанесъ ей чувствительный уронъ.

Но всѣ эти неудачи не особенно смущали Шамиля; онъ все ожидалъ лучшаго въ будущемъ, и главную надежду возлагалъ на наше пораженіе въ войнѣ съ союзниками. Онъ искренно вѣрилъ въ наши неудачи и авторитетно распространялъ эту вѣсть въ народѣ. 26-го мая имамъ торжественно, при неумолкаемомъ громѣ салютаціонныхъ выстрѣловъ, возвѣстилъ въ Ведено о полученіи имъ султанскаго фирмана, обѣщающаго скорую помощь. Агенты имама забѣгали по всей линіи съ этими фирманами, и народъ сталъ ожидать чего-то особеннаго. Донося объ этомъ настроеніи, Врангель добавляетъ, что смута проникла и въ мирные аулы; „даже Старый-Юртъ и Брагуны, оставшіеся вѣрными русскимъ въ 40-мъ году, когда возстала вся Чечня, теперь считались ненадежными“. Таковы были дѣла на лѣвомъ флангѣ въ серединѣ 1854-го года, когда баронъ Врангель получилъ свѣдѣнія изъ раз-

ныхъ угловъ о значительныхъ приготовленіяхъ Шамиля для вторженія въ предѣлы Россіи. Но куда? объ этомъ никто не зналъ. Суета охватила сразу лезгинскую линію, Дагестанъ и кавказскую линію. 26-го іюня баронъ Врангель доносилъ, что огромныя скопища Шамиля собрались въ 40 верстахъ отъ Хасафъ-Юрта; затѣмъ, стало извѣстно, что имамъ намѣревается идти во владѣнія Шамхала,—и мы стали передвигать резервы. Но вскорѣ разъяснилось, что Шамиль ушелъ на лезгинскую линію, съ цѣлью сдѣлать грандіозный набѣгъ на Грузію. Планъ былъ смѣлъ; онъ далъ себя чувствовать даже въ Тифлисѣ. Пользуясь этимъ удаленіемъ имама изъ Чечни, баронъ Врангель предпринялъ рядъ концентрическихъ передвиженій въ глубь большой Чечни, вопервыхъ, для того, чтобы приготовить запасы и убрать посѣвы жителей, и вовторыхъ, чтобъ отвлечь хотя бы часть силъ отъ лезгинской линіи. Съ этою цѣлью, въ концѣ іюля *), было приказано выступить колоннамъ изъ укр. Куринскаго на Мичикъ, изъ Грозной на Джалку и изъ Воздвиженской на Бассъ. 6-ть ротъ куринцевъ состояли въ воздвиженской колоннѣ подъ начальствомъ самого барона Врангеля, который, переправившись черезъ Аргунъ 1-го іюля 1854-го года. расположился на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ лагерь князя Барятинскаго въ 1852-мъ году. Въ колоннѣ было 2½ баталіона, 23 сотни и 11-ть орудій.

Баронъ Врангель пошелъ черезъ шалинскую просѣку на Бассъ и производилъ обычныя въ то время операціи вытаптыванія полей и выжиганія ауловъ, почти не встрѣчая сопротивленія. Талгикъ былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи; онъ донесъ о своемъ положеніи Шамилю и кликнулъ кличъ къ правовѣрнымъ, но они собирались медленно и неохотно. Отсутствіе Шамиля замѣчалось на всемъ: ни запальчивыхъ гиканій, ни тѣхъ преслѣдованій и арріергардныхъ дѣлъ, къ которымъ привыкли куринцы. Тѣмъ успѣшнѣе

*) Въ это время баталіонами командовали: 1-мъ—полковникъ Чихачевъ, 2-мъ—маіоръ Мансурадзе, 3-мъ—подполковникъ Бреверинъ. 4-мъ—подполковникъ Барабашъ и 5-мъ—маіоръ Нордштейнъ.

дѣлали свое дѣло наши колонны, которыя въ теченіе 1-го, 2-го, 3-го и 4-го чиселъ, можно сказать, гуляли по полямъ большой Чечни, къ великому огорченію и раззоренію ауловъ. Во все время походовъ, отрядъ барона Врангеля, состоявшій изъ 150-ти офицеровъ и 5½ т. нижнихъ чиновъ, имѣлъ 2 убитыхъ и 27-мь раненыхъ и контуженыхъ. И съ этими сравнительно ничтожными жертвами баронъ Врангель успѣлъ лишить богатѣйшую часть Чечни жатвы и сѣна! Слѣдствіемъ этого были новыя, хотя и незначительныя, переселенія съ береговъ Джалки.

Вообще говоря, съ начала войны съ Турціей, на кавказской линіи преобладала съ нашей стороны оборона; Шамиль же развилъ наступленіе. Мы уже говорили объ его сборахъ до іюня 1854-го года. Затѣмъ, послѣ возвращенія изъ Кахетіи, гдѣ взята богатая добыча, Шамиль навремя успокоился; зато, его присутствіе въ Ведено давало толчекъ и энергію наибамъ. Центромъ тяжести событій этого времени сдѣлался Мичикъ и кумыкская плоскость, гдѣ кабардинцы не разъ напомнили врагамъ о быломъ; въ районѣ же расположенія куринцевъ все было сравнительно тихо.

Въ ночь съ 1-го на 2-е октября всполошилась вся линія; началась опять бѣготня баталіоновъ и казаковъ. Причиной всего было то, что Шамиль, съ огромнымъ сборомъ, по слухамъ, тысячъ въ пятнадцать, спустился на Бассъ и собирался въ какую-то невѣдомую намъ страну. Надо было быть готовымъ вездѣ. Справедливо расчитывая, что укрѣпленнымъ нашимъ пунктамъ не грозитъ опасность, баронъ Врангель сформировалъ подвижной резервъ въ Грозной, куда потребовалъ изъ Воздвиженской 2-й баталіонъ куринцевъ, и ждалъ, пока выяснится намѣреніе Шамиля. Этотъ резервъ состоялъ всего изъ 9-ти ротъ, 18-ти сотенъ и 8-ми орудій.

Наконецъ, Шамиль раскрылся: онъ быстро двинулся на Мичикъ и штурмовалъ ненавистный ему аулъ Истису, обороняемый одной ротой кабардинцевъ. Здѣсь разыгралась кровавая драма, изъ которой героемъ вышелъ баронъ А. П. Николаи, съ своими храбрыми кабардинцами.

Сборъ Шамиля всполошилъ всѣхъ: начальникъ владикавказ-

скаго округа генералъ-маіоръ баронъ Вревскій и командующій войсками въ прикаспійскомъ краѣ генералъ князь Орбеліани выставили къ границамъ лѣваго фланга колонны и тоже ожидали событій. Между тѣмъ, Шамиль, видя неудачу подъ Истису, направилъ сына своего Кази-Магомета, съ 10 т. пѣшихъ и конныхъ, на Аргунъ и въ малую Чечню. Толпа эта прошла мимо Урусъ-Мартана и направилась во владикавказскій округъ. Но и здѣсь горцы не имѣли успѣха: баронъ Вревскій встрѣтилъ ихъ на р. Нетхоѣ и заставилъ возвратиться домой. Такъ кончились грозные сборы Шамиля. Куринцы, назначенные въ составъ резерва барона Врангеля, нигдѣ не имѣли дѣла съ врагомъ; они форсированно перемѣщались въ мѣста, гдѣ грозила опасность—сначала въ Старый-Юртъ, затѣмъ въ Алханъ-Юртъ и Воздвиженскую, гдѣ и засталъ ихъ конецъ похода Шамиля.

Въ декабрѣ 1854-го года началась обычная зимняя экспедиція. На этотъ разъ предположено было: 1) расчистить старыя просѣки на Гойтѣ и шалинской полянѣ и 2) прорубить прямой путь отъ Грозной къ Умаханъ-Юрту черезъ Устаръ-Гордой. Сначала работы предполагались на Гойтѣ, но такъ какъ Шамиль, узнавъ о нашемъ намѣреніи, собралъ партію въ малой Чечнѣ, то баронъ Врангель рѣшился начать работы съ Устаръ-Гордоя. Съ этою цѣлью, сосредоточивъ здѣсь 4-го декабря отрядъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты, 11-ти сотенъ казаковъ и 10-ти орудій, онъ двинулся съ нимъ внизъ къ Дахинъ-Ирзау на Сунжѣ и потомъ поднялся вверхъ по Джалкѣ. Во время этой экспедиціи, по словамъ военнаго журнала, мы уничтожили по Джалкѣ и Шавдону до двадцати ауловъ, съ 1805-ю дворами, о существованіи коихъ не было до того извѣстно штабу. 10-го декабря отрядъ пришелъ на аргунскую переправу у Тепли-Кичу, и такъ какъ къ этому времени Шамиль сосредоточилъ свои силы за Джалкой, то баронъ Врангель сталъ уже вести отсюда медленно и осторожно правильную просѣку по направленію къ Умаханъ-Юрту. Отрядъ почти нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія; Шамиль только былъ озабоченъ удержаніемъ переселенцевъ, и колонна барона Врангеля, окончивъ свой урокъ, возвратилась 20-го числа въ крѣпость Воздвиженскую, съ

цѣлью начать работы на шалинской полянѣ. Здѣсь, также какъ на Джалкѣ, работы шли безъ затрудненій и окончены къ Рождеству. 25-го декабря часть отряда была отпущена на зимнія квартиры, а остальныя войска, подъ начальствомъ командира 2-й бригады 20-й дивизіи генералъ-маіора Пулло, направлены 22-го числа къ Урусъ-Мартану, на гойтинскую просѣку, гдѣ отрядъ остался до 3-го января.

Во всѣхъ работахъ колоннъ барона Врангеля и генерала Пулло, съ 7-го декабря по 4-е января, участвовалъ 2-й баталіонъ куринцевъ подъ командой маіора Мансурадзе.

Эти работы, имѣя большое значеніе въ дѣлѣ умиротворенія края, происходили безъ особо выдающихся стычекъ и стоили всего двухъ-трехъ человѣкъ ранеными. Шамиль какъ будто ожидалъ чего-то, и, какъ доносилъ баронъ Врангель, имамъ объяснялъ жителямъ свое бездѣйствіе разными побасенками; такъ напримѣръ: Шамиль говорилъ, что въ отрядѣ русскихъ присутствуютъ адъютанты Императора, съ цѣлью убѣдиться, можно ли изъ Чечни взять войска для войны съ Турціей, и что когда онъ, имамъ, введетъ насъ въ заблужденіе своимъ мнимымъ безсиліемъ и тѣмъ заставитъ оттянуть изъ Чечни большую часть войскъ, онъ начнетъ свое смѣлое дѣйствіе по всей линіи. Было ли это искреннее убѣжденіе Шамиля, или выдумка лазутчиковъ—намъ неизвѣстно; видно только, что владыка Чечни, дѣйствительно, бездѣйствовалъ.

Пользуясь этимъ, баронъ Врангель вновь собралъ отрядъ въ Тепли и 7-го января 1855-го года двинулъ его къ Джалкѣ и сталъ рубить лѣса по берегамъ Дока-Шавдона. Въ то же время другая колонна, подъ начальствомъ генерала барона Николаи, двинулась на встрѣчу первой изъ Умаханъ-Юрта. Колонна барона Врангеля, въ которой состоялъ также 2-й баталіонъ маіора Мансурадзе, съ большимъ успѣхомъ рубила знаменитый герзелинскій лѣсъ и истребила на Дока-Шавдонѣ большіе аулы: Висиръ, Марашъ, Галгай и Таубулатъ. Только 5-го января, при отступленіи кавалеріи изъ за Шавдона, непріятель выказалъ энергію; но и здѣсь куринцы, прикрывавшіе отступленіе, разсѣяли врага, при чемъ были контужены маіоръ Мансурадзе и капитанъ Меляртъ; нижнихъ чиновъ ранено 9-ть. Окончивъ работы на Шавдонѣ, баронъ Врангель двинулся

внизъ по рѣкѣ Джалкѣ на встрѣчу барону Николаи. 8-го января обѣ колонны соединились у Умаханъ-Юрта и, послѣ дружной работы, къ 14-му января было открыто прямое сообщеніе между Грозной и Умаханъ-Юртомъ черезъ Устаръ-Гордой. Вся страна была занята нами; оставался только аулъ Гертме, лежавшій въ глубинѣ вѣковаго лѣса, на р. Гудермесѣ. Шамиль сосредоточилъ здѣсь всѣ силы, и убѣжденный въ томъ, что баронъ Врангель не захочетъ оставить въ покоѣ и этотъ аулъ, укрѣпилъ его валомъ и засѣками. Но войска Врангеля, обезпеченныя довольствіемъ только по 15-е января, не могли оставаться въ сборѣ, и опасность, угрожавшая Гертме, на этотъ разъ миновала. Отрядъ распущенъ 14-го января.

Зимняя экспедиція 1854—55 годовъ имѣла громадный успѣхъ: вся сѣверная половина большой Чечни покорилась; до 500-тъ семействъ вышли въ наши предѣлы, и границы владѣній Шамиля значительно удалились отъ русскихъ поселеній на Аргунѣ и Сунжѣ. Казалось, возстановилось спокойствіе въ плоскостной Чечнѣ, и лѣтомъ 1855-го года гарнизоны нашихъ укрѣпленій жили относительно мирно.

Но Шамиль все-таки не терялъ надежды на будущее. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ явился въ окрестности Автуры, согналъ сюда изъ нагорныхъ частей рабочихъ и скотъ, и силой заставлялъ пахать и засѣвать поля. Вмѣстѣ съ этимъ, имамъ учредилъ постоянный сборъ изъ 2 т. человѣкъ и окружилъ постами свои новыя границы. Успѣхи союзниковъ на Черномъ морѣ и взятіе ими Анапы еще болѣе поддерживали надежды имама, такъ что въ іюнѣ онъ собралъ новую большую партію и задумалъ набѣгъ. Но и эти хлопоты кончились ничѣмъ, благодаря мѣрамъ, принятымъ новымъ начальникомъ лѣваго фланга генералъ-маіоромъ барономъ Вревскимъ.

Здѣсь мы должны возвратиться назадъ и сказать о важныхъ перемѣнахъ, случившихся въ 1855-мъ году въ личномъ составѣ управленія Кавказа и Куринскаго полка.

Въ мартѣ 1854-го года оставилъ Кавказъ намѣстникъ и главнокомандующій *), свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ. Старый

*) Приказъ по корпусу помѣщенъ въ концѣ книги, въ приложеніяхъ;

вождь, шефъ Куринскаго полка и мудрый правитель намѣстничества возвѣстилъ о своемъ отъѣздѣ въ приказѣ, проникнутомъ глубокими чувствами уваженія къ войскамъ кавказскаго корпуса, съ которыми почти десять лѣтъ дѣлилъ горе и радость. Съ отъѣздомъ князя, куринцы потеряли и заботливаго начальника, и нѣжнаго отца-шефа, память о которомъ до сихъ поръ съ благоговѣніемъ почитается въ рядахъ славнаго полка. Хотя князь Михаилъ Семеновичъ предполагалъ возвратиться на Кавказъ осенью, но болѣзнь и крайнее утомленіе не позволили ему исполнить завѣтную мечту. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ навсегда покинулъ край и провелъ остатокъ своихъ дней вдали отъ страны, которая до сихъ поръ благословляетъ его имя. Временное исправленіе должности главнокомандующаго было поручено генералу Реаду и, наконецъ, въ ноябрѣ 1854-го года былъ назначенъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ. Новый главнокомандующій, по пути въ Тифлисъ, остался на кавказской линіи цѣлый мѣсяцъ, посѣтилъ, между прочимъ, и лѣвый флангъ и, надо признаться, нашелъ вездѣ много безпорядковъ. Суровый генералъ, воспитанный въ школѣ строгой дисциплины, законности и спартанской простоты, не могъ помириться съ нравами кавказскихъ войскъ, гдѣ рядомъ съ лихостью и боевымъ самоотверженіемъ жила непріятная для Муравьева распущенность, своебразная дисциплина и не всегда строгая экономія въ эксплуатаціи солдатскаго труда и казенныхъ денегъ. Муравьеву не нравились тѣ особенности кавказскихъ войскъ, которыя оправдывались лишь условіями полувѣковой войны въ горахъ и не находили себѣ санкціи ни въ какихъ писаныхъ законахъ. Отсюда та бездна, которая сразу отдѣлила Муравьева отъ окружающихъ и поставила его особнякомъ въ новой странѣ. Не входя въ разсмотрѣніе высшей степени интересной для исторіи кавказской войны борьбы, объявленной новымъ главнокомандующимъ старымъ порядкамъ, здѣсь упомянемъ, что, по пріѣздѣ на Кавказъ, Муравьевъ

тамъ же краткая біографія князя Воронцова, взятая изъ сочиненія Богдановича „Восточная война“.

прежде всего задался мыслью исполнить повелѣніе Государя: „*обходиться тѣми способами, которые найдутся на мѣстѣ*“. Самъ Муравьевъ, въ своемъ сочиненіи „Война за Кавказомъ въ 1855-мъ году“, говоритъ: „главнокомандующій, совершивъ объѣздъ сей (по кавказской линіи), нашелъ, что не только не предстояло надобности бросать передовыхъ линій нашихъ, какъ то предполагалось кавказскимъ начальствомъ, но призналъ возможнымъ даже подаваться въ теченіе 1855-го года впередъ. Но для достиженія этого, неизбѣжно было отчасти измѣнить существовавшій въ кавказскихъ войскахъ обычай—отвлекать отъ службы множество людей на хозяйственныя занятія, съ избыткомъ вознаграждавшія лишенія, коимъ подвергаются люди, навѣки отдаленные отъ родины. Съ такимъ состояніемъ дѣлъ довелось главнокомандующему бороться на первыхъ порахъ пріѣзда на линію. Баталіоновъ и ротъ было много, но войскъ, дѣйствительно, оказывалось мало“ *).

Исходя изъ этого взгляда, Муравьевъ нашелъ возможнымъ отправить за Кавказъ восемь баталіоновъ резервной дивизіи и кромѣ того людей для укомплектованія тѣхъ частей, кои отправились въ Закавказье въ предыдущемъ году. Здѣсь, къ сожалѣнію, должно признаться, что Муравьевъ остался недоволенъ и куринцами. 17-го февраля, осмотрѣвъ части полка въ Грозной, онъ счелъ нужнымъ выразить свое неудовольствіе командиру полка, и даже самъ отрѣшилъ отъ командованія ротой штабсъ-капитана Воронина „за неправильное расходованіе людей и чрезвычайно малое число рядовъ на смотру“. Этотъ смотръ имѣлъ печальное послѣдствіе и для полковника Ляшенко: онъ долженъ былъ немедленно уѣхать, сдавъ временное завѣдываніе полкомъ подполковнику Барабашу, а 30-го апрѣля уже пріѣхалъ въ Воздвиженскую полковникъ Мищенко, который и вступилъ, „по волѣ главнокомандующаго“, въ командованіе егерскимъ генералъ-адъютанта князя Воронцова полкомъ. Полковникъ Ляшенко былъ назначенъ командиромъ прагскаго полка и навсегда уѣхалъ съ Кавказа.

Впрочемъ, уменьшеніе войскъ на линіи не коснулось лѣваго

*) Часть I, стр. 8-я.

фланга; сюда, напротивъ того, прибыли 6-ть резервныхъ баталіоновъ изъ расположенныхъ здѣсь полковъ, и эти баталіоны, занявъ укрѣпленія, увеличили число подвижныхъ войскъ.

Другое важное событіе на лѣвомъ флангѣ было соединеніе въ лицѣ генералъ-маіора барона Вревскаго командованія войсками, расположенными во владикавказскомъ округѣ и на лѣвомъ флангѣ; этимъ путемъ получилась возможность сосредоточивать бо́льшія силы въ важныхъ пунктахъ—чѣмъ достигалась самостоятельность дѣйствій *). Эти перемѣны дали возможность генералу барону Вревскому дѣйствовать противъ Шамиля рѣшительнѣе, и 20-го мая онъ сдѣлалъ первый набѣгъ на Джалку. Ночью онъ выступилъ изъ Грозной и на разсвѣтѣ нагрянулъ на Мискиръ-Юртъ. Жители были захвачены врасплохъ, деревня взята и сожжена, и мы стали отступать съ большой добычей. При отступленіи, въ арріергардѣ былъ оставленъ 2-й баталіонъ маіора Мансурадзе. Въ самомъ началѣ движенія появилась партія Талгика и стала сильно насѣдать на арріергардъ. Завязалось довольно сильное дѣло, и куринцы хотя и работали „честно", но потеряли 1-го убитаго и 23 раненыхъ. Еще одинъ набѣгъ былъ сдѣланъ въ іюнѣ. На этотъ разъ топтали и жгли посѣвы между Шали и Герменчукомъ. Въ отрядѣ было 3 баталіона пѣхоты и до 3 т. кавалеріи; куринцевъ было 8-мь ротъ, съ полковникомъ Мищенко. Отрядъ гулялъ по Чечнѣ три дня, почти безъ выстрѣла, но при отступленіи повторилась обыкновенная перестрѣлка, причемъ у насъ убитъ 1 и ранено 25-ть нижнихъ чиновъ.

Въ концѣ 1855-го года Вревскій сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ экспедицій въ большой и малой Чечнѣ.

Приказавъ барону Николаи демонстрировать со стороны Умаханъ-Юрта, баронъ Вревскій 18-го ноября прошелъ съ колонной, состоявшей изъ 3½ баталіоновъ пѣхоты, 10-ти сотенъ казаковъ и 5-ти орудій, на теплинскую переправу, гдѣ засталъ полковника Мищенко съ 2½ баталіонами куринцевъ (2-й и 5-й, а также двѣ

*) Генералъ Муравьевъ остался недоволенъ барономъ Врангелемъ, который былъ уволенъ по болѣзни въ продолжительный отпускъ.

роты 4-го бат.), 3-мя сотнями казаковъ и 4-мя орудіями. Соединенная колонна перешла черезъ Аргунъ и двинулась къ Шавдону черезъ шалинскую просѣку. Въ теченіе четырехъ дней баронъ Вревскій хозяйничалъ въ аулахъ по Шавдону и Джалкѣ и возвратился 23-го ноября, имѣя во всей колоннѣ: раненымъ Куринскаго полка поручика Ярцова, и нижнихъ чиновъ—убитыми 7 и ранеными 22 (преимущественно куринцевъ).

Въ началѣ декабря, 4-й и 5-й баталіоны куринцевъ, съ своими командирами, участвовали въ расчисткѣ старыхъ просѣкъ и въ проведеніи новыхъ къ югу отъ Урусъ-Мартана, по Рошнѣ и Тенгѣ, подъ командою генерала Пулло. 8-го числа отрядъ, считавшій въ своихъ рядахъ 6-ть баталіоновъ, 9-ть сотенъ и 8-мь орудій, двинулся вверхъ по Рошнѣ. Прежде всего пришлось штурмовать непріятельскій завалъ, преграждавшій намъ путь въ трехъ верстахъ отъ укрѣпленія Урусъ-Мартана. Молодецки исполнивъ задачу, выпавшую на долю куринцевъ, Пулло двинулся далѣе; но, получивъ приказаніе ѣхать въ Грозную, онъ долженъ былъ поручить окончаніе экспедиціи полковнику Мищенко, который, расчиститвъ дорогу по Рошнѣ, повернулъ колонну къ Тенгѣ. Здѣсь, на лѣсистыхъ высотахъ, раздѣляющихъ эти рѣки, Мищенко долженъ былъ атаковать новый завалъ, который, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ взятъ опять куринцами; затѣмъ, начались работы по рубкѣ лѣса, и отрядъ, успѣшно окончивъ задачу, возвратился къ укрѣпленію, потерявъ въ двухъ жаркихъ дѣлахъ: офицеровъ—убитымъ 1-го и ранеными 2, нижнихъ чиновъ—убитымъ 1 и ранеными 20-ть. Въ концѣ декабря Мищенко рубилъ лѣсъ по дорогѣ къ аргунскому ущелью и продолжалъ эту же работу въ январѣ 1856-го года.

По предположенію барона Вревскаго, заявленному въ серединѣ 1855-го года, въ предстоящую зиму и лѣтомъ 1856-го года войска лѣваго фланга должны были исполнить довольно сложныя и трудныя работы. Зимой предполагалось собрать отрядъ съ 15-го октября и держать его въ сборѣ до 15-го марта, и въ теченіе этого времени истреблять жилища непокорныхъ и тѣмъ заставить ихъ или принять русское подданство, или выселиться въ горы,

гдѣ скудныя средства, вѣроятно, заставили бы ихъ вновь смириться. Вмѣстѣ съ этимъ, Вревскій хотѣлъ расширить просѣки между Умаханъ-Юртомъ и Грозной съ одной стороны, и Воздвиженской и укрѣпленіемъ Куринскимъ съ другой. Наконецъ, зимой же предполагалось построить укрѣпленіе въ Мискиръ-Юртѣ, для содержанія здѣсь подвижнаго резерва, такъ сказать, на носу у непріятеля. Предположенія Вревскаго на этомъ не остановились: лѣтомъ 1856-го года онъ хотѣлъ устроить укрѣпленіе у теплинской переправы (Бердыкель) и водворить нѣсколько станицъ и поселеній на Аргунѣ и Сунжѣ. Но эти широкіе планы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, безъ того поглощавшихъ всѣ матеріальныя средства для потребностей войны, показались главнокомандующему несбыточными, и генералъ Муравьевъ, находившійся при дѣйствующемъ корпусѣ, лично разсмотрѣвъ предположенія Вревскаго, разрѣшилъ расчистку просѣкъ, но не согласился дать средствъ ни на какія постройки, кромѣ земляныхъ въ Бердыкелѣ.

Согласно рѣшенію Муравьева, войска лѣваго фланга собрались для расчистки просѣки уже съ конца 1855-го года. Мищенко, съ куринцами, расчищалъ лѣса отъ Воздвиженской къ Шали и мезоинскимъ полямъ, а баронъ Николаи, съ главными силами (6-ть баталіоновъ, 10-ть сотенъ и 8-мь орудій), въ числѣ которыхъ былъ 2-й баталіонъ куринцевъ, сталъ лагеремъ близь Умаханъ-Юрта и отсюда велъ просѣку къ Гертме и Шавдону. Работы барона Николаи продолжались отъ 28-го декабря 1855-го года до 20-го января 1856-го года. Въ этотъ промежутокъ времени работы происходили по принятому порядку особыми колоннами. Перестрѣлки чередовались съ отдыхами; непріятель нигдѣ не оказывалъ серьезнаго сопротивленія. Болѣе жаркія дѣла происходили: 3-го января, когда казакамъ удалось загнать толпу въ болото и тамъ перестрѣлять ее, и 8-го числа, когда, подготовивъ дѣло предшествующими работами, баронъ Николаи, оставивъ другіе баталіоны для рубки, самъ, съ своими кабардинцами, штурмовалъ покинутый непріятелемъ большой аулъ. Во все время работъ колонна барона Николаи имѣла 2 убитыхъ и 5 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Изъ этого видно, насколько усмирились враги наши къ нача-

лу 1856-го года. Еще яснѣе смиреніе это выказалось въ февралѣ, когда новый начальникъ лѣваго фланга, генералъ-маіоръ Евдокимовъ, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 8000 человѣкъ (въ числѣ ихъ 2-й и 5-й баталіоны Куринскаго полка) съ пушками и обозомъ, производилъ рубку на правомъ берегу Аргуна, между Воздвиженской, теплинской переправой и Герменчукомъ съ 21-го февраля по 6-е марта, и въ теченіе всего этого времени имѣлъ лишь 1-го убитаго и 3-хъ раненыхъ. Вотъ результатъ десятилѣтней войны въ Чечнѣ по системѣ князя Воронцова. 6-го апрѣля генералъ Евдокимовъ вновь собралъ отрядъ изъ 11-ти ротъ (изъ нихъ пять Куринскаго полка) и заложилъ укрѣпленіе Бердыкель.

Въ этотъ періодъ война съ Турціей уже была кончена; жизнь вошла въ свою колею и принесла съ собой столько преобразованій на Кавказѣ, что и исторія Куринскаго полка не можетъ пройти ихъ молчаніемъ. Мы обратимся къ нимъ въ главѣ XIX.

XVIII.

Война съ Турціею съ 1853-го по 1856-й годъ и участіе въ ней Куринскаго полка. Командированіе 1-го и 3-го баталіоновъ въ Закавказье. Дѣйствія александропольскаго отряда въ 1853-мъ году. Сраженія при Баяндурѣ и Башъ-Кадыклярѣ. Передвиженіе куринскихъ баталіоновъ въ ріонскій край. Сраженія при Нигоити и Чолокѣ. Движеніе на Ингуръ. Ингурскій бой. Сосредоточеніе войскъ за Цхенисъ-цхале. Возвращеніе 1-го и 3-го баталіоновъ въ Чечню. Миръ съ Турціей.

Въ сентябрѣ 1853-го года вспыхнула война Россіи съ Турціей. Эта война началась настолько неожиданно, что Императоръ Николай I, рѣшившій въ концѣ іюля высадить на кавказскій берегъ 13-ю дивизію, чтобы съ ея помощью привести въ покорность горцевъ за-

паднаго Кавказа, долженъ былъ измѣнить свое повелѣніе передъ самымъ выступленіемъ ея, и 13-я дивизія, вмѣсто береговъ Кубани, была спѣшно направлена на границу Турціи.

Восточная война застала Кавказъ въ весьма невыгодномъ для Россіи состояніи: занятая періодическими работами, кавказская армія была далеко отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ суждено было ей побѣждать турокъ; пограничную же линію, на протяженіи болѣе 450-ти верстъ, занимали лишь 1800-тъ казаковъ и четыре линейныхъ баталіона, такъ что почти 200 т. армія, не смотря на свою многочисленность, могла выставить въ первое время только 6-ть баталіоновъ, 400-та казаковъ и 12-ть горныхъ орудій, считая здѣсь всѣхъ способныхъ и неспособныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Войска эти были раздѣлены на два отряда и поставлены въ двухъ важнѣйшихъ пунктахъ—въ Ахалцыхѣ и въ Александрополѣ. Сборъ этихъ войскъ окончательно обезоружилъ все пространство къ югу отъ Тифлиса и тѣмъ открылъ его непріятелю. Это было опаснѣйшее время восточной войны въ Закавказьи; оно продолжалось сряду четыре мѣсяца, и только благодаря нерѣшительности турокъ и ихъ невѣдѣнію положенія Россіи, мы имѣли относительный успѣхъ. Такое положеніе заставило князя Воронцова передвинуть въ Закавказье всѣ войска, которыя можно было собрать безъ крайняго обезсиленія прочихъ театровъ войны; въ числѣ этихъ войскъ были 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка. Въ концѣ августа, барону Врангелю приказано было части эти направить въ Тифлисъ форсированнымъ маршемъ. Но дѣла въ Чечнѣ были настолько тревожны, что 4-го сентября 1853-го года командующій войсками, въ виду слуховъ о замыслахъ Шамиля, долженъ былъ отправить въ Закавказье только 1-й баталіонъ „съ тѣмъ, что если слухи не подтвердятся, то немедленно же отправитъ и 3-й баталіонъ“.

Потребность въ войскахъ въ Закавказьи была такъ велика, что 8-го сентября Врангелю было послано новое подтвержденіе о скорѣйшей высылкѣ куринцевъ, и адъютанту главнокомандующаго князю Гагарину *), который былъ командированъ съ этимъ прика-

*) Офицеръ Куринскаго полка.

заніемъ, сказано было, что если онъ встрѣтитъ баталіоны въ пути, то передалъ бы имъ приказаніе главнокомандующаго—слѣдовать безъ дневокъ, ,,устраняя всѣ препятствія въ пути". Въ силу такой необходимости, баталіонамъ были даны маршруты безъ обозначенія чиселъ, съ тѣмъ, чтобы баталіонные командиры сами дирижировали маршемъ сообразно обстоятельствамъ. 1-й баталіонъ Куринскаго полка, подъ командою подполковника Оклобжіо, выступилъ изъ крѣпости Грозной 3-го сентября, прибылъ въ Тифлисъ 18-го, и 2-го октября уже былъ въ Александрополѣ, въ составѣ корпуса князя Бебутова. 3-й баталіонъ, подъ командою флигель-адъютанта подполковника Бреверна, выступилъ изъ Грозной 13-го сентября и изъ Тифлиса былъ направленъ, вслѣдствіе весьма тревожнаго положенія лезгинской кордонной линіи, въ крѣпость Новые Закаталы, куда прибылъ 10-го октября. Но вскорѣ гораздо большая потребность въ войскахъ оказалась въ ріонскомъ краѣ, и потому, вслѣдъ за прибытіемъ въ Закаталы, Бревернъ получилъ приказаніе—форсированно двинуться въ составъ гурійскаго отряда. 10-го декабря 1853-го года онъ былъ уже въ Озургетахъ.

Здѣсь не лишнее вспомнить, что куда ни приходили куринцы, ихъ вездѣ принимали, какъ опытныхъ и надежныхъ бойцовъ. Врангель, отпуская 3-й баталіонъ съ лѣваго фланга, писалъ главнокомандующему, что онъ очень желалъ бы, чтобъ ему возвратили если не оба баталіона куринцевъ, то по крайней мѣрѣ одинъ. ,,Безъ сомнѣнія, одинъ баталіонъ немного прибавляетъ къ общей численности войскъ, но я знаю — писалъ баронъ Врангель—что баталіонъ егерской бригады 20-й дивизіи всегда замѣнитъ собой нѣсколько другихъ".

Командующій войсками на лезгинской кордонной линіи князь Орбеліани съ большимъ сожалѣніемъ отпустилъ 3-й баталіонъ изъ Закаталъ, а начальникъ гурійскаго отряда князь Андрониковъ ,,усердно" просилъ главнокомандующаго усилить его, вмѣсто баталіоновъ 18-й дивизіи, ,,кавказскими", привычными къ лѣсной войнѣ, причемъ онъ указалъ на 1-й баталіонъ куринцевъ, который просилъ скорѣе прислать изъ главнаго александропольскаго отряда, для ,,присоединенія къ 3-му баталіону". Ниже увидимъ, что ку-

ринцы, сдѣлавшіеся яблокомъ раздора въ Закавказьи, съ честью поддержали достоинство традиціоннаго имени ,,егерей 20-й дивизіи''.

Въ Тифлисѣ шефъ полка изволилъ смотрѣть баталіоны и, приказомъ по корпусу, выразилъ свое удовольствіе полковому командиру полковнику Ляшенко и баталіоннымъ—подполковникамъ: Бреверну и Оклобжіо. По приходѣ на турецкую границу, баталіоны куринцевъ въ 1853-мъ году дѣйствовали на двухъ разныхъ театрахъ войны, и потому о каждомъ изъ нихъ приходится говорить отдѣльно.

Операціоннымъ базисомъ главныхъ силъ кавказской арміи была избрана крѣпость Александрополь, гдѣ въ концѣ октября русскіе имѣли до 10-ти баталіоновъ пѣхоты, съ незначительною кавалеріею и артилеріею, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Василія Осиповича Бебутова; здѣсь же былъ и 1-й баталіонъ Куринскаго егерскаго полка *). Въ то же время турки начали двигать войска по направленію къ Карсу и, раздѣливъ армію на три отряда, для дѣйствій противъ Ахалцыха, Александрополя и Эривани, вручили главное начальство муширу Абди-пашѣ. Этотъ кичливый паша, гордившійся своимъ германскимъ образованіемъ и заслужившій репутацію способнѣйшаго военнаго человѣка, не замедлилъ, въ концѣ октября, начать наступательныя движенія противъ главныхъ силъ кавказской арміи. При тогдашней несоотвѣтственности числа воевавшихъ, рѣшеніе его нельзя считать слишкомъ смѣлымъ; напротивъ того, военная критика скорѣе можетъ упрекнуть пашу въ медленности, позволившей русскимъ собрать къ 1-му ноября до 10-ти баталіоновъ пѣхоты. Съ этими войсками было бы слишкомъ самонадѣянно встрѣтить въ полѣ непріятеля въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго; искать же спасенія въ Александрополѣ— значило бы, въ самомъ началѣ войны, подвергать важнѣйшій

---

*) Въ составѣ 1-го баталіона, подъ командой подполковника Оклобжіо, выступило изъ Грозной: оберъ-офицеровъ 15-ть и нижнихъ чиновъ 815-ть.

Въ баяндурскомъ сраженіи контужены ядрами: штабсъ-капитанъ Каваликъ и прапорщикъ Шпигановскій и ранено исключительно артилерійскими снарядами нижнихъ чиновъ 23.

стратегическій пунктъ случайностямъ, тѣмъ болѣе загадочнымъ, что оборонительныя средства крѣпости не были достаточно надежны. По всему этому, узнавъ о движеніи турецкаго корпуса къ Александрополю, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій, незадолго передъ тѣмъ назначенный въ помощники къ генералу князю Бебутову, счелъ за лучшее выйти врагу на встрѣчу. Для того, чтобы преградить путь непріятелю, 2-го ноября былъ высланъ изъ Александрополя небольшой отрядъ, подъ командою командира грузинскаго гренадерскаго полка генералъ-маіора князя Орбеліани.

Лишь только первая боевая линія отряда переправилась черезъ рѣку, недалеко отъ Караклиса появилась турецкая кавалерія. Преслѣдуемые нашими казаками, баши-бузуки, быстро появляясь то на томъ, то на другомъ флангѣ нашего отряда, и отступая шагъ за шагомъ, исчезли въ небольшомъ разстояніи отъ главной позиціи турокъ, расположенной при Баяндурѣ. Между тѣмъ, русскія войска продолжали двигаться въ боевомъ порядкѣ, имѣя въ первой линіи 2-й баталіонъ эриванскаго карабинернаго полка, 1-й баталіонъ Куринскаго полка, 16-ть батарейныхъ и пять легкихъ орудій; во 2-й линіи было семь ротъ грузинскаго гренадерскаго Его Высочества полка и три роты эриванскаго карабинернаго;резервъ состоялъ изъ сапернаго и стрѣлковаго баталіоновъ, нижегородскаго драгунскаго полка, съ донскою № 7-го батареею, трехъ сотенъ кавказскихъ линейныхъ казаковъ и дружины борчалинскихъ татаръ. Передовой отрядъ турецкой кавалеріи, какъ сказано, навелъ русскихъ на главныя свои силы, расположенныя въ деревнѣ Баяндурѣ, гдѣ и былъ самый бой 2-го ноября.

Здѣсь мы должны сознаться, что не имѣемъ вѣрныхъ матеріаловъ для описанія этого сраженія. Офиціальныя донесенія обѣихъ сторонъ приписываютъ побѣду себѣ. Такъ напримѣръ: въ брошюрѣ, составленной для Алексѣя Петровича Ермолова въ 1854-мъ году, сказано, что „всѣ нападенія конницы и пѣхоты были отражаемы съ урономъ и стыдомъ для турокъ"; между тѣмъ, какъ донесенія Абди-паши произвели общій восторгъ въ Константинополѣ. Тамъ, разсказывая о разбитіи наголову русскихъ войскъ при Баяндурѣ, непремѣнно прибавляли несомнѣнныя надежды за-

пять Тифлисъ при помощи Шамиля, который предполагался движущимся въ Грузію, во главѣ 60 т. черкесовъ *). Изъ соединенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла надо заключить, что бой рѣшился перестрѣлкою, причемъ русскіе, какъ стоявшіе па открытомъ мѣстѣ, понесли больше урона, чѣмъ турки, и возвратились на другой день въ Александрополь, не видя уже передъ собой врага. Показанія очевидцевъ согласны съ послѣднимъ рѣшеніемъ, а исключительно огнестрѣльныя раны, полученныя выбывшими изъ строя, подтверждаютъ справедливость нами сказаннаго.

Дѣло 2-го ноября не уменьшало надежды турокъ въ скоромъ времени занять Тифлисъ; такъ думалъ по крайней мѣрѣ муширъ Абди-паша. Онъ приказалъ начальнику своего штаба, Ахмедъ-пашѣ, наблюдать за Александрополемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искать случая сразиться съ малочисленнымъ отрядомъ русскихъ; самъ же муширъ уѣхалъ изъ главнаго своего отряда въ Карсъ.

Расчитывая на то нравственное вліяніе, какое могла произвести первая побѣда въ рядахъ турокъ, князь Бебутовъ выжидалъ случая напасть на непріятеля; но до 13-го числа онъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Въ десятыхъ числахъ ноября прибыли къ александропольскому отряду послѣднія подкрѣпленія (два казачьихъ полка и два баталіона гренадерской бригады), и тогда командующій корпусомъ рѣшился выдти изъ крѣпости и искать турокъ по дорогѣ къ Баяндуру. Ахмедъ-паша не выждалъ атаки русскихъ, а счелъ за лучшее отступить на встрѣчу своимъ резервамъ; поэтому князь Бебутовъ долженъ былъ перемѣнить свой

*) Преувеличенные разсказы Абди-паши о побѣдѣ при Баяндурѣ доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ. Вотъ что разсказываетъ докторъ Сандвичъ объ этомъ: Али-бей, начальникъ баши-бузуковъ (въ разговорѣ съ нимъ) сказалъ: „въ одинъ изъ набѣговъ (при Баяндурѣ) удалось мнѣ захватить телѣгу, охраняемую 16-тью всадниками; въ телѣгѣ находилось нѣсколько мѣшковъ съ сухарями и одна палатка. Я представилъ свою добычу муширу“. „Хорошо“ сказалъ онъ мнѣ, „палатку оставь себѣ“. „Мѣсяцъ спустя, одинъ изъ моихъ людей принесъ газету, изъ которой я узналъ, что, послѣ жаркаго сраженія, мы взяли у русскихъ обозъ, нагруженный сухарями и двумя тысячами палатокъ. Паши—добавилъ предводитель баши-бузуковъ назидательнымъ тономъ—отцы лжи“! (См. В. Сбор.).

планъ: 14-го числа онъ двинулся со всѣмъ отрядомъ черезъ Тихнисъ въ Пирвали. Ненастная погода помѣшала русскимъ настигнуть турокъ, бывшихъ только въ 30-ти верстахъ впереди, а потому князь Бебутовъ повернулъ влѣво и расположился лагеремъ у д. Башъ-Шурагель.

18-го числа князь Бебутовъ узналъ, что турки, отступившіе отъ Баяндура, сосредоточились у Суботана и стали лагеремъ около деревень Орта и Башъ-Кадыкляръ. ,,По этому извѣстію, говоритъ самъ князь Бебутовъ, обрадовавшему надеждою на скорую встрѣчу съ злобнымъ врагомъ, опозорившимъ себя неистовою кровожадностью противъ поселянъ", александропольскій отрядъ, до разсвѣта 19-го числа, двинулся на непріятеля изъ Башъ-Шурагеля въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ авангардѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Багговута—три сотни казачьяго полка полковника Камкова; въ главномъ отрядѣ, подъ личнымъ начальствомъ князя Бебутова—пѣхоты: кавказскій стрѣлковый баталіонъ, двѣ роты кавказскаго сапернаго баталіона, одинъ баталіонъ егерскаго князя Воронцова полка, два баталіона генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны эриванскаго карабинернаго (лейбъ-эриванскій) и 1-й и 3 роты 4-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полковъ; кавалеріи: нижегородскій драгунскій п., съ донскою № 7-го батареею, и 16-ть полевыхъ орудій; въ аррьергардѣ, для прикрытія обоза, подъ начальствомъ командира карабинернаго Его Высочества полка полковника Моллера—3-й и три роты 4-го баталіона эриванскаго карабинернаго Его Высочества (нынѣ лейбъ-эриванскій) и донскаго казачьяго № 1-го полковъ пять сотенъ; въ лѣвой цѣпи—четыре сотни своднаго линейнаго полка; въ правой цѣпи—двѣ сотни того же полка и сотня сборной конной милиціи. Всего было $8^1/_2$ баталіоновъ линейной пѣхоты, стрѣлковъ 1 бат., саперъ 2 роты, драгунъ 10-ть эскадроновъ, казаковъ 14-ть сотенъ, милиціи конной 1 сотня и артилеріи 24 орудія.

Оставивъ всѣ лишнія тяжести въ Башъ-Шурагели, подъ прикрытіемъ 3-го баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, при двухъ сотняхъ казаковъ и батареѣ артилеріи, отрядъ выступилъ на-

легкахъ *) и, переправясь въ бродъ черезъ Карсъ-чай у сел. Пирвали, поднялся на высоты, съ которыхъ, при тогдашней ясной погодѣ, можно было хорошо разсмотрѣть положеніе непріятеля. Турецкія войска занимали возвышенную позицію между ручьями Маврякъ и Кадыклярь, имѣя въ рядахъ до 20 т. регулярной пѣхоты, 3 т. регулярной кавалеріи, болѣе 14 т. куртинъ и разной милиціи.

До самаго появленія русскихъ передъ турецкимъ лагеремъ, Ахмедъ-паша не зналъ о движеніи князя Бебутова, и даже, „когда непріятельскіе разъѣзды, утромъ 19-го числа, дали знать о нашемъ приближеніи, говоритъ князь Бебутовъ, паша сначала не повѣрилъ этому и цѣлый часъ пропустилъ безъ всякихъ съ своей стороны распоряженій". По тревогѣ, турецкія войска построились на лѣвомъ берегу рѣчки Кадыклярь въ двѣ боевыя линіи—въ каждой по 6-ти баталіоновъ пѣхоты; на флангахъ первыхъ линій было по пятнадцати орудій и по одному регулярному полку кавалеріи; въ резервѣ оставлено 8-мь баталіоновъ пѣхоты и одинъ регулярный кавалерійскій полкъ съ 8-ью орудіями, а для прикрытія главнаго лагеря, у Орта-Кадыклярь—6-ть баталіоновъ пѣхоты при 8-ми орудіяхъ. Кромѣ того, оставленъ одинъ баталіонъ въ маломъ лагерѣ при Башъ-Кадыклярѣ; вся иррегулярная кавалерія и большія массы курдовъ и баши-бузуковъ были разсыпаны почти по всей непріятельской позиціи. Въ такомъ положеніи находились турки, когда александропольскій отрядъ стоялъ верстахъ въ трехъ отъ ихъ лагеря.

Въ семь часовъ дня князь Бебутовъ началъ строиться въ боевой порядокъ и двинулся на непріятеля. Первая линія александропольскаго отряда находилась подъ начальствомъ генералъ-маіора Кишинскаго. Въ центрѣ первой линіи стоялъ 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка въ развернутомъ фронтѣ, имѣя за собой двѣ

*) По мнѣнію въ отрядѣ подвижнаго артиллерійскаго парка, войска имѣли съ собою только одинъ комплектъ патроновъ и зарядовъ, провіантъ и фуражъ на 5-ть дней, спирта 4 порціи и небольшое число повозокъ для больныхъ и раненыхъ. (Дѣло глав. штаба по секр. оп. 1854-го года, № 47).

роты саперъ. На правомъ флангѣ стоялъ одинъ баталіонъ князя Воронцова полка, а на лѣвомъ 2-й баталіонъ ширванскаго полка; оба баталіона были въ колоннахъ къ атакѣ. За линіею пѣхоты помѣстились по двѣ роты кавказскаго стрѣлковаго баталіона; въ интервалахъ же между баталіонами стояли по 8-ми орудій, изъ коихъ 8-мь легкихъ и 8-мь батарейныхъ. Вторую линію составляли баталіоны гренадерской бригады, подъ начальствомъ командира ея генералъ-маіора князя Багратіонъ-Мухранскаго: 1-й и 4-й баталіоны грузинскаго гренадерскаго полка были на правомъ флангѣ, 1-й и 2-й баталіоны эриванскаго карабинернаго—на лѣвомъ; всѣ баталіоны были построены въ колоннахъ къ атакѣ. Для охраненія фланговъ отъ иррегулярной кавалеріи, были высланы вправо три дивизіона нижегородскаго полка, три сотни казаковъ и четыре конныхъ орудія; такая же часть кавалеріи была послана влѣво, подъ начальствомъ генералъ-маіора Багговута. 3-й и три роты 4-го баталіона эриванскаго полка, съ легкою батареею кавказской гренадерской артилерійской бригады и 5-ью сотнями казаковъ, составляли резервъ и прикрывали обозъ.

Замѣтивъ перестроеніе русскихъ, Ахмедъ-паша самъ перестроилъ свой корпусъ и двинулъ его впередъ па правый берегъ Маврякъ-чая и въ деревню Гамза-Кирякъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ 30-ть орудій своихъ боевыхъ линій онъ собралъ въ одну батарею на правомъ своемъ флангѣ и прикрылъ ее шестью баталіонами бывшей первой линіи. Новая позиція турокъ была болѣе растянута: правый ея флангъ составлялъ одинъ кавалерійскій полкъ и шесть баталіоновъ пѣхоты, прикрывавшіе 30-ти-орудійную батарею; центръ, состоявшій изъ шести баталіоновъ бывшей второй линіи, расположился частью на правомъ и частью на лѣвомъ берегу Маврякъ-чая, по обѣимъ сторонамъ дер. Огузлы; лѣвый непріятельскій флангъ, составленный изъ резерва, направился въ обходъ нашего праваго фланга.

Сражаться противъ непріятеля, превосходившаго александропольскій отрядъ числомъ и выгоднымъ положеніемъ, было трудно; одна храбрость отряда могла дать князю Бебутову надежду на успѣхъ, и, увѣренный въ ней, онъ рѣшился начать бой атакой турец-

кой позиціи. Спачала князь хотѣлъ дѣйствовать противъ лѣваго непріятельскаго фланга, и съ этою цѣлью двинулъ боевыя линіи къ деревнѣ Огузлы; но, замѣтивъ движеніе резерва турецкой арміи, онъ перемѣнилъ планъ и рѣшился атаковать непріятеля въ центрѣ и на правомъ флангѣ.

Въ 8-мь часовъ утра, войска князя Бебутова двинулись влѣво отъ деревни Огузлы и тотчасъ же открыли огонь изъ 16-ти орудій, бывшихъ въ интервалахъ баталіоновъ первой линіи; вмѣстѣ съ этимъ, баталіоны гренадерской бригады, стоявшіе во 2-й линіи, были двинуты влѣво, противъ праваго фланга непріятеля. Послѣ первыхъ нашихъ выстрѣловъ, непріятель спустился на лѣвый берегъ Маврякъ-чая и занялъ шестью баталіонами деревню и пространство влѣво отъ нея до кладбища, имѣя въ резервѣ кавалерійскій полкъ. Съ этихъ поръ обозначились три части непріятельской позиціи, и противъ каждой изъ нихъ шла отдѣльная атака. Войска, занимавшія Огузлы и кладбище, подъ начальствомъ Мустафы-паши, составляли центръ непріятельскаго расположенія и имѣли противъ себя колонну генерала Кишинскаго, подъ командою котораго состоялъ и 1-й баталіонъ Куринскаго полка.

Въ отвѣтъ на выстрѣлы нашей артилеріи, непріятель осыпалъ колонну Кишинскаго страшнымъ огнемъ; ,,турецкія ядра и гранаты вырывали цѣлые ряды переднихъ баталіоновъ''. Рѣшено было перемѣнить позицію; артилерія выѣхала и смассировалась въ одну батарею противъ лѣваго интервала. Наши выстрѣлы произвели свое дѣйствіе, но непріятель самъ перешелъ въ наступленіе: три его баталіона, стоявшіе у кладбища, двинулись противъ праваго фланга, занятаго куринцами. Грянула картечь—но и она не остановила турокъ. Тогда двинулись впередъ куринцы, съ двумя ротами кавказскаго стрѣлковаго баталіона. Завязался бой на штыкахъ, и перевѣсъ остался на сторонѣ куринцевъ: непріятель отступилъ въ оврагъ, но вскорѣ оттуда выдвинулись два свѣжихъ баталіона. Тогда Кишинскій поддержалъ куринцевъ 1-мъ баталіономъ ширванцевъ, двумя ротами саперъ и двумя ротами эриванцевъ; это были почти послѣдніе резервы нашего центра. Дружное ,,ура'' заставило турокъ поспѣшно отступить—и куринцы по пятамъ непріятеля стали обходить Огузлы.

Эта деревня была сильно занята непріятелемъ. Генералъ Кишинскій направилъ противъ нея свои баталіоны съ трехъ сторонъ: куринцы, со 2-мъ баталіономъ ширванцевъ и съ тремя ротами стрѣлковъ, поддержанные 12-ью орудіями, двинулись въ атаку съ фронта; двѣ роты эриванцевъ и одна рота стрѣлковъ пошли въ обходъ лѣваго фланга, а первый баталіонъ ширванцевъ, съ двумя ротами саперъ—въ обходъ праваго фланга. ,,Средняя и лѣвая колонны—сказано въ донесеніи князя Бебутова—быстро и стройно двинулись впередъ, подъ сильнымъ батальнымъ огнемъ ворвались на штыкахъ въ деревню и вытѣснили оттуда непріятеля *). Но правая колонна, встрѣченная двумя баталіонами и кавалерійскимъ полкомъ, была задержана; но когда куринцы ворвались въ деревню, тогда турки отступили и передъ правой колонной''. Вслѣдъ затѣмъ вся линія генерала Кишинскаго накинулась на бѣгущаго непріятеля, на плечахъ его перешла черезъ оврагъ и заняла правый возвышенный его берегъ. Здѣсь колонна Кишинскаго вошла въ связь съ колонной князя Мухранскаго, который, послѣ жестокаго дѣла, занялъ правофланговую непріятельскую батарею. Въ 2½ часа пополудни отступленіе турокъ сдѣлалось общимъ; быстрый натискъ нашей кавалеріи не далъ имъ возможности убрать свое имущество, и подоспѣвшія войска заняли два лагеря.

Въ этотъ блистательный для русскаго оружія день, трофеями побѣды александропольскаго отряда остались: двадцать четыре пушки, шестьдесятъ упряжныхъ лошадей, тринадцать зарядныхъ ящиковъ, одно полковое знамя, тринадцать значковъ и множество боевыхъ и жизненныхъ припасовъ **). ,,Вещей этихъ было брошено

*) Очевидецъ, въ газетѣ „Кавказъ" (1854-го года № 2-й) разсказываетъ, что предъ атакой генералъ Бриммеръ скомандовалъ: ,,орудія въ передки, знамена впередъ! ура''! Старые солдаты этихъ удивительныхъ полковъ только и ждали призыва. Имъ кричали вслѣдъ: ,,ну, воронцовцы! ну, графцы! посмотримъ, кто изъ васъ перещеголяетъ''! Баталіонъ князя Воронцова полка былъ встрѣченъ штыками и кололъ непріятеля въ теченіе четверти часа. Оба эти баталіона стрѣлой перенеслись черезъ оврагъ и влетѣли справа въ деревню.

**) Въ томъ числѣ пушка одна красная. Пушка эта такъ называлась по цвѣту, въ который было окрашено все ея тѣло. Это было одно изъ двухъ ору-

непріятелемъ такъ много, пишетъ князь Бебутовъ, что посылаемыя колонны 20-го, 21-го и 22-го ноября едва могли небольшую ихъ часть доставить къ намъ въ лагерь; все остальное сожжено—къ чему принудило меня премущественно то, что отрядъ нашъ, выступившій налегкахъ, не имѣлъ средствъ поднять съ собою всего отбитаго у непріятеля и брошеннаго имъ“.

Ахмедъ-паша, который, передъ сраженіемъ при Башъ-Кадыклярѣ, говорилъ своимъ солдатамъ, что онъ не будетъ бить русскихъ, а живьемъ ихъ пригонитъ въ Карсъ—первый подалъ примѣръ бѣгства, и турецкая армія, послѣдовавшая его примѣру, въ безпорядкѣ отступила къ Карсу, разграбивъ по дорогѣ встрѣченныя деревни и наполнивъ буйствами самый городъ. Съ этихъ поръ турецкая армія заперлась въ Карсѣ и не могла показаться въ полѣ до слѣдующаго лѣта; александропольскій же отрядъ возвратился въ Александрополь для занятія зимнихъ квартиръ *).

Башъ-кадыклярскимъ сраженіемъ закончилась дѣятельность куринцевъ въ александропольскомъ отрядѣ. Вскорѣ сюда подошли части 18-й дивизіи, и князь Бебутовъ могъ исполнить просьбу князя Андроникова—имѣть въ Гуріи части, опытныя въ войнѣ на пересѣченной и знакомой мѣстности, и отправилъ куринцевъ для присоединенія къ 3-му баталіону.

21-го марта 1854-го года, 1-й баталіонъ выступилъ изъ Александрополя; но уже во главѣ его стоялъ маіоръ Момбели **). Оклобжіо, произведенный въ полковники, былъ откомандированъ на

дій, дарованныхъ султаномъ своей арміи въ залогъ побѣды. Въ настоящее время пушка эта хранится въ С. Петербургѣ.

*) Въ день сраженія, куринскій баталіонъ былъ въ слѣдующемъ составѣ: подполковникъ Оклобжіо, капитаны: Швангеймъ, Ивинъ, Вельяминовъ; штабсъ-капитанъ Каваликъ, поручикъ Чиковани, прапорщики: Гордѣевъ, Чернышевъ, Шпигановскій, Мацкевичъ, Латынинъ, Энгельгардтъ, Парченко, Андрейченко и Рѣщиковъ.

Ранены: прапорщикъ Гордѣевъ и нижнихъ чиновъ 78-мь (съ контужеными); выпущено патроновъ 20970; баталіонъ получилъ за это сраженіе 35-ть георгіевскихъ крестовъ.

**) Момбели, произведенный въ маіоры, привелъ изъ полка первое укомплектованіе и остался командовать 1-мъ баталіономъ за отъѣздомъ полковника Оклобжіо. Для укомплектованія отправлено изъ Воздвиженской въ 1-й баталіонъ

Дунай для полученія другаго назначенія. Баталіонъ двинулся черезъ Тифлисъ и прибылъ въ Озургеты 26-го апрѣля 1854-го года.

Ріонскій край, лежащій въ басейнѣ р. Ріона, на берегу Чернаго моря, занимаетъ все пространство нынѣшней кутаисской губерніи. Страна эта, отдѣленная отъ Грузіи высокимъ и лѣсистымъ хребтомъ месхійскихъ горъ, въ 1853-мъ году сообщалась съ Тифлисомъ по единственной и весьма дурной дорогѣ, пролегавшей черезъ Сурамъ. Географическое положеніе ріонскаго края дѣлаетъ его совершенно отдѣльнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, а топографическія условія (сплошные лѣса, широкія и глубокія рѣки съ болотистыми берегами, и недостатокъ дорогъ, годныхъ для движенія), вмѣстѣ съ весьма дурнымъ климатомъ прибрежной зоны, дополняютъ картину и даютъ понятіе о характерѣ самой войны въ ріонскомъ краѣ, гдѣ нельзя дѣйствовать массами, и оборона имѣетъ преимущество передъ атакой. Таковъ характеръ театра—какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и Турціи.

Въ 1853-мъ году главнокомандующій отдѣльнаго кавказскаго корпуса задался мыслью держаться въ ріонскомъ краѣ въ строгой оборонѣ, и въ случаѣ наступленія непріятеля развить въ широкихъ размѣрахъ партизанскую войну черезъ посредство населенія края. Но и оборона была не легка: намъ нужно было охранять около 25-ти верстъ южной сухопутной границы Гуріи, весь восточный берегъ Чернаго моря и сѣверные предѣлы Мингреліи, Самурзакани и Абхазіи, откуда, кромѣ десанта, можно было ожидать движенія горцевъ кубанской области.

16-го октября 1853-го года, когда произошло первое нападеніе турокъ на наши войска въ Гуріи *), въ распоряженіи кутаисскаго военнаго губернатора князя Гагарина было всего два линейныхъ ба-

---

офицеровъ три, нижнихъ чиновъ 238-мь; въ 3-й баталіонъ—офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 394.

*) Въ ночь на 16-е октября, до объявленія войны, турки, въ числѣ до 8 т., напали на пограничную таможенную заставу св. Николая, у устья Чолока, и истребили почти весь гарнизонъ, состоявшій изъ двухъ ротъ черноморскаго линейнаго № 12-го баталіона.

таліона. Являлась крайняя необходимость поддержать гурійскую границу, и потому князь Воронцовъ послалъ въ распоряженіе Гагарина первый высадившійся на кавказскій берегъ полкъ 13-й дивизіи (литовскій) и приказалъ направить туда 3-й баталіонъ куринцевъ, который только 10-го октября прибылъ съ кавказской линіи въ Закаталы. Эти части составили ядро гурійскаго отряда. Но, къ счастью для Гуріи, въ началѣ войны турки обратили главное вниманіе на Александрополь и Ахалцыхъ, и потому, конечно, наткнулись на болѣе сильныя точки нашей оборонительной линіи; противъ гурійскаго отряда турки только стягивали войска въ Кобулетѣ и грозили намъ изъ Николаевска, превратившагося въ опорный пунктъ для милиціи турокъ. Но и при этомъ бездѣйствіи турокъ, положеніе гурійскаго отряда дѣлалось съ каждымъ днемъ опаснѣе, не только потому, что онъ былъ очень слабъ, но и потому, что вслѣдствіе распутицы и бездорожья онъ былъ совершенно изолированъ отъ резервовъ. Въ виду этого, князь Гагаринъ оставилъ берега Чолока съ городомъ Озургетами и отступилъ на акетскія высоты, гдѣ и выжидалъ дальнѣйшаго хода событій.

Тѣмъ временемъ, александропольскій отрядъ разбилъ турокъ у Башъ-Кадыклара 19-го ноября, а ахалцыхскій у Суфлиса 14-го ноября, и турки принуждены были на всю зиму прекратить военныя дѣйствія—что и дало намъ возможность стянуть подкрѣпленія и сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи отрядовъ *).

9-го февраля 1854-го года объявлена война союзникамъ Турціи—Франціи и Англіи, а 7-го марта войска гурійскаго и ахалцыхскаго отрядовъ, оставаясь въ прежнихъ районахъ военныхъ дѣйствій, подчинены побѣдителю турокъ при Ахалцыхѣ, генералъ-лейтенанту князю Андроникову. Съ этихъ поръ дѣятельность въ ріонскомъ краѣ оживилась. Опасность, грозившая черноморскому берегу, заставила насъ снять гарнизоны со всѣхъ береговыхъ укрѣпленій и въ Сухумѣ и усилить на ихъ счетъ войска, расположен-

*) 2-го января гурійскій отрядъ рекогносцировалъ окрестности Николаевска и былъ встрѣченъ огнемъ изъ орудій и ружей изъ этого мѣстечка, оказавшагося укрѣпленнымъ турками; при этомъ, въ 3-мъ баталіонѣ ранено пять нижнихъ чиновъ. За это дѣло баталіонъ получилъ 6-ть георгіевскихъ крестовъ.

ныя въ ріонскомъ краѣ. Въ это же время (26-го апрѣля) прибылъ и 1-й баталіонъ Куринскаго полка, такъ что 1-го мая гурійскій отрядъ располагалъ 11½ баталіонами, что съ милиціей составляло 10 т. человѣкъ, съ 18-ью орудіями, и былъ расположенъ— большая часть въ резервѣ у Орпири, а меньшая, въ видѣ передовыхъ колоннъ, въ Чахатаурѣ и на акетскихъ горахъ. Противъ гурійскаго отряда стоялъ корпусъ Селимъ-паши, занимавшій всю Гурію къ югу отъ р. Супсъ, съ уѣзднымъ нашимъ городомъ Озургетами и мѣстечкомъ Николаевскомъ.

Когда весенняя погода нѣсколько установилась, и дороги стали просыхать, турки начали наступательное движеніе. Кобулетскій бекъ Гасанъ-паша Тавдгеридзе, хорошо знавшій Гурію и предводительствовавшій всею кобулетскою милиціею, сталъ во главѣ турецкаго авангарда и 27-го мая повелъ его въ обходъ акетской позиціи черезъ сел. Нигоити, самонадѣянно обѣщая Селимъ-пашѣ „напиться кофе въ Марани (Орпири) и плотно поужинать въ Кутаисѣ". Въ это время въ Нигоити стояли: 1-й баталіонъ Куринскаго полка, 4-й баталіонъ брестскаго полка, двѣ роты бѣлостокскаго полка, два горныхъ и два легкихъ орудія и 10-ть сотенъ гурійской милиціи, подъ общимъ начальствомъ подполковника князя Эристова; сила же отряда Гасанъ-паши доходила до 12 т. человѣкъ съ 4-мя орудіями.

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая князь Эристовъ узналъ, что отрядъ Гасанъ-паши переправился черезъ Супсъ у Байлета и идетъ на Акетъ. Въ 11-ть часовъ утра 27-го мая, когда непріятель, съ пѣснями и барабаннымъ боемъ, сталъ развертывать свой фронтъ, князь Эристовъ вышелъ къ нему на встрѣчу, оставивъ въ Нигоити обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ бѣлостокскаго полка. Въ совершенной тишинѣ и въ полномъ порядкѣ войска подвигались по чрезвычайно пересѣченной мѣстности; лѣсъ и сады скрывали наше движеніе. У Ланчхута, верстахъ въ трехъ отъ нигоитской позиціи, была небольшая поляна, справа отъ нея нѣсколько деревянныхъ строеній и каменныхъ оградъ садовъ, а съ фронта—лѣсъ. Здѣсь князь Эристовъ построилъ боевой порядокъ. Непріятель занималъ позицію нѣсколько возвышенную, покрытую

густымъ лѣсомъ; передъ фронтомъ его была поляна, въ центрѣ стояли два орудія, прикрытыя регулярной пѣхотой, а на флангахъ толпились массы баши-бузуковъ.

Какъ только колонна князя Эристова открылась непріятелю, турки обдали насъ градомъ картечи и пуль. Тогда князь Эристовъ, нимало не медля, приказалъ куринцамъ атаковать батарею. Осыпавъ непріятеля залпомъ изъ орудій и ружей, командиръ баталіона маіоръ Момбели двинулся на штурмъ. Въ четверть часа молодцы егеря уже прорвали центръ непріятельской позиціи, а одна рота, съ командиромъ своимъ капитаномъ Вельяминовымъ, осѣдлала батарею. Атака лѣваго непріятельскаго фланга, произведенная брестцами *), довершила дѣло: центръ турокъ бѣжалъ; но князь Эристовъ не могъ преслѣдовать непріятеля: его заботила судьба двухъ ротъ, оставленныхъ для прикрытія обоза, потому что кобулетская милиція, не смотря на прорывъ центра турокъ, обходила оба фланга и грозила задавить малочисленный нашъ резервъ. Это обстоятельство побудило князя Эристова повернуть куринцевъ назадъ, на

---

*) Одинъ корреспондентъ газеты „Кавказъ“, говоря о нигоитскомъ дѣлѣ, прибавляетъ: „но кто былъ настоящимъ героемъ этого дѣла—такъ это, по общему отзыву, баталіонъ его свѣтлости князя Воронцова полка. Онъ дѣлалъ чудеса храбрости и, не смотря на многочисленность врага, какъ будто игралъ въ кошку и мышку. „Ну-ка, братцы, говорили солдаты, въ кусты, вразсыпную, да полезгински (вѣроятно, почечснски) ихъ нехристей. „Ура“ не кричать, а то еще они испужаются и удирутъ непроученными; гикнемъ лучше понашему, покурински“! Чудо что за народъ—молодецъ къ молодцу. Зато—они поживились и добычею, потому что турки ничего не успѣли взять съ собой, и все бросили на мѣстѣ“. („Кавказъ“. 1854-го года, № 53).

Тотъ же авторъ въ № 54-мъ „Кавказа“ разсказываетъ, какъ анекдотъ, занимавшій въ то время цѣлый Кутаисъ: „подъ Нигоитомъ раненъ куринецъ въ голову, на смерть; ему перевязывали рану. Но когда онъ услыхалъ побѣдные клики, то не выдержалъ, вскочилъ на ноги и со всей силы сталъ кричать „ура“! —Что ты дѣлаешь? сказалъ ему медикъ. Ты умрешь отъ напряженія. „Ничего, ваше благородіе, во время побѣды умирать не страшно“,—и тутъ же отдалъ Богу душу. Раненые, привезенные въ госпиталь, смотрѣли такъ весело, какъ будто они возвратились съ пира. „Ты, братъ, порядочно раненъ“! сказалъ комендантъ одному рядовому того же полка. „И—и, в. в., это ужъ пятая рана; ничего, мы привыкли“.

помощь бѣлостокскимъ ротамъ. Дѣйствительно, положеніе резерва было критическое: окруженные со всѣхъ сторонъ, бѣлостокцы изнывали въ неравной борьбѣ.

Уже въ серединѣ боя артилерія потеряла большую часть прислуги. Не смотря на это, командовавшій остающимися въ резервѣ орудіями штабсъ-капитанъ Гулевичъ, геройски отбивъ одну за другою шесть атакъ, наконецъ, выбившись изъ силъ и истекая кровью, передалъ командованіе старшему. Положеніе было отчаянное, но, къ счастью, въ это время подоспѣли куринцы— и непріятель разсѣялся, оставивъ за нами все поле битвы. Куринцы преслѣдовали враговъ до Супса.

Непріятель потерялъ два орудія съ зарядными ящиками, пять значковъ и множество оружія и аммуниціи. На мѣстѣ осталось до 1000 тѣлъ; въ числѣ убитыхъ былъ самъ Гасанъ-паша, тѣло котораго осталось въ нашихъ рукахъ. Уронъ нашъ состоялъ изъ убитыхъ: офицеровъ 1, нижнихъ чиновъ 28-мь; раненыхъ: офицеровъ семь, нижнихъ чиновъ 175-ть; контужено: офицеровъ шесть, нижнихъ чиновъ 29-ть; безъ вѣсти пропало нижнихъ чиновъ 16-ть. Въ милиціи уронъ простирался до 200-тъ человѣкъ.

Послѣ дѣла у Нигоити, турки отступили къ Озургетамъ. Гурійскій отрядъ пошелъ по слѣдамъ ихъ, имѣя въ строю $11^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, шесть дружинъ гурійской милиціи, 4-ре сотни казаковъ, одну грузинскую и пять имеретинскихъ конныхъ дружинъ. Въ числѣ пѣхоты были оба баталіона куринцевъ. Гурійскія дружины, шедшія впереди, увѣдомили начальника отряда, что турки еще 2-го числа очистили Озургеты и перешли на лѣвый берегъ Чолока, гдѣ и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ, между деревней Какуты и горою Джихенджури. Милиція, преслѣдуя врага, догнала его арріергардъ и, послѣ упорнаго боя на кинжалахъ, отбила одно знамя.

3-го іюня гурійскій отрядъ занялъ Озургеты. По всему было видно, что турки очистили этотъ городъ поспѣшно, потому что мы нашли здѣсь часть запасовъ, а также больныхъ и раненыхъ турецкихъ солдатъ. Въ тотъ же день съ прилегающей къ городу горы Экадіи была произведена рекогносцировка: передъ нами открылась

непріятельская позиція, которая въ официальномъ донесеніи описана такъ:

,,Турецкій корпусъ, подъ личнымъ начальствомъ мушира Селимъ-паши, силою въ 12-ть баталіоновъ низама, 8-мь баталіоновъ редифа и 14-ть тысячъ баши-бузука (милиціи), въ нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, при 11-ти батарейныхъ и 2-хъ горныхъ орудіяхъ, былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Чолока въ трехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, фронтомъ къ рѣкѣ. Правый флангъ непріятеля, гдѣ стояла большая часть милиціи и 2 орудія, примыкалъ къ какутскимъ высотамъ и, обезпеченный съ фронта обрывистымъ берегомъ рѣки, а съ правой стороны глубокимъ лѣсистымъ оврагомъ, былъ почти неприступенъ. Фронтъ позиціи, усиленный по оконечностямъ двумя земляными батареями, былъ прикрытъ брустверомъ со рвомъ впереди. На лѣвомъ флангѣ находились высоты, командовавшія всею мѣстностью, но почему-то незанятыя непріятелемъ; впереди же лагеря, до самаго Чолока, былъ довольно крутой спускъ, и рѣка протекала въ этомъ мѣстѣ въ невысокихъ, но обрывистыхъ берегахъ, затруднительныхъ для перехода войскъ. Дорога черезъ деревню Легва въ Кобулеты шла мимо лагеря и выходила на правый флангъ позиціи. Таковое расположеніе убѣждало въ необходимости, занявъ непріятеля съ фронта фальшивою атакою, обойти его слѣва и стремительно ударить во флангъ. Гурійская милиція должна была завязать перестрѣлку на правомъ флангѣ у Какуты, и тѣмъ еще больше отвлечь непріятеля отъ главнаго пункта атаки''.

4-го іюня, съ разсвѣтомъ, войска выступили изъ Озургетъ въ общей колоннѣ, по единственной дорогѣ, ведущей изъ города къ границѣ. Вся гурійская и часть пѣшей имеретинской милиціи посланы влѣво лѣсомъ на Лихауры, шесть сотенъ пѣшей имеретинской милиціи слѣдовали правѣе колонны, пробираясь тоже лѣсами; кавалерія была въ хвостѣ колонны. Милиція, пройдя развалины крѣпости, раздѣлилась на двѣ части: одна, подъ начальствомъ поручика милиціи князя Тавдгеридзе (12-ть сотенъ) была направлена черезъ Какуты, чтобы отрѣзать отступленіе непріятеля; другая же, подъ начальствомъ озургетскаго уѣзднаго начальника титулярнаго совѣтника Мачаваріани, направилась правѣе первой черезъ урочи-

ще Музарады, гдѣ встрѣтила засѣвшую въ лѣсу непріятельскую милицію. Послѣ получасовой жаркой перестрѣлки, непріятель очистилъ опушку лѣса, и милиція гнала его до самаго верхняго лагеря, гдѣ была встрѣчена батальнымъ огнемъ вышедшаго изъ лагеря турецкаго баталіона и картечью горнаго орудія. Титулярный совѣтникъ Мачаваріани стремительно бросился, съ милиціею, въ шашки и кинжалы. Турецкая пѣхота не выдержала дружнаго и геройскаго удара храбрыхъ гурійцевъ и бѣжала, оставивъ въ рукахъ милиціонеровъ одно горное орудіе съ полною упряжью и груду тѣлъ. При этой атакѣ убитъ турецкій баталіонный командиръ и отбито три знамени и пять значковъ. Одновременно съ атакой Мачаваріани, поручикъ князь Тавдгеридзе, быстро наступая на правый флангъ турецкой позиціи, вытѣснилъ противника за оврагъ къ самому лагерю и, спустившись къ рѣкѣ Чолоку, занялъ горную дорогу къ деревнѣ Нацхватеви. Услышавъ перестрѣлку въ милиціи, войска, не смотря на узкую и лѣсистую дорогу, ускорили шагъ; въ началѣ 8-го часа утра голова дошла до рѣки Чолока.

Непріятель, ожидая нападенія, ночью еще вышелъ изъ лагеря и сталъ передъ нимъ правымъ флангомъ къ рѣкѣ, а лѣвымъ примкнулъ къ лѣсистымъ покатостямъ горы Джихенджури и открылъ огонь изъ батарейныхъ орудій по нашимъ войскамъ, дебушировавшимъ на поляну передъ Чолокомъ. Генералъ-маіоръ Майдель, начальству котораго порученъ былъ правый флангъ боевой линіи, подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ выстраивалъ свои войска на правомъ берегу Чолока, въ 1-й линіи: 1-й баталіонъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, лѣвѣе—4 горныя орудія и 3-й баталіонъ того же полка; во второй линіи: 1-й и 2-й баталіоны литовскаго егерскаго полка, за ними—3-я саперная рота. Когда построеніе было окончено, генералъ Майдель перевелъ войска на лѣвый берегъ рѣки и двинулся вправо, чтобы очистить мѣсто для движенія войскъ лѣваго фланга. Въ это время лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера, дебушируя на поляну, выстраивался на правомъ берегу Чолока, имѣя въ первой линіи 1-й баталіонъ брестскаго пѣхотнаго полка, 4 горныхъ орудія и 3-й баталіонъ литовскаго егерскаго полка, а во 2-й—четыре баталіона

брестскаго и литовскаго полковъ, а за ними 4-ю саперную роту. Резервъ изъ 2-го и 3-го баталіоновъ брестскаго и 4-го баталіона бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ, легкой № 1-го батареи и 2-хъ горныхъ орудій, подъ начальствомъ полковника Корганова, оставленъ былъ позади, а кавалерія, въ походной колоннѣ, стояла еще далѣе, при дорогѣ.

Колонна генералъ-маіора Майделя, сдѣлавъ фланговое движеніе вправо, остановилась, ожидая построенія войскъ генерала Бруннера; 4 горныхъ орудія открыли меткій огонь и дѣйствовали съ полнымъ успѣхомъ противъ непріятельскихъ орудій, превосходившихъ ихъ числомъ и калибромъ. Немедленно выдвинута была изъ резерва легкая № 1-го батарея, которая на рысяхъ въѣхала въ первую линію и, ставъ въ центрѣ боеваго порядка, открыла огонь.

По окончаніи всего построенія, чтобы не подвергать войска продолжительному дѣйствію непріятельской артилеріи, рѣшено было немедленно атаковать непріятеля, дѣйствуя преимущественно на его лѣвый флангъ, какъ слабѣйшій пунктъ позиціи. Для усиленія нашего праваго фланга, долженствовавшаго начать атаку, направлены были съ лѣваго фланга два баталіона брестскаго пѣхотнаго полка и одинъ литовскаго егерскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера. Подкрѣпившись, боевая линія тронулась впередъ, принимая на походѣ вправо. Движеніе это было совершено въ примѣрномъ порядкѣ, не смотря на убійственный огонь непріятельской артилеріи. Батареи наши, подъ начальствомъ полковника Мамацева, быстро выѣзжали впередъ на позицію, открывали меткій огонь и снова брали въ передки. Подъ прикрытіемъ артилерійскаго огня, генералъ Майдель атаковалъ оконечность лѣваго фланга турокъ. ,,Храбрые баталіоны князя Воронцова полка, поддерживаемые литовцами, не взирая на густой кустарникъ и болотистую мѣстность, осыпаемые градомъ картечи и пуль, подвигались впередъ, обходя болѣе и болѣе лѣвый флангъ турокъ, и съ крикомъ ,,ура''! бросились въ штыки. 7-я и 8-я егерскія роты, имѣя впереди командующаго 3-мъ баталіономъ флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества подполковника Бреверна

4-го и неустрашимыхъ своихъ ротныхъ командировъ—штабсъ-капитановъ Полторацкаго и Кутлера, не смотря на близкій батальный огонь турецкой пѣхоты и картечь батарей, овладѣли 3-мя орудіями". При этомъ, три офицера (подпоручики Хилинскій 2-й и Саверинъ и прапорщикъ Воецкій) убиты, а подполковникъ Бреверпъ 4-й и 8-мь офицеровъ ранены *). Двѣ другія роты того же баталіона и весь 1-й баталіонъ князя Воронцова полка, зайдя совершенно во флангъ, и поддерживаемые 1-мъ и 2-мъ литовскими баталіонами, опрокинули боевыя линіи турокъ. Отброшенныя непріятельскія войска отступали одною частью въ лагерь, а другою черезъ оврагъ на прилегавшія высоты, преслѣдуемыя по пятамъ нашими баталіонами.

Турецкій военачальникъ, имѣя еще сильный резервъ, надѣялся возстановить дѣло рѣшительнымъ ударомъ на нашъ центръ и направилъ всѣ собранныя силы противъ нашей артилеріи. Когда непріятельскій резервъ двинулся впередъ, двѣ роты 3-го баталіона князя Воронцова полка, находившіяся уже въ лагерѣ, были принуждены отойти и тѣмъ дали возможность нашимъ батареямъ встрѣтить непріятеля картечнымъ огнемъ. Между тѣмъ, наша артилерія, находясь подъ сильнымъ батальнымъ огнемъ турецкой и египетской пѣхоты, упорно боролась до тѣхъ поръ, пока куринцы, сомкнувшись, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, двинулись впередъ и, приблизясь къ непріятелю, бросились въ штыки. Непріятель былъ мгновенно сбитъ со всѣхъ пунктовъ. Тогда казаки полковника Харитонова, грузинская дружина конныхъ охотниковъ подполковника князя Джандіерова, сотня имеретинскихъ князей Микеладзе, предводимая 80-ти-лѣтнимъ доблестнымъ старцемъ капитаномъ милиціи княземъ Кайхосро Микеладзе, и конная имеретинская милиція капитана милиціи князя Цулукидзе пронеслись въ интервалы нашей пѣхоты и врубились въ турецкіе баталіоны. Выстрѣлы картечью съ верхней батареи по-

*) Штабсъ-капитаны: Полторацкій и Кутлеръ; поручики: Вольбекъ, Хилинскій 1-й, баронъ Рене, Канцыревъ, Тыртовъ и прикомандированный грузин. лин. № 1-го баталіона поручикъ Мусхеловъ.

ложили на мѣстѣ бывшихъ впереди, и въ томъ числѣ, къ общему сожалѣнію, храбраго полковника Харитонова и старца князя Кайхосро Микеладзе. Однако, кавалерія довершила дѣло: турки смѣшались и обратились въ совершенное бѣгство.

Кромѣ главнаго лагеря, непріятель имѣлъ еще другой у какутскихъ высотъ, съ сильною батареею, но и тамъ онъ не могъ удержаться противъ нашихъ храбрыхъ войскъ. Баталіоны князя Воронцова полка, имѣвшіе сильную убыль, оставлены въ резервѣ; 1-й, 2-й и 4-й баталіоны литовскаго егерскаго, 4-й баталіонъ брестскаго пѣхотнаго полковъ, двѣ саперныя роты и 4-ре горныхъ орудія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера, посланы преслѣдовать непріятеля, бѣжавшаго къ Легвѣ. Для усиленія этихъ войскъ направлены еще два баталіона брестскаго пѣхотнаго полка, съ двумя горными орудіями, подъ командою полковника Корганова. Генералъ Бруннеръ гналъ непріятеля до Легвы, пока турки совершенно не разсѣялись, послѣ чего остановилъ утомленныя войска и, пропустивъ возвращавшуюся кавалерію, присоединился къ остальнымъ войскамъ, отдыхавшимъ въ полѣ. По отправленіи раненыхъ и погребеніи убитыхъ, весь отрядъ возвратился уже къ ночи на прежнюю позицію въ Озургеты. Пѣшая милиція заняла посты по Чолоку, а кавалерія передъ Озургетами.

Трофеи этой славной побѣды состояли изъ 13-ти орудій, 35 знаменъ и значковъ, множества оружія всякаго рода, трехъ укрѣпленныхъ лагерей, со всѣмъ рѣшительно имуществомъ всего турецкаго корпуса, и плѣнныхъ, которыхъ цѣлыми толпами приводили наши милиціонеры въ Озургеты. Потеря непріятеля простиралась до 4 т.; милиція его вся разбѣжалась. Все поле сраженія было завалено тѣлами; дорога отъ Чолока до Легвы, на протяженіи 6-ти верстъ, была усѣяна трупами. Убыль наша, принимая во вниманіе многочисленность турокъ, ихъ отчаянное сопротивленіе и губительное дѣйствіе артиллеріи, которое производилось въ продолженіе всего боя, не велика. Въ войскахъ убито: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 8-мь, нижнихъ чиновъ 240; ранено: генералъ-маіоръ князь Гагаринъ, штабъ-офицеровъ 5-ть, оберъ-офицеровъ 22 и нижнихъ чиновъ 640; контужено: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ

12-ть и нижнихъ чиновъ 169; безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ было 10. Въ милиціи убито: оберъ-офицеровъ 4, милиціонеровъ 52; ранено: штабъ-офицеръ 1 (подполковникъ князь Джандіеровъ штыкомъ въ бедро), оберъ-офицеровъ 9-ть, милиціонеровъ 276; контужено: оберъ-офицеровъ 3, милиціонеровъ 64 *).

Послѣ сраженія при Чолокѣ, гурійскій отрядъ надолго былъ обезпеченъ со стороны Батума; разбитыя части корпуса Селимъ-паши не скоро могли вновь приготовиться къ бою и потому не могли быть намъ опасны; но въ это время на помощь туркамъ явились союзники. Съ этихъ поръ наше положеніе въ ріонскомъ краѣ перемѣняется: весь черноморскій берегъ сразу попадаетъ во власть враговъ Россіи; броженіе въ Абхазіи и всеобщее ожиданіе десанта союзниковъ довершаетъ картину и заставляетъ насъ хлопотать единственно о строгой оборонѣ ріонскаго края.

Новый начальникъ гурійскаго отряда, генералъ-маіоръ князь Багратіонъ-Мухранскій, замѣнившій раненаго при Чолокѣ генерала князя Гагарина, остановился на слѣдующемъ планѣ военныхъ дѣйствій **): такъ какъ, при подавляющемъ превосходствѣ средствъ союзниковъ, мы не можемъ предупредить наступленія ихъ, и такъ какъ это наступленіе можетъ быть или одновременное или порознь:

---

*) Въ дѣлахъ 27-го мая и 4-го іюня убиты и умерли отъ ранъ: капитанъ Швахгеймъ, поручикъ Мацквичъ, подпоручики: Саверинъ и Хилинскій 2-й, прапорщики: Воецкій, Андрейченко, Гордѣевъ и Сиротенко; нижнихъ чиновъ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ 154; ранено и контужено, офицеровъ: подполковникъ Бреверно, маіоры: Вельяминовъ и Align Розматовскій, капитаны: Каваликъ, Полторацкій, баронъ Ренне, штабсъ-капитаны: Кутлеръ, Чиковани, Кирхманъ, поручикъ Вольбекъ, подпоручики: Хилинскій 2-й, Непейпиво, прапорщики: Канцыревъ, Тыртовъ, Семеновъ; кромѣ того, прикомандированные къ баталіонамъ: штабсъ-капитанъ Ивановъ, поручикъ Мусхеловъ и прапорщикъ князь Циціановъ,—всего 18-ть; нижнихъ чиновъ 410.

Высочайшимъ приказомъ 26-го октября, получили ордена св. Георгія 4-й степени: за дѣло 27-го мая—маіоръ Момбели и капитанъ: Вельяминовъ, а за дѣло 4-го іюня—подполковникъ Бреверно и капитаны: Дудниченко-Руденко и Полторацкій, а баталіоны получили соотвѣтствующія надписи на лентахъ имѣвшихся георгіевскихъ знаменъ (см. приложеніе).

**) Планъ князя Мухранскаго былъ одобренъ покойнымъ Государемъ, Который собственноручно написалъ на немъ: *„прекрасно и умно“*.

со стороны Абхазіи, Редуть-Кале и Кобулета—причемъ, благодаря морю, непріятель имѣлъ возможность высадить на каждомъ пунктѣ черноморскаго берега превосходныя силы ранѣе, чѣмъ русскіе узнаютъ о его намѣреніяхъ—то было ясно, что мы должны занять такую стратегическую позицію, изъ которой можно было бы парализовать наступленіе противника или по крайней мѣрѣ задержать его до прихода подкрѣпленія изъ Грузіи. Лучше всего этой задачѣ удовлетворяла мѣстность по лѣвому берегу рѣки Цхенисъцхале, около нынѣшняго Орпири. Но стянуть сюда всѣ силы—значило бы отдать фланги, т. е. Гурію и Мингрелію, безъ боя, а это, въ свою очередь, нельзя было сдѣлать безъ риска уронить престижъ Россіи въ странахъ одновѣрныхъ и преданныхъ правительству, гдѣ наше отступленіе было бы принято за нежеланіе русскихъ защищать своихъ вѣрноподданныхъ. По этимъ причинамъ, князь Мухранскій рѣшился образовать два небольшихъ отряда—гурійскій и мингрельскій, и въ серединѣ между ними помѣстить общій резервъ, изъ котораго одинаково удобно можно было бы поддерживать оба отряда. При этомъ послѣднемъ рѣшеніи вопроса, оставалось только устроить сообщенія отъ центра по радіусамъ.

Всѣхъ этихъ цѣлей князь Мухранскій достигъ распредѣленіемъ своихъ силъ слѣдующимъ образомъ: 5¾ баталіоновъ, составлявшіе мингрельскій отрядъ, онъ поставилъ въ Зугдидахъ, Хетахъ и окрестностяхъ; 4¾ баталіоновъ оставилъ въ Гуріи, на акетскихъ высотахъ, а остальные 6½ баталіоновъ стянулъ къ Сортіани—деревнѣ, лежащей въ одинаковомъ разстояніи между обими отрядами, причемъ одинъ баталіонъ изъ резерва былъ отдѣленъ нѣсколько въ сторону, для прикрытія переправы черезъ Ріонъ у мѣстечка Кодоръ. Дорога отъ акетской позиціи къ Кодору была разработана для колеснаго сообщенія, а по Мингреліи существовала почтовая дорога.

Въ концѣ іюля 1854-го года войска уже занимали новыя мѣста, причемъ куринцы были притянуты въ резервъ, въ м. Сортіани. Въ этомъ положеніи князь Мухранскій ожидалъ союзниковъ, планъ которыхъ выяснился высадкой въ Сухумѣ осенью 1855-го

года. Слѣдовательно, куринцы оставались въ бездѣйствіи болѣе года. Въ это время командиръ полка полковникъ Ляшенко былъ сильно озабоченъ исправленіемъ матеріальной части въ 1-мъ и 3-мъ баталіонахъ и присылкой укомплектованія.

По случаю продолжительнаго отсутствія Оклобжіо, командиромъ 1-го баталіона былъ назначенъ полковникъ Чихачевъ, который до этого командовалъ 5-мъ баталіономъ, а маіоръ Момбели принялъ 3-й баталіонъ, вмѣсто раненаго флигель-адъютанта полковника Бреверна. По пути въ Гурію, Чихачевъ долженъ былъ заѣхать въ Георгіевскъ и получить тамъ для 1-го и 3-го баталіоновъ 1600 ударныхъ ружей, которыя прибыли къ баталіонамъ уже зимою. Полковникъ Чихачевъ засталъ баталіоны въ Сортіани; они были, послѣ сраженій 27-го мая и 4-го іюня, въ большомъ некомплектѣ: лихорадка ріонской долины окончательно обезсилила ряды нашихъ героевъ. Изъ офицеровъ, пришедшихъ съ баталіонами въ 1853-мъ году, почти никого не было въ строю—большая часть лежала въ госпиталяхъ для леченія ранъ; Бревернъ оставилъ баталіонъ по случаю ранъ и навсегда уѣхалъ изъ полка.

Полковникъ Чихачевъ настоятельно требовалъ пополненія рядовъ; за неимѣніемъ въ полку излишнихъ офицеровъ, по приказанію начальства были командированы изъ апшеронскаго полка: штабсъ-капитанъ Голубцовъ, поручикъ Протопоповъ, подпоручикъ Кушлянскій и прапорщики Черейскій и Уманецъ *). Въ іюнѣ прибылъ куринецъ маіоръ Юргенсонъ, назначенный младшимъ штабъ-офицеромъ въ 3-й баталіонъ. Вскорѣ Чихачевъ получилъ полкъ въ 13-й дивизіи, а 1-й баталіонъ принялъ переведенный изъ апшеронскаго полка подполковникъ Добржанскій; до прибытія же его завѣдывалъ баталіономъ маіоръ Юргенсонъ.

Укомплектованіе нижнихъ чиновъ прибыло изъ штабъ-квартиры двумя партіями—одна 19-го сентября 1854-го года, а другая 19-го марта 1855-го года. Всего изъ полка прислали 35-ть унтеръ-офицеровъ (изъ нихъ 14-ть изъ дворянъ) и 204-ре рядовыхъ. Въ

*) Полковникъ Чихачевъ возвратилъ послѣднихъ двухъ въ полкъ за неодобрительное поведеніе.

серединѣ ноября самъ командиръ полка посѣтилъ баталіоны въ Сортіани и нашелъ ихъ въ отличномъ порядкѣ, за что объявилъ благодарность всѣмъ офицерамъ въ приказѣ по полку отъ 23-го ноября. Въ теченіе стоянки въ Сортіани, баталіоны наши не оставались безъ работы: цѣлая система укрѣпленій выросла въ окрестностяхъ стоянки, гдѣ нужно было предварительно очистить мѣсто отъ лѣсовъ и построить жилища. Кромѣ этого, войска устраивали коммуникаціонные пути, строили батареи и заготовляли сухари. Эти работы поглощали все свободное время.

Въ теченіе 1854-го года силы турокъ въ батумскомъ санджакѣ значительно увеличились; они заняли нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ и обратили особое вниманіе на горцевъ кубанской области и Абхазіи; Магометъ-Эминъ пріѣзжалъ въ Сухумъ для свиданія съ пашами; у береговъ стали появляться все чаще и чаще непріятельскіе крейсеры; изъ Батума дали знать, что ожидается эскадра союзниковъ и, по всѣмъ приготовленіямъ видно было, что тамъ нужно ожидать большаго десанта. Въ дѣйствительности, кавказскій берегъ обращалъ на себя особое вниманіе враговъ нашихъ, и былъ моментъ, когда союзные главнокомандующіе склонялись сдѣлать Кавказъ главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій. Впослѣдствіи жребій палъ на Севастополь, и тогда какъ будто облегчилась задача отряда князя Мухранскаго.

Весною 1855-го года ріонскій край посѣтилъ новый главнокомандующій генералъ Муравьевъ и вполнѣ одобрилъ распоряженія князя Мухранскаго.

Кампанія 1855-го года началась движеніемъ александропольскаго корпуса къ Карсу, и затѣмъ Муравьевъ блокировалъ эту крѣпость. Въ это самое время, въ числѣ войскъ, обложившихъ Севастополь, былъ корпусъ турецкаго генералиссимуса Омеръ-паши. Невидная роль, которая выпала на долю османъ въ Крыму, заставила этого генерала выступить съ проэктомъ, въ которомъ доказывалось, что туркамъ въ Крыму дѣлать нечего, и что государственный интересъ требуетъ спасенія Карса и побѣдъ въ Малой Азіи. Вскорѣ эта мысль была усвоена въ Константинополѣ, и было рѣшено двинуть цѣлый корпусъ на кавказскій театръ войны, съ цѣлью прежде

всего освободить Карсъ. Послѣ многихъ измѣненій въ планѣ кампаніи, Омеръ-паша высадилъ свой корпусъ въ Сухумѣ, въ сентябрѣ 1855-го года, когда уже судьба Карса висѣла на волоскѣ; затѣмъ, турки двинулись къ Ингуру.

Такъ какъ въ это время вполнѣ выяснилось, что главная опасность грозитъ намъ со стороны Абхазіи, то князь Мухранскій сосредоточилъ резервы въ Мингреліи, гдѣ къ концу октября близь береговъ Ингура собралось, подъ командой генералъ-маіора князя Дадіани, 8³/₄ баталіоновъ, 11-ть сот. казаковъ, 12-ть орудій и до 4 т. конныхъ милиціонеровъ, всего до 9 т. человѣкъ. Здѣсь же были 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка, подъ общей командой подполковника Момбели. Кромѣ этихъ силъ, не считая войска, оставленныя на акетскихъ высотахъ (5 баталіоновъ и 6-ть орудій), Мухранскій поставилъ, какъ завѣсу, къ сторонѣ Редутъ-Кале, колонну полковника Бибикова (1¹/₂ баталіона) и охранилъ входъ въ Ріонъ. Съ этими силами, доходившими всего до 19,000 человѣкъ, Мухранскій долженъ былъ охранять весь край, и еслибы обстоятельства потребовали, онъ предполагалъ, послѣ упорнаго боя, отступить на лѣвый берегъ Цхенисъ-цхале, сосредоточить здѣсь всѣ силы и присоединить къ нимъ ожидавшіяся въ серединѣ ноября подкрѣпленія, въ числѣ до 4-хъ баталіоновъ съ 8-ью орудіями. Съ такимъ расчетомъ князь Мухранскій поджидалъ атаки Омеръ-паши, который, съ 20 т. регулярнаго войска, 37-ью орудіями и многочисленной милиціей, подошелъ къ правому берегу Игнура 26-го октября 1855-го года.

Переправы черезъ Ингуръ возможны для войскъ на пространствѣ отъ Рухи до устья Джумы, на разстояніи 26-ти верстъ. Здѣсь рѣка протекаетъ многими рукавами, раздѣленными лѣсистыми островами. Вслѣдствіе мелководья, на всемъ этомъ пространствѣ рѣку можно перейти въ бродъ, но не безъ опасности для пѣхоты, по случаю быстроты теченія. Берега рѣки совершенно плоски, сухи и покрыты лѣсомъ, пересѣкающимся множествомъ полянъ и пашень селеній Коки, Дарчени и Кахати. Лучшее мѣсто для переправы у д. Рухи, гдѣ подходитъ къ рѣкѣ и главный путь сообщенія Самурзакани съ Мингреліей. Отъ Рухи идутъ двѣ дороги—одна почтовая черезъ Зугдиди и Сенаки на Орпири и Кутаисъ, другая—

верхне-мингрельская, жительская, съ трудными переправами и крутыми подъемами и спусками;—эта дорога идетъ черезъ Хони въ Кутаисъ. Коммуникаціоннымъ путемъ для нашего отряда служила почтовая дорога, на которой имѣлся продовольственный складъ и сильная позиція у д. Хета.

25-го октября расположеніе отряда вдоль Ингура было слѣдующее *):

Рухская позиція, хотя крѣпкая сама по себѣ, была занята сильнѣе всѣхъ, потому что здѣсь былъ узелъ лучшихъ въ странѣ дорогъ. Войсками, здѣсь расположенными, командовалъ генералъ-маіоръ князь Григорій Дадіани, въ непосредственномъ распоряженіи коего было 2½ баталіона, три сотни донцовъ, четыре орудія и двѣ мингрельскія дружины; кромѣ этого, часть милиціи наблюдала за пространствомъ выше д. Рухи. Въ 9-ти верстахъ ниже Рухи лежитъ такъ называемая кахатская переправа; здѣсь, въ густомъ лѣсу, проходитъ дорога, идущая на соединеніе съ почтовой. Для обороны этой переправы былъ поставленъ, подъ начальствомъ маіора князя Дадіани, одинъ баталіонъ и лечгумская дружина. Верстахъ въ полутора ниже есть нѣсколько переправъ, извѣстныхъ подъ именемъ норманскихъ. Здѣсь стоялъ черноморскій линейный баталіонъ, съ двумя орудіями, подъ командой подполковника Званбая, а сзади его—двѣ роты линейнаго № 1-го баталіона, съ двумя орудіями, подъ командою полковника Іоселіани. Въ двухъ верстахъ ниже лежитъ кокская переправа; здѣсь, подъ начальствомъ войсковаго старшины князя Эристова, стояли двѣ роты, двѣ сотни казаковъ и два орудія. 1-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка стояли въ резервѣ, въ двухъ верстахъ за кокскими переправами; при баталіонахъ были четыре орудія и четыре конныя имеретинскія дружины. Всѣми войсками, охранявшими норманскія и кокскія переправы, командовалъ полковникъ князь Григорій Шервашидзе. На всѣхъ позиціяхъ были устроены земляныя укрѣпленія. Въ случаѣ отступленія, диспозиція указывала сборнымъ пунктомъ Цаиши—мѣсто, лежащее на большой дорогѣ, въ тылу кокской переправы.

---

*) Муравьевъ, „Война за Кавказомъ 1855-го года“, т. II, стр. 285.

При этомъ растянутомъ расположеніи, въ лѣсистой мѣстности, само собой понятно, что не могло быть никакого единства дѣйствій, и потому всѣ группы войскъ заранѣе были обречены на отдѣльную борьбу съ противникомъ, безъ связи и соотношенія къ дѣйствіямъ сосѣдей. При этихъ условіяхъ, и описаніе боя сводится на разсказъ о каждомъ пунктѣ позиціи отдѣльно.

Хотя участіе куринцевъ въ ингурскомъ сраженіи было временное и не важное, но для объясненія роли ихъ и характеристики хода дѣла приведено здѣсь краткое описаніе, заимствованное изъ сочиненія Муравьева.

По офиціальному донесенію князя Мухранскаго, непріятель произвелъ первый выстрѣлъ изъ орудія противъ нашихъ войскъ, расположенныхъ впереди рухской позиціи, 25-го октября 1855-го года, въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня. Канонада съ обѣихъ сторонъ, постепенно усиливавшаяся, черезъ полчаса сдѣлалась весьма частою. На другихъ пунктахъ рѣки все оставалось спокойнымъ. Мухранскій поспѣшилъ къ Рухи, чтобы лично наблюдать за ходомъ дѣла. Послѣ канонады, продолжавшейся болѣе двухъ часовъ, но не причинившей никакого вреда нашимъ стрѣлкамъ, засѣвшимъ позади заваловъ, непріятель двинулъ въ рѣку часть своей пѣхоты, но, встрѣченный выстрѣлами нашей цѣпи, тотчасъ же обратился назадъ. Затѣмъ, канонада начала ослабѣвать и къ вечеру совершенно прекратилась на обоихъ берегахъ Ингура противъ Рухи. Того же дня, въ исходѣ перваго часа пополудни, въ лѣсу, противъ норманскихъ переправъ, на правомъ берегу Ингура, произведены были нашими передовыми милиціонерами сигнальные выстрѣлы, и вслѣдъ затѣмъ они переправились обратно на нашъ берегъ, съ извѣстіемъ, что непріятель приближается въ значительныхъ силахъ. Черноморскій линейный № 11-го баталіонъ и взводъ легкой № 1-го батареи, находившіеся впереди, немедленно изготовились къ бою; двѣ роты грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона, только-что успѣвшія къ тому времени прибыть съ береговъ Цивы къ Ингуру, прервали отдыхъ свой, чтобы поддержать, въ случаѣ нужды, передовыя части.

Вскорѣ турки открыли изъ кустовъ противуположнаго берега штуцерной огонь, который постепенно сталъ усиливаться; но такъ

какъ непріятель былъ скрытъ, то наши стрѣлки отвѣчали на его выстрѣлы изрѣдка. Между тѣмъ, полковникъ князь Дмитрій Шервашидзе, услыхавъ перестрѣлку, лично прискакалъ на мѣсто, съ двумя конными имеретинскими дружинами, которыя спѣшилъ и разсыпалъ по берегу рѣки между кокскими и норманскими переправами.

Ободренные слабостью нашего огня и не ожидая встрѣтить сильнаго отпора, турки рѣшились начать переправу прямо противъ устроенной нами батареи. Густыя колонны ихъ двинулись къ рѣкѣ, и массы непріятельской пѣхоты, съ громкими восклицаніями, вступили въ Ингуръ; люди держались другъ за друга, чтобы устоять противъ быстроты теченія. Въ эту минуту взводъ легкихъ орудій, подъ начальствомъ поручика Симонова, открылъ картечный огонь, поддержанный ружейнымъ и штуцернымъ огнемъ нашей пѣхоты. Спѣшенная имеретинская милиція, подъ предводительствомъ 85-ти-лѣтняго старца, доблестнаго подполковника князя Симона Церетели, усиливала своими винтовками нашъ смертоносный огонь. Въ густыхъ рядахъ переправлявшейся непріятельской пѣхоты мгновенно образовались широкіе прорывы; уцѣлѣвшіе люди хватались другъ за друга и увлекали товарищей своихъ въ быстрину; посреди грохота жаркой перестрѣлки раздавались вопли отчаянія. Вскорѣ рѣка очистилась отъ турокъ, изъ которыхъ многіе погибли; колонны же, остававшіяся на правомъ берегу, возвратились въ лѣсъ. Но отраженіе это дорого намъ стоило. Не заботясь о себѣ, и думая лишь о пораженіи непріятеля, начальники и подчиненные выскочили изъ заваловъ на самый берегъ и представили собою широкую цѣль для ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ. Въ числѣ убитыхъ былъ командиръ черноморскаго № 11-го баталіона, храбрый подполковникъ Званбай *); выбыло также изъ строя много людей изъ орудійной прислуги и побито большое число артилерійскихъ лошадей.

Двѣ роты грузинскаго № 1-го баталіона присоединились къ сражающимся, подъ командою полковника Іосеіани, который принялъ общее начальство. Вслѣдъ затѣмъ, непріятель началъ вторую

*) Родомъ абхазецъ.

переправу, саженяхъ въ 400 выше первой. Противъ нея направлены были густыя цѣпи стрѣлковъ и спѣшенные милиціонеры; турки оставили и эту попытку съ замѣтною потерею, о чемъ свидѣтельствовали трупы ихъ, несшіеся въ быстрой рѣкѣ мимо нашей батареи. Тѣмъ не менѣе, турецкій главнокомандующій, основывая свои надежды на извѣстной ему малочисленности нашихъ войскъ, не отступалъ отъ своего предпріятія. Верстахъ въ двухъ выше нашей батареи, непріятель отыскалъ въ густомъ лѣсу переправу и успѣлъ перевести черезъ рѣку значительную массу пѣхоты. Наша батарея была обойдена съ праваго ея фланга, но и это не поколебало несокрушимаго мужества оборонявшихся. По опушкѣ лѣса и по кустамъ загорѣлась жаркая перестрѣлка; наши войска не подавались назадъ ни на шагъ. Полковникъ Іоселіани былъ убитъ; принявшій начальство надъ 11-мъ баталіономъ штабсъ-капитанъ Кобелевъ, раненый въ руку, не хотѣлъ оставить боя, но вслѣдъ затѣмъ получилъ другую смертельную рану; командованіе баталіономъ принялъ поручикъ Рубцовъ; тогда, для общаго начальствованія на норманскихъ переправахъ, кн. Шервашидзе послалъ Куринскаго полка маіора Ивина.

Между тѣмъ, въ началѣ 3-го часа пополудни, густыя массы непріятельской пѣхоты появились противъ кокской переправы, обороняемой двумя ротами литовскаго егерскаго полка, двумя сотнями линейныхъ казаковъ и взводомъ батарейныхъ орудій. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи заставило турокъ отказаться отъ переправы въ этомъ мѣстѣ, но вслѣдъ затѣмъ они успѣли перевести значительную часть своей пѣхоты версты на полторы выше, между норманскими и кокскими переправами. Войсковой старшина князь Эристовъ, видя себя обойденнымъ съ праваго фланга, отдалъ приказаніе отступать на ближайшій протокъ Ингура. Такъ какъ турки сильно тѣснили его, то онъ долженъ былъ часто останавливаться, отстрѣливаться картечью и неоднократно ударять въ штыки. Тѣмъ временемъ, непріятель, овладѣвшій кокскими переправами, перевелъ черезъ рѣку значительную часть своей кавалеріи, которая появилась противъ лѣваго фланга отдѣленія князя Эристова. Линейные казаки спѣшились, и небольшая колонна эта, построившись въ карре, продолжала отступленіе свое въ возможномъ по-

рядкѣ, останавливая огнемъ своимъ бросавшуюся на нее непріятельскую конницу—чему способствовало присутствіе духа, оказанное поручикомъ Капаевымъ, распоряжавшимся артилеріею.

Хотя всѣ покушенія непріятеля противъ норманскихъ переправъ и были отбиты или удерживались съ успѣхомъ, но турки, наступая рѣшительно на кокскія переправы, обходили оборонительную линію нашу съ лѣваго фланга и угрожали даже нашему тылу. Для удержанія съ этой стороны непріятеля, полковникъ князь Дмитрій Шервашидзе двинулъ на подкрѣпленіе колонны князя Эристова оставшіеся въ резервѣ два баталіона Куринскаго полка, съ двумя батарейными и двумя горными орудіями; самъ же, съ двумя имеретинскими дружинами, подъ начальствомъ князей Сико Цулукидзе и Бебе Агія-швили, понесся въ атаку на густыя толпы непріятеля—чѣмъ заставилъ турецкую пѣхоту, наполнившую уже пространство между коками и норманами, податься назадъ. Мужественный отпоръ, противупоставленный на протокѣ Ингура баталіонами Куринскаго егерскаго полка, остановилъ здѣсь натискъ турокъ, но тѣмъ не менѣе видно было, что нѣтъ возможности долѣе держаться противъ непріятеля, перешедшаго черезъ Ингуръ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, 15-ти баталіоновъ, и безпрестанно усиливавшагося. Сообразивъ эти обстоятельства, князь Дмитрій Шервашидзе послалъ приказаніе отступать норманской колоннѣ, которая до сихъ поръ не уступила ни пяди земли непріятелю, но уже находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Несмотря на свою многочисленность, турецкая колонна, дѣйствовавшая изъ лѣса противъ праваго фланга нашей норманской колонны, не подвигалась впередъ, почему Омеръ-паша поддержалъ усилія свои въ той сторонѣ новой атакой, которую направилъ прямо на фронтъ нашей батареи. Вторично двинулись турки бродомъ, гдѣ часа за два передъ тѣмъ погибло у нихъ столько людей. На правомъ нашемъ флангѣ огонь усилился; съ противуположнаго берега посыпался градъ ядеръ, картечи и пуль, но все это снова сокрушилось о непоколебимость нашихъ войскъ—и атака была снова отражена. При этомъ маіоръ Ивинъ былъ тяжело раненъ; артилеріи поручикъ Рубцовъ, принявшій командованіе надъ линей-

нымъ баталіономъ № 11-го, убитъ; оказался большой недостатокъ въ прислугѣ при орудіяхъ, изъ коихъ одно подбито; почти всѣ артиллерійскія лошади были перебиты. Вмѣсто маіора Ивина общее командованіе принялъ грузинскаго линейнаго № 1-го баталіона капитанъ Панфиловъ; командованіе надъ баталіономъ № 11-го поручикъ Яндоловскій, артилеріею же распоряжался поручикъ Симоновъ. Въ эту-то критическую минуту получено было приказаніе отъ полковника князя Дмитрія Шервашидзе—отступать.

Солнце уже сѣло; сумерки постепенно сгущались. Непріятель наступалъ съ фронта и съ обоихъ фланговъ; люди тащили на себѣ орудія, прикрываемыя цѣпью, которая повременамъ раздавалась, чтобы дать просторъ для картечнаго выстрѣла. Два раза непріятель ходилъ въ штыки на орудія—и два раза былъ отбитъ; но потери наши все болѣе и болѣе увеличивались. Такъ какъ людямъ невозможно было далѣе тащить на себѣ орудія, то рѣшено было остановиться и троекратнымъ залпомъ картечью, хотя временно, удержать напоръ непріятеля. По исполненіи этого, три орудія, поспѣшно приведенныя въ негодность, были брошены. Затѣмъ, отступленіе продолжалось отдѣльными кучками, пробивавшимися по кустамъ сквозь толпы непріятеля.

Въ это время князь Мухранскій пріѣхалъ съ рухской позиціи къ мѣсту боя. На пути своемъ послалъ онъ приказаніе колоннѣ маіора князя Дадіани двинуться по Ингуру къ корманскимъ переправамъ, но приказаніе это пришло уже поздно. Собравъ встрѣтившіяся ему части грузинскаго № 1-го, черноморскаго № 11-го баталіоновъ, линейныхъ казаковъ и милиціонеровъ, онъ снова двинулъ ихъ къ лѣсу въ атаку. Непріятель, вѣроятно полагая, что къ намъ прибыло подкрѣпленіе, началъ было отступать передъ нашимъ фронтомъ, но на обоихъ флангахъ нашихъ продолжался сильный огонь. Такимъ образомъ, мы успѣли пробиться почти до самаго Ингура, гдѣ турки приступили уже къ устройству укрѣпленія. Это движеніе дозволило намъ выручить одно орудіе. Между тѣмъ, ночь уже совершенно наступила, и потому необходимо было прекратить бой и отступить на большую дорогу *).

*) Въ этой послѣдней свалкѣ былъ смертельно раненъ находившійся при

Къ этому описанію сраженія, имѣющемуся въ книгѣ бывшаго главнокомандующаго, необходимо сдѣлать маленькое дополненіе на основаніи донесенія самого подполковника Момбели, который командовалъ обоими баталіонами Куринскаго полка.

Какъ слѣдовало ожидать, на позиціи лѣсистой и чрезвычайно растянутой, куринцы, стоя въ резервѣ, долго ожидали приказанія; въ этомъ ожиданіи проходило время, когда на норманскихъ позиціяхъ происходилъ отчаянный бой. Куринцы томительно прислушивались къ выстрѣламъ, но не смѣли трогаться съ мѣста безъ приказанія, тѣмъ болѣе, что норманскія переправы были отъ нихъ далеко. Ожиданіе длилось до 4-хъ часовъ. Въ это время бой у кокскихъ переправъ заглушилъ стрѣльбу на норманскихъ переправахъ. Подполковникъ Момбели рѣшился самъ, безъ приказанія, двинуться на помощь литовскимъ ротамъ, которыя были отъ резерва, по словамъ Момбели, въ разстояніи до трехъ верстъ. Но не успѣли куринцы подвинуться полторы версты, какъ встрѣтили отступавшихъ литовцевъ, сильно тѣснимыхъ многочисленными колоннами турокъ. Куринцы пропустили роты, и сами, занявъ позицію, встрѣтили врага картечью и частымъ ружейнымъ огнемъ. Вскорѣ Момбели, замѣтивъ, что непріятель сталъ прибывать со всѣхъ сторонъ, и кавалерія его обскакиваетъ намъ въ тылъ, рѣшился медленно отступать. Это отступленіе было совершено безъ суеты и съ упорной обороной. Мы терпѣли значительныя потери: между прочимъ, непріятель подбилъ одно орудіе и истребилъ въ немъ всѣхъ лошадей и часть прислуги; орудіе потянули на лямкѣ, чѣмъ еще болѣе замедлялось отступленіе. Затянулось настоящее куринское арріергардное дѣло, и только когда совсѣмъ стемнѣло, и турки прекратили преслѣдованіе, куринцы вышли на дорогу, сдѣлавъ всего около трехъ верстъ въ теченіе трехъ часовъ боя, и къ разсвѣту 26-го октября пришли на хетскую позицію, куда со всѣхъ сторонъ стали стягиваться части, участвовавшія въ ингурскомъ дѣлѣ; только рухская колонна отступила по верхне-мингрельской дорогѣ.

князѣ Мухранскомъ въ должности адъютанта прапорщикъ Шимановскій, убито и ранено нѣсколько милиціонеровъ, принадлежавшихъ къ его конвою.

Уронъ нашъ въ ингурскомъ сраженіи былъ весьма чувствителенъ: убито штабъ-офицеровъ два, оберъ-офицеровъ 5-ть и нижнихъ чиновъ 140; ранено: штабъ-офицеровъ два, оберъ-офицеровъ 6-ть и нижнихъ чиновъ 237-мь; безъ вѣсти пропало сорокъ два человѣка. Уронъ турокъ неизвѣстенъ. Куринцы потеряли: умершаго отъ ранъ маіора Ивина и прапорщика Чернышева: ранеными—прапорщиковъ Іонова, Пхакадзе и Пташкина. Нижнихъ чиновъ убито 23, ранено 73 и безъ вѣсти пропало 6 *).

Ингурское сраженіе было послѣднимъ дѣломъ, въ которомъ участвовалъ Куринскій полкъ во время войны съ Турціей. Послѣ сраженія, отрядъ Мухранскаго сосредоточился у Орпири, за цхенисъ-цхальскою оборонительною линіею. Воюющія стороны были раздѣлены непроходимой рѣкой, которая въ ноябрѣ такъ разлилась, что сама прекратила войну. Невылазная грязь, недостатокъ продовольствія и обнаружившееся, неблагопріятное для турокъ, движеніе мингрельцевъ, а затѣмъ и паденіе Карса, заставили Омеръ-пашу начать отступленіе. Такъ кончилась дорого стоившая правительству Турціи и ничего не прибавившая къ заслугамъ ея арміи десантная экспедиція Омеръ-паши.

Миръ былъ заключенъ 2-го февраля 1856-го года, и 1-й и 3-й баталіоны куринцевъ, заслужившіе въ эту войну георгіевскія знамена, 5-ть офицерскихъ георгіевскихъ крестовъ и множество другихъ наградъ, возвратились въ Чечню въ началѣ марта 1856-го года.

---

*) Въ строю было: штабъ-офицеровъ три, оберъ-офицеровъ 28, нижнихъ чиновъ 780.

XIX.

Реформы на Кавказѣ въ 1856-мъ году. Назначеніе князя Барятинскаго главнокомандующимъ, а генералъ-маіора Милютина—начальникомъ главнаго штаба. Кончина фельдмаршала князя Воронцова. Военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ зимою 1856—1857 годовъ. Заложеніе укрѣпленія въ Шали. Пріѣздъ главнокомандующаго. Партизанскія дѣйствія лѣтомъ 1857-го года. Непріятный случай. Осенняя экспедиція въ малую Чечню. Бой 20-го октября у аула Чижнахой. Экспедиція въ Аухъ и заложеніе укрѣпленія Кищень. Послѣднее движеніе чеченскаго отряда по плоскостной Чечнѣ. Переселеніе 2000 семействъ за Аргунъ.

Въ самый разгаръ войны съ Турціей возникла мысль о преобразованіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса и военно-административныхъ учрежденій Кавказа. Главнымъ ревнителемъ этихъ реформъ явился князь Барятинскій, который по пріѣздѣ генерала Муравьева оставилъ постъ начальника главнаго штаба кавказскаго корпуса и, поселившись въ Петербургѣ, работалъ надъ проэктами реформъ. Въ то же время, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Милютинъ подалъ мысль о необходимости воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ присланныхъ на помощь кавказской арміи двухъ дивизій, съ тѣмъ, чтобы, по заключеніи мира съ Турціей, употребить эти войска для продолженія войны съ Шамилемъ.

Такимъ образомъ, въ 1855-мъ году на сцену выступили проэкты двухъ генераловъ, которымъ черезъ годъ послѣ того суждено было самимъ привести въ исполненіе предначертанія Государя, удостоившаго вниманіемъ мысли, выраженныя въ проэктахъ.

Въ одобренной Его Величествомъ запискѣ, авторомъ которой считаютъ князя Барятинскаго, высказаны слѣдующія мысли, касающіяся сѣвернаго Кавказа и управленія покорными намъ горцами:

1) Администрація сѣвернаго Кавказа излишне сложна, вслѣдствіе чего и власть безъ надобности раздроблена, и потому, самый простой вопросъ, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, по необходимости не рѣшается своевременно; поэтому самыя мѣропріятія оказываются или запоздалыми, или даже вредными. Вслѣдствіе этого, не только безъ ущерба дѣлу, но и съ явною пользою для него

можно было бы упразднить должность командующаго войсками кавказской линіи, съ его многолюднымъ штабомъ, и вмѣсто нынѣшняго подраздѣленія линіи на пять частей: Черноморье, правый флангъ, центръ, владикавказскій округъ и лѣвый флангъ—можно было бы учредить здѣсь только двѣ военно-административныя единицы, раздѣленныя между собой большой дорогой, идущей отъ Екатеринограда во Владикавказъ. Тогда и власть начальниковъ этихъ военно-административныхъ частей можно будетъ усилить по крайней мѣрѣ до предѣловъ власти нынѣшняго командующаго войсками кавказской линіи, т. е. до власти корпуснаго командира.

2) При нынѣшнемъ распредѣленіи войскъ проявляется двойственность, вредящая службѣ; рѣзкимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить 20-я дивизія. Одна бригада этой дивизіи (полки апшеронскій и дагестанскій) расположена въ раіонѣ командующаго войсками въ прикаспійскомъ краѣ и подчинена по отправленію службы начальству его, квартирующему въ Шурѣ; въ то же время бригада эта въ строевомъ отношеніи подчинена начальнику лѣваго фланга—на правахъ начальника дивизіи, и командующему всей кавказской линіей—на правахъ корпуснаго командира. Отъ этого трудно объяснимаго смѣшенія вышло то практическое неудобство, что ни одинъ изъ бывшихъ до 1855-го года пяти начальниковъ 20-й дивизіи не только не посѣщалъ штабъ-квартиры полковъ своей 1-й бригады, но и не видалъ частей этой бригады, хотя офиціально отвѣчаетъ за ихъ благосостояніе.

3) Одного полка регулярной кавалеріи на весь лѣвый флангъ и Дагестанъ мало.

4) Съ уничтоженіемъ укрѣпленій черноморскаго берега, полезно сформировать изъ гарнизоновъ ихъ бригаду подвижной полевой пѣхоты.

5) Бывшая до сихъ поръ разница въ жалованьи войскъ, расположенныхъ на линіи и въ Закавказьи, не оправдывается настоящимъ положеніемъ, и потому, войскамъ сѣвернаго Кавказа необходимо увеличить содержаніе. Средства для этого можно получить, упразднивъ излишнія инстанціи на кавказской линіи, съ добавленіемъ изъ государственнаго казначейства лишь незначительной суммы.*

6) Принимая въ соображеніе изложенные выше пункты, а также то, что на Кавказѣ рѣзко отличаются четыре военно-административныхъ района: правый флангъ, лѣвый флангъ, Дагестанъ и Закавказье съ лезгинской линіей, проэктъ предлагалъ согласовать съ этимъ и дислокацію войскъ, образовавъ четыре пѣхотныхъ дивизіи, съ размѣщеніемъ по одной въ каждомъ районѣ, и подчинивъ всѣ войска района отдѣльному начальнику дивизіи.

Сообразно съ этимъ, авторъ проэкта находилъ необходимымъ размѣстить на правомъ флангѣ 19-ю дивизію, образовавъ первую ея бригаду изъ двухъ полковъ, формируемыхъ изъ линейныхъ черноморскихъ баталіоновъ, которые должны были замѣнить, въ составѣ дивизіи, тенгинскій и навагинскій полки. Эти послѣдніе переименовать въ 1-ю бригаду 20-й дивизіи, а апшеронскій и дагестанскій полки перевести въ составъ 21-й дивизіи, изъ которой изъять полки тифлисскій и мингрельскій и, назвавъ ихъ гренадерскими, присоединить, въ видѣ 2-й бригады, къ кавказской гренадерской дивизіи. Этимъ путемъ, не измѣняя дислокаціи войскъ, достигалась та система, о которой говорится въ началѣ пятаго пункта.

Вторая часть записки князя Барятинскаго касается управленія покорными горцами, и такъ какъ мысли, высказанныя въ запискѣ, принадлежатъ человѣку, волею Монарха поставленному во главѣ управленія Кавказомъ, пріобрѣтаютъ историческую важность, то считаемъ умѣстнымъ познакомиться съ основными идеями самой записки. ,,Прочность завоеваній каждаго великаго народа, сказано въ запискѣ, зависитъ отъ двухъ главныхъ условій: хорошей системы военныхъ дѣйствій и мудрой политики въ управленіи страной. Менѣе всего можно устрашить войной людей, которые отъ колыбели привыкли къ ней и въ ней же видятъ себѣ славу и честь; слѣдовательно, нужно, чтобъ къ завоеванію оружіемъ пришла на помощь цивилизація и торговля. Непримиримая ожесточенная борьба возникаетъ только тогда, когда существуетъ убѣжденіе, что цѣль завоевателя есть уничтоженіе вѣры, обычаевъ и правъ собственности. Очевидно, что нужно употребить всѣ мѣры, чтобы не дать поводъ зародиться этимъ причинамъ. Въ Россіи это тѣмъ болѣе возможно, что Государь, очевидно, не желаетъ отнимать зем-

ли у туземцевъ, ни уничтожать ихъ вѣру и обычаи, а напротивъ, желаніе Царя—упрочить благосостояніе туземцевъ и возвысить его на ту же степень благоденствія, которымъ пользуются другіе народы Россіи. Все это—говоритъ записка—должно быть принято основнымъ правиломъ покоренія. Между тѣмъ, продолжаетъ авторъ: до сихъ поръ отношенія наши къ непокорнымъ племенамъ, а также система управленія и войны, такъ часто мѣнялись, что не только непріятель, но даже большею частью лица, составляющія управленіе, не знаютъ хорошо, чего держаться".

За этою горькою истиною, авторъ говоритъ: ,,основанія системы управленія краемъ должны быть по возможности примѣнены къ быту и нравамъ туземцевъ, вводя въ эту систему даже и тѣ порядки, которые введены правителями племенъ непокорныхъ, если только эти порядки не противны нашимъ интересамъ".

Въ этихъ словахъ ясно видна мысль того, который ввелъ въ Чечнѣ народный судъ и представительство въ немъ депутатовъ отъ населенія. А развѣ не это идеалъ нашего времени? Конечно, не исторіи полка заниматься разборомъ правительственныхъ системъ управленія, и мы привели высказанныя мысли, чтобъ характеризовать тѣ идеи, которыя всплывали на горизонтъ Кавказа съ 1856-го года. Записка князя Барятинскаго, предварительно Высочайше одобренная, была разослана на заключеніе многихъ лицъ и, между прочимъ, Н. Н. Муравьева; но прежде чѣмъ главнокомандующій и намѣстникъ Кавказа далъ свое заключеніе, послѣдовало повелѣніе о слѣдующихъ реформахъ:

1) Сѣверный Кавказъ раздѣленъ на двѣ части: правый флангъ и лѣвый флангъ, причемъ обязанности главныхъ начальниковъ этихъ административныхъ единицъ соединены вмѣстѣ съ командованіемъ всѣми войсками, въ нихъ расположенными, въ лицѣ начальниковъ 19-й и 20-й дивизій. Такимъ образомъ, Куринскій полкъ во всѣхъ отношеніяхъ подчинился начальнику 20-й пѣхотной дивизіи, командующему войсками на лѣвомъ флангѣ, генералъ-лейтенанту Евдокимову.

2) 20-я дивизія составлена изъ тенгинскаго, навагинскаго, Куринскаго и кабардинскаго полковъ, изъ коихъ въ каждомъ было

по пяти баталіоновъ: четыре линейныхъ и одинъ стрѣлковый. Названіе „егерскій“ уничтожено, и всѣ полки названы „пѣхотными“. Съ этихъ поръ нашъ полкъ назывался „пѣхотнымъ генералъ-адъютанта князя Воронцова полкомъ“.

3) Апшеронскій и дагестанскій полки вошли въ составъ 21-й дивизіи, расположенной въ Дагестанѣ.

4) Къ каждой дивизіи причислены вновь сформированные по одному стрѣлковому баталіону и по одному драгунскому полку. Къ 20-й дивизіи причислены: 20-й стрѣлковый баталіонъ и 17-й драгунскій сѣверскій полкъ.

5) Въ каждомъ баталіонѣ сформировано по одной стрѣлковой ротѣ, которую приказано вооружить нарѣзнымъ оружіемъ. Роты эти были сформированы въ полку по приказу отъ 12-го октября 1856-го года. Первымъ начальникомъ стрѣлковъ въ полку былъ только-что переведенный изъ л. г. уланскаго полка маіоръ Эрнротъ *). О другихъ реформахъ, послѣдовавшихъ на Кавказѣ, мы не говоримъ, потому что онѣ не касались района расположенія куринцевъ.

Кромѣ реформъ въ войскахъ, въ 1855-мъ году возникла другая мысль: воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ 13-й и 18-й дивизій, хотя бы временно, для войны въ горахъ. Иниціатива принадлежала бывшему профессору военной академіи, всѣмъ извѣстному, впослѣдствіи военному министру графу Д. А. Милютину, который мысль свою выразилъ въ особой запискѣ, поданной Государю въ ноябрѣ 1854-го года.

Въ запискѣ напоминается, что въ 1828—1829 годахъ, подобно настоящему времени, войска кавказскаго корпуса были значительно усилены, и когда былъ заключенъ миръ, Паскевичъ задумалъ воспользоваться пришедшими покрѣпленіями для покоренія Кавказа. Но пока разсматривались появившіеся по этому случаю разные проэкты военныхъ дѣйствій, о которыхъ упомянуто въ гл. I этой книги, прошло много времени; войска напрасно простоя-

*) По штату положено въ стрѣлковой ротѣ: офицеровъ 5-ть и нижнихъ чиновъ, съ нарѣзнымъ оружіемъ, 112.

ли на Кавказѣ и затѣмъ, по случаю безпорядковъ въ Польшѣ, должны были спѣшить въ обратный путь, и мысль Паскевича не осуществилась только потому, что ко времени окончанія военныхъ дѣйствій въ Турціи не выяснился вопросъ, какъ употребить послѣ имѣвшіяся подъ рукой войска. Не слѣдуетъ ли воспользоваться этимъ примѣромъ, говоритъ записка, поданная въ 1854-мъ году, и теперь же выяснить, какъ употребить послѣ войны 13-ю и 18-ю дивизіи, стянутыя на Кавказѣ.

Записка Д. А. Милютина была разослана на заключеніе многихъ лицъ, и хотя особой пользы отъ мнѣнія многихъ не было, но въ результатѣ получилось повелѣніе Государя—удержать на Кавказѣ восемь полковъ на два года и употребить ихъ для нуждъ края.

Вскорѣ война съ Турціей была окончена, реформы введены, и кавказское начальство, получивъ новыя средства, энергично принялось за дѣло, успѣхи котораго превзошли ожиданія.

При новомъ взглядѣ на кавказскую войну, естественнѣе всего исполненіе задачи возложить на тѣхъ, изъ чьей головы вылилась новая мысль. Это соотвѣтствовало всѣмъ требованіямъ и логики, и военнаго дѣла; поэтому, нельзя не считать за счастливую случайность, что въ 1856-мъ году генералъ Муравьевъ оставилъ постъ главнокомандующаго, и на его мѣсто былъ назначенъ побѣдитель Шамиля, князь А. И. Барятинскій, который въ начальники главнаго штаба выбралъ будущаго военнаго министра генерала Милютина. Оба эти лица поспѣшили на Кавказъ, и уже съ зимы 1856-го года начались военныя дѣйствія, окончившіяся черезъ два слишкомъ года плѣненіемъ Шамиля на Гунибѣ.

Лѣтомъ 1856-го года продолжались работы по возведенію укрѣпленія въ Бердыкелѣ, начатыя 6-го апрѣля. На работахъ все время были: 2-й баталіонъ и одна рота 1-го баталіона Куринскаго полка; къ концу іюня работы окончены, и въ укрѣпленіи, имѣвшемъ видъ редута, съ двумя орудіями, поставленными на барбетахъ, водворенъ гарнизонъ изъ одного баталіона Куринскаго полка. Сначала здѣсь помѣстился 2-й баталіонъ, но въ концѣ іюня, когда 3-й, пришедшій изъ Закавказья, отдохнулъ, то онъ замѣнилъ со-

бою 2-й и оставался въ укрѣпленіи въ теченіе зимы. Въ Бердыкелѣ потянулась та же скучная, однообразная жизнь, которая была знакома куринцамъ въ Урусъ-Мартанѣ. Тѣ же оказіи, фуражировки и запертыя ворота; та же тѣснота кругозора и будничная жизнь со всѣми своими послѣдствіями и причинами, и только выстрѣлы подходившихъ чеченцевъ и зимніе сборы отрядовъ разнообразили это прозябаніе. Всѣ ждали новыхъ экспедицій и въ нихъ однихъ находили освѣженіе отъ застоя и развлеченіе отъ тоски. Но 1856-й годъ былъ не безъ развлеченій—пошли переформированія и неизбѣжные пересуды; въ промежутокъ между бездѣльемъ выпадало и дѣло. Особенно много было тревогъ въ декабрѣ, когда участили фуражировки для заготовленія дровъ. Воздвиженскій гарнизонъ имѣлъ почти ежедневныя перестрѣлки съ джигитами, караулившими нашихъ дровосѣковъ, такъ что, хотя рѣдко, но были убитые и раненые.

Между тѣмъ, начались приготовленія и къ зимнимъ экспедиціямъ; предположенія были составлены еще при Муравьевѣ, который лично выяснилъ Евдокимову задачи предстоящей зимы. Предполагалось выдвинуть передовую линію вдоль большой просѣки изъ Воздвиженской черезъ Шали и Маюртупъ къ Куринскому. Для этого, въ теченіе зимы приказано было расширить старыя просѣки, заготовить матеріалы, а лѣтомъ возвести три укрѣпленія гдѣ нибудь около Шали, Маюртупа и на Мичикѣ; а если время позволитъ, то расчистить просѣки и въ малой Чечнѣ. Для успѣха работъ Муравьевъ обѣщалъ усилить войска Евдокимова двумя полками. Кромѣ того, лѣтомъ 1857-го года предполагалось устроить мосты въ Бердыкелѣ и у Чертугая и водворить станицы Чертугаевскую и Умаханъ-Юртовскую. Какъ увидимъ ниже, эти предположенія были значительно измѣнены княземъ Барятинскимъ. Событія пошли съ такою быстротою, что благоразуміе требовало, пользуясь ими, идти далѣе, чѣмъ предполагалось, не теряя времени на дѣла, которыя, по ходу обстоятельствъ, должны были уступить мѣсто болѣе важнымъ.

Къ 1-му декабря 1856-го года войска лѣваго фланга сосредоточились въ трехъ пунктахъ: въ Бердыкелѣ, Умаханъ-Юртѣ и

Куринскомъ. На этотъ разъ силы отряда заключались въ 19½ баталіонахъ пѣхоты, двухъ дивизіонахъ драгунъ, 27-ми сотняхъ и 32 орудіяхъ. Евдокимовъ справедливо полагалъ наводнить этими силами большую Чечню, пройти ее концентрическимъ движеніемъ къ окрестностямъ Автуры, продѣлывая широкія просѣки и сожигая аулы, съ тѣмъ, чтобы нѣсколькими подобными экскурсіями принудить чеченцевъ очистить плоскость.

Въ первый періодъ зимней экспедиціи, куринцы, въ числѣ трехъ баталіоновъ (2-й, 3-й и 4-й) были въ составѣ бердыкельскаго отряда полковника Мищенко, который имѣлъ цѣлью только отвлекать силы противника; главныя же работы возлагались на остальныя колонны. Поэтому, полковникъ Мищенко долженъ былъ распускать преувеличенные слухи о своихъ намѣреніяхъ и о томъ, что его отрядъ составляетъ только авангардъ, къ которому надняхъ подойдутъ изъ Грозной и главныя силы, подъ командою самого Евдокимова. Хитрость удалась: чеченцы стянули къ Шали значительныя силы; тѣмъ временемъ, умахань-юртовская колонна выступила къ Гертме, кумыкская же перешла черезъ Мичикъ. Тогда Евдокимовъ распустилъ, 6-го декабря, колонну Мищенко на отдыхъ, а самъ, съ колонной барона Николаи, сталъ рубить просѣку къ Маюртупу. 20-го декабря закончился первый періодъ зимней экспедиціи.

Въ концѣ 1856-го года, куринцы получили печальное извѣстіе о кончинѣ своего шефа князя М. С. Воронцова. Маститый воинъ скончался на покоѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ. Весь Кавказъ облекся въ трауръ, а новый главнокомандующій почтилъ память своего учителя слѣдующимъ приказомъ: „Государь Императоръ, по случаю кончины генералъ-фельдмаршала князя Воронцова, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ ознаменованіе памяти къ незабвеннымъ заслугамъ его Престолу и отечеству, всѣмъ войскамъ сухопутнаго вѣдомства носить трехдневный трауръ. Высочайшую волю эту объявляя по войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, бывшимъ послѣдними сподвижниками князя Воронцова въ долголѣтней блистательной его службѣ, увѣренъ, что они, вмѣстѣ со мной, искренней вѣчной памятью почтутъ

усопшаго". Куринцы носили трауръ 16-го, 17-го и 18-го декабря 1856-го года *).

Послѣ кончины шефа, полкъ сталъ называться „Куринскимъ пѣхотнымъ".

Второй періодъ зимней экспедиціи начался 15-го января 1857-го года. Главныя силы, подъ начальствомъ Евдокимова, собрались въ Бердыкелѣ, имѣя въ рядахъ 13½ баталіоновъ, 4-ре эскадрона, 18-ть сотенъ и 20 орудій; другая колонна, въ составѣ семи баталіоновъ, 13-ти сотенъ и 14-ти орудій, подъ начальствомъ командира кабардинскаго полка генерала барона Николаи стянулась къ тому же времени къ перевалу Хоби-Шавдонъ. Куринцы, въ числѣ 3½ баталіоновъ, со стрѣлковыми ротами, вмѣстѣ съ своимъ командиромъ были въ составѣ главной колонны.

16-го января генералъ Евдокимовъ двинулся изъ Бердыкеля мимо Гойтенъ-Корта къ Чухумъ-Барзу. Непріятеля нигдѣ не было; но погода была до того дурная, что утомила войска болѣе боя съ Шамилемъ. Чеченцы занимали позицію у Чухумъ-Барза, гдѣ и поджидали наши войска. Но кавалерія, поддержанная пѣхотой полковника Мищенко (одинъ баталіонъ куринцевъ и сводно-линейный баталіонъ) мгновенно сбила непріятеля съ позиціи, и мы, потерявъ трехъ раненыхъ, заняли высоту Чухумъ-Барзъ, командовавшую окрестностью. Устроивъ здѣсь временный базисъ, генералъ Евдокимовъ началъ истребленіе окрестныхъ ауловъ: нѣсколько колоннъ, направленныхъ въ разныя стороны, разомъ наводнили окрестность Герменчука; тысячи топоровъ застучали, и дымъ отъ горѣвшихъ ауловъ застлалъ весь горизонтъ. Эта ужасающая картина разрушенія дополнялась пальбой изъ орудій и ружей. Чеченцы не вездѣ уступали безъ боя, но это сопротивленіе отдѣльныхъ группъ не могло противустать сильному отряду Евдокимова. Только одинъ аулъ Хано оказывалъ нѣкоторое упорство, но и тотъ скоро былъ очищенъ и сожженъ куринцами и виленцами. Здѣсь куринцы впер-

*) Въ это время бывшій командиръ Куринскаго полка, свиты Его величества генералъ-маіоръ князь С. М. Воронцовъ, во вниманіе къ заслугамъ отца, назначенъ генералъ-адъютантомъ и съ 1-го декабря 1856-го года зачисленъ въ списокъ Куринскаго полка.

вые видѣли въ дѣлѣ будущаго своего достойнаго командира, флигель-адъютанта ротмистра Черткова, который командовалъ виленскимъ баталіономъ.

17-го января отрядъ ночевалъ въ Гельдыгенѣ и Автурахъ, откуда видны были бивачные огни кумыкскаго отряда, расположившагося у Курчалоя. По соединеніи съ этимъ отрядомъ, истребленіе ауловъ пошло еще дѣятельнѣе. Непріятель совсѣмъ палъ духомъ, и только выстрѣлами издали давалъ знать о своемъ существованіи. Отрядъ Евдокимова, съ топоромъ въ рукѣ, гулялъ по окрестностямъ, и на 30-е января вся южная половина плоскостной Чечни была выжжена и вырублена. Только 24-го числа, при отступленіи нашемъ на Чухумъ-Барзъ, непріятель насѣлъ на арріергардъ, состоявшій изъ всѣхъ куринскихъ баталіоновъ, но это дѣло, стоившее намъ нѣсколькихъ раненыхъ, только послужило поводомъ Евдокимову лестно отозваться о командовавшихъ нашими баталіонами: подполковникахъ Барабашѣ, Момбели и о полковникѣ Рихтерѣ *). Эти успѣхи Евдокимова, обошедшіеся безъ кровопролитія, обратили на себя особое вниманіе Государя, а наши солдатики получили по одному рублю отъ щедротъ своего Царя.

Теперь оставалось намъ поддержать успѣхи этой экспедиціи и не дать чеченцамъ вновь устроиться на выжженныхъ и вырубленныхъ мѣстахъ. Для этого рѣшено было построить укрѣпленіе у Шали и поставить здѣсь подвижной резервъ, настолько сильный, чтобы мѣшать чеченцамъ являться на плоскости даже для полевыхъ работъ. Эту цѣль достигла третья часть зимней экспедиціи, начатая 3-го марта. Отрядъ двинулся изъ Бердыкеля на Шали и, выбравъ здѣсь удобное мѣсто, заложилъ Шалинское укрѣпленіе. Работы шли необыкновенно быстро, и въ двѣ недѣли мы успѣли выстроить

---

*) Полковникъ Рихтеръ, нынѣ генералъ-адъютантъ и командующій Императорскою главною квартирою, былъ, въ чинѣ ротмистра, адъютантомъ главнокомандующаго и, произведенный въ полковники, былъ переведенъ въ полкъ въ 1857-мъ году, командовалъ 3-мъ баталіономъ и въ 1858-мъ году назначенъ состоять при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, числясь въ спискахъ Куринскаго полка. 8-го сентября 1859-го года полковникъ Рихтеръ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

четвероугольный редутъ съ бастіонами, обнесенный толстымъ землянымъ валомъ, обшитымъ дерномъ и плетнемъ; ровъ, при ширинѣ въ 14' имѣлъ 9' глубины. Внутри укрѣпленія имѣлся редюитъ. Вооруженіе состояло изъ 6-ти орудій, изъ коихъ два чугунныхъ крѣпостныхъ и четыре полевыхъ для подвижнаго резерва. Гарнизонъ составленъ изъ двухъ ротъ виленскаго полка, а подвижной резервъ изъ 3-го баталіона Куринскаго полка и двухъ сотенъ казаковъ. Начальникомъ этого резерва былъ назначенъ подполковникъ Момбели.

Исполнивъ эти работы и очистивъ окрестности шалинскаго укрѣпленія, отрядъ двинулся на Гертме и Умаханъ-Юртъ; по дорогѣ, Евдокимовъ уничтожилъ всѣ попадавшіеся аулы и дѣлалъ широкія просѣки. Затѣмъ, остающееся время, предназначенное для зимнихъ экспедицій, онъ употребилъ для расчистки гойтинской просѣки и къ 1-му марта распустилъ отрядъ.

Результаты, достигнутые на лѣвомъ флангѣ въ теченіе зимы съ 1856-го на 1857-й годъ, были дѣйствительно громадные, и тѣмъ болѣе замѣчательны, что они намъ стоили весьма малыхъ потерь. Шамиль, видя передъ собой небывалый до того по многочисленности отрядъ, иногда доходившій до 10 т. человѣкъ, съ 30-ю орудіями, не могъ противустоять ему съ своими малочисленными толпами, состоявшими изъ падшихъ духомъ чеченцевъ и голодныхъ тавлинцевъ. Русскій топоръ принесъ дѣлу имама большой вредъ: горцы не рисковали вступать съ нашими войсками въ бой на открытомъ мѣстѣ, а лѣса, тѣ завѣтные лѣса, которые принесли намъ много горя въ дни даргинскихъ и ичкеринскихъ походовъ, уже исчезли, а съ ними вмѣстѣ исчезла и сила шамилевскихъ джигитовъ. Раззоренная страна, пустые аулы и къ тому же ежедневная измѣна—вотъ что видѣлъ Шамиль въ плоскостной Чечнѣ. Старый имамъ истощалъ послѣднія средства, чтобы повернуть общее настроеніе въ свою пользу; но ни обѣщанія, ни угрозы не помогали дѣлу: не только поселяне, но мюриды и даже наибы стали измѣнять своему владыкѣ. Мало того, уже цѣлыя сотни чеченцевъ стояли въ рядахъ отряда Евдокимова и наравнѣ съ „гяурами" сражались за русскаго Царя.

Но то, что печалило Шамиля, то радовало князя Барятинскаго: новый главнокомандующій видѣлъ успѣхи своего дѣла, мысленно торжествовалъ окончательную побѣду надъ Шамилемъ и напрягалъ всѣ силы, чтобы скорѣе осуществить свою завѣтную мечту. Въ апрѣлѣ 1857-го года, князь захотѣлъ собственными глазами видѣть плоды трудовъ послѣдняго года, и съ этою цѣлью посѣтилъ лѣвый флангъ. 20-го апрѣля онъ былъ встрѣченъ въ Грозной депутатами новыхъ подданныхъ Царя. Отсюда князь поѣхалъ черезъ Бердыкель въ Шали, гдѣ переночевалъ и, посѣтивъ Автуры и Маюртупъ, безостановочно проѣхалъ въ Хоби-Шавдонъ, Хасавъ-Юртъ, Внезапную и Чиръ-Юртъ. Полковникъ Мищенко, съ тремя баталіонами куринцевъ, провожалъ князя отъ Шали до Автуры. Все видѣнное княземъ превзошло ожиданіе главнокомандующаго. Тамъ, гдѣ въ 1851-мъ и 1852-мъ годахъ ему приходилось бороться съ многочисленными врагами среди лѣсовъ и непроходимыхъ трущобъ, густо заселенныхъ аулами, теперь появились пустыни и дороги, по которымъ самъ главнокомандующій проѣзжалъ съ незначительнымъ конвоемъ.

27-го апрѣля князь Барятинскій лично произвелъ рекогносцировку къ Ауху и здѣсь же порѣшилъ перенести передовую линію въ горы—занять Буртунай и Кишень. Князя Барятинскаго сопровождали командующіе войсками—въ прикаспійскомъ краѣ князь Г. Д. Орбеліани и на лѣвомъ флангѣ генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ. Познакомивъ этихъ генераловъ съ своими будущими планами, и намекнувъ Евдокимову на необходимость перенесенія военныхъ дѣйствій въ ущелья Черныхъ горъ, князь возвратился въ Тифлисъ, откуда и порадовалъ Государя донесеніемъ о томъ, „что все видѣнное превзошло его ожиданіе".

Съ наступленіемъ лѣта, войска лѣваго фланга занимались истребленіемъ посѣвовъ и запасовъ оставшихся немирныхъ жителей. Въ этотъ періодъ Шамиль нигдѣ не собиралъ большихъ партій, хотя одиночныя нападенія на станицы и наши мирные аулы стали повторяться не рѣже предыдущихъ лѣтъ; иногда непріятель имѣлъ даже успѣхъ и, усвоивъ нашу тактику, самъ сжигалъ запасы нашихъ войскъ и поселянъ. Такъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ

непріятель сжегъ до 20,000 пудовъ казеннаго сѣна близь Урусъ-Мартана и Воздвиженской. Особенно часто безпокоилъ непріятель шалинскій и урусъ-мартанскій гарнизоны. Коменданты этихъ укрѣпленій, наши подполковники Момбели и Барабашъ, вполнѣ свыклись съ своимъ положеніемъ и всегда умѣли постоять за себя. Мы здѣсь не будемъ перечислять почти ежедневныхъ перестрѣлокъ у этихъ укрѣпленій; скажемъ только, что непріятель въ теченіе всего лѣта обстрѣливалъ изъ орудій, внутренность шалинскаго укрѣпленія и принесъ намъ не мало вреда. Къ этой канонадѣ такъ привыкли, что вскорѣ перестали обращать на нее вниманіе. Момбели былъ очень дѣятеленъ: онъ высылалъ колонны на поиски, дѣлалъ засады и нерѣдко жестоко наказывалъ дерзкаго противника. Но и противникъ дѣлалъ намъ не мало непріятностей. Къ числу наиболѣе крупныхъ относится случай, бывшій 17-го мая: въ этотъ день двѣ роты куринцевъ, съ донскими казаками, были высланы во вновь заселенный мирными переселенцами аулъ большой Чечни, расположенный на берегу Аргуна, близь ханкальскаго ущелья. На разсвѣтѣ, казаки выгнали лошадей на пастьбу, а сами расположились въ безпорядкѣ для отдыха; пользуясь этимъ, скрывавшаяся вблизи партія напала на казаковъ, изрубила 17-ть и ранила двухъ, а лошадей угнала. По тревогѣ, выскочили куринцы, но не могли отбить лошадей, быстро перегнанныхъ черезъ рѣку. Началась перестрѣлка, жертвою которой сдѣлались два убитыхъ солдата. На донесеніи объ этомъ случаѣ Государь написалъ: „*явная оплошность*".

Другой случай былъ съ нашими офицерами, прапорщиками Терлецкимъ и Верховскимъ. Надо замѣтить, что съ 10-го мая 1857-го года сообщеніе между Грозной и Терекомъ стало свободнымъ т. е. безъ оказій. 22-го августа названные офицеры, съ однимъ унтеръ-офицеромъ, возвращались въ повозкѣ изъ Щедринской, съ полковою корреспонденціею. На Нефтянкѣ путешественники встрѣтили абрековъ, которые сдѣлали по нимъ залпъ. Верховскій былъ раненъ; но куринцы схватились за оружіе и, отбиваясь отъ преслѣдовавшихъ, доскакали до Грозной.

10-го сентября, 10-ть ротъ куринцевъ, съ казаками, сдѣлали поискъ въ аргунское ущелье, чтобы сжечь непріятельское сѣно.

Колонна пошла по обоимъ берегамъ Аргуна, и только когда стрѣлки наши скрытно перебрались въ ущелье и подожгли сѣно, непріятель сдѣлалъ тревогу. Наши стрѣлки отступили безъ потерь. Это событіе имѣетъ ту важность, что послѣ него мы стали привыкать къ мысли о возможности овладѣть заколдованнымъ ущельемъ. Даже самъ князь Барятинскій, горя желаніемъ скорѣе сокрушить эти ворота къ сердцу Шамиля, уже не разъ указывалъ на аргунское ущелье Евдокимову; но осторожный начальникъ лѣваго фланга не считалъ дѣло достаточно подготовленнымъ для того, чтобы, прорвавъ ущелье, продолжать безостановочную работу въ горахъ. Николай Ивановичъ Евдокимовъ хотѣлъ сначала покончить съ плоскостью большой Чечни, гдѣ еще оставалось многочисленное населеніе, ожидавшее своей участи, а главное—обезпечить наши владѣнія со стороны нагорной Чечни.

Съ того времени, какъ плоскостная часть малой Чечни безповоротно осталась во владѣніи русскихъ и стала перерѣзываться нашими укрѣпленіями и заселяться станицами и мирными аулами, все населеніе, недовольное нашими порядками и враждебное нашему правительству, откочевывало въ горы, къ верховьямъ многочисленныхъ правыхъ притоковъ Сунжи. Здѣсь, въ дремучихъ лѣсахъ и недоступныхъ трущобахъ, селились аулы, расчищая лѣса для пашень и покосовъ. Причина образованія этихъ поселеній сама собой говоритъ и о правахъ жителей, и о той фанатической злобѣ, которую они питали къ имени русскаго человѣка. Всѣ болѣе ожесточенныя стычки нашихъ войскъ происходили въ малой Чечнѣ: Валерикъ, Гехи, Гойта памятны въ исторіи Кавказа и попали роковыми именами въ біографіи многихъ кавказскихъ генераловъ. Съ успѣхами нашихъ войскъ въ большой Чечнѣ, малая какъ бы ушла на задній планъ; но зато, ея репутація росла въ глазахъ Шамиля и всѣхъ его адептовъ. Нагорная малая Чечня сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для недовольныхъ и самыхъ отчаянныхъ враговъ Россіи. Внѣшняя дѣятельность малочеченскихъ наѣздниковъ давала намъ чувствовать себя каждый день; у нихъ не было большихъ сборовъ и широкихъ затѣй, но, взамѣнъ того, одиночная удаль, джигитство въ широкомъ значеніи слова, процвѣтали по всему

пространству нагорной малой Чечни. И чѣмъ смирнѣе дѣлалась большая Чечня, тѣмъ дерзче становилась малая. Избіеніе донскихъ казаковъ 17-го мая, сожженіе казеннаго сѣна въ Воздвиженской и Урусъ-Мартанѣ, угонъ стада у атагинцевъ и множество другихъ смѣлыхъ нападеній были дѣломъ рукъ нагорныхъ малочеченцевъ.

Къ нимъ-то и добирался Евдокимовъ осенью 1857-го года. Но, какъ увидимъ ниже, самъ начальникъ лѣваго фланга принужденъ былъ признаться, что не ожидалъ встрѣтить здѣсь ни того густаго населенія, которое увидѣлъ, ни того отчаяннаго сопротивленія, которое пришлось преодолѣть. Евдокимовъ расчитывалъ на болѣе легкій успѣхъ и, между прочимъ, задавался мыслью упразднить самое укрѣпленіе Урусъ-Мартанъ, гдѣ напрасно скучалъ нашъ гарнизонъ. Но экспедиція показала, что мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибы до покоренія нагорной малой Чечни упразднили это укрѣпленіе.

Прежде всего, осторожный генералъ Евдокимовъ, какъ всегда, ввелъ въ заблужденіе врага и явился въ малую Чечню совсѣмъ неожиданно. Всѣ приготовленія указывали Шамилю, что русскіе пойдутъ на Бассъ; сами войска наши не знали своихъ маршрутовъ. Вдругъ, послѣдовало приказаніе колоннамъ, бывшимъ наготовѣ въ Алханъ-Юртѣ, Бердыкелѣ, большомъ Чеченѣ и Грозной—форсированно двигаться въ малую Чечню и въ ночь съ 19-го на 20-е октября прибыть на гойтинскую переправу. Какъ по мановенію волшебнаго жезла, къ назначенному времени у гойтинской переправы выросли 10½ баталіоновъ, 17-ть сотенъ казаковъ, 5-ть сотенъ милиціонеровъ и 26-ть орудій. Куринцы пришли сюда съ своимъ командиромъ, генералъ-маіоромъ Мищенко, изъ аула большой Чечень, имѣя въ рядахъ 1-й, 4-й и двѣ роты 2-го баталіона *). Всего, въ отрядѣ было, при многочисленной артилеріи, 11,500 нижнихъ чиновъ, обильно снабженныхъ и имѣвшихъ въ рядахъ цѣлый баталіонъ стрѣлковъ, вооруженныхъ, потогдашнему, прекрасными штуцерами.

*) Одинъ генералъ, четыре штабъ и 37-мь оберъ-офицеровъ, 152 унтеръ-офицера, 52 музыканта, 1520-ть рядовыхъ и 75-ть нестроевыхъ.

Этихъ силъ, казалось бы, достаточно даже для большихъ сраженій, а тутъ передъ нами ожидались толпы жителей, не чаявшихъ появленія русскихъ войскъ и отданныхъ собственнымъ силамъ и средствамъ.

Въ 4 часа утра, 20-го октября, отрядъ генерала Евдокимова двинулся вверхъ по правому берегу Гойты и вскорѣ вошелъ въ густой устарханскій лѣсъ; затѣмъ, идя по старой просѣкѣ близъ развалинъ аула, отрядъ перешелъ черезъ рѣку Гойту и началъ втягиваться сначала въ холмистую, а потомъ въ гористую часть мѣстности. У самаго входа въ ущелье открылись аулы; къ удивленію Евдокимова, ,,населеніе на Черныхъ горахъ оказалось такъ многочисленно, что, безъ преувеличенія, можно сказать, что между Энгеликомъ и Мартаномъ Черныя горы унизаны селами", сказано въ военномъ журналѣ.

Было 9 часовъ, когда главныя силы потянулись вверхъ къ ауламъ. Генералъ Евдокимовъ рѣшился немедленно атаковать впереди лежавшій большой аулъ Чижнахой, занимавшій узелъ дорогъ изъ Шатоя, Чаберлоя и Ишехоя. Аулъ былъ расположенъ на возвышенномъ плато и потому могъ считаться ключемъ для обладанія другими аулами.

Атака аула выпала на долю куринцевъ, усиленныхъ 20-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, однимъ баталіономъ виленцевъ и двумя конными орудіями. Для того, чтобы изолировать аулъ, генералъ Евдокимовъ послалъ часть кавалеріи и милиціи вправо, къ большому аулу Мартану, а колоннѣ генерала Кемпферта приказалъ, переправясь черезъ Гойту, слѣдовать по правому ея берегу, на одной высотѣ съ колонной Мищенко.

,,Стройно, неотразимо двинулись молодецкія войска наши въ атаку", говоритъ въ своемъ донесеніи генералъ Евдокимовъ; ,,толпы непріятеля выскочили изъ ауловъ, и вся окрестность огласилась боевымъ громомъ. Чеченцы, захваченные въ послѣднихъ своихъ убѣжищахъ, въ недоступность коихъ они давно привыкли вѣрить, дрались какъ изступленные: выбиваемые изъ аула, они не отступали, а бросались въ шашки на ряды солдатъ и умирали на штыкахъ". Есть указанія, что женщины и дѣти дрались рядомъ

съ мужьями и отцами, и не одно жестокое убійство случилось въ этотъ ужасный день отъ руки тѣхъ, которымъ природа указала вовсе не истребленіе человѣческаго рода. Но всѣ ужасы были преодолѣны: куринцы выбились изъ аула и погнали непріятеля въ горы. Вскорѣ знамя наше развернулось на командующей высотѣ, гдѣ наши молодцы, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, построили редутъ и нѣсколько заваловъ. На этой возвышенности сгруппировались наши окровавленные баталіоны въ то время, какъ другіе продолжали распространяться по окрестнымъ селамъ, разнося огонь изъ аула въ аулъ. Вскорѣ смерклось—и большое зарево пожара указало на новыя жертвы богу войны. Ночлегъ былъ спокоенъ, и только на другой день увидѣли страшную картину раззоренія. Множество тѣлъ валялось на пепелищѣ ауловъ, и много раненыхъ осталось на попеченіи нашихъ врачей.

Мы потеряли одного офицера виленскаго полка и изъ всѣхъ баталіоновъ 27-мь убитыхъ и 26-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

,,Бой 20-го октября озадачилъ непріятеля и рѣшилъ судьбу непокорнаго населенія, жившаго между рр. Энгеликомъ и Мартаномъ. Успѣхомъ этого дня объясняются и послѣдующіе успѣхи дѣйствій нашихъ въ семъ періодѣ экспедиціи''. Такъ кончается донесеніе Евдокимова о дѣлѣ 20-го октября.

Въ теченіе 21-го числа, отрядъ, базируясь на устроенный редутъ, дѣлалъ набѣги и поиски по Гойтѣ и Мартану. Теперь настала очередь колонны Кемпферта, которая направилась въ ущелье Мартана; но, къ счастью, чеченцы не оказывали большаго сопротивленія: колонна, цѣною семи раненыхъ, завладѣла и уничтожила до 15-ти ауловъ и доставила въ лагерь огромную добычу. Очистивъ ущелья Гойты и Мартана, генералъ Евдокимовъ обратился къ Энгелику. Лагерь былъ перенесенъ внизъ на равнину, и 29-го октября отрядъ перешелъ на правый берегъ Гойты, къ разрушенному аулу Устарханъ.

Между тѣмъ, пришла помощь и чеченцамъ: наибы привели изъ аргунскаго ущелья толпы конныхъ, съ однимъ орудіемъ, но многолюдство нашего отряда настолько страшило ихъ, что всѣ дѣйствія воиновъ Шамиля ограничивались наблюденіемъ за нами и

ежедневнымъ выбрасываніемъ въ нашъ лагерь нѣсколькихъ ядеръ. 25-го числа пришла партія тавлинцевъ, подъ начальствомъ Джемалъ-Эддина *), но и она ничѣмъ не помогла своимъ одноплеменникамъ. Евдокимовъ продолжалъ рубку просѣки къ Энгелику, осматривалъ мѣстность и, во все время съ 23-го по 26-е число, имѣлъ всего 1-го убитаго и 6-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

27-го октября генералъ Евдокимовъ порѣшилъ истребить оставшіеся аулы по Энгелику. Аулы эти лежали въ страшныхъ трущобахъ и могли расчитывать на помощь партіи Джемалъ-Эддина, Батако и Сайбдулы. Для отвлеченія этихъ секурсовъ, Евдокимовъ употребилъ обыкновенный свой маневръ: возложивъ на колонну Кемпферта атаку ауловъ по Энгелику, онъ заранѣе выслалъ колонну генерала Мищенко, съ куринскими и 20-мъ стрѣлковымъ баталіонами, вверхъ по Гойтѣ. Это движеніе обмануло непріятеля: онъ потянулся къ Гойтѣ, занявъ аулъ Туркой, и ждалъ здѣсь атаки Мищенко; тѣмъ самымъ онъ отдалъ на сожженіе колоннѣ Кемпферта всѣ аулы, лежавшіе по ущелью Энгелика. Послѣ этого, когда стрѣльба и пожары указали наибамъ на ихъ ошибку, и они потянулись за колонной Кемпферта, Мищенко атаковалъ Туркой—и вскорѣ всѣ остальные аулы по Энгелику и Гойтѣ охватило страшнымъ пожаромъ. Въ этотъ день во всемъ отрядѣ было 22 раненыхъ и 1 убитый.

Походомъ на Энгеликъ заключилась осенняя экспедиція 1857-го года въ малой Чечнѣ. Приближалось время для условленнаго съ княземъ Орбеліани движенія въ Аухъ, и потому генералъ Евдокимовъ перевелъ отрядъ на Аргунъ и 30-го октября расположилъ главныя силы въ Бердыкелѣ, а генералу Мищенко, съ куринцами, приказалъ возвратиться въ Воздвиженскую, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Прежде чѣмъ двинуться въ Аухъ, съ цѣлью обмануть Шамиля,

*) Старшій сынъ Шамиля, взятый аманатомъ послѣ разгромленія Ахульго въ 1839 году. Джемалъ-Эддинъ воспитывался въ Петербургѣ, былъ русскимъ офицеромъ и возвращенъ на родину въ 1854 году, въ обмѣнъ на семейство князя Чавчавадзе.

и заставить его держать свои силы вдали отъ этого мѣста, Евдокимовъ рѣшилъ произвести нѣкоторые маневры въ большой Чечнѣ. Сборнымъ мѣстомъ отрядовъ былъ назначенъ Чухумъ-Барзъ; туда прибылъ 2-го ноября Мищенко, съ 1-мъ, 4-мъ и тремя ротами 2-го баталіона и со стрѣлками всего полка. Къ этому же времени кумыкскому отряду приказано было двинуться отъ Мичика къ Эспиаулу. 2-го ноября соединенный отрядъ Евдокимова ночевалъ въ Ахшпатоѣ, а баронъ Николаи въ Эспи-аулѣ. Съ 3-го числа начались работы по вырубкѣ просѣкъ въ окрестностяхъ этихъ ауловъ, и когда Шамиль убѣдился, что чеченскій отрядъ будетъ дѣйствовать въ этихъ мѣстахъ, и потому стянулъ сюда всѣ силы, генералъ Евдокимовъ разомъ покинулъ свое насиженное мѣсто и, отправивъ Мищенко съ 1-мъ и тремя ротами 2-го баталіона куринцевъ и 6 сотнями казаковъ, при 6 орудіяхъ, въ Воздвиженскую, самъ, съ остальными силами, пошелъ къ Хоби-Шавдону. Съ 1-го по 5-е ноября отрядъ не встрѣчалъ большаго сопротивленія; ежедневныя перестрѣлки и канонады не приносили намъ почти никакого вреда, и колонна Мищенко возвратилась въ Воздвиженскую почти безъ потерь.

Шамиль, внимательно слѣдившій за движеніями Евдокимова, не понималъ въ чемъ дѣло. Онъ провожалъ отрядъ генерала Мищенко, затѣвалъ перестрѣлку съ арріергардомъ его и думалъ, что, отдохнувъ на Хоби-Шавдонѣ, Евдокимовъ съ новыми силами будетъ оперировать по Мичику. Но расчеты эти не сбылись. Имамъ почуялъ опасность только тогда, когда утромъ, 5-го числа, исчезъ передъ нимъ русскій лагерь на Хоби-Шавдонѣ. Тогда имамъ кинулся въ Аухъ, но уже было поздно: Евдокимовъ на цѣлый переходъ опередилъ Шамиля и утромъ 6-го числа безпрепятственно вошелъ въ ущелье Ярыкъ-су и сталъ лагеремъ между аулами Ярыкъ-су, Аухъ и Гойтемиръ-Капа, имѣя въ строю 17½ баталіоновъ пѣхоты, два дивизіона драгунъ, 15-ть сотенъ казаковъ, 2½ сотни милиціи, 28-мь орудій и 4 мортиры. Въ отрядѣ былъ 4-й баталіонъ куринцевъ, подъ командой подполковника Барабаша.

Мы не будемъ здѣсь входить въ подробное описаніе экспеди-

ціи въ Аухъ, потому что тутъ на долю куринцевъ не выпадало никакихъ замѣтныхъ дѣлъ; да и самый отрядъ, доходившій до 14 т. человѣкъ, не встрѣчалъ сопротивленія врага. Самая трудная часть экспедиціи—занятіе Кишень-Ауха, обошлась почти безъ выстрѣла, потому что Шамиль не успѣлъ намъ загородить дорогу, а затѣмъ, когда значительныя силы Евдокимова заняли удобную позицію и окопались въ ней, Шамиль не дерзалъ насъ атаковать; напротивъ того, имамъ какъ будто хлопоталъ о нашемъ успѣхѣ: онъ вздумалъ переселять ауховцевъ въ горы, и когда встрѣтилъ неудовольствіе жителей, сталъ уничтожать ихъ аулы и запасы. Это было необдуманное дѣло стараго имама: вскорѣ у него не хватило запасовъ для содержанія своего войска, и Шамиль принужденъ былъ распустить часть конницы, а войскамъ Евдокимова оставалось безпрепятственно работать надъ постройкой укрѣпленія Кишень.

3-го декабря всѣ работы были окончены, укрѣпленіе вооружено 15-ю крѣпостными орудіями, и поставлены въ немъ гарнизономъ два баталіона кабардинцевъ; затѣмъ, чеченскій отрядъ, послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Аухѣ, возвратился въ укрѣпленіе Куринское, потерявъ во все время экспедиціи всего 2-хъ убитыхъ и 7-мь раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Такъ кончилась экспедиція въ Аухъ. Блистательные успѣхи ея не ограничивались перенесеніемъ нашей передовой линіи въ горную полосу шамильскихъ земель; еще важнѣе было то, что успѣхъ нашъ поставилъ Шамиля въ безвыходное положеніе: дружины его разбѣжались, имамъ остался безъ войскъ, и потому оставилъ большую Чечню безъ всякой помощи. А это обстоятельство дало возможность огромному отряду Евдокимова довершить покореніе плоскостной части большой Чечни.

Непокорная намъ часть населенія большой Чечни, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, скучилась въ лѣсахъ между низовьями Хулхулау и Джалки. „Трудно составить себѣ понятіе объ этой мѣстности, не видавъ ея—говоритъ донесеніе Евдокимова. Довольно сказать, что топкіе Шавдоны (черноречья), покрытые непроницаемымъ лѣсомъ, дѣлаютъ ее почти недоступною, не исключая кратковременной здѣшней зимы“. Эту-то мѣстность наводнилъ Евдокимовъ

массою своихъ войскъ. Аульные жители, не ожидая русскаго войска, оставались у себя дома и пришли въ страшное смятеніе, когда, 6-го декабря, колонны Евдокимова съ разныхъ сторонъ появились въ эту страну вѣковыхъ лѣсовъ и болотъ. Населеніе не было готово къ оборонѣ, и непокорнымъ оставалось или умереть, или покориться силѣ. Вскорѣ десятки квадратныхъ верстъ были охвачены густымъ дымомъ отъ горѣвшихъ стоговъ, и помощи нельзя было ожидать ни откуда. Всѣ запасы хлѣба и сѣна были уничтожены; населеніе, такъ сказать, было приперто къ стѣнѣ; спасеніе можно было найти только въ смиреніи.

Въ ночь на 8-е число, къ Евдокимову явились депутаты съ повинною; они отдавали себя на судъ генерала и просили милосердія Монарха и защиты отъ мюридовъ. Генералъ Евдокимовъ прекратилъ свои репрессаліи и приказалъ жителямъ собраться, съ ихъ имуществомъ, къ назначенному мѣсту. На разсвѣтѣ 8-го числа, глазамъ русскихъ солдатъ представилась трогательная картина: на полянѣ аула Цаинъ-Ирзау стояло болѣе 400-тъ семействъ, съ нагруженными арбами и многочисленными стадами. Сотни другихъ арбъ и семей вереницей тянулись изъ Гертме и другихъ ауловъ. Вчерашніе враги были окружены бивакомъ нашихъ храбрыхъ полковъ; тѣмъ не менѣе, изъ разныхъ угловъ окрестности слышались выстрѣлы,—это были мюриды, нападавшіе на партіи покорныхъ: приходилось защищать новыхъ подданныхъ русскаго Царя,—и вотъ, началась по окрестнымъ лѣсамъ охота за мюридами. Вскорѣ и послѣдніе ревнители власти Шамиля разсѣялись, и отрядъ двинулся медленнымъ шагомъ къ аулу Сартали, окружая огромный и разнообразный таборъ переселенцевъ. 8-го числа Евдокимовъ достигъ аула Сартали, гдѣ его встрѣтила колонна генерала Мищенко.

Изъ Сартали переселенцы были отправлены по вновь расчищенной генераломъ Мищенко дорогѣ, черезъ Мискиръ-Юртъ къ Бердыкелю, въ вѣдѣніе пристава чеченскихъ народовъ полковника Бѣлика, а отрядъ Евдокимова остался для дальнѣйшихъ работъ.

Когда Евдокимовъ двинулся на Мичикъ, онъ приказалъ генералу Мищенко идти изъ Бердыкеля на Мискиръ-Юртъ, для содѣй-

ствія главнымъ силамъ. Мищенко, съ $5^1/_2$ баталіонами (въ числѣ ихъ 1-й и 3-й Куринскаго полка) 8-ю сотнями и 10-ю орудіями, безпрепятственно двигаясь, сжегъ по пути аулы Шерди, Гуной и Дашни, и 8-го числа прибылъ къ Сартали; прорубивъ часть лѣса къ Мискиръ-Юрту, онъ ожидалъ прибытія Евдокимова.

8-го декабря, почти вся плоскость Чечни была въ нашей власти; оставались непокорными только аулы по Хазы-Шавдону и Мискирой-Шавдону (въ нижнемъ теченіи Джалки). Эти аулы поддерживались надеждой на помощь Шамиля, который, дѣйствительно, успѣлъ прислать сюда значительныя силы. Но эти силы подошли уже тогда, когда транспортъ переселенцевъ двинулся изъ Сартали въ русскіе предѣлы. Непріятель полагалъ, что вмѣстѣ съ транспортомъ идутъ и всѣ силы Евдокимова, и потому не пошелъ на Хазы-Шавдонъ, а остался караулить большую дорогу на Бердыкель.

Тѣмъ временемъ, отдѣливъ достаточныя силы для конвоированія транспорта, и отправивъ съ нимъ всѣ войсковыя тяжести, Евдокимовъ сформировалъ двѣ пѣхотныя колонны—одну (5-ть баталіоновъ и 8-мь ротъ) подъ начальствомъ командира Куринскаго полка, генералъ-маіора Мищенко, а другую (10-ть баталіоновъ и 16-ть орудій) подъ командой генерала Кемпферта; остальная кавалерія, подъ командой полковника Мусы-Кундухова, составляла резервъ.

Колонна Мищенко, въ которой были два баталіона куринцевъ, двинулась въ авангардѣ на аулъ Исламъ. Вскорѣ Мищенко вступилъ въ такой густой лѣсъ, что „нельзя было придумать никакого самостоятельнаго строя для войскъ, чтобы проходить этотъ хаосъ строеній, заваловъ, лѣса и воды“. Поэтому, онъ взялъ съ собой только два баталіона куринцевъ, а остальные три баталіона, съ артиллеріей, оставилъ позади. Съ сильною перестрѣлкою, по узкой тропинкѣ, баталіоны шли рядами, прикрываясь со всѣхъ сторонъ густою цѣпью. Такъ куринцы дошли до Чортой-аула.

Генералъ Евдокимовъ, со штабомъ, шелъ позади колонны Мищенко. Дойдя до аула Хаджипъ, гдѣ стояли оставшіяся части колонны Мищенко, и узнавъ здѣсь, что этотъ генералъ двинулся впередъ лишь съ двумя баталіонами, осторожный начальникъ лѣваго фланга не на шутку испугался за куринцевъ и ихъ командира, и тотчасъ же

послать имъ на помощь одинъ баталіонъ апшеронскаго полка, съ приказаніемъ—остаться на ночлегѣ въ Чортоѣ.

Чтобы получить опредѣленное понятіе о положеніи куринцевъ въ Чортоѣ и объяснить себѣ опасеніе за судьбу ихъ, достаточно привести здѣсь слѣдующее мѣсто изъ донесенія Евдокимова о движеніи апшеронскаго баталіона, посланнаго подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Гарднера на помощь куринцамъ: ,,за густымъ, непроходимымъ лѣсомъ нельзя было ничего видѣть въ десяти шагахъ передъ собой. По слѣдамъ лошадей и колесъ, онъ (Гарднеръ) провелъ баталіонъ къ Чортою, гдѣ нашелъ колонну генералъ-маіора Мищенко, передалъ ему приказанія мои, и съ ротою пѣхоты и полусотней казаковъ отправился съ донесеніемъ ко мнѣ. Между тѣмъ, партія непріятеля, пробиравшаяся на помощь жителямъ Шавдона, сама сбилась съ дороги и въ 1½ верстѣ отъ Чортоя наткнулась на подполковника Гарднера и окружила его со всѣхъ сторонъ. Гарднеръ спѣшилъ казаковъ и сталъ пробиваться, подавая неумолкаемые сигналы сосѣднимъ колоннамъ. На сигналы послѣдовали отвѣтные сигналы, и партія, замѣтивъ, что она сама окружена врагомъ, разсѣялась по лѣсу''. По приходѣ на чортойскую возвышенную и открытую позицію, Мищенко былъ въ безопасности и тотчасъ же сталъ очищать бивакъ и рубить просѣку по направленію къ Исламу; вмѣстѣ съ тѣмъ, часть куринцевъ сожгла ближайшіе аулы. Распоряженія Мищенко и своевременное занятіе удобной позиціи въ Чортоѣ имѣли положительные результаты: жители хазы-шавдонскихъ ауловъ покорились и прислали своихъ депутатовъ просить пощады.

Въ то время, какъ покорные жители сотнями семействъ стекались къ сборному пункту—аулу Сартали, Мищенко сжегъ всѣ аулы и хутора по Шавдону и привелъ съ собой до 400 семействъ, искавшихъ подданства Россіи. 12-го и 13-го декабря у Сартали собралось до 2000 семействъ, и Евдокимову оставалась забота проводить ихъ за Аргунъ.

Чтобы прикрыть отступленіе по густому лѣсу, была составлена особая колонна, которая въ теченіе цѣлаго дня содержала цѣпи по обѣимъ сторонамъ новой просѣки отъ Чортоя до Сартали, и

только тогда, когда послѣдніе переселенцы прошли это дефиле, войска стянулись къ Сартали, и затѣмъ, 14-го декабря, весь отрядъ, съ переселенцами, двинулся черезъ Мискиръ-Юртъ къ Бердыкелю. Это была послѣдняя и самая блистательная побѣда русскихъ на плоскости большой Чечни. Во все время экспедиціи, съ 7-го по 14-е декабря, въ отрядѣ Евдокимова было 13-ть убитыхъ, 42-ва раненыхъ и три безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ.

Въ заключеніе своего донесенія объ экспедиціи 1857-го года, генералъ Евдокимовъ говоритъ: „большая чеченская плоскость покорена; ни одной сакли на ней не осталось. Немногіе десятки упорныхъ, успѣвшихъ уйти отъ рукъ нашихъ, вынуждены перейти въ горы. Такъ окончилась ожесточенная война на плоскости, продолжавшаяся почти 18-ть лѣтъ и стоившая намъ столько крови. Войскамъ, мнѣ ввѣреннымъ, теперь предстоитъ новый подвигъ— покореніе Черныхъ горъ, прилегающихъ къ плоскостямъ, уже намъ неотъемлемо принадлежащимъ. Мы, съ благословеніемъ божьимъ, приступимъ скоро къ совершенію этого подвига“.

XX.

1858-й годъ на Кавказѣ. Взятіе аргунскаго ущелья и заложеніе укрѣпленія у Дачу-Барзоя. Движеніе на гору Даргинъ-Дукъ и работы по устройству дорогъ и мостовъ. Движеніе куринцевъ, подъ командой полковника Рихтера, въ малую Чечню. Принятіе 93-мя аулами русскаго подданства.

Генералъ Евдокимовъ составилъ себѣ твердое убѣжденіе, что въ Черныя горы не слѣдуетъ переносить военныхъ дѣйствій, пока плоскость не будетъ очищена. Это рѣшеніе было логическимъ послѣдствіемъ усвоеннаго командующимъ войсками мудраго правила— не рисковать ничѣмъ даже противъ слабаго повидимому про-

тивника; а Шамиля Евдокимовъ считалъ еще способнымъ постоять за себя, если только представится удобный случай, въ родѣ неосторожнаго движенія русскихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ *). 1857-й годъ довершилъ покореніе плоскости,—теперь надо было заглянуть въ горы; но съ какой стороны?

Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ установилось убѣжденіе, что, съ занятіемъ резиденціи Шамиля, можно окончить войну въ горахъ, и потому операціонныя наши линіи направлялись, такъ сказать, на столицу Шамиля. Тогда ошибочно приравнивали военное значеніе европейскихъ столицъ къ бревенчатымъ и пещернымъ саклямъ Шамиля въ Дарго и Ахульго, и полагали, что взятіе этихъ мѣстъ повлечетъ за собой послѣдствія въ родѣ тѣхъ, какихъ достигали со взятіемъ Вѣны или Берлина въ 1807-мъ и 1809-мъ годахъ. Но старая ошибка принесла намъ свою пользу: въ 1858-мъ году никто не придавалъ значенія столицѣ Шамиля, и хотя въ то время, повидимому, вся война въ горахъ держалась на личности имама, но и погоня за нимъ не могла быть оправдана опытомъ стараго времени; важнѣе было отхватывать отъ него ущелья за ущельями и, идя концентрическими кругами со всѣхъ сторонъ, лишить его средствъ для сопротивленія.

---

*) Генералъ Евдокимовъ говоритъ почти тоже самое въ докладной запискѣ своей князю Барятинскому, поданной въ мартѣ 1857-го года; на этой мысли онъ сошелся съ планомъ Д. А. Милютина. По предположенію на 1858-й годъ, утвержденному Государемъ, на лѣвомъ флангѣ предполагалось: 1) соединить Буртунай съ Кишенемъ, 2) завладѣть однимъ изъ ущелій Черныхъ горъ, чтобы разрѣзать владѣнія Шамиля на двѣ части, 3) устроить взамѣнъ мелкихъ укрѣпленій въ малой Чечнѣ одно центральное, 4) устроить сообщенія Владикавказа по тарскому ущелью съ джераховскимъ, 5) поселить станицу въ Умаханъ-Юртѣ. На исполненіе всѣхъ этихъ работъ Евдокимовъ не находилъ достаточнымъ имѣвшихся 36¾ баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ, 70-ти сотенъ казаковъ, 12-ти сотенъ милиціи, 75-ти орудій артилеріи и 30-ти ракетныхъ станковъ и просилъ еще поддержки. Князь Барятинскій согласился и на эту просьбу, и назначилъ ему на лѣто 1858-го года еще три баталіона изъ войскъ прикаспійскаго края. Такъ велики были средства, которыми располагалъ главнокомандующій для войны въ 1858-мъ году! Государь Императоръ разрѣшилъ оставить на Кавказѣ 13-ю и 18-ю дивизіи еще до конца лѣта 1859-го года.

Этимъ логическимъ размышленіемъ войска лѣваго фланга были приведены къ воротамъ аргунскаго ущелья 16-го января, въ этотъ незапамятный съ той поры день на Кавказѣ. Аргунское ущелье давно давало себя чувствовать куринцамъ, хотя еще не было имъ вполнѣ извѣстно. Изъ предыдущихъ разсказовъ знаемъ, какъ куринцы въ 1839 году дѣлали мирный визитъ ауламъ Чишки и Дачу-Барзой, и затѣмъ въ 1852 году, съ своимъ командиромъ княземъ Воронцовымъ, безъ долгихъ разговоровъ, ворвались въ аргунскія ворота вооруженной рукой и, знатно пощипавъ врага, возвратились въ Воздвиженскую безъ пользы для общаго дѣла. Знаемъ также, какъ въ 1857 году стрѣлки Куринскаго полка ходили въ ущелье сжигать чеченское сѣно и, достигнувъ цѣли, возвратились назадъ безъ всякихъ потерь. Всѣ эти набѣги имѣли ту существенную пользу, что послѣ нихъ для насъ стало ясно, въ чемъ заключаются тѣ препятствія для входа въ ущелье, о которыхъ лазутчики разсказывали чуть ли не то же самое, что написано было на воротахъ дантова ада.

Съ плоскостей большой Чечни въ нагорную часть можно пройти нѣсколькими ущельями, изъ которыхъ аргунское, самое западное, ведетъ до самаго перевала главнаго кавказскаго хребта, гдѣ примыкаетъ къ Хевсуретіи, странѣ христіанской и вѣрноподданнической Россіи съ 1812 года. Ущелье орошается наибольшей рѣкой большой Чечни и занимаетъ площадь почти равную всей плоскости большой Чечни. Населеніе здѣсь густое, одноплеменное и чрезвычайно воинственное, управляемое наибами шатоевскимъ и чаберлоевскимъ. Шамиль черпалъ здѣсь значительную долю своихъ вооруженныхъ силъ, и теперь, послѣ превратностей судьбы, расчитывалъ найти здѣсь твердую опору. Отнять аргунское ущелье у Шамиля—значило отнять у него половину царства, потому что мы у него отрѣзывали всѣ пути сообщенія съ малой Чечней и западнымъ Кавказомъ, а сами еще въ одномъ мѣстѣ входили въ связь съ Закавказьемъ и, такимъ образомъ, уже замыкали сферу вліянія Шамиля. Всѣ эти соображенія указали на аргунское ущелье, какъ на цѣль будущихъ дѣйствій чеченскаго отряда.

Топографическія свойства ущелья слѣдующія: въ пяти вер-

стахъ къ югу отъ бывшей крѣпости Воздвиженской, рѣка Аргунъ съ страшной быстротой и шумомъ вырывается изъ воротъ, черезъ которыя пролегаетъ единственная дорога въ ущелье. Тутъ же, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ входа, ущелье раздѣляется на два, изъ коихъ одно—лѣвѣе, къ юго-востоку, по теченію Шаро-Аргуна, а другое—къ юго-западу, по теченію Чанты-Аргуна. Второе изъ этихъ ущелій поднимается въ предѣлы Хевсуретіи до самаго водоразрѣза рѣкъ Арагвы и Аргуна, а первое поворачиваетъ на востокъ и своими развѣтвленіями входитъ въ связь съ нагорнымъ Дагестаномъ. Значитъ, поднимаясь по Чанты-Аргуну, мы сближаемся съ русскими владѣніями Закавказья, а идя по Шаро-Аргуну, мы уходимъ въ глубь Чаберлоя, къ плоскогорью Андіи, а по боковымъ ущельямъ къ истоку Хулхулау и самому Ведено, резиденціи Шамиля. Евдокимовъ рѣшилъ прежде всего занять ущелье Чанты-Аргуна, утвердиться здѣсь и потомъ уже по боковымъ ущельямъ Шаро-Аргуна двигаться въ глубь владѣній Шамиля. Слѣдовательно, съ перваго же шага экспедиціи приходилось рѣшить самую трудную тактическую задачу—форсировать входъ въ аргунское ущелье.

Входъ въ аргунское ущелье образуется двумя крутыми возвышенностями, между которыми прорывается рѣка Аргунъ, текущая здѣсь въ глубокой трещинѣ съ скалистыми берегами, возвышающимися надъ водой отъ 10-ти до 15-ти саженей. Въ 1858-мъ году, по лѣвому берегу рѣки, вмѣсто бывшей въ 1852-мъ году воздушной кладки, проходила узкая арбяная дорога, которая лѣпилась на совершенно обнаженной скатѣ; въ самомъ узкомъ мѣстѣ дорога пересѣкалась глубокимъ оврагомъ, переходы черезъ который можно было испортить въ нѣсколько минутъ. По правому берегу рѣки Аргуна, по пересѣченному кустарникомъ мѣсту, проходила другая дорога изъ предгорныхъ ауловъ и по входѣ въ ущелье поворачивала къ юго-востоку, вдоль праваго берега Шаро-Аргуна. Обѣ дороги, проходя съ плоскости въ аргунскую трещину, были другъ отъ друга въ разстояніи ружейнаго выстрѣла.

Въ предвидѣніи нашего движенія, это безъ того трудно-проходимое ущелье было усилено искусственно: на вершинѣ западной горы, откуда спускается къ Аргуну промоина, образующая пре-

граждающій дорогу оврагъ, былъ устроенъ редутъ; за оврагомъ былъ завалъ, и на сѣверо-восточномъ склонѣ, ниже редута, были три ряда бревенчатыхъ заваловъ, приноровленныхъ къ оборонѣ входа въ ущелье. На правомъ берегу рѣки, вдоль крутаго берега, на пистолетный выстрѣлъ отъ арбяной дороги лѣваго берега, тянулся завалъ, и наконецъ, такой же завалъ пересѣкалъ самую дорогу, идущую въ ущелье Шаро-Аргуна *).

Еслибы эта позиція была прочно занята непріятелемъ, намъ грозила по меньшей мѣрѣ огромная потеря въ людяхъ, а можетъ быть, и полная неудача; поэтому, Евдокимовъ прибѣгнулъ прежде всего къ своимъ обычнымъ маневрамъ: для отвлеченія вниманія противника отъ аргунскаго ущелья, онъ приказалъ отряду собираться въ Бердыкелѣ и распускалъ слухъ о намѣреніи идти въ Автуры, съ цѣлью воздвигнуть здѣсь сильное укрѣпленіе. Въ этомъ же смыслѣ дѣлались всѣ распоряженія, и даже были заподряжены арбы для провоза сѣна въ Автуры; мало того, была начата самая перевозка, а истинную цѣль не знали даже старшіе помощники генерала.

Всѣ эти мѣры достигли цѣли. Шамиль, усматривая въ большихъ сборахъ и приготовленіяхъ Евдокимова грозившую опасность, постепенно убѣждался, что ударъ направляется въ ущелье р. Басса, и потому, въ началѣ января сталъ стягивать туда свои силы. Туда уже были двинуты партіи андійцевъ, ичкеринцевъ и чаберлойцевъ, собранныя предварительно для защиты аргунскаго ущелья, такъ что здѣсь остался только наибъ шатоевскій Батако, съ своими окрестными жителями, и партія, пришедшая изъ малой Чечни, всего до 2000 человѣкъ. Чтобы еще болѣе усыпить вниманіе защитниковъ аргунскаго ущелья, 15-го января, въ полдень, приказано было и воздвиженской колоннѣ генерала Мищенко отправить обозъ на правый берегъ рѣки. Между тѣмъ, 15-го же вечеромъ была отдана слѣдующая диспозиція: лѣвой колоннѣ генералъ-маіора Кемпферта (5 баталіоновъ и 8 орудій) въ 9 часовъ вечера слѣдовать изъ Бердыкеля

*) Описаніе это сдѣлано по плану мѣстности, имѣющемуся въ топографическомъ отдѣлѣ штаба кавказскаго военнаго округа.

вверхъ по правому берегу Аргуна; въ резервѣ за этой колонной должна была идти изъ Бердыкеля же колонна генерала Рудановскаго (6 баталіоновъ, 4 орудія, 2 сотни казаковъ). Правая колонна генерала Мищенко, состоявшая изъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ Куринскаго полка, 6-ти орудій легкой № 5 бат. и 2 сотенъ казаковъ, должна была выступить изъ Воздвиженской утромъ 16-го января и слѣдовать вверхъ по лѣвому берегу Аргуна. Резервамъ этой колонны: пѣхотному, подъ начальствомъ полковника Тиммермана (2¼ баталіона и 2 орудія) и кавалерійскому, полковника Мусы Кундухова, приказано было выступить изъ Грозной въ 10 часовъ вечера, и наконецъ, обозъ всего отряда, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, 4-хъ орудій и 2-хъ сотенъ, направился ночью же изъ Бердыкеля въ Воздвиженскую. Всего, по строевому рапорту, Евдокимовъ велъ въ аргунское ущелье: пѣхоты 11,502 штыка, кавалеріи—2700 казаковъ, и 30 орудій. Вся эта масса зашевелилась въ ночь съ 15-го на 16-е января 1858-го года.

Вотъ какъ одинъ изъ участниковъ похода описываетъ эту роковую ночь въ Воздвиженской *):

,,Съ 15-го на 16-е число января 1858-го года ночь была темная, суровая. Темнота ея слегка смягчалась кое-гдѣ разбросаннымъ снѣгомъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подтаялъ днемъ, уже образовались оледенѣлыя тундры; сверху все моросило, да моросило; изрѣдка не крѣпкій, но неожиданный вѣтеръ обдавалъ предметы мокрою пылью, висѣвшею въ воздухѣ въ видѣ густаго тумана.

,,Въ крѣпости Воздвиженской тихо и спокойно; кромѣ часовыхъ и обходовъ, на улицахъ и площадяхъ никого. Огни по большей части уже потушены, и только въ домѣ командира Куринскаго полка, генералъ-маіора Мищенко, половина дома освѣщена— какъ въ день свадьбы. Но кому охота дознавать: зачѣмъ и для кого эта иллюминація?

,,Въ полночь, на площади, между цитаделью и домомъ командира полка, начали собираться войска. Они двигались, перестраивались, появлялись то тамъ, то здѣсь,—такъ что рѣшительно нель-

*) ,,Кавказскій Сборникъ", т. III. Ст. Волконскаго ,,1858-й годъ въ Чечнѣ".

зя было, среди ночной мглы, составить себѣ точнаго понятія о томъ: какихъ полковъ эти отдѣльныя части; явились ли онѣ съ мѣста, изъ казармъ, или подходятъ извнѣ; какая цѣль всѣхъ этихъ построеній и передвиженій. Офицеровъ, конечно, нельзя было замѣтить иначе, какъ по отсутствію у нихъ ружья со штыкомъ; въ остальномъ, одѣтые въ нагольные и дубленые полушубки, они ничѣмъ не отличались отъ солдатъ.

,,Наконецъ, войска угомонились; батарея заняла мѣсто въ центрѣ. Прошелъ часъ, прошелъ и другой—войска все стоятъ на одномъ мѣстѣ, утаптывая ногами скользкую землю. Нетерпѣніе, досада начинаютъ овладѣвать всѣми; приказаній—никакихъ; всѣ мокнутъ и дрогнутъ подъ ледяною пылью; слышится ропотъ, неудовольствіе.

,,По флангу колонны проскользнулъ какой-то закрытый экипажъ и повернулъ къ дому командира полка.—,,Евдокимовъ пріѣхалъ'', заговорили въ рядахъ. ,,Вѣрно, скоро двинемся''. Однако, не смотря на прибытіе командующаго войсками, мы еще съ часъ—если не болѣе—стояли все въ томъ же положеніи. Затѣмъ, откуда-то послышалась команда, и голова колонны тронулась къ аргунскимъ воротамъ, которыя медленно, какъ-бы лѣниво, раздвоились передъ нею. Теперь стало всѣмъ понятно, куда мы направлялись.

,,Вещь естественная, что никто и не думалъ задаваться мыслью о предстоявшей опасности; но ожиданіе серьезнаго и рѣшительнаго боя не сходило у всѣхъ съ языка, такъ какъ всѣ хорошо помнили наши прежнія неудачи въ аргунскомъ ущельи, и всѣ хорошо знали, что въ настоящее время оно укрѣплено въ нѣсколько разъ лучше, чѣмъ прежде. Тѣмъ не менѣе, войска шли охотно: аргунское ущелье, вызывавшее постоянныя, ежедневныя тревоги, крѣпко уже надоѣло Куринскому полку и 5-й легкой батареѣ;—захотѣлось съ нимъ поскорѣе и разомъ порѣшить.

,,Войска, какъ бы преднамѣренно, подвигались довольно медленно. Это, дѣйствительно, было дѣлаемо съ цѣлью, и самая цѣль состояла въ томъ, чтобы согласовать движеніе войскъ, выступившихъ изъ Воздвиженской, съ движеніемъ другой колонны—генералъ-маіора Кемпферта. Объ этомъ мы уже узнали впослѣдствіи;

при нашемъ же выступленіи не предполагали за собою или вблизи себя никакихъ другихъ войскъ. На полпути къ цѣли, у казачьяго поста, колонна генерала Мищенко остановилась, привела въ порядокъ свои ряды и приготовила свою артилерію. Съ этого мѣста были уже раскинуты цѣпи, и баталіоны двигались въ боевомъ порядкѣ, съ орудіями въ головѣ и на лѣвомъ флангѣ.

,,Стало разсвѣтать. Яснѣе начали обрисовываться ребра лѣсистыхъ горъ, ограждающихъ входъ въ ущелье. Ни одного выстрѣла, ни единаго звука голоса не было слышно, кромѣ громкаго кашля генерала Мищенко *), которымъ обнаруживалось его присутствіе впереди колонны; по этому кашлю горцы давно привыкли отгадывать, кто именно ведетъ войска. Тутъ нагналъ насъ генералъ Евдокимовъ. Колонна остановилась у самаго входа въ тѣснину. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ по ущелью раздалось нѣсколько горскихъ выстрѣловъ, которые повидимому были для непріятеля призывнымъ сигналомъ къ битвѣ. Тотчасъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: стрѣлковыя роты своднаго линейнаго баталіона спущены внизъ къ лѣвому берегу рѣки; на дорогѣ противъ ущелья поставлены два горныхъ и два полевыхъ орудія легкой № 5-го батареи, которымъ приказано было дѣйствовать по заваламъ, преграждавшимъ входъ въ ущелье и защищавшимъ съ фланга правую высоту; два полевыхъ орудія той же батареи были направлены нѣсколько правѣе, на верхніе завалы, защищавшіе гору съ фронта; влѣво отъ дороги былъ поставленъ подоспѣвшій къ этому времени взводъ конныхъ орудій, которому предстояло дѣйствовать по заваламъ праваго берега рѣки и, такимъ образомъ, облегчить взятіе ихъ колонною генерала Кемпферта, которая, между прочимъ, еще не показывалась. Пѣхота расположена была по флангамъ и позади орудій.

,,Едва только роты спустились внизъ къ рѣкѣ, а артилерія успѣла установить орудія, съ разныхъ сторонъ—съ боковъ, сверху, снизу—горцы открыли по войскамъ перекатный ружейный огонь.

---

*) Генералъ Мищенко былъ раненъ въ грудь и отъ этого постоянно страдалъ сильнымъ и глухимъ кашлемъ.

Въ отвѣтъ на это мгновенно засвистѣли ядра, зашипѣли гранаты—и все слилось въ одинъ непрерывный гулъ, среди котораго свистъ горской пули былъ только слышенъ тогда, когда она пролетала возлѣ самаго уха. Снизу, отъ рѣки, густыми клубами поднимался къ намъ дымъ отъ бѣглой пальбы линейнаго баталіона. Огонь становился все чаще и чаще, и начиналось то, что на простомъ языкѣ называется свѣтопреставленіемъ. Канонада продолжалась уже около получаса, но горцы держались упорно и не думали еще очищать ни одного завала.

,,Генералъ Евдокимовъ сидѣлъ верхомъ на лошади, какъ вкопаный, безпокойно поводилъ кругомъ глазами, обращая ихъ чаще всего туда, откуда долженъ былъ показаться Кемпфертъ, и время отъ времени перебрасывался замѣчаніями съ генераломъ Мищенко.

,,Видя, что непріятель не поддается орудійному огню, командующій войсками приказалъ генералу Мищенко направить два баталіона, подъ командою полковника Рихтера, на штурмъ правой горы и ея заваловъ. Эта гора ограждала собою входъ въ дефиле, и господствуя надъ прилежащими къ ней высотами, составляющими, вглубь по ущелью и вправо по равнинѣ, ея продолженіе, являлась оплотомъ всей непріятельской силы и главною защитою самаго ущелья; взятіемъ расположенныхъ на ней по ущелью и перпендикулярно къ нему, заваловъ, мы садились на головы горцамъ, находившимся внизу, по обѣ стороны оврага, и могли ихъ оттуда поражать навыборъ.

,,Съ порученіемъ по фронту поскакалъ прапорщикъ Агишевъ *); но едва онъ поровнялся съ орудіями—вспрыгнулъ въ сѣдлѣ, какъ обожженный, и остановился.

— Что случилось? спросилъ его одинъ изъ артилерійскихъ офицеровъ.

— Кажется, раненъ, жалобно произнесъ Агишевъ, хватаясь рукою ниже поясницы.

— Ничего, поѣзжай далѣе, подхватилъ вопрошавшій. Не умрешь!

*) Исправлявшій должность адъютанта Куринскаго полка.

,,Замѣчательно было, въ своемъ родѣ, восхожденіе штурмовой колонны, осѣняемой, поверхъ головъ, параболическимъ шипѣніемъ гранатъ, словно пастырскимъ благословеніемъ. Впереди колонны шли до двухсотъ охотниковъ, открывая ей дорогу; за ними красовалась статная и спокойная фигура полковника Рихтера, а за плечами у него—два баталіона въ колоннахъ, шагъ за шагомъ окунающіеся по поясъ въ снѣгъ, барахтающіеся въ немъ, какъ въ ямѣ, хватающіеся по дорогѣ за деревья, склоненные подъ выстрѣлами своихъ же гранатъ и почти задыхающіеся отъ усталости.

,,По мѣрѣ того, какъ баталіоны поднимались все выше и выше, гранаты летѣли навѣснѣе, и огонь былъ учащенъ до предѣловъ крайней возможности; орудіе накалилось, какъ въ огнѣ, но останавливаться было невозможно, потому что наступала минута рѣшительная. Командующій войсками перенесъ теперь все свое вниманіе на штурмовую колонну; горцы же не замѣчали ея приближенія.

,,Прошло около часа. Штурмующіе были уже близко къ цѣли. Гранаты рвало очень удачно, и каждая изъ нихъ ложилась непосредственно по ту сторону завала; огонь горцевъ становился все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, почти вовсе прекратился. Пора было остановить и стрѣльбу изъ единорога.

,,Чуть только орудіе замолкло—раздалось громкое ,,ура"! и куринцы, почти въ одиночку, вскочили другъ за другомъ на завалъ. По первому ихъ клику, горцы въ нѣсколько секундъ очистили завалъ, оставивъ лишь по себѣ во многихъ мѣстахъ обильные слѣды крови.

,,Въ ту же минуту, по ту сторону рѣки показалась колонна генерала Кемпферта и, поддержанная отсюда артиллерійскимъ огнемъ, охватила завалы по горѣ праваго берега Аргуна. Пользуясь смятеніемъ и быстрымъ отступленіемъ горцевъ въ этихъ двухъ важныхъ пунктахъ, генералъ Евдокимовъ приказалъ тотчасъ же сводному стрѣлковому баталіону, находившемуся внизу, перейти тамъ же въ наступленіе вдоль по берегу рѣки, а по дорогѣ въ ущелье двинулъ первый баталіонъ Куринскаго полка и два горныхъ орудія—послѣднія подъ командою прапорщика Іегулова. Орудія эти, выста-

вившись почти въ упоръ противъ заваловъ, ограничивавшихъ спереди и сзади оврагъ, открыли по нимъ картечный огонь. Горцы не дождались атаки перваго баталіона куринцевъ, которые имъ всегда очень не нравились въ подобныхъ случаяхъ, бросили свои завалы и спасались бѣгствомъ. Въ это время стрѣлки, рота за ротою, достигнувъ переднихъ заваловъ у оврага, думали переброситься на ту сторону и отрѣзать отступленіе, по крайней мѣрѣ, хотя тѣмъ горцамъ, которые спускались сюда сверху изъ подъ выстрѣловъ колонны полковника Рихтера; но увы!—должны были остановиться у оврага, потому что дорога была раскопана, испорчена, идти по ней впередъ было невозможно, и слѣдовало прежде устроить переправу. Прошло еще пять минутъ; пальба все рѣже, слабѣе и, наконецъ, вовсе стихла. Побѣда эта стоила намъ одного убитаго и шести человѣкъ раненыхъ нижнихъ чиновъ; непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько тѣлъ".

17-го января колонна генерала Кемпферта заняла безъ выстрѣла ближайшій къ выходу изъ ущелья аулъ Дачу-Барзой, лежавшій на мыскѣ между устьями Чанты и Шаро-Аргуна, а генералъ Евдокимовъ, съ кавалеріей, сдѣлалъ рекогносцировку окрестностей; въ это время колонны наши расположились на бивакахъ слѣдующимъ образомъ: Мищенко, съ правой колонной и резервами, на лѣвомъ берегу Чанты-Аргуна, отъ аргунскихъ воротъ до чишкинскаго оврага; Кемпфертъ, съ лѣвой колонной, въ Дачу-Барзоѣ, а Рудановскій на правомъ берегу рѣки, при устьяхъ Шаро-Аргуна.

Первое время было употреблено на устройство лагеря и обезпеченіе его засѣками, а также на расчистку ближайшихъ окрестностей.

18-го января прибылъ со стороны Ведено старшій сынъ Шамиля Кази-Магома, съ двумя полевыми орудіями и съ многочисленною партіею тавлинцевъ; затѣмъ, пришли жители ауловъ шароаргунскаго ущелья—Улусъ-Керты и Дутена; Батако же съ своими партіями стоялъ въ ущельи Чанты-Аргуна. Немедленно по прибытіи Кази-Магомы, непріятель открылъ рѣдкій огонь по нашему авангардному лагерю, и пѣшія толпы стали шнырять въ окрестныхъ

лѣсахъ. Но всѣ эти предпріятія мало безпокоили отрядъ, имѣвшій, по своей многочисленности, полную возможность держать непріятеля вдали и окружить себя густыми цѣпями, за которыми цѣлые баталіоны усердно работали надъ необходимыми постройками. Къ 29-му января все пространство отъ Воздвиженской до выхода изъ ущелья было очищено отъ лѣса и кустарника въ обѣ стороны отъ дороги на ружейный выстрѣлъ, и устроенъ чахкеринскій постъ при выходѣ изъ ущелья; проходъ въ ущелье былъ расширенъ; разработаны спуски къ Аргуну отъ всѣхъ лагерей; вмѣстѣ съ этимъ, устроены переходы черезъ рѣки, а на Чанты-Аргунѣ—временный мостъ на козлахъ, съ укрѣпленнымъ тетъ-де-поюмъ на лѣвомъ берегу; заложены двѣ башни и укрѣпленіе на правомъ берегу Чанты-Аргуна. Работъ было много, и черезъ двѣ недѣли русскій топоръ и кирка довершили то, что началъ штыкъ; аргунское ущелье было неузнаваемо и представляло изъ себя большой укрѣпленный лагерь. Очевидно было, что Евдокимовъ пришелъ сюда не для прогулки, а для прочнаго водворенія. Непріятель видѣлъ это, но былъ безсиленъ мѣшать намъ. 31-го января и 1-го февраля Кази-Магома сталъ смѣлѣе: онъ подвезъ орудія къ лагерямъ генераловъ Кемпферта и Рудановскаго и пытался было атаковать ихъ, но достаточно было огня штуцерной цѣпи, чтобы остановить противника.

Съ 1-го февраля самъ Евдокимовъ сталъ высылать колонны въ сосѣдніе аулы. 5-го числа были одновременно высланы двѣ колонны: одна, подъ начальствомъ генерала Рудановскаго (5-ть баталіоновъ, 4 орудія и ½ сотни) для движенія вверхъ по правому берегу Шаро-Аргуна, въ то время, какъ другая колонна, бывшая подъ начальствомъ генерала Кемпферта (6-ть баталіоновъ, 4 эскадрона, 3½ сотни и 12-ть орудій, съ милиціею) переправилась черезъ Шаро-Аргунъ и двинулась тоже вверхъ по Шаро. Два баталіона куринцевъ были въ колоннѣ Кемпферта.

Аулы Измаилъ-Юртъ, Дутенъ и Улусъ-Керты были заняты почти безъ выстрѣла. Оставивъ въ самомъ дальнемъ изъ нихъ—Улусъ-Керты, небольшой гарнизонъ, колонна Кемпферта возвратилась въ лагерь, а генералъ Рудановскій занялъ высоты Шемберди

и оттѣснилъ здѣсь толпы Кази-Магомы, причемъ самъ предводитель горцевъ чуть не попался въ руки нашихъ милиціонеровъ. Непріятель нигдѣ не оказывалъ большого сопротивленія и, боясь потерять орудія, держалъ ихъ весьма далеко отъ нашихъ войскъ. Во весь день 5-го февраля у насъ было только 13-ть раненыхъ.

До 28-го февраля отрядъ Евдокимова устраивался и, когда аргунское укрѣпленіе было готово, двинулся далѣе на гору Даргинъ-Дукъ, которую Евдокимовъ считалъ стратегическимъ ключемъ всего ущелья Шаро-Аргуна. Отсюда намъ открывались лучшія дороги и въ Ичкерію, и въ Чаберлой, а главное мы бы стали на хребтѣ Пшехой-Ламъ, продолженіе котораго упирается въ керкетскій перевалъ и въ плоскогорье, откуда стекаютъ въ разныя стороны рѣки, орошающія и большую Чечню, и Технуцалъ: слѣдовательно, съ занятіемъ Даргинъ-Дука мы господствовали бы надъ ущельями и могли навалиться на любое изъ нихъ въ самое короткое время. Значитъ, съ занятіемъ Даргинъ-Дука, мы становились въ тылу всѣхъ ущелій большой Чечни—что и было ближайшею цѣлью командующаго войсками. Но какъ исполнить это въ февралѣ, когда на землѣ снѣгъ, а подниматься надо до 6000 футовъ? Было надъ чѣмъ задуматься,—но Евдокимова не останавливали никакія препятствія, когда онъ видѣлъ необходимость.

Оставивъ въ Дачу-Барзоѣ 5½ баталіоновъ, двѣ сотни и всю артиллерію, кромѣ горныхъ орудій, подъ начальствомъ командира навагинскаго полка полковника фонъ-Кауфмана, Евдокимовъ, съ остальными 13½ баталіонами, тремя сотнями казаковъ и всею милиціею, при 10-ти горныхъ орудіяхъ, двинулся на Даргинъ-Дукъ. Въ отрядѣ были сводный стрѣлковый и 3-й баталіоны куринцевъ *). Предстоялъ весьма длинный и опасный переходъ въ густомъ лѣсу, въ виду большихъ партій Кази-Магомы. Предпріимчивый противникъ могъ причинить намъ много горя и напомнить ичкеринскую и сухарную экспедиціи,—но, къ счастью, противъ насъ былъ не самъ Шамиль, а его бездарный сынъ, и потому Евдокимовъ счастливо вышелъ изъ

*) Остальныя части возвратились въ Воздвиженскую. Сводным баталіономъ командовалъ маіоръ Эрнротъ, а 3-мъ полковникъ Рихтеръ.

опаснаго положенія; предпріятіе обошлось почти безъ выстрѣловъ, и восхожденіе на Даргинъ-Дукъ оставило въ участникахъ только воспоминаніе о чрезвычайно интересныхъ бытовыхъ картинахъ, близко касающихся нашихъ куринцевъ, и потому здѣсь приведемъ цѣликомъ живой разсказъ одного изъ офицеровъ легкой № 5-го батареи 20-й бригады, г. Волконскаго, бывшаго въ колоннѣ съ куринцами *).

,,Отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны: первая и передовая находилась подъ командою генералъ-маіора Кемпферта и состояла изъ полутора баталіона пѣхоты, полусотни казаковъ и четырехъ орудій; вторая, подъ командою генералъ-маіора Мищенко—изъ семи баталіоновъ, двухъ съ половиною сотенъ казаковъ, шести горныхъ орудій и милиціи. Это раздѣленіе отряда на двѣ неравныя части, изъ которыхъ арріергардная заключала въ себѣ, такъ сказать, центръ тяжести его, имѣло свой смыслъ, оправдываемый боевою опытностью генерала Евдокимова: при условіяхъ мѣстности, при предстоявшемъ длинномъ переходѣ, среди котораго ночь слѣдующихъ сутокъ могла застать заднюю колонну въ первобытныхъ лѣсахъ кавказской черногоріи, генералъ Мищенко долженъ былъ ждать и вынести на себѣ всю тяжесть возможнаго нападенія непріятеля.

,,Ночь была темная; къ общему огорченію, еще и моросило. Кой-гдѣ нетронутый снѣгъ указывалъ въ темнотѣ на обрывъ или балку. Въ одной сторонѣ черною лентою обвивали уступъ какіе-то вьюки, въ другой--ползла какая-то рота; тамъ—тянулся взводъ артиллеріи, который обгоняли казаки на своихъ тощихъ лошаденкахъ; слѣва—кто-то оралъ во всю глотку, что его конь чубурахнулся въ кручу; справа—какой-то джигитъ вертѣлся на иноходцѣ, пробуя на крупу бѣднаго животнаго достоинство своей плети и окликая каждую проходившую часть: видно, недоспавшій адъютантъ или заспавшійся субалтерикъ; словомъ, шуму и безпорядка, не смотря на затишье передъ выступленіемъ, было столько же, какъ на любой деревенской ярмаркѣ.

*) 5-я батарея, нынѣ 4-я, 20-й артиллерійской бригады, до сихъ поръ называется въ преданіяхъ полка „нашей батареей“.

,,Подобная безалаберность часто водилась въ ночныхъ кавказскихъ движеніяхъ, если только заранѣе не было приказываемо молчать. Въ случаѣ же, если подобное приказаніе было отдаваемо, то, не взирая ни на какія невыгодныя условія движенія, ни на какое происходившее отъ того безпорядочное состояніе отряда, воцарялась такая тишина, что и кошка не проснулась бы.

,,Взводъ горныхъ орудій легкой № 5-го батареи двигался въ хвостѣ втораго эшелона. Кто его прикрывалъ—то вѣдалъ лишь св. угодникъ Николай, который, какъ кажется, одинъ и прикрывалъ его. Среди кутерьмы, господствовавшей по выступленіи изъ лагеря, солдаты были большею частью какъ одурѣлые: и не доспали, и не видно ничего; а огонь костровъ, отъ которыхъ мы постепенно удалялись, не только не помогалъ намъ своимъ свѣтомъ, а даже портилъ дѣло. Только пришли въ себя въ то время, когда вступили на шаро-аргунскій мостъ, потому что нѣсколько освоились съ своимъ положеніемъ и вступили въ область тьмы и мрака, гдѣ всѣ пять чувствъ навостряются и электризуются.

,,По недавно разработанной дорогѣ отрядъ около полуверсты поднимался въ гору, а затѣмъ очутился въ лагерѣ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка. Эти баталіоны занимали менѣе мѣста, чѣмъ проходившій возлѣ нихъ по берегу рѣки взводъ орудій съ своимъ прикрытіемъ. (Тутъ только оказалось, что въ прикрытіи орудій была какая-то рота). У куринцевъ было тихо и спокойно; стало-быть, народъ привычный: на суету его не поднимешь. Это были 2-й и 3-й баталіоны *), которые должны были примкнуть къ нашему шествію. Ихъ палатки были уже убраны, и только торчали три или четыре офицерскія, да маркитантская.

,,Арріергардъ остановился. Стоимъ полчаса, часъ, полтора часа... А отчего? Оттого, что передніе вытягиваются въ струнку: знать, вступили въ трущобы.—Разсвѣло; читать можно.

,,Пришла, наконецъ, и наша очередь; двинулись и мы. Но, Боже мой! что это было за движеніе: не то шли, не то—стояли: подвинемся впередъ шаговъ на сто—и тпрр.! Еще на пятьдесятъ—

*) Втораго баталіона не было, а здѣсь стояли сводный и третій.

и еще разъ тпрр.! Рота, которая вывела изъ лагеря горный взводъ 5-й легкой батареи, сбросила его на руки второму баталіону куринцевъ, а сама куда-то исчезла. Тѣмъ лучше: этотъ баталіонъ былъ свой, домашній, одночадцы: умреть, но не выдастъ *). Верстахъ въ трехъ отъ недавно раззореннаго нами аула Дутена, мы приняли влѣво и пропустили мимо себя обозъ всего отряда, чтобы потомъ замкнуть общее движеніе. Несноснѣе подобной роли ничего быть не могло! Часа три или четыре тянулся этотъ обозъ; но, не смотря на это, лошадей горнаго взвода разовьючивать было невозможно, потому что, того и гляди, среди этой белиберды можетъ неожиданно наскочить какой нибудь адъютантъ и сказать: вамъ-де приказано двинуться туда и туда.

,,Вдали раздавались слабые ружейные выстрѣлы, и на лѣсистой горѣ за Шаро-Аргуномъ время отъ времени мелькали оборванныя черкески горцевъ. Но вотъ—рожокъ!

— Маршъ! скомандовалъ командиръ баталіона.

,,Идемъ. Прошли Дутенъ, спускаемся въ глубокій оврагъ; взбираемся потомъ на полуотвѣсную гору къ бывшему Улусъ-Керты и, пройдя версты двѣ или три, снова останавливаемся. Тамъ, вдали, передъ нами возстаетъ Даргинъ-Дукъ.

— Глазамъ видно, да ногамъ обидно, поговариваютъ солдаты.

,,И возстаетъ передъ нами этотъ гигантъ, шести тысячъ футовъ роста, съ ногъ до головы покрытый столѣтними чинарами. Идемъ еще часъ. Солнце, проглянувшее на этотъ разъ для того только, чтобы подразнить насъ въ этотъ день своимъ свѣтомъ, быстро закатывается;—наступаютъ сумерки; вечерѣетъ. Почти у вершины Даргинъ-Дука видна струя дыма; черезъ полчаса другая, третья: знать, передніе добрались;—счастливцы! А у насъ лошади гнутся, стонутъ и кряхтятъ подъ тяжестью вьюковъ. Ни бревна, ни куска хвороста, на которомъ можно было бы присѣсть и отдохнуть; за-

*) Куринскій полкъ и 5-я легкая батарея имѣли вмѣстѣ одну штабъ-квартиру въ крѣпости Воздвиженской и, конечно, были друзьями, начиная отъ ихъ командировъ и кончая послѣднимъ солдатомъ.

пекшіяся губы освѣжаются только комками снѣга. Вправо раздаются выстрѣлы все чаще и чаще: непріятель насѣдаетъ. Цѣпь спущена внизъ, къ рѣкѣ, и приняла на себя весь огонь.

— Подать орудію! кричатъ куринцы.

,,Значитъ, неустойка. Взводъ снимается съ вьюковъ и, среди наступающей темноты, открываетъ огонь по ту сторону рѣки гранатами. На минуту притихло. Взводъ укладывается на вьюки и продолжаетъ свое молчаливое шествіе. Но вотъ, опять куринцы зовутъ на выручку ,,орудію''. Снова орудія снимаются съ вьюковъ и громятъ куда попало. А на Даргинъ-Дукѣ все ярче и ярче пылаютъ костры...

,,И такимъ образомъ, переминаясь съ ноги на ногу, перемежая каждый десятокъ шаговъ орудійными выстрѣлами, навьючивая и развьючивая, подвигался взводъ 5-й батареи въ составѣ баталіона куринцевъ. Зналъ покойный генералъ Евдокимовъ, кого оставить въ хвостѣ всего отряда! Отчего бы ему не оставить тамъ виленцевъ или бѣлостокцевъ?

,,Пройдя какой-то полураззоренный кутанчикъ, мы начали снова спускаться въ глубокую трущобу по узкой тропѣ, на которой двѣнадцать баталіоновъ и весь обозъ размѣсили густую глину. Внизу, гдѣ-то невидимо, бурлилъ Шаро-Аргунъ, и лошади, почуявъ воду, напрягали послѣднія усилія, чтобы скорѣе спуститься къ рѣкѣ. Наконецъ, приползли—и разомъ окунулась въ мутную сѣрнистую воду сотня котелковъ. Съ неистовствомъ глотали голодные солдаты эту пѣнистую влагу, наполняя ею пустой желудокъ; съ остервененіемъ впирали ее несчастныя животныя—такъ что нельзя было ихъ отогнать отъ воды ни пальниками, ни банниками.

,,Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ изнуреннаго и обезсиленнаго арріергарда, слабо дымящіеся костры освѣщаютъ собою двѣ-три полуразрушенныя сакли. Возлѣ нихъ, на бревнахъ, сидятъ нѣсколько старухъ—жены горцевъ, вступившихъ въ этотъ день въ наше подданство—и протянувъ къ огню свои худыя, черныя, обнаженныя ноги, согрѣваютъ ихъ по возможности. Вокругъ нихъ шныряетъ дюжина босыхъ и почти нагихъ дѣтей. Впереди раздаются крики фурлейтовъ, погоняющихъ артельныхъ лошадей, которыя, не

смотря ни на какія понуканія, не взирая ни на какія изступленныя аріи своихъ вожатыхъ, кряхтятъ, упираются и, наконецъ, вовсе отказываются отъ всякаго движенія. Но подоспѣлъ баталіонъ, пошли въ ходъ приклады—и бѣдныя животныя двигаются далѣе.

,,Впереди гора, и на нее предстояло влазить, какъ на стѣну. Но увы! это еще не Даргинъ-Дукъ; это предверіе его, или выходъ изъ трущобы, въ которой аррiергардъ стоялъ по колѣно въ грязи;—и если помните въ любомъ курсѣ физики или механики чертежъ наклонной плоскости—такъ можете себѣ составить нѣкоторое понятіе объ этой горѣ. Начала подниматься артилерія; тѣла, лафеты и колеса были, конечно, на вьюкахъ. Рождался вопросъ: какъ подняться? Взбираться на стѣну самому и въ то же время вести въ поводу коня не было никакой возможности: или конь долженъ былъ стянуть за собою внизъ или въ кручу вожатаго, или вожатый, ища опоры въ обезсиленной лошади, долженъ былъ задерживать ее на каждомъ шагу. Въ виду этого, приказано было забросить узды на шеи лошадей, предоставивъ имъ идти по слѣдамъ своихъ вожатыхъ, а вожатымъ—взбираться какъ умѣютъ и какъ знаютъ—хоть на четверенькахъ.

,,Но, не смотря на всѣ эти условія и предосторожности, гора будто сбрасывала съ себя тѣхъ, чья отважность стремилась осилить ея природныя недостатки. Кое-гдѣ, хватаясь руками за землю или опираясь на что попало—было ли то ружье, пальникъ или сломаная по пути дубина—солдаты карабкались, какъ кошки, останавливаясь для роздыха на каждыхъ пяти шагахъ. Не преувеличивая, должно сказать, что аррiергардъ представлялъ собою въ эти минуты стадо барановъ, разсѣянныхъ по скатамъ этой горы, на которой лишь одинъ снѣгъ ослаблялъ мракъ наступившей ночи. Сверху слышались голоса, понуканія и приказанія офицеровъ; изъ балки, снизу, подгоняли переднихъ тѣ, которымъ уже надоѣло купаться въ грязи; вправо и влѣво раздавалось фырканье коней, бряцанье лафетныхъ цѣпокъ и стукъ оглобель о шины колесъ. При самомъ дурномъ настроеніи духа, при разлившейся въ груди каждаго желчи, у всѣхъ на языкѣ былъ одинъ вопросъ: да война ли это?

,,И долго такимъ образомъ ползли искалѣченные люди, на которыхъ не видно было ни изорваннаго платья, ни выступившей на рукахъ и колѣнахъ крови только потому, что толстый слой глинистой грязи облѣплялъ собою каждаго солдата съ ногъ до головы. Къ довершенію несчастья—поперегъ тропы явился сплошной камень. Люди кое-какъ вползали на него; но лошади останавливались, фыркали и отказывались идти. Нѣкоторыя пробовали ногою это новое препятствіе, но топырщили уши и пятились назадъ. Напрасны были всѣ понуканія. Лошади сами чувствовали необходимость карабкаться далѣе, но въ то же время понимали и всю опасность этого маневра. Наконецъ, при пособіи людей, тѣ, у которыхъ вьюки были полегче, собравъ всю мочь и рискуя подковами и ногами, вспрыгивали на камень съ такимъ изступленіемъ, что только искры сыпались изъ подъ копытъ; но за то другія, какъ и слѣдовало ожидать, не миновали своей участи: тѣловая, вмѣстѣ съ навьюченнымъ на ней единорогомъ, съ громомъ рухнула въ балку и, только застонавъ, дала тѣмъ знать, что остановилась гдѣ-то недалеко. При ея паденіи, орудіе сорвалось съ сѣдла и было таково. За тѣловою пошелъ и лафетный; за лафетнымъ еще одинъ ящичный...

— Послать рабочихъ! раздавалось на всѣхъ концахъ горы.

,,Медленно стали спускаться съ горы опередившія насъ роты, которыя, въ ожиданіи обоза и его прикрытія, успѣли уже развести большіе костры. По странному и счастливому случаю, тѣловая и лафетная лошади, съ которыхъ тяжести сорвались при паденіи, остались живыми, хотя и сильно помятыми, но ящичный конь болѣе не вышелъ изъ балки, хотя она была и неглубокая *). Кое-какъ втащили наверхъ орудіе, лафетъ и ящики и, при помощи рабочихъ, взнесли ихъ на гору.

,,Былъ одиннадцатый часъ ночи, когда арріергардъ стянулся на этой горѣ. Кажется, вотъ такъ бы и легъ въ грязи у костра и, не обращая вниманія ни на холодъ, ни на слякоть, лежалъ бы сутки безъ просыпа, не шевелясь. Но не тутъ-то было! Спустя четверть часа, раздалось:

— Впередъ! маршъ!

---

*) Ящики были подняты и навьючены на запасную лошадь.

,,И потянулись мы снова. Здѣсь ужъ стало темнѣе—такъ темно, что съ трудомъ можно было отличить вожатаго отъ его лошади. Въ воздухѣ очень тихо. Дорога тутъ была значительно шире предыдущей, такъ что горныя орудія могли уже идти на колесахъ, придерживаемыя лямками. Но были мѣста, которыя угрожали тѣмъ же случаемъ, что произошелъ часъ назадъ. Вслѣдствіе этого, солдаты приняли всѣ предосторожности;—явились даже огарки свѣчъ, которыми освѣщали дорогу впереди и по сторонамъ. При этихъ импровизованныхъ факелахъ, движеніе горнаго взвода было похоже на какое-то погребальное шествіе. Уже давно заманчиво и привѣтливо глядѣли на насъ даргинъ-дукскіе костры; сверху они кое-гдѣ даже освѣщали намъ дорогу; но чѣмъ болѣе мы приближались къ нимъ, тѣмъ все далѣе и далѣе они уходили отъ насъ.

— Скоро-ли? лаконически спрашивали многіе другъ у друга.

,,Молчаніе: никто не знаетъ,—каждый здѣсь впервые. А между тѣмъ, глаза смыкались, ноги подкашивались; люди шли пошатываясь и то-и дѣло обдергивая ранцы. Но все-таки шли и шли безъ проклятій, безъ жалобы, даже безъ упрека: сознаніе долга, необходимости руководило всѣми одинаково.

,,Эхъ, золотая кавказская армія прежнихъ лѣтъ! Явится ли когда либо въ будущемъ еще что нибудь, хотя отчасти похожее на тебя?

,,Еще нѣсколько десятковъ саженей—и чаще стали попадаться навстрѣчу мелкія деревья; еще четверть часа—и лѣсъ гуще. Не смотря, однако, на эту густоту, между деревьями являются силуеты полуосвѣщенныхъ палатокъ; чуть слышны голоса людей. Снова начался подъемъ: это Даргинъ-Дукъ. По узкой тропѣ, хватаясь за поваленныя деревья, арріергардъ началъ взбираться на крутизну. Близость ночлега, казалось, должна бы придать силы, но увы! ихъ-то и не было. Лишь только что либо замедляло движеніе арріергарда, солдаты, какъ скошенные, опускались на бревна, а лошади или просто падали, или, мало по малу сгибаясь, ложились на землю. Въ половинѣ двѣнадцатаго мы добрались до перваго лагеря. Лѣсъ былъ до того густъ, что едва лишь въ немногихъ уголкахъ было мѣсто для нѣсколькихъ палатокъ—конечно, офицерскихъ; солдаты же лежали плашмя у костровъ, на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, котораго, впрочемъ, здѣсь и

днемъ нельзя было видѣть. Вмѣсто подушекъ, были въ головахъ ранцы. Бодрствовали только кашевары, помѣшивая крупу въ котлахъ, да часовые,—первые потому, что у нихъ во время движенія была возможность запрятать свои ранцы въ котлы и идти налегкахъ, вторые—по необходимости. Кое-гдѣ можно было услышать стукъ топора—и то, глухой, слабый: видно, обезсиленная рука рубила полено".

На ночлегъ войска расположились эшелонами сверху до низу горы. 1-го марта вся кавалерія, весь вьючный обозъ и большая часть артилерійскихъ лошадей были отправлены въ Дачу-Барзой, подъ прикрытіемъ 3-хъ баталіоновъ, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ, подъ командой генерала Мищенко. Мѣра эта была необходима потому, что оказался недостатокъ фуража и воды. Для питья и варки люди употребляли снѣгъ. 2-го марта колонна возвратилась, но уже съ нею не было храбраго командира Куринскаго полка: онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу, и потому долженъ былъ выѣхать въ Воздвиженскую; куринцы остались подъ командой полковника Рихтера.

До конца марта продолжалась усиленная рубка лѣса и проведеніе дороги до самой вершины горы Даргинъ-Дукъ. Вскорѣ можно было двигать сюда и повозки. Непріятель попрежнему велъ себя вяло; только два-три раза онъ пытался нападать на колонны, ходившія изъ отряда въ Дачу-Барзой, но и здѣсь ограничивался небольшими перестрѣлками, а 9-го марта сдѣлалъ засаду противъ колонны маіора Эрнрота, у вашиндарійскаго оврага *). Но и эта попытка сдѣлать намъ вредъ была открыта заранѣе. Такимъ образомъ, работы наши шли безпрепятственно и быстро. Дѣло приходило къ концу, и очередь наставала за слѣдующей задачей: Евдокимовъ долженъ былъ двинуться въ малую Чечню, куда его призывали важныя событія. Но прежде чѣмъ оставить Даргинъ-Дукъ, командующій войсками рѣшился раззорить аулы по Вашиндара.

---

*) Вашиндара и Гамаринъ—двѣ рѣчки, впадающія въ Шаро-Аргунъ съ правой стороны, вторая у самой подошвы Даргинъ-Дука, а первая (Вашиндара) нѣсколько ниже второй. По Вашиндара лежитъ аулъ Зазерганъ, а за нимъ, сзади небольшаго перевала—аулъ Махкетъ.

Эту задачу онъ возложилъ на колонну полковника Баженова, который, съ 4-мя баталіонами (въ томъ числѣ 3-й Куринскаго полка) и 2-мя орудіями, двинулся 29-го марта вверхъ по теченію рѣчки, по самому дну оврага. Непріятель отступалъ къ аулу Зазерганъ. Аулъ этотъ былъ атакованъ съ трехъ сторонъ и, послѣ упорнаго, но непродолжительнаго дѣла, наши войска заняли его, сожгли до тла и, подвергнувъ той же участи всѣ другіе аулы, лежавшіе по Вашиндара, возвратились на Шаро-Аргунъ, имѣя съ собой одного раненаго офицера, 3-хъ убитыхъ и 9-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

30-го марта весь отрядъ генерала Евдокимова собрался въ укрѣпленный лагерь у Дачу-Барзоя. Оставивъ здѣсь въ укрѣпленіи 5½ баталіоновъ, подъ командой командира бѣлостокскаго полка полковника Шатилова, остальныя войска двинулись въ малую Чечню двумя колоннами: одна, головная, состоявшая изъ одного сводкаго и 3-го баталіоновъ Куринскаго полка, съ 2-мя сотнями казаковъ и 6-ю орудіями, подъ командой полковника Рихтера, выступила 31-го марта, а прочія части, подъ начальствомъ самого Евдокимова, 1-го апрѣля.

Такъ кончилась первая и самая трудная часть занятія аргунскаго ущелья. Подъ конецъ этого похода, положеніе чеченскаго отряда сдѣлалось невыносимо труднымъ: отъ сильной оттепели и проливныхъ дождей, дорога, проложенная въ мягкомъ грунтѣ, стала затруднительной не только для повозокъ, но и для пѣшихъ. Вода въ обоихъ Аргунахъ поднялась и унесла мосты, сдѣлавъ опаснымъ самые броды; только сваи для постояннаго моста удержались и дали возможность накинуть на нихъ кладки; оврагъ у аргунскихъ воротъ обрушился, и пришлось вновь разработывать его, чтобы провезти орудія. После неимовѣрныхъ усилій, и эти препятствія были устранены, и къ вечеру 1-го апрѣля Евдокимовъ, съ 13½ баталіонами, 5-ю сотнями казаковъ, 2-мя сотнями милиціи, при 12-ти орудіяхъ, стоялъ на Энгеликѣ.

Цѣль движенія Евдокимова въ малую Чечню объясняется желаніемъ его воспользоваться общимъ настроеніемъ жителей принять русское подданство, о чемъ начальникъ лѣваго фланга былъ увѣдомленъ своими агентами.

Вся нагорная Чечня заселена двумя фамиліями—Гой и Гехи, старшинамъ которыхъ Евдокимовъ предложилъ свои услуги. Съ прибытіемъ отряда на Энгеликъ, явились къ генералу представители фамиліи Гой, съ изъявленіемъ готовности переселиться въ наши предѣлы; депутаты просили, между прочимъ, защитить ихъ отъ мюридовъ, присланныхъ раззорять всѣхъ мирившихся. Евдокимовъ выслалъ для охраны переселенцевъ колонны полковниковъ Рихтера и Баженова, и, подъ прикрытіемъ ихъ, сотни гойтинцевъ потянулись въ наши предѣлы. Примѣръ вскорѣ заразилъ и гехинцевъ, а затѣмъ переселенцы потянулись и съ верховьевъ Шалажи и Фортанги. Въ теченіе трехъ недѣль отдѣльныя колонны чеченскаго отряда переносились съ мѣста на мѣсто, конвоируя сотни семействъ, пожелавшихъ переселиться въ наши предѣлы, и къ 19-му апрѣля 93 аула, съ 2500 семействъ, приняли русское подданство. Покорные жители были переселяемы на Сунжу, а горные аулы сожжены.

Успѣхъ нашъ не могъ не смутить Шамиля; онъ сталъ изыскивать новыя средства для удержанія переселенія, но, видя безполезность карательныхъ мѣръ и угрозъ, рѣшился по крайней мѣрѣ оттянуть войска Евдокимова изъ малой Чечни, и потому приказалъ наибамъ дѣлать набѣги на большую Чечню. Обстоятельство это сначало не отвлекло Евдокимова отъ дѣла въ малой Чечнѣ, но когда, въ началѣ мая, Шамиль лично пришелъ въ большую Чечню и съ многочисленными войсками сталъ угрожать намъ, то и Евдокимовъ счелъ нужнымъ возвратиться на Аргунъ и выжидать дальнѣйшихъ дѣйствій Шамиля. Съ этою цѣлью, оставивъ для содѣйствія переселенцамъ въ малой Чечнѣ двѣ колонны—одну Куринскаго полка подполковника Мансурадзе (двѣ роты 3-го баталіона Куринскаго полка и два орудія) на Гойтѣ, и другую полковника Баженова на Гехи, остальныя силы расположилъ такъ: $5^1/_2$ баталіоновъ, въ числѣ коихъ одинъ баталіонъ и 1-я, 2-я и 4-я стрѣлковыя роты Куринскаго полка, семь сотенъ и 10-ть орудій—у аула большой Чечень; три баталіона, два дивизіона драгунъ, 4-ре сотни и 4-ре орудія—въ Бердыкелѣ; двѣ роты, три сотни и два орудія—въ Умахань-Юртѣ; $2^4/_5$ баталіона (въ числѣ ихъ двѣ роты 3-го баталіона Куринскаго полка), 1 сотня и 4-ре орудія, подъ командой

полковника Рихтера—для работъ въ аргунскомъ ущельи; наконецъ, кумыкскій отрядъ полковника князя Святополкъ-Мирскаго былъ поставленъ на Мичикѣ.

Въ этомъ положеніи колонны наши ожидали особаго приказанія, а Евдокимовъ, расчитывая, что сборы Шамиля имѣютъ въ виду вторженіе въ малую Чечню, съ цѣлью помѣшать переселенію, не трогался съ мѣста, чтобы не открыть непріятелю дорогу.

Между тѣмъ, вспыхнуло возстаніе въ Назрани. Шамиль успѣлъ зажечь здѣсь пламя бунта, и самъ, съ частью своихъ сборищъ, удачно пробрался черезъ Чаберлой въ Галашки. Это движеніе произвело общій переполохъ на лѣвомъ флангѣ; колонны наши заходили въ разные концы, и куринцы, подъ начальствомъ новаго своего командира полка, флигель-адъютанта полковника Черткова *), 10-го іюня были двинуты на р. Нетхой, чтобы стеречь малую Чечню отъ Шамиля. Но имамъ, надѣлавъ тревогу, возвратился домой, и куринцы не принимали участія въ дѣлахъ владикавказскаго округа.

1-го іюля Евдокимовъ вновь собралъ отрядъ для продолженія военныхъ дѣйствій въ аргунскомъ ущельи.

---

*) Флигель-адъютантъ полковникъ Чертковъ прибылъ въ полкъ 7-го мая 1858-го года.

XXI.

Лѣтняя экспедиція 1858-го года. Движеніе чеченскаго отряда въ ущелье Чанты-Аргуна. Занятіе Ярашъ-Марды и геройская переправа 4-го баталіона куринцевъ черезъ Аргунъ. Штурмъ Мескенъ-Дука 5-мъ баталіономъ куринцевъ. Занятіе аула малые Варанды. Переправа черезъ Аргунъ двухъ ротъ куринцевъ, подъ командой маіора Эрнрота. Заложеніе Шатоевскаго укрѣпленія. Покореніе тринадцати обществъ.

Лѣтомъ 1858-го года войскамъ лѣваго фланга предстояло дѣйствовать на пространствѣ между Аргуномъ и Терекомъ, чтобы изъять этотъ районъ изъ подъ власти Шамиля и тѣмъ обезпечить большую военно-грузинскую дорогу отъ нападенія горцевъ. Съ успѣхомъ этого предпріятія достигались весьма важныя выгоды: прежде всего освобождалось для главныхъ цѣлей значительное количество войскъ, занятыхъ тогда охраненіемъ владикавказскаго округа: затѣмъ, мы входили въ связь по Аргуну съ Закавказьемъ и, наконецъ, пріобрѣтали хорошіе пути для движенія въ средоточіе власти Шамиля, черезъ боковыя дороги, пролегавшія къ Андіи черезъ шатоевскую долину и Чаберлой. Это было необходимо для приведенія въ исполненіе условленнаго съ 1857-го года плана одновременнаго концентрическаго движенія въ нагорный Дагестанъ со стороны Чечни, Закавказья и прикаспійскаго края.

Съ занятіемъ аргунскихъ воротъ и возведеніемъ Аргунскаго укрѣпленія, чеченскій отрядъ имѣлъ уже обезпеченный базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій; но этотъ базисъ только облегчалъ, но не уничтожалъ тѣхъ громадныхъ трудовъ, которые предстояли отряду въ дальнѣйшихъ работахъ. Военная исторія смѣло можетъ причислить покореніе аргунскаго ущелья къ числу самыхъ трудныхъ и славныхъ эпизодовъ изъ исторіи покоренія Кавказа, а Куринскій полкъ съ гордостью можетъ сказать, что онъ былъ главнымъ героемъ этого событія.

Въ апрѣлѣ 1858-го года мы владѣли аргунскимъ ущельемъ и небольшимъ пространствомъ по Шаро-Аргуну до Даргинъ-Дука и по Чанты-Аргуну до входа въ узкое ущелье этой рѣки, что было

всего въ разстояніи четырехъ верстъ отъ устроеннаго въ январѣ моста. Здѣсь, отъ тѣснины называемой Ярашъ-Марды, начиналось мѣсто, никогда невиданное русскими войсками. Отъ Ярашъ-Марды до аула шатоевскаго, на пространствѣ отъ 12-ти до 15-ти верстъ, Чанты-Аргунъ бѣжалъ въ узкомъ руслѣ, образующемъ трещину въ исполинскихъ горахъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ. Затѣмъ, у шатоевскаго аула горы какъ бы сразу раздвинулись и образовали широкую плодородную долину, усѣянную густымъ населеніемъ. Отсюда расходились довольно удобные пути: къ югу—въ Хевсуретію, къ западу—въ Пшехой и Галашки и къ востоку—черезъ Чаберлой въ басейнъ Койсу. Слѣдовательно, аулъ Шатой имѣлъ весьма важное стратегическое значеніе,—и къ нему-то были направлены всѣ помыслы генерала Евдокимова. Но какъ одолѣть Ярашъ-Марды? Какъ пройти въ Шатой безъ дорогъ, въ сплошномъ густомъ лѣсу, гдѣ наибъ Батако давно настроилъ завалы и усердно сторожилъ русскихъ, а Шамиль былъ готовъ явиться къ нему на помощь?

На этотъ разъ самъ Шамиль помогъ Евдокимову. Имамъ не безъ основанія считалъ самымъ опаснымъ для себя таузенскую дорогу, ведущую прямо въ Ведено, а въ трудномъ движеніи нашемъ на Даргинъ-Дукъ видѣлъ начало этой экспедиціи. Поэтому, Шамиль, со времени ухода нашего съ Даргинъ-Дука, усердно укрѣплялъ эти мѣста, и держалъ здѣсь наготовѣ свои главныя силы. Но отъ Даргинъ-Дука до Ярашъ-Марды всего часъ ходу; слѣдовательно, еслибъ Шамиль вовремя угадалъ намѣреніе Евдокимова, онъ могъ бы легко встрѣтить насъ, со всѣми своими силами, у Ярашъ-Марды, гдѣ стоялъ теперь лишь одинъ наибъ Батако. Логическое заключеніе изъ этихъ разсужденій привело Евдокимова къ слѣдующему рѣшенію: 1) скрытно сосредоточить въ Аргунскомъ укрѣпленіи значительныя силы, 2) демонстрировать противъ Даргинъ-Дука и 3) нечаяннымъ появленіемъ передъ Ярашъ-Марды форсировать ущелье Чанты-Аргуна.

Имѣя все это въ виду, Евдокимовъ, самъ оставаясь въ малой Чечнѣ, двинулъ въ аргунское ущелье баталіоны и выставилъ ихъ противъ Шамиля. Раньше другихъ, въ аргунское ущелье стянулась колонна полковника Зотова, въ составѣ $7^3/_4$ баталіоновъ и

4-хъ горныхъ орудій. Зотову было приказано удерживать передъ собой сборище Шамиля, пока не соберется весь отрядъ генерала Евдокимова, и держаться противъ Даргинъ-Дука, распуская ложные слухи о намѣреніи нашемъ идти въ Таузенъ. Колонна Зотова, въ составѣ которой были 2-й, 4-й и 5-й баталіоны Куринскаго полка, прекрасно исполнила свою задачу: она развернулась на позиціи, стала продѣлывать дороги и простояла противъ Даргинъ-Дука въ угрожающемъ положеніи 28-е и 29-е числа, не заводя однако перестрѣлки. За колонной Зотова, какъ за завѣсой, Евдокимовъ дѣлалъ свои приготовленія, а Шамиль, утвердившись въ своемъ мнѣніи, что цѣлью всѣхъ дѣйствій русскихъ будетъ Ведено, укрѣплялся и стягивалъ сюда всѣ свои силы. Когда демонстрація Зотова достигла цѣли, Евдокимовъ объявилъ дѣйствительную задачу движенія и, прибывъ въ Аргунское укрѣпленіе 1-го іюля 1858-го года, тотчасъ же двинулъ войска вверхъ по Чанты-Аргуну. Впереди другихъ пошла колонна Зотова; она выступила въ два часа ночи и, имѣя впереди куринцевъ, пришла къ разсвѣту къ оврагу Ярашъ-Марды, за которымъ начинается узкое и лѣсистое ущелье Чанты-Аргуна. За колонной Зотова двинулась колонна Баженова. Отъ Ярашъ-Марды идутъ вверхъ по ущелью двѣ дороги: одна, лучшая, по правому берегу рѣки, по карнизу обрывистаго берега, въ густомъ лѣсу, покрывающемъ всю покатость горъ, висящихъ надъ самымъ берегомъ; другая—тропа, переходящая черезъ бурную рѣку по мостику въ два бревна и затѣмъ идущая черезъ аулъ Соси-Ирзау на высокую лѣсистую гору Мескенъ-Дукъ, къ аулу малые Варанды. Изъ этихъ двухъ путей былъ избранъ второй, потому что первый изъ нихъ былъ занятъ непрерывнымъ рядомъ заваловъ, защищаемыхъ наибами Батако и Гамзатомъ. Очевидно, что движеніе здѣсь грозило намъ и большими потерями и, быть можетъ, полною неудачею, потому что здѣсь мы не могли бы развернуть своихъ силъ, а непріятель былъ бы въ наилучшей для себя обстановкѣ. По этому важному поводу, полковнику Зотову приказано было: демонстрируя противъ непріятельскихъ заваловъ, быстро переброситься черезъ Чанты-Аргунъ и атаковать аулъ Соси-Ирзау.

Для демонстраціи были избраны стрѣлковыя роты Куринскаго полка, которыми командовалъ маіоръ Эрнротъ *); эти роты двинулись впередъ и завязали перестрѣлку съ непріятелемъ. Полковникъ Зотовъ спустилъ къ переправѣ 4-й баталіонъ куринцевъ, подъ командой стараго боеваго полковника Барабаша. Тогда непріятель открылъ огонь и съ лѣваго берега. Наши стрѣлки отвѣчали ему и вскорѣ дружными атаками сбили его съ занятой позиціи. Между тѣмъ, бой не прекращался и съ фронта; но здѣсь было кому удерживать противника. Всѣ слѣдили съ замираніемъ сердца за переправой куринцевъ черезъ Чанты-Аргунъ. Вотъ какъ описываетъ эту молодецкую переправу очевидецъ **):

,,Чтобы окончательно парализовать непріятельскую позицію, предстояло занять лѣвый берегъ Чанты-Аргуна. Это составляло задачу весьма трудную и опасную, потому что моста здѣсь никакого не было съ одного берега на другой, а черезъ рѣку были перекинуты только два бревна, составлявшія собою кладки для отважныхъ пѣшеходовъ. Внизу подъ ними кипѣла и билась въ тѣснинѣ бѣшеная рѣка, такъ что заглушала собою всякій говоръ. Но, несмотря на это затрудненіе, куринцы не остановились, когда имъ приказано было перебираться на лѣвый берегъ, ,,какъ умѣютъ и какъ знаютъ''. Одинъ по одному, подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, четвертый баталіонъ куринцевъ, во главѣ съ своимъ командиромъ, полковникомъ Барабашомъ—ветераномъ незапамятнаго времени—сталъ перебѣгать на ту сторону рѣки и затѣмъ карабкаться на гору, въ лицо непріятелю. Это была картина замѣчательная и духъ захватывавшая даже у посторонняго зрителя: два бревна, почти танцующія подъ вереницею солдатъ; внизу кипучая рѣка,

---

*) Маіоръ Эрнротъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, но промѣнялъ штабную службу на строевую. Онъ командовалъ стрѣлковыми ротами Куринскаго полка, и, будучи еще весьма молодымъ человѣкомъ, отличался блестящими качествами боеваго офицера. Впослѣдствіи онъ былъ военнымъ министромъ въ Болгаріи.

**) Эпизодическая часть разсказа нашего, какъ въ этой, такъ и въ другихъ главахъ, заимствована изъ статей „Кавказскаго Сборника", напечатанныхъ преимущественно въ III и IV томахъ.

Авт.

готовая ежеминутно поглотить этихъ смѣльчаковъ; отважныя, но молчаливыя и сосредоточенныя, съ сжатыми губами, физіономіи испачканныхъ, загрязненныхъ и оборванныхъ воиновъ, балансирующихъ надъ пропастью; навстрѣчу имъ, почти въ упоръ, нити непріятельскихъ пуль—что могло быть торжественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснѣе этого момента, при которомъ, къ несчастью, не присутствовалъ ни одинъ изъ извѣстныхъ художниковъ, способныхъ во всей истинѣ и правдивости передать его на полотно? Смотря на этихъ безстрашныхъ кавказскихъ рыцарей, искавшихъ подъ собою точки опоры, невольно приходилось закрывать глаза, чтобы не быть свидѣтелемъ какой нибудь катастрофы. Оступись хоть одинъ изъ нихъ—и заднiй его товарищъ, расчитывавшiй свои шаги только по пятамъ передняго, исчезъ бы въ пучинѣ, навѣрное увлекая за собою десятокъ послѣдующихъ героевъ. И еслибы, не дай Богъ, это случилось, то любопытно знать: остановились ли бы передъ раскрытою пастью рѣки остальные воины? Едва ли: четвертое іюля показало, что эти герои не умѣютъ останавливаться даже и передъ большею невозможностью.

,,Лѣвый берегъ былъ быстро занятъ, непріятель сбитъ оттуда, и куринцы, не задерживаясь ни на минуту надъ обрывомъ, съ крикомъ ,,ура''! кинулись въ аулъ Соси-Ирзау, находившiйся тутъ же, выбили оттуда горцевъ и, счастливые исполненіемъ своего долга, наконецъ, остановились, вытирая почти кровавый потъ съ лица и пѣну, накипѣвшую на губахъ отъ сильной борьбы чувствъ и утомленія. Соображая этотъ замѣчательный подвигъ славнаго четвертаго Куринскаго баталіона, каждый человѣкъ, не чуждый предразсудковъ и повѣрій, сказалъ бы, положа руку на сердце, что эти воины продали свою душу чорту.

,,Потеря наша въ этотъ день состояла въ легко раненомъ маіорѣ Эрнротѣ, двухъ убитыхъ и десяти раненыхъ нижнихъ чинахъ и въ пяти убитыхъ лошадяхъ.

,,Когда, вслѣдъ за куринцами, перешли на лѣвый берегъ Чанты-Аргуна и остальныя силы, къ отряду прибылъ самъ Евдокимовъ. Онъ порѣшилъ, нимало не медля, занять аулъ Соси-Ирзау и впереди лежащую гору Мескенъ-Дукъ, потому что, еслибы непріятель

предупредилъ насъ на этой господствующей надъ окрестностью горѣ, то дѣло могло быть проиграно.

,,Мѣстность, по которой предстояло намъ идти, была въ высшей степени опасная,—что и сказалось на дѣлѣ; здѣсь каждое дерево угрожало намъ нѣсколькими пулями и притомъ сверху внизъ; но утѣшеніе состояло лишь въ томъ, что насъ не забросають здѣсь камнями, какъ въ то время, еслибы мы пошли по нижней дороги (по правому берегу); кромѣ того, здѣсь не было искусственно устроенныхъ заваловъ, которые внизу были нагромождены поперегъ дороги черезъ каждые пятьдесять саженей. Наконецъ, какъ ни узка была здѣсь дорога, но она все-таки позволяла идти кое-гдѣ, между деревьями, въ ротной колоннѣ, тогда какъ внизу приходилось наступать по тропѣ почти въ одиночку, а слѣдовательно, отдавать непріятелю, съ заранѣе обдуманною мыслью, жертву за жертвою и, пожалуй, такимъ образомъ и цѣлую колонну. До выступленія изъ Соси-Ирзау на Мескенъ-Дукъ, никто не зналъ тѣхъ трудностей и той опасности, которыя придется осилить на этой горѣ; никто не зналъ этихъ ея террасъ или площадокъ, а слѣдовательно, и никто не предугадывалъ, что идетъ, быть можетъ, на вѣрную смерть;—нѣтъ худа безъ добра, потому что самое тягостное нравственное положеніе человѣка является именно тогда, когда день и часъ смерти ему извѣстны заранѣе. Неизвѣстность была причиною того, что солдаты, за все время своего наступленія на эти адскія высоты, сохранили мужество и бодрость духа. Полагать должно, что и самъ командующій войсками зналъ эту мѣстность кое-какъ, лишь со словъ горцевъ. Но такъ или иначе, а идти нужно было.

,,Наступной отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны. Первою командовалъ полковникъ Зотовъ. Она состояла изъ 2-го, 4-го и 5-го баталіоновъ Куринскаго полка, 3-го баталіона виленскаго полка, роты саперъ 2-го кавказскаго баталіона, дивизіона горныхъ орудій легкой № 5-го батареи 20-й артил. бригады, подъ командою капитана Парчевскаго, и сотни милиціи. Второю колонною командовалъ полковникъ Баженовъ, а арріергардомъ ея полковникъ фонъ-Кауфманъ. Подъ начальствомъ ихъ были слѣдующія войска,

(съ 4-го по 8-е іюля): четыре роты 4-го бат. тенгинскаго полка и одна стрѣлковая рота того же полка, 1-й и 5-й баталіоны навагинскаго, 1-й баталіонъ виленскаго полковъ, три роты 20-го стрѣлковаго баталіона, 4 сотни казаковъ и сотня милиціи. Въ колоннѣ Баженова, между первою и второю ротами 20-го стрѣлковаго баталіона, находился взводъ горныхъ орудій легкой № 6-го батареи; въ арріергардѣ фонъ-Кауфмана—взводъ горныхъ орудій батарейной № 4-го батареи и, наконецъ, въ хвостѣ колонны взводъ горной № 4-го батареи 20-й артилерійской бригады. Въ Соси-Ирзау приказано было остаться, для связи отряда съ Аргунскимъ укрѣпленіемъ и для обезпеченія насъ въ тылу—второму баталіону навагинскаго полка, двумъ стрѣлковымъ ротамъ №№ 9-го и 10-го линейныхъ баталіоновъ и взводу орудій, подъ общимъ командованіемъ навагинскаго полка полковника Наумова.

„Что насъ ожидало впереди, въ какія трущобы мы вновь попадемъ, сколько времени придется быть отрѣзанными отъ Аргунскаго укрѣпленія—все это были задачи, разрѣшить которыя никто не рѣшался, да и не могъ бы. Въ виду полной неизвѣстности предстоявшаго намъ положенія, было отдано приказаніе: взять съ собою вьюки съ провіантомъ. Какъ ни стѣсняло это каждаго въ серьезныхъ и опасныхъ движеніяхъ, но приказаніе, однако, было благоразумное, потому что, при надобности, идти назадъ за провіантомъ и вновь возвращаться на свое мѣсто—было бы отчаяннымъ и крайнимъ неблагоразуміемъ.

„Сумерки быстро спустились на землю, и ночь окутала собою мескендукскія высоты. Приказаніе о выступленіи было уже отдано, и въ лагерѣ царила торжественная тишина,—какъ будто сердце предчувствовало трудный, тяжелый день. Костры, у которыхъ такъ недавно готовилась каша, были потушены и разметаны; началась втихомолку уборка палатокъ. Черезъ часъ, колонна полковника Зотова уже стояла подъ ружьемъ, и затѣмъ еще черезъ десять минутъ двинулась на мостъ, только-что оконченный, и перешла Аргунъ у Соси-Ирзау. Непріятель не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ: лишь только колонна двинулась—онъ съ разныхъ мѣстъ открылъ ружейную пальбу, вызывая на отвѣтъ; но отвѣта

не получилъ. Перейдя на лѣвый берегъ рѣки, колонна заняла поляну впереди аула, фронтомъ къ Мескенъ-Дуку, и выстроилась въ боевомъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ: въ головѣ—пятый Куринскій баталіонъ въ ротныхъ колоннахъ и за нимъ—взводъ горныхъ орудій; въ правой цѣпи—четвертый Куринскій баталіонъ, выступившій къ намъ навстрѣчу изъ Соси-Ирзау; въ лѣвой—второй бѣлостокскій; въ арріергардѣ—рота саперъ и первый бѣлостокскій баталіонъ, потомъ вьюки; далѣе—второй Куринскій баталіонъ, за нимъ опять взводъ горныхъ орудій и, наконецъ, третій виленскій баталіонъ. Одновременно съ авангардною колонною тронулся отъ Бинъ-Дука и полковникъ Баженовъ, наступая все время по пятамъ колонны полковника Зотова.

,,Пока произошли всѣ построенія, за которыми послѣдовалъ короткій отдыхъ,—забрежжило: выступила изъ за горъ утренняя заря. Непріятель, не оставлявшій насъ въ покоѣ все время и по лѣвую сторону Аргуна, мгновенно прекратилъ пальбу—и стушевался. Тутъ только мы начали догадываться, что онъ спозналъ наши намѣренія и поспѣшно отправился—приготовить намъ встрѣчу.

,,Колонна двинулась—и тотчасъ вступила въ лѣсъ. Отъ поляны до опушки лѣса виденъ былъ слѣдъ чего-то въ родѣ утоптанной дороги, но, послѣ нѣсколькихъ саженей пути по лѣсу, эта дорога окончательно изчезла;—начались пни, валежникъ, наваленный кругомъ листъ, влага, мокрота; словомъ, препятствія не заставили себя долго ждать. Мѣстность все болѣе съуживалась, такъ что цѣпи лѣпились надъ обрывами, сливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ колонною. Съ минуты на минуту мы ожидали привѣтственнаго выстрѣла, но горцы или еще не поспѣли къ намъ навстрѣчу, или не считали нужнымъ начинать такъ рано, давая возможность всей колоннѣ втянуться въ глубину лѣса. Пятый баталіонъ куринцевъ взошелъ на первый уступъ безъ выстрѣла и пріостановился, чтобы дать возможность колоннѣ стянуться.

,,Въ самомъ началѣ движенія намъ стало ясно и понятно, что въ лѣсу, на этихъ высотахъ, мы должны находиться въ полномъ распоряженіи непріятеля, и что артилерія наша здѣсь составляетъ совершенно лишнее бремя. И дѣйствительно, во все вре-

мя наступленія и до взятія послѣдняго уступа, ей не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла, потому что невозможно было установить орудія, и точно также невозможно было стрѣлять снизу вверхъ. Орудія тащили то на лямкахъ, то на вьюкахъ.

,,Нѣсколько поотдохнувъ, колонна двинулась на второй уступъ. Лѣвая цѣпь, которая уже окончательно слилась съ колонною, потому что ей некуда было дѣваться, снята и цѣликомъ отправлена назадъ, гдѣ составила роты и пошла вслѣдъ за вьюками. Медленно, ища опоры въ окружавшихъ деревьяхъ, взбирались куринцы на крутизну—и вотъ, ужъ стали подходить ко второй террасѣ. Неожиданно и почти въ упоръ раздался залпъ полсотни винтовокъ. Непріятеля не видно; стрѣлять не въ кого—а въ рядахъ свалилось нѣсколько человѣкъ. Безъ команды, безъ приказанія, какъ по мановенію волшебнаго жезла, загремѣло ,,ура''!—и пятый Куринскій баталіонъ бросился въ штыки. Тутъ силъ еще хватало—и второй уступъ занятъ тотчасъ же. Но въ это время раздались ружейные перекаты не только впереди, но и на флангахъ. Непріятель пользовался каждымъ деревомъ, каждою вершиною его, чтобы стрѣлять отовсюду, гдѣ только могъ присѣсть и укрыться. Ружейный огонь грозилъ обнять собою всю колонну; тамъ и сямъ попадались срубленные гиганты, преграждавшіе движеніе войска; не смотря на лѣсную прохладу, уже рубахи на тѣлѣ были мокрыя.

,,Полковникъ Зотовъ сообразилъ, что только быстрымъ движеніемъ все впередъ и впередъ онъ остановитъ возможность для горцевъ разбрасываться на длину всей колонны, и хотя сосредоточитъ ихъ огонь на головномъ баталіонѣ, но зато, остальныя войска будутъ спасены. Раздѣливъ баталіонъ надвое и предоставивъ двѣ роты въ распоряженіе полковника Черткова, онъ началъ наступленіе перекатами. Бѣгомъ пустились первыя двѣ роты на третій уступъ и, осыпаемыя со всѣхъ сторонъ пулями, сбили оттуда непріятеля и заняли его позицію. Горцы, какъ кошки, бросились къ слѣдующей террасѣ, и вслѣдъ за ними опять бѣгомъ пустились другія двѣ роты, а предыдущія, между тѣмъ, нѣсколько минутъ отдыхали.

,,Занявъ высшій уступъ и присоединившись къ партіи, уже тамъ находившейся заранѣе, чеченцы снова встрѣчали залпами под-

бѣгавшія къ нимъ роты—и снова вырывали изъ строя жертву за жертвою. Пули ихъ главнѣе всего были направляемы на нашихъ офицеровъ, и однимъ изъ первыхъ слетѣлъ съ лошади адъютантъ Куринскаго полка поручикъ Гурьевъ, прострѣленный въ лобъ, выше лѣваго глаза; затѣмъ, па четвертомъ уступѣ пуля пронизала навылетъ лѣвую руку полковника Зотова; но онъ, не обращая вниманія на эту рану, велъ полубаталіонъ впередъ и впередъ. Уже солдаты, буквально задыхаясь и разинувъ рты, обливались потомъ съ головы до ногъ; но кровь своихъ товарищей и ободряющія слова офицеровъ: ,,впередъ, ребята! впередъ, смѣлѣе,—молодцами! не посрамитесь, куринцы"! заставляли собирать послѣднія силы и—умирать, но не отступать.

,,Среди этой ужасающей обстановки, гдѣ каждую минуту можно было ожидать, что рота падетъ на землю въ полномъ изнеможеніи, предоставляя себя произволу судьбы, между прочими офицерами много поддерживалъ солдатъ своими одобреніями и подполковникъ Тверитиновъ (командиръ л. № 5-го батареи), за которымъ верхомъ слѣдовалъ адъютантъ его, по званію начальника артилеріи отряда, подпоручикъ Рельи. Куринцы любили Тверитинова, потому что при всѣхъ встрѣчахъ съ ними онъ не жалѣлъ денегъ; очень часто спиртъ лился ведрами, не говоря уже о ротныхъ праздникахъ въ Воздвиженской, на которые Павелъ Васильевичъ былъ приглашаемъ неизбѣжно. И вотъ теперь, въ крайнюю минуту, командиръ 5-й легкой батареи, слѣдуя бокъ о бокъ съ баталіономъ, напутствовалъ его разнаго рода поощреніями и похвалами. Пули его, къ счастью, миновали; но въ ту минуту, когда онъ повернулся въ сѣдлѣ и хотѣлъ отдать Рельи какое-то приказаніе, Рельи слетѣлъ съ лошади, прострѣленный въ правое плечо навылетъ. Въ то же мгновеніе и такая же рапа свалила съ ногъ подпоручика Куринскаго полка Пхакадзе, который, идя во главѣ своего взвода, палъ, но не выронилъ шашки изъ рукъ.

,,Бывали случаи, что при подобныхъ обстоятельствахъ, когда направо и налѣво валятся товарищи и командиры, солдаты падали духомъ, терялись. Но здѣсь до этого было далеко: ожесточеніе противъ врага, месть за смерть земляковъ и притомъ, воспоминаніе

о своемъ славномъ знамени, именемъ котораго офицеры двигали свои роты, заглушали всякія чувства и побужденія куринцевъ, кромѣ желанія—взлетѣть на новый уступъ и сбить оттуда непріятеля. И откуда бралась эта мощь, эта желѣзная сила у людей, уже обезсиленныхъ всѣми невзгодами, трудами, египетскими работами?

,,Еще вырвало изъ строя одного офицера—прапорщика Гладуна, но куринцы не останавливались и не давали возможности самому непріятелю не только остановиться, но даже прійти въ себя. Съ ихъ стороны выстрѣлы были, сравнительно съ горскими, рѣдки, потому что некогда было заряжать, да и не для чего: бой шелъ на штыкахъ; но со стороны горцевъ пальба была полнѣе и чаще, потому что, отброшенные отъ нижняго уступа, они примыкали къ той свѣжей еще силѣ, которая сидѣла на верхнемъ уступѣ. Несчастнымъ куринцамъ казалось, что и конца не будетъ этимъ уступамъ; боевой кликъ ихъ видимо ослабѣвалъ; ,,ура!'' уже было негромкое, хриплое,—однако они не переставали одушевлять другъ друга, перескакивали черезъ тѣла своихъ убитыхъ и раненыхъ, и поощряемые офицерами, которые собою подавали имъ примѣръ отваги и самоотверженія, старались бѣжать и бѣжать впередъ.

,,Но есть предѣлъ всякой возможности, а въ особенности человѣческимъ силамъ: подбѣжавъ къ шестому уступу, куринцы остановились;—ноги не двигались, дыханье захватило, у многихъ горломъ и носомъ выступила кровь. Непріятель не останавливалъ пальбы и сыпалъ съ шестаго уступа градомъ пуль. Казалось, что первый рядъ долженъ лечь безнаказанно подъ горскими пулями.

,,Однако, судьба рѣшила иначе: въ минуту, когда готовилась куринцамъ злополучная развязка, командиръ роты, капитанъ Чиковани, на груди котораго красовался орденъ св. Владиміра за храбрость, выскочилъ впередъ и крикнулъ: ,,за мною, ребята! Я съ вами''! Этотъ ободряющій крикъ и этотъ примѣръ отваги родили еще одну вспышку угасшей силы солдатъ—и они бросились впередъ за своимъ командиромъ. Пуля въ високъ сразила наповалъ капитана Чиковани, и онъ палъ къ ногамъ своей роты—жертвою за ея спасеніе и залогомъ ея новой славы. Уже не ожесточеніе,

но остервенѣніе охватило всю роту, лишившуюся своего незабвеннаго начальника, столько лѣтъ дѣлившаго съ нею всѣ опасности, всѣ нужды и лишенія: отчаянное ,,ура''! пронеслось по рядамъ ея, и она съ легкостью барса взлетѣла на шестой уступъ, сорвала оттуда непріятеля и на штыкахъ понеслась къ седьмому уступу. Черезъ нѣсколько минутъ пятый баталіонъ былъ на вершинѣ Мескенъ-Дука, а непріятель, разбитый и разстроенный, бѣжалъ во всѣ стороны безъ оглядки''.

При взятіи Мескенъ-Дука, кромѣ офицеровъ, мы имѣли 6-ть убитыхъ и 24-ре раненыхъ нижнихъ чиновъ. Всю тяжесть дѣла вынесли на себѣ сначала 4-й, а потомъ 5-й баталіоны Куринскаго полка; остальные баталіоны отряда шли за ними, какъ за живой стѣной, безъ выстрѣла и потерь. Но съ занятіемъ Мескенъ-Дука опасность не миновала: передъ нами открывался глубокій оврагъ, называемый чортовымъ оврагомъ (Джожа-Гинтъ), за которымъ грозно выглядывалъ аулъ Варанды. Непріятель отступилъ въ эту деревню, черезъ которую пролегала и наша дорога. Мы стали уже готовиться къ новому жаркому дѣлу; но за оврагомъ было какое-то страшное движеніе, не походившее на боевые маневры. Вскорѣ въ отрядѣ услышали призывные крики жителей, которые, безъ оружія, вышли къ оврагу и звали насъ не на бой, а въ гости. Не безъ смущенія и недовѣрія Евдокимовъ двинулъ впередъ флигель-адъютанта полковника Черткова, съ 2-мъ и 4-мъ баталіонами куринцевъ, выстроивъ остальныя войска для поддержки своихъ, еслибы оказалась въ томъ надобность. Къ счастью, жители Варанды предложили намъ искреннее гостепріимство и приняли русское подданство.

Это былъ первый и весьма важный шагъ для дальнѣйшаго умиротворенія населенія шатоевскаго или шубутовскаго наибства.

,,Славное дѣло совершили вновь войска лѣваго крыла, проникнувъ съ ожесточеннымъ боемъ, по едва проходимой мѣстности, въ шубутовское общество'', сказано въ приказѣ по арміи, объявленномъ какъ бы въ отвѣтъ на донесеніе Евдокимова отъ 8-го іюля *).

*) За дѣла съ 1-го по 5-е число куринцамъ пожаловано 22 креста.

Но успѣхъ не отуманилъ головы Евдокимова: онъ остался вѣренъ своей методѣ и тотчасъ по занятіи аула малаго Варанды опять взялся за топоръ, чтобы проложить удобный путь къ базису. 5-го іюля колонна полковника фонъ-Кауфмана перешла въ тылу отряда черезъ Аргунъ и, безпрепятственно занявъ аулъ Зонахъ, лежащій на правомъ берегу Аргуна, начала просѣку къ Ярашъ-Марды, откуда другая колонна полковника Наумова стала прорубаться навстрѣчу первой. 6-го іюля былъ устроенъ мостъ противъ аула Зонаха, затѣмъ приступили къ устройству здѣсь засѣкъ и къ очищенію дороги отъ укрѣпленія Аргунскаго до лагеря у малаго Варанды. До окончанія всѣхъ этихъ работъ, главныя силы Евдокимова должны были оставаться въ лагерѣ, среди всѣхъ окружавшихъ ихъ невзгодъ. Въ этомъ положеніи командующій войсками считалъ нужнымъ обезпечить отрядъ отъ нечаянныхъ нападеній, а потому приказалъ авангарду, подъ командой полковника Баженова, занять впереди лежащій плоскій лѣсистый холмъ, за которымъ открывалась поляна аула большого Варанды.

8-го іюля, въ два часа ночи, полковникъ Баженовъ выступилъ изъ лагеря главныхъ силъ со 2-мъ и 5-мъ баталіонами куринцевъ, 4-мъ баталіономъ тенгинцевъ, 1-мъ баталіономъ бѣлостокцевъ и тремя стрѣлковыми ротами (двѣ 20-го стрѣлковаго баталіона и одна тенгинскаго полка) при четырехъ горныхъ орудіяхъ. Пройдя три версты, тенгинцы, шедшіе въ авангардѣ, подошли къ оврагу, изъ за котораго непріятель открылъ жестокій огонь; остановившись на мгновеніе, наша цѣпь кинулась впередъ и заняла противуположный берегъ. Съ этихъ поръ до вечера здѣсь шла ожесточенная пальба. Тенгинцы и стрѣлки задерживали врага, а куринцы рубили лѣсъ и продѣлывали дорогу. Бой дѣлался съ каждой минутой все жесточе, и чеченцы выказывали такое упорство, какого давно не встрѣчали наши солдаты. Видна была какая-то особенная энергія. Баженовъ держался цѣлый день, потерялъ много людей, но все-таки къ вечеру успѣлъ сохранить за собой позицію, на которой окопался и засѣлъ на ночлегъ.

Колонна Баженова имѣла въ этотъ день 1-го раненаго офицера, 7-мь убитыхъ и 35-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ; но этой

цѣпой она достигла важныхъ успѣховъ, потому что обезпечила лагерь главныхъ силъ отъ полчищъ Шамиля, во множествѣ собравшихся въ большомъ Варанды. Къ вечеру, 2-й баталіонъ Куринскаго полка и 1-й бѣлостокскаго были отозваны въ главныя силы, а въ колонну Баженова пришелъ 4-й баталіонъ куринцевъ, вмѣстѣ съ приказаніемъ Евдокимова—держаться впредь до особаго распоряженія.

Съ этого времени, въ теченіе почти двухъ недѣль чеченскій отрядъ оставался раскинутымъ отъ Соси-Ирзау и Ярашъ-Марды до варандинскаго лагеря, въ четырехъ отдѣльныхъ группахъ: впереди всѣхъ стоялъ авангардъ полковника Баженова, съ 4-мъ и 5-мъ баталіонами куринцевъ; за нимъ, у малаго Варанды—колонна полковника Черткова, со 2-мъ баталіономъ куринцевъ; у Зонаха—колонна фонъ-Кауфмана и у Ярашъ-Марды—колонна Наумова. Всѣ эти части усиленно занимались работами по сооруженію дорогъ и, кромѣ авангарда, изрѣдка перестрѣливались съ противникомъ. Зато, положеніе авангарда было самое ужасное: онъ, послѣ цѣлыхъ дней работъ подъ выстрѣлами, возвращался въ свой лагерь для того, чтобы по цѣлымъ ночамъ стоять подъ ружьемъ, въ ожиданіи нападенія непріятеля. Все время колонна находилась въ положеніи осажденнаго, часто на однихъ сухаряхъ, добывая себѣ даже воду не иначе, какъ подъ прикрытіемъ цѣпей. Всѣ въ отрядѣ называли лагерь Баженова „маленькимъ Севастополемъ“, и это названіе сдѣлалось собственнымъ именемъ этой доморощенной крѣпости, сила которой заключалась не въ засѣкѣ, окружавшей лагерь, а въ геройскомъ духѣ его защитниковъ. Ежедневно большая часть гарнизона выходила на работу просѣкъ къ сторонѣ непріятеля, и ежедневно утомленные солдаты возвращались съ печальной ношей—съ убитыми и ранеными товарищами.

Такъ продолжалось до конца іюля. Куринцы исполняли свою службу, какъ всегда, бодро, молодецки; зато, и начальство смотрѣло на нихъ какъ на несокрушимую силу и держало ихъ на трудныя дѣла. У куринцевъ не было ни того утомленія, которое обнаружилось у сосѣдей, ни той безпечности, которая 21-го числа стоила тенгинцамъ 13-ти изрубленныхъ и 10-ти ра-

ненныхъ стрѣлковъ, 14-ти ружей, да шелками шитаго ротнаго значка *).

Къ концу іюля картина перемѣнилась: мы уже имѣли широкую колесную дорогу изъ варандинскаго лагеря въ Аргунское укрѣпленіе черезъ Зонахъ и Ярашъ-Марды. Въ этихъ мѣстахъ были устроены укрѣпленные этапные пункты; отрядъ нашъ усилился и снабдился всѣмъ необходимымъ для продолженія движеній.

Не то было въ лагерѣ Шамиля. Какъ только онъ узналъ о занятіи нами Соси-Ирзау и Мескенъ-Дука, то сейчасъ оставилъ таузенскую долину, и въ то время, какъ мы отсиживались въ варандинскомъ лагерѣ, онъ явился въ Шатой, собралъ жителей, наэлектризовалъ ихъ своими рѣчами и объявилъ „газаватъ". Вскорѣ къ имаму стеклись пѣшіе и конные со всѣхъ окрестностей; прибыли и тавлинцы съ Кази-Магомою, и Шамиль занялъ крѣпкую позицію у аула большаго Варанды, за оврагомъ Аххъ, въ четырехъ верстахъ впереди „маленькаго Севастополя". Изъ своей крѣпкой позиціи имамъ ежедневно высылалъ партію для нападенія на наши лагери, и не безъ успѣха боролся съ отрядомъ Евдокимова. Но ни организація, ни вооруженіе шамильскихъ воиновъ не давали имъ надежды на успѣхъ въ открытомъ бою. Имамъ выжидалъ нашего движенія, чтобы въ лѣсу, въ оврагахъ и дебряхъ встрѣтить насъ и напомнить старую сухарную экспедицію; но увы! Евдокимовъ не двигался. Между тѣмъ, войско Шамиля чувствовало уже утомленіе, недостатокъ продовольствія и выражало даже ропотъ. Положеніе Шамиля становилось опаснымъ—и вотъ, онъ, чтобъ сохранить престижъ, измѣнилъ свой планъ: онъ рѣшился перебросить свои силы въ Галашки и въ малую Чечню, расчитывая, что этимъ самымъ заставитъ Евдокимова возвратиться на плоскость.

Но расчеты имама не оправдались: во владикавказскомъ округѣ онъ потерпѣлъ пораженіе отъ отряда бывшаго командира Куринскаго полка генерала Мищенко, а Евдокимову открылъ путь къ Шатою.

Съ удаленіемъ Шамиля, на позиціи Аххъ осталось до 5-ти т.

*) „Кавказскій Сборникъ", т. III. стр. 512, 523.

горцевъ, подъ предводительствомъ отважнаго наиба Арслана-Кади. Мѣстные жители, раздраженные уходомъ имама, и считая это измѣной, неохотно повиновались предводителямъ—большею частью пришлымъ тавлинцамъ, и потому избѣгали боя. Тѣмъ не менѣе, наибъ ожидалъ насъ въ укрѣпленной позиціи, описаніе которой мы заимствуемъ изъ донесенія генерала Евдокимова:

,,Непріятельская позиція была весьма сильна. За большимъ варандинскимъ полемъ тянется глубокій оврагъ, сходящій изъ вершины лѣснаго хребта и впадающій въ Аргунъ въ той части теченія, которая тогда еще не была занята нами. Отъ бугровъ, составлявшихъ позицію полковника Баженова, поляна склоняется ко дну оврага довольно крутымъ, но ровнымъ паденіемъ; по другую сторону оврага встаетъ почти отвѣсный хребетъ, котораго сѣверная, обращенная къ намъ, сторона одѣта густымъ орѣшникомъ, такъ что эта позиція представляетъ съ совершенною точностью брустверъ со рвомъ, но только тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какія создаетъ горная природа. Съ нашей стороны подъ оврагомъ лежитъ селеніе большое Варанды. Три дороги ведутъ изъ него на хребетъ: одна прямая, взбираясь почти отвѣсно; другая, которую можно назвать едва протоптанной тропинкой, шла по небольшому отрогу, вокругъ котораго оврагъ обѣгаетъ зигзагомъ; лѣвѣе была дорога, проложенная по склону;—эта послѣдняя была лучшая изъ всѣхъ. По всѣмъ этимъ дорогамъ непріятель устроилъ завалы, но болѣе всего на послѣдней, какъ на самой удобной, такъ что она сдѣлалась непроходимой для насъ. За хребтомъ разстилается сѣдловиной шатоевская долина, одна изъ огромнѣйшихъ, какую можно видѣть въ горахъ, покрытая пашнями и аулами и перерѣзанная русломъ Аргуна, составляющимъ узкую, но отвѣсную пропасть. За Аргуномъ, противъ ауловъ Цаганэ и Вашиндуръ, были устроены горцами сильные завалы''.

Наступленіе представляло двѣ отдѣльныя операціи—взятіе хребта и переходъ черезъ Аргунъ. На штурмъ были назначены двѣ колонны: одна, подъ командой полковника Баженова (5-й Куринскій и 4-й тенгинскій баталіоны) и полковника Черткова (2-й и 4-й баталіоны Куринскаго полка), подъ общимъ руководствомъ генераль-

маіора Кемпферта; остальныя войска составляли резервъ. Дѣло началось съ артилерійскаго боя; благодаря открытому мѣсту, наши орудія стрѣляли хорошо, и снаряды производили большое опустошеніе въ густыхъ толпахъ горцевъ. Не было мѣста, на которомъ могъ бы скрываться обстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ непріятель. Противникъ, не имѣвшій артилеріи, отвѣчалъ на наши выстрѣлы ружейнымъ огнемъ, не приносившимъ намъ никакого вреда. Борьба была неравная, и вскорѣ непріятель долженъ былъ скрыться, такъ что штурмовыя колонны, снявшія, по случаю жары, ранцы и мундиры, и оставшіяся въ однихъ рубахахъ съ ружьями и патронташами, двинулись впередъ лишь для того, чтобы занять безъ боя сильно укрѣпленную непріятельскую позицію.

Теперь оставалась вторая задача—переправа на правый берегъ рѣки. Черезъ Аргунъ существовали два моста: одинъ у аула Вашиндуръ, а другой у Цаганэ. Отступавшій непріятель успѣлъ поджечь первый изъ нихъ и грозилъ тѣмъ же второму. Чтобы предупредить противника, генералъ Евдокимовъ послалъ для занятія моста двѣ стрѣлковыя роты Куринскаго полка, подъ командой маіора Эрнрота, а ракетной командѣ приказалъ открыть огонь по непріятелю, скопившемуся къ мосту съ праваго берега. Молодцы куринцы, съ храбрымъ маіоромъ Эрнротомъ, умудрились кое-какъ исправить полуразрушенный мостъ и поодиночкѣ перебраться на ту сторону рѣки подъ огнемъ непріятеля; главныя силы наши остались на лѣвомъ берегу и могли поддерживать Эрнрота лишь артилерійскимъ огнемъ. Голодные, изнуренные и разстрѣлявшіе почти всѣ патроны, куринцы терпѣливо ожидали поддержки и дождались ея только къ вечеру 1-го августа, когда полковникъ Чертковъ, съ 4-мъ баталіономъ своего полка, перешелъ черезъ наскоро исправленный мостъ.

Такимъ образомъ, куринцы, съ Эрнротомъ, были первыми русскими, занявшими тѣ мѣста, гдѣ вскорѣ было заложено Шатоевское укрѣпленіе. 9-го августа произошла торжественная закладка этого укрѣпленія на мѣстѣ раззореннаго аула Гакко.

Съ перваго дня занятія Шатоя, начались усиленныя работы по проведенію дорогъ къ Зонаху и очищенію окрестностей отъ

партій тавлинцевъ, бродившихъ въ смежныхъ аулахъ. Вскорѣ послѣ того изъ всѣхъ ауловъ стали являться депутаціи, съ заявленіемъ покорности, и произошло нѣчто въ родѣ возстанія противъ приверженцевъ Шамиля. Множество тавлинцевъ было изрублено самими чеченцами, и русскимъ генераламъ пришлось укрощать и успокоивать населеніе, быстро взволновавшееся противъ вчерашняго владыки.

Въ числѣ покорившихся былъ самъ наибъ Батако. Поворотъ въ пользу побѣдителя былъ такъ великъ, что вліятельнѣйшіе люди и вчерашніе слѣпые поклонники Шамиля подняли оружіе на своихъ; составилась милиція изъ туземцевъ, которая сама просилась въ бой противъ защитниковъ имама; съ помощью этой милиціи, занято Итумъ-Кале – мѣстопребываніе чантынскаго наиба, тавлинца Гамзата; самъ наибъ бѣжалъ, его мюриды и племянникъ погибли, а на мѣстѣ наибскаго дома возведено укрѣпленіе Евдокимовское. Вездѣ водворялся порядокъ, и русская администрація, по образцу 1852-го года, вводилась подъ руководствомъ все того же несмѣняемаго начальника чеченскихъ народовъ, почтеннаго полковника Бѣлика. Искавшихъ русскаго подданства и содѣйствія войска было такъ много, что мы не могли поспѣвать на помощь депутатамъ.

Донесеніе обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ Евдокимовъ послалъ съ офицеромъ *) черезъ вновь покоренныя мѣста и Хевсуретію, безъ конвоя—такъ все, казалось, усмирилось и притихло.

,,Воля вашего сіятельства исполнена‘‘, доносилъ Евдокимовъ. ,,Аргунское ущелье, указанное вами, какъ кратчайшій и рѣшительный путь къ покоренію горъ, привело насъ въ два мѣсяца къ исходу, превосходящему самыя смѣлыя ожиданія. Въ настоящій день все горское населеніе между верхнимъ Терекомъ и Шаро-Аргуномъ покорено. Тринадцать горскихъ обществъ **) выдали заложниковъ, приняли отъ насъ правителей.

,,Кругъ вліянія чеченскаго отряда простирается далѣе, чѣмъ онъ можетъ обнять своими наличными силами. Общества, лежащія за Шаро-Аргуномъ, объявляютъ покорность, которую я не могу

*) Капитаномъ Фадѣевымъ. *Ред.*

**) Чанты, Мулкой, Дешни, Джумсой, Чужнакой, Терло, Хочарой, Хельдирой, Чахой, Намахъ, Маисты, Шатой и Чаберлой. *Ред.*

еще покуда принять, потому что не имѣю возможности растянуть войска свои настолько, чтобы дать помощь, какою долженъ пользоваться всякій, вступающій подъ высокую руку русскаго Государя" *).

Послѣ этихъ блестящихъ результатовъ, чеченскій отрядъ постепенно уменьшался и, наконецъ, водворивъ навагинцевъ въ Шатоѣ, уѣхалъ и самъ Евдокимовъ—навстрѣчу именитымъ Гостямъ, Великимъ Князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу. Войска были сгруппированы для конвоированія Ихъ Высочествъ по пути изъ Хасавъ-Юрта черезъ Шали и Воздвиженскую въ Шатой. Курипцы ожидали своего будущаго Главнокомандующаго, 26-го сентября, на Джалкѣ; но неожиданно маршрутъ былъ измѣненъ, и куринцы (2-й, 4-й и 5-й баталіоны) имѣли счастье встрѣтить Августѣйшихъ Гостей въ крѣпости Воздвиженской и въ укр. Аргунскомъ, откуда стрѣлки наши сопровождали поѣздъ почти до Шатоя **).

6-го октября Ихъ Высочества возвратились изъ Шатоя въ Воздвиженскую и черезъ малую Чечню отбыли во Владикавказъ.

---

*) На донесеніи главнокомандующаго о пораженіи Шамиля и завладѣніи Шатоемъ, Государь Императоръ соизволилъ начертать: *„весьма важный результатъ. Генералъ-лейтенанту Евдокимову и генералъ-маіору Мищенко объявить благодарность, а нижнимъ чинамъ обоихъ отрядовъ выдать по одному рублю"*.

**) Въ приказѣ по полку отъ 15-го октября, командиръ полка объявилъ: „Ихъ Императорскія Высочества остались совершенно довольными, какъ почетнымъ карауломъ, представленнымъ Ихъ Высочествамъ въ крѣпости Воздвиженской, такъ и прочими частями полка, осмотрѣнными Великими Князьями на пути Ихъ слѣдованія. Ихъ Высочества изволили пожаловать унтеръ-офицерамъ почетнаго караула по 1-му руб., рядовымъ по 50 копѣекъ, ординарцу и вѣстовому три и два рубля, хору музыкантовъ и баталіонному хору при караулѣ 50 р. и нижнимъ чинамъ всего полка по чаркѣ водки и по мясной порціи. Объявляя съ радостью благодарность Ихъ Императорскихъ Высочествъ всѣмъ чинамъ ввѣреннаго мнѣ полка, я, съ своей стороны, душевно благодарю гг. штабъ и оберъ-офицеровъ за труды ихъ къ представленію частей въ лучшемъ видѣ и помощь, оказанную мнѣ въ пріемѣ Высокихъ Гостей въ крѣпости Воздвиженской. Я счастливъ передать полку лестную благодарность, выраженную мнѣ Ихъ Высочествами, заслуженную и принадлежащую исключительно моимъ храбрымъ сослуживцамъ".

Здѣсь же кстати замѣтимъ, что, по волѣ Ихъ Высочествъ, изъ Воздвиженской былъ посланъ, съ письмами въ Петербургъ, полковой адъютантъ прапорщикъ Чернявскій.

XXII.

Зимняя экспедиція 1858—1859 гг. Занятіе ущелья р. Басса. Атака Бассымъ-Берды. Занятіе Таузена и Алистанжи. Движеніе къ Ведено. Молодецкій штурмъ куринцами гамердукскихъ высотъ. Закладка будущей штабъ-квартиры Куринскаго полка. Осада и штурмъ Ведено. Награды и приказы.

Въ 1859-мъ году русскія войска взяли резиденцію Шамиля—аулъ Ведено, и затѣмъ плѣнили и самаго имама на Гунибѣ. Эти важныя для кавказской арміи событія случились такъ быстро и неожиданно, что въ 1858-мъ году никто не могъ мечтать о такихъ успѣхахъ; по этому и неудивительно, что въ обычныхъ предположеніяхъ кавказскаго начальства на 1859-й годъ не упоминается именъ ни Ведено, ни Гуниба. Однако, мысль о движеніи въ сердце владѣній Шамиля высказана въ предположеніи, утвержденномъ Государемъ Императоромъ.

Предполагалось движеніе это совершить со стороны Буртуная, почти потому же пути, по которому шелъ князь Воронцовъ въ 1845-мъ году. Рѣшено было стянуть въ Салатавію дагестанскій и значительную часть чеченскаго отряда, а остальныя силы лѣваго крыла должны были содѣйствовать общей цѣли, демонстраціями со стороны Аргуна. Такимъ образомъ, въ 1859-мъ году чеченскому отряду предназначалась роль второстепенная.

Къ исполненію этой программы приступили войска зимой 1858-го года; но, какъ увидимъ ниже, неожиданные успѣхи генерала Евдокимова настолько измѣнили обстановку, что чеченскій отрядъ изъ второстепеннаго сдѣлался первостепеннымъ, и операціонная линія главныхъ силъ была избрана со стороны большой Чечни.

Въ концѣ ноября 1858-го года, когда вниманіе начальства лѣваго крыла было поглощено событіями въ владикавказскомъ округѣ, Шамиль какъ бы встрепенулся и выступилъ съ новыми надеждами. Онъ объявилъ поголовный сборъ своихъ войскъ, распространяя слухи, что новый султанъ турецкій выслалъ ему на помощь цѣлую армію для борьбы за угнетенныхъ мусульманъ, и что

само небо послало знаменіе, въ видѣ кометы, предвѣщающей скорую побѣду. Старый имамъ еще разъ пустилъ въ ходъ свою неистощимую энергію, и самъ явился во главѣ многолюднаго ополченія въ Маюртупъ, а Кази-Магому, съ другою значительною партіею, поставилъ въ ущельи Басса. Угрожая этими маневрами большой Чечнѣ, имамъ приказалъ сдѣлать поголовный сборъ и въ аргунскомъ ущельи. Весь этотъ шумъ происходилъ для отвлеченія нашихъ силъ отъ владикавказскаго округа и особенно отъ Дагестана, откуда предполагалось движеніе въ Андію. Простоявъ двѣ недѣли въ Маюртупѣ, и не видя передвиженія въ русскихъ войскахъ, Шамиль приказалъ партіямъ, собраннымъ на Шаро-Аргунѣ, отрѣзать сообщеніе между укрѣпленіями Евдокимовскимъ и Шатоевскимъ. Но и эта попытка, узнанная заранѣе, не удалась имаму. По приказанію Евдокимова, семь ротъ куринцевъ, подъ предводительствомъ самого командира полка полковника Черткова, форсированно двинулись 11-го декабря по дорогѣ въ Евдокимовское, и непріятель, видя планъ свой разгаданнымъ, не посмѣлъ двинуться для исполненія своего предначертанія.

Тѣмъ временемъ, и галашевскій отрядъ окончилъ свою работу. Теперь Евдокимовъ могъ свободно сосредоточить свои войска противъ Шамиля, и 20-го декабря они уже были въ сборѣ на Аргунѣ: въ Бердыкелѣ стояли 5¾ баталіоновъ, 2 эскадрона драгунъ, 11-ть сотенъ казаковъ и 18-ть орудій, а въ кр. Воздвиженской—6-ть баталіоновъ, 3 сотни казаковъ, 1 сотня милиціи и 10-ть орудій.

Евдокимовъ имѣлъ цѣлью занять ущелье Басса и, такимъ образомъ, отрѣзать отъ вліянія Шамиля басейнъ Аргуна.

Предвидя большія затрудненія при форсированіи дефиле Басса, гдѣ значительныя силы Кази-Магомы укрѣпили входъ въ ущелье, и пользуясь многочисленностью своего отряда, Евдокимовъ прибѣгнулъ къ своему любимому маневру—обходу непріятеля. Съ этою цѣлью, онъ снарядилъ особую колонну изъ 4½ баталіоновъ, съ милиціею и 6-ю горными орудіями, и начальнику этой обходной колонны, полковнику Баженову, приказалъ—за два часа до разсвѣта, 21-го декабря, двинуться черезъ укрѣпленіе Аргунское и раззорен-

ный аулъ Дутенъ къ южному выходу басскаго ущелья. Въ колоннѣ Баженова были, между другими, $1^1/_2$ баталіона куринцевъ.

Остальныя войска чеченскаго отряда были двинуты того же числа на Бассъ, причемъ ихъ авангардъ, подъ предводительствомъ флигель-адъютанта полковника Черткова, долженъ былъ выступить изъ Воздвиженской, а главныя силы, подъ начальствомъ генерала Кемпферта—изъ Бердыкеля. Въ то же время кумыкскому отряду князя Мирскаго приказано было тревожить Шамиля со стороны Мичика.

Полковникъ Чертковъ, съ $1^1/_2$ баталіономъ куринцевъ и 4 орудіями, выступилъ одновременно съ полковникомъ Баженовымъ, и присоединивъ къ своимъ войскамъ на шалинской просѣкѣ два баталіона виленцевъ, двѣ роты 20-го стрѣлковаго баталіона и 4 орудія, пошелъ на Бассъ и къ 11-ти часамъ подошелъ въ Бассымъ-Берды. Не ожидая никакихъ подкрѣпленій, полковникъ Чертковъ открылъ огонь по непріятелю и черезъ короткое время приказалъ куринцамъ штурмовать его позицію. Сказано—сдѣлано: куринцы быстро двинулись впередъ, и непріятель, сдѣлавъ одинъ залпъ, бѣжалъ; оказалось, что одновременно съ появленіемъ колонны Черткова, и Баженовъ показался въ тылу Бассымъ-Берды, и однимъ своимъ появленіемъ заставилъ непріятеля очистить позицію. Куринцы имѣли только трехъ раненыхъ, командиръ же полка былъ легко контуженъ.

Съ очищеніемъ Бассымъ-Берды, непріятель перевелъ всѣ свои силы на правый берегъ Басса, и мы остались хозяевами лѣваго берега этой рѣки. Успѣхъ нашъ повлекъ за собою переселеніе жителей лѣваго берега рѣки въ наши предѣлы—а это былъ прекрасный примѣръ для другихъ ауловъ.

На ночлегъ собрался весь чеченскій отрядъ, и огромный бивакъ раскинулся на берегу Басса. Здѣсь были всѣ три баталіона куринцевъ,

Но говоря объ успѣхѣ колонны Черткова, справедливо упомянуть и о колоннѣ Баженова, который, строго преслѣдуя свою цѣль—проникнуть въ басское ущелье ко времени прихода Черткова, блистательно исполнилъ эту задачу; при этомъ, колонна хотя и

не встрѣчала непріятеля, но зато, на большомъ переходѣ понесла много труда, идя по отвратительной дорогѣ, въ грязи и лѣсной чащѣ. По пути, къ Баженову явилось съ покорной головой нѣсколько семей, во главѣ которыхъ былъ наибъ Дуба.

Расположившись на Бассѣ, Евдокимовъ прежде всего принялся за рубку лѣса и проложеніе просѣки, какъ вверхъ по Бассу, такъ и по направленію къ Воздвиженской. Эти работы продолжались до 31-го декабря. Во все это время непріятель не переставалъ безпокоить насъ. Ежедневно онъ вывозилъ орудія противъ нашихъ рабочихъ колоннъ, усердно стрѣлялъ по нимъ и, не будучи въ силахъ состязаться съ нашей артилеріей, уходилъ восвояси, не нанося намъ никакого вреда. Тѣмъ временемъ, къ отряду прибывали новыя силы, и работа быстро двигалась впередъ. Къ новому году чеченскій отрядъ окончилъ дороги съ одной стороны до крѣпости Воздвиженской, а съ другой до аула Агашты, лежащаго у южнаго выхода басскаго ущелья; вмѣстѣ съ этимъ, быстро заселялся новыми подданными русскаго Царя и аулъ новая Атага (близь Воздвиженской). Исполнивъ все это, Евдокимовъ устроилъ въ Бассымъ-Берды вагенбургъ, обнесъ его засѣкой и, оставивъ въ немъ обозъ, почти всю кавалерію и тяжелыя орудія, самъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу Басса. Движеніе было почти безпрепятственное; пройдя нѣсколько верстъ, намъ пришлось попасть подъ выстрѣлы непріятельскаго укрѣпленія, стоявшаго на правомъ берегу рѣки. Для обезпеченія движенія, Евдокимовъ перевелъ куринцевъ на правый берегъ рѣки, а Чертковъ, обойдя позицію непріятеля, выбилъ его штыками изъ укрѣпленія и тѣмъ открылъ безопасный путь главной колоннѣ; при этомъ, у куринцевъ былъ раненъ одинъ офицеръ и 7-мь нижнихъ чиновъ. Главныя силы русскаго отряда остановились близь аула Агашты и уже готовились къ атакѣ этого аула, какъ непріятель, не надѣясь на себя, зажегъ сакли и отступилъ къ передовому укрѣпленію таузенской позиціи.

Новый годъ былъ встрѣченъ въ аулѣ Агашты, въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшимъ труднымъ работамъ. Чтобы сколько нибудь ознакомиться съ мѣстностью, Евдокимовъ сдѣлалъ рекогнос-

цировку вверхъ по Бассу, но увы! сразу попалъ въ такую трущобу вѣковаго лѣса, что возвратился въ лагерь и порѣшилъ не измѣнять своей старой системѣ, и обратился къ помощи топора. Опять пошла рубка лѣса; успѣху дѣла не мало содѣйствовала колонна командира кабардинскаго полка, полковника князя Святополкъ-Мирскаго, который прибытіемъ своимъ увеличилъ отрядъ на 6-ть баталіоновъ.

Къ 14-то января просѣка была настолько широка и удовлетворительна, что чеченскій отрядъ могъ безпрепятственно двигаться навстрѣчу непріятеля. Предстояло атаковать таузенскую позицію.

За хребтомъ Черныхъ горъ, идущимъ отъ аргунскихъ воротъ къ востоку, къ нынѣшнему укрѣпленію Эрсеной, и означеннымъ на нашей пятиверстной картѣ подъ названіемъ Мяихъ-басса, тянется параллельно ему другой хребетъ, который, начинаясь близъ устья Шаро-Аргуна горой Даргинъ-Дукъ, проходитъ къ востоку, къ нагорной равнинѣ, къ югу отъ Ведено. Хребетъ этотъ называется Пшехой-Лама. Между этими двумя хребтами остается поперечная и населенная долина, называемая по имени большаго аула—таузенскою. Здѣсь проходитъ лучшая дорога отъ Аргуна на Ведено, и сама долина оканчивается площадкой у этого грознаго аула. Вершины Пшехой-Лама уже находятся въ полосѣ альпійскихъ луговъ и рѣзко отличаются своими лысинами отъ передняго лѣсистаго хребта, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ горъ. Поперегъ таузенской долины проходитъ и рѣка Бассъ, берущая начало на Пшехой-Ламѣ. Очевидное дѣло, что, съ занятіемъ аргунскаго ущелья, таузенская дорога пріобрѣтала стратегическое значеніе, какъ лучшій путь къ серединѣ Ичкеріи и къ самому Ведено. Шамиль должнымъ образомъ оцѣнилъ эту дорогу и потому, вслѣдъ за появленіемъ нашихъ войскъ въ аргунскомъ ущельи, обратилъ на нее особенное вниманіе. Центромъ обороны, естественнымъ образомъ, дѣлался аулъ Таузенъ, какъ узелъ дорогъ и главная позиція; Даргинъ-Дукъ и мѣсто выхода изъ ущелья Басса—служили Таузену вспомогательными передовыми позиціями.

Такая оцѣнка мѣстности безупречна: выбранная Шамилемъ позиція могла выдержать самую строгую критику. Подготовка этой

позиціи въ фортификаціонномъ отношеніи тоже достойна вниманія: центральный пунктъ Таузенъ былъ укрѣпленъ засѣками и земляными валами; на Даргинъ-Дукѣ возведенъ редутъ, а входъ въ ущелье Басса, и безъ того весьма сильный, былъ изрытъ пятью рядами заваловъ и увѣнчанъ редутами на возвышенностяхъ, лежавшихъ на обоихъ флангахъ дефиле.

На этой укрѣпленной позиціи, организованное войско, имѣющее понятіе о маневрированіи въ европейскомъ смыслѣ, могло бы задержать много разъ превосходящаго въ силахъ непріятеля и нанести ему огромную потерю; но, къ нашему счастью, въ этотъ разъ Шамиль, какъ полководецъ, оказался ниже всякой критики, а его войско показало себя и неискуснымъ, и даже не храбрымъ: оно, не смотря на свою многочисленность (официальные источники считаютъ 12,000) не только не задержало движенія Евдокимова, но и уступило намъ, какъ увидимъ, всѣ позиціи, не причинивъ при этомъ атакующимъ ни малѣйшаго вреда.

Евдокимовъ, не ожидая такого благополучія, а, напротивъ того, расчитывая на самое сильное сопротивленіе Шамиля ,,у порога собственнаго его дома'', съ свойственною ему всегда осторожностью, подошелъ къ непріятелю и, убѣдившись, что всѣ силы его защищаютъ выходъ изъ ущелья Басса, произвелъ весьма сложный тактическій маневръ: прежде всего онъ отрядилъ особую обходную колонну изъ 6-ти баталіоновъ, 6-ти орудій и двухсотъ казаковъ и направилъ ее, подъ командой полковника Баженова, черезъ хуторъ Хочарой и подошву Даргинъ-Дука въ тылъ заваловъ. Въ этой колоннѣ состоялъ 2-й баталіонъ Куринскаго полка маіора Шидловскаго.

Оставивъ у селенія Агашты два баталіона, остальныя силы главнаго отряда Евдокимовъ двинулъ вверхъ по ущелью, причемъ, начальнику этой колонны, генералу Кемпферту, приказано было не начинать атаки до появленія колонны Баженова. Въ свою очередь, Кемпфертъ распорядился такъ: 1) главныя силы, подъ своей командой, онъ повелъ по лѣвому берегу Басса, по жительской тропѣ; въ этой колоннѣ было 6-ть баталіоновъ, 4-ре стрѣлковыя роты и 8-мь орудій (въ составѣ этой колонны былъ 5-й баталіонъ Куринскаго полка маіора Юргенсона); 2) правой цѣпи, подъ командой полков-

ника Наумова, приказано было идти по хребту горы противъ лѣваго фланга непріятеля,—здѣсь было $2^{1}/_{2}$ баталіона и два орудія; 3) лѣвой цѣпи, подъ командой флигель-адъютанта полковника Черткова, приказано было идти по долинѣ праваго берега Басса,—въ этой цѣпи было два баталіона (3-й баталіонъ ряжскаго полка и 1-й Куринскаго полка подполковника Добржанскаго). 4) Кромѣ этихъ колоннъ, была сформирована еще отдѣльная изъ 2-хъ баталіоновъ и 2-хъ орудій, подъ командой кабардинскаго полка полковника Иверсена; колонна эта была направлена по хребту праваго берега рѣки, въ обходъ праваго фланга непріятеля, съ цѣлью дѣйствовать, въ случаѣ отступленія противника, на аулъ Таузенъ. Такимъ образомъ, Евдокимовъ располагалъ $21^{1}/_{2}$ баталіономъ, 18-ю орудіями и двумя сотнями кавалеріи.

Отойдя двѣ съ половиной версты отъ аула Агашты, колонна Кемпферта была встрѣчена огнемъ изъ за заваловъ. Передъ нами открылась непріятельская позиція, состоящая изъ нѣсколькихъ заваловъ, имѣвшихъ на флангахъ отвѣсныя скалы; поперегъ же рѣки на 60-тъ саженей тянулась бревенчатая стѣна. Колонна Кемпферта остановилась и открыла огонь изъ орудій; въ то же время затрещала пальба и въ цѣпяхъ. Наши войска, въ ожиданіи обходной колонны, ограничивались пока перестрѣлкой. Такъ прошло два часа, а колонна Баженова все не показывалась. Всѣми стало овладѣвать сначала нетерпѣніе, а затѣмъ и опасеніе за судьбу обходной колонны; но, къ счастью, вскорѣ у непріятеля обнаружилась суета, а за нею бѣготня отъ одного фланга къ другому: ясно было, что Шамиль видѣлъ подходившаго Баженова. Кемпфертъ воспользовался этимъ и двинулся въ атаку; горцы, сдѣлавъ залпъ, очистили передніе завалы. Въ это время навагинцы заняли лѣвый редутъ, и непріятель обратился въ безпорядочное бѣгство, нигдѣ не оказавъ намъ сопротивленія. Такимъ образомъ, сильная непріятельская позиція осталась въ нашихъ рукахъ. Непріятель бѣжалъ въ Таузенъ, но видя у себя на плечахъ преслѣдовавшихъ съ фронта, а также и подходившіе съ тыла баталіоны колонны Баженова, бросилъ Таузенъ и въ полномъ безпорядкѣ направился въ лѣсъ. Не имѣя кавалеріи, мы не могли преслѣдовать, и сильныя непріятельскія по-

зиціи были заняты нами исключительно благодаря искусному маневрированію войскъ, и особенно колонны полковника Баженова. Почти 15000-й отрядъ имѣлъ всего нѣсколько контуженыхъ.

Но успѣхъ дѣла не измѣряется одними потерями; для оцѣнки его нужно имѣть въ виду искусство и трудъ, и въ этомъ отношеніи достойно полнаго вниманія движеніе колонны Баженова, во главѣ которой шли куринцы. Эта колонна двинулась изъ Агашты въ полночь съ 14-го на 15-е января. Двигаясь безъ дорогъ, мѣстами въ грязи, а мѣстами по поясъ въ рыхломъ снѣгу, колонна дошла безъ особеннаго затрудненія до Хочароя; но отсюда пришлось бороться съ страшными препятствіями: безпрестанные спуски въ трущобы, гдѣ лошади сползали на крупахъ, и крутые подъемы съ ползучимъ глинистымъ грунтомъ, гдѣ орудія вытаскивались на людяхъ, смѣняли другъ друга. А впереди лежалъ большой переходъ. Не смотря на всѣ неудобства, колонна бодро шла къ цѣли и, проникнутая важностью задачи, нигдѣ не отдыхала, чтобы вовремя поспѣть по назначенію. Утомленіе и голодъ вскорѣ уступили мѣсто полному безсилію, а солдаты все шли да шли, не теряя ни связи, ни боевой готовности. Можно сказать смѣло, что задача Баженова, по трудности исполненія, стоила цѣлаго большаго сраженія, и хотя она дала намъ якобы безкровную побѣду, но, Богъ вѣсть, сколько организмовъ она подкосила навсегда, и сколько жертвъ мы принесли въ этотъ переходъ неумолимому богу войны. Восторженный пріемъ товарищей остался наградой баталіонамъ, бывшимъ въ колоннѣ Баженова.

Взятіе Таузена превзошло наши надежды; явился поводъ къ новымъ планамъ, не входившимъ въ предположенія на 1859-й годъ. Мы стояли въ 10-ти верстахъ отъ резиденціи Шамиля и при этомъ были сильны и средствами, и духомъ, а Шамиль безпомощенъ и унылъ. Весь отрядъ, какъ одинъ человѣкъ, думалъ о резиденціи имама, и только одинъ Евдокимовъ не торопился: онъ, съ обычнымъ хладнокровіемъ, прежде всего принялся за топоръ, чтобы расчистить дорогу къ Шали, устроить въ Таузенѣ этапный пунктъ,—и затѣмъ только двинуться въ Ведено. Къ 26-му января мы уже имѣли колесную дорогу въ Бассымъ-Берды и таузенское укрѣпленіе, вмѣ-

щавшее въ себѣ 1 баталіонъ и 4 орудія. Затѣмъ, 27-го января отрядъ занялъ аулъ Алистанжи и опять остановился, чтобы рубить лѣсъ и дѣлать дорогу.

Непріятель нигдѣ не тревожилъ насъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ отъ лазутчиковъ, было извѣстно, что Шамиль, съ 6 т. пѣхоты и кавалеріи, при 6-ти орудіяхъ, отступилъ къ Ведено, оставивъ для наблюденія за отрядомъ партію въ 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ наиба Эдиля. Эта партія занимала завалы за алистанжинскимъ оврагомъ, не доходя семи верстъ до Ведено. Очевидно было, что Шамиль уже не думалъ встрѣчать насъ въ открытомъ полѣ: онъ ждалъ насъ въ своей столицѣ. Самъ Евдокимовъ былъ увѣренъ въ этомъ, и тѣмъ настоятельнѣе ему казалась необходимость обезпечить свой коммуникаціонный путь черезъ басское ущелье и сдѣлать всѣ распоряженія для снабженія своего отряда. 5-го февраля мы заняли Алистанжи и, отдохнувъ здѣсь, 7-го числа двинулись къ Ведено.

На этомъ послѣднемъ переходѣ къ резиденціи Шамиля, чеченскому отряду предстояло идти сначала по густому лѣсу, затѣмъ перейти два значительныхъ оврага—алистанжинскій и аджи-акхскій и, наконецъ, черезъ всхолмленную глинистую и частью открытую мѣстность, спуститься къ лѣвому притоку Хулхулау, за которымъ уже лежалъ самый аулъ. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся отъ лазутчиковъ, алистанжинскій оврагъ былъ обороняемъ партіей наиба Эдиля, который сидѣлъ за завалами, преграждавшими дорогу; но одного приближенія войскъ нашихъ, заходившихъ Эдилю во флангъ, было достаточно, чтобы непріятель очистилъ позицію,—и 7-го числа чеченскій отрядъ безпрепятственно спустился въ Ведено.

Здѣсь будетъ не безполезно дать описаніе окрестностей резиденціи Шамиля—аула Ведено. Рѣка Хулхулау, берущая начало на андійскомъ хребтѣ, у того самаго мѣста, гдѣ куринцы перевалили его во время даргинскаго похода въ 1845-мъ году, верстахъ въ 15-ти отъ истоковъ прорѣзываетъ у горы Ляпи-Кортъ хребетъ горы, идущей отъ извѣстнаго намъ Даргинъ-Дука, и образуетъ здѣсь хорачаевское дефиле. За ауломъ Хорачай, гребень горъ поворачиваетъ къ юго-западу и, подъ именемъ Декчи-Дука, образуетъ пра-

вый высокій берегъ Хулхулау. Въ двѣнадцати верстахъ ниже аула Хорачай, въ Хулхулау впадаетъ небольшой потокъ, извѣстный у насъ подъ именемъ лѣваго истока Хулхулау. Этотъ потокъ выходитъ изъ водомоинъ горы Ляпи-Кортъ и течетъ также, какъ и правый истокъ, въ крутыхъ берегахъ по известковому ложу. Между обоими истоками остается такъ называемая веденская поляна—ровная, безлѣсная площадь, видимо образовавшаяся изъ наносовъ третичнаго происхожденія; грунтъ известковый—мергель. Эта равнина представляетъ собой съ весны превосходный зеленый коверъ тучнаго луга, разостланный природой, какъ бы для контраста съ окружающею лѣсистою мѣстностью, изрѣзанною множествомъ холмовъ, овраговъ и водомоинъ, въ которыхъ обнажены разноцвѣтные пласты то красной, то желтой глины. Къ юго-востоку, черезъ Дckчи-Дукъ, виднѣется знаменитый даргинскій лѣсъ, а къ западу—таузенская долина. Всѣ эти горы и холмы окружаютъ веденскую поляну съ трехъ сторонъ высокими стѣнами, и только къ сѣверу, гдѣ-то вдали, виднѣется покрытая вѣчной мглой большая Чечня. Сама веденская поляна въ юго-западномъ углу образуетъ двѣ ступени, изъ коихъ на нижней, сравнительно небольшой, былъ старый аулъ Ведено—резиденція имама. Аулъ лежалъ у самаго подножья лѣсистаго контрфорса Ляпи-Корта. На верхней большой террасѣ, тоже у подножья горъ, на правомъ берегу праваго Хулхулау, раскинутъ аулъ Дышны-Ведень, а къ сѣверу отъ него, надъ кручей праваго берега лѣваго Хулхулау—гдѣ нынѣ русское укрѣпленіе—аулъ Джантемиръ-Юртъ. Оба истока Хулхулау проходимы въ бродъ во всякое время года.

После отдыха войскъ и всѣхъ приготовленій къ движенію, генералъ-лейтенантъ Евдокимовъ рѣшился выступить въ Ведено. 7-го февраля, оставивъ въ Алистанжи одинъ баталіонъ съ 4-мя батарейными и 2-мя легкими орудіями, чеченскій отрядъ двинулся впередъ, имѣя въ рядахъ 19½ баталіоновъ, 14-ть горныхъ орудій, 2 полупуд. мортиры, 6-ть сотенъ казаковъ и три сотни милиціи. Изъ этого числа, 5½ баталіоновъ, съ 6-ю горными орудіями и частью кавалеріи, подъ командой полковника Баженова, выступили вечеромъ, 6-го числа. Колонна эта имѣла назначеніемъ выбить пар-

тію Эдиля изъ алистанжинскаго оврага 'и, обходомъ по хребту Ляни-Кортъ, явиться въ тылъ Ведено, для того, чтобъ, угрожая непріятельской главной позиціи, заставить передовые отряды Шамиля очистить путь главнымъ силамъ. Баженовъ безпрепятственно исполнилъ свою тяжелую задачу и появленіемъ своимъ заставилъ Шамиля сосредоточить всѣ силы къ Ведено, такъ что главная колонна Евдокимова, двинувшаяся 7-го числа, не встрѣтила на пути ни одного выстрѣла. Въ общемъ движеніи, 1-й, 4-й и 5-й баталіоны куринцевъ, съ 2-мя горными орудіями, составляли особый эшелонъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Черткова.

Авангардъ Евдокимова занялъ Джантемиръ-Юртъ къ 11-ти часамъ утра, хвостъ же колонны, по словамъ донесенія, подошелъ лишь въ два часа ночи. Судя по разсказу одного куринца *), участника дѣла, наши баталіоны, подойдя къ лѣвому берегу Хулхулау, были остановлены, и только, когда Евдокимовъ замѣтилъ на Ляни-Кортѣ колонну Баженова, куринцы получили приказаніе присоединиться къ главнымъ силамъ у Джантемиръ-Юрта.

7-го же числа Евдокимовъ выѣхалъ на рекогносцировку непріятельской позиціи, но былъ встрѣченъ огнемъ изъ ружей и пушекъ, какъ съ главной позиціи, такъ и съ горы Гамеръ-Дукъ *). Оказалось, что Шамиль занялъ эту гору сильнымъ отрядомъ Даніель-Султана и тѣмъ самымъ прикрылъ сообщеніе Ведено съ Дарго. Кромѣ того, послѣ рекогносцировки Евдокимова, Шамиль еще усилилъ Гамеръ-Дукъ, и самъ перенесъ свою квартиру изъ Ведено въ эту сторону, въ аулъ Эрсеной, поручивъ оборону Ведено Кази-Магомѣ. Все это указывало на стратегическую важность Гамеръ-Дука, а такъ какъ отсюда непріятель могъ обстрѣливать фланговымъ огнемъ подступы къ Веденю, то и тактическое значеніе его, съ занятіемъ нами Джантемиръ-Юрта, было очевидно. Все это вмѣстѣ указало Евдокимову на необходимость отнять Гамеръ-Дукъ у непріятеля. 8-го февраля, въ то время, какъ большая часть отряда

---

*) „Кавказскій Сборникъ", т. IV-й, страница 59-я, „Изъ боевыхъ воспоминаній" И. П.

**) Высшая точка хребта Декчи-Дука.

разработывала дорогу отъ новаго лагеря къ Алистанжи—для чего была притянута и колонна Баженова—начальникъ отряда поручилъ штурмъ Гамеръ-Дука командиру Куринскаго полка полковнику Черткову.

Геройская атака Гамеръ-Дука, долго составлявшая предметъ разговоровъ для цѣлаго отряда, описана, независимо отъ донесенія Евдокимова, въ ,,Воспоминаніяхъ" куринца И. П. и въ статьѣ г. Волконскаго ,,Окончательное покореніе восточнаго Кавказа" *).

И. П. излагаетъ ходъ дѣла слѣдующимъ образомъ:

,,Деки-чу-Дукъ, высшей точкой котораго служитъ Гамеръ-Кортъ, съ востока на западъ тянется верстъ 6—7, представляя склоны съ сѣвера и юга поросшіе лѣсомъ; вышину его можно опредѣлить футовъ въ 1700, съ покатостью до 40°. Съ южной стороны наша позиція отдѣляется отъ веденской поляны глубокимъ оврагомъ, съ обрывистыми берегами, въ которыхъ протекаетъ небольшая рѣчка Хулхулау (правый притокъ); ширина оврага футовъ 200. Гамеръ-Кортъ, будучи по правую сторону Хулхулау, совершенно командуетъ лѣвымъ ея берегомъ, переходящимъ въ равнину, на которой расположена была наша колонна, менѣе, чѣмъ въ разстояніи непріятельскаго орудійнаго выстрѣла. Однимъ словомъ, для гамеръ-кортскихъ выстрѣловъ служили мишенью мы—хотя, тѣмъ не менѣе, испытывали то же ощущеніе и другія колонны—отъ 4-хъ орудій, поставленныхъ Шамилемъ въ аулѣ Ведено и въ устроенныхъ имъ редутахъ. Но какъ бы то ни было, каждый заботился о себѣ, и мы все свое вниманіе обратили въ сторону Гамеръ-Корта, гдѣ была устроена батарея Шамиля.

,,Часовъ въ 9-ть утра, мы замѣтили командира нашего, полковника Черткова, направлявшагося къ намъ отъ генерала Евдокимова. Мы обрадовались случаю—какъ видѣть около себя близко нашего любимца, такъ и потому, что, съ приходомъ его, положеніе

*) Мы здѣсь приводимъ, какъ матеріалъ для оцѣнки знаменитаго для куринцевъ дѣла, выписки изъ обѣихъ статей, помѣщенныхъ въ IV т. ,,Кавказскаго Сборника", оговариваясь, между прочимъ, что авторъ одной изъ нихъ можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи къ родному полку.

наше измѣнится,—и не ошиблись въ этомъ, какъ и всегда. ,,4-й и 5-й баталіоны, въ ружье"! раздалась команда нашего отца-командира. Но мы были уже готовы и сообразили, что ожидаетъ насъ. Кровь закипѣла, забились сердца чаще, мы перестали принадлежать себѣ... ,,Съ Богомъ, на штурмъ Гамеръ-Корта! Будьте молодцами"! слышалось намъ вслѣдъ—и мы, какъ бѣшеные, мчались уже къ обрыву. Пробѣгая поляну на разстояніи версты, мы видѣли, какъ навстрѣчу намъ спускалась непріятельская пѣхота и, расположившись на полугорѣ, за деревьями, выжидала насъ. Надъ головами нашими просвистѣла картечь,—мы были на днѣ рѣчки и рвались на штурмъ. Минута была рѣшительная, моментъ дорогъ! Непріятельскія винтовки цѣлили вѣрно шаговъ на 150—200, раздѣлявшихъ насъ. Два нашихъ залпа остановили натискъ противника; глубина оврага, скрывшая насъ отъ оставшихся въ лагерѣ на позиціи, была полна пороховаго дыма, рѣзавшаго намъ глаза; надъ нами—темно; мы ничего не видѣли кругомъ и съ крикомъ ,,ура"! рванулись впередъ... Непоколебимость солдатъ нашихъ изумительна: помня командирское слово, они, дѣйствительно, были молодцами: черезъ 10-ть минутъ, на Гамеръ-Кортѣ мы стали твердою ногою. Заиграли горнисты, запѣли пѣсенники, мы вздохнули—и глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: въ перспективѣ виднѣлись горы и горы; направо, верстахъ въ шести—аулъ Эрсеной; налѣво, верстъ 5-ть, разстилался въ полугорѣ аулъ Агшпатой; на вершинѣ Эрсеной-Корта—самъ Шамиль, окруженный небольшою толпою приближенныхъ. Партія разсѣялась; орудій нѣтъ, не видно, хотя мы и зорко присматривались къ нимъ. Въ общемъ же, колоритъ, поистинѣ, былъ жалкій, возбуждавшій скорѣе сожалѣніе, чѣмъ восторгъ. Флигель-адъютантъ полковникъ Чертковъ, тутъ же, на мѣстѣ, благодарилъ насъ за такое славное, молодецкое дѣло, стоившее намъ, кромѣ 3-хъ убитыхъ рядовыхъ, ранеными: 3-хъ офицеровъ *) и 27-ми нижнихъ чиновъ.

,,Занявшись на Гамеръ-Кортѣ устройствомъ на скорую руку двухъ редутовъ, и оставивъ въ нихъ по одной ротѣ, мы возвратились въ лагерь, будучи вполнѣ увѣрены, что теперь мы обезпечены.

*) Подпоручикъ Слапскій, прапорщики: Рѣщиковъ 3-й и Дворецкій.

,,При партіи въ тысячу человѣкъ, съ двумя орудіями, Шамиль не хотѣлъ вѣрить въ возможность взятія деки-чу-дукскихъ высотъ. Четырехъ своихъ наибовъ, отступившихъ предъ нашими двумя баталіонами, на мѣстности, дававшей имъ силу бо̀льшую противъ насъ въ десять разъ, Шамиль прогналъ, сорвавъ съ нихъ предварительно собственными руками медали и знаки отличій, заслуженные ими въ прежнее время. Самъ же имамъ, къ вечеру того же дня, переѣхалъ изъ аула Эрсеноя въ аулъ Гуни, расположенный въ 12-ти верстахъ отъ Ведено. Потерявъ Гамеръ-Кортъ, какъ весьма сильную позицію, Шамиль въ Гуни оставался не долго—одну недѣлю; затѣмъ, сдѣлавъ распоряженія къ оборонѣ аула Ведено, отправился въ Дарго".

Г. же Волконскій говоритъ слѣдующее:

,,Гора была длинная и чрезвычайно крутая; къ довершенію горя, грязь на ней лежала по колѣно; наконецъ, въ заключеніе всѣхъ бѣдствій, атакующая колонна лишена была возможности во время штурма дать полный ходъ своему ружейному огню и въ то же время поставлена была въ необходимость молча выносить усиленный непріятельскій огонь—не только ружейный, но и картечный.

,,Однако, все это не удивило и не смутило куринцевъ. Безконечный рядъ атакъ во время кавказскихъ и турецкихъ войнъ, въ которыхъ окрѣпли герои, давно пріучилъ ихъ къ единственному правилу—не отступать и шага назадъ послѣ того, какъ этотъ шагъ уже разъ сдѣланъ. И вправду, бывали случаи, когда куринцы и кабардинцы, огорошиваемые непріятелемъ во время штурмовъ, въ тѣ минуты, когда превосходства были на его сторонѣ, пріостанавливались, собирались съ духомъ; но въ исторіи ихъ полковъ и въ преданіяхъ ихъ нѣтъ сказаній о томъ, чтобы они оставляли штурмъ, отступали, бросали бы атаку недодѣланною, недоконченною. Самые пріостановки, замедленія при атакахъ были у нихъ лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обезсиленія, но не трусости, и послѣ нихъ они все-таки блистательно кончали свою работу.

,,Такъ было и здѣсь: увязая по колѣно въ грязи, падая отъ пуль и изнеможенія, куринцы все-таки шли, да такъ шли, что не каждый человѣкъ въ ихъ изнуренномъ тѣлѣ могъ бы идти по ров-

ному и сухому мѣсту. Откуда бралась эта несокрушимая мощь— трудно найти разгадку даже при изслѣдованіи и внимательномъ сондированіи всего человѣческаго существа, отличающагося вообще большею выносливостью, чѣмъ иныя самыя крѣпкія животныя. Какъ хотите, а тутъ играла главную роль сила нравственная, долгъ, честь, о которыхъ мы сказали какъ-то выше. И эта сила нравственная, это сознаніе своихъ прямыхъ обязанностей, всегда страшныя для нашего кавказскаго непріятеля, доставили намъ на этотъ разъ ту позицію, которую, повидимому, и нельзя было взять, и не слѣдовало горцамъ уступить.

,,Уже недалеко отъ гребня горы, миновавъ мертвыя пространства, лишавшія возможности штурмовую колонну дѣйствовать ружейнымъ огнемъ, куринцы на ходу открыли пальбу и съ нею приближались къ непріятелю, который гикомъ, возгласами, усиленною допельзя стрѣльбою, пробовалъ какъ бы въ послѣдній разъ остановить надвигавшуюся тучу, хотѣлъ разрѣдить, разсѣять ее. Напрасно: впереди были офицеры, большею частью молодежь, и они первые подали собою примѣръ рѣшимости и, такъ сказать, безтолковаго, но въ этихъ случаяхъ чудеснаго и спасительнаго упрямства. Одинъ за однимъ, пали раненые: подпоручикъ Сланскій, прапорщики Рѣщиковъ и Дворецкій, пали десятки нижнихъ чиновъ; но это все не сконфузило массу. Еще нѣсколько шаговъ—и съ крикомъ ,,ура''! куринцы вынеслись на гребень хребта. Затрещала минутная адская пальба, въ послѣдній разъ грохнули орудія—и непріятель побѣжалъ, частью въ Ведено, а частью къ аулу Эрсеною, куда поспѣшнѣе всѣхъ ускакали его орудія''.

Славная атака Гамеръ-Дука была достойно оцѣнена Государемъ Императоромъ, пожаловавшимъ 4-му и 5-му баталіонамъ георгіевскія знамена, а полковнику Черткову—орденъ св. Георгія 4-й степени. Объ этихъ Высочайшихъ наградахъ объявлено было въ приказахъ по полку *).

Но не всѣ предпріятія подъ Ведено были такъ же удачны, какъ взятіе Гамеръ-Дука: 9-го числа непріятель атаковалъ въ лѣсу

*) См. приложеніе.

хвостъ колонны, шедшей изъ лагеря въ Алистанжи, и изрубилъ цѣлый взводъ казаковъ, вмѣстѣ съ сотеннымъ командиромъ, есауломъ Назаровымъ. Но эта непріятная исторія нисколько не измѣнила хода работъ: онѣ продолжались съ настойчивостью и съ относительно большимъ успѣхомъ. Вскорѣ мы имѣли колесную дорогу до самаго Шали, и къ 25-му февраля были возведены временныя укрѣпленія въ Джантемиръ-Юртѣ, гдѣ стояли курищы, и на двухъ возвышенностяхъ къ западу отъ Ведено, по пути въ Чаберлой.

Но и Шамиль не дремалъ: внутренняя оборона аула Ведено была усилена, а окрестности укрѣплены отдѣльными редутами; но эти укрѣпленія не утѣшали Шамиля: онъ видѣлъ вокругъ полное охлажденіе чеченцевъ, оппозиція которыхъ дошла до того, что ичкеринцы потребовали, чтобъ имамъ очистилъ свое Ведено и удалился изъ ихъ земли. Авторитетъ Шамиля поддержался только деспотизмомъ и преданностью тавлинцевъ, которые составляли при немъ нѣчто въ родѣ преторіанскихъ когортъ римскихъ императоровъ. Съ помощью этихъ пришлыхъ войскъ, Шамиль готовился къ упорной борьбѣ за стѣнами своихъ веденскихъ укрѣпленій.

Разсматривая планъ Ведено, видимъ общее расположеніе веденскихъ укрѣпленій, которыя въ донесеніи Евдокимова описаны такъ: ,,западная и восточная стороны аула были ограждены отвѣсными обрывами, круто ниспадавшими въ глубокіе овраги; кромѣ того, онѣ были укрѣплены брустверами изъ плетней и туровъ, засыпанныхъ землею. Сѣверная сторона аула была обращена на поляну и укрѣплена толстыми параллельными брустверами изъ глины, расположенными одинъ отъ другаго въ разстояніи 3—5 шаговъ. Наружный брустверъ былъ одѣтъ плетнемъ и увѣнчанъ въ два ряда турами, имѣвшими полтора аршина въ діаметрѣ. Промежутокъ между брустверами блиндированъ бревенчатою настилкою, устланною фашинами въ семь рядовъ и засыпанною сверху землею. На сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ устроены были турбастіоны такихъ же профилей, фланкирующіе овраги и ровъ передняго фаса. Въ разстояніи 40—50 саженей отъ сѣвернаго фаса укрѣпленія, узкое пространство между оврагами перерѣзано

ШТАБЪ КВАРТИРА 79 ПѢХ. КУРИНСКАГО ЕГО И.В.В.К. ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЛКА

съ 1859 по 1878 года.

НА ПЛАНѢ ПОКАЗАНЫ ПОДРОБНОСТИ СЪ ПЛАНА ОСАДНЫХЪ РАБОТЪ СТАРАГО ВЕДЕНЯ И УКРѢПЛЕНІЕ ПОСТРОЕННОЕ РУССКИМИ ВЪ 1859 ГОДУ.

Р. ДЖАНТЕМИРЪ-ЮРТЪ

УКРѢПЛЕНІЕ

Р. Хулхулау

Р. ЗАУМАХАНЪ ВЕДЕНЬ

ВЕДЕНЬ

ИЗЪЯСНЕНІЕ

1 Засѣка на 1ю роту стрѣлковъ
2 — — — съ 2 гор. ор.
3. — — —
4 — впереди укр. на 1 роту стрѣлковъ
5 Завалъ въ 1 роту стрѣлковъ
6 Редутъ Полк. Баженова на 1 стрѣл. Батал. съ 2 двухъ пуд. Мартирами, 2 Батар. орудіями и командою саперъ
7 Осадная траншея Полков. Черткова съ 3 Батал. Куринск. полка, съ 2 гор. Мартир, съ 2 гор. Единор., 2 Бат. ор. и рот. саперъ
8 Плацдармъ прикрываемая турами
9 Непріятельскіе редуты
10 Цитадель аула Ведень, обнесен. по ... домъ впереди глуб. рвомъ и внутри обложенъ фашинникомъ
11. Домъ Шамиля
12. Батареи аула Ведень
13. Передовой ровъ
14 Главный лагерь
15 Лагерь Генералъ-Маiора Гинецкаго

Дорога колесная
вьючная
• Туры.

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 200 саж.

другимъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, который фланкировался съ редута № 1-й. Съ западной стороны Ведено тянется гребень высотъ, постепенно понижающійся отъ вершины горы Ляпи-Кортъ и отдѣленный отъ аула оврагомъ. Вершины этого гребня были заняты шестью отдѣльными редутами, сильныхъ профилей, вмѣщавшими каждый отъ пятисотъ до шестисотъ человѣкъ гарнизона. На сообщеніяхъ между редутами были возведены еще промежуточныя постройки. Редуты №№ 1-й и 2-й были вооружены каждый полевымъ орудіемъ. Сильнѣйшій изъ всѣхъ редутовъ былъ нижній, лежавшій на одной высотѣ съ сѣвернымъ фасомъ Ведено. Редутъ этотъ, обороняемый андійцами, состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ, весьма неправильныхъ построекъ, соединенныхъ между собою крытыми ходами. Фасы этихъ построекъ, окруженные широкими и глубокими рвами, состояли изъ глиняныхъ брустверовъ, имѣвшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до восьми шаговъ толщины, одѣтыхъ снаружи толстымъ плетнемъ, увѣнчанныхъ въ два ряда турами до двухъ аршинъ въ діаметрѣ, засыпанными глиною и камнями. Съ внутренней стороны брустверовъ были устроены блиндажи для гарнизона.

,,Строенія въ аулѣ были большею частью деревянныя, обнесенныя общимъ частоколомъ. Въ серединѣ аула былъ дворъ Шамиля, также обнесенный частоколомъ, а въ серединѣ этого двора— его домъ, со всѣми необходимыми службами, въ томъ числѣ съ кунакскою и гаремомъ. Въ томъ же дворѣ было зданіе для двухсотъ мюридовъ, составлявшихъ конвойную команду имама. Всѣ они были изъ аварцевъ. По мнѣнію многихъ, въ Ведено жило нѣсколько иностранцевъ—нѣчто въ родѣ политическихъ агентовъ, которымъ резиденція имама будто была болѣе или менѣе обязана своими верками. Но это едва ли справедливо. Въ укрѣпленіи находились, между прочимъ, мастерскія, арсеналъ, паркъ и мечеть''.

Евдокимовъ рѣшился взять аулъ правильной осадой. Пока подвезли необходимый матеріалъ и вооруженіе, до 16-го марта чеченскій отрядъ стоялъ въ виду непріятеля, и, кромѣ дорожныхъ работъ и кое-какихъ рекогносцировокъ, не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Безконечные дожди и ненастье до того мѣшали работамъ,

что, не смотря на всѣ старанія, нельзя было своевременно не только подвозить необходимый матеріалъ, но докончить дороги и просѣки. Дѣйствія воевавшихъ ограничивались частыми стычками, по преимуществу на сообщеніяхъ и у нашихъ отдѣльныхъ редутовъ, да, кромѣ того, происходили и развѣдки непріятельскихъ позицій.

10-го марта, подъ выстрѣлами непріятеля, заложено укрѣпленіе у аула Джантемиръ-Юрта; это была будущая штабъ-квартира куринцевъ. 13-го марта, 5-й баталіонъ прикрывалъ рекогносцировку, произведенную Евдокимовымъ къ слiянію двухъ истоковъ Хулхулау. 17-го марта, послѣ молодецкой рекогносцировки маіора Геймана, подходившаго ночью, съ кабардинскими стрѣлками, къ непріятельскимъ окопамъ, началась осада заложеніемъ редута на лѣвомъ берегу праваго Хулхулау, въ 450-ти саженяхъ отъ андійскаго редута. Въ ночь съ 17-го на 18-е число полковникъ Чертковъ, съ тремя баталіонами куринцевъ, двумя ротами 20-го стрѣлковаго баталіона и одной стрѣлковой ротой кабардинскаго полка, былъ направленъ для обложенія Ведено съ западной стороны. Колонна эта расположилась въ оврагѣ, огибающемъ западную сторону резиденціи Шамиля, и ночью же вывела траншею по направленію къ укрѣпленію. Къ разсвѣту непріятель открылъ канонаду, отъ которой у насъ было убитыхъ 5-ть и раненыхъ 11-ть нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 18-го на 19-е марта, колонна Черткова продолжала работу и къ утру окончила батарею и вооружила ее 2-мя полупудовыми мортирами и двумя горными единорогами. Саперными работами завѣдывалъ адъютантъ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части штабсъ-капитанъ Шванебахъ. Восточнѣе колонны полковника Черткова стояла колонна генералъ-маіора барона Розена ($2^1/_2$ баталіона); она имѣла цѣлью подойти на возможно ближайшее разстояніе къ андійскому редуту и заложить противъ него брешь-батарею. Наконецъ, самую восточную часть обложенія занимали 4 баталіона, съ 4-мя орудіями, генералъ-маіора Ганецкаго; колонна эта стала у редута, построеннаго полковникомъ Баженовымъ 17-го марта. 26-го и 27-го марта работы куринцевъ были закончены, и траншея была доведена на разстояніе 50-ти шаговъ отъ оврага и увѣнчана четырмя батарейны-

ми орудіями. Наибольшее вниманіе было обращено на работы противъ андійскаго редута, составлявшаго ключъ непріятельской позиціи. Въ ночь съ 30-го на 31-е число, была заложена здѣсь послѣдняя батарея, въ разстояніи 60-ти шаговъ отъ редута. Всего, здѣсь было шесть батарей, съ 17-ю орудіями. Въ ту же ночь, съ 30-го на 31-е марта, охотничья команда кабардинскаго полка, подъ командой прапорщика Коленко, подползла къ редуту и измѣрила ширину и глубину рва. Во все время работъ съ 20-го марта по 1-е апрѣля во всемъ отрядѣ было убитыхъ нижнихъ чиновъ 9-ть, раненыхъ, кромѣ маіора ряжскаго полка Бахтинскаго и 4-хъ оберъ-офицеровъ, 98-мь нижнихъ чиновъ *).

1-го апрѣля Евдокимовъ штурмовалъ Ведено. Съ 6-ти часовъ утра былъ открытъ огонь по редуту изъ 16-ти орудій (12-ти батарейныхъ, одного ¼ пуд. единорога и трехъ горныхъ единороговъ) и 8-ми мортиръ (трехъ 2-хъ-пуд. и 5-ти ½ пуд.). Артилерія дѣйствовала превосходно. Къ часу пополудни, въ главной постройкѣ редута была пробита брешь; но генералъ Евдокимовъ, руководствуясь своимъ всегдашнимъ правиломъ—достигать предположенныхъ результатовъ съ возможно меньшими потерями, приказалъ продолжать канонаду до 6-ти часовъ вечера, чтобы поставить непріятеля въ рѣшительную невозможность защищаться въ редутѣ.

Около часа пополудни, на вершинѣ горы Ляни-Кортъ показалось три значка непріятельской кавалеріи и толпа пѣхоты, человѣкъ въ 500; впослѣдствіи оказалось, что это былъ Шамиль, пріѣхавшій изъ аула Эрсеноя. Съ полчаса имамъ наблюдалъ за успѣхомъ нашей канонады; потомъ, спустилъ пѣхоту въ Ведено, а съ кавалеріею уѣхалъ.

Для штурма редута были назначены, подъ командою полковника Баженова **), три баталіона, а въ резервѣ за ними слѣдо-

---

*) Въ Куринскомъ полку убито 6-ть и ранено: 18-го марта—10, 19—2, 22-го марта—3, 23—3, 28—2, всего 20.

**) Три роты 1-го баталіона и 5-я стрѣлковая рота тенгинскаго полка, 3-й баталіонъ, съ двумя стрѣлковыми ротами и стрѣлковою командою, кабардинскаго полка и двѣ роты 20-го стрѣлковаго баталіона.

вали два баталіона *), подъ командою полковника Берхмана. Въ 6-ть часовъ пополудни, по данному сигналу, всѣ батареи обратили свой огонь на аулъ, а полковникъ Баженовъ атаковалъ редутъ. Изъ трехъ выходовъ, устроенныхъ между батареею № 1-й и передовою траншеею, тенгинцы и двѣ штуцерныя роты стрѣлковъ бросились на редутъ съ фронта, а кабардинцы, обогнувъ въ то же время редутъ съ тыла, атаковали постройку. Хотя къ 6-ти часамъ вечера андійскій редутъ, въ который было брошено слишкомъ 1000 ядеръ, гранатъ и бомбъ, представлялъ собою почти груду развалинъ, но часть защитниковъ его, скрываясь подъ обрушившимися блиндажами, встрѣтила атакующихъ залпомъ; въ то же время изъ сѣверо-восточнаго угла аула былъ открытъ бѣглый огонь, а съ непріятельскаго редута № 2-й сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ картечью. Но огонь этотъ, конечно, не могъ остановить храбрыхъ: 5-я стрѣлковая рота тенгинскаго полка (подъ командою подпоручика Денибекова) въ нѣсколько секундъ взбѣжала на вершину бреши, и появившіеся на ней фанатики, съ обнаженными шашками, заплатили жизнью за свою отчаянную рѣшимость.

Одновременно съ началомъ атаки приказано было полковнику Черткову, съ баталіономъ и двумя горными орудіями, показать видъ движенія въ ущелье лѣваго притока Хулхулау. Этотъ маневръ, какъ и надо было ожидать, произвелъ самое рѣшительное дѣйствіе. Въ 9-ть часовъ вечера домъ Шамиля былъ зажженъ, вслѣдъ за нимъ запылали многія другія сакли и незанятые нами редуты, вся же покатость горы Ляни-Кортъ, обращенная къ деревнѣ, покрылась множествомъ костровъ отступившаго непріятеля. Къ 10-ти часамъ вечера ни въ аулѣ, ни въ редутахъ не осталось ни одного горца, такъ что въ 11-мъ часу охотники наши заняли редутъ № 2-й, найдя его совершенно пустымъ. До 50-ти непріятельскихъ труповъ найдено было на другой день утромъ въ аулѣ. Штурмъ этотъ стоилъ намъ самой ничтожной потери: убито два рядовыхъ, ранено: одинъ оберъ-офицеръ (флигель-адъютантъ

**) 3-й баталіонъ ряжскаго и 2-й баталіонъ бѣлевскаго пѣхотныхъ полковъ.

капитанъ баронъ Корфъ, пулею въ ногу) и 23 человѣка нижнихъ чиновъ.

Штурмъ Ведено есть послѣднее кровопролитное дѣло въ исторіи шестидесятилѣтней войны на восточномъ Кавказѣ. Вмѣстѣ съ паденіемъ андійскаго редута, Шамиль потерялъ послѣднихъ приверженцевъ, и въ роли шекспировскаго героя могъ сказать; „коня! полцарства за коня"!

Съ этихъ поръ Шамиль искалъ не побѣды, а спасенія и убѣжища, а роль кавказскихъ войскъ ограничивалась умиротвореніемъ края, введеніемъ и установленіемъ въ немъ нашей администраціи и занятіемъ стратегическихъ пунктовъ, могущихъ обезпечить будущее вновь занятаго края. Побѣда была велика, и въ этой побѣдѣ, подготовленной десятками лѣтъ крававой войны, куринцамъ припадлежитъ львиная доля. Немногіе полки кавказской арміи могутъ быть поставлены рядомъ съ куринцами при оцѣнкѣ этой шестидесятилѣтней войны.

Послѣ взятія Ведено, было общее ликованіе въ чеченскомъ отрядѣ; курьеры то и дѣло увозили и привозили радостныя вѣсти между Ведено, Тифлисомъ и Петербургомъ.

Государь щедро наградилъ главнаго виновника торжества, генералъ-лейтенанта Евдокимова: онъ получилъ за взятіе Ведено Георгія 3-го класса, графское достоинство и вскорѣ послѣ того званіе генералъ-адъютанта. Остались довольны и части войскъ чеченскаго отряда. Главнокомандующій благодарилъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Господь Богъ за великіе труды и подвиги наши наградилъ насъ побѣдой: неодолимая доселѣ преграда пала, Ведень взятъ, и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя.

„Слава генералу Евдокимову! спасибо храбрымъ сподвижникамъ его"!

Затѣмъ, 29-го апрѣля князь Барятинскій объявилъ слѣдующій приказъ по арміи:

„Кавказскія войска! Возвѣщаю вамъ новую радость: Государь Императоръ въ Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ ко мнѣ благодаритъ васъ за взятіе Ведено. Собственныя выраженія Его Величества передаю я вамъ:

„Скажи моимъ кавказскимъ молодцамъ, что они лучшаго подарка не могли мнѣ сдѣлать на день моего рожденія, и что я ими горжусь за новый подвигъ, которымъ они себя ознаменовали въ самыхъ нѣдрахъ нашихъ враговъ.

„Пріймите, храбрыя войска, сердечное мое поздравленіе".

XXIII.

Ведено—штабъ-квартира Куринскаго полка. Сосредоточеніе здѣсь всего полка. Личный составъ его. Подданство ичкеринцевъ. Движеніе колонны полковника Черткова къ Кетишъ-Корту. Водвореніе русской администраціи въ Ичкеріи. Прибытіе графа Евдокимова въ Ведено. Начало лѣтней экспедиціи 1859-го года. Движеніе чеченскаго отряда черезъ андійскій хребетъ къ озеру Эзенъ-Амъ. Пріѣздъ главнокомандующаго. Занятіе Технуцала и заложеніе укрѣпленія Преображенскаго. Квартирное расположеніе куринцевъ зимою 1859-го года. 1860-й годъ въ Чечнѣ. Движеніе стрѣлковыхъ ротъ въ Кубанскую область. Предположенія кн. Барятинскаго. Безпорядки въ Ичкеріи и въ аргунскомъ ущельи. Ума, Атабай и Каракулъ-Магома. Назначеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича шефомъ полка. Отъѣздъ М. И. Черткова; его приказъ. Заключеніе.

Послѣ паденія Ведено, чеченскій отрядъ въ теченіе пяти дней занимался разрушеніемъ укрѣпленій Шамиля, и такъ какъ срокъ зимней экспедиціи кончился, а двигаться въ горы, за неимѣніемъ подножнаго корма, было невозможно, то Евдокимовъ распустилъ чеченскій отрядъ, оставивъ въ Ведено флигель-адъютанта полковника Черткова, съ 4½ баталіонами куринцевъ, одной ротой 20-го стрѣлковаго баталіона, двумя стрѣлковыми ротами линейныхъ №№ 9-го и 11-го баталіоновъ и одной саперной ротой, при 4-хъ горныхъ орудіяхъ.

8-го апрѣля, части отряда стали расходиться, и куринцы остались полными хозяевами своей новой штабъ-квартиры. Здѣсь уже былъ собранъ весь полкъ, кромѣ двухъ ротъ 3-го баталіона, оставашихся въ крѣпости Воздвиженской, для усиленія гарнизона и прикрытія полковаго имущества въ старой штабъ-квартирѣ. Съ укрѣпленіемъ Шали полкъ распрощался еще зимой, а съ Урусъ-Мартаномъ лѣтомъ прошлаго года, когда укрѣпленіе это, равно и Ачхой, были упразднены. Миръ памяти этихъ укрѣпленій!—довольно грустныхъ слѣдовъ оставили они въ воспоминаніяхъ старыхъ куринцевъ. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ формальностей, по Высочайшему повелѣнію, укрѣпленіе, построенное въ двухъ верстахъ сѣвернѣе бывшей резиденціи Шамиля, названо „Ведень", и, для прочнаго занятія нагорной Чечни, штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка перенесена сюда (приказъ по арміи 15-го іюля 1859-го года).

Опять работы по устройству помѣщеній: начали выростать прежде шалаши, а потомъ и домики офицеровъ; закопошились куринцы—эти піонеры русской власти въ Чечнѣ, точь въ точь, какъ переселенцы какихъ либо дѣвственныхъ мѣстъ Америки; явились заботы и о семьѣ, и о хозяйствѣ; потянулись „на поселеніе" и наши полковыя дамы, и женатые солдаты. Въ короткое время стала выясняться физіономія русскаго военнаго поселенія, со всѣми неудобствами, свойственными этому типу. Вотъ, и полковая церковь явилась въ палаткѣ; иконостасъ ея состоялъ сначала изъ 20-ти ротныхъ образовъ и стараго полковаго образа, унаслѣдованнаго куринцами отъ 40-го егерскаго полка. Зазвонили въ колоколъ—и полковой дьячекъ-солдатъ запѣлъ: „слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ". Миръ и вамъ, старые куринцы!

Во время занятія Ведено, баталіонами Куринскаго полка командовали: 1-мъ—полковникъ Добржанскій, 2-мъ—маіоръ Шидловскій, 3-мъ—подполковникъ Момбели, 4-мъ, за переводомъ изъ полка героя аргунской переправы и мескенъ-дукскаго дѣла полковника Барабаша, завѣдывалъ сначала капитанъ Казачинскій, а потомъ капитанъ Арамовичъ, 5-мъ—маіоръ Юргенсонъ. Старый и храбрый баталіонеръ Мансурадзе командовалъ линейнымъ баталіономъ, а Эрнротъ уѣхалъ въ Россію.

Устроить роты, перевезти полковое имущество и водворить въ Ведено первую гражданственность—выпало на долю памятнаго въ преданіяхъ полка флигель-адъютанта полковника Михаила Ивановича Черткова, не жалѣвшаго ни труда, ни своего богатства для удобствъ своихъ храбрыхъ боевыхъ товарищей. При немъ же и на его средства выстроенъ полковой клубъ и скромный домъ командира полка изъ тѣхъ самыхъ матеріаловъ, которые остались отъ дома Шамиля *).

Но война еще не кончилась; предстояли еще и походы. Куринцы готовились къ лѣтней экспедиціи. Графъ Евдокимовъ поѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ, въ кабинетахъ главнокомандующаго и начальника главнаго штаба, выработывалась будущая программа. Съ этой программой князь Барятинскій уѣхалъ въ Петербургъ и къ началу лѣтней экспедиціи пріѣхалъ прямо въ чеченскій отрядъ, чтобы привести въ исполненіе волю Государя.

Но объ этой программѣ мы будемъ говорить ниже; теперь же обратимся къ событіямъ въ Чечнѣ съ конца апрѣля до новаго сбора отряда графа Евдокимова въ укрѣпленіи Ведено.

Къ концу апрѣля, командиръ навагинскаго полка полковникъ фонъ-Кауфманъ занялъ Чаберлой; во всей Чечнѣ остались непокорными только нѣкоторые ауховскіе аулы и часть Ичкеріи, расположенная по верховьямъ Гудермеса, Аксая и Яманъ-су, т. е. тѣ аулы, которые памятны въ исторіи ичкеринскихъ походовъ Граббе и князя М. С. Воронцова въ 1842-мъ и 1845-мъ годахъ. Для умиротворенія этихъ мѣстъ, графъ Евдокимовъ назначилъ отрядъ генерала Кемпферта. Но Кемпфертъ не торопился: онъ былъ убѣжденъ, что сами жители явятся съ повинною головою, и потому прежде всего онъ занялся разработкой дороги изъ Хоби-Шавдона въ хулхулауское ущелье, навстрѣчу куринцамъ, пробивавшимъ дорогу изъ Ведено. 9-го мая явилась депутація отъ ауловъ Билитли, Саясанъ, Аллерой и другихъ, съ просьбою—освободить ихъ отъ сборищъ Кази-Магомы и принять ихъ въ подданство русскаго Царя.

---

*) Остатки этого историческаго дома и теперь стоятъ въ юго-восточномъ углу Веденскаго укрѣпленія.

Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Кемпфертъ двинулся къ ичкеринскому аулу Гурдали, это движеніе заставило сына Шамиля Кази-Магому отступить въ Дарго.

Занявъ Гурдали и оставивъ здѣсь, для содѣйствія жителямъ, одинъ баталіонъ, генералъ Кемпфертъ направился къ горѣ Кетишъ-Кортъ, куда приказалъ прибыть и полковнику Черткову, съ куринцами.

12-го мая, полковникъ Чертковъ выступилъ изъ Ведено черезъ Декчи-Дукъ и аулъ Эрсеной, съ 2½ баталіонами и 2-мя горными орудіями, и въ тотъ же день прибылъ на Кетишъ-Кортъ. Здѣсь колонна стала, какъ въ центральномъ пунктѣ, для поддержанія жителей противъ Кази-Магомы. Этотъ послѣдній, видя неудачу своей миссіи, сдѣлалъ еще одну попытку наказать жителей, цѣлыми аулами приходившихъ искать убѣжища у русскихъ: онъ напалъ на аулъ Белгатой, но рота куринцевъ прибѣжала на помощь—и Кази-Магома принужденъ былъ окончательно оставить Ичкерію и перейти въ Андію. Водворить порядокъ и гражданское управленіе въ Ичкеріи было поручено полковнику Черткову, въ распоряженіи котораго состояли 2½ баталіона, съ 4-мя орудіями и 3-мя сотнями, сосредоточенные на Кетишъ-Кортѣ *); одинъ баталіонъ тенгинскаго полка стоялъ въ Гурдали, а три роты куринцевъ въ аулѣ Эрсеной. Остальныя роты куринцевъ были посланы для очистки таузенской дороги, въ ожиданіи предстоящаго сбора чеченскаго отряда въ Ведено. Въ половинѣ мая, вся Ичкерія приняла подданство Россіи; примѣру ея послѣдовали и ауховцы. Только ичкеринскій аулъ Беной и два-три хутора, заселенные абреками, не поддавались общему теченію; но и эти аулы, отданные на разграбленіе сосѣдей, смирились, и Чертковъ, водворивъ порядокъ и поставивъ правительственныхъ наибовъ, возвратился въ Ведено.

20-го іюля графъ Евдокимовъ прибылъ въ Ведено, осмотрѣлъ подъемъ на андійскій хребетъ со стороны аула Хорачай и приказалъ разработывать дорогу въ предвидѣніи дальнѣйшаго наступле-

---

*) 3-й баталіонъ куринцевъ, 4-й баталіонъ кабардинцевъ и двѣ стрѣлковыя роты.

нія. ,,Въ теченіе вышеозначеннаго времени" (съ 12-го мая до 21-го іюня)—доносилъ графъ Евдокимовъ изъ Ведено—,,на всемъ пространствѣ лѣваго крыла все было спокойно. Горцы не предпринимали никакихъ непріязненныхъ дѣйствій; даже не было никакихъ мелкихъ хищническихъ происшествій. Не смотря на безпрерывные дожди, сопровождавшіе вторую половину мая и первую половину іюня, здоровье войскъ находилось въ весьма удовлетворительномъ состояніи".

Таково было положеніе Чечни передъ началомъ лѣтней экспедиціи 1859-го года.

Какъ видно изъ составленнаго въ 1858-мъ году предположенія о лѣтнихъ дѣйствіяхъ, князь Барятинскій предполагалъ произвести движеніе въ глубь Андіи и Дагестана черезъ Салатавію, гдѣ предполагалось сосредоточить главныя силы дагестанскаго и чеченскаго отрядовъ, и отъ Буртуная идти по тому же пути, который прошелъ Воронцовъ въ 1845-мъ году. Такимъ образомъ, главная роль предстоявшаго похода предназначалась дагестанскому отряду; чеченскій отрядъ долженъ былъ только содѣйствовать главной цѣли вспомогательными операціями въ нагорной Чечнѣ. Но взятіе Ведено измѣнило планъ, и въ совѣтѣ командующихъ войсками въ Тифлисѣ рѣшено было чеченскому отряду дѣйствовать изъ Ведено самостоятельно.

Предыдущіе успѣхи наши въ Чечнѣ, занятіе Чаберлоя и умиротвореніе Салатавіи, лишившіе Шамиля средствъ обороны самыхъ сильныхъ частей Дагестана; наконецъ, полный упадокъ имама даже среди лезгинскихъ племенъ и возможность связать дѣйствія всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ и на лезгинской линіи, дали князю Барятинскому право полагать, что дни власти повелителя горъ сочтены, и энергическое наступленіе въ глубь дагестанскихъ трущобъ положитъ конецъ войнѣ съ Шамилемъ. Это былъ логическій выводъ изъ всего пережитаго на Кавказѣ въ послѣдніе годы. Осталось только организовать самый походъ такъ, чтобы не было мѣста никакимъ недоразумѣніямъ. Эта подготовительная работа была исполнена начальникомъ главнаго штаба, генералъ-адъютантомъ Милютинымъ, съ совершенною точностью. Не

оставалось ни одного, даже повидимому мелочнаго, вопроса, котораго не коснулась бы опытная рука генерала Милютина. Не было тоже недостатка въ матеріальныхъ и денежныхъ средствахъ, которыя, волею Монарха, были широко отпущены въ распоряженіе князя Барятинскаго. Словомъ, все, что нужно было для того, чтобы успѣхъ лѣтняго похода былъ обезпеченъ, и маршъ русскихъ войскъ походилъ на торжественное шествіе, было приготовлено. Затѣмъ, князь Барятинскій лично доложилъ Государю планъ предстоящей лѣтней экспедиціи и, получивъ одобреніе, прибылъ изъ Петербурга въ чеченскій отрядъ, который уже сосредоточенъ былъ за андійскимъ хребтомъ.

Планъ кампаніи заключался въ слѣдующемъ: дагестанскій отрядъ долженъ былъ двигаться черезъ Гумбетъ въ Аварію и войти въ связь съ чеченскимъ отрядомъ, который долженъ былъ изъ Андіи спуститься въ Технуцалъ; въ то же время войска съ лезгинской кордонной линіи должны были идти въ средній Дагестанъ черезъ Дидо и Тушетію и войти въ связь съ войсками чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ. Такимъ образомъ, охватывая горы кольцомъ и двигаясь къ центру, наши войска должны были затянуть края мѣшка, въ которомъ, по всѣмъ расчетамъ, долженъ былъ оказаться самъ Шамиль. Чтобы не дать имаму ускользнуть въ Персію, были приняты мѣры къ загражденію всѣхъ путей. Къ концу іюня всѣ отряды направились въ горы.

Чеченскій отрядъ собирался по частямъ: прежде всего выступили въ Хорачай, для разработки подъема на андійскій хребетъ, 4-ре баталіона и 2 орудія, въ числѣ которыхъ были 2-й и 3-й баталіоны Куринскаго полка. Эти баталіоны составили ядро колонны генерала Кемпферта; остальныя войска чеченскаго отряда были эшелонированы по коммуникаціонному пути въ Шали и разрабатывали по всей линіи дорогу. По мѣрѣ окончанія работъ, эшелоны шли на Ведено и присоединялись къ колоннѣ Кемпферта. 14-го іюля весь чеченскій отрядъ собрался на урочище Япи-Амъ, чтобы встрѣтить здѣсь пріѣздъ главнокомандующаго, который самъ вступалъ въ командованіе арміей. Здѣсь было $12^1/_2$ баталіоновъ, дивизіонъ драгунъ, 10-ть сотенъ казаковъ, 2 сотни милицій, 8-мь горныхъ ору-

дій, 4 мортиры и 8-мь ракетныхъ станковъ. Кромѣ этого, для охраненія тыла, три баталіона куринцевъ занимали Ведено, два баталіона навагинцевъ—Чаберлой и одинъ баталіонъ кабардинцевъ—Кетишъ-Кортъ.

Путешествіе главнокомандующаго изъ Грозной черезъ Воздвиженскую, Шатой, Таузенъ и Ведено было торжественнымъ шествіемъ побѣдителя. Князя вездѣ встрѣчала пестрая толпа новыхъ подданныхъ Россіи и изъявляла преданность своему Государю. Войска съ восторгомъ встрѣчали князя, вездѣ удостоивавшаго ихъ лестнымъ вниманіемъ и сердечною благодарностью за успѣхи прошлыхъ двухъ лѣтъ. Въ Грозной главнокомандующему представились и бывшіе наибы Шамиля—Эдиль, Талгикъ, Дуба, Умалатъ и Эски; князь ласково принялъ вчерашнихъ своихъ враговъ и обворожилъ ихъ своимъ величіемъ.

Въ Ведено главнокомандующій былъ встрѣченъ неумолкаемымъ „ура" куринцевъ; князь Барятинскій передалъ полку Царское спасибо, благодарилъ командира, офицеровъ и всѣхъ солдатъ за знатную службу Царю, выразилъ заслуженную хвалу 4-му и 5-му баталіонамъ за дѣло 8-го февраля, осмотрѣлъ окрестности, посѣтилъ развалины дома Шамиля и затѣмъ поѣхалъ въ Дарго, гдѣ 13-го іюля 1845-го года маститый фельдмаршалъ князь Воронцовъ судорожно прислушивался къ гиканію чеченцевъ и раздумывалъ, какъ бы спасти остатки своего богатырскаго отряда отъ пуль и шашекъ Шамиля, того самаго Шамиля, который теперь не зналъ куда укрыться отъ штыка русскаго солдата. Таковы превратности войны!

14-го іюля, князь Барятинскій, по вновь разработанной дорогѣ, черезъ Хорачай, поднялся на андійскій хребетъ и, сопровождаемый многочисленной и блестящей свитой, въ которой былъ и начальникъ главнаго штаба кавказской арміи генералъ-адъютантъ Милютинъ, въѣхалъ въ лагерь чеченскаго отряда. Все было разряжено посвадебному; неумолкаемое „ура" войскъ, разставленныхъ шпалерами, провожало князя до самой ставки. Отсюда главнокомандующій передалъ войскамъ „поклонъ отъ Государя Императора и Царское спасибо за молодецкую службу". Одушевленіе было неописанное.

Такъ начался походъ князя Барятинскаго лѣтомъ 1859-го

года—походъ, который до самаго плѣна Шамиля на Гунибѣ походилъ на торжественное шествіе тріумфатора.

Изъ всѣхъ отрядовъ, сдвигавшихся къ Гунибу, куда скрылся и Шамиль, вооруженное сопротивленіе встрѣчалъ только салатавскій отрядъ барона Врангеля; чеченскій же отрядъ почти не видѣлъ врага: онъ шелъ съ позиціи на позицію весело и съ пѣснями, разработывая дорогу и водворяя порядокъ. 15-го іюля авангардъ, подъ командой свиты Его Величества генералъ-маіора барона Николаи, занялъ окрестности озера Эзенъ-Амъ, а главныя силы, заложивъ укрѣпленный этапный пунктъ у Япи-Амъ, перешли къ Эзенъ-Аму 17-го числа.

Къ вечеру, къ главнымъ силамъ присоединилась чаберлоевская колонна. 18-го іюля главнокомандующій произвелъ рекогносцировку дорогъ, ведущихъ отъ Эзенъ-Ама къ Технуцалу; затѣмъ, главныя силы, заложивъ полевое укрѣпленіе у Эзенъ-Ама и оставивъ здѣсь три роты, перешли къ самому перевалу въ Технуцалъ и расположились сначала у такъ называемаго Андійскаго озера (Аржи-Ламъ), а потомъ спустились въ технуцальскій аулъ Тандо. Вслѣдъ за этимъ, т. е. съ 26-го іюля, событія стали мелькать съ такою быстротою, что слѣдить за ними дѣлается затруднительнымъ: ежедневно къ ставкѣ главнокомандующаго приходили десятки депутатовъ отъ разныхъ дагестанскихъ обществъ, съ изъявленіемъ покорности. Шамиль, скрывшійся послѣ взятія нами Ведено въ андійскомъ аулѣ Ичичала, гдѣ возвелъ укрѣпленіе съ 11-ю орудіями, не рисковалъ болѣе оставаться здѣсь; появленіе дагестанскаго отряда въ Аваріи заставило его поспѣшно покинуть укрѣпленіе и орудія въ немъ и переселиться въ Карату.

Первое свѣдѣніе о бѣгствѣ Шамиля изъ Ичичала князь Барятинскій получилъ 26-го іюля отъ андійскихъ депутатовъ, явившихся на поклонъ къ главнокомандующему, а 27-го прибыла въ Тандо изъ дагестанскаго отряда колонна князя Чавчавадзе и съ нею депутація отъ ауловъ бывшаго аварскаго ханства. Это важное событіе ознаменовалось слѣдующимъ приказомъ главнокомандующаго:

„Сегодня доношу Государю Императору о покореніи Его дер-

жавѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала и другихъ верхнихъ обществъ. Благодарю войска дагестанскаго и чеченскаго отрядовъ, всѣхъ отъ генерала до солдата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго Монарха".

Такимъ образомъ, 27-го іюля открылась связь чеченскаго отряда съ дагестанскимъ, успѣвшимъ въ теченіе двухъ недѣль совершить въ высшей степени замѣчательный переходъ черезъ андійское Койсу и занять Аварію.

30-го іюля прибылъ на свиданіе съ главнокомандующимъ и самъ начальникъ дагестанскаго отряда, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель. Сердечная встрѣча главнокомандующаго была первою наградою достойному генералу. Узнавъ отъ барона Врангеля, что Шамиль покинулъ Карату и скрылся на Гунибѣ, лежавшемъ на самомъ лѣвомъ флангѣ полосы, занятой дагестанскимъ отрядомъ, князь Барятинскій порѣшилъ усилить барона Врангеля частью чеченскаго отряда и самому переѣхать въ дагестанскій отрядъ, для направленія главныхъ дѣйствій противъ Гуниба.

2-го августа, вслѣдъ за отъѣздомъ барона Врангеля, двинулись въ его отрядъ изъ чеченскаго 1-й и 3-й баталіоны эриванскаго и 1-й баталіонъ грузинскаго полковъ, а 3-го августа, послѣ достаточной разработки спусковъ изъ Тандо, чеченскій отрядъ выдвинулъ 3-й баталіонъ куринцевъ и двѣ роты 20-го стрѣлковаго баталіона на Койсу. Передовая колонна эта встрѣтила радушный пріемъ жителей аула Конхидатля и расположилась для ночлега на лѣвомъ берегу андійскаго Койсу. Въ тотъ же день сюда перенесена и главная квартира. Опять новыя депутаціи осадили ставку главнокомандующго. Наконецъ, 5-го числа пріѣхалъ давно и сердечно ожидаемый гость—командующій войсками лезгинской линіи князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, въ сопровожденіи многочисленной депутаціи разныхъ лезгинскихъ обществъ и пяти шамильскихъ наибовъ.

Пріѣздъ князя Меликова принесъ пріятную вѣсть о томъ, что и его войска вошли въ связь съ остальными отрядами, и что отнынѣ начинается единство дѣйствій противъ Гуниба *).

*) Мы ничего не говорили о дѣйствіяхъ отряда генерала князя Меликова,

6-го августа, въ чеченскомъ отрядѣ было большое торжество: главнокомандующій, окруженный блестящей свитой и славными баталіонами чеченскаго отряда, въ присутствіи депутатовъ отъ разныхъ обществъ Дагестана, наибовъ и многочисленной пестрой толпы, торжественно заложилъ мостовое укрѣпленіе на андійскомъ Койсу, противъ аула Ботлиха. Въ приказѣ было сказано: ,,заложенному мною сего числа мостовому укрѣпленію, для обезпеченія переправы черезъ андійское Койсу въ Техпуцалъ, между аулами Конхидатлемъ и Міарсу, присвоивается наименованіе Преображенскаго". Это укрѣпленіе было предѣльнымъ пунктомъ для движенія чеченскаго отряда. Далѣе этого не пошли куринцы въ памятный 1859-й годъ, и честь взятія въ плѣнъ Шамиля выпала на долю дагестанскаго отряда, куда главнокомандующій и выѣхалъ 10-го августа.

Но этимъ днемъ не кончаются труды куринцевъ въ 1859-мъ году. Боевая роль чеченскаго отряда уступила мѣсто скучной, однообразной работѣ по возведенію Преображенскаго укрѣпленія и устройству дорогъ къ Ведено. Отрядъ постепенно распускался, оставались одни рабочія руки, и куринцы, всегда покорные приказанію начальства, оставивъ въ Преображенскомъ 6-ть ротъ, возвратились въ свою новую штабъ-квартиру.

Къ 1-му января предстоявшаго года баталіоны наши были расквартированы такъ:

Полковой штабъ—въ Ведено, 1-й баталіонъ полковника Добржанскаго—въ Преображенскомъ, 2-й маіора Шидловскаго—въ Ведено, 3-й подполковника Момбели—въ Преображенскомъ, 4-й капитана Арамовича—въ Ведено, 5-й маіора Юргенсона—четыре роты въ Ведено и одна рота въ кр. Воздвиженской.

потому что они не касаются исторіи Куринскаго полка; но для характеристики роли, выпавшей на долю этого отряда, приведемъ слѣдующія слова приказа князя Барятинскаго отъ 6-го августа: „въ безсмертномъ подвигѣ покоренія восточнаго Кавказа, самая тяжелая доля трудовъ предстояла вамъ, неутомимыя войска лезгинскаго отряда! Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія.

,,Примите, братцы, мое душевное спасибо! Благодарю искренно достойнаго предводителя вашего, генералъ-маіора князя Меликова, всѣхъ генераловъ и офицеровъ".

Блестящіе подвиги полка за послѣдній годъ принесли ему георгіевскіи знамена для 4-го и 5-го баталіоновъ *), главнокомандующему орденъ святаго Георгія 2-й степени и званіе фельдмаршала, а начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту Евдокимову—св. Георгія 3-й степени, званіе генералъ-адъютанта и графское достоинство. 25-ть офицеровъ украсились новыми знаками отличія, а въ рядахъ куринцевъ прибавилось 115-ть кавалеровъ и 89-ть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Вотъ памятники полка за 1859-й годъ.

По овладѣніи Гунибомъ и взятіи въ плѣнъ Шамили, вся обстановка Чечни и Дагестана давала главнокомандующему и фельдмаршалу полное увѣреніе, что война на восточномъ Кавказѣ окончена, и что отнынѣ здѣсь остается только насаждать и развивать гражданственность и мирную жизнь. Въ этомъ смыслѣ князь Барятинскій сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ, и 13-го ноября писалъ военному министру: ,,я на сей разъ могу съ душевною радостью довести до свѣдѣнія Его Величества, что, за исключеніемъ лишь праваго фланга, на всемъ остальномъ протяженіи ввѣреннаго мнѣ края военныхъ дѣйствій нигдѣ уже не предвидится''. Въ этомъ случаѣ предвидѣніе фельдмаршала хотя и не вполнѣ оправдалось, и неожиданныя обстоятельства, какъ увидимъ ниже, встревожили въ Терской области **) начатую подъ счастливымъ на-

---

*) См. приложеніе.

**) Въ концѣ 1859-го года, въ бытность въ Петербургѣ, фельдмаршалъ лично представилъ Государю проэктъ новаго административнаго дѣленія Кавказа и получилъ повелѣніе Государя—привести этотъ проэктъ въ исполненіе, сообщивъ о томъ военному министру и Кавказскому Комитету для свѣдѣнія.

На основаніи этого повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по кавказской арміи 3-го марта 1860-го года, правое крыло кавказской линіи названо Кубанскою областью, лѣвое—Терскою, а бывшій прикаспійскій край, съ частью нагорныхъ наибствъ—Дагестанскою. Терская и Кубанская области, вмѣстѣ съ Ставропольскою губерніею, названы офиціально сѣвернымъ Кавказомъ. Начальникамъ области присвоено званіе „командующихъ войсками", въ области расположенными.

Въ первое время Терская и Кубанская области, въ виду единства дѣйствій, были подчинены графу Евдокимову, который имѣлъ, для ближайшаго управленія областями, двухъ помощниковъ. Помощникомъ по управленію Терскою областью до середины 1861-го года былъ генералъ-маіоръ Кемпфертъ; а потомъ

строеніемъ мирную жизнь; но это была неожиданная вспышка невполнѣ потушеннаго пожара, и потому нельзя не оправдать незадолго передъ тѣмъ состоявшееся рѣшеніе фельдмаршала—большую часть свободныхъ силъ кавказской арміи сосредоточить въ Кубанской области, чтобы покончить и здѣсь съ кавказскими горцами.

Въ концѣ 1859-го года фельдмаршалъ приказалъ двинуть въ Кубанскую область (тогда еще правый флангъ) сначала всѣ четыре стрѣлковыхъ баталіона кавказской арміи и сѣверскій драгунскій полкъ, а затѣмъ всю резервную дивизію и стрѣлковыя роты полковъ и линейныхъ баталіоновъ. Изъ стрѣлковыхъ ротъ приказано было сформировать въ каждомъ полку четырехротные баталіоны и назначить для нихъ лучшихъ офицеровъ. Въ приказѣ по арміи отъ 16-го декабря 1859-го года, объявлена инструкція для сформированія этихъ баталіоновъ и распредѣленіе ихъ по сводно-стрѣлковымъ полкамъ *).

Куринскій стрѣлковый баталіонъ выступилъ изъ Ведено, напутствуемый благословеніемъ товарищей, 4-го ферадя 1860-го года; 22-го былъ въ Георгіевскѣ, и оттуда, по распоряженію начальства Кубанской области, отправился черезъ Ставрополь въ составъ шапсугскаго отряда генералъ-маіора Рудановскаго.

Въ составѣ войскъ Кубанской области куринцы были всего полгода, и хотя приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ шапсугскаго отряда, но въ то время не было здѣсь никакихъ замѣчательныхъ дѣлъ. Отрядъ, пройдя черезъ Кубань 17-го апрѣля 1860-го года, двинулся въ землю шапсуговъ и до осени занимался проведеніемъ просѣкъ и устройствомъ укрѣпленій Григорьевскаго и Ильскаго. Въ теченіе этого времени куринцы бывали и въ перестрѣл-

---

свиты Его Величества генералъ-маіоръ кн. Святополкъ-Мирскій, при которомъ въ августѣ 1861-го года Терская область отдѣлена отъ Кубанской.

*) Впослѣдствіи, это распредѣленіе было отмѣнено, и баталіонъ, подъ именемъ сводно-стрѣлковаго баталіона Куринскаго полка, поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе начальника отряда; баталіонъ былъ въ слѣдующемъ составѣ: командиръ баталіона подполковникъ Юргенсонъ; ротами командовали: 1-ю—подпоручикъ Рѣпиковъ, 2-ю—поручикъ Вредтъ, 3-ю—поручикъ Декорваль, 4-ю—подпоручикъ Момбели. Въ строю было 15 офицеровъ.

кахъ, а 27-го апрѣля, при занятіи аула Кабаницъ, какъ знатоки дѣла, старые егеря были назначены въ составъ штурмовой колонны; но ожидаемая упорная оборона не состоялась: непріятель уступилъ позицію почти безъ сопротивленія, и нашъ баталіонъ хотя и потерялъ тяжело раненымъ поручика Вредта, но самое дѣло было ничтожное. Баталіонъ былъ въ отличномъ состояніи, и полковникъ Чертковъ, послѣ возвращенія изъ за границы, осматривалъ его въ самомъ шапсугскомъ отрядѣ и объявилъ въ приказѣ по полку благодарность всѣмъ чинамъ баталіона за то, что „на правомъ крылѣ были самые лестные отзывы о составѣ, нравственности и боевыхъ достоинствахъ нашихъ куринцевъ (приказъ по полку 21-го мая № 518).

Рѣшительныя дѣйствія въ Кубанской области начались только съ прибытіемъ графа Евдокимова, зимой 1860-го года; но въ этихъ экспедиціяхъ куринцы уже не участвовали, потому что безпорядки въ Терской области заставили откомандировать нашъ стрѣлковый баталіонъ обратно въ Чечню. 11-го ноября баталіонъ выступилъ изъ Григорьевскаго укрѣпленія и пришелъ въ Ведено 3-го января 1861-го года, когда волненіе въ Чечнѣ приняло опасные размѣры, и во главѣ полка стоялъ новый командиръ полковникъ Головачевъ.

Послѣ взятія въ плѣнъ Шамиля, въ горахъ Чечни и Дагестана сохранились не совсѣмъ умиротворенныя лица, которыя въ минуту опасности ушли въ глубину горъ и лѣсовъ, унося съ собой ненависть къ русскимъ и чувство возмездія къ нашимъ войскамъ. Эти фанатики, дѣти стараго режима, не могли забыть требованія газавата и побѣдить въ себѣ врожденное чувство ненависти къ тѣмъ, которые обратили въ пепелъ ихъ дома, истребили ихъ поля и все, что наживалось всею жизнью цѣлыхъ поколѣній. Въ ихъ глазахъ, русскіе, шедшіе впередъ во имя историческаго своего права, являлись не миротворцами, а лишь гордыми поработителями, извергами и гяурами, господство которыхъ не слѣдовало терпѣть уже потому, что они христіане, которые, вслѣдъ за присвоеніемъ имущества, отнимутъ и душу, принадлежащую одному аллаху. Первая мысль, которая являлась подъ вліяніемъ этихъ идей у недовольныхъ, была— бросить все и идти туда, гдѣ можно спасти себя хотя бы для бу-

дущей жизни т. е. въ единовѣрную Турцію, подъ сѣнь султана, повелителя правовѣрныхъ. Но и это было нелегко, потому что въ началѣ переселеніе было запрещено русскими властями.

Эти затаенныя мысли, въ которыхъ прежде всего проглядываетъ недовольство своимъ положеніемъ, сначала тихо, а потомъ громче и громче проповѣдывались въ горахъ муллами и вскорѣ нашли прозелитовъ, которые не довольствовались одними идеями, а являлись проповѣдниками фактическаго возмездія. Кто знаетъ складъ ума кавказскихъ горцевъ, ихъ воспріимчивость и способность увлекаться всякими дѣлами, гдѣ фигурируетъ конь, винтовка и кинжалъ, тотъ пойметъ, почему вокругъ новыхъ проповѣдниковъ тотчасъ же стали группироваться безшабашныя головы, и вскорѣ въ разныхъ углахъ Чечни образовались партіи, которыя росли не по днямъ, а по часамъ. Спустя недолго, вся Чечня уже говорила о нихъ; всѣ знали имена зачинщиковъ; многіе даже мысленно осуждали ихъ затѣи, но—такова сила нравственной физіономіи Чечни—всякій прямо или косвенно оберегалъ неприкосновенность ихъ, какъ своихъ людей, какъ плоть отъ плоти ихъ, и кровь отъ крови ихъ. Въ этомъ отношеніи наши горцы не отличались отъ побѣжденныхъ всѣхъ народовъ и вѣковъ въ тотъ періодъ, когда сама жизнь дѣлаетъ разницу между побѣдителемъ и побѣжденнымъ, между господиномъ и рабомъ. Высшая мудрость побѣдителей заключается въ врачеваніи этихъ деликатныхъ заблужденій. Въ этихъ словахъ мы видимъ общее объясненіе всѣхъ безпорядковъ, возникавшихъ на Кавказѣ съ 1859-го года, не исключая и того, который разразился въ 1877—78 годахъ, и думаемъ, что въ будущемъ Россія не избавлена отъ случайностей, подобныхъ тѣмъ, которыя были въ 1860-мъ году, если сами условія жизни не исключатъ поводовъ къ возстанію *).

---

*) Это маленькое размышленіе мы привели для того, чтобы объяснить событія 1860-го года, причину которыхъ офиціальные документы видятъ или въ томъ, что нѣкоторые изъ покорившихся дѣятелей временъ Шамиля потеряли свое старое вліяніе и мстили намъ изъ корыстныхъ видовъ, или въ другихъ частностяхъ, которыя, по нашему мнѣнію, играютъ ту же роль, какъ маленькій камышекъ, о который разбивается расшатавшееся и полусгнившее колесо.

Лѣтомъ 1860-го года безпорядки вспыхнули разомъ въ Ичкеріи и въ шатоевскомъ округѣ. Главнокомандующій полагалъ, что подобное неожиданное возстаніе мирнаго населенія аргунскаго округа можетъ быть началомъ или сигналомъ болѣе значительныхъ въ краѣ безпорядковъ, волненій и даже возстанія, а потому выразилъ желаніе, чтобы приняты были самыя энергическія мѣры къ прекращенію безпокойствъ въ самомъ зародышѣ ихъ, и чтобы причины означеннаго возстанія были непремѣнно открыты во всей истинѣ, а виновные преданы военному суду. О самыхъ безпорядкахъ сохранились слѣдующія свѣдѣнія:

Послѣ разсказаннаго въ предыдущей главѣ всеобщаго движенія въ Чечнѣ и Дагестанѣ, когда всѣ аулы заявляли чрезъ депутатовъ о своей покорности, одно населеніе аула Беной (въ Ичкеріи, близъ Дарго), вмѣсто выраженія смиренія, выселилось въ лѣса и осталось тамъ до тѣхъ поръ, пока все успокоилось. Вслѣдъ затѣмъ, сюда собралась и горсть абрековъ, скрывавшихся отъ преслѣдованій нашей администраціи, и, улучшивъ минуту, недовольные стали спускаться на плоскость, чтобы поживиться насчетъ проѣзжихъ по большимъ дорогамъ. Въ серединѣ іюня 1860-го года, абреки убили двухъ солдатъ кабардинскаго полка и двухъ казаковъ. Чтобы наказать хищниковъ и раззорить Беной, графъ Евдокимовъ рѣшилъ выдвинуть въ Ичкерію маленькій отрядъ, разработывавшій тогда дорогу по хулхулаускому ущелью, и на это просилъ разрѣшенія главнокомандующаго. Въ концѣ своего донесенія (11-го іюня 1860-го года), графъ Евдокимовъ говорилъ: „въ остальныхъ частяхъ края народонаселеніе, не взирая на поджигательство къ переселенію въ Турцію, живетъ спокойно“. Но не прошло и четырехъ дней послѣ этого донесенія, какъ другимъ рапортомъ (15-го іюня), графъ Евдокимовъ сообщилъ, что 14-го іюня партія до 200 человѣкъ горцевъ чантынскаго общества сдѣлала нападеніе на транспортъ у Башинъ-Кале, причемъ убила и ранила нѣсколько человѣкъ и, засѣвъ въ пещерахъ, завязала перестрѣлку съ двумя ротами, бывшими на работахъ; достойно вниманія, что возмущеніе это случилось въ населеніи, „которое, по мнѣнію начальства, отличается передъ всѣми кротостью нравовъ и миролюбіемъ“.

Вслѣдъ за этимъ, безпорядки росли съ быстротою, какъ въ Ичкеріи, такъ и въ особенности на Аргунѣ, гдѣ образовались двѣ отдѣльныя партіи: одна подъ предводительствомъ бывшаго шароевскаго наиба Умы Дуева, а другая—бывшаго кадія въ шатоевскомъ народномъ судѣ—Атабая. Первый развилъ свои дѣйствія въ верховьяхъ Шаро-Аргуна—въ Дзумсоѣ, а второй, послѣ неудачнаго нападенія на Евдокимовское укрѣпленіе, перенесъ свои дѣйствія въ аккинское общество, какъ говорили, съ цѣлью, въ случаѣ новой неудачи, перебраться въ Кубанскую область. Такимъ образомъ, возстаніе проникло въ горные округи малой Чечни.

Первая попытка начальства локализовать безпорядки, чтобы они не охватили всего вновь покореннаго края, не вполнѣ удалась: 21-го іюня бунтовщики вторично заняли долину Чанты-Аргуна и обложили Евдокимовское. 22-го іюня командиръ навагинскаго полка князь Тумановъ атаковалъ мятежниковъ, которые были уже настолько сильны, что пытались сопротивляться. Потерявъ болѣе 40 человѣкъ убитыми, партія Атабая разсѣялась, для того, чтобы вновь и еще въ большемъ числѣ собраться въ окрестныхъ лѣсахъ лѣваго берега Чанты-Аргуна.

Для подавленія возстанія въ горахъ малой Чечни и на Аргунѣ, графъ Евдокимовъ значительно усилилъ отрядъ полковника князя Туманова и выдвинулъ со стороны Галашекъ отрядъ генерала Баженова, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній пошелъ черезъ аккинское общество на Чанты-Аргунъ, для совмѣстнаго дѣйствія съ княземъ Тумановымъ.

Въ это время положеніе дѣлъ въ Ичкеріи было слѣдующее: беноевцы, руководимые нѣкимъ Байсенгуромъ, пользуясь тѣмъ, что густыя лѣса Ичкеріи одѣты листомъ и потому неудобны для движенія русскихъ отрядовъ, завязали сношеніе съ окрестными аулами и получили помощь и одобреніе сначала отъ даргинцевъ, а потомъ и отъ белгатойцевъ.

Чтобы локализовать возстаніе по крайней мѣрѣ въ большой Чечнѣ, графъ Евдокимовъ воспользовался войсками, бывшими на дорожныхъ работахъ, и окружилъ ими Ичкерію; такъ, одна колонна, подъ командою генерала Кемпферта, окончивъ постройку эрсе-

поевскаго укрѣпленія, стала у входа въ ущелье Хулхулау, въ составѣ пяти баталіоновъ, трехъ сотенъ кавалеріи и шести орудій; другая колонна, состоявшая изъ двухъ съ половиной баталіоновъ куринцевъ, съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Черткова, вышла изъ Ведено и стала у аула Эрсеной (близь Гамеръ-Дука), а третья колонна полковника Радецкаго, разработывавшая дороги на Койсу близь Гимры, была передвинута на Ярыкъ-су и поставлена между укрѣпленіями Зандакъ и Кишень, для наблюденія за Ичкеріею со стороны кумыкской плоскости. Кромѣ этихъ колоннъ, были выдвинуты еще двѣ—одна полковника Петрова, на Хоби-Шавдонъ, и другая генерала Лазарева въ Аварію, на гору Бетль. Такимъ образомъ, Ичкерія была окружена со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ положеніи колонны оставались въ бездѣйствіи, въ ожиданіи наступленія листопада и разъясненія хода дѣлъ на Аргунѣ.

Въ началѣ іюля выяснились успѣхи Баженова, прошедшаго въ аккинское общество и разорившаго здѣсь мѣстные аулы. Въ то же время и князь Тумановъ разорилъ Дзумсой, и въ аргунскомъ ущельи порядокъ повидимому сталъ возстановляться. Оставалось захватить самыхъ мятежниковъ, изъ которыхъ Атабай скрылся въ верховьяхъ Мартанки, въ аулахъ Сурети, и оттуда посылалъ партіи на разбой въ окрестности Воздвиженской *), а Ума ушелъ въ недоступныя трущобы горы Инза (въ Шароѣ).

Какъ только безпорядки на Аргунѣ стали утихать, генералъ Кемпфертъ перешелъ къ дѣйствіямъ противъ Ичкеріи. Прежде всего онъ двинулся къ Хоби-Шавдону, гдѣ надлежало уничтожить упраздненное укрѣпленіе, и затѣмъ, соединившись съ колонной Радецкаго, сталъ дѣлать просѣку къ сторонѣ Беноя. Куринцы продолжали занимать свою позицію въ аулѣ Эрсеной. Съ началомъ нашего движенія въ Ичкерію, и мятежники перешли въ наступленіе: въ ночь съ 28-го на 29-е іюля, партія человѣкъ въ 200 двину-

*) Между другими жертвами партіи абрековъ изъ Сурети, сдѣлались 4 рядовыхъ Куринскаго полка, убитые въ командѣ, возвращавшейся съ покоса близь Воздвиженской, гдѣ еще оставалась часть хозяйства Куринскаго полка.

лась къ аулу Дышны-Ведень, съ цѣлью отрѣзать колонну Черткова отъ штабъ-квартиры. Мятежники открыли стрѣльбу по Ведено и ранили здѣсь трехъ солдатъ; Чертковъ выслалъ навстрѣчу непріятелю одинъ баталіонъ, который моментально разсѣялъ партію и занялъ Гамеръ-Дукъ. При этомъ у насъ было два убитыхъ и 12-ть раненыхъ (въ числѣ раненыхъ подпоручикъ Андреевъ). Появленіе партіи въ ущельи Хулхулау вызвало опасеніе за спокойствіе Чечни и грозило соединеніемъ партій Умы и Байсенгура, поэтому генералъ Кемпфертъ послалъ часть войскъ къ укрѣпленію Эрсеной, а другою усилилъ колонну Черткова, который уже былъ въ состояніи выдѣлить 1-й баталіонъ и одну сотню казаковъ для занятія важной позиціи Кетишъ-Кортъ. Этой маленькой колонной командовалъ подполковникъ Головачевъ, будущій командиръ Куринскаго полка.

Одновременно съ занятіемъ Кетишъ-Корта, т. е. 1-го августа, колонна Радецкаго передвинулась на позицію близъ Саясана и расположилась въ разстояніи двухъ часовъ пути отъ колонны Головачева. Съ этихъ поръ, движенія наши стали энергичнѣе: 4-го августа полковникъ Чертковъ сосредоточилъ главныя силы на Кетишъ-Кортѣ, и 8-го произвелъ усиленную рекогносцировку по пути къ Беною. Непріятель нигдѣ не показывался, и дорога оказалась доступною войскамъ, но полковникъ Чертковъ не продолжалъ своего наступленія, потому что получилъ приказаніе остановить дальнѣйшее движеніе, пока колонна Радецкаго, шедшая со стороны Саясана, не окончитъ просѣку. По этой причинѣ, колонна Черткова заняла лагерное мѣсто у Белгатоя, гдѣ наши простояли до 27-го сентября. Въ этотъ день генералъ Кемпфертъ назначилъ штурмъ Беноя; но полковника Черткова уже не было въ отрядѣ, и его колонну повелъ на штурмъ подполковникъ Головачевъ. Беной былъ взятъ послѣ довольно упорной обороны, причемъ мы потеряли 4-ре убитыхъ и 22 раненыхъ (въ числѣ послѣднихъ 20-го стрѣлковаго баталіона капитанъ графъ Орловъ-Давыдовъ 1-й). Въ штурмѣ участвовалъ 3-й баталіонъ, подъ командой капитана Арамовича; причемъ, у него ранены 3 рядовыхъ.

Послѣ дѣла 27-го сентября, наши отряды оставались въ Ич-

керіи для разработки дорогъ и въ ожиданіи, что разсѣявшіеся жители, принужденные холодомъ и голодомъ, наконецъ, сами явятся съ повинною; но беноевцы упорствовали: они разсѣялись по сосѣднимъ ауламъ и, устроившись въ маленькія партіи, тревожили наши отряды. Преслѣдовать одиночныхъ не было надобности, и потому, оставивъ у Беноя колонну Головачева, генералъ Кемпфертъ собралъ остальныя 7-мь баталіоновъ, 5 сотенъ и 4 орудія въ Кишенѣ. Въ этомъ положеніи войска въ Ичкеріи оставались до начала декабря, причемъ непріязненныя отношенія постоянно стихали, а войска разработывали дороги.

Но это долгое томительное ожиданіе добровольной покорности мятежниковъ хотя и приносило нѣкоторую пользу, потому что бунтъ утихалъ безъ кровопролитія; но кто могъ поручиться за будущее спокойствіе, которое составляло главную заботу главнокомандующаго? Для достиженія цѣли рѣшено было совершить переселеніе неблагонадежныхъ ауловъ на плоскость, а остающіеся сгруппировать въ крупныя населенныя мѣста. Съ этою цѣлью, въ декабрѣ мѣсяцѣ были двинуты колонны въ верховья Мартанки, Дзумсоя и Аксая. Начальникъ этихъ колоннъ—генералы Баженовъ, Кундуховъ и Кемпфертъ съ успѣхомъ исполнили порученіе, и сотни семействъ выселены на плоскость. Во время этихъ дѣйствій, три баталіона куринцевъ, бывшіе въ колоннѣ Головачева, атаковали беноевскіе хутора, раззорили ихъ, и въ самую холодную пору февраля 1861-го года, искрестивъ верховья Аксая, спустились съ переселенцами на плоскость. Байсенгуръ былъ схваченъ и доставленъ въ руки правосудія. Однако, не смотря на подавленіе возстанія въ Ичкеріи—успѣхъ нашъ въ Чечнѣ не былъ полонъ: Ума и Атабай успѣли скрыться и продолжали агитацію.

До сихъ поръ мы не говорили подробностей объ агитаціи Умы, потому что куринцы не были въ раіонѣ дѣйствій противъ этого мятежника; нашъ полкъ былъ расположенъ въ Ичкеріи и въ укрѣпленіяхъ Форельномъ и Преображенскомъ, куда до сихъ поръ волненія не проникали. Куринцы жили здѣсь совершенно смирно, занимаясь крѣпостными работами и заготовленіемъ матеріаловъ для казармъ. Вѣсти объ ичкеринскихъ волненіяхъ сюда едва доходили.

Для рубки лѣса выходили командами, и хотя оружія не оставляли, но все-таки операція совершалась безъ военныхъ предосторожностей. Спокойная и мирная жизнь стала уже влiять и на предусмотрительность начальства, за что наши три роты сильно поплатились 26-го мая 1861-го года.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ укрѣпленіи Преображенскомъ стоялъ 2-й баталіонъ подполковника Шидловскаго. 23-го числа, по приказанію начальства, три роты этого баталіона были отправлены верстъ за двадцать вверхъ по Койсу для вырубки 1500 деревьевъ, необходимыхъ на постройки. Прійдя въ лѣсъ, роты разбили имѣвшіяся палатки и стали выходить въ урочное время на рубку, причемъ въ лагерѣ оставались кашевары и слабые. 26-го мая, послѣ обѣда, не чуя никакой опасности, роты пошли на работы. Въ лагерѣ остались, кромѣ кашеваровъ, слабыхъ и офицерской прислуги, еще старшій офицеръ штабсъ-капитанъ Чернышевъ и съ нимъ поручикъ Вельяминовъ и подпоручикъ Мирной. Въ 4 часа дня, когда всѣ отдыхали, партія ункратльцевъ, въ числѣ 28-ми человѣкъ, подъ предводительствомъ Куракулъ-Магомы, напала на лагерь, убила всѣхъ трехъ офицеровъ и 11-ть нижнихъ чиновъ и ранила 5-ть нижнихъ чиновъ. Поднялся страшный крикъ и стрѣльба, и когда на выстрѣлы прибѣжала ближайшая рота, то въ лагерѣ увидѣли только изувѣченныя тѣла товарищей.

Куракулъ-Магома оказался однимъ изъ сообщниковъ Умы, присланный для поднятія бунта въ Андію; къ счастью нашему, легкая добыча соблазнила его, и Магома, ранѣе чѣмъ организовать свою партію, открылъ намъ свои намѣренія и потому не могъ ихъ развить до опасныхъ для насъ размѣровъ. Генералъ-маіоръ Лазаревъ схватилъ предводителя со всею шайкою и препроводилъ въ Шуру. Съ этимъ вмѣстѣ прекратились безпорядки въ андійскомъ округѣ, который былъ переданъ въ управленіе Дагестанскою областью, а Куринскій баталіонъ возвращенъ изъ Преображенскаго въ Ведено въ концѣ лѣта 1861-го года. Въ исходѣ года новый командующій войсками въ Терской области, генералъ-маіоръ князь Святополкъ-Мирскій, окончательно подавилъ возстаніе и въ аргунскомъ ущельи, гдѣ были схвачены Ума и Атабай. Порядокъ въ раіонѣ располо-

женія полка былъ возстановленъ. Съ этихъ поръ, для куринцевъ началась новая жизнь.

Собственно говоря, кавказская война кончилась лишь съ десантной экспедиціей 1864-го года на восточномъ берегу Чернаго моря; но, какъ уже сказано выше, Куринскій полкъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Кубанской области участвовалъ только лѣтомъ 1860-го года, и то, такъ сказать, мимоходомъ; слѣдовательно, роль полка во время кавказской войны ограничивается предѣлами Чечни и Дагестана, и потому, вмѣстѣ съ окончаніемъ войны на восточномъ Кавказѣ, кончается участіе полка въ полувѣковой борьбѣ русскихъ войскъ за покореніе Кавказа.

Еще разъ, въ награду за всю прошлую службу Россіи, Куринскій пѣхотный полкъ, въ самый послѣдній годъ кавказской войны, удостоился особаго вниманія Монарха: *21-го сентября 1860-го года, ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ ряды полка зачисленъ шефомъ Его Императорское Высочество Великій Князь Павелъ Александровичъ*, Имя Котораго съ тѣхъ поръ украшаетъ знаменитый полкъ.

О назначеніи шефа Куринцы узнали изъ приказа по полку на 6-е октября 1860-го года, въ которомъ полковникъ Чертковъ поздравилъ своихъ однополчанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. „Съ истинною гордостью передаю ввѣренному мнѣ полку это новое выраженіе особеннаго къ нему Высочайшаго благоволенія. Къ старому имени Куринскаго полка отнынѣ присоединяется имя новорожденнаго Августѣйшаго Сына Императора, Великаго Князя Павла Александровича. Мы должны поздравить другъ друга съ такою милостью и довѣріемъ къ намъ Государя и повторить, подъ знаменами полка, обѣтъ вѣрноподданной и безукоризненной службы Престолу и отечеству“.

6-го октября впервые куринская чарка была осушена за здравіе Шефа. Угощалъ всѣхъ самъ командиръ, флигель-адъютантъ полковникъ М. И. Чертковъ, который имѣлъ счастье связать свое имя со всѣми послѣдними блестящими событіями въ исторіи полка,

и оставилъ его ряды вмѣстѣ съ послѣдними выстрѣлами въ умиротворенной Чечнѣ. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ приказа о назначеніи шефа, куринцы прочли другой приказъ по полку о производствѣ своего достойнаго командира въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, и о новомъ командирѣ Куринскаго Его Высочества полка полковникѣ Головачевѣ. Старый командиръ о своемъ отъѣздѣ объявилъ 15-го ноября въ слѣдующихъ прочувствованныхъ словахъ:

„Храбрые куринцы! оставляю полкъ, оцѣнивъ вполнѣ ваши блестящія достоинства, сроднившись съ вами, уважая васъ и любя всей душой. Всегда буду гордиться тѣмъ, что имѣлъ честь принадлежать къ славному Куринскому полку еще въ то время, когда вашею храбростью и чрезвычайными трудами покоренъ восточный Кавказъ. Искренно благодарю васъ за службу въ мое командованіе: вы превзошли всякую похвалу. Прощаюсь съ вами, куринцы, ожидая одного, что вы и теперь будете считать меня своимъ; переставая быть начальникомъ, я остаюсь товарищемъ вашимъ навсегда“.

Желаніе Михаила Ивановича исполнилось: волею Государя, онъ и теперь, состоя членомъ государственнаго совѣта, числится въ спискахъ Куринскаго полка; а въ памяти куринцевъ не изгладится его имя, потому что въ полку сохраняются, какъ его портретъ, такъ и щедрыя приношенія—плодъ неутомимыхъ заботъ Михаила Ивановича о благоденствіи куринцевъ, его товарищей. Наконецъ, настоящее скромное изданіе есть слабая дань памяти гамердукскаго героя.

Приказы по полку, отданные полковникомъ Чертковымъ, служатъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для оцѣнки дѣятельности М. И. какъ командира. Въ этихъ приказахъ рисуется честный слуга своему Государю, умный руководитель служебныхъ занятій и строгій начальникъ, незнающій послабленій виновнымъ, но ласковый и заботливый о нуждахъ солдатъ. Въ его время куринцы щеголяли не одною храбростью, но и наружнымъ видомъ. Въ зимнихъ экспедиціяхъ куринцы были предметомъ зависти другихъ полковъ, потому что всегда были съ избыткомъ снабжены всѣмъ необходимымъ, и тамъ, гдѣ солдату недоставало казеннаго, онъ всегда находилъ под-

держку въ богатыхъ средствахъ самого командира. Повторяемъ, куринцы съ грустью разстались съ Михаиломъ Ивановичемъ Чертковымъ, съ которымъ закончился героическій періодъ исторіи Куринскаго полка.

1860-мъ годомъ исчерпывается предметъ нашего разсужденія, но не кончается служба куринцевъ отечеству. Послѣ этого года, Россія прожила много событій, въ которыхъ не обошлось безъ пролитія крови куринцевъ; таковыми событіями были: закаспійскій походъ и возстаніе въ Чечнѣ во время послѣдней турецкой войны въ 1877—78-мъ годахъ. Но эти событія являются отдѣльными эпизодами въ новѣйшей исторіи полка, не связанными со всею предыдущею жизнью „бывшихъ егерей". Вотъ почему, разсказъ нашъ останавливается на покореніи восточнаго Кавказа.

Съ шестидесятыхъ годовъ, водворились новые взгляды на солдата, на его назначеніе и службу; старый опытъ сталъ уступать мѣсто „обученію", а поле сраженія—школѣ. Наука и уставъ нивеллировали не только понятія, но и наружный видъ кавказскихъ полковъ. Такова сила прогреса—и не намъ жалѣть, что старое замѣнилось новымъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ I.

I.

Высочайше утвержденный штатъ въ 21-й день марта 1834-го года для преобразованія войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, на основаніи котораго сформированъ Куринскій егерскій полкъ.

1) Полковой штабъ.

Штабъ полка составляютъ: полковой командиръ, полковникъ— 1, оберъ-офицеры, поручики: полковой адъютантъ 1, квартермистръ 1, казначей 1; классные чиновники: аудиторъ, штабъ-лекарь 1, чиновникъ для обученія музыкантовъ 1; духовнаго званія, священники: старшій 1 и младшій 1.

Нижніе чины:

Строевые.		Нестроевые.	
Тамбуръ-мажоръ	1		
Музыканты: Унтеръ-офиц. чина	16	Писарей: Полковой	1
Музыканты: Рядовыхъ	24	Писарей: Квартермист.	1
		Писарей: Казначейскій	1
		Младшихъ писарей	9
Полковой барабанщикъ	1	Аптекарскій ученикъ	1
,, горнистъ	1	Полковой фельдшеръ	1
		Церковниковъ	4

2) Штабы всѣхъ 5-ти баталіоновъ по военному времени.

Въ баталіонныхъ штабахъ, во всѣхъ 5 баталіонахъ, состоитъ: штабъ-офицеровъ 10-ть (изъ сего числа баталіонныхъ командировъ: подполковниковъ 2, а маіоровъ 3; младшихъ штабъ-офицеровъ: маіоровъ 5-ть), оберъ-офицеровъ: подпоручиковъ—баталіонныхъ адъютантовъ 5-ть; классныхъ чиновниковъ: баталіонныхъ лекарей 5.

Нижніе чины:

Строевые.		Нестроевые.	
Портупей-прапорщиковъ	5	Баталіонныхъ	Писарей 15
Подпоручиковъ	5		Фельдшер. 5
Баталіонныхъ барабанщиковъ. . .	5		
,, горнистовъ.	5		

3) Штатъ ротъ одного баталіона и вообще всѣхъ 5-ти баталіоновъ полка по военному времени.

Оберъ-офицеровъ.	Въ одной ротѣ.	Въ одномъ баталіонѣ	Во всѣхъ 5 баталіон.	Нижнихъ чиновъ.	Въ одной ротѣ.	Въ одномъ баталіонѣ.	Во всѣхъ 5 баталіонахъ.
Капитанъ . . .		1	5	Фельдфебелей.	1	4	20
Штабсъ-капит.	1	3	15	Кептенармусовъ	1	4	20
Поручиковъ . .	1	4	20	Унтеръ-офицеровъ . . .	20	80	400
Подпоручиковъ.	1	4	20	Карабинеровъ	260	260	1300
Прапорщиковъ.	1	4	20	Егерей.		780	3900
				Ротныхъ барабанщиковъ.	3	12	60
				,, горнистовъ .	3	12	60
				Флейтщ. только въ кар. р.	2	2	10
				Цирюльниковъ	1	4	20

4) Составъ нестроевой роты.

Ротный командиръ, оберъ-офицеръ, отъ подпоручика до капитана	1
Унтеръ-офицеры: вагенмейстеръ, по званію фельдфебеля, завѣдываетъ всѣми чинами нестроевой роты	1
Надзиратель больныхъ—завѣдываетъ командой лазаретныхъ служителей	1
Фурштатскій унтеръ-офицеръ—управляетъ фурштатами	1
Рядовыхъ: лазаретныхъ служителей	40
Ложный мастеръ	1
Оружейный мастеръ	1
Ложниковъ	20
Оружейниковъ	20
Коновалъ	1
Кузнецовъ	10
Плотниковъ	10
Колесникъ	1
Фурштатовъ	136
Профосовъ	5
Всего: офицеръ 1, унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ	245

5) Составъ инвалидной роты.

Оберъ-офицеровъ.		Нижнихъ чиновъ.	
Командиръ роты, капитанъ или штабсъ-капитанъ	1	Фельдфебель	1
Поручикъ, подпоручикъ или прапорщикъ	1	Каптенармусъ	1
		Унтеръ-офицеровъ	18
		Рядовыхъ	260
		Фельдшеръ	1
		Цирюльникъ	1
		Писарь	1
	2		283

II.

Характеристика офицера Куринскаго полка тридцатыхъ годовъ.

Какъ образчикъ для характеристики офицеровъ описываемаго періода, приведу приказъ по полку отъ 28-го апрѣля 1838-го года, № 90, п. 4: ,,ввѣреннаго мнѣ полка прапорщикъ Елагинъ, явившись ко мнѣ сего числа въ 7 часовъ пополудни, безъ шпаги, съ разстегнутымъ сюртукомъ, имѣя брюки свѣтлосѣраго сукна съ серебряными лампасами, просилъ дать ему аудіенцію; когда я требовалъ, чтобъ онъ объявилъ свою надобность, или подалъ о томъ на бумагѣ, то онъ отвѣчалъ: ,,предметъ моего разговора есть важный и при всѣхъ говорить нельзя, также объ ономъ не можно писать на бумагѣ". Потомъ, обратившись въ сторону, при бывшихъ у меня по службѣ офицерахъ: ,,жалѣю, что не вовремя пришелъ, и теперь не мѣсто говорить со мной".

,,Продолжая такимъ тономъ разговоръ, былъ очень воленъ, моталъ руками, въ лицѣ своемъ изображалъ досаду; наконецъ, грозилъ, что за него я буду отвѣчать".

За это, прапорщика Елагина, ,,имѣющаго способность быть дерзкимъ и неуважительнымъ къ начальству", полковникъ Пулло арестовалъ и просилъ, по начальству, предать суду. О судьбѣ Елагина ничего неизвѣстно.

III.

Жизнь въ казачьей станицѣ тридцатыхъ годовъ.

,,Проѣзжаетъ русскій человѣкъ по кизлярской дорогѣ, идущей вдоль лѣваго берега Терека, и видитъ большія русскія села, окопанныя рвомъ, обнесенныя земляныхъ валомъ и плетневымъ ты-

номъ, съ терновой оторочкой поверху; въѣзды и выѣзды загораживаются рогатками, затворяются воротами, покрашенными по форменному военному рисунку; надъ воротами стоятъ на черныхъ столбахъ вышки, и на нихъ часовые. Это—гребенскіе казачьи городки или, потеперешнему, станицы. А тамъ, за рѣкой, обозначаются темными массами, съ бѣлѣющими надъ ними клубами дыма, еще какія-то жилища: то—мирные аулы, крайніе этапы немирныхъ горцевъ. Между аулами и станицами пролегаетъ горная рѣка, постоянно мѣняющая свой уровень: то она возвышается и заграждаетъ переѣзды, то падаетъ и открываетъ свои заставы—броды по отмелямъ. Кавказская война распредѣлила роли между сторонами аульною и станичною такимъ порядкомъ, что первой отвела нападеніе, а послѣдней оборону и защиту. Терекъ управляетъ ходомъ кровавой игры: отъ него зависитъ дать отдышку или обострить борьбу. ,,Терекъ бурлитъ — казакъ лежитъ; Терекъ молчитъ — казакъ не спитъ''. Какой-то голосъ говоритъ ему: ,,не спи казакъ во тьмѣ ночной, чеченецъ ходитъ за рѣкой''! Онъ подвяжетъ себѣ кожаные мѣха (тулухи) подъ мышки, переплыветъ рѣку въ полномъ вооруженіи и подкрадется кровожадной гіеной къ станичному выгону. Вотъ почему жизнь въ линейной казачьей станицѣ сжата, скучена до крайности. Въ ней укладывается не только домашнее, но и все полевое хозяйство казака. Въ ней ночуетъ, а, когда по линіи тревожно, то и днюетъ весь станичный скотъ. Съ захожденіемъ солнца, и люди, и четвероногія—всѣ убираются подъ защиту станичной ограды. Въ опустѣломъ полѣ тихо и осторожно проѣдетъ вооруженный, закутанный въ бурки и башлыки ночной разъѣздъ, да проскачетъ почта, окруженная лихимъ конвоемъ. Да тамъ же, около рѣчнаго берега, заляжетъ невидимкой ночной секретъ, а не то, старый станичный охотникъ-отвага засядетъ на лѣсную тропу, чтобъ на утренней зарѣ срѣзать звѣря. Про него, должно быть, сказала храбрая пословица: ,,волка бояться—въ лѣсъ не ходить''. Но вотъ, ужъ прошла ночь, наступилъ день; однакожъ, никто изъ станицы не выѣдетъ, и скота не выгонитъ, пока не пойдутъ утренніе разъѣзды и не объявятъ, что опасности не предвидится. Но предвидѣть ее такъ же трудно, какъ и перемѣну погоды:

назвать день благополучнымъ можно было только ввечеру. Въ силу такого правила, казакъ ни въ какую работу и ни въ какую поѣздку не отправлялся безъ оружія, даже домашній покой вкушалъ онъ въ полной, можно сказать, походной формѣ, подъ опекой оружія, державшагося на-чеку, во всегдашней исправности. Когда казачки шли работать въ сады, казаки-подростки (старымъ было некогда) провожали ихъ съ ружьями и охраняли женскія работы, занявъ сторожевые посты по высокимъ деревьямъ. Внизу раздавалась дѣвичья пѣсня, а вверху виталъ бодрый духъ малолѣтковъ, рано сложившихся для боеваго дѣла. Но неподатливость на свычку съ опасностью и долговременное, напряженное соблюденіе осторожности возможны только для натуръ боязливыхъ, къ которымъ не принадлежитъ разбитная натура русская; ей свойственно пренебреженіе опасностью, шибокъ на авось, а оттуда одинъ только шагъ до расплоха. Бывали расплохи и по волѣ, и по неволѣ, а чеченцы, изъ всѣхъ горцевъ, обладали преимущественнымъ искусствомъ ими пользоваться. Благородные адыги оставляли за собой пальму превосходства въ открытомъ, рыцарскомъ бою, а мичкизамъ—лохмотникамъ, т. е. чеченцамъ, незнавшимъ какъ почистить и надѣть кольчугу, презрительно предоставляли первенство въ засадахъ и за заваломъ. Дѣйствительно, это были настоящіе шакалы и гіены въ дѣлѣ засадъ и внезапныхъ нападеній. При малѣйшемъ расплохѣ со стороны своихъ станичныхъ противниковъ, они выростали изъ земли, мгновенно производили рѣзню и хватали добычу: отгоняли скотъ и лошадей, уводили дѣтей и женщинъ; чего нельзя было увлечь, то разрушали, истребляли, но рѣдко зажигали сѣна и хлѣба въ полѣ. Въ темныя ночи подползали они вдвоемъ, втроемъ подъ самые городки, вырѣзывали кинжалами, безъ шума, прорѣхи въ плетневой оградѣ и похищали быковъ и коровъ изъ самыхъ закутъ. На такія продѣлки особенно были способны и неутомимы абреки—отпѣтые въ своихъ аулахъ люди, изгои и бездомовники. При всякомъ вторженіи или при замѣченной попыткѣ къ вторженію непріятеля, висѣвшій у съѣзжей станичной избы, потеперешнему—станичнаго правленія, колоколъ звонилъ сполохъ, и мгновенно вскипала тревога. Для тревоги не было урочнаго часа ни днемъ, ни но-

чью; она прерывала всякую работу и заботу, прерывала горе и радость, пиръ и пѣсню, плачъ и ссору, и сплетню, и пріятельскую бесѣду, и праздничную молитву въ часовнѣ. Тревога вмѣшивалась во всѣ отправленія въ жизни, нерѣдко портила жизнь, разрушала и молодыя, едва расцвѣтшія надежды". („Терскіе казаки". Попко. Выпускъ I, страница 247).

КЪ ГЛАВѢ II.

Выписка изъ составленной въ 1833-мъ году, по приказанію военнаго министра князя Чернышева, „вѣдомости народамъ, обитающимъ между морями Чернымъ и Каспійскимъ, на пространствѣ подвластномъ Россіи, съ означеніемъ народонаселенія сихъ племенъ, степени ихъ покорности къ правительству и образа правленія".

№	Наименованіе племенъ и обществъ.	Число душъ.	Замѣчанія.	Степень покорности къ правительству и образъ правленія.
	Чеченцы.			
1	Собственно Чечня. . .	86,000	Въ томъ числѣ дер. Брагуны, составляющая особое общество.	Изъ числа называемыхъ собственно чеченцами, живущіе на Сунжѣ и между сею рѣкою и Terекомъ, а также брагунцы, покорны и имѣютъ своего пристава, который подчиненъ командующему лѣвымъ флангомъ кавказской линіи; остальные имѣютъ свое управленіе и большею частью непокорны.

2	Качкалыковцы. . .	14,000		Качкалыковцами называются тѣ чеченцы, которые вышли изъ горъ и живутъ на землѣ аксаевскихъ князей; потому, они находятся въ зависимости у сихъ послѣднихъ и по дѣламъ своимъ относятся къ нимъ; они довольно покорны.
3	Ауховцы. .			Ауховцы находятся въ нѣкоторой зависимости у андреевскихъ князей и въ дѣлахъ своихъ относятся къ нимъ; часть ауховцевъ, живущихъ ближе къ Андрееву, покорна, а остальные непокорны.
4	Ичкеринцы.	15,000		
5	Чабуртлы или Чарбили . . .	7,000		Имѣютъ свое управленіе и совершенно непокорны.
6	Кистинцы .	27,000		
7	Шубузы . .	5,000		
8	Пшехойцы .	4,000		
9	Акинцы . .	6,000		
10	Цоринцы. .	1,200		
11	Галгаи. . .	4,800		Галгаи состоятъ подъ управленіемъ владикавказскаго коменданта; часть сего племени въ 1832-мъ году и въ началѣ 1833-го года выселилась изъ горъ на плоскость между Терекомъ и Сунжею, между ингушей; прочіе малопокорны.
12	Галашевцы.	2,000	Извѣстны подъ именемъ ингушей.	Галашевцы имѣютъ свое управленіе и совершенно непокорны. Назрановцы совершенно покорны; они управляются русскимъ приставомъ, который состоитъ въ вѣдѣніи владикавказскаго коменданта. Карабулаки также причислены къ управленію владикавказскаго коменданта, но пристава не имѣютъ; они большею частью непокорны.
13	Назрановцы. . . .	11,000		
14	Карабулаки.	15,000		
	Итого.	218,000		

Кумыки.			
1 Аксаевскіе.	8,000		Управляются русскимъ приставомъ, который состоитъ въ вѣдѣніи командующаго лѣвымъ флангомъ кавказской линіи. Кумыки совершенно покорны.
2 Андреевскіе. . . .	28,000		
3 Костекскіе.	2,800		
Итого.	38,800		
Лезгины.			
1 Владѣніе шамхала Тарковскаго.	50,000	Большая часть жителей изъ кумыковъ, остальная лезгины.	Тарковское владѣніе управляется своимъ владѣтелемъ, называемымъ шамхаломъ, который состоитъ въ вѣдѣніи военно-окружнаго начальника въ Дагестанѣ; жители онаго владѣнія совершенно покорны.
2 Салатавцы.	10,500		Салатавцы имѣютъ русскаго пристава, который однакожъ надъ ними имѣетъ мало власти.
3 Гумбетовцы	15,000		Имѣютъ свое управленіе и совершенно непокорны.
4 Анди. . . .	15,000		
5 Койсубулинцы. . .	35,000		Часть койсубулинцевъ находится въ нѣкоторой зависимости у шамхала Тарковскаго, который разбираетъ ихъ дѣла; большая же часть имѣетъ свое управленіе и въ послѣдней экспедиціи изъявила готовность принять присягу на вѣрность Государю Императору.
6 Аварцы . .	25,000		Аварцы имѣютъ своего хана, который пользуется однимъ лишь наружнымъ уваженіемъ и получаетъ отъ правительства пенсіонъ; но вообще, аварцы принадлежатъ къ народамъ намъ непокорнымъ. (Вмѣсто этого примѣчанія, въ вѣдомости

				есть отмѣтка карандашемъ: ,,по уничтоженіи древней фамиліи ханской, назначенъ правителемъ генералъ-маіоръ Асланъ-ханъ казикумухскій, до совершеннолѣтія рожденнаго въ нынѣшнемъ году сына послѣдняго хана; съ послѣдней экспедиціи, аварцевъ можно считать совершенно покорными“.
7	Бахтухъ . .	10,000		Имѣютъ свое управленіе и совершенно непокорны. Племена эти намъ весьма мало извѣстны.
8	Таани . . .	6,000		
9	Цегуръ. . .	800		
10	Ратлу . . .	4,000		
11	Тамсуда . .	500		
12	Коссо . . .	700		
	Затѣмъ идетъ перечисленіе остальныхъ дагестанскихъ обществъ; эту перечень мы пропускаемъ.			
	Итого.	545,083 *)		

*) Изъ дѣла архива штаба кавк. округа, 1 отдѣла ген. шт. за 1833-й годъ, № 36.

КЪ ГЛАВѢ III.

Выписка изъ приказа командира корпуса по войскамъ самурскаго отряда, въ лагерѣ при с. Хазры, 25-го мая 1839-го года.

. . . .

,,Богъ благословилъ оружіе вашихъ товарищей, которые, подъ начальствомъ генерала Граббе, дѣйствуютъ въ Чечнѣ и въ сѣверномъ Дагестанѣ. Съ 10-го и до 15-го числа этого мѣсяца, рядъ молодецкихъ подвиговъ увѣнчалъ ихъ труды при переходахъ черезъ мѣста доселѣ неприступныя; толпища враждебныхъ ичкеринцевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Ташовъ-Хаджи, сообщника Шамиля, были разбиты въ укрѣпленныхъ стѣнахъ своихъ при Мискитѣ и Саясани; ни крутыя горы, ни вѣковые лѣса, ни высокія стѣны и башни не спасли ихъ отъ храбрости нашихъ войскъ! Егеря кабардинскаго и Куринскаго полковъ, безъ выстрѣла, бѣгомъ, взбирались на крутизны и врывались въ укрѣпленія чеченцевъ; враги спасались бѣгствомъ, укрѣпленія и аулы ихъ были преданы пламени. При аулѣ Саясани, двѣ роты, пройдя около ста сажень по узкой плотинѣ, подъ сильнымъ огнемъ, къ непріятельскому укрѣпленію, вырвали его изъ рукъ защищавшихъ его мюридовъ и предали пламени.

,,Вотъ вамъ свѣжій примѣръ, ребята! Я увѣренъ въ готовности вашей ему послѣдовать; и вамъ надобно выбивать непріятеля изъ за скалъ и заваловъ,—но вы не отстанете отъ вашихъ кавказскихъ товарищей.

,,Начальникамъ частей и гг. офицерамъ считаю излишнимъ говорить объ ихъ долгѣ: они его знаютъ‘‘.

КЪ ГЛАВѢ VI.

Списокъ съ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1840-мъ году первому, второму, третьему и четвертому баталіонамъ Куринскаго полка знамена съ надписями.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Куринскому егерскому полку.

Примѣрное мужество и храбрость, оказанныя первымъ, вторымъ, третьимъ и четвертымъ баталіонами Куринскаго егерскаго полка, въ сраженіи противу горцевъ при покореніи укрѣпленнаго замка Ахульго, обратили на подвигъ ихъ особенное Наше вниманіе. Въ ознаменованіе онаго, Всемилостивѣйше жалуя означеннымъ баталіонамъ препровождаемыя при семъ знамена, съ надписью ,,за отличіе при взятіи штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года", повелѣваемъ, сообразно съ воинскимъ уставомъ, освятя оныя при прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей Нашей грамоты, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, Россійскому воинству толико свойственными.

Пребываемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.

НИКОЛАЙ.

Г. Гатчино. 8-го мая 1840-го года.

КЪ ГЛАВѢ XI.

Списокъ съ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1844-мъ году первому, второму и третьему баталіонамъ Куринскаго полка знамена съ надписями.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Егерскому генералъ-адъютанта князя Воронцова полку.

Примѣрное мужество, труды и храбрость, оказанныя въ сраженіяхъ противъ горцевъ въ 1845-мъ году баталіонами Егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка: первымъ 5-го іюня при взятіи горы Анчимееръ и въ семъ же мѣсяцѣ въ походѣ въ Анди и при взятіи Дарго 6-го іюля, вторымъ въ походѣ въ Анди и третьимъ въ походѣ въ Анди и при взятіи Дарго,—обратили на подвигъ ихъ особенное Наше вниманіе. Въ ознаменованіе онаго, Всемилостивѣйше жалуя означеннымъ баталіонамъ препровождаемыя при семъ знамена, съ надлежащими на оныхъ надписями, соотвѣтственно оказаннымъ каждымъ изъ нихъ отличіямъ, и съ оставленіемъ прежней на знаменахъ ихъ надписи: ,,за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года‘‘,—повелѣваемъ: сообразно съ воинскимъ уставомъ, жалуемыя нынѣ знамена освя-

тивъ, при прочтеніи предъ всѣмъ полкомъ сей Нашей грамоты, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, Россійскому воинству толико свойственными.

НИКОЛАЙ.

Въ С. Петербургѣ. 18-го марта 1844-го года.

КЪ ГЛАВѢ XIII.

I.

Приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 9-го ноября 1850-го года № 184.

,,Воины кавказскаго корпуса!

,,Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику благоугодно было почтить осенью сего года кавказскій край и войска наши Своимъ высокимъ посѣщеніемъ.

,,Его Императорское Высочество объѣхалъ весь Кавказъ отъ Тамани по правому флангу, Кабардѣ, чрезъ Тифлисъ въ Имеретію, Эриванскую и Шемахинскую губерніи, прикаспійскій край, кумыкскую плоскость, по части большой и всей малой Чечни во Владикавказъ и Ставрополь.

,,Я имѣлъ счастіе представить Его Императорскому Высочеству большую часть войскъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, какъ регулярныхъ пѣхотныхъ и иррегулярныхъ кавалерійскихъ, такъ и драгунъ. Государь Наслѣдникъ изволилъ остаться совершенно довольнымъ всѣмъ осмотрѣннымъ Имъ, и, благодаривъ лично всѣ видѣнныя Имъ войска, поручилъ мнѣ еще изъявить имъ свое полное удовольствіе.

,,Исполняя священный и пріятный долгъ сей, я вполнѣ оцѣняю труды и заботливость тѣхъ, которымъ, по всей справедливо-

сти, я обязанъ этою честью. Неустанныя попеченія и усердіе всѣхъ начальниковъ частей по доведенію ихъ до столь удовлетворительнаго образованія по фронтовой части, не смотря на всѣ труды, знаменующіе постоянно храбрыя войска Кавказа на боевомъ ихъ поприщѣ, а съ другой стороны, всегдашнее рвеніе и готовность къ службѣ всѣхъ чиновъ, доставили мнѣ счастіе услышать столь лестный отзывъ Его Императорскаго Высочества о ввѣренныхъ мнѣ войскахъ, которымъ я такъ безотчетно преданъ всѣмъ сердцемъ.

,,Исполненный чувствами признательности ко всѣмъ гг. генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ чинамъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, я спѣшу изъявить имъ искреннюю душевную мою благодарность.

,,Приказъ сей предписываю прочесть по всѣмъ частямъ войскъ, въ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ и батареяхъ''.

II.

Приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу отъ 7-го декабря 1850-го года № 201.

,,Приказомъ отъ 9-го ноября № 184, я благодарилъ всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ кавказскаго корпуса за тѣ старанія и усердіе, чрезъ которыя мы могли показать Высокому Посѣтителю здѣшняго края, Государю Наслѣднику, значительную часть какъ войскъ, такъ и военныхъ расположеній оныхъ, такъ, чтобы заслужить милостивое вниманіе и похвалу Его Императорскаго Высочества.

,,Теперь съ душевнымъ удовольствіемъ объявляю по корпусу, что Государь Наслѣдникъ, за блистательную храбрость, Имъ показанную при стычкѣ съ чеченскою партіею, при слѣдованіи изъ крѣпости Воздвиженской въ укрѣпленіе Ачхой, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ св. Георгія.

„Награду сію я считаю, и весь корпусъ будетъ считать, за настоящую лестную награду намъ самимъ, ибо въ рядахъ нашихъ Наслѣдникъ Всероссійскаго Престола имѣлъ случай и воспользовался онымъ, чтобы показать военный духъ и неустрашимость въ присутствіи значительной части воиновъ кавказской линіи, милиціи и многихъ мирныхъ чеченцевъ, у коихъ всѣхъ день сей останется навсегда въ памяти; также радостно для насъ было узнать, что Государь Наслѣдникъ назначенъ Шефомъ одного изъ отличнѣйшихъ полковъ здѣшняго корпуса, эриванскаго карабинернаго, и будетъ носить мундиръ кавказскій. Изъ сего видно и высокое вниманіе Его Императорскаго Величества Великаго Государя нашего къ кавказскому корпусу и къ постоянно храбрымъ и усерднымъ подвигамъ онаго.

„Объявляя по корпусу о сихъ радостныхъ событіяхъ, предписываю прочесть приказъ сей по всѣмъ частямъ войскъ, въ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ".

Подлинный подписалъ: *главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ.*

КЪ ГЛАВѢ XIV.

I.

Высочайшая телеграмма командиру Куринскаго полка—изъ Ливадіи, 26-го октября 1875-го года № 578.

„Командиру Куринскаго Великаго Князя Павла Александровича полка, чрезъ Грозную въ Ведень.

„Сегодня, въ память 25-ти лѣтъ, что получилъ георгіевскій крестъ, и гдѣ два баталіона славнаго Куринскаго полка были со

Мною въ отрядѣ, зачисляю Себя въ Куринскій полкъ; увѣренъ, что полкъ всегда будетъ достоинъ заслуженной имъ славы''.

АЛЕКСАНДРЪ.

II.

Приказъ по полку отъ 14-го января 1876-го года, съ объявленіемъ Высочайшаго повелѣнія.

,,Государь Императоръ приказать изволилъ передать полку слѣдующія милостивыя слова, сказанныя Его Императорскимъ Величествомъ при представленіи моемъ 1-го декабря, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Шефа полка:

,,*Я всегда съ уваженіемъ смотрѣлъ на 20-й номеръ; съ гордостью надѣлъ вашъ мундиръ. Горжусь носить мундиръ полка, заслужившаго всѣ боевыя отличія и пользующагося громкою славою. Зачисливъ Себя въ полкъ, Я показалъ, какъ высоко цѣню заслуги полка. Два полка, службу которыхъ одинаково высоко цѣню, это— Куринскій и кабардинскій. Передай Мои слова*''.

,,Когда я имѣлъ счастіе откланиваться Государю Императору, Его Величество изволилъ сказать:

,,*Надѣюсь скоро васъ увидѣть. Увѣренъ, что и будущая служба полка будетъ также хороша, какъ прошедшая; лучшаго Я желать не могу*''.

,,Считаю высокимъ счастіемъ передать полку драгоцѣнныя слова Государя Императора. Увѣренъ, что каждый изъ насъ, отъ старшаго и до послѣдняго рядоваго, употребитъ всѣ силы, чтобы быть достойнымъ славнаго прошедшаго полка и, какъ въ мирное, такъ и въ военное время оправдать слова Его Императорскаго Величества. Приказъ этотъ прочесть въ ротахъ при собраніи всѣхъ чиновъ''.

III.

Списокъ съ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1850-мъ году новыя знамена первому, второму и пятому баталіонамъ Куринскаго полка, по случаю 150-ти-лѣтняго ихъ юбилея.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

,,Нашему Егерскому генералъ-адъютанта князя Воронцова полку.

,,По случаю совершенія нынѣ ста пятидесяти лѣтъ со времени учрежденія Императоромъ Петромъ I-мъ въ 1700-мъ году основныхъ частей, поступившихъ впослѣдствіи на сформированіе 1-го, 2-го и 5-го баталіоновъ Егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ симъ баталіонамъ новыя знамена, съ надписью: ,,1700—1850‘‘. При семъ сохраняются и прежнія на знаменахъ надписи: 1-го баталіона ,,за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 года и горы Анчимеeръ 5-го іюня, за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845 года‘‘, и 2-го баталіона—,,за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 года и за походъ въ Анди въ іюнѣ 1845 года‘‘.

,,Повелѣваемъ: знамена эти, при семъ препровождаемыя,

освятивъ по установленію, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію, усердіемъ и храбростію, Россійскому воинству свойственными.

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ. 25-го іюня 1850-го года.

КЪ ГЛАВѢ XVII.

I.

Копія съ приказа по отдѣльному кавказскому корпусу 1-го марта 1854-го года № 35.

„Отъѣзжая въ Высочайше разрѣшенный мнѣ отпускъ по совершенному разслабленію здоровья отъ усиленныхъ служебныхъ занятій въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, и особенно въ прошедшемъ 1853-мъ году, я сдалъ сего числа, по тому же Высочайшему разрѣшенію, командованіе здѣшними войсками и права главнокомандующаго генералу отъ кавалеріи Реаду.

„Воины кавказскаго корпуса!

„Больно мнѣ съ вами разставаться, хотя, надѣюсь, не надолго, въ такое время, въ которое, въ продолженіе войны, я бы отъ всего сердца желалъ раздѣлять съ вами труды и опасности оной. Въ теченіе почти девяти лѣтъ я вездѣ, сколько могъ, былъ съ вами, участвовалъ въ главнѣйшихъ экспедиціяхъ, безпрестанно объѣзжалъ весь край и границы и знакомился со всѣми вашими нуждами, безпрестанно имѣлъ случаи радоваться и удивляться вашимъ подвигамъ и успѣхамъ. Эти самые труды оказались свыше силъ моихъ и принуждаютъ меня, хотя, какъ выше сказано, навремя, обратиться къ покою и леченію. Въ отсутствіи моемъ, я буду молить

Всевышняго Бога о вашемъ счастьи, о вашемъ здоровьи и о томъ, чтобы я могъ поправиться, и будущею осенью явиться въ рядахъ вашихъ. Я совершенно увѣренъ, что кавказскій корпусъ сохранитъ свою славу, ознаменуется новыми подвигами, искони здѣсь обычными, и которыхъ новые блистательные примѣры были оказываемы противъ турокъ и въ прошедшемъ году въ Гуріи, въ Ацхурѣ, у Ахалцыха и въ Башъ-Кадыклярѣ. Любезное наше отечество вамъ за оные вполнѣ благодарно, смотритъ на васъ съ восторгомъ и радостью, и вмѣстѣ съ Великимъ нашимъ Монархомъ, ожидаетъ отъ васъ, какъ скоро случай представится, ту же неустрашимость, ту же дисциплину, то же повиновеніе къ начальству и всѣ тѣ качества, которыя всегда васъ знаменовали, и за которыя Всемилостивѣйшій нашъ Государь васъ всѣхъ такъ щедро награждаетъ.

„Приказъ сей прочесть во всѣхъ войскахъ при нижнихъ чинахъ“.

II.

Краткій біографическій очеркъ фельдмаршала князя М. С. Воронцова.

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, неоспоримо, принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I. Его подвиги украсили многія изъ страницъ нашей отечественной исторіи. Еще въ 1803-мъ году, участвуя въ экспедиціи подъ начальствомъ князя Циціанова, онъ отличался подъ Ганжой и Закаталами и получилъ въ награду ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Георгія 4-й степени. Затѣмъ, въ турецкую войну, произведенъ въ генералъ-маіоры, въ іюнѣ 1810-го года, 29-ти лѣтъ отъ рода, и награжденъ орденами св. Анны 1-й степени и св. Георгія 3-й степени, и золотою шпагою, осыпанною бриліантами, съ надписью: „за храбрость“.

Въ сраженіи при Бородинѣ онъ командовалъ сводною гренадерскою дивизіею, съ которою оборонялъ семеновскія флеши, былъ тяжело раненъ штыкомъ и пожалованъ алмазными знаками ордена Анны 1 ст.; за отличіе въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, графъ Воронцовъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а за сраженіе при Краонѣ, гдѣ отразилъ вдвое сильнѣйшія войска французовъ, подъ личнымъ начальствомъ самаго Наполеона, и чрезъ то далъ время Блюхеру сосредоточить армію подъ Лаономъ, награжденъ орденомъ св. Георгія 2 ст. Во время смотра при Вертю, онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и командиромъ отдѣльнаго корпуса, съ которымъ оставался во Франціи до 1818-го года, и по возвращеніи въ Россію получилъ орденъ св. Владиміра 1-й ст. Въ 1828-мъ году онъ овладѣлъ Варною, за что награжденъ золотою шпагою, съ алмазами и съ надписью „за взятіе Варны", и пожаловано ему одно изъ 162-хъ орудій, доставшихся побѣдителямъ; а за отличіе въ дѣйствіяхъ слѣдующей кампаніи онъ получилъ орденъ св. Андрея. Въ концѣ 1844-го года, графъ Воронцовъ, будучи назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, на мѣсто генерала Нейдгардта, прибылъ въ Тифлисъ весною 1845-го года и въ маѣ предпринялъ экспедицію противъ Шамиля, расположеннаго, съ огромными скопищами, въ ичкеринскомъ лѣсу, на пути въ главное мѣстопребываніе его, селеніе Дарго. Ни затрудненія семиверстнаго перехода чрезъ дремучій лѣсъ, ни крѣпкіе завалы и отчаянная защита горцевъ не остановили нашихъ войскъ. Шамиль принужденъ былъ уйти, не покушаясь на оборону селенія, которое разрушено до основанія. Въ награду за эту экспедицію графъ Воронцовъ возведенъ въ княжеское достоинство. Въ 1847-мъ году онъ овладѣлъ сильно укрѣпленнымъ ауломъ Салты.

Не менѣе замѣчательна гражданская дѣятельность князя Воронцова. Въ 1823-мъ году, будучи назначенъ генералъ-губернаторомъ новороссійскаго края, онъ содѣйствовалъ процвѣтанію торговли городовъ Одессы, Бердянска, Таганрога, Керчи и Ейска; а десятилѣтнее управленіе его Закавказьемъ оставило тамъ неизгладимую память. Обширный умъ, блистательное образова-

ніе, многосторонція свѣдѣнія князя Михаила Семеновича, въ соединеніи съ наружностью, исполненною достоинства, и даромъ слова, поселяли къ нему общее уваженіе. Его характеръ и образъ жизни имѣли вліяніе не только на близкихъ къ нему лицъ, но и на все кавказское общество. Считая самоотверженіе и храбрость высшими доблестями военныхъ людей, онъ награждалъ отличавшихся въ бояхъ щедро, съ видимымъ удовольствіемъ, и въ этомъ отношеніи напоминалъ Суворова, который говорилъ: ,,добро дѣлать спѣшить должно''. При неудачахъ, онъ никогда не терялся, сохраняя невозмутимое спокойствіе духа, которое отражалось въ его кавказцахъ—офицерахъ и солдатахъ. Система его управленія Кавказомъ составляетъ эпоху въ исторіи этого края. Послѣ неудачной экспедиціи въ Дарго, которая была продолженіемъ прежнихъ дѣйствій и послужила вновь доказательствомъ ихъ безплодности, князь Воронцовъ далъ совершенно иной видъ войнѣ на Кавказѣ. Его обширному уму стало ясно, что ввѣренный его управленію край покорится только тогда, когда элементы цивилизаціи, внесенные русскимъ оружіемъ, подроютъ и опрокинутъ дикій бытъ горцевъ, только тогда, когда силы необузданной, дикой свободы туземныхъ жителей признаютъ побѣду надъ собою силъ русскаго просвѣщенія: трудъ великій, который суждено было довершить и упрочить его преемникамъ!

Система князя Воронцова состояла въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ цѣлью удержанія въ своей власти каждаго завоеваннаго шага, причемъ приходилось покорять и грозную природу Кавказа, и дикихъ сыновъ его. Каждый наступательный шагъ русскихъ войскъ отрѣзывалъ безвозвратно у горцевъ часть родной земли ихъ и стѣснялъ ихъ набѣги въ наши предѣлы. Такъ, на лѣвомъ флангѣ линіи покорена малая Чечня и Галашки; такъ, на правомъ флангѣ—отодвинуты горцы за Бѣлую и Урупъ. По мѣрѣ этихъ завоеваній, устраивались казачьи поселенія, устраивались укрѣпленія съ полковыми штабъ-квартирами, а покорныя племена получали возможность жить мирно подъ защитою оружія и законовъ Россіи. Проложены просѣки чрезъ вѣковые лѣса, притоны грабежа и разбоя, и устроены удобныя сообщенія; тамъ,

гдѣ прежде нельзя было проѣхать безъ конвоя съ орудіями, стали ходить слабыя оказіи и устроены почты; племена, живущія вдоль лезгинской линіи, оставались вѣрны русскому правительству, не смотря на призывъ Шамиля къ возстанію; чеченцы и другіе горскіе народы начали учиться русскому языку; старшины ауловъ, люди вліятельные на Кавказѣ, стали посылать дѣтей своихъ на воспитаніе въ Петербургъ; молодые горцы охотно поступали въ конвой Государя; дѣти воинственныхъ джарцевъ и закубанцевъ изучали русскій языкъ въ гимназіяхъ тифлисской и ставропольской; даже въ Дагестанѣ—въ этой суровой странѣ, колыбели мюридизма, мы успѣли упрочить наше вліяніе на мехтулинцевъ, Акушу, Табасарань и казикумухское ханство. При князѣ Воронцовѣ, вмѣсто прежнихъ, несвязанныхъ общею мыслью экспедицій, война приняла характеръ правильной осады, послѣдствіемъ которой долженствовало быть окончательное покореніе Кавказа.

Князь Воронцовъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, старался, съ самаго начала управленія страною, посѣять въ ней благія сѣмена просвѣщенія, и хотя не всѣ они принялись на скалахъ дикаго Кавказа, однако же, возможность ихъ водворенія была доказана на самомъ опытѣ. Въ городахъ Ставрополѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ, Владикавказѣ, Грозномъ, тамъ, гдѣ до управленія князя Воронцова встрѣчались бѣдныя избы и землянки, въ продолженіи немногихъ лѣтъ возникли красивыя зданія. Вмѣсто жалкихъ торгашей-духанщиковъ, образовалось сословіе богатыхъ, просвѣщенныхъ негоціантовъ. Общественная жизнь развилась замѣтно, и особенно въ Грузіи. Тифлисъ, котораго населеніе въ первую четверть текущаго столѣтія не было безопасно отъ лезгинъ, турокъ и персіянъ, Тифлисъ, представлявшій, большею частью, безобразную громаду азіятскихъ саклей, нынѣ совершенно русскій городъ, съ прекрасными строеніями и бульварами, съ великолѣпными мостами на Курѣ, съ театромъ, оперою, публичною библіотекою, обсерваторіей, общественными и учеными собраніями. Юное поколѣніе, прежде обреченное невѣжеству и праздности, нынѣ воспитывается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гимназіяхъ и университетахъ. Среди постоян-

ной борьбы съ дикимъ народонаселенiемъ страны, совершился въ короткое время изумительный переворотъ, коснувшiйся всѣхъ матерiальныхъ и духовныхъ интересовъ Кавказа. Съ одной стороны видимъ успѣхи сельскаго хозяйства, промышленности, торговли, строительнаго искусства, устройства сообщенiй; съ другой—учрежденiе учебныхъ заведенiй, труды кавказскаго отдѣла географическаго общества, составленiе новыхъ картъ, астрономическiя наблюденiя и трiангуляцiи края, собранiе важныхъ матерiаловъ для будущей исторической литературы. Природныя неисчерпаемыя сокровища страны: овцеводство, шелководство, винодѣлiе, воздѣлыванiе табаку и марены, рыбные промыслы развиваются въ широкихъ размѣрахъ, хотя и въ лѣнивыхъ рукахъ туземцевъ, привыкшихъ къ азiятской безпечности. Горное вѣдомство едва успѣло коснуться кавказскаго хребта, какъ алагирскiй рудникъ уже давалъ значительное количество серебра и свинца. Судоходство по Курѣ, возбуждавшее въ началѣ сомнѣнiе многихъ, благодаря настойчивости князя Воронцова, доставляетъ баржи отъ Каспiя до мингичаурской пристани.

Заслуги князя Воронцова по управленiю кавказскимъ краемъ были признаны блаженныя памяти Государемъ Николаемъ Павловичемъ, пожаловавшимъ ему, въ 1848-мъ году, свой портретъ, алмазами украшенный, и въ 1852-мъ году титулъ свѣтлости. Государь Императоръ (Александръ II) Всемилостивѣйше произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы. Общественное мнѣнiе высоко цѣнило его достоинства, хотя онъ не избѣгъ общей участи сильнаго мiра и подвергался упрекамъ тѣхъ, которые имѣли, либо думали имѣть право на него жаловаться. Порицали его за ошибочный выборъ довѣренныхъ лицъ, за щедрость въ наградахъ, за послабленiе дисциплины въ кавказскихъ войскахъ. Лучшимъ отвѣтомъ на то могутъ быть подвиги генераловъ, командовавшихъ при немъ кавказскими войсками: князя Бебутова, князя Барятинскаго, князя Аргутинскаго-Долгорукаго, Евдокимова, князя Орбелiани, Багговута, Бриммера, князя Чавчавадзе, барона фонъ-Врангеля. Щедрость наградъ въ рукахъ князя Воронцова была могучимъ средствомъ для привлеченiя даровитыхъ офицеровъ гвардiи, генеральнаго штаба,

артиллеріи и инженеровъ, оставлявшихъ удобства и развлеченія столичной жизни, чтобы принять участіе въ трудахъ и лишеніяхъ боевой жизни Кавказа. Конечно, въ числѣ ихъ были такъ называемые баши-бузуки, фазаны, искатели отличій безъ риска собственнаго самосохраненія, но такихъ было немного, и даже они, живя въ атмосферѣ кавказской удали, дѣлались иногда полезными для службы; что касается до выбора имъ людей, не всегда удачнаго, то кто же не ошибался, болѣе или менѣе, въ оцѣнкѣ своихъ ближайшихъ сподвижниковъ? Упрекали князя Воронцова въ излишней тратѣ денегъ на грандіозныя сооруженія, порицали его за введенную имъ роскошь, имѣвшую послѣдствіемъ злоупотребленія лицъ, удостоенныхъ его довѣріемъ. Но, ежели въ томъ и есть нѣкоторая доля правды, то виною подобныхъ упущеній была необходимость иногда брать, за недостаткомъ достойныхъ людей, и такихъ, которые у него были, такъ сказать, подъ рукою.

Остается сказать нѣсколько словъ о мѣрахъ, принятыхъ княземъ Воронцовымъ въ отношеніи къ благосостоянію ввѣренныхъ ему войскъ. Устройство полковыхъ и батарейныхъ штабъ-квартиръ имѣло большое вліяніе на общественную жизнь офицеровъ. Каждый полкъ, каждая батарея, составляя какъ бы военную семью, завела свои библіотеки, свои собранія, иногда даже—свой театръ. При постепенномъ усвоеніи чувства приличій, о которомъ князь такъ много заботился, улучшалась нравственность молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснялось пониманіе долга службы. Внутреннее хозяйство войскъ было по возможности улучшено, и нижніе чины получали до послѣдней мелочи все положенное отъ казны. Содержаніе ихъ вообще было весьма удовлетворительно. Неусыпныя попеченія князя Воронцова о хорошемъ довольствіи и удобномъ размѣщеніи войскъ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: въ 1843-мъ году цифра смертности относилась къ наличному числу нижнихъ чиновъ какъ 1: 7, а въ 1852-мъ году—какъ 1: 20.

Не легко было замѣнить князя Воронцова въ должности намѣстника кавказскаго. Государь, назначивъ, на время его отсутствія, командующимъ войсками и управляющимъ гражданскою частью страны, состоящаго при кавказскомъ штабѣ для особыхъ по-

ручепій, генерала отъ кавалеріи Реада, писалъ князю Воронцову: ,,согласясь, хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ, на временное отсутствіе твое, для поправленія здоровья, обращаюсь къ тебѣ съ настоятельною просьбою—сколь можно уменьшить всѣ крайнія невыгоды твоего, хотя и временнаго, отсутствія въ столь трудное для насъ время, снабдивъ твоего временнаго преемника самыми полными наставленіями, какъ по военной, такъ и по гражданской части, которыхъ копіи Я желаю имѣть Самъ, для собственнаго руководства''.

(Изъ 2-й части сочиненія генерала Богдановича ,,Восточная война 1853—1856-го года'').

КЪ ГЛАВѢ XVIII.

Списокъ съ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованныя первому и третьему баталіонамъ Куринскаго полка въ 1854-мъ году георгіевскія знамена.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Егерскому генералъ-адъютанта князя Воронцова полку.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего къ отличнымъ подвигамъ мужества и храбрости, оказаннымъ первымъ баталіономъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Воронцова полка въ сраженіи съ турками 27-го мая сего года около пигоитскихъ высотъ и третьимъ баталіономъ сего же полка въ блистательной побѣдѣ, одержанной 4-го іюня за р. Чолокомъ надъ турецкимъ корпусомъ подъ командою мушира Селимъ-паши,— Всемилостивѣйше жалуемъ двумъ баталіонамъ симъ георгіевскія знамена съ надписью: 1-му баталіону—,,за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года и горы Анчимееръ 5-го іюня 1845-го года; за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845-го года и за отличіе противу турокъ въ сраженіи у пигоитскихъ высотъ 27-го мая 1854-го года", а 3-му баталіону— ,,за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года, за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845-го года и за отличіе противу турокъ въ сраженіи за рѣкою Чолокомъ 4-го іюня 1854-го года".

Препровождая у сего означенныя знамена, повелѣваемъ: освятивъ оныя по установленію, употреблять ихъ на службу Намъ и отечеству съ непоколебимою вѣрностію и усердіемъ, искони Россійскому воинству свойственными.

НИКОЛАЙ.

Гатчино. 30-го сентября 1854-го года.

КЪ ГЛАВѢ XXIII.

I.

Списокъ съ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1859-мъ году четвертому и пятому баталіонамъ Куринскаго полка георгіевскія знамена.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Куринскому пѣхотному полку.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего къ 4-му и 5-му баталіонамъ Куринскаго пѣхотнаго полка, за оказанное мужество и храбрость въ дѣлахъ съ горцами въ 1858-мъ и 1859-мъ годахъ въ большой Чечнѣ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы баталіонамъ симъ препровождаемыя при семъ георгіевскія знамена съ надписью: „за отличіе въ 1858-мъ и 1859-мъ годахъ въ большой Чечнѣ“, съ сохраненіемъ и прежней надписи первому изъ нихъ: „за отличіе при взятіи штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года“, а послѣднему—„1700—1850“, которыя повелѣваемъ освятить по установленію и употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

АЛЕКСАНДРЪ.

Ропша. 3-го августа 1859-го года.

II.

Списокъ съ Высочайшей грамоты на Всемилостивѣйше пожалованныя въ 1868-мъ году первому и третьему баталіонамъ Куринскаго полка георгіевскія серебряныя трубы.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему 79-му пѣхотному Куринскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полку.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія Нашего къ подвигамъ мужества и храбрости, оказаннымъ 1-мъ и 3-мъ баталіонами 79-го пѣхотнаго Куринскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полка, при покореніи восточнаго Кавказа, Всемилостивѣйше жалуемъ баталіонамъ симъ георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за отличіе при покореніи восточнаго Кавказа въ 1859-мъ году". Повелѣваемъ: трубы сіи употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С. Петербургѣ. 19-го февраля 1868-го года.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Знамена и другіе наградные знаки въ 79-мъ пѣхотномъ Куринскомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полку.

1-й баталіонъ имѣетъ: георгіевское знамя съ александровскими лентами и надписями: подъ орломъ—„1700—1850", и по краямъ—„за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года и горы Анчимееръ 5-го іюня 1845-го года; за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845-го года и за отличіе противу турокъ въ сраженіи у нигоитскихъ высотъ 27-го мая 1854-го года". Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: „за отличіе при покореніи восточнаго Кавказа въ 1859-мъ году". Знаки на шапкахъ съ надписью: „за отличіе".

2-й баталіонъ имѣетъ: георгіевское знамя, съ александровскими лентами и надписями: подъ орломъ—„1700—1850", и по краямъ—„за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года, за походъ въ Анди въ іюнѣ 1845-го года и за отличіе въ 1858-мъ и 1859-мъ годахъ въ большой Чечнѣ",—пожаловано было въ 1859-мъ году 5-му баталіону, а съ упраздненіемъ его въ 1862-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, передано во 2-й баталіонъ. Знаки на шапкахъ съ надписью: „за отличіе".

3-й баталіонъ имѣетъ: георгіевское знамя съ александровскими лентами и надписями: подъ орломъ—„1763—1863", и по краямъ—„за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года, за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845-го года и за отличіе противу турокъ въ сраженіи за рѣкою Чолокомъ 4-го іюня 1854-го года". Гренадерскій бой пожалованъ баталіону 40-го егерскаго полка 1-го января 1828-го года, за отличіе въ сраженіи съ персіянами между Ушаганомъ и Эчміадзиномъ 17-го

августа 1827-го года, въ командованіе полковника Шумскаго. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: ,,за отличіе при покореніи восточнаго Кавказа въ 1859-мъ году". Знаки на шапкахъ съ надписью: ,,за отличіе".

4-й баталіонъ имѣетъ: георгіевское знамя съ александровскими лентами и надписями: подъ орломъ—,,1700—1850", и по краямъ— ,,за отличіе при взятіи штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года, за походъ въ Анди въ іюнѣ 1845-го года и за отличіе въ 1858-мъ и 1859-мъ годахъ въ большой Чечнѣ". Знаки на шапкахъ съ надписью: ,,за отличіе".

Эта послѣдняя награда пожалована всѣмъ баталіонамъ 17-го апрѣля 1852-го года.

Примѣчаніе. Въ приказѣ по военному вѣдомству 18-го марта 1884-го года № 96-й, объявлено измѣненіе въ старшинствѣ полковъ и правила о надписяхъ на знаменахъ.

II.

Списокъ командирамъ Куринскаго полка съ 1834—1861 годъ, съ нѣкоторыми біографическими указаніями.

Полковникъ *Шумскій*, бывшій командиръ 40-го егерскаго полка; первый командиръ Куринскаго егерскаго полка, послѣ переформированія 1834-го года. Прекрасный штабъ-офицеръ, извѣстный своею храбростью въ войнахъ персидской и турецкой, съ 1826—29-й годъ, и освобожденіемъ Внезапной отъ полчищъ Кази-муллы въ 1830-мъ году. За это послѣднее дѣло имѣлъ Георгія 4-й степени.

Полковникъ Шумскій поступилъ въ Куринскій полкъ больной, страдавшій отъ ранъ, и потому не могъ окончить формированіе полка.

Полковникъ *Александръ Пулло*—принялъ Куринскій егерскій полкъ, за болѣзнью полковника Шумскаго, въ мартѣ 1836-го года; до того же, съ сентября 1834-го года, завѣдывалъ полкомъ и сунженскою линіею. Полковникъ Пулло переведенъ въ Куринскій егерскій полкъ изъ 43-го егерскаго, съ которымъ совершилъ турецкую войну 1828—29 годовъ; былъ комендантомъ Карса; сформировалъ новый Куринскій егерскій полкъ; въ 1839-мъ году былъ начальникомъ штаба чеченскаго отряда, и въ этой должности, оставаясь командиромъ полка, совершилъ экспедицію въ Ахульго, гдѣ полковникъ Пулло принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ и штурмѣ аула, а затѣмъ велъ переговоры о сдачѣ Ахульго. За аргуанское дѣло произведенъ въ генералъ-маіоры и, послѣ возстанія въ Чечнѣ въ 1840-мъ году, сдалъ полкъ своему преемнику. Болѣе полныхъ біографическихъ свѣдѣній не сохранилось въ архивѣ полка.

Полковникъ *Робертъ Карловичъ Фрейтагъ*—съ 11-го марта 1840-го года. Краткую біографію этого замѣчательнаго человѣка можно видѣть въ главѣ X, также въ изданіи „Кавказцы" (выпуски 5-й и 6-й 1857-го г.) и въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1853-го года №№ 73—76. Фрейтагъ, по происхожденію обрусѣвшій нѣмецъ, вступилъ въ командованіе полкомъ изъ корпуса офицеровъ генеральнаго штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, имѣя отъ роду 38-мь лѣтъ. 22-го декабря 1842-го года произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ сначала командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, затѣмъ начальникомъ этой же дивизіи и лѣваго фланга. Въ этой должности Фрейтагъ оставался до 12-го апрѣля 1848-го года, когда былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи; въ этой должности принялъ блестящее участіе въ венгерской войнѣ, гдѣ получилъ орденъ Георгія 3-й ст.; по окончаніи войны, онъ поѣхалъ за границу для леченія и, возвратившись, скончался 27-го сентября 1851-го года, имѣя отъ роду всего 49-ть лѣтъ.

Имя Р. К. Фрейтага занимаетъ весьма почетное мѣсто и въ исторіи Куринскаго полка, и потому біографіи его посвящена въ текстѣ цѣлая глава (X).

Полковникъ *Виттортъ*—поступилъ въ полкъ при самомъ фор-

мированіи его, въ чинѣ капитана, и съ тѣхъ поръ оставался въ немъ, пройдя всѣ должности; командовалъ сначала ротой, а затѣмъ 1-мъ баталіономъ и полкомъ. Въ должности завѣдывающаго 1-мъ баталіономъ, Виттортъ отличился въ 1837-мъ году при защитѣ Андреева аула, затѣмъ подъ Ахульго и особенно въ ичкеринскомъ походѣ 1842-го года, гдѣ завѣдывалъ баталіонами Куринскаго полка вмѣсто полковника Фрейтага; принялъ полкъ 22-го декабря 1842-го года. Въ 1844-мъ году, въ малой Чечнѣ, при рѣкѣ Гойтѣ, тяжело раненъ, и съ тѣхъ поръ, до сдачи полка, постоянно хворалъ и для леченія выѣхалъ, сдавъ полкъ на законномъ основаніи полковнику барону Меллеру-Закомельскому; другія біографическія подробности неизвѣстны.

Полковникъ *Петръ Петровичъ баронъ Меллеръ-Закомельскій*— изъ дворянъ Петербургской губерніи, воспитывался въ пажескомъ Его Величества корпусѣ, откуда выпущенъ въ 1825-мъ году въ л. гв. измайловскій полкъ. Съ этимъ полкомъ баронъ П. П. дѣлалъ турецкую кампанію на Дунаѣ. По возвращеніи въ столицу, въ чинѣ капитана, по собственному желанію былъ переведенъ въ Куринскій егерскій полкъ, куда и поступилъ подполковникомъ въ мартѣ 1843-го года. Съ этихъ поръ онъ безотлучно былъ въ полку, командуя сначала 1-мъ баталіономъ, а затѣмъ, съ 18-го января 1846-го года, и полкомъ. Впрочемъ, еще до Высочайшаго приказа, полковникъ Меллеръ-Закомельскій фактически командовалъ полкомъ съ 1844-го года, потому что съ этихъ поръ тяжело раненый полковникъ Виттортъ нуждался въ продолжительномъ леченіи и отдыхѣ. Въ дѣлѣ 19-го іюня 1845-го года Меллеръ былъ раненъ пулею. Во время командованія полкомъ барона Меллера, штабъ-квартира полка перенесена изъ крѣпости Грозной въ крѣпость Воздвиженскую, и полкъ получилъ не мало наградъ, въ числѣ которыхъ георгіевскія знамена за отличіе въ дѣлахъ на шалинской полянѣ. Полковникъ Меллеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, но оставался на Кавказѣ недолго и, выйдя въ отставку, поселился въ деревнѣ, гдѣ и скончался почти въ одиночествѣ.

Флигель-адъютантъ полковникъ *свѣтлѣйшій князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ*, сынъ шефа Куринскаго полка, незабвеннаго

князя М. С. Воронцова, получилъ университетское образованіе и поступилъ въ военную службу изъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ капитана гвардіи. Вскорѣ, въ 1851-мъ году, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества и 10-го іюня того же 1851-го года командиромъ Куринскаго егерскаго князя Воронцова полка. Князь С. М. Воронцовъ командовалъ полкомъ всего два года, но и въ теченіе этого времени бывалъ въ продолжительныхъ отпускахъ, и въ послѣдній разъ выѣхалъ изъ Воздвиженской 20-го октября 1852-го года и уже болѣе къ полку не возвращался. 15-го октября 1852-го года, Воронцовъ произведенъ въ генералъ-маіоры свиты Е. В.; затѣмъ, въ 1856-мъ году, въ томъ же чинѣ, пожалованъ въ званіе генералъ-адъютанта и, во вниманіе къ заслугамъ отца, скончавшагося тогда, 1-го декабря 1856-го года зачисленъ въ списки Куринскаго полка, гдѣ и числился до смерти своей, послѣдовавшей въ 1882-мъ году.

Во время командованія князя С. М. Воронцова, куринцы отбили у наиба Талгика два орудія, и въ 1852-мъ году полкъ получилъ знакъ „за отличіе“; за зимнюю экспедицію 18⁵¹/₅₂ годовъ, князь Воронцовъ получилъ орденъ св. Георгія 4-го класса.

Полковникъ *Михаилъ Васильевичъ Ляшенко* принадлежалъ къ числу немногихъ офицеровъ старой кавказской арміи, которые начинали службу въ полку и проходили въ немъ всѣ должности отъ субалтернъ-офицера до командира того же полка включительно. Ляшенко поступилъ въ Куринскій егерскій полкъ при самомъ переформированіи его въ 1834-мъ году, отличался въ низшихъ чинахъ храбростью, имѣлъ двѣ раны въ чинѣ подполковника, и въ должности баталіоннаго командира, какъ воинскій начальникъ Урусъ-Мартана, много потрудился надъ приведеніемъ этого укрѣпленія въ исправный видъ, за что получилъ особую благодарность главнокомандующаго князя Воронцова.

Во время командованія полкомъ князя С. М. Воронцова, Ляшенко былъ старшій офицеръ въ полку и, по случаю частыхъ отъѣздовъ командира полка изъ штабъ-квартиры, исправлялъ его должность съ большимъ усердіемъ; обстоятельство это обратило на М. В. Ляшенко вниманіе начальства, и онъ, произведен-

ный 2-го іюня 1852-го года въ полковники, не смотря на то, что на Кавказѣ было много старшихъ, былъ назначенъ командиромъ Куринскаго полка 15-го марта 1852-го года.

Полковникъ Ляшенко въ 1855-мъ году, во время объѣзда края главнокомандующимъ генераломъ Муравьевымъ, навлекъ на себя неудовольствіе и долженъ былъ оставить Кавказъ и Куринскій полкъ.

Полковникъ *Василій Кузьмичъ Мищенко*—одинъ изъ храбрѣйшихъ и распорядительнѣйшихъ офицеровъ кавказской арміи пятидесятыхъ годовъ. Раненый въ грудь навылетъ при штурмѣ Салты, гдѣ состоялъ въ должности траншей-маіора, Мищенко обратилъ на себя особое вниманіе и, по волѣ генерала Муравьева, былъ назначенъ командиромъ Куринскаго полка въ апрѣлѣ 1855-го года. Полковникъ Мищенко командовалъ всего два года. 6-го октября 1857-го года, за военное отличіе, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ должности командира полка. 1-го марта 1858-го года, при спускѣ съ горы Даргинъ-Дукъ, онъ сломалъ себѣ ногу и долженъ былъ оставить полкъ навсегда, сдавъ завѣдываніе имъ полковнику Рихтеру; въ маѣ 1858-го года генералъ-маіоръ Мищенко былъ назначенъ начальникомъ владикавказскаго округа, гдѣ отличился побѣдой надъ Шамилемъ.

Флигель-адъютантъ полковникъ *Михаилъ Ивановичъ Чертковъ* прибылъ на Кавказъ въ чинѣ ротмистра гвардіи и командовалъ въ экспедицію 1856-го г. баталіономъ виленскаго полка. Куринцы впервые видѣли его въ бою при взятіи аула Хано, въ большой Чечнѣ. Съ этихъ поръ М. И. участвуетъ во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ отряда генерала Евдокимова. Въ 1857 г., на 8-мъ году службы, Чертковъ былъ уже полковникомъ, и въ маѣ 1858-го года вступилъ въ командованіе Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ этомъ званіи Михаилъ Ивановичъ съ честью предводительствовалъ куринцами въ знаменательный періодъ кавказской войны, когда въ лѣтописи полка записано взятіе Ведено и Гуниба. За взятіе приступомъ высотъ Гамеръ-Дука полковникъ Чертковъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени, а затѣмъ, произведенный въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества, онъ оставилъ полкъ 15-го ноября 1860-го года, и нынѣ сохранивъ, по волѣ

Его Величества, мундиръ Куринскаго полка. Нынѣ Михаилъ Ивановичъ Чертковъ генералъ-адъютантъ и членъ государственнаго совѣта.

III.

Нѣсколько куринскихъ пѣсенъ стараго времени, записанныхъ со словъ солдатъ.

Пѣсня въ честь Фрейтага, по случаю нашествія Шамиля на Кабарду въ 1846-мъ году.

Съ нами Богъ—и Фрейтагъ съ нами,
Кто-жъ насъ можетъ устрашить?
Къ громкой славѣ путь штыками
Мы съумѣемъ проложить.
Наша грудь всегда готова
Встрѣтить вражескую рать:
Полкъ отважный Воронцова
Не учился отступать!
Лишь увидимъ супостата—
Кровь взыграется волной,
И мы вслѣдъ штыка-булата
Полетимъ въ кровавый бой.
Сколько разъ Шамиль пытался
Къ намъ ворваться, но вездѣ
Съ длиннымъ носомъ оставался,
Какъ остался въ Кабардѣ!

Въ Кабарду онъ шелъ открыто.
Тамъ онъ Фрейтага не ждалъ;
Безъ него-жъ—плоха защита,
Возмутитель разсуждалъ.
Направляясь въ центръ Кавказа,
Такъ Шамиль воображалъ;
Но нашъ Фрейтагъ въ оба глаза
За врагами наблюдалъ.
Вмигъ одинъ войска собрались,
Фрейтагъ двинулъ насъ впередъ,
Въ цѣлой Грозной лишь остались
Слабый, да хромой народъ.
Безъ вожатыхъ, безъ дороги,
Фрейтагъ велъ насъ въ Кабарду:
Путь намъ указали боги,
Кабардинцамъ на бѣду.
Намъ трофеями достался
Кабардинцевъ весь обозъ,
А Шамиль домой убрался,
Въ дуракахъ, повѣся носъ.
Нѣтъ, голубчикъ! ты напрасно
Затѣваешь всякій вздоръ!
Съ нами вѣдаться опасно,
Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и горъ!
Выводи на чисто поле
Всю Чечню и всѣхъ лезгинъ:
Нашъ солдатъ, по доброй волѣ,
Противъ трехъ пойдетъ одинъ;
Гдѣ-же Фрейтагъ будетъ съ нами—
Мы готовы съ нимъ идти,
Безъ патроновъ, со штыками,
Каждый противъ десяти.

О походѣ за Аргунъ.

Братцы куринцы, намъ не трудно
Про Аргунъ пѣсню сложить,
Можно скоро и не худо
Намъ побѣду подтвердить.
Славно, ребята!
Славно, куринцы!
Браво! браво! молодцы!

Тамъ Шамиль, не успѣвая
Въ своихъ дѣйствіяхъ у насъ,
Устрашалъ, намъ угрожая
Непредвидимо напасть.
Славно...

Посылалъ изъ толпы горцевъ
Онъ во Тавлію пословъ,
Чтобъ спѣшили всѣ сбираться,
Начать съ русскими бой вновь.
Славно...

Какъ услышали тавлинцы,
Съ горъ они всѣ поднялись;
Чтобы помощь дать чеченцамъ,
Въ Герменчукъ всѣ собрались.
Славно...

Застоналъ лѣсъ ичкеринскій
И Аргуна берега;
Наша помощь—Царь небесный:
Не страшимся мы врага.
Славно...

Уздени межъ пней валялись,
Два наиба пали тамъ,
Съ горъ упорно всѣ старались
Не отдать поляну намъ.
Славно...

Ичкеринскій Муртузали
Былъ первѣйшій ихъ наибъ,
Палъ отъ русской артилеріи,
Въ пухъ разбитый!.. Онъ погибъ.
Славно...
И другой наибъ подобный,
Павши, закричалъ: „алла!"
Отдалъ въ жертву духъ свой злобный,
Не смотря, что былъ мулла!
Славно...
Предводитель былъ куринцевъ
Закомельскій, нашъ герой;
Онъ чеченцевъ, будто зайцевъ,
Устрашалъ вездѣ собой.
Славно...
На конѣ онъ льву подобенъ,
Быстро, храбро разъѣзжалъ,
Съ жаркимъ, мужественнымъ взоромъ,
Вкругъ колонны онъ леталъ.
Славно...
Какъ увидѣлъ, удивился
Князь удалый Воронцовъ,
Видѣлъ храбрость, веселился,
Прокричать „ура" готовъ.
Славно...
Самъ Монархъ благодаренье
Шлетъ за дивныя дѣла!
Остается намъ, куринцамъ,
Прокричать „ура!" „ура!" „ура"!

На взятіе въ 1852-мъ году ауловъ Автуры и Гельдыгена.

Эй, куринцы, молодцы,

Вспомнимъ, какъ недавно,
Разудалые бойцы,
Мы дралися славно.
За Аргуномъ, за рѣкой,
Въ сторонѣ чеченской,
Мирно двинулся нашъ строй
Въ свѣтлый день крещенскій.
То-то славный былъ денекъ!
А второй былъ краше:
Автуры и Гельдыгенъ
Взяты грудью нашей.
Бой былъ страшенъ, но для насъ
То была потѣха,
Мы дралися цѣлый часъ
Скоро и съ успѣхомъ.
Смотритъ князь нашъ Воронцовъ,
На конѣ, предъ строемъ,
Ободряетъ молодцовъ,
Дѣйствуетъ героемъ.
Князь Барятинскій насъ велъ,
Ляшенко былъ съ нами,
На чеченцевъ страхъ нашелъ:
Дрогнули сердцами.
Задрожалъ Шамиль, унылъ,
И рванулся къ бою;
Видитъ—плохо, но палилъ,
Съ буйной головою.
Всѣ бѣжатъ, Шамиль бѣжитъ,
Отъ большаго страху;
Говорятъ, имамъ Шамиль
Рвалъ свою папаху.
Вмигъ винтовку онъ схватилъ,
Князю въ грудь направилъ,
Пуль четыре отпустилъ—
Не попалъ—отставилъ.

На раззореніе джалкинскаго аула.

Мы Шамиля обмотали,
Слово молвить, хоть куда,
И ауловъ много взяли,
А ужъ сакель—бездна, тьма.
Сперва Богу помолились;
Черезъ Сунжу перейдя,
На полянѣ очутились,
Мы чуть свѣтъ и чуть заря.
Вотъ, намъ Фрейтагъ генералъ
Приказалъ картечь пустить.
„Съ Богомъ, братцы“! намъ сказалъ—
И велѣлъ въ аулъ идтить.
Вмигъ опушку мы прошли,
На полянѣ очутились,
Тьму ауловъ ихъ нашли,
И на нихъ мы устремились.
Вѣдь, онъ ждалъ насъ на Мартанку,
Думалъ, лѣсъ будемъ рубить,
Мы-жъ явилися на Джалку,
Начали аулъ громить.
Поджидай насъ на Мартанкѣ,
Мы успѣемъ погостить,
Да и также, какъ на Джалкѣ,
Мы съумѣемъ разгромить.
Вотъ-те, братецъ нашъ Шамиль,
Фрейтагъ любитъ воевать:
Тьму ауловъ разгромилъ,
А убитыхъ нѣту пять.
Ты же не взялъ Истису—
И отправился назадъ,
Потерявъ народу тьму.
Ты, братъ, пляшешь невпопадъ!

Наши русскіе вѣдь брали
Города, всегда шутя,
Но ужъ взять твои завалы—
Для насъ, словомъ, трынъ-трава.

На взятіе аула Алханъ-юрта.

Въ пятьдесять первомъ году
Набиралъ Шамиль орду,
Набиралъ, набралъ милицу,
Указалъ внезапный путь.
Братцы, лѣто настаетъ,
Будто новая луна;
Шамиль чеченцевъ собираетъ,
Хочетъ двинуться на насъ;
И мы, русскимъ своимъ сердцемъ,
Не уважимъ подлецамъ;
Споемъ пѣсню про чеченцевъ,
Въ честь и славу молодцамъ.
Мы тамъ лагеремъ стояли,
Гдѣ чеченскій былъ пріютъ,
Тамъ мы крѣпость утверждали
И назвали ,,Алханъ-юртъ''.
А чеченцы собирались,
Думу думали, какъ быть,
Всѣми силами старались,
Какъ-бы съ лагерей насъ сбить.
Три дня сряду въ насъ палили,
Пули сыпались, какъ градъ,
И на Тройцу выходили,—
Съ ними общій былъ парадъ.
Изъ станицы выступали—
Уже стало примеркать,

Тутъ одинъ въ гору поднялся,
И вступилъ онъ съ нами въ бой,
Весь отрядъ перемѣшался,
Мы не знали—кто такой,
Мы штыками доказали,
Что мы тѣже куринцы.
Генералъ Слѣпцовъ былъ съ нами,
Храбрый воинъ, впереди:
Онъ украшенъ орденами,
Знакъ съ короной на груди.

На блокаду Зыряны въ 1843-мъ году.

Ну-ка, вспомните, ребята,
Какъ стояли въ Зыряняхъ,
Какъ не разъ Хаджи-Мурата
Мы пугали на горахъ!
Вотъ, тогда случилось дѣло—
И куда нехорошо,
Какъ татарское все племя
Возмутилось заодно.
Дружно, дружно налегали
На аварскій нашъ отрядъ,
Пули, ядра посылали,
И картечи, словно градъ.
Но намъ пули всѣ знакомы,
Намъ и ядра нипочемъ:
Мы всегда были готовы
Встрѣтить нехриста штыкомъ.
Вотъ, проклятый басурманинъ
Вздумалъ штуку отмочить:

Онъ посты держать заставилъ
И хотѣлъ насъ поморить *).
Мы рогатую скотину
Всю дочиста перевели,
Стали ѣсть мы лошадину,
И варили, и пекли.
Вмѣсто соли—мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ,
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростились съ табачкомъ.
Мы рогожи надѣвали,
Вмѣсто бурокъ и плащей,
Ноги въ кожи зашивали
Послѣ съѣденныхъ коней **).

Куринскій маршъ.

Ура! графъ Воронцовъ!
Ура! ура! ура!

Мы шагнули молодцами
Чрезъ андійскія врата—
Царскія знамена съ нами,
Возлѣ снѣжнаго хребта.
Противъ шашекъ, пуль, штыками
Дружно грянемъ мы ура!
Отъ маршей мы отдохнули:

*) Другой варіантъ: „продержалъ насъ на заставѣ, хотѣлъ голодомъ сморить".

**) Окончанія этой пѣсни авторомъ не приведено. *Ред.*

Братцы, намъ въ Дарго пора!
Горцы и Шамиль трухнули...
Русскій Богъ великъ, ура!
Ура! графъ Воронцовъ!
Ура! ура! ура!

Указалъ Царь православный
Цѣль похода намъ въ Дарго;
Тамъ пріютъ Шамиля славный,
Логовище тамъ его.
Предстоитъ еще бой главный,
Но, кавказцамъ—ничего.
Вотъ, пришли, теперь, штыкъ славный,
Встрепенись, тебѣ пора!
Онъ бѣжитъ; на всѣхъ страхъ равный
Ты нагналъ, нашъ графъ, ура!
Ура! графъ Воронцовъ!
Ура! ура! ура!

На аварскій походъ 1837-го года.

Некрасивъ куринецъ съ виду,
Но зато, орломъ глядитъ;
И сказать вамъ не въ обиду:
Хоть кого онъ побѣдитъ.
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
Егерь малъ—не великъ:
Малъ, да дорогъ золотникъ.
Егерь малъ—да удалъ,
Что завидѣлъ, то и взялъ.
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!

Онъ въ нагольномъ полушубкѣ,
Перетянутый ремнемъ,
Хоть въ какой угодно рубкѣ
Не разстанется съ ружьемъ.
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
На немъ нѣтъ сумы тяжелой,
Зато, легкій патронташъ;
Всегда бравый и веселый—
То солдатъ куринскій нашъ.
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
Кто не видѣлъ въ жизни страха—
На него взгляни теперь,
И чеченская папаха
На главѣ его—какъ звѣрь.
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!
То-ли дѣло егеря, егеря, егеря!

Воспоминаніе о взятіи Ведено въ 1859-мъ году.

(По случаю празднованія двадцати-пятилѣтія покоренія Ведено, 1884-го года, 1-го апрѣля).

Что, ребята, пріуныли!
Али спѣть вамъ нѣтъ чего?
Иль забыли, какъ куринцы
Штурмовали Ведено?
Припѣвъ. Ура! тебѣ, любимецъ славы,
Начальникъ доблестныхъ орловъ!
Мы всѣ куринцы шлемъ заздравный
Привѣтъ тебѣ, герой Чертковъ!
Эхъ, забыть мы не забыли,
Да вѣдь было-жъ то давно:

Тѣ куринцы посѣдѣли,
Что разрушили его.
Хоть покрыты сѣдинами,
А все помнимъ мы тѣ дни,
За которые крестами
Были мы награждены.
Да, было лихое время,
Время полное тревогъ;
Но легко несли мы бремя:
За насъ былъ всесильный Богъ.
Между горъ крутыхъ, высокихъ,
Пріютилось Ведено;
Но для насъ, курпнцевъ—горы,
Все равно, что ничего!
Командиръ Чертковъ нашъ бравый
Смѣло полкъ свой велъ впередъ,
И зато, покрыто славой,
Его имя не умретъ.
Гамердукскіе завалы
Не ушли отъ нашихъ рукъ,—
Подвигъ тоже вѣдь не малый:
Много пало царскихъ слугъ.
Ведено еще стояло,
Грозный, тамъ Шамиль засѣлъ,
И своимъ, что силы стало,
Защищаться онъ велѣлъ.
Поклялся онъ не сдаваться
Магомета бородой,
Передъ русскимъ не склоняться—
Бородой своей сѣдой.
Но мы клятву ту сломили,
И чеченскаго вождя,
Со всей знатью, низложили
Къ ногамъ русскаго Царя!

ПРИБАВЛЕНІЯ *).

I.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Куринскому пѣхотному Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полку.

По случаю совершенія нынѣ ста лѣтъ со времени учрежденія Императрицею Екатериною II, въ 1763-мъ году, состоявшаго въ украинскомъ корпусѣ старооскольскаго полка, послужившаго основаніемъ въ 1805-мъ году одесскому мушкетерскому полку, 1-й и 2-й баталіоны коего поступили впослѣдствіи въ составъ 3-го и 4-го баталіоновъ Куринскаго пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полка, Всемилостивѣйше жалуемъ баталіонамъ симъ препровождаемыя при семъ знамена, съ надписью подъ орломъ: ,,1763—1863", съ сохраненіемъ и прежнихъ на георгіевскихъ знаменахъ надписей: 3-му ба-

*) Прилагаемые три документа хотя и не относятся къ описываемымъ авторомъ настоящаго „Очерка" годамъ, и въ этомъ „Очеркѣ" даже о нихъ не упоминается, но печатаются здѣсь, какъ матеріалъ для исторіи полка послѣдующихъ съ 1861-го годовъ.

Ред.

таліону—,,за взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года, за походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6-го іюля 1845-го года и за отличіе противу турокъ въ сраженіи за рѣкою Чолокомъ 4-го іюня 1854-го года''; 4-му баталіону—,,за отличіе при взятіи штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839-го года и за отличіе въ 1858-мъ и 1859-мъ годахъ въ большой Чечнѣ''. Повелѣваемъ: освятивъ оныя по установленію, употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

АЛЕКСАНДРЪ.

С. Петербургъ. 15-го декабря 1863-го года.

II.

Телеграмма изъ Ливадіи 10-го ноября 1875-го года № 816.

,,Командиру Куринскаго Великаго Князя Павла Александровича полка, чрезъ Грозную въ Ведено.

,,Сегодня надѣлъ въ первый разъ вашъ мундиръ и пилъ за здоровье молодцовъ куринцевъ съ бывшимъ командиромъ полка княземъ Воронцовымъ''.

АЛЕКСАНДРЪ.

III.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему 79-му пѣхотному Куринскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полку.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія нашего, за отличіе, оказанное 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ баталіонами 79-го пѣхотнаго Куринскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича полка при умиротвореніи горскихъ племенъ въ терской области и Дагестанѣ въ 1877-мъ году, Всемилостивѣйше жалуемъ баталіонамъ симъ георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: „за умиротвореніе горскихъ племенъ въ терской области и Дагестанѣ въ 1877-мъ году", съ сохраненіемъ 1-му и 3-му баталіонамъ и прежней надписи: „за отличіе при покореніи восточнаго Кавказа въ 1859-мъ году", и повелѣваемъ: трубы сіи употреблять на службу Намъ и отечеству съ вѣрностію и усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Царскомъ Селѣ. 16-го августа 1880-го года.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху.	Строка снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
2	13		въ зимѣ	къ зимѣ
60	6—7		подпоручика	подпоручикъ
—	7		конуже-	контуже-
186		3	6-го iюня	5-го iюня
—		12	6-го iюня	5-го iюня
313	15		затруднямое	затрудняемое
319		5	вѣстрѣла!	выстрѣла!
418	7		полено".	полѣно".
443		5	куринцевъ,	куринцевъ.
Въ приложенiяхъ:				
13	3		1844-мъ	1846-мъ
14	5		1844-го	1846-го
39		2	взатiе	взятiе